

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Экономическое развитие
стран Северо-Восточной Азии
в условиях глобальных вызовов**

Хабаровск
ИЭИ ДВО РАН
2024

УДК 339+338

ББК 65.5

Экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии в условиях глобальных вызовов / отв. ред. Д.А. Изотов; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2024. – 390 с.

ISBN 978-5-906118-79-0

Монография посвящена исследованию проблем и перспектив экономического развития стран Северо-Восточной Азии (СВА) в условиях глобальных вызовов в 2014–2023 гг. На основе широкого охвата эмпирических, фактологических и статистических источников информации проанализированы особенности функционирования, выявлены возможности и ограничения моделей экономического развития стран СВА – КНР, Японии, Республики Корея, России, Монголии и КНДР. Проанализирована реализация мер государственной поддержки экономики стран СВА в период пандемии COVID-19. Показаны тенденции и трансформации политических и экономических взаимоотношений стран СВА в период нестабильного развития мировой экономики. Определены текущие и перспективные ключевые транспортные и энергетические проекты в СВА, формирующие инфраструктурную основу экономических взаимоотношений в субглобальном регионе. Выявлены направления экономического развития стран СВА в среднесрочной перспективе. Оценен потенциал торгово-экономической интеграции в СВА с точки зрения торговых эффектов и возможных конкурентных стратегий каждой страны субглобального региона.

Книга предназначена для специалистов в области международной экономики, а также широкого круга читателей, интересующихся экономическим развитием и взаимоотношениями стран СВА.

Ключевые слова: внешняя политика, торговля, инвестиции, экономический рост, восточноазиатская модель развития, сырьевая экономика, кооперация, интеграция, инфраструктурные проекты, глобальные и национальные риски, пандемия, санкции, Северо-Восточная Азия.

Ответственный редактор:

доктор экономических наук *Д.А. Изотов*

Рецензенты:

доктор экономических наук *А.С. Булатов*

доктор экономических наук *В.С. Осипов*

Рекомендовано к изданию Ученым советом ИЭИ ДВО РАН

ISBN 978-5-906118-79-0

© Институт экономических исследований ДВО РАН, 2024

© Авторы, 2024

Economic Development of North-East Asian Countries in the Context of Global Challenges / Edited by D.A. Izotov; Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk : ECRIN FEB RAS, 2024. – 390 p.

This monograph is devoted to the study of problems and prospects of economic development of the countries of Northeast Asia in the context of global challenges in 2014-2023. Based on a wide coverage of empirical, factual and statistical sources, this work analyzes the peculiarities of functioning, opportunities and limitations of economic development models of Northeast Asian countries – PRC, Japan, Republic of Korea, Russia, Mongolia and DPRK. The implementation of state support measures for the economy of the Northeast Asian countries during the COVID-19 pandemic is analyzed. Trends and transformations of political and economic relations of the Northeast Asian countries in the period of unstable development of the world economy are shown. Current and prospective key transportation and energy projects in Northeast Asia, which form the infrastructural basis of economic relations in the sub-global region, are outlined. The directions of economic development of the Northeast Asian countries in the medium term are identified. The potential of trade and economic integration in Northeast Asia is assessed in terms of trade effects and possible competitive strategies of each country in the sub-global region.

This book is intended for specialists in the field of international economics, as well as a wide range of readers interested in economic development and relations of the Northeast Asian countries.

Keywords: foreign policy, trade, investment, economic growth, East Asian model of development, resource-based economy, cooperation, integration, infrastructure projects, global and national risks, pandemic, sanctions, Northeast Asia.

Editor-in-Chief: Doctor of Economics *D.A. Izotov*

Reviewers: Doctor of Economics *A.S. Bulatov*

Doctor of Economics *V.S. Osipov*

Recommended for publication by the Academic Council of ECRIN FEB RAS

Содержание

Перечень используемых в тексте сокращений	8
Предисловие	10
 Глава 1. Экономическое развитие стран СВА:	
тенденции и закономерности	16
1.1. Динамические и структурные характеристики китайской экономики	16
1.2. Рынок недвижимости как источник роста и риска экономики КНР	35
1.3. Динамика экономического развития Японии	45
1.4. Тенденции развития экономики Республики Корея	60
1.5. Развитие экономики России в условиях экзогенных и эндогенных рисков	72
1.6. Проблемы и тенденции экономического развития Монголии	86
1.7. Экономика КНДР в условиях ужесточения санкций	99
 Глава 2. Экономики СВА в период пандемии COVID-19:	
меры государственной поддержки	111
2.1. Экономики стран СВА в условиях COVID-19	111
2.2. Меры государственной поддержки экономики КНР во время пандемии	113
2.3. Стимулирование экономики Японии в условиях COVID-19	118
2.4. Смягчение последствий распространения коронавируса для экономики Республики Корея	122
2.5. Меры поддержки российской экономики в условиях COVID-19	126
2.6. Направления и способы поддержки экономики Монголии во время пандемии	130
2.7. Государственная политика КНДР в борьбе с COVID-19	133
 Глава 3. Взаимодействия стран СВА: политические аспекты	138
3.1. Политические взаимоотношения между странами Большой тройки СВА	138
3.2. Внешнеполитические аспекты взаимодействия России со странами Большой тройки СВА	147
3.3. Внешняя политика периферийных стран СВА	159

Глава 4. Экономические взаимодействия стран СВА: структурные трансформации	172
4.1. Особенности экономической интеграции и кооперации стран СВА	172
4.2. Динамика и структура торговых взаимосвязей между странами СВА	188
4.3. Инвестиционные взаимодействия в СВА	202
Глава 5. Инфраструктурный аспект сотрудничества в СВА: транспортные коридоры и энергетические проекты	214
5.1. Сухопутные транспортные коридоры	214
5.2. Конфигурация сети морских транспортных коридоров	229
5.3. Энергетическое сотрудничество	243
Глава 6. Перспективы экономического развития стран СВА: возможности и ограничения	258
6.1. Перспективы развития экономики КНР	258
6.2. Развитие экономики и международного сотрудничества Японии	270
6.3. Экономические перспективы Республики Корея	275
6.4. Направления развития экономики России в условиях ограничений	282
6.5. Перспективы экономического развития Монголии	294
6.6. «Узкий» коридор возможностей развития экономики КНДР	303
6.7. Оценка стратегий торгово-экономической интеграции в странах СВА	307
Заключение	320
Список литературы	331

Contents

List of Abbreviations	8
Preface	10
 Chapter 1. Economic Development in Northeast Asia: Trends and Patterns	 16
1.1. Dynamic and Structural Characteristics of the Chinese Economy	16
1.2. Real Estate Market as a Source of Growth and Risk for the Chinese Economy	35
1.3. Dynamics of Economic Development in Japan	45
1.4. Trends in the Development of the Economy of the Republic of Korea	60
1.5. Economic Development of Russia in the Conditions of Exogenous and Endogenous Risks	72
1.6. Problems and Tendencies of Economic Development of Mongolia	86
1.7. Economy of the DPRK under Tightening Sanctions	99
 Chapter 2. Northeast Asian Economies During the COVID-19 Pandemic:	
Government Support Measures	111
2.1. Northeast Asian Economies under the Conditions of the COVID-19 Pandemic	111
2.2. Government Support Measures for the PRC Economy During the Pandemic	113
2.3. Stimulating Japan's Economy under COVID-19 Conditions	118
2.4. Mitigating the Impact of the Coronavirus on the Economy of the Republic of Korea	122
2.5. Measures to Support the Russian Economy under COVID-19 Conditions	126
2.6. Directions and Ways to Support Mongolia's Economy During the Pandemic	130
2.7. State Policy of the DPRK to Counter COVID-19	133
 Chapter 3. Northeast Asia Countries Interactions: Political Aspects	 138
3.1. Political Relations between the Big Three Northeast Asian Countries	138
3.2. Foreign Policy Aspects of Russia's Interaction with the Big Three Northeast Asian Countries	147
3.3. Foreign Policy of the Peripheral Northeast Asian Countries	159

Chapter 4. Economic Interactions between the Northeast Asia Countries:	
Structural Transformations	172
4.1. Peculiarities of Economic Integration and Cooperation of the Northeast Asia Countries	172
4.2. Dynamics and Structure of Trade Interactions Among the Northeast Asian Countries	188
4.3. Investment Interactions in Northeast Asia	202
 Chapter 5. The Infrastructure Aspect of Cooperation in Northeast Asia:	
Transportation Corridors and Energy Projects	214
5.1. Land Transport Corridors	214
5.2. Maritime Transport Corridor Network Configuration	229
5.3. Energy Cooperation	243
 Chapter 6. Prospects for Economic Development in Northeast Asia:	
Opportunities and Constraints	258
6.1. China's Economic Development Prospects	258
6.2. Japan's Economic Development and International Cooperation	270
6.3. Economic Prospects of the Republic of Korea	275
6.4. Directions for Russia's Economic Development in the Context of Constraints	282
6.5. Prospects of Mongolia's Economic Development	294
6.6. Narrow Corridor of Opportunities for Economic Development in the DPRK	303
6.7. Assessment of Trade and Economic Integration Strategies in the Northeast Asian Countries	307
 Conclusion	320
References	331

ПЕРЕЧЕНЬ

используемых в тексте сокращений

АБР	– Азиатский банк развития
АР	– автономный район
АСЕАН	– Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС	– Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
АЭС	– атомная электростанция
БРИКС	– группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР
ВВП	– валовой внутренний продукт
ВОЗ	– Всемирная организация здравоохранения
ВПТТП	– Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве
ВРЭП	– Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство
ВТО	– Всемирная торговая организация
ВЭФ	– Восточный экономический форум
ГОК	– горно-обогатительный комбинат
ГЦП	– город центрального подчинения
ДФЭ	– двадцатифутовый эквивалент, условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств
ЕАЭС	– Евразийский экономический союз
ЕС	– Европейский союз
ЗВР	– золотовалютные резервы
ЗСТ	– зона свободной торговли
ЗСТ+	– зона свободной торговли в расширенном формате
ИТЭС	– Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение
ИЭИ ДВО РАН	– Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук
КНДР	– Коре́йская Народно-Демократи́ческая Респу́блика
КНР	– Кита́йская Наро́дная Респу́блика
ЛЭП	– линия электропередач
МВФ	– Международный валютный фонд
МТК	– международный транспортный коридор
НАТО	– Организация Североатлантического договора
НДС	– налог на добавленную стоимость
НИОКР	– научно-исследовательские и опытные конструкторские работы
НПЗ	– нефтеперерабатывающий завод
ООН	– Организация объединенных наций
ОСЖД	– Организация сотрудничества железных дорог
ОЭС	– объединенная энергетическая система

ОЭСР	– Организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ	– прямые иностранные инвестиции
РЖД	– Российские железные дороги
РЗЭ	– редкие и редкоземельные элементы
РНБ	– режим наибольшего благоприятствования
СВА	– Северо-Восточная Азия
СМП	– Северный морской путь
СНГ	– Содружество независимых государств
СПГ	– сжиженный природный газ
СФП	– совокупная факторная производительность
ТНК	– транснациональная корпорация
ТС	– таможенный союз
ТТП	– Транс-Тихоокеанское партнерство
ТЭК	– топливно-энергетический комплекс
ТЭС	– тепловая электростанция
ТЭЦ	– теплоэлектроцентраль
ЧТС	– частичное по охвату торговое соглашение
ШОС	– Шанхайская организация сотрудничества
ЮНИСЕФ	– UNICEF, United Nations International Children’s Emergency Fund, действующая под эгидой ООН международная организация, являющаяся преемником Международного фонда помощи детям
COVID-19	– тяжелая острая респираторная инфекция, вызываемая коронавирусом SARS-CoV-2
ICOR	– предельный коэффициент капиталоотдачи

Предисловие

Северо-Восточная Азия (СВА), к которой относятся территории шести государств¹ – один из важнейших субглобальных регионов в мировой экономике, с точки зрения размера рынка². В состав СВА входят Китай³ и Япония, являющиеся, соответственно, второй и четвертой экономиками мира. Как субглобальная экономическая система, СВА в целом тесно связана с мировой экономикой, используя механизмы международного сотрудничества в рамках торговли и инвестиций, балансируя свое конечное и промежуточное потребление, в том числе за счет внутрирегиональной торговли. Некоторые страны СВА в разное время являлись примерами беспрецедентно высокого экономического роста, преимущественно в рамках «восточноазиатской» модели развития⁴.

Следует заметить, что территориально близкие страны СВА имеют объективную предрасположенность к развитию торгово-экономического сотрудничества. На основе наличия взаимодополняющих факторов производства и природных

¹ К странам СВА относятся: КНР, Япония, Республика Корея, Россия, Монголия и КНДР. При этом значительная часть территорий России и КНР географически выходит за пределы рассматриваемого субглобального региона, т. е. в «узком» смысле указанные страны лишь отчасти относятся к СВА. Поскольку в рамках данной монографии не ставилось задачи по разграничению экономических пространств данных стран с точки зрения определения географической принадлежности их частей исключительно к СВА, то указанный субглобальный регион рассматривается в «широком» понимании, предполагая, что с экономической и внешнеполитической точек зрения указанные две страны могут рассматриваться как неотъемлемая часть СВА, полностью в рамках своих границ.

² По итогам 2023 г. совокупный размер ВВП стран, входящих в СВА, составил около 26 трлн долл., что было сопоставимо с экономикой США (27 трлн) и превосходило экономику ЕС в составе 28 стран (22 трлн долл.). Рассчитано по: World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

³ Примечание: в монографии Китай рассматривается в рамках материковой части, не включая Гонконг, Макао и Тайвань.

⁴ «Восточноазиатская» модель экономического развития базируется на экспортной ориентации за счет доступа трудоемкой продукции к зарубежным рынкам на основе привлечения ПИИ, а также на высокой норме накопления, стимулирующей инвестирование.

ресурсов, в конце 1980-х гг. была выдвинута концепция «естественной экономической территории»¹ в рамках СВА, обосновав необходимость интеграции и кооперации стран субглобального региона для получения совокупных положительных экономических эффектов². Действительно, при прочих равных условиях, проявляющееся «гравитационное» притяжение между экономиками СВА может заметно усилиться в случае реализации совместных кооперационных проектов, а также создания общих условий для расширения торгового и инвестиционного сотрудничества, при снижении различного рода барьеров как на глобальном, так и субглобальном уровне.

С точки зрения масштаба торгово-экономических взаимодействий, а также структуры экономики, в СВА выделяются две группы стран: Большая тройка (Китай, Япония и Республика Корея), развивающаяся в рамках «восточноазиатской» модели; остальные страны, которые являются главным образом поставщиками на внешний рынок сырьевых товаров (Россия и Монголия), а также рабочей силы (КНДР). В целом, общие положительные торгово-экономические эффекты связываются, прежде всего, со снижением барьеров, сдерживающих взаимодействия в рамках Большой тройки³, которая, в свою очередь, может стать интеграционной «осью» субглобального региона⁴, распространив положительное влияние на остальные страны СВА.

Однако в субглобальном регионе долгое время сохраняется наличие внешнеполитической конфронтации между рядом стран, берущей свое начало от неурегулированных ранее проблем колониального прошлого и военнополитического противостояния в годы «холодной войны»⁵. Данные обстоятельства отражаются в укоренившемся недоверии друг к другу руководства ряда стран СВА. Поэтому, несмотря на возникший в начале 1990-х гг. большой интерес к расширению экономического и политического сотрудничества в рамках данного субглобального региона, в последующие годы страны СВА не смогли создать общий институциональный и инфраструктурный «каркас» для интенсификации внутрирегиональных многосторонних экономических взаимодействий. Помимо этого, страны СВА иногда сами являлись источниками различного рода кризисных явлений, оказавших негативное влияние на экономические взаимосвязи как

¹ *Scalapino R.A.* The Politics of Development: Perspectives on Twentieth Century Asia. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1989. 137 p.

² Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. С. 12.

³ *Jackson K., Shepotylo O.* Transforming East Asia: Regional Integration in a Trade War Era // *Open Economies Review*. 2023. Vol. 34. Pp. 657–672.

⁴ *Choi Y.* Political Economy of Free Trade Agreements in China, Japan, and South Korea: Sectoral Politics of the FTA Wave, 1998–2016 // *Japanese Journal of Political Science*. 2020. Vol. 21. Pp. 145–157; *Choi Y.* The Optimal Path of a China-Japan-Korea FTA: Multilateral Path or Sequential Path? // *Pacific Focus*. 2013. Vol. 28. Issue 3. Pp. 435–458.

⁵ Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии (институциональные аспекты) / отв. ред. П.А. Минакир. Владивосток: ДВО РАН, 2005. 256 с.

на субглобальном, так и на глобальном уровне. В результате, СВА в какой-то мере можно охарактеризовать как наглядный пример нивелирования положительных перспективных экономических эффектов внутрирегионального сотрудничества особенностями внешней политики и функционирования внутристрановых политических рынков стран данного субглобального региона.

Тем не менее, территориальная близость и масштаб экономик, преимущественно стран Большой тройки СВА, в целом способствовали поддержанию торгово-экономических взаимосвязей в субглобальном регионе, что является особенно важным в условиях проявляющихся кризисов в глобальной экономике, которые увеличивают риски ее нестабильности, особенно в рамках последнего десятилетия (2014–2023 гг.). Среди них необходимо отметить: финансовый кризис конца 2014 г., вызвавший негативные тенденции в мировой экономике в условиях значительной коррекции цен на сырьевые товары; жесткие торговые ограничения в 2020–2022 гг. в рамках пандемии, связанной с распространением COVID-19; значительное повышение цен на сырьевую продукцию в 2022 г. и трансформацию мировых рынков топливно-энергетических товаров на фоне заметного увеличения глобальной геополитической напряженности. Следует заметить, что в глобальной экономике в рамках указанного периода также существенно обострились протекционистские тенденции, создающие барьеры для свободной торговли, а также в явном виде проявился процесс «фрагментации» с точки зрения создания крупных торгово-экономических и политических блоков стран, с высокими барьерами для вступления новых членов, непосредственно затрагивая ведущие экономики СВА.

Помимо этого, особое значение в рамках рассматриваемого десятилетия приобрел институт международных экономических санкций, распространивший свое влияние на некоторые страны СВА, к которым стала относиться Россия. После введения против российской экономики некоторых ограничений в 2014 г., а затем и широкомасштабных санкций в 2022 г. со стороны западных стран, Россия стала смещать свою торговлю вначале поэтапно, а далее более акцентированно в пользу других экономик, к которым относился ряд стран СВА. Поэтому, анализ изменяющейся ситуации в СВА, являющейся одновременно и сложным субглобальным регионом в политическом и геополитическом плане, и одним из наиболее перспективных – в торгово-экономическом измерении, приобретает особое значение для России с точки зрения определения перспектив и ограничений ее экономического сотрудничества, что является особенно важным в условиях широкомасштабного санкционного давления на российскую экономику.

Поскольку в СВА входят различающиеся по структуре, размеру и по включению в мировые производственные и торговые связи национальные экономики, анализ особенностей реализации имеющихся механизмов экономического сотрудничества на уровне стран субглобального региона представляется важным для определения возможностей сближения данных экономик и процессов, его сдерживающих. Экономики СВА различаются с точки зрения взаимных ограничений, нивелирование которых способно увеличить экономические взаимодействия.

вия между ними. Также важным аспектом является определение изменений в конфигурации торгово-экономических взаимодействий в СВА в 2014–2023 гг., которые могут отражаться либо в «фрагментации», либо в сближении стран субглобального региона, задавая или значимо влияя на направления их внешнеэкономического развития в перспективе. С этой точки зрения, при прочих равных условиях, имеется проблема реализации торгово-экономического потенциала для стран СВА, в зависимости от их сближения с той или иной экономикой субглобального региона.

В представленной монографии акцент сознательно был сделан на анализе как внешних, так и внутренних условий, способствующих и препятствующих расширению экономических взаимодействий в СВА в условиях глобальных вызовов (2014–2023 гг.).

В первой главе отражены ключевые механизмы функционирования и имеющиеся ограничения моделей экономического развития стран СВА: КНР, Япония и Республика Корея – в рамках «восточноазиатской» модели; Россия и Монголия – ресурсной модели; КНДР – санкционной модели (в условиях экспорта рабочей силы).

Во второй главе представлены особенности реализации мер государственной социально-экономической поддержки стран СВА в условиях пандемии COVID-19, которые отражают специфику функционирования соответствующих моделей экономик, оказывая непосредственное влияние на их развитие в перспективе.

В третьей и в четвертой главах показаны, соответственно, особенности и тенденции политических и экономических взаимоотношений стран СВА в период нестабильного развития мировой экономики.

В пятой главе представлены функционирующие и перспективные кооперационные проекты в СВА в рамках транспорта и энергетики, которые, при прочих равных условиях, способны создать основу инфраструктурного «каркаса» экономических взаимоотношений в субглобальном регионе.

И, наконец, в шестой главе отражены направления экономического развития и соразвития стран СВА в среднесрочной перспективе, а также оценен потенциал торгово-экономической интеграции с точки зрения возможных конкурентных стратегий каждой страны субглобального региона.

Авторы полагают, что проведенное ими исследование вызовет интерес не только для специалистов, изучающих экономические и политические аспекты развития зарубежных стран СВА, России, но и у широкого круга читателей. Безусловно, авторы будут признательны за любые конструктивные замечания и предложения, направленные на конкретизацию функционирования механизмов экономического сближения в субглобальном регионе.

Авторский коллектив монографии:

Бардаль Анна Борисовна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (5.1);

Дёмина Ольга Валерьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (5.3);

Дёмина Яна Валерьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (1.3, 1.7, 6.2, 6.6);

Заостровских Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (5.2);

Изотов Дмитрий Александрович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (Предисловие, 1.1, 1.5, 2.1, 2.2, 2.3, 2.4, 2.5, 2.6, 2.7, 4.1, 4.2, 6.1, 6.3, 6.4, 6.7, Заключение);

Криводубова Юлия Валерьевна, младший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (3.1, 3.3);

Кукла Марина Петровна, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры корееведения Восточного института Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток (1.4, 3.2, 6.3);

Мазитова Марина Гамиловна, научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (1.3, 1.7, 6.2, 6.6);

Погорлецкий Александр Игоревич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, главный научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва (1.2);

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и международных отношений Школы социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург; ведущий научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (3.2);

Суслов Денис Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (1.6, 4.3, 6.5);

Томилов Михаил Владимирович, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск (4.1).

Подготовка и обработка материалов, техническое содействие:
Изотов Д.А., Самохина Л.А., Червонцева В.В.

Подготовка картографических материалов: *Хижняк В.Д.*

Редакция и макетирование рукописи: *Изотов Д.А., Самохина Л.А.,
Червонцева В.В.*

По инициативе ответственного редактора, при поддержке и согласии
авторского коллектива монография посвящается светлой памяти
Людмилы Григорьевны Изотовой

ГЛАВА 1

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН СВА: ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

1.1. Динамические и структурные характеристики китайской экономики

В рамках политики открытости внешнему миру руководство КНР осуществило значительные по масштабам и последствиям экономические преобразования. Быстрый рост китайской экономики связывается с реализацией механизмов так называемой «восточноазиатской» модели¹. Помимо этого, в Китае, долгое время являвшимся крупнейшей по численности населения стране мира, реализация рыночных реформ и расширение внешнеторговой открытости накладывались на процесс урбанизации, который также выступал важным источником роста экономики КНР².

В результате, за последние четыре с половиной десятилетия Китай добился значительных успехов, являясь одной из наиболее динамично развивающихся экономик не только в Восточной Азии, но и во всем мире. К 2023 г. Китай стал мировым лидером в экспорте товаров³ и крупнейшим держателем золотовалютных резервов⁴, а также вошел в группу стран с высоким средним доходом на душу населения⁵ и занял второе место в мире по размеру экономики⁶, уступая по данному показателю только США. Соответственно, интерес к Китаю со стороны исследовательского сообщества связан, с одной стороны, с изучением механизмов

¹ Baek S.W. Does China Follow 'The East Asian Development Model'? // Journal of Contemporary Asia. 2005. Vol. 35. Issue 4. Pp. 485–498; Изотов Д.А. Экономика КНР в 2014–2023 гг.: механизмы функционирования и ограничения развития // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 21–40.

² Liu T.-Y., Su C. W., Jiang X.-Z. Is Economic Growth Improving Urbanisation? A Cross-Regional Study of China // Urban Studies. 2015. Vol. 52. Issue 10. Pp. 1883–1898.

³ Доля КНР в глобальном экспорте в 2023 г. составила 14,2%. Рассчитано по: Merchandise Trade Matrix, Annual / UNCTAD. 2024.

⁴ К 2023 г. Китаем было накоплено 3,24 трлн долл. золотовалютных резервов (China Foreign Exchange Reserves / CEIC. 2024).

⁵ The World Bank in Middle Income Countries / World Bank Group. 2024.

⁶ Доля Китая в глобальном ВВП составила 17% в 2023 г. Рассчитано по: World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

функционирования его экономики¹, с другой – с его увеличивающимся воздействием на глобальную экономику², которое растет по многим направлениям, втягивая в орбиту его интересов многие страны и регионы мира.

Несмотря на явные достижения, экономика Китая по мере увеличения своего масштаба столкнулась с рядом серьезных проблем, препятствующих ее поступательному развитию³. В явном виде данные проблемы стали проявляться в последнее десятилетие (2014–2023 гг.) – в период политической и экономической нестабильности, который характеризовался рецессией мировой экономики в первые годы после кризиса 2014 г., а также пандемией, вызванной COVID-19 в 2020–2021 гг.⁴ и обострением геополитических противоречий в мире с 2022 г.

Китай в рамках рассматриваемого периода вошел в число стран с высоким средним доходом и, с учетом ограничений, связанных с пандемией COVID-19, в целом характеризовался «затухающей» тенденцией прироста ВВП – с 7,4% в 2014 г. до 5,2% в 2023 г. (рис. 1.1).

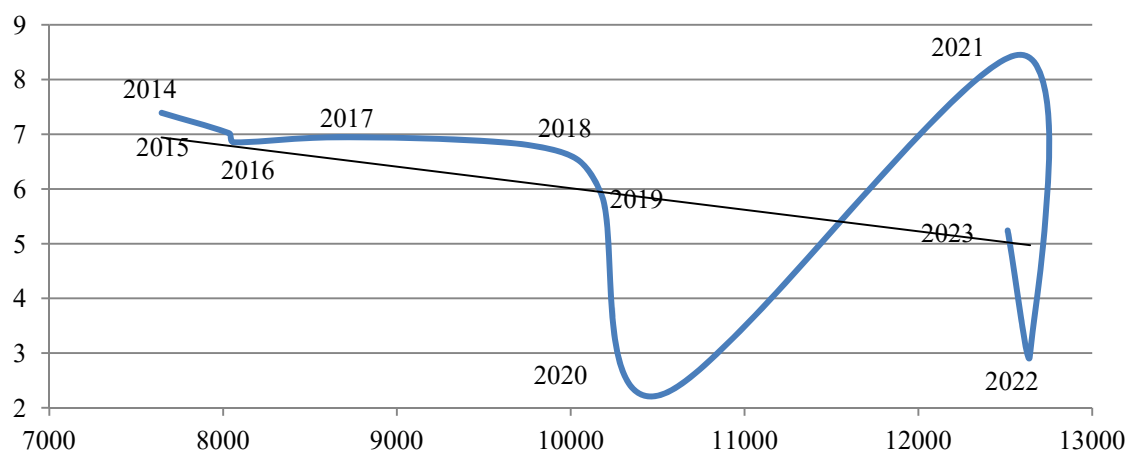

Рис. 1.1. Соотношение темпов прироста ВВП (%) и среднедушевого ВВП (долл.) Китая

Источник: World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

По мере увеличения среднедушевого ВВП Китая темпы прироста данного показателя сокращались, что указывает на возможность попадания китайской

¹ Al-Haschimi A., Spital T. The Evolution of China's Growth Model: Challenges and Long-Term Growth Prospects // Economic Bulletin Articles of European Central Bank. 2024. Issue 5.

² Портяков В.Я. Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 44–68.

³ Al-Haschimi A., Spital T. The Evolution of China's Growth Model: Challenges and Long-Term Growth Prospects // Economic Bulletin Articles of European Central Bank. 2024. Issue 5.

⁴ Ограничения, связанные с пандемией COVID-19, в Китае продлились до 2022 г. включительно.

экономики в «ловушку среднего дохода»¹. Основной механизм «ловушки среднего дохода» заключается в том, что экономика достигает стадии, на которой издержки производства значительно превышают издержки сопоставимых экономик, в то время как их навыки и инновационный потенциал остаются ниже, чем у стран с высоким уровнем дохода². В результате, темпы экономического роста страны, попавшей в указанную «ловушку» начинают затухать, поскольку данная страна становится не в состоянии конкурировать как с развитыми экономиками с высоким уровнем квалификации рабочих и инноваций, производящими продукцию с высокой добавленной стоимостью, так и с экономиками с низкой оплатой труда и с более низкими издержками выпуска товаров для зарубежного рынка, что является довольно чувствительным для Китая, поскольку экспорт выступает в качестве важного источника роста его экономики³.

Следует заметить, что по сравнению со второй половиной 2010-х гг., в начале 2020-х гг. ежегодные стоимостные объемы товарооборота товарами и услугами Китая с зарубежными странами заметно увеличились, что было вызвано восстановлением отложенного спроса в мире на китайскую продукцию после пандемии, а также увеличением цен на импорт, в том числе на сырьевые товары в условиях глобальной неопределенности (рис. 1.2).

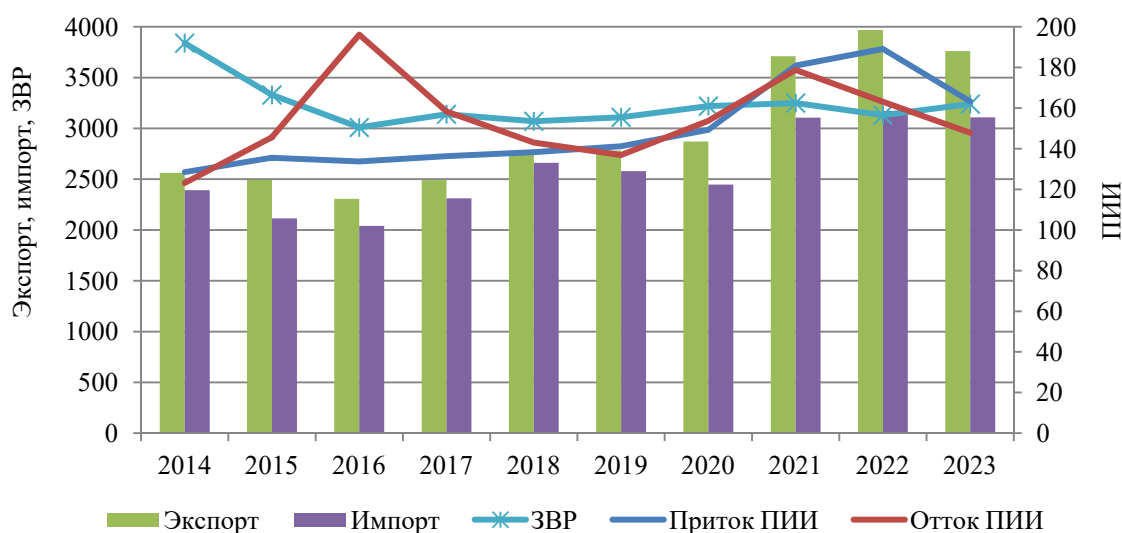

Рис. 1.2. Экспорт и импорт товаров и услуг, приток и отток прямых инвестиций, накопленные значения ЗВР КНР, млрд долл.

Примечание: показаны потоковые значения ПИИ.

Источник: рассчитано по: Data Centre / UNCTADstat. 2024; CEIC Database / CEIC. 2024.

¹ Souza de L.V. Caught in the Middle? China and the 'Middle Income Trap' / LUISS Institute for European Analysis and Policy. Working Paper 9/2024. 2024.

² Gill I.S., Kharas H. The Middle-Income Trap Turns Ten / Policy Research Working Paper No. 7403. 2015.

³ Liu M.-H., Margaritis D., Zhang Y. The Global Financial Crisis and the Export-Led Economic Growth in China // The Chinese Economy. 2019. Vol. 52. Issue 3. Pp. 232–248.

Другим важным параметром экономических взаимодействий КНР с зарубежными странами был обмен прямыми инвестициями. Приток ПИИ в Китай преимущественно направлялся для поддержания и расширения возможностей экспорта товаров в рамках производственного процесса ТНК¹. При этом в 2015–2018 гг. наблюдался заметный отток данных инвестиций, а также расширение вывоза прямого капитала китайскими компаниями за рубеж. При снижении чистого экспорта товаров и услуг, а также превышении оттока над притоком прямых инвестиций, накопленные ЗВР Китая сокращались².

Однако, к 2023 г. при увеличении чистого экспорта и положительного сальдо по прямым инвестициям, ЗВР Китая немного увеличились, по сравнению с 2016–2020 гг., указывая на то, что китайское руководство вместо расширения импорта следовало стратегии «стерилизации» избыточных для национальной экономики средств на основе механизма ограничения капитального счета платежного баланса. Это сдерживало спрос на иностранную валюту со стороны экономических агентов и, соответственно, занижало курс китайской национальной валюты (юаня)³, создавая барьеры для оттока капитала и контролируя сбережения за рубежом⁴.

Следует отметить, что курс юаня жестко контролируется китайским руководством механизмом раздельного обращения национальной валюты для внутреннего рынка (оншорный или материковый юань – CNY) и внешнего рынка (оффшорный юань – CNH)⁵. CNH свободно используется для платежей и инвестиций любым лицом за рубежом⁶, без ограничений на его конвертацию в иностранную валюту, при этом ограничивая свою конвертацию в CNY только по торговым счетам. Оборот CNH используется за пределами материкового Китая, характеризуясь плавающим курсом по отношению к иностранным валютам. В свою очередь, CNY используется для всех внутренних транзакций и для прямых инвестиций в КНР, но имеет ограничения при обмене на иностранную валюту. В таких условиях корпоративный сектор и население КНР сталкиваются с практически непреодолимым барьером при конвертации CNY в CNH, поскольку китайские власти ограничивают внешние финансовые потоки страны, что сохранялось и в 2014–2023 гг.⁷

¹ Li Y., Yang M., Zhu L. FDI, Export Sophistication, and Quality Upgrading: Evidence from China's WTO Accession // Japan and the World Economy. 2021. Vol. 59. 101086.

² Изотов Д.А. Экономика КНР в 2014–2023 гг.: механизмы функционирования и ограничения развития // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 21–40.

³ Popov V., Jomo K.S. Exchange Rate Undervaluation and Growth in China // Development. 2020. Vol. 63. Pp. 120–125.

⁴ Bahaj S., Reis R. The Anatomy of a Peg: Lessons from China's Parallel Currencies / CEPR. Discussion Paper No. 18749. 2024.

⁵ Funke M., Shu C., Cheng X., Eraslan S. Assessing the CNH-CNY Pricing Differential: Role of Fundamentals, Contagion and Policy / BIS. Working Papers No. 492. 2015.

⁶ К концу 2023 г. объем транзакций в CNH по всему миру составлял 2 трлн юаней в день, что обеспечивало более 14% мировой торговли. Подробно: Bahaj S., Reis R. The Anatomy of a Peg: Lessons from China's Parallel Currencies / CEPR. Discussion Paper No. 18749. 2024.

⁷ Bahaj S., Reis R. The Anatomy of a Peg: Lessons from China's Parallel Currencies / CEPR. Discussion Paper No. 18749. 2024.

Из этого следует, что Китай стремился сохранить экспорт в качестве важного источника роста национальной экономики. Однако, в 2014–2023 гг. прирост китайского экспорта в реальных ценах был довольно волатильным, что отразилось на динамике прироста ВВП КНР (рис.1.3).

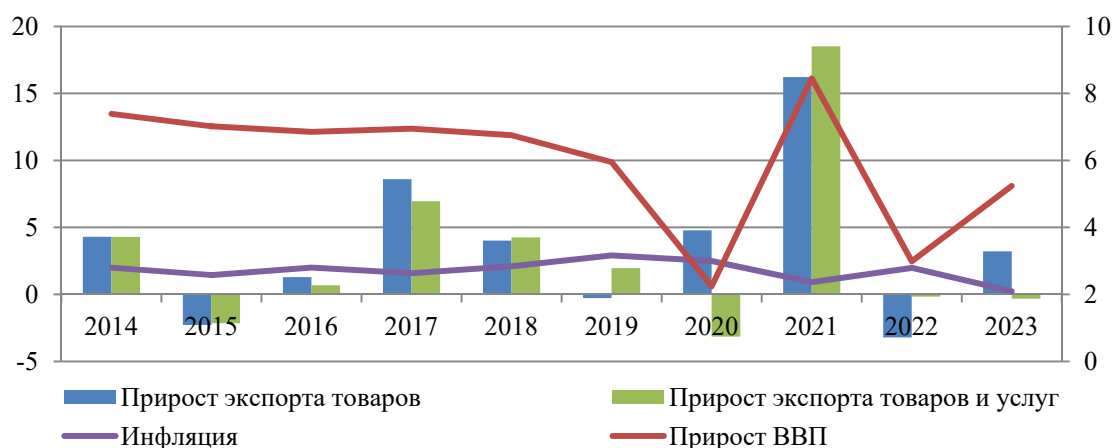

Рис. 1.3. Прирост ВВП, инфляции и экспорта КНР, %

Примечания. Значения прироста ВВП отражены по правой оси, экспорта и инфляции – по левой оси. Приросты ВВП и экспорта приведены в реальных ценах. Приросты инфляции отражены для среднегодовых потребительских цен. На рисунке отражены приросты экспорта товаров и экспорта товаров и услуг КНР для более полного отражения взаимосвязи приростов экспорта и ВВП

Источник: World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

Также для экономики КНР наблюдалась сравнительно низкая инфляция, которая в рамках рассматриваемого периода характеризовалась обратной корреляцией с темпами прироста ВВП и экспорта. Это указывает на сдерживание потребления товаров и услуг на основе механизмов ограничения импорта, что позволило китайской экономике поддерживать положительное сальдо платежного и торгового баланса, которое сохранялось в 2014–2023 гг.

Важным аспектом в понимании механизма взаимодействия КНР с зарубежным рынком товаров является то обстоятельство, что китайская экономика состоит из двух секторов¹ – зарубежного и отечественного². Китай является одной из крупнейших экономик мира, долгое время вовлеченных в процесс внутриотраслевого товарообмена, связанного со значительным увеличением масштабов торговли ТНК³. Данный процесс функционирует в условиях отмены импортных пошлин для ввоза промежуточных товаров. Основу зарубежного сектора Китая формировали предприятия с ПИИ, являющиеся, как правило, структурами ТНК, продукция которых преимущественно направлена на удовлетворение внешнего спроса.

¹ Kim B. What has China Learned from Processing Trade? // Economic Structures. 2017. Vol. 6. Issue 32. Pp. 1–14.

² По причине отсутствия в свободном доступе данных по экспорту указанных секторов КНР для всего рассматриваемого периода, анализ осуществлялся для 2018–2023 гг.

³ Hummels D., Ishii J., Yi K.M. The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade // Journal of International Economics. 2001. Vol. 54. Issue 1. Pp. 75–96.

В свою очередь, отечественный сектор китайской экономики представлен частными, государственными и прочими предприятиями, продукция которых ориентирована на удовлетворение внутреннего спроса, а зарубежный рынок является одним из важных направлений сбыта их товаров.

При этом экспортируемые из Китая товары часто не являются полностью китайскими, поскольку состоят из компонентов, которые производятся в других странах¹. Производимая продукция в рамках переработки и сборки на основе импортных материалов и осуществляемая предприятиями с ПИИ в тесной производственно-технологической кооперации с корпоративным сектором ведущих экономик мира имеет гарантированный рынок сбыта, на основе распределения таких товаров через глобальные сети, являясь слабосвязанной с отечественным сектором китайской экономики.

Для разграничения указанных секторов экономики в экспорте КНР используется два способа. Во-первых, декомпозиция торговли по формам собственности: зарубежный сектор – предприятия с ПИИ²; отечественный сектор – государственные, частные и прочие предприятия. Во-вторых – по таможенному режиму: зарубежные компоненты преобладают в давальческой торговле³; отечественные – в обычной⁴ и прочей⁵ торговле.

Анализ показал, что за шесть лет (2018–2023 гг.) наблюдалось нарастающее доминирование отечественного сектора в экспорте Китая, при снижении доли зарубежного сектора. В экспорте КНР доля предприятий с ПИИ сократилась – с 42% в 2018 г. до 29% в 2023 г., при этом доля частных предприятий, являющихся основой отечественного сектора Китая, выросла с 46% до 62% соответственно. Данное обстоятельство привело к тому, что профицит торгового баланса Китая в рамках указанного периода стал преимущественно формироваться предприятиями отечественного сектора КНР, а не зарубежного, как это было вначале 2010-х гг. Профицит торгового баланса отечественного сектора Китая достигался исключительно за счет частных предприятий, компенсировавших отрицательное сальдо торговли государственных предприятий (*рис. 1.4*).

¹ Dai M., Maitra M., Yu M. Unexceptional Exporter Performance in China? The Role of Processing Trade // Journal of Development Economics. 2016. Vol. 121. Pp. 177–189.

² Статистика по внешнеторговым операциям предприятий с зарубежным капиталом долгое время включала в себя две позиции: совместные с иностранными инвесторами предприятия; предприятия, полностью принадлежащие иностранным инвесторам, т. е. со 100% зарубежным капиталом. Однако, с 2021 г. китайские таможенные органы перестали вести учет внешней торговли предприятий с зарубежным капиталом по указанным двум позициям, объединив их. Поэтому, в рамках данного исследования анализ динамики внешней торговли предприятий с зарубежным капиталом будет строиться на основе агрегированного учета.

³ К давальческой торговле относят импорт промежуточных товаров, которые подвергаются обработке или сборке с целью дальнейшего экспорта (реэкспорта).

⁴ Обычная торговля представлена товарами, произведенными на основе местных (китайских) сырьевых товаров, материалов, деталей и компонентов.

⁵ К прочей торговле относятся: экспортная торговля в бондовых зонах; складская торговля; приграничная торговля; компенсационная торговля; бартерная торговля; ввоз и вывоз товаров с территории КНР в рамках механизмов поддержки с правительствами и международными организациями; другие торговые операции.

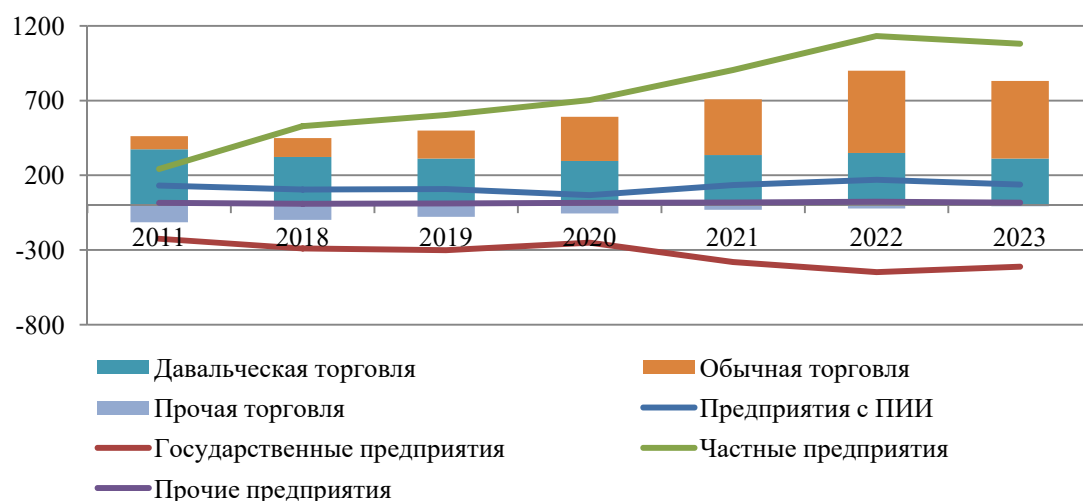

Рис. 1.4. Чистый экспорт КНР по формам собственности и таможенному режиму, млрд долл.

Примечание: данные по 2011 г. приведены для справки.

Источник: рассчитано по: Customs Statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. 2024; CEIC Database / CEIC. 2024.

Положительные эффекты для экономики Китая от экспорта частных предприятий были выше, по сравнению с эффектами от экспорта предприятий с ПИИ¹. Если в начале 2010-х гг. продукция частных предприятий КНР в целом не являлась прямым конкурентом для товаров, произведенных в Китае предприятиями с зарубежным капиталом, то за последние годы наблюдалась все большая возможность для замещения между двумя группами данной продукции на глобальном рынке.

Соотношение классификаций торговли указало на то, что в среднем за 2018–2023 гг. в экспорте предприятий с ПИИ превалировала давальческая торговля, доля которой составляла 58%. Также, в рамках режима давальческой торговли в экспорте КНР доля предприятий с ПИИ была основной – 78% (табл. 1.1).

Более подробный анализ показал, что доля давальческой торговли в экспорте предприятий с ПИИ имела тенденцию к сокращению – с 63% в 2018 г. до 51% в 2023 г. Таким же образом, доля предприятий с ПИИ сокращалась в экспорте КНР в рамках режима давальческой торговли – с 82 до 71% соответственно. Это указывает на то, что давальческая торговля как долгосрочная форма взаимодействия глобального бизнеса с китайской экономикой постепенно уступала место другим способам поддержания экспорта с точки зрения наполнения «компонентами» выпускаемой продукции, преимущественно в рамках режима обычной торговли. По мере усложнения национальной экономики, развитие экспорта КНР стало все больше увязываться с появившимися возможностями для замещения ранее им-

¹ Hu C., Tan Y. Export Spillovers and Export Performance in China // China Economic Review. 2016. Vol. 41. Pp. 75–89; Manova K., Yu Z. How Firms Export: Processing Vs. Ordinary Trade with Financial Frictions // Journal of International Economics. 2016. Vol. 100. Pp. 120–137.

портируемых промежуточных товаров китайскими аналогами, соотносимыми по цене и качеству с зарубежной продукцией, чего ранее не наблюдалось¹.

Таблица 1.1

**Структура экспорта товаров КНР
по формам собственности и таможенному режиму, %**

По формам собственности	По таможенному режиму		
	давальческая торговля	обычная торговля	прочая торговля
Предприятия с ПИИ	78/58	20/35	19/7
Государственные предприятия	4/12	9/63	16/25
Частные предприятия	17/8	69/76	63/16
Прочие предприятия	/8	2/82	2/10

Примечания. Числитель – доля торговли по таможенному режиму в соответствующей форме собственности, знаменатель – доля формы собственности в торговле по таможенному режиму. Итого по числителю = 100%, итого по знаменателю = 100%. Отражены значения в среднем за 2018–2023 гг.

Источник: *рассчитано по:* Customs Statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. 2024.

Отечественные предприятия КНР расширяли экспорт преимущественно за счет обычной торговли. При этом экспорт в рамках режима давальческой торговли на 17% формировали частные предприятия, осваивая в целом несвойственные для них режимы торговли, конкурируя с предприятиями с ПИИ за контракты на производство той или иной продукции, предназначенной для экспорта, а также используя данные режимы для преодоления высоких барьеров доступа на емкие внешние рынки. Поэтому, с точки зрения использования китайских и импортных компонентов в выпуске товаров, ориентированных на экспорт, в рамках производственного процесса к 2023 г. наблюдалось некоторое сближение между отечественным и зарубежным секторами. С одной стороны, по размеру добавленной стоимости, остающейся в китайской экономике, обычная торговля являлась более выигрышной по сравнению с давальческой торговлей, с другой – запуск производства в рамках обычной торговли являлся более рискованным и затратным, и для частных предприятий данное обстоятельство требовало привлечения большого объема кредитных средств². То есть, частные предприятия КНР помимо обычной торговли стремились диверсифицировать свои взаимодействия с глобальной экономикой за счет развития других форм торговли.

В результате, в рассматриваемый период в китайской экономике наблюдался отход от традиционных операций по сборке товаров в рамках давальческой торговли, а производственный процесс ориентированных на экспорт предприятий постепенно обеспечивался преимущественно китайскими компонентами, произ-

¹ Изотов Д.А. Экономика КНР в 2014–2023 гг.: механизмы функционирования и ограничения развития // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 21–40.

² Manova K., Yu Z. How Firms Export: Processing Vs. Ordinary Trade with Financial Frictions // Journal of International Economics. 2016. Vol. 100. Pp. 120–137.

водимыми частными предприятиями Китая, что положительно влияло на экспорт в рамках обычной торговли. Данная тенденция, с одной стороны, способствует развитию экономики КНР, поскольку корпоративный сектор Китая сформировал за указанный период группу крупных компаний с китайским капиталом¹. С другой стороны, сокращение зарубежного сектора в экспорте Китая является вызовом для китайской экономики, поскольку отечественный сектор сталкивается со сложностью поставок товаров на рынки развитых стран², которые являются основными потребителями экспортной продукции предприятий с ПИИ, размещенных на китайской территории, а также данный сектор в целом был менее технологичен по сравнению с предприятиями, построенными ТНК на территории КНР³.

В таких условиях, для расширения экспорта отечественный сектор КНР вынужден значительно диверсифицировать географическую структуру экспорта, главным образом, за счет прочих стран, что требует определенных усилий в условиях прямой конкуренции с аналогами, производимыми в развитых экономика. Данное обстоятельство вынуждало китайский корпоративный сектор осуществлять значительные траты на разработку новых и адаптацию имеющихся технологий, а также продолжать снижать издержки трудоемкой продукции и барьеры для входа на те или иные рынки, в том числе путем создания ЗСТ⁴.

Следует заметить, что основным источником поддержания сравнительно низкой себестоимости экспорта как отечественного, так и зарубежного секторов китайской экономики являются низкие издержки выпуска товаров за счет привлечения массовой и дешевой рабочей силы⁵. Поэтому, для снижения себестоимости экспортных товаров и подавления инфляции в рамках функционирующей модели экономики важной задачей для китайского руководства является жесткое регулирование доходов населения⁶.

Спецификой функционирования китайской экономики является применение жесткого административного инструмента – института прописки⁷, препятствующего закреплению населения на постоянной основе в крупнейших городах развитых регионов. Применение такого инструмента по ограничению неконтролируе-

¹ *Портяков В.Я.* Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2019. Т. 12. № 1. С. 44–68.

² США, страны ЕС, Сингапур, Япония, Австралия, Канада, Республика Корея.

³ *Bai X., Hong S., Wang Y.* Learning from Processing Trade: Firm Evidence from China // *Journal of Comparative Economics.* 2021. Vol. 49. Pp. 579–602.

⁴ За рассматриваемый период вступили в силу восемь ЗСТ, заключенные Китаем со следующими странами (группами стран): Исландия (2014 г.); Швейцария (2014 г.); Республика Корея (2015 г.); Австралия (2015 г.); Грузия (2018 г.); Маврикий (2021 г.); Камбоджа (2022 г.); Всестороннее региональное экономическое партнерство в составе стран Юго-Восточной Азии, Японии, Республики Корея, Австралии и Новой Зеландии (2022 г.).

⁵ *Lemoine F., Unal D.* China's Foreign Trade: A 'New Normal' // *China & World Economy.* 2017. Vol. 25. Issue 2. Pp.1–21.

⁶ *Xing Y.* Rising Wages, Yuan's Appreciation and China's Processing Exports // *China Economic Review.* 2018. Vol. 48. Pp. 114–122.

⁷ *Vortherms S.A., Liu G.G.* Hukou as Benefits: Demand for Hukou and Wages in China // *Urban Studies.* 2022. Vol. 59. Issue 15. Pp. 3167–3183.

мого перемещения трудовых ресурсов в пространстве страны привело к тому, что в Китае сложился самый крупный в мире поток временных внутренних трудовых мигрантов (далее – трудовых мигрантов), суммарная численность которых составила более половины занятых в секторе промышленности и секторе услуг страны¹. Несмотря на снижение численности трудовых мигрантов в начале пандемии COVID-19, к 2023 г. их численность составила рекордные 298 млн чел., увеличившись по сравнению с 2014 г. на 24 млн чел.² (рис. 1.5).

Рис. 1.5. Численность трудовых мигрантов (млн чел.) и их доля в численности занятых КНР (%)

Примечание: показана доля трудовых мигрантов в занятом населении в промышленности и секторе услуг.

Источники: Number of Migrant Workers in China from 2013 to 2023 / Statista. 2024; National Data / National Bureau of Statistics of China. 2024.

Наличие прописки в крупнейших агломерациях гарантировало для ее обладателей доступ к социальной защите и к выбору свободных вакансий на рынке труда³. Соответственно, отсутствие прописки по фактическому месту работы

¹ Если принять во внимание, что мигранты включены сравнительно менее активно в сервисный сектор, то промышленность, особенно та ее часть, которая специализируется в выпуске экспортной продукции, функционирует на основе труда внутренних мигрантов. Подробно: Migrant Workers and Their Children // China Labour Bulletin. 2023. 6 September.

² При этом, согласно переписи населения Китая 2020 г., около 493 млн чел. проживало вне мест регистрации, а 376 млн чел. относилось к мигрирующему населению. Подробно: Wen F., Yu S., Liu H., Jiang Y. Changing Patterns and Determinants of China's Interprovincial Migration: Evidence from the 2020 census // Population, Space and Place. 2024. e2850.

³ Migrant Workers and Their Children // China Labour Bulletin. 2023. 6 September.

снижало оплату труда мигрантов, создавая дискриминацию на рынке труда КНР¹. Следует заметить, что трудовая миграция в КНР главным образом являлась внутрорегиональной и стимулировалась процессом урбанизации в рамках экспортно ориентированной стратегии развития и создания на базе городов промышленного производства². При этом интенсивность трудовой миграции различалась в зависимости от расположения китайского региона.

Следует заметить, что Китай является протяженной страной, при этом экспортные производства сосредоточены в пространстве крайне неравномерно, ограничиваясь несколькими регионами, расположенными в приморской части³. В приморских регионах КНР интенсивность трудовой миграции была выше, указывая на важность экспортных производств, расположенных в приморских агломерациях для «притяжения» трудовых мигрантов из периферийных районов данных регионов⁴. На межрегиональную миграцию приходилось чуть более четверти внутренней миграции КНР, тем не менее, она являлась наиболее активным элементом поддержки экспортного сектора Китая, расположенного главным образом в некоторых приморских регионах (рис. 1.6), за счет снижения издержек, связанных с оплатой труда⁵.

В целом, доход на душу населения по регионам КНР зависел от среднедушевого экспорта. По состоянию на 2023 г. экспортные производства в Китае концентрировались в нескольких приморских регионах – ГЦП Шанхай, ГЦП Пекин, Чжецзян, Цзянсу, ГЦП Тяньцзинь, Гуандун, Фуцзянь и Шаньдун. Данные регионы характеризовались большими значениями располагаемого среднедушевого дохода и экспорта, чем в среднем по стране (5565 долл. и 2396 долл. соответственно⁶), и на них, в свою очередь, приходилось около 80% стоимостного объема экспорта товаров Китая (рис. 1.7).

Фактически, указанные восемь приморских регионов КНР в рамках анализируемого периода оставались «ядрами» роста для всей национальной экономики, опираясь на мощный приток трудовых мигрантов. В результате, масштабная внутренняя трудовая миграция, стимулируемая институтом прописки, являлась

¹ В начале 2010-х гг. стоимость прописки на «черном рынке» доходила до 48 тыс. долл. в зависимости от города. В последующие годы данная стоимость, по всей видимости, только увеличивалась. Подробно: *Vortherms S.A., Liu G.G. Hukou as Benefits: Demand for Hukou and Wages in China // Urban Studies. 2022. Vol. 59. Issue 15. Pp. 3167–3183.*

² *Guan X., Wei H., Lu S., Dai Q., Su H. Assessment on the Urbanization Strategy in China: Achievements, Challenges and Reflections // Habitat International. 2018. Vol. 71. Pp. 97–109.*

³ *Wang L., Zhang B., Xie R., Su B. The Drivers of Export Value-Added in China's Provinces: a Multi-Regional Input–Output Model // Applied Economics. 2020. Vol. 52. Pp. 6199–6214.*

⁴ *Wang X., Shi R., Zhou Y. Dynamics of Urban Sprawl and Sustainable Development in China // Socio-Economic Planning Sciences. 2020. Vol. 70. 100736.*

⁵ *Zhao M. Moving to 'Bei-Shang-Guang'? Internal Migration, Local Hukou Barriers and Labour Market Outcomes among College Graduates in China // Population, Space and Place. 2023. Vol. 29. e2651; Migrant Workers and Their Children // China Labour Bulletin. 2023. 6 September.*

⁶ Рассчитано по: National Data / National Bureau of Statistics of China. 2024.

одним из главных источников высоких темпов роста китайской экономики. Как показывают оценки¹, в случае отмены института прописки в Китае увеличатся реальные среднедушевые доходы, при этом КНР потеряет возможность снижать себестоимость товаров, что положительно повлияет на импорт и негативно – на экспорт и экономический рост.

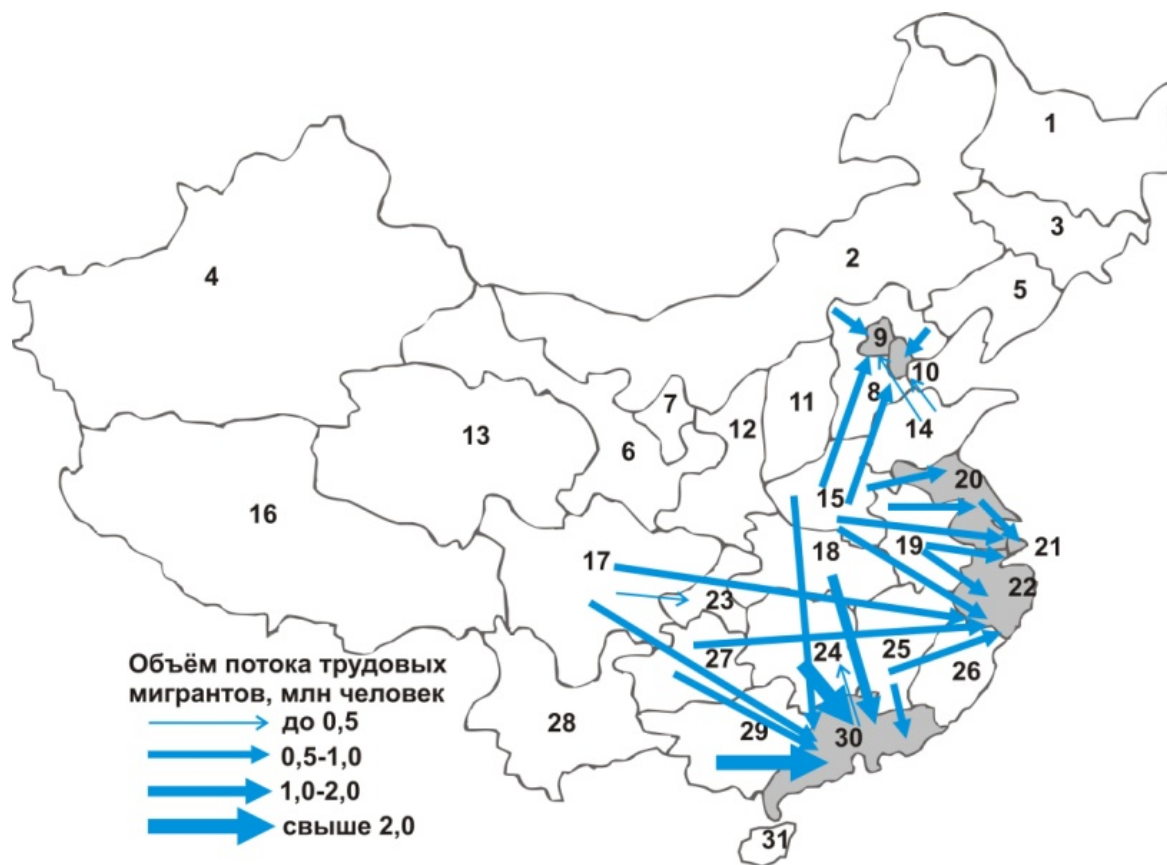

Рис. 1.6. Крупнейшие межрегиональные потоки населения КНР в среднем за 2010–2020 гг.

Примечания. Серым цветом выделены основные регионы для притока межрегиональных мигрантов. 1 – Хэйлунцзян; 2 – АР Внутренняя Монголия; 3 – Цилинь; 4 – Синьцзян-Уйгурский АР; 5 – Ляонин; 6 – Ганьсу; 7 – Нинся-Хуэйский АР; 8 – Хэбэй; 9 – ГЦП Пекин; 10 – ГЦП Тяньцзинь; 11 – Шаньси; 12 – Шэньси; 13 – Цинхай; 14 – Шаньдун; 15 – Хэнань; 16 – Тибетский АР; 17 – Сычуань; 18 – Хубэй; 19 – Аньхой; 20 – Цзянсу; 21 – ГЦП Шанхай; 22 – Чжецзян; 23 – ГЦП Чунцин; 24 – Хунань; 25 – Цзянси; 26 – Фуцзянь; 27 – Гуйчжоу; 28 – Юньнань; 29 – Гуанси-Чжуанский АР; 30 – Гуандун; 31 – Хайнань. Приморские регионы отражены на рисунке под следующими цифрами: 5, 8, 9, 10, 14, 20, 21, 22, 26, 30, 31.

Источник: составлено по: Chan K.W., Yang X. Internal Migration and Development: A Perspective from China // Routledge Handbook of Migration and Development / Edited by T. Bastia, R. Skeldon. Routledge, 2020. Pp. 567–584; Zhu Y., Lin L., Li T., Dong Y. The Validity and International Comparability of China's Floating Population Concepts and Data // Journal of Geographic Science. 2023. Vol. 33. Pp. 1815–1831.

¹ Jin Z., Zhang J. Access to Local Citizenship and Internal Migration in a Developing Country: Evidence from a Hukou Reform in China // Journal of Comparative Economics. 2023. Vol. 51. Pp. 181–215.

Однако, даже в условиях наличия ограничений, связанных с институтом прописки, в КНР в рамках рассматриваемого периода уже наблюдалось улучшение качественных характеристик трудовых мигрантов, что способствовало росту их дохода, увеличивая, таким образом, издержки в производстве товаров¹. Исходя из этого, поддержание низкой себестоимости производства товаров в КНР за счет института прописки в 2014–2023 гг. становилось все более затруднительным.

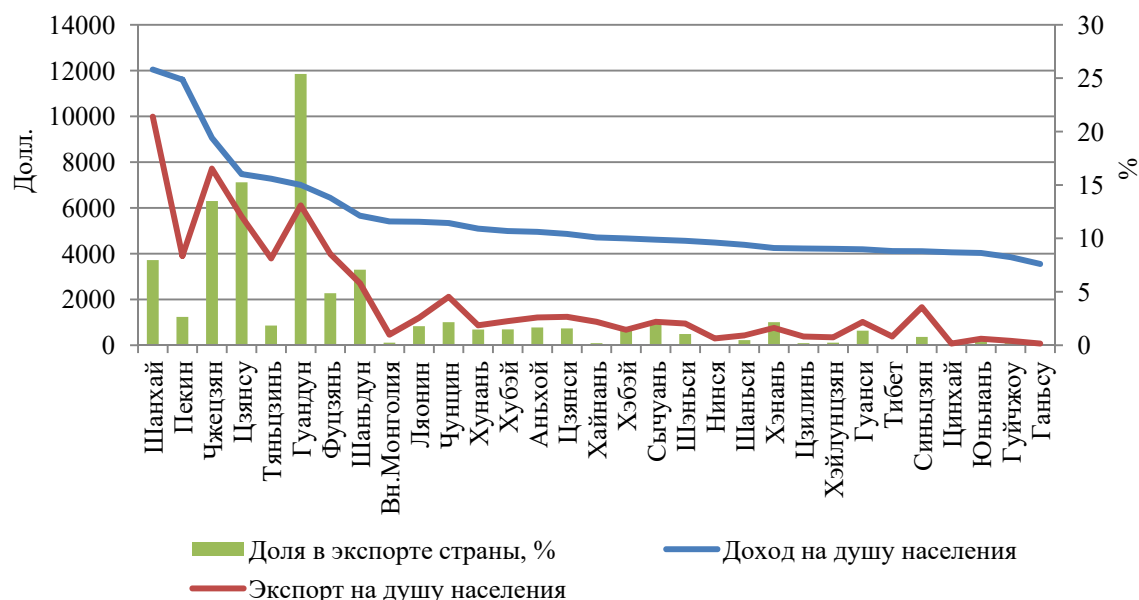

Рис. 1.7. Располагаемый доход, экспорт на душу населения (долл.) и доля в экспорте страны (%) по регионам КНР в 2023 г.

Источники: Customs Statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. 2024; National Data / National Bureau of Statistics of China. 2024.

В условиях большой зависимости экономики КНР от внешнего спроса, ввиду большой численности населения Китая и увеличения располагаемых среднедушевых доходов (с 3274 долл. в 2014 г. до 5565 долл. в 2023 г.²), важным источником экономического роста страны, при прочих равных условиях, может выступить потребление. Действительно, доли частного и государственного потребления в ВВП Китая увеличились к 2023 г. по сравнению с 2014 г. на 2,7 п. п. и на 0,7 п. п. соответственно (рис. 1.8).

Однако в Китае доли частного и государственного потребления в ВВП характеризовались очень скромными значениями по сравнению с другими зарубежными странами³, составив в среднем за рассматриваемый период только 38% и 16% соответственно. В условиях ограниченного уровня социальной защиты, не-

¹ Zhao L., Liu S., Zhang W. New Trends in Internal Migration in China: Profiles of the New-generation Migrants // China & World Economy. 2018. Vol. 26. Issue 1. Pp. 18–41.

² Рассчитано по: National Data / National Bureau of Statistics of China. 2024.

³ Например, в 2014–2023 гг. доля потребления частного сектора в ВВП в среднем по странам мира составила 63%. Рассчитано по: Households and NPISHs Final Consumption Expenditure (% of GDP) / World Bank. 2023.

высокая доля частного потребления в ВВП КНР объяснялась отложенными расходами на здравоохранение, образование и улучшение жилищных условий.

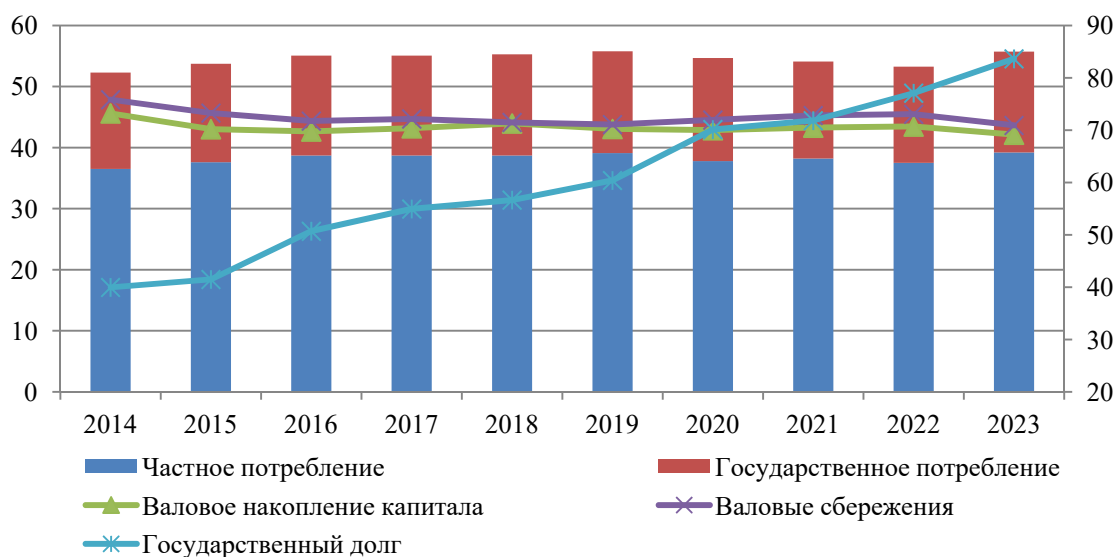

Рис. 1.8. Частное и государственное потребление, валовое накопление капитала и валовые сбережения, государственный долг КНР, % от ВВП

Примечание: относительные значения государственного долга отражены по правой оси.

Источник: National Data / National Bureau of Statistics of China. 2024; World Economic Outlook Database / IMF. 2024. April.

Важным механизмом «восточноазиатской» модели экономического развития является высокая доля валового накопления капитала в ВВП, которая в Китае в среднем за 2014–2023 гг. составила более 43%. Это является очень высоким показателем по сравнению с другими странами мира¹, несмотря на его сокращение на 3,4 п. п. за рассматриваемый период. Высокая доля валового накопления капитала в ВВП КНР поддерживалась большими валовыми сбережениями населения и корпоративного сектора, которые в условиях ограничений по оттоку капитала из страны поступали в банковский сектор, и который, в свою очередь, кредитовал широкомасштабное строительство инфраструктуры². В таких условиях в КНР наращивался совокупный внутренний государственный долг, относительные значения которого (в % к ВВП) за период увеличились более чем в два раза (с 40% в 2014 г. до 84% в 2023 г.), указывая на общее снижение эффективности капиталовложений в условиях инвестиционной «накачки» в жилищную, транспортную и производственную инфраструктуру. Совокупный внутренний долг Китая формировался преимущественно долгами регионов, бюджеты которых балансировались

¹ В 2014–2023 гг. доля валового накопления капитала в ВВП по странам мира составляла в среднем 21%. Рассчитано по: World Economic Outlook Database / IMF. 2024. April.

² Al-Haschimi A., Spital T. The Evolution of China's Growth Model: Challenges and Long-Term Growth Prospects // Economic Bulletin Articles of European Central Bank. 2024. Issue 5.

за счет продажи земельных участков девелоперам, а быстрорастущий рынок недвижимости являлся важным источником регионального экономического роста¹.

Справедливость указанных положений подтверждается оценкой общей эффективности капиталовложений КНР, которая определяется на основе расчета предельного коэффициента капиталоотдачи (ICOR)². В рамках рассматриваемого периода наблюдалась возрастающая тенденция ICOR: к 2023 г. его значение составило чуть более восьми, увеличившись по сравнению с 2014 г. на 30% (рис. 1.9).

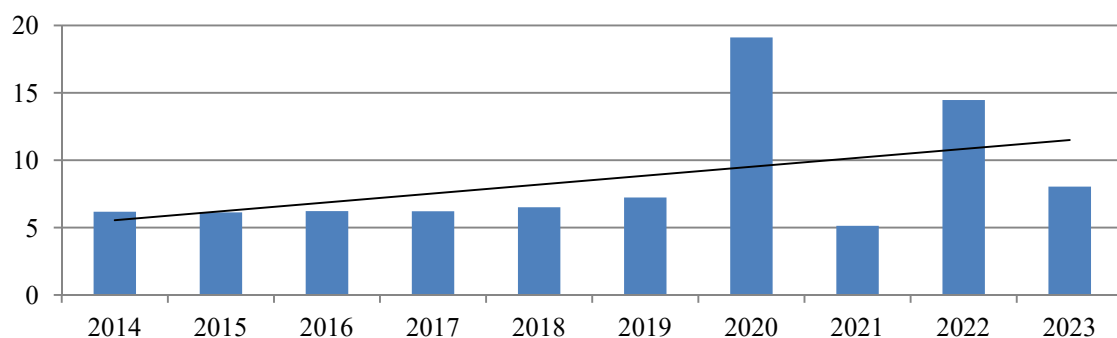

Рис. 1.9. Предельный коэффициент капиталоотдачи (ICOR) Китая

Примечания. $ICOR = I/\Delta Y$, где: I – доля в ВВП инвестиций в основной капитал; ΔY – темп прироста ВВП.

Источник: рассчитано по: World Economic Outlook Database / IMF. 2024. April.

Следует заметить, что в среднем по странам мира ICOR в 2023 г. был равен примерно четырем³. Исходя из этого, можно заключить, что общая эффективность капиталовложений в китайскую экономику являлась сравнительно низкой, а строительство инфраструктуры в рамках рассматриваемого периода не характеризовалась высоким мультиплицирующим эффектом для ВВП Китая, что подтверждается результатами более ранних исследований⁴.

¹ В КНР осуществлялась конкуренция между региональными властями за высокие темпы экономического роста в рамках управляемых ими территорий. Подробно: *Qu X., Xu Z., Yu J., Zhu J.* Understanding Local Government Debt in China: A Regional Competition Perspective // *Regional Science and Urban Economics*. 2023. Vol. 98. 103859.

² Чем выше значения данного коэффициента, тем ниже производительность капитала и, соответственно, тем больше его неэффективное использование, т. е. ICOR показывает, сколько единиц капитала необходимо для увеличения роста ВВП (*Sato K.* International Variations in the Incremental Capital-Output Ratio // *Economic Development and Cultural Change*. 1971. Vol. 19. Issue 4. Pp. 621–640).

³ Рассчитано по: World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

⁴ *Ansar A., Flyvbjerg B., Budzier A., Lunn D.* Does Infrastructure Investment Lead to Economic Growth or Economic Fragility? Evidence from China // *Oxford Review of Economic Policy*. 2016. Vol. 32. Issue 3. Pp. 360–390.

Выводы относительно снижения общей эффективности китайской экономики также подтверждаются динамикой СФП¹, которые указали на ее убывающую тенденцию². Если понимать данный показатель как уровень технического прогресса, то китайская экономика за рассматриваемый период в целом становилась все менее конкурентоспособной, характеризуясь экстенсивным ростом.

В дополнение к этому, в рамках рассматриваемого периода Китай столкнулся с проблемой кризиса в секторе недвижимости, что отразилось в банкротстве крупнейших девелоперских компаний КНР³. В условиях сокращения цен на недвижимость (в среднем на 10% в год в 2022–2023 гг.), руководство КНР старалось стимулировать спрос на нее⁴ при низкой склонности к потреблению китайского населения.

В результате, несмотря на то, что Китай вошел в число стран с высоким средним доходом, китайская экономика характеризовалась высоким риском, присутствующим менее развитым странам, исходя из динамики индекса экономической свободы⁵. Более того, китайская экономика значительно ухудшила свое положение по указанному показателю с начала 2020-х гг. (рис. 1.10).

В 2014–2021 гг. значения данного индекса составляли более 50, но менее 60 баллов, указывая на слабую поддержку экономических свобод в стране, что было близко к таким странам как Гайана, Лаос и Мавритания. В свою очередь, в 2022–2024 гг. значения совокупного индекса экономической свободы для Китая заметно ухудшились, составив менее 50 баллов, отражая сильное вмешательство государственных органов в экономическое развитие и подавление экономических свобод, что уже было сопоставимо со слаборазвитыми экономиками, такими как Гвинея, Мозамбик и Сьерра-Леоне.

Компонентный состав индекса экономической свободы указал на то, что источниками увеличения риска китайской экономики в 2014–2023 гг. являлись: увеличение «размера государства в экономике»⁶, ввиду быстрого наращивания совокупного долга регионов, бюджеты которых балансировались преимущественно за счет продажи земли для строительства жилой недвижимости, на рынке которой

¹ Совокупная факторная производительность отражает вклад в совокупный выпуск остальных факторов производственной функции, за исключением труда и капитала. Подробно: *Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function // The Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. Issue 3. Pp. 312–320.*

² Total Factor Productivity at Constant National Prices for China / FRED Economic Data. 2023; *Zhu X. China's Productivity Challenge / University of Toronto, Department of Economics. Working Paper No. 771. 2024. 24 p.*; *Zhai F., Lee J.Y. Prospects for China's Long-Term Growth amidst Population Aging / AMRO. 2023. 12 p.*

³ *Jim C., Yu X. China Evergrande Ordered to Liquidate in Landmark Moment for Crisis-Hit Sector // Reuters. 2024. 30 January.*

⁴ *Кулагин В. ЦБ Китая представил крупнейший пакет мер стимулирования экономики // Ведомости. 2024. 25 сентября.*

⁵ Экономический риск представляет собой риск инвестирования в национальную экономику, возникающий из-за структурных и динамических особенностей ее функционирования, изменений в экономической политике, колебаний рынка, ограничений экономических прав и свобод. Подробно: *Index of Economic Freedom / Heritage Foundation. 2024.*

⁶ Уровни налоговой нагрузки и государственных расходов.

в начале 2020-х гг. стали наблюдаться кризисные тенденции; недостаточная «открытость рынка»¹, по причине ограниченного капитального счета платежного баланса при взаимодействии с зарубежными странами, а также создания барьеров во внешнеэкономических взаимодействиях, исходя из собственных представлений об экономической безопасности. В начале 2020-х гг. также увеличились риски китайской экономики, связанные с соблюдением «верховенства закона»² за счет снизившейся эффективности работы китайской юридической системы в части борьбы с коррупцией. При этом по компоненту «эффективность регулирования»³ не наблюдалось увеличения риска, указывая на стабильность китайского руководства, которое в целом не затрудняет вход на рынок для нового бизнеса в стране, что отразилось, в частности, в постепенном наращивании компетенций для частных предприятий КНР, формирующих большую часть китайского экспорта товаров.

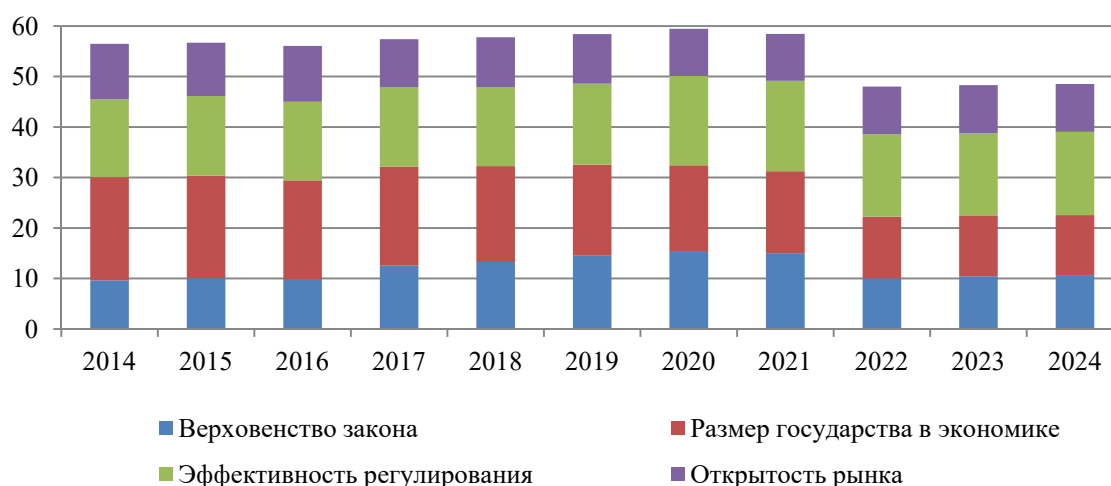

Рис. 1.10. Индекс экономической свободы Китая: динамика и компоненты, баллы

Примечания. Чем больше количество баллов по индексу экономической свободы (от 0 до 100 баллов), тем ниже экономический риск страны. Сводный индекс экономической свободы основывается на данных с годичным лагом, по этой причине значения индекса отражены до 2024 г. включительно. 12 имеющихся компонентов индекса экономической свободы были агрегированы в четыре крупные категории на основе методики фонда Heritage.

Источник: рассчитано по: Index of Economic Freedom / Heritage Foundation. 2024.

¹ Влияние различных барьеров на экспорт и импорт товаров и услуг, на приток и отток капитала, на эффективность работы финансового рынка и банковского сектора страны.

² Данный компонент оценивает, в какой степени правовая база страны позволяет экономическим агентам приобретать, использовать и защищать частную собственность, в том числе интеллектуальную, а также исполнять контракты.

³ Отражает простоту открытия, ведения и закрытия бизнеса в стране, а также влияние правительства на уровень инфляции за счет манипуляции уровнем цен посредством прямого контроля и субсидий.

Таким образом, в 2014–2023 гг. функционирование экономики КНР в целом соответствовало «восточноазиатской» модели развития. Анализ показал, что механизмы функционирования китайской экономики могут быть представлены следующими блоками¹.

Во-первых, экспортная ориентация экономики КНР за счет вывоза за рубеж товаров, выпускаемых в рамках производственного процесса с низкой себестоимостью. В 2014–2023 гг. темпы прироста ВВП Китая затухали, но продолжали сильно зависеть от динамики экспорта. В рамках рассматриваемого периода профицит торгового баланса Китая стал формироваться предприятиями не зарубежного, а отечественного сектора экономики, причем исключительно за счет частных предприятий. По мере усложнения национальной экономики, развитие экспорта КНР стало все больше увязываться с замещением ранее импортируемых промежуточных товаров китайскими аналогами, а также вынуждало китайский корпоративный сектор осуществлять издержки на разработку технологий и снижать себестоимость продукции, в том числе на основе интеграционных механизмов в АТР.

Во-вторых, диспропорциональное развитие регионов и аномально высокий уровень внутренней миграции, направленной в приморские агломерации, являющиеся основными продуцентами товаров, ориентированных на экспорт. В рамках рассматриваемого периода китайское руководство продолжало ограничивать закрепление населения на постоянной основе в крупнейших городах развитых приморских регионов за счет института прописки, что привело к рекордному росту трудовой миграции в рамках страны. Масштабная внутренняя трудовая миграция являлась одним из главных источников высоких темпов роста китайской экономики. Ряд приморских регионов КНР оставались «ядрами» роста для всей национальной экономики, опираясь на мощный приток трудовых мигрантов в сосредоточенные экспортные производства.

В-третьих, жесткий государственный контроль над вывозом капитала и себестоимостью производства, за счет ограничения внутреннего потребления и низкого курса юаня к иностранным валютам. В 2014–2023 гг. сохранялось ограничение внешних финансовых потоков страны, т. е. корпоративный сектор и население КНР сталкивались с жесткими ограничениями при конвертации он-шорного и офшорного юаня. Несмотря на некоторое увеличение потребления, тем не менее, в условиях ограниченного уровня социальной защиты в Китае доля потребления в ВВП характеризовалась низкими значениями по сравнению с другими зарубежными странами. Данные обстоятельства способствовали сохранению сравнительно низкой себестоимости производства, а также ограничению импорта.

В-четвертых, развитие инфраструктуры за счет массовых капиталовложений вследствие значительного уровня накоплений. В рамках рассматри-

¹ Изотов Д.А. Экономика КНР в 2014–2023 гг.: механизмы функционирования и ограничения развития // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 21–40.

ваемого периода, высокая доля валового накопления капитала в ВВП Китая поддерживалась большими валовыми сбережениями, несмотря на ее некоторое сокращение. В условиях наличия больших валовых сбережений и ограничений по оттоку капитала, кредитовалось широкомасштабное строительство инфраструктуры в стране. В результате в период 2014–2023 гг. китайская экономика, несмотря на имеющиеся успехи, столкнулась с рядом серьезных ограничений.

Во-первых, экономический рост Китая продолжал сильно зависеть от экспорта, а внутренний спрос играл второстепенное значение. Отечественный сектор Китая сталкивается со сложностью поставок товаров на рынки развитых стран, ввиду его меньшей технологичности по сравнению с предприятиями с ПИИ. В таких условиях сокращение зарубежного сектора в экспорте Китая является долгосрочным вызовом для китайской экономики.

Во-вторых, поддержание низкой себестоимости производства товаров в КНР за счет института прописки в 2014–2023 гг. становилось все более затруднительным, поскольку наблюдалось улучшение качественных характеристик трудовых мигрантов, что способствовало росту их дохода, увеличивая, таким образом, издержки в производстве товаров и негативно влияя на темпы прироста экономики. Данное обстоятельство указывает на возможность попадания китайской экономики в «ловушку среднего дохода», существенно ограничивая возможность перехода Китая в число развитых стран.

В-третьих, за рассматриваемый период общая эффективность капиталовложений в китайскую экономику снижалась, а строительство инфраструктуры не характеризовалась высоким мультиплицирующим эффектом. Китайская экономика в целом становилась все менее конкурентоспособной, характеризуясь экстенсивным ростом. Также, в начале 2020-х гг. Китай столкнулся с проблемой кризиса в секторе недвижимости, а руководство КНР старалось стимулировать спрос при низкой склонности к потреблению китайского населения, что при прочих равных условиях ведет к неминуемому застою экономики КНР. Ситуация стала схожей с кризисом Японии начала 1990-х гг., за тем исключением, что китайские власти жестко контролировали приток и отток капитала в страну.

Несмотря на то, что Китай вошел в число стран с высоким средним доходом, китайская экономика характеризовалась высоким риском, имеющим тенденцию к ухудшению к 2023 г., за счет увеличения размера государства в экономике, недостаточной открытости рынка и снизившейся эффективности работы китайской юридической системы. Фактически, в рамках рассматриваемого периода рост китайской экономики поддерживался благодаря ее уникальным масштабным характеристикам, сглаживающим структурные риски, которые, в свою очередь, являлись проявлениями развития «восточноазиатской» модели экономики.

1.2. Рынок недвижимости как источник роста и риска экономики КНР¹

Рынок недвижимости имеет существенное значение для экономики КНР – на него приходится около 25% ВВП и до 80% активов домохозяйств страны². В первой половине 2020-х гг., по оценке МВФ, деятельность, связанная с недвижимостью, составляла порядка 20% ВВП КНР³. По оценкам⁴, к 2024 г. объем сделок на рынке недвижимости КНР составил 130,7 трлн долл., из которых 112,9 трлн долл. (86,4%) приходилось на операции с жилой недвижимостью. Таким образом, сектор жилой недвижимости является доминирующим на рынке недвижимости КНР. К 2014 г. в строительстве работало почти 16% всего городского населения, что вдвое превосходило соответствующие показатели США⁵. В 2020–2023 гг. вклад рынка недвижимости в экономический рост КНР составлял не менее четверти прироста ВВП⁶, а на налоги на имущество, включая жилую недвижимость, в 2022 г. приходилось 6,6% всех налоговых поступлений (1,3% ВВП)⁷.

Вместе с тем, развитие рынка недвижимости создало ряд новых угроз для китайской экономики: рост цен на жилье в период инвестиционного бума в строительстве и недвижимости способствовал спекулятивной активности⁸, а оказанная государством отраслевая поддержка, зачастую связанная с политическими индикаторами эффективности деятельности региональных правительств, создала многочисленные неликвидные жилищные объекты и спровоцировала заметное увеличение долговой нагрузки девелоперов и ипотечных заемщиков⁹. Уже к началу 2020-х гг. эксперты видели в возможности схлопывания финансового пузыря на китайском рынке жилой недвижимости¹⁰ потенциальную угрозу глобального характера, способную повлиять на мировые финансовые рынки по типу ипотечного кризиса в США, приведшего в итоге к Великой рецессии в системе мирохозяйст-

¹ Раздел подготовлен по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

² Терентьев А. «Момент Lehman Brothers»: почему китайский сектор недвижимости оказался в кризисе // Forbes. 2023. 27 сентября.

³ People's Republic of China / IMF. Country Report No. 24/50. 2023.

⁴ Real Estate – China. / Statista. 2024.

⁵ Glaeser E., Huang W., Ma Y., Shleifer A. A Real Estate Boom with Chinese Characteristics / NBER Working Paper Series. Working Paper 22789. 2016.

⁶ Сборов А. Великая китайская ипотека // Коммерсантъ. 2024. 20 мая.

⁷ Revenue Statistics in Asia and the Pacific 2024. Tax Revenue Buoyancy in Asia 1990 – 2022 / OECD. 2024. Pp. 65–66.

⁸ Мозиас П.М. Китайский рынок недвижимости: динамика развития и макроэкономическая роль // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. С. 107–146.

⁹ Рогофф К. Опасный пик жилищного бума Китая // ЭКОНС. 2021. 29 сентября; Сефериан Л.А. Актуальные тенденции развития зарубежных рынков ипотечного кредитования (на примере США и Китая) // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2023. № 3.

¹⁰ Rogoff K., Yang Y. Peak China Housing / NBER. Working Paper 27697. 2020.

венных связей в 2008–2009 гг.¹. Останется ли китайский рынок недвижимости, включая его основу – жилищный сегмент, движущей силой роста ВВП КНР или же ему предстоит претерпеть заметную трансформацию в сторону существенного уменьшения своей роли в национальном экономическом развитии – на эти вопросы в настоящее время нет однозначного ответа².

Формирование рынка жилой недвижимости КНР стартовало в 1988 г. одновременно с началом реформ городского жилищного строительства, направленных на коммерциализацию жилья в соответствии с требованиями социалистической плановой экономики³. В 1998 г. в жилищной сфере были предприняты новые корректировки, связанные с упразднением механизмов бесплатного государственного распределения квартир в пользу граждан. С этих пор улучшить жилищные условия в КНР стало возможно только путем покупки недвижимости, в том числе с использованием ипотечного кредитования, которое сразу же стало быстро развиваться⁴. Благодаря реформам конца 1990-х гг. недвижимость быстро превратилась в ключевую отрасль китайской экономики: ее доля в ВВП на пике данного показателя (в 2013 г.) достигла 29%, что сделало КНР в 2010-х гг. мировым лидером по зависимости экономического роста от состояния дел в сфере недвижимости и строительства⁵.

Ситуация в сфере жилой недвижимости давала импульс китайской экономике⁶. Так, развитие рынка недвижимости тесно связано с жилищным строительством и спросом с его стороны на необходимые материалы и оборудование, в особенности на цемент и сталь. Начиная с 1980-х гг. и вплоть до начала 2020-х гг. оба показателя тесно коррелировали между собой и демонстрировали позитивную динамику. Строительная отрасль, включая ее жилищный сегмент, поддерживала рост китайской экономики, расширяя ее инфраструктуру.

Модернизация экономики КНР в ходе проведения рыночных преобразований потребовала ускоренного развития жилищного сектора, прежде всего в городах, ставших точками промышленного роста и роста услуг Китая. Так, если в 1960 г. только 16% жителей КНР проживало в городах, то к 2023 г. доля городского населения Китая достигла 65%⁷. Очевидно, что подобных впечатляющих результатов в урбанизации было бы невозможно достигнуть без заметного вклада в данный процесс жилищного строительства и развития рынка жилой недвижимости.

¹ O'Toole R. China and U.S. Housing Crises: Failures of Central Planning / CATO. 2021.

² Погорлецкий А.И. Рынок жилой недвижимости КНР: особенности, проблемы и перспективы развития // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 59–76.

³ Rogoff K., Yang Y. Peak China Housing / NBER. Working Paper 27697. 2020.

⁴ Мозиас П.М. Китайский рынок недвижимости: динамика развития и макроэкономическая роль // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. С. 107–146.

⁵ Рогофф К. Опасный пик жилищного бума Китая // ЭКОНС. 2021. 29 сентября.

⁶ Chen J., Zhu A. The Relationship between Housing Investment and Economic Growth in China: A Panel Analysis Using Quarterly Provincial Data / Uppsala University. Working Paper No. 2008:17. 2008.

⁷ Urban Population (% of total Population) – China / World Bank Group. 2023.

Стремление китайского населения к улучшению жилищных условий росло по мере повышения доходов и возможностей их инвестирования в недвижимость. Если в 1990 г. на городского жителя страны в среднем приходилось 13,7 км² жилья, то 2000 г. – 20,3, в 2009 г. – 28¹, в 2024 г. ожидается около 35, а к 2050 г.² – 43 м². Развитие финансовых институтов, ответственных за ипотечное кредитование, способствовало облегчению доступа к рынку жилья тем, кто не имел для этого достаточных первоначальных средств, но был готов приобретать жилье в кредит. Если в 2000 г. среди городских жителей большинство (94%) имело доходы ниже среднего уровня, что не позволяло даже задумываться о покупке собственного жилья, то уже к 2020 г. относительно бедных потребителей с доходом ниже среднего уровня среди городских жителей КНР оставалось около 10% (табл. 1.2).

Таблица 1.2

**Распределение городского населения КНР
по группам доходов**

Группы (классы) населения по уровню дохода		Размер годового дохода, тыс. юаней*	Доля группы в общей численности городских потребителей, %		
			2000	2020	2030**
Сверхбогатые		Свыше 345	1	10	20
Доходы выше среднего	верхний сегмент массово богатых	230–345	1	5	31
	богатые	160–230	1	29	29
Средний и нижний средний класс	средний уровень доходов	85–160	3	45	15
	уровень доходов ниже среднего	55–85	6	7	3
Низкий уровень доходов		Менее 55	88	4	1

Примечание: * – в ценах 2020 г.; ** – оценка.

Источник: Zipser D., Seong J., Woetzel L. Five Consumer Trends Shaping the Next Decade of Growth in China // McKensey & Company. 2021.

Таким образом, с начала реформ на жилищном рынке, в Китае сформировался массовый потребитель, готовый к соответствующим инвестициям. В целом по Китаю за 1999–2007 гг. доля инвестиций в жилищное строительство в ВВП выросла с 5,9 до 11,5%³, а за 2013–2018 гг. инвестиции в недвижимость в КНР увеличились на 30% при росте коэффициента заемных средств домохозяйств с 33 до 60%⁴. По данным Национального бюро статистики КНР⁵, в 2022 г. не менее

¹ Lu G. Achievements and Challenges: 30 Years of Housing Reforms in the People's Republic of China / ADB. Economics Working Paper Series No. 198. 2010.

² Baird A. Urban Residential Construction and Steel Demand in China // Bulletin. Reserve Bank of Australia. 2024. Pp. 95–103.

³ Chen J., Zhu A. The Relationship between Housing Investment and Economic Growth in China: A Panel Analysis Using Quarterly Provincial Data / Uppsala University. Working Paper No. 2008:17. 2008.

⁴ Rogoff K., Yang Y. Peak China Housing / NBER. Working Paper 27697. 2020.

⁵ Households' Income and Consumption Expenditure in 2022 / National Bureau of Statistics of China. 2023.

30% расходов китайских домохозяйств в той или иной степени было связано с содержанием и обслуживанием жилой недвижимости, платежами по ипотеке и покупкой бытовой техники для дома, а общее потребление китайских домохозяйств составляло 38% ВВП¹. Это стало мощной подпиткой рынку жилой недвижимости и смежным с ним сферам хозяйственной деятельности.

Благодаря поступательному росту доходов бизнеса и населения начали открываться и инвестиционные перспективы на внутреннем рынке КНР. Сектор недвижимости в части жилищного строительства при этом играл все более заметную роль, помогая новым городским жителям КНР обзавестись жильем, как за счет собственных средств, так и используя государственную и корпоративную поддержку в виде соответствующих жилищных программ². На протяжении 2000–2020 гг. инвестиции в недвижимость, преимущественно в жилищный сектор, в КНР в своем ежегодном приросте были существенно выше темпов прироста ВВП³.

Еще одним важным фактором развития рынка жилой недвижимости КНР стала смена руководства страны в 2013 г.⁴, что сильно повлияло на политику страны в сфере недвижимости⁵. Поскольку платежи за продажу (передачу) земли в пользование сроком на 70 лет, а также прочие налоги на недвижимость (налог на увеличение стоимости земли, налог на использование городских земель, налог на использование обрабатываемых земель и налог на недвижимое имущество) формировали в третьем квартале 2016 г. 40% доходов провинций, а также 40% доходной части консолидированного бюджета КНР⁶, операции с недвижимостью стали своеобразным критерием эффективности местных правительств⁷. Заинтересованность в приросте поступлений от передачи земли в долгосрочное пользование (в октябре 2016 г. они составляли до 88% доходов региональных бюджетов⁸), а также налоговых сборов на повышательной волне развития рынка жилой недвижимости стимулировало правительства на местах покровительствовать дея-

¹ Zipser D., Seong J., Woetzel L. Five Consumer Trends Shaping the Next Decade of Growth in China // McKensey & Company. 2021.

² Мозуас П.М. Китайский рынок недвижимости: динамика развития и макроэкономическая роль // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. С. 107–146; Сефeryн Л.А. Актуальные тенденции развития зарубежных рынков ипотечного кредитования (на примере США и Китая) // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2023. № 3.

³ Chen J., Zhu A. The Relationship between Housing Investment and Economic Growth in China: A Panel Analysis Using Quarterly Provincial Data / Uppsala University. Working Paper No. 2008:17. 2008.

⁴ Соловьев Е. В Китае успешно завершилась процедура полной смены власти // Российская газета. 2013. 14 марта.

⁵ Rogoff K., Yang Y. Peak China Housing / NBER. Working Paper 27697. 2020.

⁶ The Real Estate Industry in China: An Overview / HLB. The Global Advisory and Accounting Network. 2018.

⁷ Мозуас П.М. Китайский рынок недвижимости: динамика развития и макроэкономическая роль // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. С. 107–146.

⁸ The Real Estate Industry in China: An Overview / HLB. The Global Advisory and Accounting Network. 2018.

тельности девелоперов¹ и поощрять покупку в кредит еще не построенных квартир. Это заметно разогнало цены на жилищном рынке и вызвало массовые спекуляции в сфере недвижимости. Кроме того, в условиях дороговизны квартир региональным правительствам стало выгодно стимулировать аренду государственного жилья, что все более и более вовлекало государственные структуры в функционирование рынка жилой недвижимости².

С 2016 г. в КНР стала ужесточаться жилищная политика, особенно в отношении спекулятивных покупок квартир, чтобы остановить рост цен на недвижимость и сделать жилье более доступным. Одновременно были приняты целенаправленные поэтапные меры по улучшению долгосрочного предложения жилья, особенно в части расширения доступа к ипотечному кредитованию по разумным банковским ставкам³. В ответ на некоторое оживление строительной активности до момента начала пандемии COVID-19 цены все равно продолжили рост (за 15 лет, с 2006 г. по 2021 г. их рост составил 350%⁴), но инвестиции в недвижимость постепенно начали стагнировать. Проводимая государством политика в отношении недвижимости и строительства в КНР в тот период представлялась сложной задачей, поскольку уже стали очевидны новые риски замедления экономического развития по геополитическим причинам⁵. По оценкам⁶, сделанным в 2019 г., падение на 20% активности в сфере недвижимости способно привести к падению китайского ВВП на 5–10%, даже без учета рисков возникновения банковского кризиса или учета важности недвижимости в качестве объекта залогового обеспечения ипотечных сделок на рынке недвижимости. Последовавший за пандемией COVID-19 кризис, в свою очередь, потребовал от государства усиления воздействия на рынок недвижимости, в особенности на его жилищный сегмент, в том числе путем применения монетарных и фискальных мер поддержки⁷.

С целью стимулирования поступательного развития рынка жилой недвижимости и строительной индустрии КНР со стороны государства активно использовались такие методы поддержки населения и бизнеса как ипотечное кредитование, субсидирование, а также налоговое регулирование. Ипотечное кредитование привлекает потенциальных собственников жилой недвижимости в Китае умерен-

¹ People's Republic of China / IMF. Country Report No. 24/50. 2023.

² Погорлецкий А.И. Рынок жилой недвижимости КНР: особенности, проблемы и перспективы развития // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 59–76.

³ Мозиас П.М. Китайский рынок недвижимости: динамика развития и макроэкономическая роль // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. С. 107–146; Eftimoski M., McLoughlin K. Housing Policy and Economic Growth in China // Reserve Bank of Australia. Bulletin. 2019. Pp. 81–94.

⁴ People's Republic of China / IMF. Country Report No. 24/50. 2023.

⁵ Например, избрание в ноябре 2016 г. президентом США Д. Трампа, который заявил о сокращении торгово-экономического сотрудничества с Китаем.

⁶ Eftimoski M., McLoughlin K. Housing Policy and Economic Growth in China // Reserve Bank of Australia. Bulletin. 2019. Pp. 81–94.

⁷ Погорлецкий А.И., Покровская Н.В. Сравнительный анализ мер фискального регулирования стран G20 в эпоху коронакризиса и в посткоронавирусной перспективе // Journal of Applied Economic Research. 2021. Т. 20. № 1. С. 31–61.

ными процентными ставками. Так, если в октябре 2024 г. основная ставка кредитования Народного банка Китая была 3,1% годовых, то ставка кредитования заемщиков на долгосрочный (пятилетний) период, служащая базисом для определения ставок ипотечных кредитов, составляла 3,6% годовых¹ при годовом уровне инфляции 0,4%² (данные по инфляции – на сентябрь 2024 г.). При этом за последние 10 лет кредитные ставки, включая ставки для ипотечных заемщиков, заметно снизились. Хотя обязательный первоначальный взнос при покупке первой квартиры в Китае в ипотеку с мая 2024 г. составлял 15% (для второго объекта жилой недвижимости – 25%, против, соответственно, 40% и 60% ранее), в некоторых городах КНР данные требования к заемщику отсутствуют. Это способствует доступности приобретения жилья даже при отсутствии у заемщика стартовых средств³.

Наряду с приемлемым уровнем ипотечных ставок в условиях низкой инфляции и растущего уровня зарплат в КНР для поощрения покупок недвижимости, преимущественно жилой, используется также механизм субсидирования, который особенно стал уместен с учетом высокой стоимости жилой недвижимости в ведущих городах страны, являющихся финансовыми, промышленными и культурными центрами КНР. Очевидно, что при средней заработной плате, составлявшей в 2023 г. около 10 тыс. юаней в месяц (более 120 тыс. юаней в год⁴), жилая недвижимость в крупных городах КНР (в особенности в так называемых городах первого уровня – Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и Шэньчжэне) не слишком доступна для большей части китайского населения (табл. 1.3).

Таблица 1.3

**Средняя стоимость квадратного метра недвижимости
в городах Китая в 2024 г.**

Город	Цена м ² , юаней	Город	Цена м ² , юаней
Гонконг*	138 000	Нанкин	27 950
Макао*	87 000	Циндао	14 900
Пекин	59 400	Ухань	14 300
Шэньчжэнь	57 900	Урумчи	8 400
Шанхай	55 900	Харбин	8 200
Гуанчжоу	35 975	Хэйхэ	4 400
Ханчжоу	30 305	Суйфэньхэ	4 300

Примечания. Составлено компанией EXPRO на основе статистических данных агентств недвижимости КНР Anjuke и 58.com. * – данные приведены для справки.

Источник: Цены на квартиры в Китае / Expro. 2024.

Среди основных мер субсидирования покупок жилой недвижимости, применяемых в КНР – выкуп недвижимости у застройщиков государственными и коммерческими компаниями под социальное жилье для своих сотрудников, а также

¹ China Loan Prime Rate / Trading Economics. 2024.

² China Inflation Rate / Trading Economics. 2024.

³ Щипин К. Конец полумер: Как Китай поддержал рынок недвижимости // Российская газета. 2024. 28 мая.

⁴ China Average Yearly Wages / Trading Economics. 2024.

субсидирование ипотечных ставок физическим лицам¹. Программы субсидирования покупок жилья применяются преимущественно для стимулирования реализации низколиквидных объектов жилой недвижимости, в том числе построенной по государственным программам развития городов. Особую популярность данные меры приобрели в период нарастания проблем у китайских застройщиков, связанных с трудностями реализации на коммерческой основе ряда объектов жилищного строительства из-за роста цен на недвижимость и, соответственно, снижения инвестиций в данный сектор².

Реализованная, но не используемая недвижимость – одна из особенностей, свойственная Китаю. Массовые финансовые субсидии застройщикам в виде льготного кредитования их деятельности со стороны государственных банков привели с одной стороны к избыточному предложению объектов жилой недвижимости на рынке, а с другой – затруднили их продажу или аренду на рыночных условиях, увеличивая издержки на поддержание жилищного фонда в пригодном для его эксплуатации состоянии³. По оценкам⁴, в 2012 г. не использовалось до 20% жилья в городах первого уровня КНР и около 13% – в остальных городах.

Среди точечных программ субсидирования приобретения жилья в КНР принимаются и меры поддержки не только малообеспеченного населения, но и состоятельных, особо важных для города жителей. В частности, получателями государственной финансовой помощи на покупку жилых объектов в Шэнчжэне в 2010 г. являлись крупные бизнесмены, получившие статус «ведущих талантов». Это давало им право на получение ежемесячной субсидии в размере 3,1 тыс. юаней сроком на пять лет (в общей сложности 186 тыс. юаней)⁵. Впрочем, такое субсидирование с учетом высокой стоимости квадратного метра жилья в Шэнчжэне – городе первого уровня – лишь подчеркивало высокий статус получателя субсидии, нежели было реальным финансовым подспорьем в решении жилищной проблемы.

Основными задачами налогового регулирования рынка китайской жилой недвижимости являлось создание экономической заинтересованности населения и бизнеса в приобретении жилья. Этому содействовали такие инструменты как налоговые преференции физическим лицам и государственным структурам в виде освобождения от уплаты налога на жилую недвижимость (его ставки устанавливаются администрациями провинций КНР; освобождаются от налогообложения

¹ Сборов А. Великая китайская ипотека // Коммерсантъ. 2024. 20 мая.

² Кубасова Т.И., Сулова А.В., Чеботарева К.Д. Государственные меры поддержки жилищного строительства в Китае: особенности и опыт реализации // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 559–570.

³ Мозиас П.М. Китайский рынок недвижимости: динамика развития и макроэкономическая роль // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. С. 107–146.

⁴ Мозиас П.М. Китайский рынок недвижимости: динамика развития и макроэкономическая роль // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. С. 107–146.

⁵ Китайцы недовольны выплатой субсидий на жилье богачам // Prian.ru. 2010. 29 октября.

имущество государственных структур и недвижимость физических лиц, не используемая в коммерческих целях), налога на передачу имущества (обычная ставка – от 3 до 5% стоимости имущества; плательщик – приобретатель прав пользования недвижимостью; налог не взимается с государственных структур и при первой покупке рабочими и служащими в городах жилья в многоквартирных общественных домах) и налога на доход от передачи имущества (ставка – 20%)¹.

Если недвижимое имущество КНР используется собственником в коммерческих целях, налог на доход от аренды взимается по ставке 20%. При продаже имущества взимается налог на доход от передачи имущества по ставке 20%², а также уплачивается налог на передачу имущества. Последний налог подлежит уплате и при операциях с наследованием или дарением имущества. Ставка налога на недвижимость составляет 1,2% ее рыночной стоимости после применения специального налогового вычета в размере от 10 до 30% стоимости недвижимости (размер вычета устанавливаются администрациями провинций) или 12% от суммы арендной платы (налог взимается с арендодателя)³.

Предприятия с иностранными инвестициями, работающие на территории КНР, являются плательщиками бизнес-налога, представляющего собой выплаты на осуществление хозяйственной деятельности. При осуществлении строительных или инженерных работ ставка налога на начало 2024 г. составляла 3%, при продаже недвижимого имущества – 5%⁴.

Строительная деятельность также предполагает по отношению к созданным в ее процессе товарам и услугам применение НДС по ставке 17%⁵. Еще один обязательный для жилищного строительства налог – налог на поддержание городского строительства. Он взимается со всех юридических и физических лиц – плательщиков НДС или потребительского налога. Налоговой базой является фактически выплаченная налогоплательщиком сумма потребительского налога и НДС. Ставка налога зависит от места нахождения налогоплательщика, составляя 7% в городах (городских районах), 5% в уездных городах и поселках, 1% – на прочей территории страны⁶.

В части налогового регулирования рынка жилой недвижимости и строительства КНР делается акцент в преференциальном налогообложении на приобретение собственного жилья в городах для того, чтобы реализовать избыточные в настоящий момент объекты жилой недвижимости, а также на некоммерческий характер использования жилья (для собственного проживания). В остальных случаях налоги носят в определенной мере дестимулирующий характер, призванный нейтрализовать «мыльный пузырь» на рынке жилой и коммерческой недвижимости, а также ограничить деятельность застройщиков, в особенности предприятий с иностранными инвестициями. В рамках нового комплекса мер по увеличению

¹ Налогообложение в КНР / China Window. 2024.

² Налог на доходы физических лиц / China Window. 2024.

³ Налог на недвижимость / China Window. 2024.

⁴ Налоги в Китае в 2024 году / Визовый центр. 2024.

⁵ Налоги в Китае в 2024 / Группа компаний «Михайлов и Партнеры». 2024.

⁶ Налог на поддержание городского строительства / China Window. 2024.

внутреннего потребления в КНР намечены к реализации стимулирующие меры по реновации старого жилого фонда¹. Преференциальные режимы налогообложения в сфере строительства и недвижимости в КНР, в отличие от ряда ведущих развитых стран, в равной степени распределяются между юридическими и физическими лицами.

Государственное регулирование рынка жилой недвижимости в КНР ограничивает использование недвижимого имущества иностранцами. В частности, иностранным физическим и юридическим лицам запрещено передавать квартиру в пожизненное владение, только с правом пользования на 70 лет. Запрещена также покупка второго и более объектов жилой недвижимости. Обязателен минимум год проживания в КНР по рабочей или учебной визе. При покупке жилой недвижимости в Китае разрешается пользоваться ипотекой².

Рост жилищного строительства в КНР, а также характеристики большинства объектов китайского жилищного рынка соответствовали экстенсивной модели экономического роста. Как развитие рынка жилой недвижимости, так и программы его поддержки были направлены исключительно на положительную динамику строительства и операций с жилой недвижимостью. Как только на данном рынке возникли сложности, что было связано с глобальным замедлением экономического роста в 2009–2010 гг., а также начиная с 2013 г. и особенно в период пандемии COVID-19 в 2020 г., правительство КНР немедленно инициировало программы поддержки продавцов и покупателей недвижимости³. Строительные и девелоперские компании при этом получали расширенный доступ к финансовому рынку, наращивая долговые инструменты финансирования своей деятельности, а покупатели пользовались различными преференциями при покупке жилья, включая получение прямых государственных субсидий и льготное налогообложение. Предложенные меры⁴ способствовали быстрому восстановлению ситуации на рынке жилой недвижимости и оживлению покупательского спроса после выхода национальной экономики на траекторию роста. Драйвером данного роста для КНР по-прежнему являлся рынок жилой недвижимости, ставший привлекательным для населения и бизнеса с точки зрения своего инвестиционного потенциала. Геополитическая нестабильность в мире, начиная с 2022 г. способствовала тому, что жилая недвижимость в КНР стала активом-убежищем в период высокой волатильности финансовых и сырьевых рынков.

Тем не менее, развитие китайского рынка жилой недвижимости на основе экстенсивного роста начало оборачиваться отрицательными последствиями для экономики. Огромные безлюдные города с нераспроданными квартирами, риск

¹ Китай в этом году примет ряд мер для стимулирования внутреннего потребления // Финмаркет. 2024. 6 февраля.

² Покупка квартиры в Китае: подробное руководство для иностранцев // Китай сегодня. 2024. 11 июня.

³ Rogoff K., Yang Y. Peak China Housing / NBER. Working Paper 27697. 2020; Lu G. Achievements and Challenges: 30 Years of Housing Reforms in the People's Republic of China / ADB. Economics Working Paper Series No. 198. 2010.

⁴ Щипин К. Конец полумер: Как Китай поддержал рынок недвижимости // Российская газета. 2024. 28 мая.

финансового кризиса из-за банкротства закредитованных застройщиков¹ – наиболее характерные примеры следования модели экономического развития основу которых составляет «гонка» за ростом ВВП.

В настоящее время рынок жилой недвижимости КНР продолжает испытывать избыток предложения, ведущий к стагнации цен на жилье². Утрата доверия населения к недвижимости как инвестиционному активу приводит к отрицательным темпам прироста инвестиций в эту сферу. Долговые проблемы крупнейших строительных и девелоперских компаний (Evergrande³, Country Garden⁴, CIFI Holdings Group⁵) грозят им банкротством. При этом проблемы жилищного рынка материкового Китая уже затронули Гонконг (формально пока обладающий автономией от КНР) и его крупнейшие девелоперские компании – New World Development, Henderson Land Development и Sino Land⁶. Очевидно, что китайский рынок жилой недвижимости поразил кризис, представляющий угрозу не только экономике КНР, но и всей мировой экономике из-за риска схлопывания пузыря в сфере жилой недвижимости Китая⁷.

Особую опасность таит в себе высокий уровень заимствований в строительной индустрии КНР, способный из-за дефолтов девелоперских компаний негативно повлиять на глобальные финансовые рынки. В начале осени 2024 г. отмечалось⁸, что применительно к КНР «крах рынка жилья еще не закончился», а меры поддержки индустрии, оказываемые государством с целью стимулирования покупок жилой недвижимости, оказались недостаточными.

Кроме того, с доступностью программ ипотечного кредитования за последнее двадцатилетие заметно возросла и долговая нагрузка населения. Если в 2006 г. долги домохозяйств КНР составляли лишь 10,8% ВВП, то к 2023 г. они возросли уже до 62,4% ВВП⁹. Проблемы с выплатами долгов по ипотечным кредитам со стороны заемщиков могут стать существенными для китайских банков – кредиторов и, как и в США в 2007–2008 гг.¹⁰, создать немалые сложности национальной

¹ Каткова М. Почему в Китае появились города-призраки, где никто не живет // Рамблер. 2023. 17 июня; Зачем Китаю города-призраки на 70 млн квартир? Поместится вся Европа! // IXBT Live. 2022.

² В КНР крах рынка жилья еще не закончился – аналитик JPMorgan // Финмаркет. 2024. 3 сентября.

³ Кулагин В., Миронова Е. Суд Гонконга ликвидирует проблемного девелопера Evergrande из-за долгов // Ведомости. 2024. 30 января.

⁴ WSJ предсказала наихудший кризис на рынке жилья Китая // Интерфакс. 2023. 18 октября.

⁵ Еще одному сектору экономики Китая предрекли проблемы // Lenta.ru. 2023. 28 ноября.

⁶ Одна из крупнейших девелоперских компаний Гонконга впервые за 20 лет зафиксировала годовой чистый убыток // Финмаркет. 2024. 2 сентября.

⁷ Великий китайский пузырь // Lenta.ru. 2023. 6 ноября.

⁸ В КНР крах рынка жилья еще не закончился – аналитик JPMorgan // Финмаркет. 2024. 3 сентября.

⁹ China Households Debt to GDP / Trading Economics. 2024.

¹⁰ Glaeser E., Huang W., Ma Y., Shleifer A. A Real Estate Boom with Chinese Characteristics / NBER Working Paper Series. Working Paper 22789. 2016.

банковской системе, особенно если со временем ставки по ипотечным кредитам начнут повышаться.

В подобных условиях рынок жилой недвижимости КНР остро нуждался в новых мерах стабилизации, способных с одной стороны охладить прежний бум в данном секторе, а с другой – не слишком заметно затормозить экономический рост, для которого рынок жилой недвижимости долгое время служил мощным двигателем. Как это сделать при минимальных негативных последствиях – один из главных вопросов, стоящих перед китайскими властями в части корректировки политики экономического развития страны.

Оценивая состояние и развитие рынка жилой недвижимости в КНР, можно констатировать следующее. В целом, особенно на первоначальном этапе, реформы, направленные на коммерциализацию рынка жилья в КНР, оказались успешными. Доля собственников жилья в Китае в общей численности населения (90% в 2024 г.¹) – одна из самых высоких в мире, а средний размер площади объектов жилой недвижимости либо уже достиг, либо скоро достигнет показателей ведущих развитых государств. Рынок жилой недвижимости и необходимая для его успешного расширения за счет создания новых объектов строительная индустрия стали драйвером экономического роста КНР в 1990–2010 гг., дав импульс другим отраслям китайской экономики. Любые колебания спроса на рынке недвижимости отражаются как на динамике ВВП, так и на показателях промышленного роста, инвестиционной и потребительской активности КНР².

Важными механизмами развития рынка жилой недвижимости КНР являются меры государственной поддержки, которые включают льготное кредитование и субсидирование потребителей и застройщиков, а также преференциальное налогообложение. Рынок жилой недвижимости создает финансовую базу для правительств на местах, за счет которой формируется значительная часть налоговых поступлений регионов. Активное вовлечение правительственных структур в регулирование рынка жилой недвижимости создает ряд проблем китайской экономики, связанных с ее неэффективностью из-за нерыночного характера производства, распределения и потребления объектов жилищного строительства, а также искажений оценок деятельности правительств на региональном уровне.

1.3. Динамика экономического развития Японии

Несмотря на то, что экономика Японии довольно сильно пострадала во время Второй мировой войны, она смогла быстро восстановиться и более 40 лет удерживала вторую позицию в мире после США. Период с 1955 г. по 1973 г., в течение которого наблюдались высокие темпы роста национальной экономики, получил название японского «экономического чуда». Наиболее высокие темпы

¹ Jones L. Ranked: These are the Countries with the Most (and Least) Home Ownership Rate, 2024 // CEOWORLD. 2024. 28 January.

² Погорлецкий А.И. Рынок жилой недвижимости КНР: особенности, проблемы и перспективы развития // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 59–76.

роста Япония продемонстрировала в 1950-е гг. (14,9%)¹, в последующие годы темпы роста замедлились, однако, оставались выше американских и среднеевропейских значений (в 1960–1970 гг. прирост реального ВВП составлял в среднем 11,6%)². В середине 1970-х гг. страна испытала негативные последствия от ценовых шоков на рынке нефти, впервые продемонстрировав отрицательные показатели роста ВВП в послевоенной истории³.

Модель развития Японии, позволившая ей занять прочное место среди лидеров мировой экономики, опиралась на экспортно ориентированную индустриализацию страны, проводимую под контролем государства. Ключевыми элементами государственной политики в рамках указанной модели были низкий уровень налогов, заниженный курс национальной валюты и высокая норма накопления, позднее заимствованные другими восточноазиатскими экономиками⁴. Кроме того, индустриализация страны предполагала внедрение иностранных технологий и импорт передового промышленного оборудования⁵. К особенностям экономического развития Японии в корпоративной среде можно отнести создание кейрецу (горизонтальных сетей из финансовых учреждений, торговых и производственных компаний с перекрестным владением акций), систему пожизненного найма и «неформальные» тесные связи между бизнес-элитами и членами правящей партии⁶.

В рамках экспортно ориентированной индустриализации Министерством экономики, торговли и промышленности (МЕТИ)⁷ были определены основные отрасли, которые всесторонне поддерживались государством посредством защиты внутреннего рынка, налоговых льгот и субсидий: тяжелое и точное машиностроение, автомобилестроение, химическая и электронная промышленность. Частные инвестиции искусственно корректировались для стимулирования специализации, а слияния компаний поощрялись для достижения эффекта масштаба. В экспортном секторе постепенно происходили структурные сдвиги, связанные с переносом сначала трудоемких, затем материалоемких производств за рубеж (деиндустриализация)⁸.

¹ Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии (институциональные аспекты) / отв. ред. П.А. Минакир. Владивосток: ДВО РАН, 2005. 256 с.

² Kwon H. Openness and Coordination. National Economies of the U.S., Japan, and Germany in a Globalized World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. 310 p.

³ Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии (институциональные аспекты) / отв. ред. П.А. Минакир. Владивосток: ДВО РАН, 2005. 256 с.

⁴ Белов А.В. Япония: экономика и бизнес. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2017. 383 с.; Kwon H. Openness and Coordination. National Economies of the U.S., Japan, and Germany in a Globalized World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. 310 p.

⁵ Kimura F. Japan's Model of Economic Development. Relevant and Nonrelevant Elements for Developing Economies / United Nations University. World Institute for Development Economic Research. 2009. Research Paper No. 2009/22. 17 p.

⁶ Kwon H. Openness and Coordination. National Economies of the U.S., Japan, and Germany in a Globalized World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. 310 p.

⁷ До 2001 г. – Министерство международной торговли и промышленности (MITI).

⁸ Белов А.В. Япония: экономика и бизнес. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2017. 383 с.; Kwon H. Openness and Coordination. National Economies of the U.S., Japan, and Germany in a Globalized World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. 310 p.

Экспортная ориентация привела к торговой зависимости Японии от ограниченного числа крупных рынков, что сделало ее экономику уязвимой от конъюнктуры на них и глобальных шоков. Сложившаяся модель была успешна вплоть до середины 1980-х гг., когда она перестала адекватно отвечать на новые мировые вызовы, связанные с глобализацией и цифровизацией, при снижении отдачи от прироста капитала и рабочей силы. К тому времени производство товаров основных экспортных отраслей уже было вынесено за рубеж, а структура внутреннего производства сместилась в сторону третичного сектора (услуг) и наукоемких отраслей. В то же время сектор информационно-коммуникационных технологий Японии, который активно развивался в тот период, не смог успешно конкурировать на мировом рынке в связи с использованием стандартов, не применимых в других странах¹.

Для дальнейшего стимулирования инвестиций государство придерживалось политики «мягкого кредита» (низкие процентные ставки, избыточная ликвидность в банковской системе, финансовое дерегулирование), но это привело к формированию «мыльного пузыря» на фондовом рынке, когда цены на землю и недвижимость вследствие спекулятивных операций были значительно завышены. В конце 1989 г. в связи с ужесточением Банком Японии кредитно-денежной политики произошел «обвал» фондового рынка, далее – рынка недвижимости, что привело к глубокому финансовому кризису².

С 1990-х гг. экономика страны находится в стагнации, за три десятилетия правительство Японии неоднократно принимало различные меры для стимулирования экономического роста, однако, пока устойчивых успехов добиться не удалось. Колоссальные государственные расходы, направленные на «оживление» экономики, привели к постоянному дефициту бюджета и стремительному росту внутреннего государственного долга³. Так, в начале формирования «мыльного пузыря» (1986 г.) дефицит государственного бюджета Японии составлял 1,4% ВВП страны, в 1995 г. – 4,3%, в 1998 г. – 10%. Государственный долг в то же время достигал 74, 92,5 и 116% ВВП государства соответственно⁴. Таким образом, к 2010-м гг. на обслуживание государственного долга направлялось около четверти бюджета центрального правительства страны⁵. Кроме того, обострились социально-экономические проблемы японского общества: депопуляция, старение населения, неравенство на рынке труда и др. В итоге Япония начала утрачивать позиции в мире, в 2010 г. уступив КНР статус второй экономики после США.

¹ Kwon H. Openness and Coordination. National Economies of the U.S., Japan, and Germany in a Globalized World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. 310 p.

² Okina K., Shirakawa M., Shiratsuka Sh. The Asset Price Bubble and Monetary Policy: Japan's Experience in the Late 1980s and the Lessons // Monetary and Economic Studies. 2001. Vol. 19. Issue S-1. Pp. 395–450.

³ Ковригин Е.Б. Геополитическая история Японии. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. 155 с.

⁴ World Economic Outlook Database / IMF. 2022.

⁵ Белов А.В. Япония: экономика и бизнес. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2017. 383 с.

В то же время сальдо внешней торговли товарами стало отрицательным, прервав положительную динамику предыдущих тридцати лет. Наблюдалось резкое увеличение объема импорта, вызванное возросшим спросом на энергоносители в связи с приостановкой работы всех АЭС в стране и высокими мировыми ценами на углеводородное сырье. Одновременно с этим объем экспорта уменьшился по ряду причин: последствий природно-техногенной катастрофы 2011 г., долгового кризиса в ряде стран ЕС, снижения международной конкурентоспособности японских товаров вследствие высокого курса иены, продолжающегося процесса деиндустриализации.

Для решения сложившихся проблем была принята новая правительственная стратегия экономического роста, названная «абэномикой»¹. С 2012 г. премьер-министр С. Абэ проводил ряд структурных реформ, имевших три направления («стрелы»): активную денежно-кредитную политику, гибкую фискальную политику и стратегию роста².

Для устранения проблемы дефляции, характерной для экономики страны на протяжении трех десятилетий, Банк Японии начал проводить исключительно мягкую монетарную политику, наполняющую рынок наличными деньгами, чтобы достичь целевого показателя инфляции в 2%³ (первая «стрела»). Однако добиться устойчивого успеха не удалось (рис. 1.11).

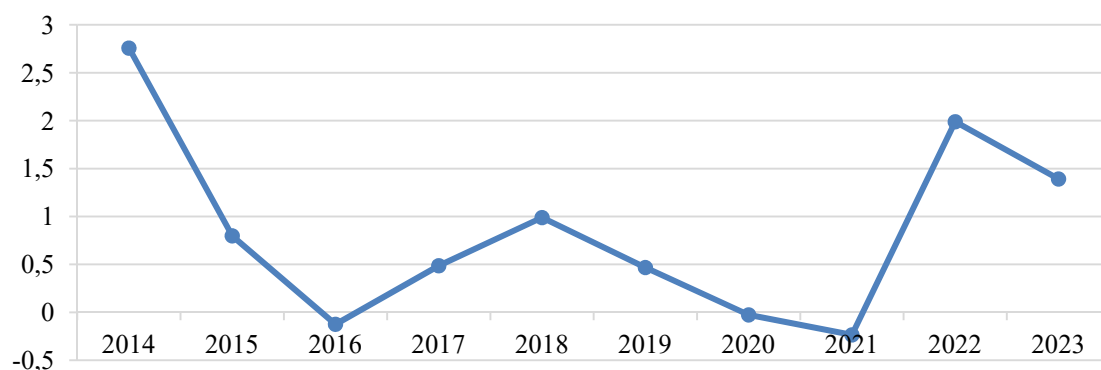

Рис. 1.11. Динамика индекса потребительских цен в Японии, %

Источник: составлено по: World Economic Outlook Database / IMF. 2022. October.

Повышение цен в 2014 г. было вызвано увеличением ставки потребительского налога и ростом цен на энергоносители, в 2022 г. – резким ростом цен на

¹ Подробно: *Takeuchi H., McNeme K.* The Domestic Political Economy of Japan's New Geoeconomic Strategy // *Journal of East Asian Studies*. 2023. Issue 23. Pp. 1–21; *Harris T.* The Iconoclast: Shinzo Abe and the New Japan. London: Hurst & Company, 2020. 456 p.; *Kwon H.* Openness and Coordination. National Economies of the U.S., Japan, and Germany in a Globalized World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. 310 p.; *Shibata S.* Re-Packaging Old Policies? 'Abenomics' and the Lack of an Alternative Growth Model for Japan's Political Economy // *Japan Forum*. 2017. Vol. 29. Issue 3. Pp. 399–422.

² Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Экономика Японии: реформы и стратегии роста // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 4. С. 135–156.

³ *Yoshino N., Taghizadeh-Hesary F.* Three Arrows of 'Abenomics' and the Structural Reform of Japan: Inflation Targeting Policy of the Central Bank, Fiscal Consolidation, and Growth Strategy / ADBI. 2014. Working Paper 492. 21 p.

углеводороды и продовольствие вследствие геополитического обострения в мире, что послужило причиной значительной корректировки глобальной конъюнктуры на сырьевых рынках.

Вторая «стрела» предполагала сокращение ставки корпоративного налога с 37% в 2013 финансовом году¹ до 29,7% в 2018 финансовом году и двухэтапное повышение потребительского налога: с 5 до 8% с 1 апреля 2014 г. и с 8 до 10% с 1 октября 2019 г. Значительное снижение ставки налога на прибыль организаций благоприятно сказалось на экономической активности, в то время как повышение потребительского налога, напротив, обернулось замедлением темпов экономического роста².

Как отмечалось ранее, начиная с 1990-х гг. темпы роста японской экономики стали отставать от среднемировых (1,1 и 2,8% соответственно), в 2000-е и 2010-е гг. эта тенденция продолжилась (0,2 и 2,9%; 0,9 и 3% соответственно). В итоге в 2020 г., испытав шок от пандемии, экономика Японии не смогла восстановиться так же быстро, как мировая экономика (рис. 1.12).

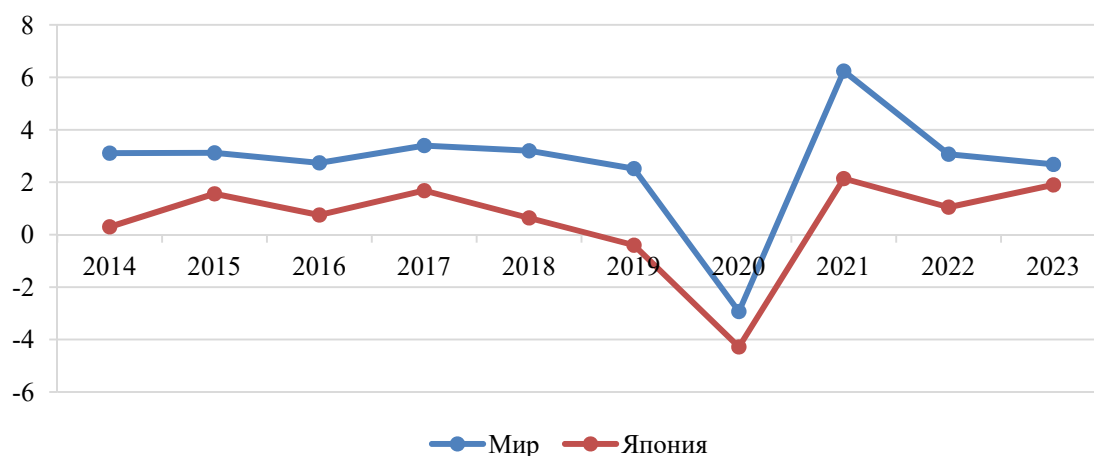

Рис. 1.12. Темпы прироста реального ВВП Японии и мира, %

Источник: составлено по: Statistics Database / UNCTAD. 2024.

Третья «стрела» включала введение кодекса корпоративного управления, увеличение предельного возраста (с 60 до 65 лет) пребывания работника в компании, рост занятости женщин благодаря расширению возможностей сочетания работы с уходом за детьми, повышение роли иностранных работников в экономике, сельскохозяйственную реформу и активное участие в региональных торговых соглашениях.

Стимулирование занятости лиц пожилого возраста было связано со старением населения Японии, которое происходит быстрее, чем в других развитых странах. Так, темпы прироста населения страны стали устойчиво отрицательными с

¹ Финансовый год в Японии длится с 1 апреля по 31 марта.

² Белов А.В. Экономическая политика Японии в период пандемии // Мировая экономика и международные отношения. 2021 . Т. 65. № 1. С. 33–41.

2010 г. (–0,01%), достигнув к 2023 г. весьма неблагоприятных значений (–0,53%). При этом естественная убыль населения увеличилась с 12 тыс. чел. в 2010 г. до 657 тыс. в 2023 г.¹ Усугубила депопуляцию населения Японии пандемия коронавируса, унесшая за 2020–2024 гг. жизни 74,7 тыс. чел.² За три последних десятилетия число пожилых граждан Японии (65 лет и старше) увеличилось в 2,4 раза – с 14,9 млн чел. в 1989 г. до 35,9 млн в 2019 г.³ В 2023 г. их число достигло 37,1 млн чел., при этом на 100 человек трудоспособного возраста (15–64 года) приходился 71 человек нетрудоспособного, из которых 51 – пенсионеры и 20 – дети. В 2014 г. значения показателей были 65, 44 и 21 человек соответственно.

Высокая скорость старения населения Японии сочетается с низким коэффициентом рождаемости, что приводит к депопуляции. Старение населения обусловлено ростом качества и продолжительности жизни. В 2023 г. в Японии проживало 140 тыс. чел. старше 100 лет, а средняя продолжительность жизни составила 84,7 года. В то же время коэффициент рождаемости составил 6, смертности – 12,3, фертильности – 1,21⁴. Низкая рождаемость связана с увеличением возраста вступления в брак для обоих полов, снижением количества зарегистрированных браков, увеличением доли работающих женщин и их стремлением к самореализации и построению карьеры. Так, с 1989 г. по 2019 г. доля мужчин в возрасте 35–39 лет, не состоящих в браке, увеличилась с 19,1 до 35%, женщин – с 7,5 до 23,9%⁵.

Половозрастная структура населения за последнее десятилетие претерпела небольшие изменения. Так, в 2014 г. доля трудоспособных мужчин (15–64 года) составила 30,7% от общей численности населения Японии, женщин – 30%; в 2023 г. – 29,6 и 28,9% соответственно. Произошло заметное увеличение доли населения старше трудоспособного возраста: с 11,5 до 13,1% у мужчин и с 15 до 17% у женщин. Доля лиц младше трудоспособного возраста при этом сократилась – с 6,5 до 5,8% у мужчин и с 6,3 до 5,6% у женщин.

Как отмечалось выше, третья «стрела» «абэномики» предполагала увеличение занятости не только лиц пожилого возраста, но и женщин. Для этой цели был принят комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для совмещения женщинами работы и домашних обязанностей, получивший название «виминомика»⁶. Кроме повышения занятости женщин и их роли в обществе, «ви-

¹ Здесь и далее в разделе 1.3, если не указано иное, рассчитано по: Statistics Database / UNCTAD. 2024.

² По состоянию на 6 сентября 2024 года. Подробно: Number of COVID-19 Cases Reported to WHO / World Health Organization. 2024.

³ Лебедева И.П. О бедности и неравенстве в Японии // Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 32–60.

⁴ World Population Prospects 2024 / United Nations. 2024.

⁵ Лебедева И.П. О бедности и неравенстве в Японии // Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 32–60.

⁶ Hidasi J. Womenomics: Success or Failure? // Hungary and Japan. Analyses of Recent Economic and Social Trends in Japan and Their Effects on Hungary. Budapest: Budapest Business School, 2019. Рр. 45–70; Лебедева И.П. Виминомика: достижения и проблемы // Японские исследования. 2021. № 1. С. 101–120.

меномика» также была направлена на увеличение показателя фертильности, по уровню которого Япония уступает всем странам Большой семерки¹, кроме Италии². Комплекс мер «вименомики» включал следующее: увеличение количества мест в детских садах и яслях, сокращение разрыва в оплате женского и мужского труда, увеличение числа женщин-руководителей, поддержку семей с детьми, налоговые льготы для семей, где оба супруга работают, смягчение миграционной политики и др.³ Последняя мера была связана не только с заполнением вакансий воспитателей и нянь в дошкольных учреждениях, но и с решением проблемы нехватки рабочей силы в других отраслях японской экономики.

Так, с 1 апреля 2019 г. был разрешен въезд в страну до 345 тыс. иностранных специалистов, которые могли трудоустроиться в 14 отраслях японской экономики, при этом дефицит рабочих мест в указанных отраслях составил 500 тыс. чел. В результате ослабления мер миграционной политики число иностранных граждан, проживающих в Японии, достигло в 2021 г. почти 2,8 млн чел., из которых более четверти приходилось на граждан КНР (716 тыс. чел.), далее следовали работники из Вьетнама (432 тыс.), Республики Корея (409 тыс.), Филиппин (276 тыс.) и Бразилии (204 тыс. чел.)⁴.

Однако миграционный приток в Японию по-прежнему недостаточен, чтобы компенсировать естественную убыль населения, хотя он и был положительным (за исключением 2021 г.) за последнее десятилетие (*рис. 1.13*). Максимальный приток иностранных граждан на уровне 320 тыс. чел. наблюдался в 2016–2019 гг., далее вследствие пандемии COVID-19 иностранные работники были вынуждены покинуть Японию, после снятия ограничений их приток не восстановился.

Для поддержания функционирования экономики Японии требуется ежегодный приток мигрантов трудоспособных возрастов на уровне от 0,5 до 1 млн рабочих⁵. Осознавая экономическую необходимость подобных мер, правительство страны было не готово одобрить приток иностранцев в таком количестве, т. к. данная мера могла отрицательно сказаться на популярности правящей Либерально-Демократической партии среди избирателей.

Кроме мероприятий внутри страны «абэномика» предполагала также развитие внешней торговли за счет активного заключения преференциальных торговых соглашений и участия в глобальных цепочках поставок.

¹ Неформальный международный клуб, объединяющий Великобританию, Германию, Италию, Канаду, Францию, Японию и США.

² *Лебедева И.П.* Вименомика: достижения и проблемы // Японские исследования. 2021. № 1. С. 101–120.

³ *Hidasi J.* Womenomics: Success or Failure? // Hungary and Japan. Analyses of Recent Economic and Social Trends in Japan and Their Effects on Hungary. Budapest: Budapest Business School, 2019. Pp. 45–70.

⁴ *Письменная Е.Е., Рязанцев Н.С., Молчанова Н.П.* Демографические сдвиги в Японии как фактор трансформации миграционной политики // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 97–109.

⁵ *Ковригин Е.Б.* Геополитическая история Японии. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. 155 с.

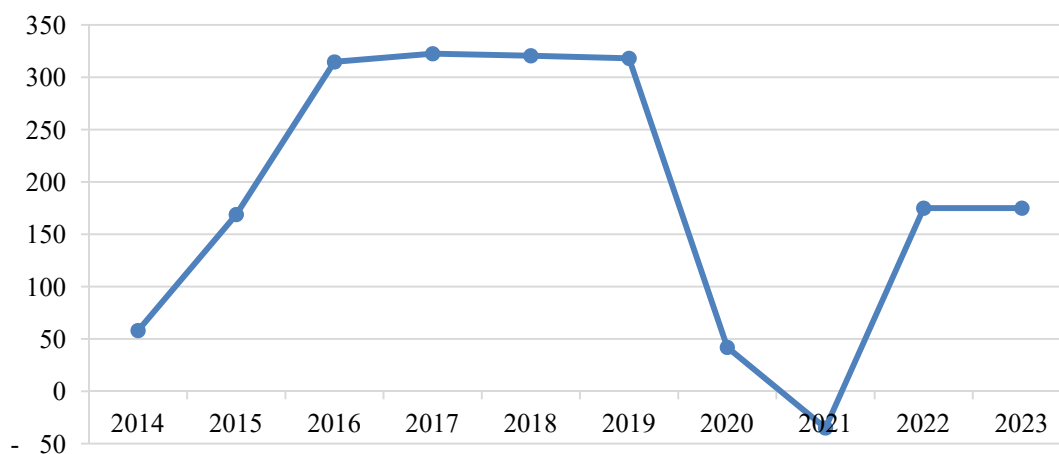

Рис. 1.13. Сальдо миграционного движения населения Японии, тыс. чел.

Источник: составлено по: World Population Prospects 2024 / UN. 2024.

К 2014 г. Японией было подписано всего 14 соглашений о свободной торговле, на участников которых приходилось лишь 22% ее внешнеторгового оборота (у США и Республики Корея – по 40%, Малайзии – 63%, Мексики – 82%)¹. В 2015–2020 гг. в рамках «абэномики» было заключено еще пять соглашений в формате ЗСТ+: Соглашение об экономическом партнерстве между Японией и Монголией; ВПТТП²; Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и Японией; Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Японией и Великобританией; ВРЭП³.

Следует заметить, что динамика экспорта и импорта в период 2014–2023 гг. не была стабильной (рис. 1.14) вследствие общих негативных тенденций в мировой экономике и странах – основных внешнеторговых партнерах Японии, ряда глобальных шоков (пандемии COVID-19, украинского кризиса), усиления геополитической напряженности между США и КНР и их торгового противостояния и прочих причин.

Одной из целей «абэномики» было улучшение внешнеторгового баланса Японии за счет девальвации национальной валюты. Однако внешняя торговля не продемонстрировала ожидаемых результатов. В 2016–2017 гг. Японии удалось вернуться к положительному сальдо торгового баланса. Но в 2018 г. сальдо торгового баланса снова стало отрицательным из-за многочисленных факторов, таких как замедление экономического роста Китая, слабый спрос на экспорт в АТР и

¹ Takeuchi H., McNeme K. The Domestic Political Economy of Japan's New Goeconomic Strategy // Journal of East Asian Studies. 2023. Issue 23. Pp. 1–21.

² Соглашение между 12 странами: Японией, Мексикой, Сингапуром, Новой Зеландией, Брунеем, Малайзией, Перу, Чили, Великобританией, Вьетнамом, Канадой и Австралией.

³ Соглашение между 15 странами: Японией, КНР, Республикой Корея, Австралией, Новой Зеландией, Мьянмой, Сингапуром, Брунеем, Малайзией, Индонезией, Лаосом, Вьетнамом, Таиландом, Камбоджей и Филиппинами.

рост цен на импорт. Согласно эмпирическим исследованиям¹, снижение курса иены на современном этапе уже не вызывает увеличение экспорта Японии, а лишь незначительно уменьшает импорт.

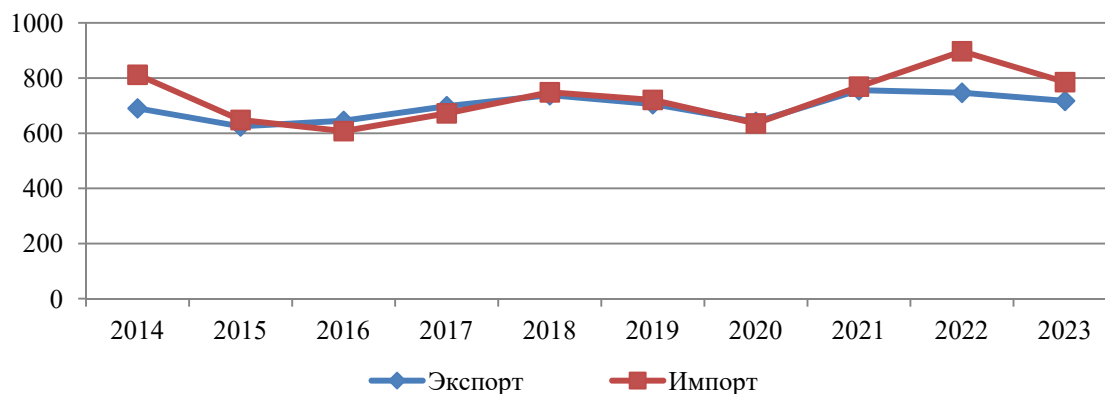

Рис. 1.14. Динамика внешней торговли Японии, млрд долл.

Источник: составлено по: Statistics Database / UNCTAD. 2024.

Основными экспортными рынками для Японии являлись США и КНР (средняя доля в 2014–2023 гг. – 19,3 и 19,2% соответственно), Республика Корея (7,1%), Тайвань (6,3%) и Гонконг (5,0%). Одной из главных особенностей экспорта Японии являлась большая доля продукции с высокой добавленной стоимостью. В 2014–2023 гг. страна сохраняла статус крупного экспортера автомобилей (в среднем 12,5% в мировом экспорте), судов (8,9%), оптических товаров (10,9%), медицинской электродиагностической (8,3%), измерительной и аналитической (8,8%) аппаратуры и др. Доля экспорта средне- и высокотехнологичной промышленной продукции в общем объеме экспорта промышленной продукции в Японии (84,2%) была одной из самых высоких в мире.

Однако удельный вес высокотехнологичного экспорта, состоящего из продукции с высокой долей расходов на НИОКР, такой как аэрокосмическая промышленность, компьютеры, фармацевтика, научные приборы и электротехническое оборудование, был ниже, чем в других странах и экономических территориях Восточной Азии, прежде всего в Гонконге, Филиппинах, Малайзии и Сингапуре. Более того, наблюдалась тенденция к его снижению с течением времени из-за растущей конкуренции со стороны КНР, Республики Корея и других стран субглобального региона².

В последнее десятилетие японские компании изменили модель участия в глобальных цепочках создания стоимости, перейдя к формату «от бизнеса к бизнесу» (B2B), фокусируясь на производстве с еще большей добавленной стоимо-

¹ См., например: Thorbecke W. Investigating How Exchange Rates Affected the Japanese Economy After the Advent of Abenomics // *Asia and the Global Economy*. 2022. Vol. 2. Issue 1. 100028; Shimizu J., Sato K. Abenomics, Yen Depreciation, Trade Deficit, and Export Competitiveness / RIETI. 2015. Discussion Paper Series 15-E-020. 32 p.

² Podoba Z.S., Gorshkov V.A., Ozerova A.A. Japan's Export Specialization in 2000–2020 // *Asia and the Global Economy*. 2021. Vol. 1. Issue 2. 100014.

стью. Из Японии экспортировались высокотехнологичные материалы и специальные химикаты, которые являлись ключевыми в производстве жидкокристаллических панелей, полупроводников, оборудования для автоматизации, аккумуляторов, медицинских устройств, автомобилей и сотовых телефонов. Японские компании занимали более 80% мирового рынка передовых химических веществ (фторированного полиимида, фтористого водорода и других видов веществ)¹.

В импорте Японии преобладали промышленные товары (средняя доля за период – 57,1%), что было связано с участием страны в глобальных цепочках создания стоимости вследствие выбранной модели экспортно ориентированной экономики. Основными поставщиками являлись страны, в которые ранее переносились японские производства: КНР (38%), США (11,9%), Тайвань (5,8%), Республика Корея (4,8%), Таиланд и Вьетнам (по 4,2%).

Энергетические ресурсы также составляли существенную часть импорта страны. Диверсификация поставщиков углеводородов являлась важной частью энергетической политики Японии (связанной также с экономической безопасностью государства)², наряду с уменьшением в энергобалансе доли ископаемых источников энергии за счет возобновляемых источников энергии и водородных технологий, что является целью на средне- и долгосрочную перспективу. Тем не менее, в 2014–2023 гг. доля топлива в импорте была достаточно высока (в среднем за период – 22,8%), а основными поставщиками являлись три страны: Австралия (19,5% в импорте топлива), Объединенные Арабские Эмираты (16,1%) и Саудовская Аравия (15,8%).

Эффективность мер «абэномики» по-прежнему вызывает множество споров. С одной стороны, в 2014–2023 гг. уровень ВВП был условно стабильным, колеблясь в диапазоне 4,2–5,1 трлн долл., негативно реагируя на внешние шоки (пандемия COVID-19 и украинский кризис) (*рис. 1.15*). Япония относится к группе развитых стран, поскольку ее среднедушевой ВВП в среднем за исследуемый период составил 38,1 тыс. долл. (среднемировое значение – 13 тыс. долл.), при этом к 2023 г. наблюдалось снижение данного показателя до 34 тыс. долл., указывавшее на дальнейшее «сжатие» экономики.

С другой стороны, преодолеть дефицит бюджета и сократить уровень государственного долга администрации С. Абэ не удалось. Наоборот, величина государственного долга увеличилась с 233,5% ВВП в 2014 г. до 259,4% ВВП в 2020 г., достигнув при премьер-министре Ф. Кисида 261,1% ВВП (2023 г.) (*рис. 1.16*).

Резкий рост государственных расходов, спровоцировавший рекордный за последнее десятилетие дефицит бюджета (9%) и стремительный рост государственного долга в 2020 г. был связан с принятием четырех пакетов ответных мер против пандемии COVID-19 на общую сумму 191,1 трлн иен (1,8 трлн долл.)³.

¹ *Schaede U.* The Business Reinvention of Japan: How to Make Sense of the New Japan and Why It Matters. Stanford: Stanford University Press, 2020. 261 p.

² Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Роль Японии на формирующемся глобальном рынке водорода // Японские исследования. 2023. № 4. С. 65–80.

³ Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Экономика Японии в условиях пандемии COVID-19 // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 5. С. 28–43.

Столь высокий уровень государственного долга (наибольший среди стран Большой семерки), согласно ряду эмпирических исследований¹, препятствует долгосрочному экономическому росту. Прирост государственных расходов (принятие пакетов мер стимулирования экономики) в данном случае может дать лишь краткосрочный положительный эффект.

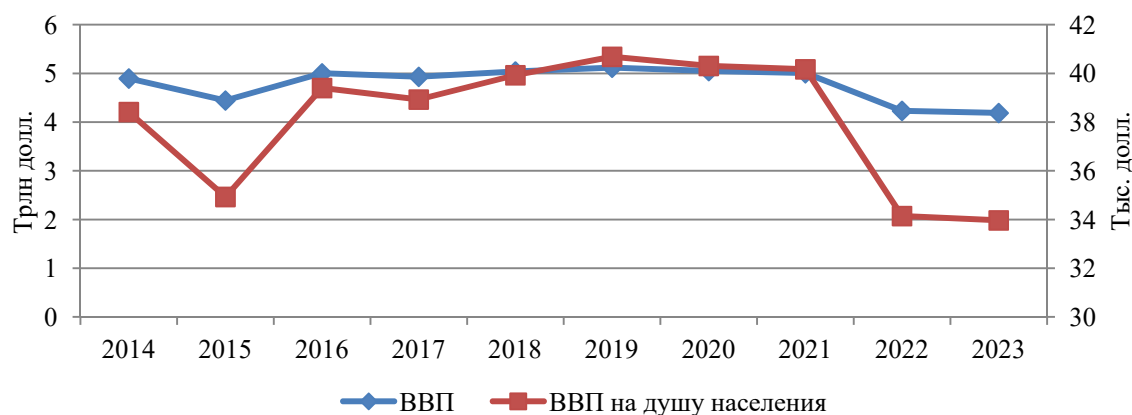

Рис. 1.15. Динамика совокупного (левая шкала) и среднедушевого (правая шкала) ВВП Японии

Источник: составлено по: Statistics Database / UNCTAD. 2024.

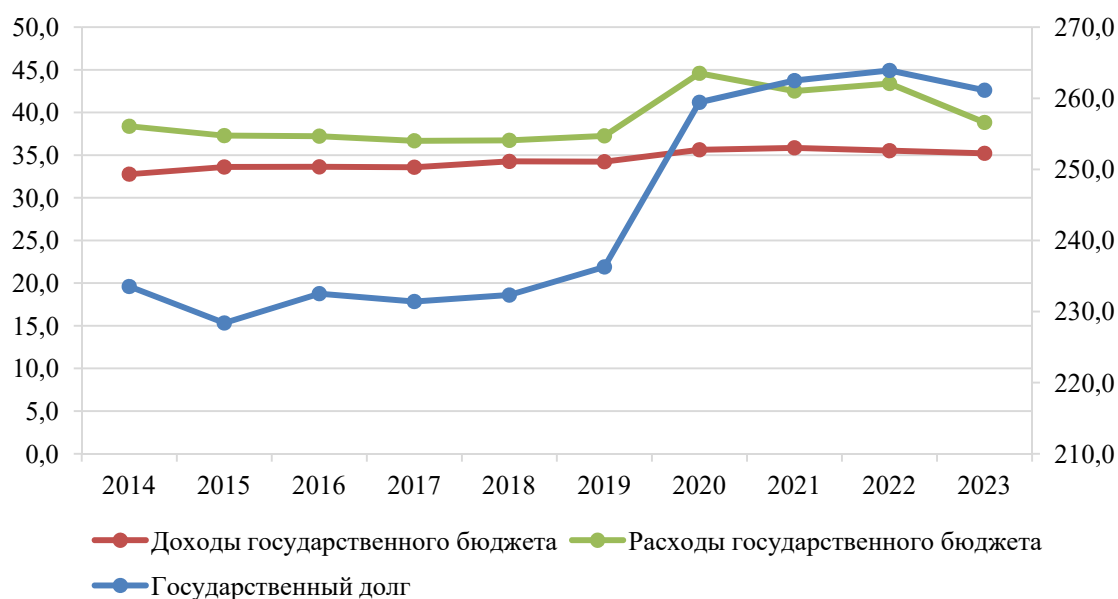

Рис. 1.16. Государственный долг (правая шкала), доходы и расходы государственного бюджета (левая шкала) Японии, % ВВП

Источник: составлено по: World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

¹ Chang T., Chiang G. The Behavior of OECD Public Debt: A Panel Smooth Transition Regression Approach // The Empirical Economics Letters. 2009. Vol. 8. Issue 1. Pp. 7–46; Checherita C., Rother P. The Impact of High and Growing Government Debt on Economic Growth. An Empirical Investigation for the Euro Area / ECB. Working Paper Series. 2010. Issue 1237. 42 p.; Baum A., Checherita-Westphal C., Rother P. Debt and Growth: New Evidence for the Euro Area // Journal of International Money and Finance. 2013. Vol. 32. Pp. 809–821.

Что касается рынка труда, то в результате мер «абэномики» в 2021 г. доля занятых в возрасте 65–69 лет составила 51,7%, 70–74 лет – 33,2%, старше 75 лет – 10,6%¹. Численность рабочей силы в целом увеличилась на 4 млн чел.², в основном за счет роста вовлеченности женщин (на 2,9 млн чел.), особенно в возрастной когорте 45–54 года (на 1,3 млн чел.). Однако прирост доли постоянных работников среди них был незначительным: с 40,8% в 2013 г. до 42,3% в 2019 г.³ Кроме того, число женщин, занимающих руководящие посты, практически не изменилось; добиться повышения рождаемости также не удалось⁴.

Численность населения Японии продолжила сокращаться (рис. 1.17), достигнув в 2023 г. 123,3 млн чел. (снижение на 4,2 млн чел. по сравнению с 2014 г.). Кроме того, политика по выравниванию пространственной дифференциации развития страны не дала положительных результатов: высокая концентрация населения и экономической деятельности в крупных городах сохранилась (80% прироста ВВП Японии приходилось на крупные города, из них на Токийский столичный район – 37%)⁵, разрыв в уровне доходов между мегаполисами и «нестоличными» регионами увеличился до 1,7 раза⁶. Уровень урбанизации за рассматриваемый период составил в среднем 91,7%, увеличившись с 91,3% в 2014 г. до 92% в 2023 г.

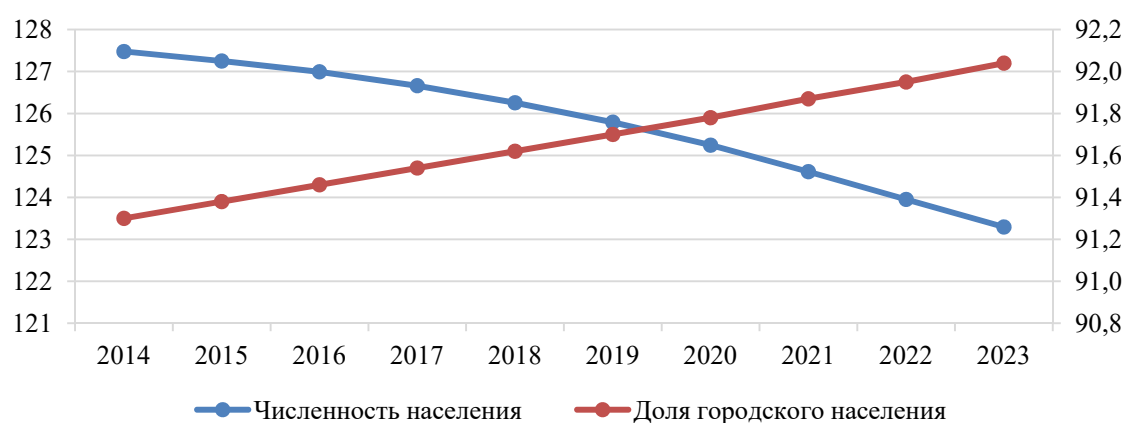

Рис. 1.17. Численность населения Японии (левая шкала), млн чел.;
доля городского населения (правая шкала), %

Источник: составлено по: Statistics Database / UNCTAD. 2024.

¹ Лебедева И.П. Социально-экономическое измерение старения населения Японии // Японские исследования. 2023. № 4. С. 94–116.

² Фукусима Ю. Переживет ли абэномика смерть своего архитектора? // NHK World. 2022. 20 июля.

³ Лебедева И.П. Вименомика: достижения и проблемы // Японские исследования. 2021. № 1. С. 101–120.

⁴ Shibata S. Re-packaging Old Policies? ‘Abenomics’ and the Lack of an Alternative Growth Model for Japan’s Political Economy // Japan Forum. 2017. Vol. 29. Issue 3. Pp. 399–422; Takeuchi H., McNeme K. The Domestic Political Economy of Japan’s New Geoeconomic Strategy // Journal of East Asian Studies. 2023. Issue 23. Pp. 1–21.

⁵ Тимонина И.Л. Новая стратегия пространственного развития Японии: вызовы XXI века // Японские исследования. 2020. № 4. С. 40–63.

⁶ OECD Regional Outlook 2023: The Longstanding Geography of Inequalities / OECD. 2023. 154 p.

Меры стимулирования экономики, направленные на внутренний спрос, не привели к росту потребления домохозяйств. Так, в среднем за 2014–2022 гг. на него приходилось 2,7 трлн долл. (55% ВВП). Показатели Японии почти не отличались от среднемировых (56,2%), однако, характеризовались слабым отрицательным трендом: значение сократилось с 57,6% в 2014 г. до 55,5% в 2022 г. (рис. 1.18).

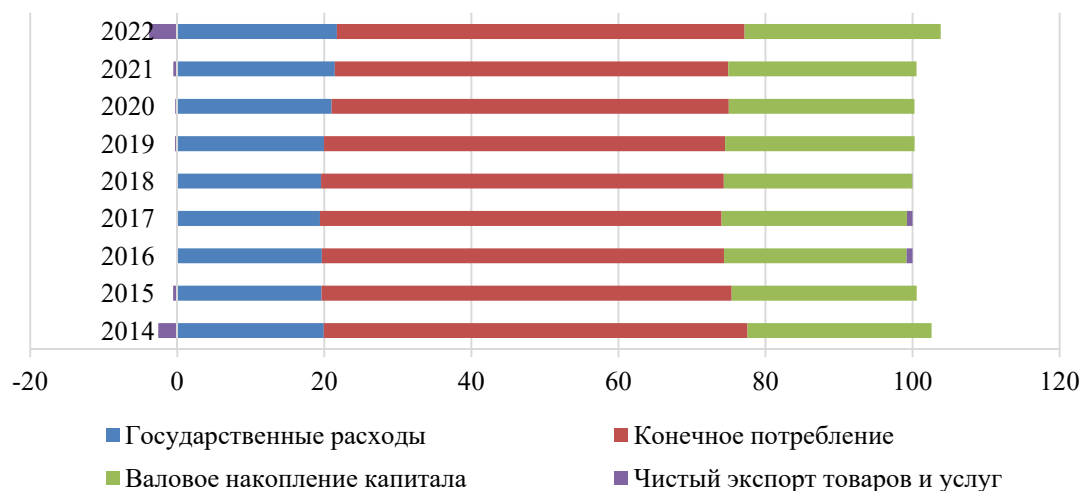

Рис. 1.18. Структура ВВП Японии по расходам, %

Источник: составлено по: Statistics Database / UNCTAD. 2024.

Норма сбережений в Японии за последнее десятилетие снизилась по сравнению с периодом до краха экономики «мыльного пузыря», однако, оставалась выше, чем в других странах Большой семерки, за исключением Германии (рис. 1.19).

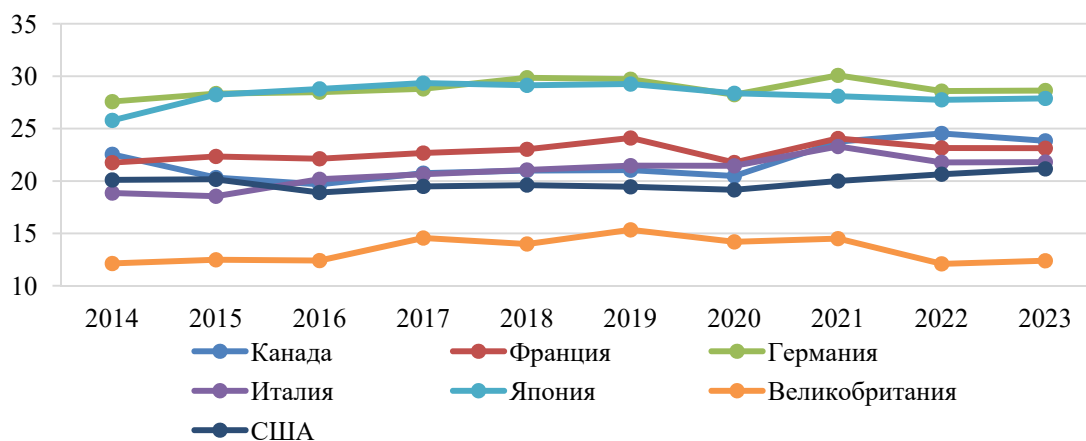

Рис. 1.19. Валовые национальные сбережения в странах Большой семерки, % ВВП

Источник: составлено по: World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

При этом основная часть (63,5%) финансовых активов в Японии была сосредоточена в домохозяйствах, где глава семьи старше 60 лет, из них 37% – в домохозяйствах, где глава семьи старше 70 лет¹. В остальных странах Большой семерки также наблюдалась тенденция к «концентрации» сбережений в старших возрастных когортах, однако, в Японии этот процесс был более выраженным². Кроме того, население Японии предпочитает сберегать средства в виде банковских вкладов, на которые приходится половина всех активов, в США их доля составляет лишь 10%³.

Хотя меры «абэномики» не смогли фундаментально изменить пропорции между потреблением, сбережением и инвестированием, они положительно повлияли на венчурный капитал и стартапы. Так, инвестиции в стартапы увеличились с 0,8 млрд долл. в 2010 г. до 4,1 млрд долл. в 2019 г., а их количество – с 968 до 2055 соответственно. Положительный тренд был прерван пандемией COVID-19⁴.

Реформы С. Абэ, как и его предшественников, не сделали Японию страной с открытой рыночной системой, свободной от вмешательства государства. Так, по величине индекса экономической свободы (67,5 в 2024 г.) она по-прежнему относится к умеренно свободным странам, занимая 38 место в мире (из 184) и второе место в субглобальном регионе (после Республики Корея)⁵. Среди стран Большой семерки Япония занимает 5 место, опережая лишь Францию и Италию (рис. 1.20).

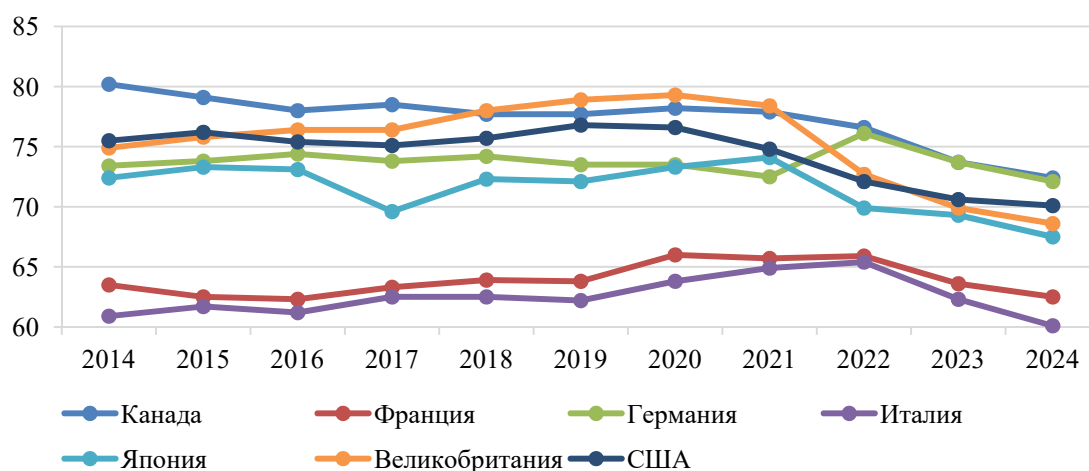

Рис. 1.20. Индекс экономической свободы в странах Большой семерки

Источник: составлено по: Index of Economic Freedom / Heritage Foundation. 2024.

¹ Лебедева И.П. Социально-экономическое измерение старения населения Японии // Японские исследования. 2023. № 4. С. 94–116.

² Hüfner F., Koske I. Explaining Household Saving Rates in G7 Countries: Implications for Germany / OECD Economics Department. Working Paper No. 754. 2010. 25 p.

³ Annual Report on the Japanese Economy and Public Finance. Economic White Paper 2024 / Cabinet Office. 2024.

⁴ Kwon H. Openness and Coordination. National Economies of the U.S., Japan, and Germany in a Globalized World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. 310 p.

⁵ Index of Economic Freedom. Japan / Heritage Foundation. 2024.

Относительно меньший уровень экономической свободы объясняется негибким рынком труда (зависимость заработной платы от стажа работы в компании, существенный разрыв между оплатой женского и мужского труда, постоянными и непостоянными работниками и др.), строгими миграционными правилами (Япония остается практически мононациональной страной с долей представителей титульной нации 98%¹), барьерами для входа на рынок новых и иностранных компаний и т. д. Среди компонентов, из которых состоит индекс, наименьшие значения характерны для двух: «размер государственных затрат» – 42,5 и «финансовая свобода» – 0. Такие низкие оценки обусловлены невысоким уровнем государственных расходов (37,6% ВВП в 2024 г.), хроническим дефицитом бюджета (4,9% ВВП² в 2023 фин. году) и огромным уровнем государственного долга (261,1% ВВП в 2023 г.).

Таким образом, «затухание» экономического роста было вызвано выбранной «восточноазиатской» моделью экономики, которая опиралась на экстенсивные источники роста (расширение капиталовложений и привлечение новой рабочей силы), а не на достижения технического прогресса.

Экономический рост Японии за счет эндогенных факторов сдерживался «сжатием» внутреннего потребления, что было связано со старением населения и депопуляцией, а также структурными проблемами рынка труда. Невысокий уровень частного потребления Японии был связан также с высокой склонностью к сбережению, сформировавшейся под влиянием целенаправленной государственной политики после Второй мировой войны. Экзогенные факторы так же не способствовали экономическому развитию Японии, так как она утратила конкурентные преимущества в экспортно ориентированных отраслях, ранее выступавших драйверами роста. Кроме того, деиндустриализация (перенос производств в другие страны) стала одной из причин формирования отрицательного сальдо торгового баланса. «Абэномика», направленная на решение сложившихся проблем, принесла неоднозначные результаты. Некоторые эксперты³ предполагают, что без пандемии COVID-19 экономика Японии под влиянием «стрел» смогла бы выйти на траекторию умеренного роста. При этом большинство аналитиков⁴ «абэномики» считают, что она не смогла стать «комплексным лекарством», но все же содержала в себе «семена» значительных перемен, которые положительно повлияли

¹ Сукиасянц Н. Почему Япония выпала из тройки сильнейших экономик и как собирается это исправлять // Forbes. 2024. 4 марта.

² Fitch Affirms Japan at 'A'; Outlook Stable / Fitch Ratings. 2024.

³ Tsigaris P., da Silva J.A.T., Honma M. Long-Term Economic Outlook for Japan, as Impacted by COVID-19 // Open Health. 2024. Issue 5. Pp. 1–8.

⁴ Takeuchi H., McNeme K. The Domestic Political Economy of Japan's New Goeconomic Strategy // Journal of East Asian Studies. 2023. Issue 23. Pp. 1–21; Harris T. The Iconoclast: Shinzo Abe and the New Japan. London: Hurst & Company, 2020. 456 p.; Kwon H. Openness and Coordination. National Economies of the U.S., Japan, and Germany in a Globalized World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. 310 p.; Белов А.В. Экономическая политика Японии в период пандемии // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 33–41.

на японскую экономику. Существуют также мнения¹, что политика С. Абэ лишь ухудшила ситуацию в стране, решая мимолетные задачи и не борясь с фундаментальными проблемами в экономике, особенно это относится к рынку труда, где разрыв в доходах между постоянными и непостоянными работниками только увеличился.

В текущих негативных условиях (возрастающей необходимости в обеспечении экономической безопасности страны, преодолении последствий пандемии коронавируса и кризиса на Украине) правительство Японии обозначило четыре направления стратегии экономического развития страны («Новая форма капитализма»)²: комплексная реформа рынка труда, масштабное привлечение инвестиций, в том числе зарубежных, в приоритетные области развития НИОКР, стартапы, развитие периферийных территорий, решение актуальных социальных проблем. Фактически, за счет наукоемкого экспорта Япония будет предпринимать усилия для стимулирования роста национальной экономики.

1.4. Тенденции развития экономики Республики Корея

Республика Корея известна как одна из самых успешных экономик мира. Всего за несколько десятилетий страна прошла путь от аграрного государства до развитой экономики. Активное участие во внешней торговле и международном разделении труда, эффективная государственная политика в сфере образования, науки и техники, высокая конкурентоспособность крупных конгломератов Республики Корея гарантировали стране устойчивость даже в условиях глобальных экономических кризисов³. Экспортно ориентированная модель экономического развития, которая продемонстрировала успехи в 1960–1970-е гг., для Республики Корея продолжает оставаться актуальной⁴. Если изначально она позволила преодолеть зависимость от импорта, снизить уровни бедности и безработицы, то с 1990-х гг. благодаря ориентации на экспорт Республика Корея занимает ведущие в мире места как производитель высокотехнологичных товаров⁵. Между тем имеются основания утверждать, что поддерживать экономику за счет экспорта становится для руководства и корпоративного сектора Республики Корея все сложнее.

¹ Chiavacci D., Lechevalier S. Japanese Political Economy Revisited: Diverse Corporate Change, Institutional Transformation, and Abenomics // Japan Forum. 2017. Vol. 29. Issue 3. Pp. 299–311; Shibata S. Re-Packaging Old Policies? 'Abenomics' and the Lack of an Alternative Growth Model for Japan's Political Economy // Japan Forum. 2017. Vol. 29. Issue 3. Pp. 399–422.

² Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism. Investing in People, Technology, and Startups / Cabinet Secretariat of Japan. 2022; Горячева Е. Что нового в японском «новом капитализме»? / Российский совет по международным делам. 2023.

³ Lee K.K. Korea's Economic Growth and the Growth Model in the Changing Global Economy // The Japanese Political Economy. 2024. Vol. 50. Issue 2. Pp. 161–184.

⁴ Кукла М.П. Тенденции и вызовы экономического развития Республики Корея: итоги 2014–2023 гг. // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 77–95.

⁵ Manufacturing in South Korea – Trends for 2023 // Asian Insiders. 2023. 7 March.

Уже с конца 1990-х гг. наблюдается снижение производительности в связи с исчерпанием благоприятных интенсивных факторов роста, что замедляет динамику ВВП¹ Республики Корея. С другой стороны путь дальнейшего интенсивного роста Республики Корея осложняется изменениями в системе образования и корпоративной этики, низким уровнем производительности малого и среднего бизнеса, высокой степенью зарегулированности южнокорейского рынка товаров и услуг².

Огромным потрясением для южнокорейской экономики стал валютно-финансовый кризис 1997 г., который по одним оценкам был вызван дисфункцией «восточноазиатской» модели развития, по другим – слишком резкой и непродуманной либерализацией финансовой системы Республики Корея в 1990-е гг. Правительство Республики Корея, следуя рекомендациям МВФ, осуществило неолиберальные рыночные реформы, которые предполагали реструктуризацию финансовой системы и корпоративного сектора, повышение гибкости рынка труда. Примечательно, что быстрое восстановление после кризиса 1997 г. было обусловлено именно ростом экспорта, которому способствовали обесценивание национальной валюты – воны и благоприятные тенденции в мировой экономике³.

В 2000-е гг. Республика Корея продолжила опираться на экспортно ориентированную модель, адаптируя экономику к мировым трендам и активно участвуя в международной торговле. Экономика продолжала расти благодаря расширению экспорта, чему способствовала активная государственная политика по продвижению многосторонней и двусторонней интеграции⁴. К 2023 г. Республика Корея заключила 21 соглашение о свободной торговле в общей сложности с 59 государствами⁵. Она остается одной из немногих стран, одновременно создавших ЗСТ+ с крупнейшими странами и экономическими объединениями – АСЕАН⁶ (в 2009 г.), ЕС (в 2011 г.), США (в 2012 г., пересмотрено в 2018 г.) и Китаем (2015 г.). Положительный эффект ЗСТ+ для стимулирования южнокорейского экспорта расценивается высоко⁷. Важно отметить, что экономический подъем Китая в 2000-е гг.

¹ Горожанкина А.А. Внутренние и внешние факторы перехода Республики Корея на модель интенсивного экономического роста (1960–2023 гг.). М.: Директ-Медиа, 2024. 200 с.; *Cho T.H.* Eighty Years of the Korean Economy (1970–2050): The Past and a Future Growth Strategy (December 17, 2023) / Bank of Korea. WP 2023-25. 2023. 79 p.

² Горожанкина А. А. Внутренние и внешние факторы перехода Республики Корея на модель интенсивного экономического роста (1960–2023 гг.). М.: Директ-Медиа, 2024. 200 с.

³ *Lee K.K.* Korea's Economic Growth and the Growth Model in the Changing Global Economy // *The Japanese Political Economy*. 2024. Vol. 50. Issue 2. Pp. 161–184.

⁴ Коргун И.А. Многоуровневая либерализация, или Почему корейский рынок остается труднодоступным // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 157–164; *Lee K.K.* Korea's Economic Growth and the Growth Model in the Changing Global Economy // *The Japanese Political Economy*. 2024. Vol. 50. Issue 2. Pp. 161–184.

⁵ FTA of the Republic of Korea: Status of Agreements, September 2024 / FTA Korea. 2024. (На кор. яз.).

⁶ Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

⁷ Коргун И. А. Многоуровневая либерализация, или Почему корейский рынок остается труднодоступным // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 161.

также способствовал наращиванию экспорта и поддержанию темпов экономического роста Республики Корея¹. С 2022 г. Республика Корея является участником ВРЭП, основной эффект от которого заключается в создании возможностей для свободной торговли с Японией. Положительный эффект для роста товарооборота Республики Корея с Японией зафиксирован в первый же год действия соглашения ВРЭП².

Постепенно модель экономического роста Республики Корея, ориентированная на экспорт, столкнулась с внутренними и внешними ограничениями. Прежде всего, речь идет о последствиях пандемии и геополитической напряженности³. Кроме того, Республика Корея столкнулась с перегревом внутренних рынков потребительских товаров и недвижимости, а также негативной демографической динамикой⁴. В период пандемии коронавируса (2020–2022 гг.) экономический рост Республики Корея замедлился, а инфляция и волатильность рынка усилились⁵. На фоне сложившегося комплекса внутренних и внешних проблем, в числе которых замедление экономического роста Китая, в 2020-е гг. все больше говорится о том⁶, что в дальнейшем необходимо стимулировать экономический рост Республики Корея за счет расширения внутреннего спроса. Однако ряд внутренних процессов, связанных со снижением рождаемости и старением населения, как предполагается, ограничивает реализацию этой идеи.

Следует заметить, что Республика Корея занимает высокие позиции в мировых экономических рейтингах. Так, по состоянию на 2023 г. Республика Корея занимала 14 место в мире по показателю ВВП⁷ и 8 место по стоимостному объему внешней торговли товарами⁸. Страна выступает как чистый экспортер капитала, с ежегодным оттоком инвестиций, значительно превосходящим их приток. В 2023 г. объем оттока прямых инвестиций из Республики Корея составил 34,5 млрд долл., тогда как приток ПИИ – 15,2 млрд долл.⁹

Преодолев последствия глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., экономика Республики Корея в первой половине 2010-х гг. вступила в долгосрочную фазу низких темпов роста. Период 2014–2023 гг. делится на два этапа,

¹ Lee K.K. Korea's Economic Growth and the Growth Model in the Changing Global Economy // The Japanese Political Economy. 2024. Vol. 50. Issue 2. Pp. 161–184.

² Воронцов А.В. Участие Южной Кореи в ВРЭП: опыт первого полуторалетнего периода // Восточная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 52.

³ Кукла М.П. Тенденции и вызовы экономического развития Республики Корея: итоги 2014–2023 гг. // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 77–95.

⁴ Суслов Д.В. Тенденции экономического развития в странах СВА-3 (КНР, Япония, Республика Корея) в 2022–2023 гг.: влияние геополитической напряженности и различных рисков // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 8–18.

⁵ Самсонова В.Г., Зуева А.Г. Современные тенденции в экономике РК (2020–2022 гг.) // Корееведение. 2022. № 1. С. 38.

⁶ Lee K.K. Korea's Economic Growth and the Growth Model in the Changing Global Economy // The Japanese Political Economy. 2024. Vol. 50. Issue 2. Pp. 161–184.

⁷ GDP (current US\$) / World Bank. 2023.

⁸ Trade Profiles. Korea, Republic of / WTO. 2023.

⁹ Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

граница между которыми проходит по году начала пандемии COVID-19. До пандемии среднегодовые темпы прироста ВВП составляли в среднем 3%, после чего в 2020 г. был зафиксирован спад с последующим приростом 4,3% в 2021 г., обусловленным эффектом низкой базы. Далее темпы экономического роста начали снижаться, составив всего 1,4% в 2023 г. Замедление темпов экономического роста обусловлено как общим торможением мировой экономики, так и социально-демографическими проблемами в Республике Корея, которые способствуют снижению внутреннего спроса (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Экономические индикаторы Республики Корея (2014–2023 гг.)

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Прирост ВВП, %	3,2	2,8	2,9	3,2	2,9	2,2	–0,7	4,3	2,6	1,4
ВВП на душу населения, в текущих ценах, долл.	29253	28737	29274	31601	33447	31902	31728	35126	32395	33192
Среднегодовой курс воны к доллару США	1053	1132	1161	1131	1100	1166	1180	1144	1292	1305
Прирост инфляции, %	1,3	0,7	1,0	1,9	1,5	0,4	0,5	2,5	5,1	3,4
Экспорт товаров, млрд долл.	572,7	526,8	495,4	573,7	605,2	542,2	512,5	644,4	683,6	632,2
Импорт товаров, млрд долл.	525,5	436,5	406,2	478,5	535,2	503,3	467,6	615,0	731,4	642,6
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	47,2	90,3	89,2	95,2	70,0	38,9	44,9	29,4	–47,8	–10,4

Источник: World Economic Outlook Database / IMF. 2024; Merchandise: Total Trade and Share, Annual / UNCTAD. 2024.

Большой проблемой для экономики Республики Корея после пандемии стала инфляция. Если в доковидный период ее прирост в среднем составлял 1% в год, то в 2021 г. – вырос до 2,5%, а в 2022 г. – до 5,1%. Наиболее тяжелыми для экономики страны стали 2021 г. и 2022 г., так как наряду с инфляцией наблюдались снижение курса воны, сокращение экспорта, отрицательное сальдо торгового баланса.

В 2023 г. макроэкономическая ситуация стабилизировалась. Инфляция немного уменьшилась в результате ужесточения финансовой политики, однако все еще остается выше целевого показателя, установленного Банком Кореи на

уровне 2%¹. Наряду с этим стал расти экспорт и восстанавливаться экономический рост. Снижение курса воны, которая потеряла относительно доллара США около 23% за десятилетний период, как предполагается, не может дать мощный толчок для развития экспорта, так как лишь нивелирует растущие затраты на энергоносители и другие стратегические товары².

Экспортно ориентированная южнокорейская экономика сильно зависит от конъюнктуры мировой экономики и динамики внешнего спроса. По оценкам³, трехкратное снижение среднегодовых темпов прироста ВВП в 2007–2017 гг. по сравнению с 2000–2007 гг. связано с уменьшением вклада экспорта в прирост ВВП. Таким образом, потребление домохозяйств (частное потребление) в Республике Корея не является решающим фактором формирования ВВП. Важными факторами экономического роста страны остаются экспорт и инвестиции в основной капитал. Высокая доля сбережений в ВВП (34,2% в 2023 г.⁴) способствует тому, что инвестирование в национальную экономику сохраняется на достаточно высоком уровне (табл. 1.5).

Таблица 1.5

Относительные показатели ВВП Республики Корея, % к ВВП

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Валовые капиталовложения, %	29,0	29,0	29,7	31,5	30,4	30,1	31,3	31,7	32,2	30,4
Частное потребление, %	49,9	48,5	48,0	47,6	48,0	48,6	46,4	46,0	48,1	48,0
Государственное потребление, %	15,2	15,1	15,2	15,4	16,1	17,1	18,0	18,2	18,8	16,1
Отношения экспорта товаров и услуг к ВВП, %	46,1	42,6	39,4	40,9	41,1	39,1	36,6	42,0	48,6	44,1

Источник: составлено по: Korea Statistical Information Service / KOSIS. 2024. (На кор. яз.).

Доля частного потребления в ВВП после 2000-х гг. стала меньше, чем в предыдущее десятилетие, и ниже, чем в других развитых странах – менее 50%. При этом экспортная квота Республики Корея выросла с 33,9% в 2000 г. до 44,0% в 2023 г. Для сравнения – среди стран Большой двадцатки⁵ выше показатель только

¹ Bank of Korea. URL: <https://www.bok.or.kr/portal/main/main.do> (дата обращения: 14.07.2024).

² Kim J. Impacts of Currency Fluctuations on Exports and Imports and the Trade Balance // KDI Economic Outlook. 2022.

³ Горожанкина А.А. Внутренние и внешние факторы перехода Республики Корея на модель интенсивного экономического роста (1960–2023 гг.). М.: Директ-Медиа, 2024. 200 с.

⁴ World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

⁵ Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Франция, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Япония, Республика Корея, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, Южная Африка, Турция, Соединенное Королевство и США, а также Африканский Союз и ЕС.

у Германии (47,1%), а в среднем экспортная квота стран Большой двадцатки составила в 2023 г. 29,2%¹.

Динамика внешней торговли Республики Корея на протяжении 2014–2023 гг. была нестабильной, однако вплоть до 2021 г. страна сохраняла положительный баланс внешней торговли. Лишь в 2022–2023 гг. на фоне роста цен на энергоносители, усложнения цепочек поставок, вызванных последствиями пандемии COVID-19, наблюдалось отрицательное сальдо внешнеторгового баланса. Внешняя торговля Республики Корея имела структурные проблемы, выражающиеся в низкой степени диверсификации товарной и географической структуры экспорта, отрицательном сальдо в торговле услугами, низкой доле экспорта, приходящегося на малые и средние предприятия².

Наибольшие опасения вызывала недостаточная диверсификация географии южнокорейского экспорта. На десять ведущих торговых партнеров Республики Корея в экспорте страны пришлось в 2023 г. 68,8%. На Китай, который стал крупнейшим торговым партнером Республики Кореи с середины 2000-х гг., приходилось в 2014 г. 25% экспорта. К 2023 г. структура экспорта Республики Корея немного изменилась – доля Китая сократилась за счет роста доли экспорта, приходящегося на США (табл. 1.6).

Таблица 1.6

**Экспорт Республики Корея по странам-партнерам
в 2014 г. и 2023 г.**

№	2014			2023		
	страна	млрд долл.	%	страна	млрд долл.	%
	всего	572,7	100,0	всего	632,2	100,0
1	Китай	145,3	25,4	Китай	124,8	19,7
2	США	70,3	12,4	США	115,7	18,3
3	Япония	32,2	5,6	Вьетнам	53,5	8,46
4	Гонконг	27,3	4,8	Япония	29,0	4,6
5	Сингапур	23,7	4,2	Гонконг	25,2	4,0
6	Вьетнам	22,4	3,9	Тайвань	20,2	3,2
7	Тайвань	15,1	2,6	Сингапур	18,8	3,0
8	Индия	12,8	2,2	Индия	17,9	2,8
9	Индонезия	11,4	2,0	Австралия	17,8	2,8
10	Мексика	10,8	1,9	Мексика	12,2	1,9
	Итого по 10 крупнейшим странам-партнерам		64,8	Итого по 10 крупнейшим странам-партнерам		68,8

Источник: K-stat / Korea International Trade Association. 2024. (На кор. яз.).

¹ Exports of Goods and Services (% of GDP) / World Bank. 2023.

² Кукла М.П. Императивы торговой политики Республики Корея: влияние пандемии COVID-19 // Международная торговля и торговая политика. 2021. Т. 7. № 3. С. 64–78.

При этом суммарная доля экспорта из Республики Корея в Китай и США, сохранялась на уровне почти 40%. Это делает экономику Республики Корея уязвимой не только от состояния важнейших для нее рынков сбыта, но и от торговой политики Вашингтона и Пекина. Тенденции роста протекционизма в США и замедление экономического роста в Китае являются заметными вызовами для развития экономики Республики Корея¹.

Также слабой чертой экспорта Республики Корея является его недостаточная товарная диверсификация. На десять ведущих позиций экспорта Республики Корея, представляющих продукцию нефтехимической промышленности, машиностроения, автомобилестроения и судостроения, как в 2014 г., так и в 2023 г. пришлось 47% товарного экспорта. Ключевой экспортной отраслью промышленности Республики Корея является производство полупроводников, рынок которых после резкого обвала в 2022 г. медленно восстанавливается². При этом, в 2022 г. на товары информационно-коммуникационных технологий приходилось 27,6% экспорта Республики Корея³ (табл. 1.7). В контексте зависимости поставок на внешний рынок относительно небольшой группы товаров, положение экспортных производств остается заметным риском для южнокорейской экономики.

Что касается состояния внутреннего спроса, то, несмотря на большое значение, которое он имеет для стимулирования экономики, его рост ограничен имущественным неравенством и закредитованностью населения. Быстрое увеличение долговой нагрузки домашних хозяйств в Республике Корея стало проблемой для экономики уже с середины 2000-х гг.⁴ В первой половине 2010-х гг. уровень закредитованности населения достиг критической отметки. В 2022 г., по данным МВФ⁵, по отношению задолженности домохозяйств к ВВП, которое составило 105%, Республика Корея заняла третье место в мире (после Швейцарии и Австралии).

Можно предположить, что рост задолженности способен оказать положительное воздействие на экономику домашних хозяйств и государства в целом, поскольку привлечение заемных средств увеличивает покупательную способность и стимулирует потребление. Тем не менее, в настоящее время в Республике Корея наблюдается снижение потребления, которое обусловлено следующими факторами. Во-первых, пожилые люди предпочитают ограничивать расходы, формируя пенсионные накопления, что подтверждается высоким уровнем сбережений (34,2% к ВВП в 2023 г.)⁶. Во-вторых, регулярные платежи по кредитам сокращают располагаемый доход населения, что также снижает потребление, несмотря на увеличение заработной платы, большая часть которой направляется на погашение кредитов. В-третьих, сохраняю-

¹ Stangarone T. Geopolitics and Global Slowdown Weigh on South Korea's Economy // East Asia Forum. 2024. 24 February.

² Global Semiconductor Sales Increase 3.3% in 2022 Despite Second-Half Slowdown / Semiconductor Industry Association. 2023.

³ General Profile: Republic of Korea / UNCTAD. 2023.

⁴ Song J., Ryu D. Houses as Collateral and Household Debt Deleveraging in Korea // Economics: The Open-Access, Open-Assessment Journal. 2021. Vol. 15. Issue 1. Pp. 3–27.

⁵ Household Debt, Loans and Debt Securities / IMF. 2023.

⁶ ECOS Bank of Korea Statistics Portal. 2024. (На кор. яз.).

щаяся на фоне инфляции высокая процентная ставка усугубляет положение заемщиков и негативно влияет на возможности роста частного потребления¹. С ростом задолженности возникает еще одна проблема: учитывая неблагоприятные демографические тенденции, часть долгов домохозяйств может перейти в государственный долг из-за увеличения государственных расходов на стимулирование потребления.

Таблица 1.7

**Структура экспорта Республики Корея
по товарным группам в 2014 г. и 2023 г.**

№	2014			2023		
	товар (товарный код)	млрд долл.	%	товар (товарный код)	млрд долл.	%
	всего	572,6	100,0	всего	632,2	100,0
1	Схемы электронные интегральные (8542)	51,5	9,0	Схемы электронные интегральные (8542)	86,1	13,6
2	Нефтепродукты (2710)	48,8	8,5	Легковые автомобили (8703)	68,3	10,8
3	Легковые автомобили (8703)	44,8	7,8	Нефтепродукты (2710)	50,9	8,1
4	Телефонные аппараты, в том числе беспроводные (8517)	27,7	4,8	Части и принадлежности автотранспортных средств (8708)	19,4	3,1
5	Лазеры, приборы и инструменты оптические (9013)	24,9	4,4	Модули с плоской дисплейной панелью (8524)	17,0	2,7
6	Части и принадлежности автотранспортных средств (8708)	24,3	4,2	Плавучие средства (суда) (8901)	16,7	2,6
7	Плавучие средства (суда) (8901)	21,8	3,8	Соли оксометаллических или пероксометаллических кислот (2841)	12,7	2,0
8	Плавучие средства (доки, краны, буровые платформы и т.п.) (8905)	16,3	2,8	Аккумуляторы электрические (8507)	9,8	1,6
9	Углеводороды циклические (2902)	10,6	1,8	Части и принадлежности оборудования (8473)	9,1	1,5
10	Части, предназначенные для модулей с плоской дисплейной панелью (8529)	7,2	1,3	Углеводороды циклические (2902)	9,0	1,4
	Итого по первым 10 позициям экспорта		47,6	Итого по первым 10 позициям экспорта		47,4

Примечание: в скобках указан 4-х значный код гармонизированной системы.
Источник: K-stat / Korea International Trade Association. 2024. (На кор. яз.).

¹ KERI Economic Trends and Prospects 2022–2023 / Korea Economic Research Institute. 2022. Vol. 32-3. (На кор. яз.).

Следует заметить, что с 2000 г., достигнув высокого уровня развития, экономика Республики Корея столкнулась с рядом социально-демографических проблем, таких как старение населения и низкая рождаемость, которые стали препятствиями для ее дальнейшего роста. Благодаря высокому уровню развития медицины в Республике Корея наблюдается увеличение продолжительности жизни, что в сочетании со снижением рождаемости приводит к быстрому старению общества по японскому образцу. В Республике Корея темпы старения населения опережают среднемировые¹. После 2005 г. продолжительность жизни в Республике Корея стала расти быстрее, чем в среднем по странам-членам ОЭСР, а в 2023 г. составила уже 83,6 года, что превышает средний показатель по ОЭСР (80,3 года)².

Как результат, доля пожилых (старше 65 лет) людей в южнокорейском обществе увеличивается быстрыми темпами – с 12,4% в 2014 г. до 18,2% в 2023 г. Вероятно, эта тенденция продолжится в среднесрочной перспективе, оказывая негативное влияние на рынок труда и создавая повышенную нагрузку на государственный бюджет. В целом, в Республике Корея старение населения создает дополнительные проблемы, поскольку в стране зафиксирован самый высокий уровень бедности среди пожилых людей в ОЭСР, составляя 38% людей старше 65 лет в 2022 г.³ Проблема старения общества усугубляется низкой рождаемостью, уровень которой уже несколько лет подряд является одним из худших показателей в мире⁴, всего за десятилетний период снизившись с 1,21 в 2014 г. до 0,72 – в 2023 г. (табл. 1.8).

Негативные демографические тенденции отражают проблемы, накопившиеся в южнокорейском обществе. Сокращающееся молодое население сознательно отказывается от брака и рождения детей из-за неконтролируемого роста цен на недвижимость, высоких затрат на воспитание и образование и в общем из-за изменения роли женщины в обществе⁵. В результате численность новорожденных в Республике Корея сократилась за минувшие 10 лет практически вдвое, а начиная с 2020 г. наблюдается естественная убыль населения. Она пока не компенсируется миграционным приростом, хотя его показатели положительные (за исключением 2021 г., пришедшегося на разгар пандемии). Миграционный прирост обеспечивался за счет стран Восточной Азии (Китай, Вьетнам, Таиланд и Индонезия)⁶.

Снижающиеся темпы рождаемости и старение населения в Республике Корея оказывают отрицательное воздействие на перспективы экономического развития посредством различных механизмов. Во-первых, уменьшение численности молодого населения ведет к сокращению потребительских расходов и инвестиций в человеческий капитал. Во-вторых, уменьшение численности тру-

¹ Live Long and Prosper: Aging in East Asia and Pacific / World Bank Group. 2016.

² Health at a Glance 2023 / OECD. 2023.

³ S. Korea's Sky-High Elderly Poverty Edges Even Higher to 38.1% // The Korea Herald. 2024. 11 March.

⁴ Fertility Rate, Total (Births per Woman) / World Bank. 2022.

⁵ Проткова Е.В. Экономические, социальные и демографические аспекты низкой рождаемости в Республике Корея в XXI в. // Корееведение. 2024. № 1 (6). С. 50–65.

⁶ Immigration Dynamics by Gender, Nationality / KOSIS. 2014. (На кор. яз.).

деспособного населения отрицательно влияет на предложение на рынке труда. В-третьих, увеличение нормы сбережений отрицательно сказывается на росте потребления, так как стареющее население, составляющее значительную часть общества, имеет тенденцию больше сберегать. В итоге, страна нуждается в большой численности молодого населения, которое обладает большей способностью к инновациям и обучению, что может привести к повышению эффективности производства¹.

Таблица 1.8

Демографические показатели Республики Корея

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	81,8	82,1	82,4	82,7	82,7	83,3	83,5	83,6	82,7	83,6
Естественный прирост / убыль населения, тыс. чел.	167,7	162,5	125,4	72,2	28,0	7,6	-32,6	-57,1	-123,7	-122,8
Коэффициент рождаемости	1,21	1,24	1,17	1,05	0,98	0,92	0,84	0,81	0,78	0,72
Доля пожилых людей (старше 65 лет), %	12,4	12,8	13,2	13,8	14,3	14,9	15,7	16,6	17,4	18,2
Миграционный прирост, тыс. чел.	141,6	61,4	75,3	106,8	156,0	31,8	112,8	-65,9	88,0	121,0

Источник: составлено по: Korea Statistical Information Service / KOSIS. 2024. (На кор. яз.).

Наряду с негативными демографическими тенденциями, южнокорейское общество характеризовалось серьезным имущественным расслоением: в 2022 г. доходы 20% самых богатых людей в 11,2 раза превышали доходы 20% наименее обеспеченных. Доля семей с располагаемым доходом менее 60% от медианного

¹ Hong E-J. Analysis of the Impact of Low Fertility and Population Aging on the Economy: Prospects for Economic Growth // Women's Economic Journal. 2017. Vol. 14. Issue 2. Pp. 1–23. (На кор. яз.)

уровня в 2021 г. составила 21,4 %¹. В числе причин имущественного расслоения – дисбаланс в уровне оплаты труда по отраслям и видам предприятий, что стало результатом несовершенной антимонопольной политики. Так, крупный бизнес, несмотря на значительное воздействие двух кризисов, продолжает доминировать в экономике Республики Корея, в то время как малые и средние предприятия не имеют равного доступа к финансам и технологиям, как крупные корпорации².

Следует заметить, что главным фактором экономического развития Республики Корея, как предполагается, остается высокий уровень научно-технического развития и человеческого капитала. Одним из направлений государственной политики Республики Корея в рамках форсированной индустриализации в рамках «восточноазиатской» модели было масштабное увеличение нормы совокупного накопления, а также наращивания человеческого капитала и расходов на НИОКР³ (табл. 1.9).

Таблица 1.9

**Динамика и структура расходов на НИОКР
в Республике Корея**

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Расходы на НИОКР в текущих ценах, млрд долл.	73,1	76,9	80,8	90,3	100,3	105,1	112,2	123,5	139,0
Доля расходов на НИОКР в ВВП, %	4,1	4,0	4,0	4,3	4,5	4,6	4,8	4,9	5,2
<i>Из них</i>									
Государственные расходы, %	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Расходы частных предприятий, %	3,2	3,1	3,1	3,4	3,6	3,7	3,8	3,9	4,1
Расходы учреждений высшего образования, %	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	0,5

Источник: Main Science and Technology Indicators (MSTI database) / OECD. 2024.

В 2020 г. Республика Корея вошла в первую десятку стран в Глобальном инновационном индексе⁴. Страна неоднократно занимала первое место в мировом

¹ Валитова Д.В., Кукла М.П. Безусловный базовый доход в Республике Корея: развитие социального обеспечения или популизм? // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 78–89.

² Park S. The Darkest Side of Monopsony: The South Korean Case // Promarket. 2020. 31 March; Financing SMEs and Entrepreneurs 2024: An OECD Scoreboard / OECD. 2024. 254 p.

³ Воронцов А.В. Участие Южной Кореи в ВРЭП: опыт первого полуторалетнего периода // Восточная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 46–61.

⁴ Global Innovation Index 2020. Republic of Korea / The World Intellectual Property Organization. 2020.

рейтинге инновационного развития, подготовленном агентством Bloomberg¹. По показателю расходов на НИОКР в 2022 г. Республика Корея заняла второе место после Израиля (6,0%) среди 38 стран-членов ОЭСР с показателем 5,2% от ВВП². Большую часть этих расходов покрывает частный сектор, прежде всего представители крупного бизнеса Samsung Electronics, LG Electronics, SK Hynix, LG Display и Hyundai Motor Group³. В относительном выражении растут расходы на высшее образование, тогда как расходы государства на НИОКР остаются на одном уровне за рассматриваемый период.

Кроме этого, Республика Корея занимает высокие места в международных рейтингах по показателям привлекательности для ведения бизнеса. Так, например, The Heritage Foundation ежегодно публикует рейтинг стран по индексу экономической свободы. По этим данным Республика Корея продемонстрировала значительный рост за последние 10 лет: с 31 места в 2014 г. она поднялась на 14 место в 2023 г. Сам индекс увеличился за этот период незначительно – с 71 до 73⁴. Одним из основных факторов роста индекса экономической свободы Республики Корея стал показатель «защиты прав собственности», который отражает степень защиты частной собственности и прав инвесторов. За рассматриваемый период он вырос с 70 до 88. Рост индекса экономической свободы Республики Корея был также обеспечен улучшением показателей «эффективности судебной системы» и «интегрированности правительства». При этом такие показатели как «финансовая свобода» и «свобода инвестиций» снизились, что может быть связано с усилением государственного регулирования в этих областях. Тем не менее, общий рост индекса экономической свободы свидетельствует о положительных тенденциях в экономике Республики Корея – страна стала более открытой для бизнеса и инвестиций.

Рост расходов на НИОКР является одним из стимулов СФП, которая играет важную роль в стимулировании экономического роста Республики Корея наряду с производительностью труда и инвестициями в основной капитал. Однако начиная с 2010-х гг. влияние первых двух факторов стало снижаться, а СФП стала снижаться, что приняло критическое значение для поддержания экономики. В 2010-е гг. стагнация СФП стала основной причиной снижения темпов экономического роста. Например, в производственном секторе рост СФП снизился с 6,2% в 1991–2000 гг. до 0,1% в 2011–2021 гг.⁵. С этой точки зрения, замедление роста СФП свидетельствует о стагнации производительности и недостатке инноваций.

¹ South Korea Leads World in Innovation as U.S. Exits Top Ten // Bloomberg. 2021. 3 February

² Рассчитано по: Main Science and Technology Indicators (MSTI Database) / OECD. 2024.

³ Самсонова В.Г. Южнокорейская политика в сфере науки и техники // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 109–121.

⁴ Index of Economic Freedom. All Country Score / Heritage Foundation. 2024.

⁵ Cho T.H. Eighty Years of the Korean Economy (1970–2050): The Past and a Future Growth Strategy / Bank of Korea. WP 2023-25. 2023. 79 p.

Прогнозируется¹, что рост СФП в Республике Корея будет иметь тенденцию к снижению в долгосрочной перспективе, а средний темп прироста данного показателя составит около 0,8% в период 2019–2067 гг. при сохранении нынешних демографических тенденций.

Следует заметить, что большой проблемой для научно-технического развития Республики Корея становится проблема кадрового обеспечения. Промышленность, особенно производство полупроводников (на которые приходится большая часть экспорта) испытывает нехватку квалифицированных кадров и инноваций. Проблема с кадрами особенно остро проявляется для малого и среднего бизнеса². При этом, усилия по повышению СФП оказали положительное влияние на экспорт Республики Корея³.

Таким образом, в 2014–2023 гг. экономика Республики Корея подтвердила свою приверженность экспортно ориентированной модели развития, которая с одной стороны обеспечивала экономический рост, а с другой – повышала уязвимость страны перед внешними рисками. Среди проблем, с которыми столкнулась Республика Корея в рассматриваемый период: замедление роста экономики Китая – главного торгового партнера страны, рост протекционизма в мире, торговый конфликт двух крупнейших торговых партнеров страны – США и КНР, нарушение цепочек поставок.

1.5. Развитие экономики России в условиях экзогенных и эндогенных рисков

Россия развивается преимущественно как сырьевая экономика или экономика с высокой долей природной ренты. Исследовательское сообщество сходится во мнении⁴, что российская экономика столкнулась с долгосрочными ограничениями развития, связанными со структурными деформациями вследствие зависимости от цен мирового рынка на традиционные товарные группы российского экспорта. Подчеркивается⁵, что для преодоления указанных ограничений необходима реализация новых механизмов государственной политики, способных придать положительный импульс развитию российской экономики. Многие исследования по-

¹ *Park M.* Analysis of Total Factor Productivity Prospects in the Republic of Korea Based on Panel Data // *South Korean Economy Scientific Journal*. 2021. Vol. 28. Issue 1. Pp. 39–80. (На кор. яз.)

² *Самсонова В.Г., Зуева А.Г.* Современные тенденции в экономике РК (2020–2022 гг.) // *Корееведение*. 2022. № 1. С. 36–52.

³ *Cho T.H.* Eighty Years of the Korean Economy (1970–2050): The Past and a Future Growth Strategy / Bank of Korea. WP 2023-25. 2023. 79 p.

⁴ *The Oxford Handbook of the Russian Economy* / Edited by M. Alexeev, Sh. Weber. New York: Oxford University Press, 2013. 849 p.; *Гурвич Е., Прилепский И.* Влияние финансовых санкций на российскую экономику // *Вопросы экономики*. 2016. № 1. С. 5–35.

⁵ *Кудрин А., Гурвич Е.* Новая модель роста для российской экономики // *Вопросы экономики*. 2014. № 12. С. 4–36.

казывают¹, что структурные деформации экономики России вызваны большой ее зависимостью от природной (нефтегазовой) ренты и высокими рисками для инвестирования.

Подобного рода особенности развития стран с высокой природной рентой в экономике рассматриваются в рамках моделей, описывающих проявление «голландской болезни»², «ресурсного проклятия»³ и «эффекта жадности»⁴. В результате большого количества эмпирических и теоретических работ⁵ было обнаружено, что высокая природная рента в экономике при прочих равных условиях вызывает: существенное упрощение экономической структуры; увеличение доли государственного сектора, способствуя монополизации и нарастанию общей неэффективности экономики. Природная рента, а конкретно нефтегазовая, позволяет добывающим странам получать аномально крупные, непредсказуемо изменяющиеся доходы, нуждающиеся в управлении при условии наличия исключительно сильных институтов⁶.

Соответственно, особенностью функционирования российской экономики является ее зависимость от внешнеторговых взаимодействий, которые определяют ее развитие. Россия относится к группе стран с высокими значениями отношения экспорта к ВВП, которые превышают среднемировой уровень⁷. Для России характерной чертой взаимодействия с мировой экономикой стало долгосрочное

¹ Economic Policy Reforms 2017: Russian Federation / OECD. 2017; Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Основные выводы и рекомендации / OECD. 2014; *Vanduyke N.* Natural Resources, Physical Capital and Institutions: Evidence from Eurasia / World Bank. Policy Research Working Paper No. 6586. 2013. 27 p.

² Негативный эффект для экономического развития страны, оказываемый влиянием укрепления реального курса национальной валюты в результате бума в сырьевом секторе экономики, в связи с введением в эксплуатацию новых месторождений полезных ископаемых и (или) ростом цен на экспорт сырьевых товаров. Подробно: *Corden W.M.* Booming Sector and Dutch Disease Economics: Survey and Consolidation // *Oxford Economic Papers*. 1984. Vol. 36. Issue 3. Pp. 359–380.

³ Характеристика экономического развития ряда стран, обнаруженная в рамках следующего эмпирического доказательства: экономики стран, обладающих значительными запасами природных ресурсов, являются менее развитыми по сравнению со странами с небольшими их запасами или их отсутствием. Подробно: *Sachs J.D., Warner A.M.* The Big Rush, Natural Resource Booms and Growth // *Journal of Development Economics*. 1999. Vol. 59. Pp. 43–76.

⁴ Негативное влияние обеспеченности природными ресурсами на качество государственного управления и процесс формирования экономических институтов. Подробно: *Tornell A., Lane P.R.* The Voracity Effect // *The American Economic Review*. 1999. Vol. 89. Issue 1. Pp. 22–46.

⁵ *Corden W.M.* Dutch Disease in Australia: Policy Options for a Three Speed Economy // *The Australian Economic Review*. 2012. Vol. 45. Issue 3. Pp. 290–304; *Arezki R., Nabli M.K.* Natural Resources, Volatility, and Inclusive Growth: Perspectives from the Middle East and North Africa / IMF Working Paper No. 12/111. 2012. 26 p.

⁶ Подробно: *Ross M.L.* The Oil Curse. How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. Princeton University Press, 2012. 312 p.

⁷ В среднем за 2014–2023 гг. отношение экспорта к ВВП в России составило 25%, в мире – 21%. Рассчитано по: *Merchandise Trade Matrix, Annual* / UNCTAD. 2024; *World Economic Outlook Database* / IMF. 2024. April; *GDP (current US\$)* / World Bank. 2023.

превышение экспорта над импортом, что отразилось в положительной динамике сальдо торгового баланса и накоплении ЗВР (рис. 1.21).

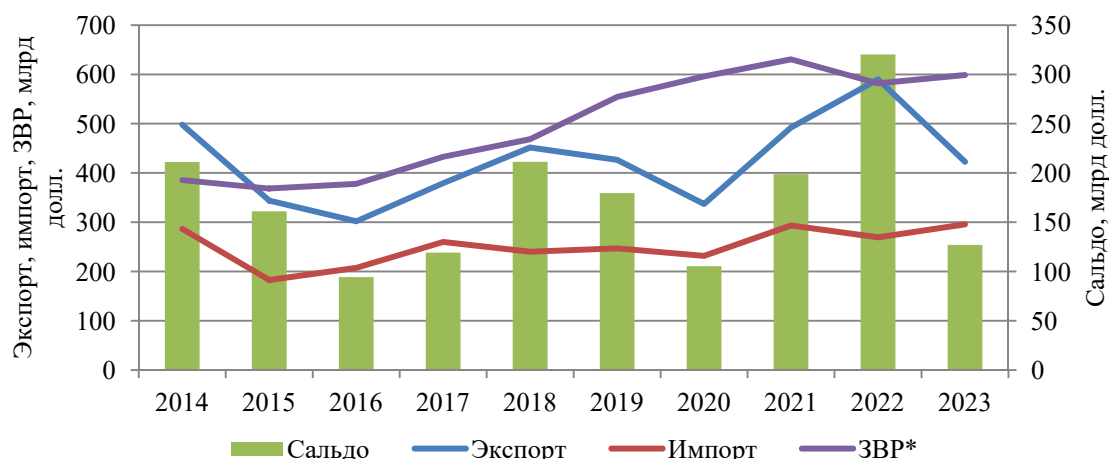

Рис. 1.21. Экспорт, импорт, сальдо торгового баланса и ЗВР России

Примечание: * — указан стоимостной объем золотовалютных резервов, включая часть «замороженных» ЗВР на счетах ряда недружественных для России стран и объединений с 2022 г.

Источники: Международные резервы Российской Федерации / Центральный банк Российской Федерации. 2024; World Economic Outlook Database / IMF. 2024. April.

Высокая обеспеченность сырьевыми ресурсами позволила Российской Федерации на всем периоде своего существования (с 1992 г.) заметно повысить среднедушевые доходы населения, потребление и инвестирование, в том числе за счет массовых импортных поставок. Соответственно, в структуре экспорта России основная доля приходилась на сырьевые товарные группы при доминировании топливно-энергетических товаров и других товаров с низкой добавленной стоимостью (табл. 1.10), ценообразование на которые в рамках рассматриваемого десятилетия было довольно волатильным на глобальных рынках. Основную долю в российском экспорте занимала сырая нефть, а также нефтепродукты с низкой долей переработки.

В отличие от экспорта, товарная структура импорта являлась более диверсифицированной, представляя главным образом продукцию обрабатывающей промышленности. Помимо потребительских товаров в импорте, поставляемом на российский рынок, была велика доля продукции инвестиционного назначения, которая играла основную роль в поддержании функционирования производственной и транспортной инфраструктуры национальной экономики.

В результате, рост российской экономики поддерживался динамикой положительной глобальной ценовой конъюнктуры на сырьевые товары и наоборот. Поскольку основные капиталовложения в инфраструктуру добычи и транспортировки сырьевых товаров, преимущественно сырой нефти и природного газа, были осуществлены в советский период, стоимостные объемы экспорта России стали формироваться главным образом исходя из динамики цен на мировом рынке, оп-

ределая общую динамику российской экономики, что наблюдалось и в 2014–2023 гг. (рис. 1.22).

Таблица 1.10

Товарная структура экспорта и импорта России, %

Товарная группа	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100
0	3,0/ 10,8	3,7/ 10,9	4,5/ 10,0	4,4/ 9,4	4,5/ 9,1	4,5/ 9,0	6,4/ 9,3	5,1/ 8,4	5,5/ 10,3	6,3/ 9,8
1	0,3/ 1,2	0,3/ 1,2	0,4/ 1,3	0,3/ 1,2	0,2/ 1,2	0,3/ 1,3	0,3/ 1,3	0,3/ 1,2	0,2/ 1,3	0,3/ 1,3
2	3,2/ 2,9	3,5/ 3,5	4,2/ 3,4	4,2/ 3,3	4,0/ 3,6	4,2/ 3,7	5,2/ 3,8	4,9/ 3,8	4,0/ 4,0	4,8/ 3,7
3	69,5/ 1,5	62,8/ 1,6	48,3/ 1,0	49,1/ 1,2	52,7/ 1,4	52,0/ 1,3	42,1/ 0,9	43,1/ 0,9	60,2/ 1,6	54,5/ 1,1
4	0,4/ 0,4	0,5/ 0,5	0,7/ 0,5	0,7/ 0,5	0,6/ 0,5	0,8/ 0,5	1,1/ 0,6	1,0/ 0,7	1,2/ 0,9	1,2/ 0,6
5	4,7/ 12,1	5,8/ 14,1	5,9/ 13,5	5,5/ 13,0	4,9/ 13,6	5,1/ 15,0	5,6/ 14,1	6,3/ 14,2	6,6/ 16,1	7,1/ 14,8
6	10,6/ 13,1	12,6/ 12,8	14,0/ 12,1	13,8/ 12,0	13,2/ 12,3	12,5/ 12,3	15,6/ 12,1	15,0/ 12,3	14,2/ 13,3	16,5/ 12,9
7	4,0/ 41,3	5,4/ 37,8	6,2/ 41,9	5,9/ 43,6	4,6/ 42,4	5,1/ 41,4	4,8/ 41,4	4,7/ 42,7	4,4/ 38,7	5,1/ 41,7
8	1,3/ 15,0	1,7/ 15,0	2,1/ 14,6	1,4/ 14,1	1,1/ 14,3	1,3/ 14,0	1,5/ 13,7	1,2/ 13,0	1,3/ 13,3	1,5/ 13,6
9	3,0/ 1,8	3,6/ 2,6	13,9/ 1,8	14,7/ 1,7	14,3/ 1,6	14,4/ 1,6	17,3/ 2,7	18,4/ 2,8	2,3/ 0,7	2,8/ 0,5

Примечания. По каждой товарной группе указана ее доля в экспорте / доля в импорте. Здесь и далее в разделе 1.5 укрупнение товарных групп осуществлено по кодам Международной стандартной торговой классификации (SITC): 0 – пищевые продукты и живые животные; 1 – напитки и табак; 2 – сырье непродовольственное, кроме топлива (шкуры, кожевенное сырье и пушнина; масличные семена и масличные плоды; натуральный каучук; пробка и лесоматериалы, бумажная масса и макулатура; текстильные волокна и их отходы; сырье для удобрений, минеральное сырье, металлические руды и лом; сырьевые материалы животного и растительного происхождения, не включенные в другие категории); 3 – минеральные топлива, смазки и аналогичные материалы; 4 – животные и растительные масла, жиры и воски; 5 – химические вещества и аналогичная продукция; 6 – промышленные товары, классифицированные по виду материала (кожа, готовые изделия из кожи и выделанная пушнина; резиновые изделия, не включенные в другие категории; изделия из пробки и дерева (кроме мебели); бумага, картон и изделия из них; текстильная пряжа, ткани и готовые изделия из них; продукция из нерудных ископаемых, не включенная в другие категории; чугун и сталь, цветные металлы и изделия из них); 7 – машины и транспортное оборудование; 8 – различные готовые изделия (блочные здания; арматура и крепления; мебель; постельные принадлежности, матрацы, подушки и аналогичная мебель; дорожные принадлежности, сумки; предметы одежды и одежные принадлежности; обувь; специальные приборы и аппараты, фотографическая аппаратура, оборудование и принадлежности и оптические изделия; часы); 9 – товары и операции, не включенные в другие категории (специальные операции и товары, монеты, немонетарное золото, кроме золотых руд и концентратов).

Источник: рассчитано по: Merchandise Trade Matrix, Annual / UNCTAD. 2024.

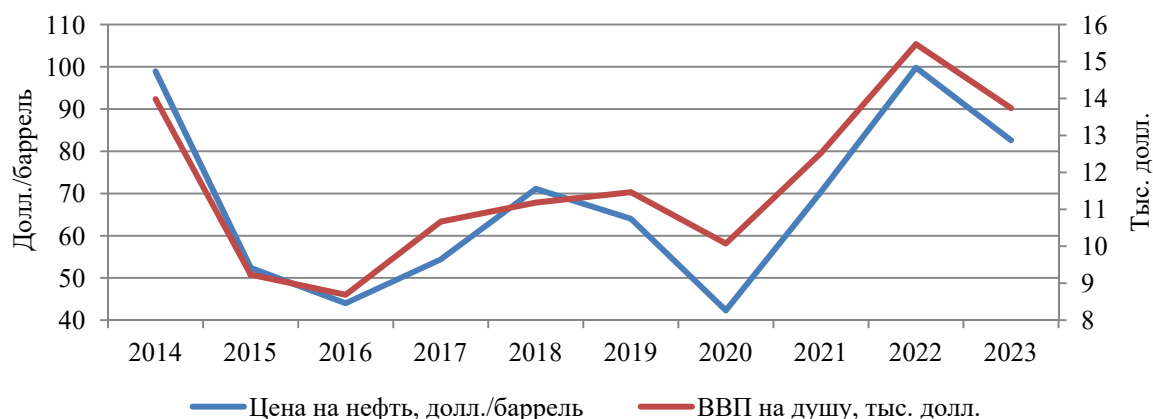

Рис. 1.22. Динамика среднедушевого ВВП России (правая ось) и цена на сырую нефть на глобальном рынке (левая ось)

Примечания. ВВП и цена на нефть приведены в текущих ценах. Цена на нефть отражает среднегодовую цену сорта товарной нефти UK Brent (light).

Источники: World Economic Outlook Database / IMF. 2024; Commodity Prices, Annual / UNCTAD. 2024.

Рентный характер российской экономики стал наглядно проявляться при сопоставлении доходов государственного бюджета России и цен на сырую нефть на мировом рынке¹. Колебания нефтяного и ненефтяного экспорта России происходят синхронно, оставляя практически неизменными исходные пропорции между ними, по причине того, что источником капитала для ненефтяного производства прямым или косвенным образом являются доходы от поставок на внешние рынки углеводородного сырья (рис. 1.23).

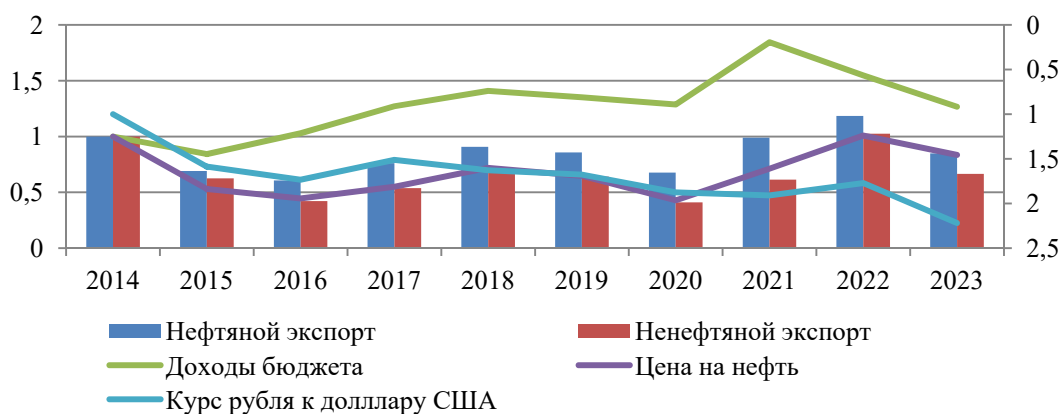

Рис. 1.23. Доходы федерального бюджета, ненефтяной / нефтяной экспорт России, цена на сырую нефть на мировом рынке, курс рубля к доллару США (2014 г. = 1)

Примечания. Доходы государственного бюджета и ненефтяной / нефтяной экспорт России выражены в долларах в текущих ценах; цена на нефть в долл. / баррель представлена маркой «Brent». Относительные значения курса рубля к доллару США отражены по правой оси.

Источник: рассчитано на основе: World Economic Outlook Database / IMF. 2024; Commodity Prices, Annual / UNCTAD. 2024.

¹ Корреляция между двумя показателями составляет почти 100,0%.

При прочих равных условиях, удорожание экспорта за счет благоприятной ценовой конъюнктуры способствовало некоторому укреплению курса национальной валюты, который снизился почти в два раза в конце 2014 г., стимулируя расширение внутреннего спроса за счет роста реальной заработной платы, социальных расходов и государственных закупок. После финансового кризиса 2014 г., в 2015–2016 гг. цена на нефть держалась на низком уровне, а в 2017–2019 гг. наблюдалось ее увеличение. Далее, в 2020 г. в условиях ограничений, связанных с пандемией COVID-19, цены на нефть на мировом рынке значительно снизились, что отразилось девальвацией рубля. Далее последовало увеличение цен на нефть на мировом рынке, что было связано с постковидным восстановлением глобальной экономики, а также обострением геополитических рисков, которые непосредственно затронули Россию, отразившись на ее внешней торговле, курсе рубля и доходах бюджета.

Следует различать собственно наличие природной ренты и чрезмерную зависимость от нее, которая для России проявляется при сопоставлении доходов государственного бюджета и цен на сырую нефть на мировом рынке. Корреляция между двумя показателями очень тесная, поскольку бюджетные доходы генерируются как в результате прямого налогового обложения экспорта сырьевых товаров, так и косвенного, формирующего доходы домохозяйств и корпоративного сектора и спрос на импорт. В результате, за годы высоких цен на сырую нефть (в 2010–2014 гг.) в России произошла деформация бюджетной политики, поскольку региональные экономические подсистемы стали несамостоятельными, а фокус региональных органов власти переместился с приоритетов конкурентного экономического развития на установление отношений с Центром, что в целом свойственно для рентной модели экономики в условиях центростремительных тенденций.

В итоге, в России государство стало рассматриваться не как поставщик услуг, а как распределитель бюджетных доходов, которые приносит природная рента, и как создатель субсидируемых рабочих мест. Как следствие, значительные ресурсы стали задействованы в отраслях с низкой производительностью труда. Подтверждением долгосрочной тенденции развития экономики России, связанной с централизованным распределением доходов, получаемых от природной ренты, является то обстоятельство, что торговля генерировала более половины прироста экономики¹. На это указывает с одной стороны, существенное усиление роли торговли с зарубежными странами, поскольку рентный экспорт позволял активно развивать поставки высокоэффективного импорта. В свою очередь, динамика товарооборота с зарубежными странами и бюджетные расходы способствовали мультиплицированию торговли на отечественном рынке. Развитие экономики страны в рамках данной модели привело к ее дедиверсификации, а также к сильной зависимости от текущей внешнеторговой конъюнктуры. При этом присоединение России к ВТО в 2012 г. способствовало снижению для нее различных торгово-экономических барьеров, а также открыло возможности использования механизмов глобального формата для урегулирования различного рода торговых споров.

¹ Изотов Д.А. Экономический рост и торговля российских регионов // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 92–114.

Следует заметить, что в течение рассматриваемого периода направление внешнеэкономической политики России, задающее вектор ее взаимодействий с зарубежными странами, существенно изменились. В 2014–2023 гг. Россия столкнулась с серьезными экзогенными вызовами, связанными с санкциями, введенными против ее экономики. По степени охвата сфер российской экономики, попавших под ограничения, указанные санкции возможно разделить на два вида: «локальные» санкции, введенные в 2014–2021 гг.; «широкомасштабные» санкции – с 2022 г. по настоящее время.

Введенные против российской экономики «локальные» санкции сводились к трем основным сферам¹: 1) запрет средне- и долгосрочного финансирования крупнейших государственных банков и компаний; 2) запрет на торговлю с Россией продукцией оборонного комплекса и товарами двойного назначения, оборудованием и технологиями и услугами по разведке и добыче нефти; 3) запрет на торгово-экономические взаимоотношения с Крымом. Указанные запреты были введены следующими странами / объединениями стран: США, страны ЕС-28², Австралия, Норвегия, Канада, Исландия, Албания, Черногория, Украина, Новая Зеландия, Япония, Грузия и Молдова. В свою очередь, Россия ввела режим контрсанкций, установив запрет на импорт продовольственных товаров из большинства указанных стран, осуществив меры по импортозамещению и диверсификации географических рынков сбыта, что привело к заметному снижению ввоза данной продукции на российский рынок, особенно из стран ЕС-28³.

При этом негативное воздействие «локальных» санкций на российскую экономику было значительно меньше, чем снижение цены на сырую нефть на мировом рынке⁴. Несмотря на некоторое негативное влияние «локальных» санкций на реальные доходы населения и инвестиции⁵, российская экономика в целом довольно быстро адаптировалась к данным ограничениям⁶.

¹ *Dabrowski M., Avdasheva S. Sanctions and Forces Driving to Autarky // The Contemporary Russian Economy / Edited by M. Dabrowski. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. Pp. 271–288; Хронология введения санкций и ответные меры России в 2014–2015 годах // РИА Новости. 2015. 25 ноября.*

² Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония.

³ *Larch M., Luckstead J., Yotov Y.V. Economic Sanctions and Agricultural Trade // American Journal of Agricultural Economics. 2024. Vol. 106. Issue 4. Pp. 1477–1517.*

⁴ *Гурвич Е., Прилепский И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 5–35.*

⁵ *Flach L., Heiland I., Larch M., Steininger M., Teti F.A. Quantifying the Partial and General Equilibrium Effects of Sanctions on Russia // Review of International Economics. 2024. Vol. 32. Issue 1. Pp. 281–323; Kohl T., van den Berg M., Franssen L. Going Dutch? Firm Exports and FDI in the Wake of the 2014 EU-Russia Sanctions // Review of International Economics. 2024. Vol. 32. Issue 1. Pp. 190–222; Гурвич Е., Прилепский И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 5–35.*

⁶ *Gaur A., Settles A., Väättänen J. Do Economic Sanctions Work? Evidence from the Russia – Ukraine Conflict // Journal of Management Studies. 2023. Vol. 60. Pp. 1391–1414.*

Если санкции 2014–2021 гг. можно определить как довольно ограниченные, то санкции со стороны западных стран против российской экономики, поэтапно вводимые с 2022 г. по настоящее время¹, действительно являются беспрецедентными. Указанные «широкомасштабные» санкции против российской экономики ввели или впоследствии к ним присоединились следующие страны / группы стран, отнесенные Россией впоследствии к «недружественным»: ЕС-27², Австралия, Албания, Багамы, Исландия, Канада, Лихтенштейн, Новая Зеландия, Норвегия, Республика Корея, Северная Македония, Сингапур, Соединенное Королевство, США, Тайвань, Украина, Швейцария, и Япония. В результате, «широкомасштабные» санкции против российской экономики охватывали следующие разновидности ограничений³:

1) *персональные санкции*, распространяемые на руководство страны и крупных бизнесменов;

2) *финансовые санкции*, включающие: отказ от транзакций с Центральным Банком России и заморозку его активов, что затронуло примерно половину ЗВР страны; отключение российских банков от системы SWIFT; запрет на поставку в Россию банкнот, денонмированных в евро, на депозиты и криптокошельки; ограничение доступа российских банков, предприятий и частных лиц к рынкам капитала и финансовым рынкам США, стран ЕС и Соединенного Королевства; запрет российским организациям использовать свои активы, хранящиеся в банках США, для погашения своих долгов; ограничение финансовой и нефинансовой поддержки российских государственных или контролируемых организаций в рамках программ ЕС;

3) *энергетические санкции*, которые запрещают или существенно ограничивают поставку сырой нефти, газа и угля из России на рынки США, Соединенного Королевства и стран ЕС-27; запрещают поставку в Россию товаров и технологий в секторе нефтепереработки и осуществление новых прямых инвестиций в российский энергетический сектор; вводят «потолок» цен на российскую нефть;

4) *торговые санкции*, помимо энергетических, включают: эмбарго на ввоз из России в страны ЕС-27 железа, стали, древесины, цемента, резиновых изделий, морепродуктов, спиртных напитков и ликероводочных изделий; 35% пошлину на некоторые товары из России, поставляемые на рынок Соединенного Королевства; запрет на продажу в Россию из США, стран ЕС-27 и Соединенного Королевства товаров двойного назначения, в том числе полупроводников и передовой элек-

¹ В 2022–2024 гг. против России было введено 14 пакетов санкций, а их общее количество превышало 10 тысяч наименований. Подробно: 14 пакетов санкций ЕС против России. // ТАСС. 2024. 28 июня; *Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д.* Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67.

² Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония.

³ *Dabrowski M., Avdasheva S.* Sanctions and Forces Driving to Autarky // *The Contemporary Russian Economy*. Edited by M. Dabrowski. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. Pp. 271–288.

троники, а также некоторых предметов роскоши; ЕС запрет всем гражданам и организациям России участвовать в закупочных контрактах стран ЕС; ЕС и страны Большой семерки прекратили рассматривать Россию как страну с РНБ в соответствии с правилами ВТО;

5) *транспортные санкции* включают: закрытие воздушного пространства ЕС, США, Соединенного Королевства и Канады для всех принадлежащих России, зарегистрированных или контролируемых ею воздушных судов; запрет на продажу, поставку или передачу всех видов самолетов, деталей самолетов и оборудования в Россию и запрет на предоставление всех связанных с этим услуг по ремонту, техническому обслуживанию или финансовым услугам; запрет на экспорт товаров, технологий и услуг, используемых в морском и космическом секторах; закрытие указанными странами своих морских портов для российских судов; запрет деятельности российских операторов автомобильного транспорта на территории стран ЕС-27.

Помимо официальных санкций, Россия как страна в целом и российские резиденты в частности стали объектом спонтанных международных бойкотов в различных сферах¹. В частности, большое число крупнейших ТНК либо приостановили, либо полностью прекратили свою деятельность в России по причине трудностей продолжения бизнеса в условиях санкций, ввиду высоких рисков попадания под вторичные санкции и ограниченной конвертируемости рубля, введенной Центральным банком России для сдерживания оттока капитала из российской экономики в 2022 г. В условиях закрытого счета движения капитала и ограничений по вывозу из страны валюты, экспорт товаров, преимущественно, углеводородного сырья, стал единственным источником валютной выручки для российских компаний, которая, в условиях наложенных на Россию запретов, постепенно становилась все менее валютной², поскольку за российскую продукцию стали рассчитываться в рублях во избежание санкционных ограничений. Фактически, текущий режим «широкомасштабных» санкций охватывает практически все сферы экономики и взаимно усиливают друг друга, а их негативное воздействие на экономику России имеет накопительные негативные последствия³.

Смягчением негативного влияния санкций на российскую экономику послужило увеличение цен на сырую нефть на глобальном рынке в 2022 г. по причине нарастания геополитических рисков, поскольку Россия, занимая высокую долю на мировом рынке сырьевых товаров, преимущественно, сырой нефти, является одним из «прайс-мейкеров» данной продукции⁴, что позволяет ей быть од-

¹ *Dabrowski M., Avdasheva S. Sanctions and Forces Driving to Autarky // The Contemporary Russian Economy. Edited by M. Dabrowski. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. Pp. 271–288.*

² *Едовина Т. Сложное уязвимое // Коммерсантъ. 2023. 2 октября.*

³ *Сморodinская Н.В., Катукоев Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67.*

⁴ Россия была на втором месте по производству и экспорту сырой нефти в мире. Подробно: *Kreil E. United States Produces More Crude Oil Than Any Country, Ever / U.S. Energy Information Administration. In-Brief Analysis. 2024; Crude Petroleum. Russia / Observatory of Economic Complexity. 2024.*

ним из ключевых участников глобальных торгово-экономических связей, несмотря на имеющиеся санкционные ограничения. В результате, несмотря на некоторое снижение цены на нефть в 2023 г., темп прироста ВВП России даже увеличился в условиях вынужденной перестройки торгово-экономических взаимодействий с зарубежными странами, определенной трансформации структуры экономики, а также на фоне серьезного снижения в 2022 г. (рис. 1.24).

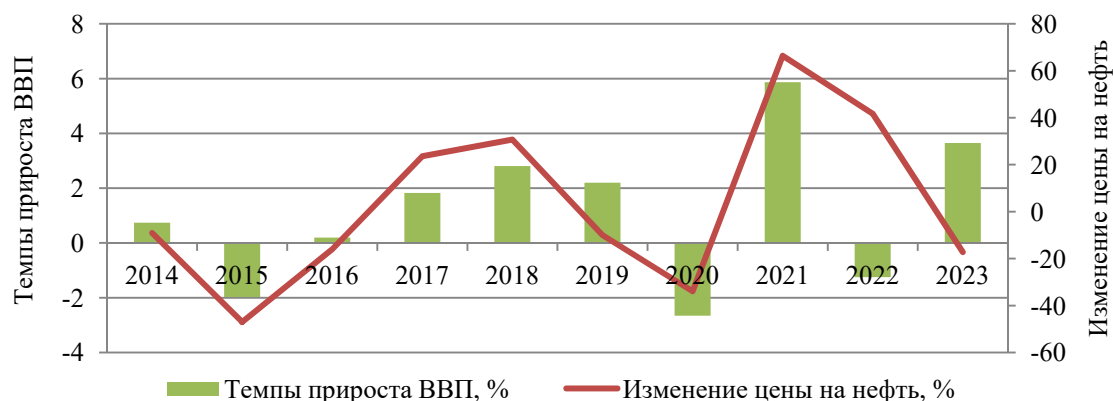

Рис. 1.24. Темпы прироста ВВП России и изменение цены на сырую нефть, по отношению к прошлому году

Источники: World Economic Outlook Database / IMF. 2024; Commodity Prices, Annual / UNCTAD. 2024.

Следует заметить, что экономические мотивы для расширения интеграции с зарубежными странами для России играли лишь второстепенную роль в условиях, когда доходы от реализации углеводородного сырья выступили прямым субститутом последующих упущенных выгод от торгово-экономической консолидации с крупнейшими экономическими блоками. При прочих равных условиях именно страны ЕС и АТР должны были бы являться приоритетными объектами интеграционных устремлений России¹. При этом страны ЕС в данном отношении имели очевидный приоритет, но в 2010 г. переговоры по заключению нового торгово-экономического соглашения между Россией и ЕС прекратились ввиду отсутствия по ним прогресса. Препятствием стали также требования по локализации производства продукции и политика импортозамещения, которая постепенно стала практиковаться в России². Это привело к снижению эндогенного спроса в России на интеграцию с ЕС.

В 2014–2021 гг. отдельные части Соглашения о партнерстве и сотрудничестве вообще перестали применяться, когда ЕС присоединился к санкциям против России, а российское руководство ввело контрсанкции, направленные на запрет ввоза широкого перечня продовольственных товаров на российский рынок. В ус-

¹ Изотов Д.А. Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2022. № 2. С. 28–47.

² The European Union and the Russian Federation / Delegation of the European Union to Russia. 2021. 3 March.

ловиях «широкомасштабных» санкций торгово-экономические связи, наработанные за долгий период времени были существенно ослаблены. В свою очередь, несмотря на многочисленные меморандумы торгово-экономического сотрудничества с близкими и крупными экономиками АТР, Россией осуществлялись попытки постепенного нивелирования барьеров только с Вьетнамом, с которым была создана ЗСТ+ в 2016 г.

Совершенно иная ситуация складывалась в отношении стран СНГ¹. На этом направлении Россия осуществляла активные шаги по расширению и углублению интеграции с рядом стран, входящих в ЕАЭС². Одной из очевидных проблем является то, что размер российской экономики почти на порядок превышал суммарную экономику ЕАЭС и в три раза – СНГ (за исключением России). Данное обстоятельство выступало весомым аргументом в пользу того, что Россия не может существенно нарастить экспорт в данные страны, а также получить необходимый объем и ассортимент импорта по причине малого размера рынков этих стран. В итоге можно заключить, что интеграция России с рядом стран постсоветского пространства осуществлялась вплоть до 2022 г. инерционно на основе противодействия нарастающим дезинтеграционным процессам, в том числе преимущественно исходя из политических мотивов, причем размер рынка и платежеспособный спрос в той части стран постсоветского пространства, которые входят в ЕАЭС, судя по всему, не создавали условий для существенного наращивания масштабов внешних торгово-экономических взаимодействий России³. Ситуация изменилась с 2022 г., когда страны ЕАЭС стали выступать для российской экономики важным источником смягчения «широкомасштабных» санкций со стороны «недружественных» стран⁴.

Важным элементом в развитии стран с высокой природной рентой в экономике, к которым относится Россия, является приток ПИИ. В силу высоких рисков ведения бизнеса в России, в глобальном потоке ПИИ роль российской экономики неоднозначна, поскольку была заметна только ее доля в оттоке капитала за рубеж. В условиях введения против российской экономики «широкомасштабных» санкций наблюдалось сокращение притока ПИИ в страну (*рис. 1.25*).

Соответственно, из-за ограничений на исходящие российские прямые инвестиции за рубеж и на приток зарубежного капитала в Россию в условиях увеличения рисков национальной экономики уменьшается российское участие в глобальном движении ПИИ⁵. После введения «широкомасштабных» санкций существенная часть иностранных компаний прекратила или приостановила свою деятель-

¹ В исследовании СНГ представлено по состоянию на 2008 г., включая 13 республик бывшего СССР.

² Россия, Казахстан, Беларусь, Киргизия, Армения.

³ Souza de L.V. An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members / World Bank. Economic Premise No. 47. 2011. 7 p.

⁴ Simola H. Latest Developments in Russian Imports of Sanctioned Technology Products / BOFIT. Policy Brief No. 15/2023. 2023; Korhonen I., Simola H. High-Priority Battlefield Items and Television Sets – How Sanctions Reduced Russians' Access to Goods / BOFIT. Discussion Paper No. 3/2024. 2024. 24 p.

⁵ Булатов А.С. Новые тренды в движении капитала в мире и России // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 65–83.

ность на российском рынке¹. Также наблюдалось осложнение процесса выхода с российского рынка за счет требований о снижении цен при продаже активов, а также уплаты налога «на выход» и ограничения периода возможного обратного выкупа². В российских инвестициях за рубежом спад был незначительным.

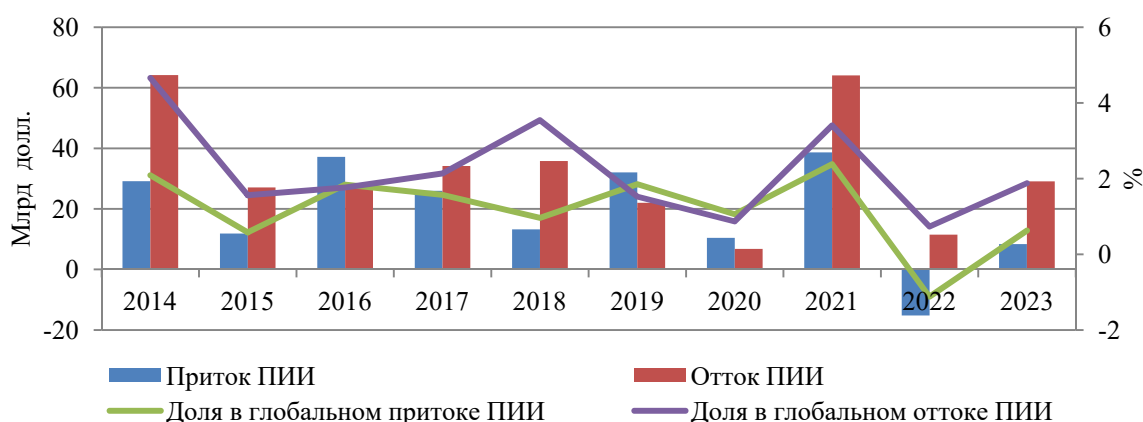

Рис. 1.25. Динамика потоков ПИИ в / из РФ (млрд долл., левая ось) и доля потоков ПИИ в / из РФ в глобальном потоке ПИИ (% , правая ось)

Источник: Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

Более половины накопленных ПИИ в российской экономике до 2022 г. приходилось на долю «фиктивных» инвестиций³ или «фантомных» зарубежных корпораций⁴. Доля России в инвестициях «фантомных» зарубежных корпораций до 2022 г. была самой большой в мире до введения «широкомасштабных» санкций⁵. В общем объеме накопленных ПИИ в российской экономике доля «фиктивных» инвестиций⁶ составляла до введения «широкомасштабных» санкций почти чет-

¹ Из 1589 иностранных компаний, работавших в России до 2022 г., 538 полностью покинули российский рынок, а еще 504 приостановили свои операции в стране. Подробно: Едовина Т. Что они там наинвестировали // Коммерсантъ. 2024. 21 мая.

² Те же компании, которые попали под временное управление, заявляли о готовности выйти с российского рынка, но не смогли договориться об условиях продажи. Подробно: Едовина Т. Что они там наинвестировали // Коммерсантъ. 2024. 21 мая.

³ Выведение из национальной экономики средств в офшоры и их последующий возврат под видом инвестиций. Подробно: Ledyeva S., Karhunen K., Whalley J. If Foreign Investment Is Not Foreign: Round-Trip Versus Genuine Foreign Investment in Russia / CEPII. Working Papers. 2013. 66 p.

⁴ Компании специального назначения, не имеющие или почти не имеющие работников, операционных активов и физического присутствия в стране регистрации и предназначены исключительно для владения активами. Подробно: Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. What Is Real and What Is not in the Global FDI Network? / IMF. Working Paper No. 19/274. 2019.

⁵ По состоянию на 2017 г. Подробно: Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. What Is Real and What Is not in the Global FDI Network? / IMF. Working Paper No. 19/274. 2019.

⁶ Инвестиции из национальной экономики, «маскирующиеся» под иностранные. Подробно: Ledyeva S., Karhunen K., Whalley J. If Foreign Investment is not Foreign: Round-Trip Versus Genuine Foreign Investment in Russia / CEPII. Working Papers. 2013. 66 p.

верть, не только по причине оптимизации налоговых выплат, но и из-за институциональных факторов¹.

Следует заметить, что в условиях высокой природной ренты и высоких рисков в экономике, Россия характеризовалась чрезмерным регулированием рынка товаров и услуг, что препятствовало развитию конкуренции, инноваций и росту производительности². Значительные ресурсы были задействованы в отраслях с низкой производительностью труда, а наличие формальных и неформальных барьеров для предпринимательства сдерживало развитие частного сектора в России. Государственный сектор в российской экономике играл ключевую роль, наращивая уровень своего участия в крупнейших компаниях. С этим связано появление крупных подконтрольных государству конгломератов, которые в ряде случаев образовывались путем консолидации соответствующих государственных предприятий. Как правило, эти компании занимают доминирующее положение на рынке, при этом возможность участия частных (в том числе иностранных) инвесторов, жестко контролировалось. В условиях гарантированной поддержки со стороны российского правительства, при прочих равных условиях, все вышеперечисленное влекло за собой отсутствие стимулов к повышению производительности, снижению издержек и внедрению инноваций. Поэтому, исходя из динамики индекса экономической свободы, экономика России к 2023 г. характеризовалась высокими рисками (рис. 1.26).

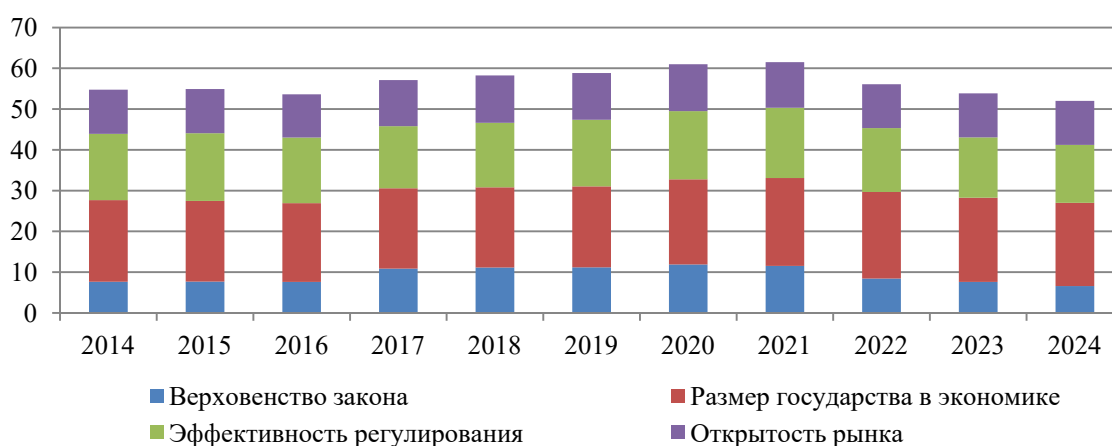

Рис. 1.26. Индекс экономической свободы России: динамика и компоненты, баллы

Примечания. Чем больше количество баллов по индексу экономической свободы (от 0 до 100 баллов), тем ниже экономический риск страны. Сводный индекс экономической свободы основывается на данных с годичным лагом, по этой причине значения индекса отражены до 2024 г. включительно. 12 имеющихся компонентов индекса экономической свободы были агрегированы в четыре крупные категории на основе методики фонда Heritage.

Источник: рассчитано по: Index of Economic Freedom / Heritage Foundation. 2024.

¹ Aykut D., Sanghi A., Kosmidou G. What to Do When Foreign Direct Investment Is Not Direct or Foreign: FDI Round Tripping / Policy Research Working Paper No. WPS 8046. 2017. 27 p.; Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. What Is Real and What Is not in the Global FDI Network? / IMF. Working Paper No. 19/274. 2019.

² Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Основные выводы и рекомендации / OECD. 2014.

В 2014–2021 гг. наблюдалась недостаточная поддержка экономических свобод в России. Тем не менее, к концу указанного периода Россия стала характеризоваться умеренным государственным вмешательством в экономику, улучшив свои позиции по таким компонентам как «размер государства в экономике», «верховенство закона» и «открытость рынка». В результате, индекс экономической свободы России в 2021 г. был сопоставим с такими странами как Греция, ЮАР и Бразилия. Фактически по состоянию на 2021 г., который в целом был довольно непростым для российской экономики в условиях пандемии COVID-19, дальнейшее снижение рисков, связанных с «открытостью рынка» и «верховенством закона» могли бы, при прочих равных условиях, гарантировать России заметное улучшение инвестиционного климата, выступив в последующем одним из источников развития ее экономики. Однако, структурные и институциональные ограничения российской экономики, как было отмечено ранее, были довольно жесткими, что, в свою очередь, не позволило России преодолеть указанные ограничения.

Далее, во многом из-за введенных с 2022 г. «широкомасштабных» санкционных ограничений, риски для российской экономики стали заметно нарастать и Россия переместилась в когорту стран со слабой поддержкой экономических свобод, наряду с Эфиопией, Боливией и Аргентиной. Компонентный состав индекса экономической свободы указал на то, что источниками увеличения риска экономики России с 2022 г. являлись: снижение «открытости рынка», прежде всего, за счет увеличения барьеров для торговли товарами и услугами, а также потоков капитала с зарубежными странами в условиях ограничения капитального счета платежного баланса, введения барьеров западными странами на товарообмен с Россией, ужесточения ограничений на транзакции с российскими компаниями и т. д., при том, что риски инвестирования в российскую экономику всегда были высокими; ухудшение «верховенства закона» за счет возрастания рисков от коррупции и снижения защиты прав собственности; снижение «эффективности регулирования» в условиях увеличения рисков, связанных со свободой частного бизнеса и наращивания субсидируемого государственного сектора экономики. При этом в первые годы «широкомасштабных» санкций против российской экономики риски, связанные с «размером государства в экономике», отражающие уровень налоговой нагрузки и динамику государственных расходов, были небольшими, указывая на отсутствие проблем в наполнении бюджета в условиях сравнительно благоприятной ценовой конъюнктуры, способствующей поддержке экспорта сырьевых товаров из России, а также на возможную эффективность перераспределения дохода в стране среди широких категорий населения в новых условиях.

В целом основными структурными и институциональными особенностями российской экономики являлись: эндогенное сопротивление процессу открытия внутреннего рынка с точки зрения нивелирования различного рода барьеров; рост барьеров в торговых взаимоотношениях с рядом ведущих стран мира; замещение положительных эффектов от возможной интеграции с крупными и близкими субглобальными экономиками поддержанием значительных объемов чистого экспорта, что создавало условия для реализации инерционных и политически обуслов-

ленных форматов интеграции с рядом стран СНГ, размер экономик которых был суммарно на порядок меньше, чем российская экономика. В рамках рассматриваемого периода помимо проблем, связанных с функционированием сырьевой экономики, Россия столкнулась с трудностями, относящимися к санкционным ограничениям, которые, безусловно, будут определять конфигурацию ее внутренней и внешней политики в обозримой перспективе. Наблюдалось смещение торговых потоков России с европейского рынка в пользу Китая, Индии и других стран, в явном виде не присоединившихся к «широкомасштабным» санкциям. В 2022–2023 гг. фиксировалась перестройка российской экономики с точки зрения сокращения импорта на фоне увеличения барьеров со стороны западных стран, роста импортозамещения несложной продукции¹, упрощения цепочек добавленной стоимости, увеличения государственного сектора экономики за счет выпуска субсидируемой из бюджета продукции, резкое сокращение импорта, а также создания барьера для оттока капитала.

1.6. Проблемы и тенденции экономического развития Монголии

Монголия – государство в СВА, граничащее с Россией на севере и с Китаем на юге, не имеющее выхода к морю. Площадь территории страны составляет около 1,6 млн км² (1,1 млн – земли сельскохозяйственного назначения), при этом на ней проживало только 3,5 млн чел., из-за чего Монголия считается государством с наименьшей плотностью населения в мире, являясь при этом достаточно урбанизированным: около 70% населения проживает в городах², в основном – в агломерации столицы Улан-Батора (табл. 1.11).

Таблица 1.11

Демографические показатели развития Монголии

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Численность населения, млн	3,0	3,0	3,1	3,1	3,2	3,3	3,4	3,4	3,4	3,5
Прирост численности населения, %	1,9	2,0	2,0	2,0	2,1	2,1	2,1	2,0	2,0	2,0
Доля городского населения, %	66,4	68,6	68,3	67,6	67,9	68,5	69,0	69,4	70,1	70,8

Источник: Mongolia, Key Indicators 2024 / ADB. 2024.

Монголия является крупнейшим в мире поставщиком сырья для кашемира и одной из ведущих стран-экспортеров каменного угля, однако из-за нехватки пахотных земель и неблагоприятных для выращивания большинства сельскохозяй-

¹ Как импортозамещение в РФ выглядит извне // Коммерсантъ. 2024. 28 июня.

² Крупнейшие города по численности населения: Улан-Батор (1,6 млн), Эрдэнэт (101,4 тыс.), Дархан (100,2 тыс.), Чойбалсан (50,2 тыс.).

ственных культур природно-климатических условий длительное время остается нетто-импортером продовольствия. Динамика развития экономики страны задается, прежде всего, масштабами добычи и экспорта продукции минерально-сырьевого комплекса, а также активными национальными капиталовложениями и привлечением ПИИ в угольный сектор и горнодобывающую промышленность¹. Благодаря периодам благоприятной глобальной ценовой конъюнктуры на сырьевые товары, страна получает дополнительные доходы от экспорта минеральных ресурсов, что улучшает ситуацию в бюджетном секторе, способствуя экономическому росту и расширению потребления в стране. С другой стороны, в период низких сырьевых цен экономика Монголии испытывает заметные затруднения. Тем не менее, благодаря экономическому росту на основе благоприятной внешней конъюнктуры в 2000-е гг. и в связи с этим, значительному повышению уровня жизни населения, а также географической близости к Китаю и России, Монголия является небольшим, но достаточно перспективным рынком для сбыта различной продукции.

За исключением 2015–2016 гг. (период неблагоприятной конъюнктуры цен на сырьевых рынках) и 2020–2022 гг. (во время пандемии COVID-19) в экономическом развитии страны в целом наблюдался повышательный тренд² (табл. 1.12).

Таблица 1.12

Основные макроэкономические показатели развития Монголии

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ВВП, млрд долл.	12,2	11,6	11,2	11,5	13,2	14,2	13,3	15,3	17,2	19,9
Прирост ВВП, %	7,9	2,4	1,5	5,6	7,7	5,6	-4,6	1,6	5,0	7,0
ВВП на душу населения, долл.	4212	3919	3691	3708	4165	4395	4041	4566	5046	5765
Прирост потребительских цен, %	12,3	5,7	0,7	4,3	6,8	7,3	3,8	7,4	15,1	10,3
Экспорт, млрд долл.	5,8	4,7	4,9	6,2	7,0	7,6	7,6	9,2	12,5	15,5
Импорт, млрд долл.	5,2	3,8	3,4	4,3	5,9	6,1	5,3	6,8	8,7	13,8
Уровень безработицы, % от трудоспособного населения	4,8	4,9	7,2	6,4	5,4	9,3	6,6	7,7	6,2	6,1
Среднегодовой курс тугрика к доллару США	1818	1970	2140	2440	2473	2664	2813	2849	3141	3466

Источник: World Development Indicators: Mongolia / World Bank. 2024; Mongolia, Key Indicators 2024 / ADB. 2024.

¹ Jobs and Technology, World Bank East Asia and Pacific Economic Update / World Bank Group. 2024.

² Helble M., Hill H., Magee D. Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked between Two Giants / ADB. 2020.

В рамках рассматриваемого периода ВВП на душу населения Монголии вырос почти на 40% (с 4212 долл. в 2014 г. до 5765 долл. в 2023 г.). Однако, за чертой бедности в 2022 г. находилось 27,1% населения Монголии¹, что указывает на недостаточно эффективную систему перераспределения рентных доходов для поддержания минимальных стандартов оплаты труда и социальную поддержку в данной стране. В 2023 г. прирост ВВП Монголии составил 7,0%, в первую очередь, за счет резкого увеличения объемов добычи и экспорта угля до 66,7 млн т на сумму 8,8 млрд долл. (для сравнения, в 2022 г. страна поставила на мировой рынок 31,7 млн т угля на сумму 6,5 млрд долл., в 2021 г. – 15,7 млн т на сумму 2,8 млрд долл.) на фоне высокого спроса на данную продукцию со стороны Китая².

Уровень безработицы в Монголии среди трудоспособного населения в рассматриваемый период составлял в среднем 6,0%, при этом в 2019 г. он вырос до 9,3%, что является одной из структурных проблем монгольской экономики в целом (*табл. 1.12*). Уже продолжительное время проблема безработицы в Монголии заключается в сохранении значительного числа незанятого населения, особенно в сельской местности³. Причинами безработицы⁴ в Монголии являлись: 1) превышение предложения рабочей силы над спросом; 2) низкая конкурентоспособность отдельных категорий рабочей силы (молодежь без опыта работы; женщины, имеющие малолетних детей; инвалиды и другие группы); 3) ограниченный рынок труда в сельской местности (из-за низкого уровня развития инфраструктуры и небольшого количества населения главной формы занятости было традиционное кочевое животноводство и неформальный сектор).

Потребительская инфляция в рассматриваемый период была нестабильной (в среднем 5–7% в год) с минимальным значением в 0,7% в 2016 г. В 2022–2023 гг. в Монголии наблюдался высокий уровень инфляции, пик которой пришелся на 2022 г., составив 15% на фоне глобальной экономической нестабильности, а также проводимой в Китае политики «нулевой терпимости» к COVID-19, что вызвало рост цен импортируемой продукции и понизило объемы экспорта. С отменой ограничительных мер и открытием границ КНР, а также относительной стабилизацией мировой экономики в 2023 г., темпы роста цен в Монголии немного снизились, однако характеризовались высокими значениями – более 10%⁵.

¹ В 1995 г. данный показатель составлял 36,3%, в 2010 г. – 38,8%. Подробно: Macroeconomic Report 2024 Q1 / Mongolian Ministry of Economy and Development. 2024.

² При этом львиный объем ПИИ в стране осуществляют крупные западные горно-рудные гиганты-ТНК (Rio Tinto и др).

³ Бадарев Д.Д. Проблемы занятости населения в Монголии // Власть. 2013. № 7. С. 78–81; Монголия – Уровень безработицы / TRADING ECONOMICS. 2024.

⁴ Для решения проблемы необходимо совершенствовать законодательную базу, внедрять современные программы занятости, привлекать иностранные инвестиции, мобилизовать внутренние ресурсы, увеличивать объемы выпускаемой продукции, а также улучшать качество товаров и услуг.

⁵ По оценкам Всемирного банка – 10,6%, АБР – 10,4%. Подробно: Global Economic Prospects / World Bank Group. June 2024; Asian Development Outlook. April 2024 / Asian Development Bank. 2024.

Благодаря доходам от экспорта минеральных ресурсов и активному привлечению ПИИ¹, в 2000-е гг. стране удалось значительно повысить рост среднедушевого ВВП, и, соответственно, уровень жизни населения и потребления. Так, к концу рассматриваемого периода накопленный объем ввезенных ПИИ составил более 30,5 млрд долл., а ежегодный приток ПИИ в 2021–2023 гг. превышал 2 млрд долл., что позволило покрывать ими порядка половины годовых валовых капиталовложений в стране (табл. 1.13).

Таблица 1.13

Динамика притока ПИИ в Монголию

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Годовой приток ПИИ										
Всего, млн долл.	338	94	–4156	1494	2174	2443	1719	2173	2504	2248
Доля в мире, %	0,0	0,0	–0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,2
Доля в ВВП, %	2,8	0,8	–37,2	13,0	16,5	17,2	12,9	14,2	14,6	11,5
Доля в валовых инвестициях, %	9,5	4,4	–199,2	58,2	61,4	61,5	54,8	53,0	49,0	44,0
Накопленные объемы ввоза ПИИ										
Всего, млн долл.	20247	20696	16277	18020	20223	22556	24207	26282	28521	30697
Доля в мире, %	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Доля в ВВП, %	165,6	178,1	145,6	157,0	153,5	158,8	181,8	165,6	178,1	145,6
Доля в валовых инвестициях, %	571,0	974,2	780,0	702,3	571,6	567,4	771,2	640,7	557,9	600,5

Источник: составлено по: Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

В 2014 г. и 2015 г. темпы прироста ВВП Монголии были положительными (7,9% и 2,4% соответственно), при этом происходило снижение экспорта на 12,2% и 19,1%, в период неблагоприятной ценовой конъюнктуры². С 2016 г. по 2023 г. темпы прироста экспорта превосходили соответствующие темпы прироста ВВП, опустившись в отрицательную зону (–0,6%) лишь в 2020 г. (пандемия COVID-19),

¹ Narantuya C., Zagdbazar M., Bayartsogt K.E., Tuvshintugs D., Munkh-Ireedui B., Begz D. Foreign Direct Investment in Mongolia: Impact and Determinants // Economic Dependence of Mongolia on Minerals. Contributions to Economics / Edited by Y. Hosoi, T. Batdelger, K. Chuluundorj. Singapore: Springer, 2022.

² Безруков Л., Фартышев А. Особенности внешней торговли Монголии: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66 № 3 С. 101–109; Макаров А.В., Макарова Е.В., Михеева А.С. Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития // ЭКО. 2019 № 6 С. 62–82; Безруков Л.А., Фартышев А.Н. Развитие медной промышленности России и Монголии: проблема выхода на внешние рынки // ЭКО. 2022. № 6. С. 115–133.

а в 2021 г. и 2022 г. показали существенный прирост – в 21,9% и 35,6% соответственно.

В условиях высокой инфляции Центральным банком Монголии в 2022–2024 гг. проводилась жесткая денежно-кредитная политика. В феврале 2022 г. уровень ключевой ставки был повышен на 50 базисных пунктов (б. п.) до 6,5%, к декабрю 2022 г. суммарное повышение индикатора составило 700 б. п. На уровне 13% ключевая ставка оставалась вплоть до марта 2024 г., после чего, в связи с сокращением роста цен, Центральный банк Монголии начал постепенно смягчать денежно-кредитную политику¹. В настоящее время к основным факторам сохранения высокой инфляции в Монголии относятся последствия неблагоприятных погодных условий, наиболее серьезно затронувших сектор сельскохозяйственного производства и усиливших продовольственную инфляцию, а также увеличение фискальной нагрузки вследствие повышения бюджетных расходов, которые, с одной стороны, поддерживают экономический рост, с другой – приводят к росту цен.

Средняя доля в 2014–2023 гг. основных отраслей экономики Монголии составляла: сельское хозяйство – 12,2%; промышленность – 38,8%; сектор услуг – 49,0% (табл. 1.14).

Таблица 1.14

Отраслевая структура ВВП Монголии, %

Отрасль	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*
Сельское хозяйство	13,3	14,0	12,5	11,0	11,3	11,5	12,8	13,0	12,8	10,1
Промышленность	34,7	34,1	35,8	40,4	41,0	40,9	40,2	40,0	38,2	42,6
Сектор услуг	52,0	52,0	51,7	48,5	47,9	47,7	47,0	47,0	49,0	47,3

Примечание: * – оценка АБР. Сельское хозяйство – животноводство, растениеводство и рыболовство; промышленность – горнодобывающая, обрабатывающая промышленности и производство электроэнергии; сектор услуг – торговля, транспорт, связь, финансы, недвижимость, государственное управление и др.

Источник: Mongolia, Key Indicators 2024 / ADB. 2024.

При этом структура занятости Монголии выглядела несколько иначе. В 2022 г. в сельском хозяйстве было занято 26,3% рабочей силы, в промышленности – 22,1%, в сфере услуг – 51,6%. Данное обстоятельство косвенным образом указывает на низкую эффективность сельскохозяйственного производства в стране. Тем не менее, сельское хозяйство играло важную роль в экономике Монголии, однако в 2023 г. его доля заметно сократилась по сравнению с 2022 г. вследствие неблагоприятных погодных условий.

Добыча минеральных ресурсов являлась основой экономики Монголии, а в 2023 г. на добывающую промышленность приходилось порядка 28,8% ВВП. По-

¹ В июле 2024 г. монгольский регулятор снизил ключевую ставку на 200 б. п. до 11% на фоне относительной стабилизации цен, как в самой Монголии, так и в странах, являющихся ее торговыми партнерами, а также сопутствующего замедления роста цен на импортную продукцию.

мимо угля, в Монголии разрабатывались крупные месторождения цветных металлов (меди, золота и серебра), железной руды и прочих полезных ископаемых (редкоземельные элементы), являющиеся основными экспортными товарами страны.

Следует заметить, что сектор услуг Монголии показывал сравнительно более стабильные положительные темпы прироста в рассматриваемый период, за исключением 2020 г., а промышленность и сельское хозяйство характеризовалась большей волатильностью (табл. 1.15).

За рассматриваемый период, особенно в 2023 г., в монгольской экономике отмечалась высокая доля экспорта и импорта по отношению к ВВП. Соответственно, за счет импорт стимулировался высокий уровень потребления составляющей порядка половины ВВП Монголии в среднем за 2014–2023 гг. (табл. 1.16).

Таблица 1.15

Годовой прирост выпуска основных отраслей экономики Монголии, %

Отрасль	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*
Сельское хозяйство	13,7	10,7	5,4	–0,3	6,5	5,2	5,8	–5,5	12,0	–8,9
Промышленность	12,7	9,9	–2,4	1,4	8,5	3,1	–4,4	–2,2	–4,5	12,6
Сектор услуг	7,8	0,6	2,7	7,1	5,1	6,4	–6,5	3,9	6,9	9,2
ВВП	7,9	2,4	1,5	5,6	7,7	5,6	–4,6	1,6	5,0	7,0

Примечание: * – оценка АБР.

Источник: Mongolia, Key Indicators 2024 / ADB. 2024.

Таблица 1.16

Структура ВВП Монголии по расходам, % ВВП

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*
Конечное потребление домохозяйств	56,6	61,9	60,7	56,3	58,0	57,3	59,8	51,6	50,9	46,8
Конечное потребление органов государственного управления	13,0	14,9	16,0	13,9	12,7	13,1	15,6	14,5	13,7	13,0
Валовое накопление капитала	35,2	24,5	22,6	27,4	39,4	35,6	22,1	35,8	41,5	31,7
Изменения в запасах	6,6	6,2	4,0	5,1	12,5	7,6	–1,2	9,6	12,3	4,9
Экспорт товаров и услуг	52,2	44,2	50,9	59,2	58,2	59,2	57,0	57,0	63,8	76,3
Импорт товаров и услуг	57,1	45,5	50,2	56,8	68,2	65,2	54,6	59,0	69,9	67,7

Примечание: * – оценка АБР.

Источник: Mongolia, Key Indicators 2024 / ADB. 2024.

В результате, существенную роль в экономическом развитии Монголии играют ее внешнеторговые связи. Основными позициями экспорта Монголии в рассматриваемый период были уголь каменный, руды и концентраты медные, необработанное золото, руды и концентраты железные и т. д. (табл. 1.17), на них приходилось порядка 82% стоимостных объемов поставок страны за рубеж.

Таблица 1.17

Динамика экспорта Монголии по основным товарным группам, %

Товарная группа	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего, млрд	5,8	4,7	4,9	6,2	7,0	7,6	7,6	8,5	12,6	15,2
Каменный уголь	14,7	11,9	19,8	36,4	39,7	40,3	28,0	32,5	51,9	57,7
Руды и концентраты медные	44,6	48,8	32,7	26,0	28,7	23,6	23,5	34,1	21,8	17,3
Золото необработанное	7,0	9,0	15,4	9,6	2,1	5,5	23,6	11,8	8,8	4,9
Руды и концентраты железные	7,7	4,9	5,1	5,1	4,9	7,6	8,4	11,2	3,1	2,9
Шерсть	11,0	8,3	6,9	6,0	5,6	4,8	2,0	3,2	1,9	2,4
Мясо и мясные продукты	2,0	2,2	3,0	3,1	3,1	2,5	2,2	2,3	2,3	2,3
Пластиковый	4,1	4,6	4,3	3,7	4,0	4,0	2,7	3,3	2,7	1,9
Драгоценные металлы	1,2	1,4	1,2	1,4	2,7	2,7	2,1	17,0	0,9	1,8
Бурый уголь	0,0	0,0	0,0	0,1	1,1	0,7	0,8	0,5	0,1	0,9
Руды и концентраты серебра	0,1	0,2	0,3	0,7	0,9	0,8	0,4	0,2	0,2	0,8
Руды и концентраты молибдена	0,6	0,2	0,8	0,0	0,0	0,0	1,7	1,6	0,9	0,8
Прочие товары	7,0	8,6	10,6	7,9	7,2	7,6	4,5	0,0	5,4	6,2

Источник: составлено по: Trade Map / International Trade Centre. 2024.

Так, в 2023 г. более половины экспортных поставок Монголии в стоимостном выражении, как ранее упоминалось, пришлось на уголь, причем более 99% (66,3 млн т, стоимостью 8,7 млрд долл.) данной продукции было поставлено в Китай, где вырос спрос на сырье для сталелитейной промышленности. Среднегодовые темпы прироста этих поставок в 2019–2023 гг. составили 38%. Также экспорт коксующегося угля из Монголии в Китай увеличился с 14 млн т в 2021 г. до 54 млн т в 2023 г. Следует заметить, что доля Монголии в структуре импорта коксующегося угля в КНР за тот же период выросла с 26% до 53%¹. В результате

¹ Монголия по итогам 2023 г. опередила всех прочих поставщиков коксующегося угля на китайский рынок, в том числе Россию, на долю которой приходилось 26% импорта этого вида сырья в КНР. В свою очередь, согласно оценке Международного энергетического агентства, по доле в глобальном экспорте коксующегося угля Монголия заняла третье место (14%), уступив по этому показателю только Австралии (44%) и России (15%). Крупнейшим импортером коксующегося угля на мировом рынке стал Китай, на долю которого по итогам прошлого года пришлось 54% глобального импорта, вторую и третью строчки заняли Индия (25%) и Япония (20%).

Монголия стала крупнейшим поставщиком коксующегося угля на китайский рынок, хотя еще в 2020 г. лидирующие позиции занимала Австралия. Ключевую роль сыграло упрощение логистики поставок, в частности, ввод в эксплуатацию железнодорожной ветки от угольного месторождения Таван-Толгой на юге Монголии до границы с КНР.

Благодаря наращиванию экспорта угля в 2022–2023 гг. Монголии удалось обеспечить профицит государственного бюджета и сальдо платежного баланса, а также добиться сокращения объема внешней задолженности. Однако низкий уровень диверсификации экспорта наряду с сокращением доходов от сельского хозяйства усилил долю неэкологичного производства, что противоречило целям устойчивого развития Монголии в долгосрочной перспективе.

В целом доля КНР в общей структуре экспорта Монголии в рассматриваемый период увеличилась с 80,6% в 2014 г. до 86,6% в 2023 г. (табл. 1.18). Данное обстоятельство, помимо прочего, свидетельствует о высокой степени зависимости экономики страны от внешних факторов и условий, прежде всего – от конъюнктуры на мировом и китайском рынке угля и динамики экономического развития Китая.

Таблица 1.18

Структура экспорта Монголии по странам, %

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
КНР	80,6	74,9	67,5	85,0	92,8	83,8	58,4	74,5	80,7	86,6
Швейцария	0,4	2,1	0,0	0,0	0,0	0,9	17,9	8,5	7,5	4,1
Сингапур	0,2	0,5	0,3	0,4	0,4	1,9	1,6	2,5	0,1	0,1
Республика Корея	0,2	1,3	0,1	0,2	0,3	0,3	0,2	2,2	0,9	0,8
Россия	1,0	1,5	1,0	1,1	1,2	0,8	0,6	1,1	0,7	0,7
Соединенное Королевство	6,3	6,5	13,6	10,7	2,5	3,6	0,9	0,1	0,1	0,0
Италия	0,8	0,8	0,6	0,7	0,8	0,6	0,2	0,3	0,6	0,6
США	0,2	0,4	0,2	0,1	0,1	0,3	0,1	0,3	0,1	0,2
Германия	0,2	0,2	0,8	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2	0,1
Япония	0,4	0,4	0,2	0,2	0,4	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1
Прочие	9,7	11,4	15,7	1,4	1,3	7,4	19,9	10,2	9,0	6,7

Источник: рассчитано по: Mongolia, Key Indicators 2024 / ADB. 2024.

При этом страновая структура импорта Монголии характеризовалась большей диверсификацией, чем экспорт, тем не менее, была связана лишь с несколькими странами СВА – Китаем, Россией, Японией и Республикой Корея, суммарная доля которых в общем импорте товаров, поставленных на монгольский рынок, составила в среднем за период 70,0% (табл. 1.19).

Основными товарными позициями импорта Монголии в рассматриваемый период были энергетические ресурсы (нефть и нефтепродукты, электроэнергия), машиностроительная продукция, металлоконструкции, разнообразные потребительские и инвестиционные товары (табл. 1.20).

Таблица 1.19

Структура импорта Монголии по странам, %

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
КНР	33,1	35,7	24,2	32,6	33,5	32,9	35,2	35,7	26,2	31,3
Россия	29,0	26,2	19,6	28,1	29,1	27,6	25,8	27,7	22,2	19,8
Япония	6,9	7,0	7,5	8,4	9,5	9,3	7,5	6,4	5,7	5,9
Республика Корея	6,6	6,6	4,5	4,6	4,5	4,3	4,3	4,4	3,6	3,4
США	4,3	3,0	3,2	4,8	3,6	4,6	4,5	3,0	2,3	2,3
Германия	3,0	3,2	2,7	3,0	2,9	3,0	3,4	3,2	1,6	1,8
Польша	1,0	1,0	0,9	1,1	1,0	1,0	1,0	1,2	0,8	0,8
Вьетнам	0,5	0,7	0,9	0,9	0,8	0,9	1,0	1,1	0,7	1,0
Франция	1,0	0,7	0,4	0,7	0,7	0,6	0,6	1,0	1,3	0,8
Турция	0,7	0,7	0,6	0,7	0,7	0,6	0,7	1,0	0,9	0,8
Прочие	13,9	15,2	35,5	15,1	13,7	15,2	16,0	15,3	34,7	32,1

Источник: рассчитано по: Mongolia, Key Indicators 2024 / ADB. 2024.

Таблица 1.20

Структура импорта Монголии
по основным товарным группам, %

Товарная группа	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего, млрд долл.	5,1	3,8	3,3	4,3	5,9	6,1	5,3	6,8	8,7	9,3
Нефть и нефтепродукты	22,5	18,6	15,3	18,2	18,9	19,0	15,4	16,5	19,7	20,2
Автомобили легковые	5,6	5,5	6,6	6,0	6,9	6,8	5,6	5,6	6,6	7,3
Автомобили грузовые	2,1	1,3	1,4	4,4	4,8	6,9	5,0	5,6	4,9	4,7
Прицепы, полуприцепы	0,2	0,1	1,6	0,7	0,8	0,6	1,9	2,9	2,6	2,3
Электроэнергия	2,5	3,4	3,8	3,1	2,4	2,4	2,6	2,3	2,1	2,1
Металлоконструкции	1,6	0,8	0,8	1,4	2,3	1,3	1,1	0,9	1,0	2,0
Бульдозеры	1,0	1,2	0,9	2,0	2,3	3,0	2,3	1,7	1,1	1,8
Телефоны	1,6	2,1	3,1	2,2	1,8	1,6	1,7	2,0	1,8	1,8
Прутки из железа	1,6	1,0	0,5	0,8	1,4	1,8	1,9	2,4	2,6	1,7
Лекарственные средства	1,3	1,6	2,2	1,8	1,6	1,4	1,6	2,1	1,6	1,5
Прочие товары	60,0	64,4	63,8	59,4	56,8	55,2	60,9	58,0	56,0	54,6

Источник: составлено по: Trade Map / International Trade Centre. 2024.

Помимо Китая, важным поставщиком на монгольский рынок являлась Россия. Монголия импортировала из России порядка 10% потребляемой в стране электроэнергии и 80% потребляемых нефтепродуктов¹. России принадлежало 50% уставного капитала крупнейшей в Монголии компании Улан-Баторская железная дорога, в управлении которой находилось более 90% железнодорожной сети Монголии, осуществляя порядка 70% внешнеторговых грузовых перевозок страны². В 2022 г. компания Трансконтейнер вместе с «РЖД» и Улан-Баторской железной дорогой запустили первую отправку контейнеров из Китая в Россию через пункт пропуска Соловьевск на российско-монгольской границе, а с 2016 г. функционировал экономический коридор Китай – Монголия – Россия.

За рассматриваемый период власти Монголии пытались активизировать экономическое сотрудничество с Японией при помощи заключения и реализации Соглашения об экономическом партнерстве, которое было подписано обеими странами в феврале 2015 г. и вступило в силу в июне 2016 г. в формате ЗСТ+. Монголия является 56-м партнером Японии по экспорту и 110-м партнером по импорту по итогам 2023 г. Предполагалось, что ЗСТ+ разовьет более тесные экономические связи между двумя сторонами, повысит конкурентоспособность японских компаний на рынке Монголии³. Ключевые элементы данного соглашения охватывали следующие сферы:

- торговля товарами: соглашение об отмене и снижении тарифов на горнодобывающую и промышленную продукцию, а также на сельскохозяйственную продукцию в двусторонней торговле;
- таможенные процедуры и упрощение торговли: положения об обеспечении прозрачности таможенных процедур, надлежащее применение таможенных законов, обеспечение процедур быстрой таможенной «очистки» товаров и содействие двустороннему сотрудничеству;
- торговля услугами: соглашение о национальном режиме, РНБ, прозрачности и доступе на рынок для поставщиков услуг;
- инвестиции: усиление защиты инвестиций посредством обязательств по национальному режиму и РНБ;
- интеллектуальная собственность: обеспечение адекватной, эффективной и недискриминационной защиты интеллектуальной собственности за рамками обязательств в ВТО;

¹ С 2005 г. по 2023 г. объем поставок в Монголию нефтепродуктов ПАО «НК «Роснефть» составил 13,7 млн т. В 2023 г. «Русатом – Международная Сеть» и КОО «Даян Дээрх Энержи» подписали соглашение о сотрудничестве в проектах атомной, гидро- и ветроэнергетики в Монголии.

² В 2014 г. с участием Улан-Баторской железной дороги реализован проект по созданию Улан-Баторской городской железной дороги с оснащением подвижным составом российского производства. С 2011 г. в Монголии эксплуатируются маневровые локомотивы ТЭМ18ДМ (Трансмашхолдинг). В 2017 г. Трансмашхолдинг впервые поставил в Монголию магистральные грузовые тепловозы 2ТЭ25КМ (всего поставлено более 20 машин этой серии).

³ 4043: Outline of the Agreement between Japan and Mongolia for an Economic Partnership (FAQ) / Japan Customs. 2023.

- расширение двустороннего сотрудничества в сельском, лесном хозяйстве и рыболовстве, а также между малыми и средними предприятиями, в туризме, защите окружающей среды и в других областях, которые были взаимно согласованы.

К концу рассматриваемого периода результаты реализации двусторонней ЗСТ+ были достаточно скромными в отношении двусторонней торговли (годовой оборот составлял порядка 0,8 млрд долл. с подавляющим превосходством Японии при асимметричной структуре), но положительными в привлечении японских ПИИ в экономику Монголии¹.

Страны вне СВА, такие как ЕС, предоставляли Монголии официальную помощь в целях развития, а также инвестировали в ее горнодобывающий сектор. Страны ЕС участвовали в проектах по улучшению нормативно-правовой базы и управления в горнодобывающей промышленности, а также в развитии инфраструктуры. В 2019 г. ЕС объявил о новой программе поддержки устойчивой добычи полезных ископаемых в Монголии². Кроме этого США осуществляли капиталовложения в горнодобывающий сектор Монголии, особенно в развитие угольных шахт. Американская компания Peabody Energy участвовала в разработке угольной шахты Таван-Толгой в Монголии. США также оказали помощь Монголии в других областях, таких как образование и здравоохранение. В 2020 г. правительство США объявило о выделении 0,4 млрд долл. для поддержки развития инфраструктуры в Монголии³. Канада также инвестировала в горнодобывающий сектор Монголии, в частности, в разработку медно-золотого рудника Оюу-Толгой. Канадские, австралийские и британские компании, такие как Turquoise Hill Resources и Rio Tinto, участвовали в разработке рудника, который, как ожидается, будет производить более 500 тыс. т меди в год. Помимо добычи полезных ископаемых, канадские инвесторы также участвовали в других секторах монгольской экономики⁴.

Диверсификация источников и типов ПИИ также является важнейшим компонентом долгосрочной экономической стратегии Монголии и направлена на дос-

¹ Так, на конец 2022 г. доля Японии составляла порядка 5% (порядка 1,5 млрд долл.) по сравнению с долей Китая в 19% в накопленных объемах ПИИ в Монголию. Фактически Япония является одним из крупнейших инвесторов в Монголии со значительным присутствием в горнодобывающем секторе. Японские компании, такие как Sumitomo Metal Mining и Mitsui & Co, участвовали в разработке медных и золотых рудников в стране. Данные компании инвестировали в горнодобывающую промышленность Монголии, способствуя росту сектора и создавая рабочие места для местных жителей. Основным же инвесторами кроме стран СВА в Монголию являлись компании из Канады, Нидерландов, Сингапура, США, Австралии и других стран.

² Программа направлена на поощрение ответственной практики добычи полезных ископаемых, улучшение нормативно-правовой базы и поддержку развития местных сообществ, затронутых деятельностью по добыче полезных ископаемых.

³ Пакет включает финансирование строительства нового аэропорта в долине Хөшиг, который, как ожидается, будет способствовать развитию туризма и торговли в регионе.

⁴ В 2017 г. Канада и Монголия подписали меморандум о взаимопонимании для развития сотрудничества в области сельского хозяйства, энергетики и добычи полезных ископаемых.

тижение страной устойчивого роста и на снижение зависимости от горнодобывающего сектора, на который в настоящее время приходится значительная часть ПИИ¹. Кроме того, диверсификация ПИИ позволит Монголии использовать другие свои сильные стороны и конкурентные преимущества². Таким образом, экономика Монголии в целом и ее ключевой горнодобывающий сектор в частности обладают заметным потенциалом для зарубежных инвесторов. Несмотря на особенности институциональной структуры, политическую нестабильность и инфраструктурные ограничения, приверженность монгольского правительства к поощрению привлечения ПИИ, улучшению инвестиционного климата в сочетании с богатыми природными ресурсами страны и ее стратегическим положением способно превратить Монголию в привлекательное место для инвестиций.

Отметим, что важным индикатором развития бизнеса в стране является так называемый индекс экономической свободы. Для Монголии в 2023 г. он составлял 60,6³, а страна заняла 76 место среди других стран и 15 место из 39 стран АТР. Ее общий рейтинг снизился на 1,1 пункта по сравнению с 2022 г., но увеличился с 2014 г. (рис. 1.27).

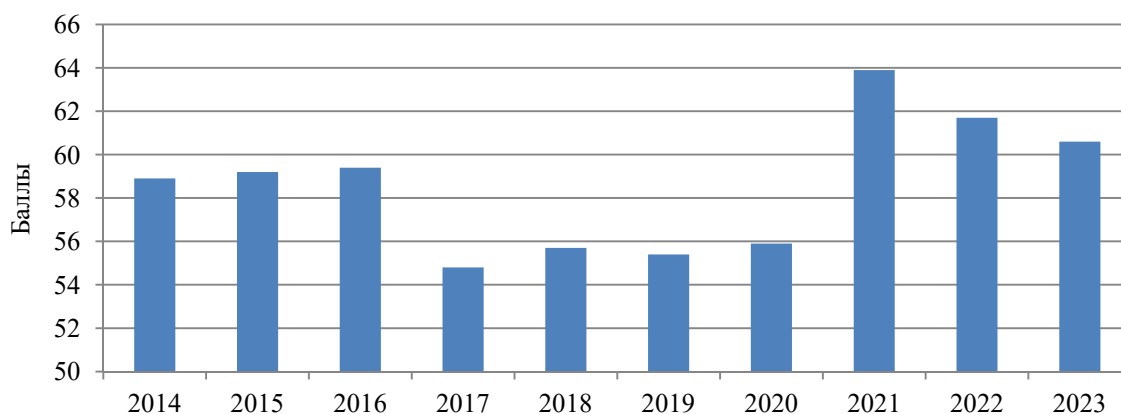

Рис.1.27. Индекс экономической свободы для Монголии

Источник: составлено по: Economic Freedom Country Profile Mongolia / Heritage Foundation. 2024.

В целом индекс экономической свободы страны был выше, чем в среднем в мире и в СВА. Однако по таким компонентам индекса как «защита прав собственности» и «согласованность деятельности госорганов» Монголия сильно отста-

¹ Диверсификация источников и секторов ПИИ имеет решающее значение для экономического роста и стабильности Монголии. Чрезмерная зависимость от горнодобывающего сектора сделала страну уязвимой для внешних факторов, таких как колебания цен на сырьевые товары и пандемия COVID-19. Диверсификация снизит риск экономической нестабильности и сделает Монголию более устойчивой к внешней экономической конъюнктуре.

² Например, Монголия обладает богатыми возобновляемыми источниками энергии, обширными сельскохозяйственными угодьями и богатым культурным наследием, которое может привлечь инвестиции в сектор туризма.

³ Economic Freedom Country Profile Mongolia / Heritage Foundation. 2024.

вала от других стран СВА за исключением КНДР¹. В результате, согласно индексу экономической свободы, Монголия считается «умеренно свободной» экономикой. В настоящее время предпринимательский сектор Монголии выигрывает от относительно открытого торгового режима, а осуществляемые реформы поддерживают рост экономики и сокращение бедности. При этом в стране наблюдался достаточно высокий по сравнению с другими развитыми странами СВА уровень коррупции и недостаточное «верховенство закона», что препятствовало ее экономическому развитию. Исходя из компонентов индекса экономической свободы, судебные реформы и более упорядоченное государственное управление могут способствовать поддержке экономического роста и повышению уровня жизни в Монголии. При этом нормативная база развивается медленно при относительно гибких правилах трудоустройства, что не придает рынку труда Монголии достаточного динамизма.

Таким образом, можно констатировать, что экономика Монголии развивается в рамках ресурсоориентированной модели экономики при наличии существенных вызовов и проблем², которые требуют от властей страны принятия незамедлительных решений. В последние годы (пандемийный период 2020–2022 гг. и время геополитических потрясений в мире 2022–2024 гг.) страна столкнулась с нестабильностью в мировой экономике, а также с внутренними процессами, которые осложняли развитие ее экономики. Одной из основных проблем Монголии являлась зависимость экономики от сектора добычи природных ресурсов с рентоориентированным поведением крупных компаний³. Это привело к неравномерности развития различных отраслей экономики и создало уязвимость для ее развития перед колебаниями цен на мировых рынках товаров при наличии достаточно слабых институтов и формирования относительно больших ежегодных платежей по внешнему долгу, как частного сектора, так и государственного⁴.

Другой серьезной проблемой Монголии являлась недостаточно развитая инфраструктура, особенно в отдаленных районах страны, что затрудняло включение страны Монголии в международные экономические процессы⁵. Более того, достаточно высокий уровень безработицы, низкая заработная плата, недостаточная эффективность системы социальной защиты и перераспределения доходов ставят под угрозу социальную стабильность в стране⁶. Из этого следует, что развитие экономики Монголии требует проведения преобразований с точки зрения

¹ Methodology / Heritage Foundation. 2024.

² Mongolia Economic Update / World Bank Group. 2024; Mongolia: Concluding Statement of the 2024 IMF Staff Visit / IMF. 2024; Helble M., Hill H., Magee D. Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked between Two Giants / ADB. 2020.

³ Economic Dependence of Mongolia on Minerals. Contributions to Economics / Edited by Y. Hosoi, T. Batdelger, K. Chuluundorj. Singapore: Springer, 2022.

⁴ Jobs and Technology, World Bank East Asia and Pacific Economic Update / World Bank Group. 2024.

⁵ Макаров А.В., Макарова Е.В., Бешенцев А.Н. Монголия: внешняя торговля и развитие инфраструктуры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 9. С. 68–78.

⁶ Helble M., Hill H., Magee D. Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked between Two Giants / ADB. 2020.

построения системы, устойчивой к внешней конъюнктуре цен на сырьевые товары, а также основанной на диверсифицированном развитии отраслей экономики и на снижении неравенства доходов населения.

1.7. Экономика КНДР в условиях ужесточения санкций

КНДР была провозглашена 9 сентября 1948 г. Власти созданного государства решили перенять основные черты «классической» экономической модели СССР 1930-х гг.¹, к которым относятся следующие: директивное централизованное экономическое планирование; национализация всех средств производства; форсированная индустриализация с акцентом на тяжелую промышленность; коллективизация сельского хозяйства; общая автаркия экономики. С самого начала приоритет в развитии КНДР был отдан тяжелой, химической и машиностроительной промышленности, что подкреплялось историческим прошлым Корейского полуострова, когда колониальные власти Японии сконцентрировали промышленные производства на севере². Завершение построения директивной модели экономики в КНДР произошло к 1960-м гг., когда была проведена коллективизация сельского хозяйства, а в 1962 г. была принята стратегия увязки развития экономики и национальной обороны. Необходимость укрепления военной мощи возникла на фоне идеологических конфликтов в коммунистической среде (между СССР и КНР). Указанная стратегия привела к тому, что доля тяжелой промышленности в общем промышленном производстве КНДР увеличилась до 70% к 1990 г., в то же время на оборонную промышленность приходилось 30% национального производства³.

После распада социалистического блока экономическая модель КНДР претерпела некоторые изменения, включив элементы, заимствованные у КНР, например, создание специальных экономических зон⁴. Распад СССР ознаменовал

¹ *Buzo A.* Politics and Leadership in North Korea. The Guerilla Dynasty. London: Routledge, 2018. 304 p.; *Tertitskiy F.* A Study of Soviet Influence on the Formation of the North Korean Army // *Acta Koreana*. 2017. Vol. 20. Issue 1. Pp. 195–219; *Tucker N.* The Soviet Model and the Economic Cold War: A Vindication of the Viability of Socialism // *Journal of Global Faultlines*. 2022. Vol. 9. Issue 2. Pp. 158–179; *Matveeva N.I.* Transplantation and Adaptation of the Soviet Economic Model in North Korea, 1945–1960 // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 403–412.

² *Andersson M., López Jerez M., Miladinovic L.* Divergence Before the Division: The Colonial Origins of Separate Development Paths in Korea // *Journal of Institutional Economics*. 2023. Vol. 19. Issue 6. Pp. 802–819; *Матвеева Н.И.* Особенности экономического развития КНДР (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.) // *Восточный архив*. 2022. Т. 46. № 2. С. 95–104.

³ *North Korea Development Report 2002/03* / Korea Institute for International Economic Policy. 2003. 568 p.

⁴ *Gray K., Lee J.W.* Following in China's Footsteps? The Political Economy of North Korean Reform // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. Issue 1. Pp. 51–73; *Rhee Y., Messerlin P.* North Korea and Economic Integration in East Asia. London: Routledge, 2019. 150 p.; *Matveeva N.I.* Transplantation and Adaptation of the Soviet Economic Model in North Korea, 1945–1960 // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 403–412.

окончание масштабной помощи и кредитования на льготных условиях и, как следствие, привел к острой нехватке энергии, сырья и иностранной валюты, а также к общему экономическому спаду. В 1990–1998 гг. темпы прироста ВВП КНДР были отрицательными, составив в среднем $-4,3\%$ ¹. В таких условиях в КНДР стала осуществляться «маркетизация снизу» – формирование стихийных потребительских рынков по всей стране. Таким образом, северокорейская экономика разделилась на две части: официальную (управляемую государственными органами) и неофициальную². Хотя правительство КНДР официально не признавало существование частного сектора в государстве, в начале 2000-х гг. были предприняты попытки его регулирования. Так, в апреле 2003 г. около четырехсот крестьянских рынков по всей стране были преобразованы в потребительские, на которых населению было разрешено покупать и продавать продукты питания, предметы первой необходимости и промышленные товары³. В начале 2020-х гг. доля частного сектора в ВВП КНДР оценивалась в 30–50%⁴.

В 2012–2014 гг. с приходом к власти нынешнего лидера КНДР Ким Чен Ына в стране был проведен ряд реформ, коснувшихся сельского хозяйства (введение бригадного подряда), деятельности предприятий (руководители некоторых предприятий получили право самостоятельно организовывать работу), научно-технической сферы (повышенное внимание не только к технологиям, которые необходимы для решения наиболее острых вопросов (продовольствие, энергетика), но и к «зеленым» технологиям)⁵.

В настоящее время КНДР выделяется на мировой арене как государство с закрытой экономикой (социалистический строй с опорой на собственные силы) и претендент на роль ядерной державы⁶. С экономической точки зрения КНДР обладает незначительным потенциалом – ВВП страны в 2023 г. составил лишь 15,5 млрд долл. (0,01% мировой величины)⁷. Максимальное значение

¹ Gray K., Lee J.W. Following in China's Footsteps? The Political Economy of North Korean Reform // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. Issue 1. Pp. 51–73.

² Tertitskiy F. Exclusion as a Privilege: The Chinese Diaspora in North Korea // *The Journal of Korean Studies*. 2015. Vol. 20. Issue 1. Pp. 177–200; *The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics* / Edited by Chiang M.H. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.

³ Gray K., Lee J.W. Following in China's Footsteps? The Political Economy of North Korean Reform // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. Issue 1. Pp. 51–73.

⁴ *The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics* / Edited by Chiang M.H. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.

⁵ Толорая Г.Д., Тригубенко М.Е., Яковлева Л.Н. Перспективы реформирования северокорейской экономики // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. Т. 71. № 9. С. 165–174; Тригубенко М.Е., Леженина Т.В. Новації в економіці КНДР в епоху Кім Чен Їна: ітоги, угрозы и риски // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. 2020. № 1-2. С. 96–107.

⁶ Асмолов К.В., Захарова Л.В. Проблемы и перспективы развития КНДР: прогноз 2021 // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 4. С. 134–147; Лешаков П.С., Соловьев А.В. КНДР как структурный фактор региональной и глобальной безопасности // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 4. С. 20–35.

⁷ Здесь и далее в разделе 1.7, если не указано иное, рассчитано по: Statistics Database / UNCTAD. 2024.

(17,5 млрд долл.) за период 2014–2023 гг. было достигнуто в 2018 г., минимальное (15,2 млрд долл.) – в 2022 г. (рис. 1.28). Снижение ВВП было связано с сокращением производства товаров, главным образом, добычи угля¹.

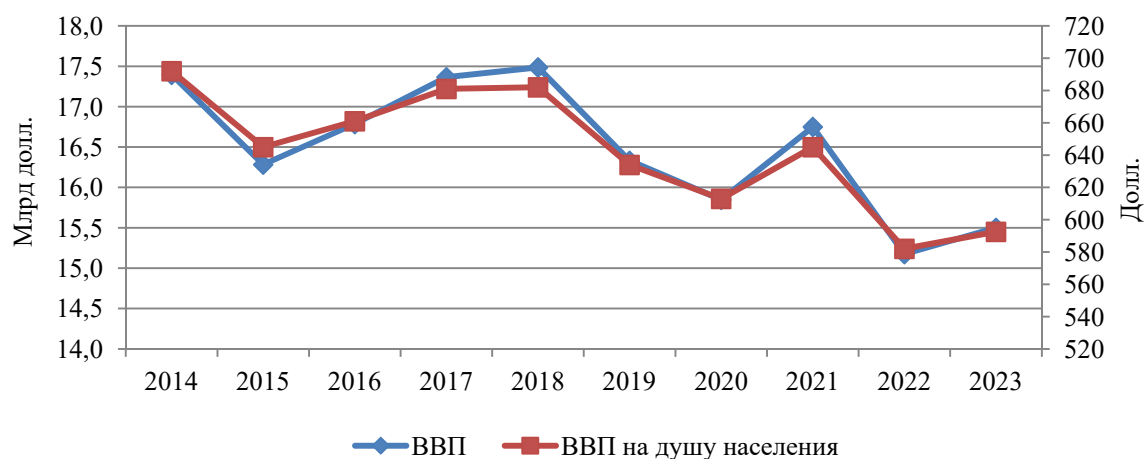

Рис. 1.28. Динамика ВВП (левая шкала) и ВВП на душу населения (правая шкала) КНДР

Примечание: КНДР не публикует официальные данные с 1960-х гг., поэтому вся статистическая информация представляет собой оценки различных международных организаций и ведомств, которые могут заметно отличаться (Матвеева Н.И. Особенности экономического развития КНДР (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.) // Восточный архив. 2022. Т. 46. № 2. С. 95–104; Тригубенко М.Е., Леженина Т.В. Новации в экономике КНДР в эпоху Ким Чен Ына: итоги, угрозы и риски // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 1-2. С. 96–107).

Источник: составлено по: Statistics Database / UNCTAD. 2024.

Среднедушевое значение ВВП КНДР в 2023 г. составило 593 долл. Исходя из этого, КНДР относилась к группе наименее развитых стран – на уровне Нигера и Мозамбика². Хотя международные оценки демонстрируют нестабильную динамику ВВП, данные Добровольного национального обзора КНДР по реализации Повестки 2030 (целей устойчивого развития ООН) содержат информацию о приросте ВВП страны в 2015–2019 гг. в среднем на 5,1%³. Некоторые эксперты⁴ считают, что к этим данным следует относиться скептически, т. к. внутренние ресурсы для устойчивого развития страны невелики, а внешняя торговля в современных условиях весьма ограничена.

¹ Hui M.D. N. Korea Continues to Face Considerable Difficulty in Achieving Coal Production Targets // Daily NK. 2022. 30 March.

² По северокорейским оценкам, предоставленным в закрытом порядке российским специалистам в 2017 г., номинальный душевой доход в стране составлял 1214 долл. (эксперты считают эту величину завышенной). Подробно: Ланьков А.Н. Северокорейское чудо: 30 лет выживания в условиях кризиса и изоляции // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 2. С. 31–48.

³ Захарова Л.В. Тернистый путь к светлым целям: подход КНДР к реализации Повестки 2030 и перспективы международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 175–193.

⁴ Асмолов К.В., Захарова Л.В. Проблемы и перспективы развития КНДР: прогноз 2021 // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4. С. 134–147.

Важным аспектом в понимании барьеров развития северокорейской экономики являются санкции¹. В настоящее время в отношении КНДР действует целый ряд международных санкций, введенных после успешного испытания ядерного оружия в 2006 г. Со стороны Совета Безопасности ООН (СБ ООН) действуют 23 резолюции, 12 из которых устанавливают различные рестрикции (резолюции № 1718, 2094, 2270, 2321, 2345, 2356, 2371, 2375, 2397, 2407, 2464 и 2515), остальные – продлевают мандат группы экспертов, отслеживающих выполнение санкционного режима².

14 октября 2006 г. была принята резолюция СБ ООН № 1718, в соответствии с которой был создан Комитет СБ ООН по санкциям в отношении КНДР (Комитет 1718), а также введено оружейное эмбарго, замораживание активов, запрет на поездки в отношении лиц, причастных к ядерной программе, на поставки предметов роскоши и на проведение КНДР ядерных испытаний или запуск баллистических ракет.

Так как испытания ядерного оружия не прекратились, в 2009 г., 2013 г., 2016 г. и 2017 г. СБ ООН расширил и ужесточил санкции. Введенные запреты действуют бессрочно и включают в себя следующее³: эмбарго на поставки оружия и связанных с ним материальных средств; нераспространение предметов, имеющих отношение к программам, связанным с ядерными, баллистическими ракетами и другими видами оружия массового уничтожения; запрет на поездки включенных в перечень физических лиц; утилизация изъятых предметов; запрет на морские перевозки, включая лизинг, фрахт, страхование, предоставление услуг по классификации, сертификации судов и др.; замораживание активов; запрет на предоставление финансовых услуг или передачу финансовых ресурсов, на создание совместных предприятий или кооперативных организаций, или расширение существующих совместных предприятий с юридическими или физическими лицами КНДР; запрет на специализированное обучение и подготовку граждан КНДР по дисциплинам, которые могли бы способствовать ядерной деятельности или разработке систем доставки ядерного оружия (передовое материаловедение, передовые технологии химической промышленности, машиностроения, электромашиностроения и промышленного производства и др.); запрет на научно-техническое сотрудничество в областях, которые могли бы способствовать ядерной деятельности КНДР или разработке систем доставки ядерного оружия; запрет на поставки угля и минеральных ресурсов, а также секторальные запреты⁴; запрет на поставку конденсата и природного газа; запрет в отношении всех продуктов переработки

¹ Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Экономика КНДР в современных условиях // Ойкумена. 2025. № 1 (в печати).

² Резолюции / Совет безопасности ООН. 2023.

³ Резолюции / Совет безопасности ООН. 2023; Дёмина Я.В. Внешняя торговля КНДР: влияние санкций // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–28.

⁴ КНДР запрещено поставлять, продавать или передавать уголь, железо и железную руду, золото, титановую руду, ванадиевую руду, медь, никель, серебро, цинк, редкоземельные минералы, свинец и свинцовую руду, продовольственную и сельскохозяйственную продукцию, машинное оборудование, электрооборудование, землю и камни, включая магнезит и магнезию, древесину и суда.

нефти¹; ограничение на поставку, продажу или передачу сырой нефти²; запрет в отношении экспорта морепродуктов, текстильных изделий; запрет в отношении работы граждан КНДР за границей; запрет на поставки в КНДР топлива, предметов роскоши, новых вертолетов и новых или бывших в эксплуатации морских судов, всех видов промышленного оборудования, автотранспортных средств, железа, стали и других металлов, за исключением запасных частей для обслуживания находящихся в эксплуатации коммерческих пассажирских самолетов.

США и их союзниками были также введены «вторичные» расширительные санкции, призванные максимально затруднить экономическое положение КНДР, вызвать массовое недовольство ее населения и дестабилизировать ситуацию в стране³. В частности, американский подход предусматривал возможность применения санкций против КНДР и ее контрагентов даже в тех случаях, когда сделки между ними легальны с точки зрения СБ ООН. Россия и Китай не раз выражали обеспокоенность по поводу последствий санкций для гражданского населения КНДР и угрозе гуманитарного кризиса. Так, в 2019 г. Россия и КНР внесли на рассмотрение СБ ООН проект резолюции, призывавшей к смягчению санкций для улучшения гуманитарной ситуации в КНДР. Однако представители Франции, Великобритании и США категорично отвергли это предложение⁴. Далее, в 2022 г. в СБ ООН рассматривался проект резолюции, направленный на ужесточение санкций в отношении КНДР, однако, Россия и КНР использовали право вето при голосовании, поэтому документ не был принят⁵. В 2024 г. Россия заблокировала представленный США проект резолюции по продлению мандата группы экспертов Комитета 1718 СБ ООН, Китай воздержался, остальные 13 членов поддержали данный проект⁶.

Хотя санкции негативно сказались на экономике КНДР, более ощутимый спад произошел вследствие пандемии COVID-19 (–4,5% ВВП в 2020 г.). Власти КНДР отреагировали на распространение неизвестной на тот момент инфекции быстро и жестко: с января 2020 г. были введены строгие ограничения на передвижение населения между провинциями, особый режим в приграничных районах и вдоль морского побережья, масочный режим и социальная дистанция, дезинфекция общественных мест, транспорта и тротуаров, а также всех импортных товаров⁷. Пандемия усугубила неустойчивую экономическую ситуацию, поэтому по

¹ За исключением поставок в совокупном объеме до 500 тыс. баррелей в год, начиная с 1 января 2018 г.

² Разрешено в совокупном объеме до 4 млн баррелей, или 525 тыс. т, в течение любого 12-месячного периода начиная с 22 декабря 2017 г.

³ Жебин А.З. Корея на распутье // КНДР и РК – 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 17–32.

⁴ США считают преждевременным рассмотрение в СБ ООН смягчения санкций против КНДР // ТАСС. 2019. 17 декабря.

⁵ Россия и Китай наложили вето на проект США о санкциях против КНДР // РИА Новости. 2022. 27 мая.

⁶ РФ в СБ ООН заветировала продление мандата группы экспертов по санкциям в отношении КНДР // ТАСС. 2024. 29 марта.

⁷ Асмолов К.В., Захарова Л.В. Борьба с коронавирусом по-чучхейски: модель 2022 // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 5. С. 9–21.

итогах VIII Съезда Трудовой Партии Кореи в январе 2021 г. был обозначен курс на свертывание проведенных ранее реформ¹.

Несмотря на некоторые эксперименты с проведением рыночных реформ, в КНДР продолжает функционировать плановая экономика, где государство владеет всеми ресурсами и контролирует их распределение, отдавая приоритет развитию тяжелой и оборонной промышленности в ущерб легкой промышленности и сельскому хозяйству. Поэтому по величине индекса экономической свободы (2,9 в 2024 г.) КНДР относится к странам, в которых подавляются экономические свободы², и занимает по этому показателю последнее место в СВА (рис. 1.29). При этом КНДР всегда занимала низшие строчки рейтинга по данному показателю в мире.

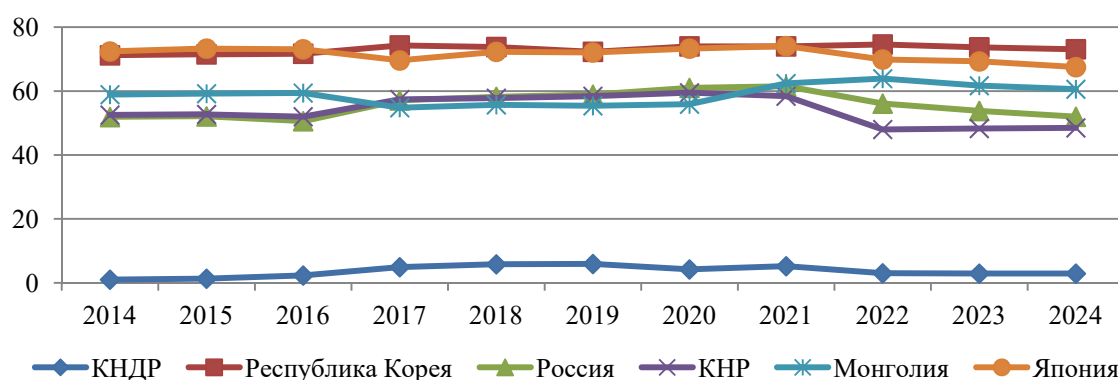

Рис. 1.29. Динамика индекса экономической свободы в странах СВА

Источник: составлено по: Index of Economic Freedom. All Country Score / Heritage Foundation. 2024.

Среди 12 компонентов, из которых состоит индекс, ненулевые значения для КНДР характерны лишь для пяти: «защита прав собственности» (16,0); «эффективность юридической системы» (5,4); «неподкупность государственных органов» (свобода от коррупции) (3,6); «свобода бизнеса» (5,0); «свобода трудовых отношений» (5,0).

Что касается внешней торговли, то КНДР в значительной мере была изолирована от остального мира. Чистый экспорт товаров и услуг в среднем за 2014–2022 гг. составлял –5,3% ВВП, поскольку на протяжении всего исследуемого периода экспорт был меньше импорта. Отрицательное сальдо торгового баланса компенсировалось за счет контрабанды, доходов от экспорта рабочей силы, прибыли от функционирования Кэсонского промышленного комплекса и других специальных экономических зон³.

¹ Ланьков А. Вперед в прошлое: Северная Корея возвращается к плановой экономике? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2021.

² Index of Economic Freedom. North Korea / Heritage Foundation. 2024.

³ Koen V., Beom J. North Korea: The Last Transition Economy? / OECD. Economics Department. 2020. Working Paper No. 1607. 47 p.; The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics / Edited by Chiang M.H. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.; Rhee Y., Messerlin P. North Korea and Economic Integration in East Asia. London: Routledge, 2019. 150 p.

Следует отметить, что Кэсонский промышленный комплекс был наиболее успешным примером межкорейского сотрудничества (между Республикой Корея и КНДР), просуществовав с 2004 г. по 2016 г. Однако власти Республики Корея закрыли комплекс в одностороннем порядке, заявив, что КНДР использует полученные средства для финансирования программы создания оружия массового уничтожения. К моменту закрытия, в Кэсонском промышленном комплексе были заняты 55 тыс. северокорейских рабочих и зарегистрированы 125 южнокорейских фирм с совокупной выручкой 560 млн долл.¹ Другие зоны, в частности, туристические специальные экономические зоны (например, Кымгансан) приносили КНДР гораздо более скромную выгоду, которая по оценкам, составляла 44 млн долл. в год преимущественно за счет туристов из Китая (350 тыс. чел. в 2019 г.)².

До введения масштабных санкций, за рубежом трудилось, по разным оценкам, от 50 до 150 тыс. северокорейских рабочих³. Основной сферой их деятельности было строительство, а главными направлениями трудовой миграции – КНР и Россия. Помимо КНР и России география трудовой миграции КНДР была довольно обширной, включая около 40 государств: Польшу, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Нигерию, Малайзию и другие страны. Ежегодные доходы КНДР от экспорта рабочей силы, по разным оценкам, составляли от 130 до 500 млн долл.⁴ Некоторые эксперты приводили оценки даже в 2,3 млрд долл.⁵

Однако согласно резолюции 2397 (2017 г.) СБ ООН все северокорейские рабочие должны были вернуться на родину до 22 декабря 2019 г. При этом часть

¹ *Makowsky P., Town J., Ragnone I.* Kaesong Industrial Complex: A Tortured History and Uncertain Future // 38 North. 2024. September; *Wrobel R.M.* Ten Years of Kaesong Industrial Complex: A Brief History of the Last Economic Cooperation Project of the Korean Peninsula // Economic and Environmental Studies. 2014. Vol. 14. Issue 2. Pp. 125–147; The Case for Kaesong: Fostering Korean Peace through Economic Ties / International Crisis Group. 2019. Asia Report No. 300. 34 p.

² *The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics* / Edited by Chiang M.H. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.

³ *Koen V., Beom J.* North Korea: The Last Transition Economy? / OECD. Economics Department. 2020. Working Paper No. 1607. 47 p.; *The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics* / Edited by Chiang M.H. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.; *Shim E.* 100,000 North Korea Workers Facing Human Rights Violations Overseas // United Press International. 2016. 20 September; *Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О.* Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.

⁴ *Koen V., Beom J.* North Korea: The Last Transition Economy? / OECD. Economics Department. 2020. Working Paper No. 1607. 47 p.; *Whong E.* 100,000 North Koreans Work Abroad, Earning US\$500 Million a Year: UN // Radio Free Asia. 2024. 21 March; *Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О.* Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.

⁵ *Shim E.* 100,000 North Korea Workers Facing Human Rights Violations Overseas // United Press International. 2016. 20 September; *Асмолов К.В., Захарова Л.В.* Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.

граждан КНДР не была репатриирована, и западные эксперты утверждали¹, что северокорейские рабочие продолжали трудовую деятельность на территории России и КНР, получая туристические и студенческие визы. Представители МИД России в ответ на замечания СБ ООН заявили, что северокорейские рабочие «прекратили получать доход в российской юрисдикции», поэтому «Россия выполнила свои обязательства»².

КНДР являлась закрытой страной для въезда, поэтому сальдо миграционного притока за исследуемый период было отрицательным: отток находился в пределах от 3 тыс. чел. в 2014 г. до 2 тыс. чел. в 2023 г.³ Однако на территории КНДР проживает небольшая (5 тыс. чел.) китайская диаспора, представители которой имеют право свободно пересекать границу с КНР⁴. В то же время на территории Китая проживает примерно 2 млн этнических корейцев, сосредоточенных в основном в провинциях Цзилинь и Ляонин. Кроме того, с 1990-х гг., по оценкам экспертов, от 500 тыс. до 2 млн северокорейских граждан незаконно проникли на территорию КНР через приграничные провинции. Дальнейшей целью «перебежчиков» (официальными властями они не признаются) было переселение в Республику Корея или в китайские провинции⁵. По состоянию на июнь 2023 г., по оценкам, в Республику Корея прибыло 34 тыс. чел.⁶

Следует заметить, что КНДР является примером мононациональной страны, где доля титульной нации составляла 99,98%. Численность населения государства, по оценкам ООН, в 2023 г. составила 26,2 млн чел., увеличившись по сравнению с 2014 г. на 1 млн чел. По численности населения страна занимала пятое место в СВА, опережая лишь Монголию (3,4 млн чел.). Темпы прироста населения страны несколько замедлились к концу исследуемого десятилетия, однако, были положительными: 0,45% в среднем за 2014–2023 гг. Ежегодный прирост населения сократился со 124 тыс. чел. в 2014 г. до 92 тыс. чел. в 2023 г. Население КНДР проживало преимущественно в городах, крупнейшим из которых был Пхеньян – столица страны (3,2 млн чел.⁷). Половозрастная структура населения КНДР за рассматриваемый период претерпела небольшие изменения. Так, в 2014 г. доля

¹ Koen V., Beom J. North Korea: The Last Transition Economy? / OECD. Economics Department. 2020. Working Paper No. 1607. 47 p.; Marsden H. North Korea's Stranded Migrant Workers // The Week. 2024. 28 February; Whong E. 100,000 North Koreans Work Abroad, Earning US\$500 Million a Year: UN // Radio Free Asia. 2024. 21 March; Jang S. N. Korean Official's Death in China Leads to Increased Ideological Reviews of Workers // Daily NK. 2024. 6 March.

² В МИД заявили о выполнении резолюции, запрещающей наем рабочих из КНДР // РИА Новости. 2023. 17 декабря.

³ Социально-экономическое развитие КНДР. М.: Востокгосплан, 2023. 35 с.; World Population Prospects 2024 / United Nations. 2024.

⁴ Tertitskiy F. Exclusion as a Privilege: The Chinese Diaspora in North Korea // The Journal of Korean Studies. 2015. Vol. 20. Issue 1. Pp. 177–200.

⁵ Gao B. China's Economic Engagement in North Korea. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 183 p.

⁶ Greitens S.C. Politics of the North Korean Diaspora. Cambridge University Press, 2024. 102 p.

⁷ North Korea Population / World Population Review. 2024.

трудоспособных мужчин (15–59 лет) составила 68,0% от их общей численности, женщин (15–54 года) – 58,2%; в 2023 г. – 64,7 и 54,8% соответственно. Произошло заметное увеличение доли населения старше трудоспособного возраста: с 10,9 до 15,8% у мужчин и с 22,6 до 27,0% у женщин. Доля лиц младше трудоспособного возраста при этом сократилась – с 21,1 до 19,5% у мужчин и с 19,2 до 18,2% у женщин. Таким образом, в КНДР происходил демографический переход, подобный другим странам СВА, что является долгосрочным вызовом для северокорейской экономики, в том числе с точки зрения сокращения возможностей для экспорта услуг рабочей силы.

Возвращаясь к внешней торговле КНДР, следует отметить, что, несмотря на кажущуюся автаркию, товарообмен с зарубежными странами играл важную роль для поддержания функционирования экономики страны. При этом, внешнеторговая квота КНДР снижалась – с 57,2% в 2014 г. до 10,5% в 2022 г., вследствие санкций и ограничений, связанных с COVID-19. Страна обладала сравнительно богатыми природными ресурсами, а также квалифицированной и «дешевой» рабочей силой. Однако ей не хватало масштабного зарубежного капитала, технологий и производственных мощностей для экономического развития.

До введения международных санкций в 2006 г. внешняя торговля КНДР характеризовалась в целом положительным трендом. В географической структуре экспорта лидерство принадлежало Японии, Мексике и КНР, в импорте – КНР, России и Германии¹. Была также развита давальческая торговля между КНДР и Республикой Корея на базе Кэсонского промышленного комплекса. В дальнейшем практически все внешнеторговые потоки КНДР стали концентрироваться на одной стране – КНР, которая к настоящему времени стала фактически ее единственным торговым партнером. Торговая зависимость от Китая усилилась после прихода к власти Ким Чен Ына: в 2011–2019 гг. доля КНР во внешнеторговом обороте КНДР составляла 70–80% (1980–1990-е гг. – 30%)².

Республика Корея в 2010 г. (после потопления КНДР корвета ВМС Республики Корея «Чхонан» и обстрела о. Ёнпхёндон³) приостановила торговлю с КНДР за исключением операций, связанных с Кэсонским промышленным комплексом. Однако, несмотря на санкционные ограничения, до 2014 г. сохранялась положительная динамика внешней торговли. В 2016 г. (после очередного испытания КНДР ядерного оружия) Республика Корея объявила о прекращении всей двусторонней торговли без исключений. Ужесточение санкций и присоединение к ним в 2017 г. КНР привело к резкому уменьшению экспорта и импорта страны (*рис. 1.30*).

В экспорте КНДР преобладали минеральные и химические продукты, однако поставки этих товаров в КНР стали уменьшаться с 2014 г. еще до введения в 2016 г. резолюции СБ ООН 2270, запрещающей экспорт минеральных товаров.

¹ Дёмина Я.В. Внешняя торговля КНДР: влияние санкций // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–28.

² The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics / Edited by Chiang M.H. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.

³ Кирьянов О. Почему КНДР обстреляла остров Енпхендо: точка зрения Северной Кореи // Российская газета. 2010. 29 ноября.

В то же время в 2013–2017 гг. увеличился объем экспорта продукции легкой промышленности (пластика, кожи, текстиля и др.). Такие изменения указывают на то, что страна начала развивать легкую промышленность для стимулирования своей экономики¹. В 2015–2016 гг. основу экспорта КНДР в КНР составляли: минеральные продукты (50,7%), текстильные изделия (28,8%), продукты животного происхождения (5,6%), металлы и изделия из них (4,4%). По сравнению с экспортом, импорт КНДР из КНР был более диверсифицирован. В 2015–2017 гг. его основу составляли: текстильные изделия (19,8%), машиностроительная продукция (16,5%), минеральные продукты (12,8%), пластмассы и резина (7,7%), жиры, масла и обработанные пищевые продукты (6,9%)².

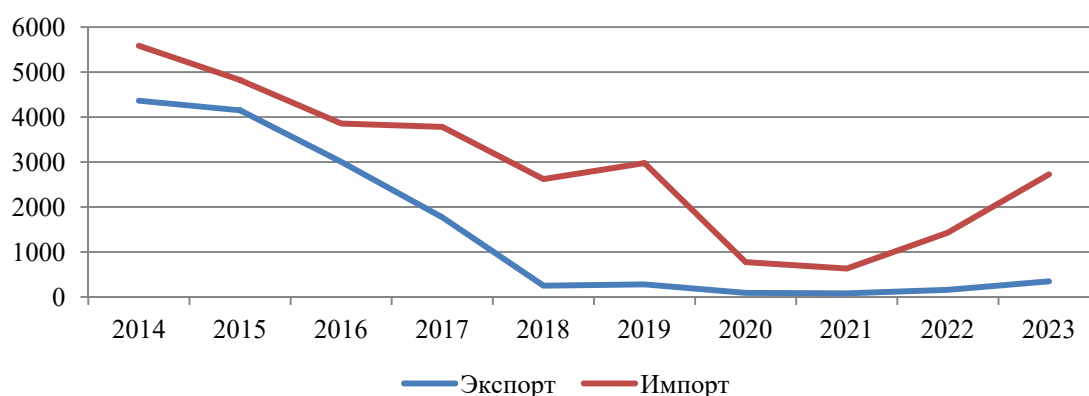

Рис. 1.30. Динамика внешней торговли КНДР, млн долл.

Источник: составлено по: Statistics Database / UNCTAD. 2024.

Экономические санкции, введенные международным сообществом по отношению к КНДР, постепенно расширялись, охватывая все большее количество пунктов. Так, влияние резолюции СБ ООН 2270 (март 2016 г.), блокировавшей экспорт золота, редкоземельных элементов, ванадиевой, титановой руды и т. д., было ограниченным, поскольку эти товары составляли в 2015 г. всего 1% от общего объема экспорта КНДР в КНР. Однако резолюция СБ ООН 2371 (август 2017 г.) полностью приостановила экспорт таких товаров как уголь, железо и железная руда, которые в 2016 г. составляли 58% от общего объема экспорта КНДР в КНР. Дополнительные санкции в 2017 г. блокировали экспорт таких товаров, как текстиль и одежда, машины и оборудование. Таким образом, санкции, действующие по состоянию на 2017 г., охватывали 96% экспорта КНДР (по товарной структуре экспорта 2016 г.). В результате по отношению к 2016 г. экспорт в КНР уменьшился в 2018 г. на 92,6%, а в 2019 г. – на 92,1% соответственно³.

¹ The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics / Edited by M.H. Chiang Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.

² Choi J.Y. Impact of Strengthened Sanctions on the North Korean Market // The Impact of DPRK Sanctions and North Korea's Economic Future / Edited by S. Lee et al.; Korea Development Institute, 2021. Pp. 206–239. (На кор. яз.).

³ Lee J.K. The Impacts of Economic Sanctions and Covid-19 on the North Korean Economy: 2017–2020 / Korea Economic Institute. 2022.

Импорт КНДР в 2018–2019 гг. уменьшился на 24,4% по сравнению с до-санкционным периодом (2015–2017 гг.): импорт машин и электронных устройств – на 98,2% (полный запрет импорта согласно санкциям), минеральных продуктов – на 23,2% (ограничения на импорт нефтепродуктов), текстильной продукции – 18,2% (уменьшение импорта сырья для текстильной и швейной продукции, экспорт которой был запрещен). Между тем, увеличился импорт удобрений, а также масла и жиров животного и растительного происхождения¹.

В итоге наблюдался рост дефицита торгового баланса до более чем 2 млрд долл. к 2018 г., что вдвое превышало среднегодовые показатели 2004–2015 гг. Однако данные могли быть завышены, поскольку комиссии, выплачиваемые экспортерам из КНДР их клиентами за рубежом, не отражаются в торговой статистике. Кроме того, эта оценка не учитывает контрабандную торговлю, которая, как сообщается², широко распространена как через сухопутные, так и морские границы, и в значительной степени с участием государственных торговых компаний КНДР, работающих в КНР. По данным ООН, КНР, Россия, Малайзия и другие страны не смогли пресечь незаконное финансирование и торговлю с КНДР. Так, в 2017 г. из КНДР были экспортированы в нарушение санкций уголь и другие товары примерно на 200 млн долл. В докладе ООН за 2020 г. было показано, что КНДР продолжала обходить запреты посредством незаконного импорта и экспорта санкционных товаров путем перевалки с судна на судно и прямых поставок судами под нейтральными флагами. Некоторые незаконные поставки предметов роскоши в КНДР осуществлялись из Сингапура³.

В отличие от санкций влияние на внешнюю торговлю КНДР ограничительных мер во время пандемии выразилось в критическом падении импорта (не только в официальном, но и в том числе контрабандном)⁴. В 2020 г. внешняя торговля КНДР уменьшилась на 78,2% (мировая торговля – на 7,5%). Импорт товаров уменьшился на 81%⁵. Со второй половины 2022 г. после возобновления движения грузовых поездов наблюдалась положительная динамика торговли между КНДР и КНР. В 2022 г. экспорт увеличился в 2,2 раза по сравнению с 2021 г., импорт – в 2,4 раза. В 2023 г. объем торговли увеличился в 2,4 раза по сравнению с 2022 г., но не достиг уровня 2019 г.⁶

Для увеличения валютных доходов, власти КНДР вели поиск «новых» экспортных товаров, не попадающих под санкционные ограничения. Так, парики, краска для волос и т. д. (2023 г. – 57,1% от экспорта) стали альтернативой запре-

¹ Choi J.Y. Impact of Strengthened Sanctions on the North Korean Market // The Impact of DPRK Sanctions and North Korea's Economic Future / Edited by S. Lee et al.; Korea Development Institute, 2021. Pp. 206–239. (На кор. яз.).

² Koen V., Beom J. North Korea: The Last Transition Economy? / OECD. Economics Department. 2020. Working Paper No. 1607. 47 p.

³ The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics / Edited by Chiang M.H. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.

⁴ 2020/2021 The DPRK Economic Outlook / Edited by S. Lee; KDI. 2021.

⁵ Lee J.K. The Impacts of Economic Sanctions and Covid-19 on the North Korean Economy: 2017–2020 / Korea Economic Institute. 2022.

⁶ KDI Review of the North Korean Economy / KDI. 2024. Vol. 26. Issue 1. (На кор. яз.).

ценных к экспорту текстилю и одежде. В последние годы увеличивался также экспорт «альтернативных» полезных ископаемых, таких как вольфрамовые и молибденовые руды (доля в экспорте в 2022 г. – 23,1 и 10,2% соответственно). Кроме того, экспортировались, несмотря на санкции, такая продукция как ферросплавы и шелк-сырец. Так, в 2023 г. ферросплавы занимали вторую позицию в экспорте КНДР (11%), поскольку КНР интерпретирует ферросилиций, составляющий большую часть экспортируемой продукции в данной категории, как несанкционный товар, утверждая, что это кремний, а не железо. Также с 2020 г. наблюдалось увеличение экспорта электроэнергии, несмотря на нехватку данного ресурса в стране. Основу импорта КНДР в 2023 г. составляли товары, используемые в качестве промежуточных в промышленном производстве, такие как пластмассы, материалы для париков, текстиль, химические удобрения и резиновые шины, а также потребительские товары, такие как рис, соевое масло, средства личной гигиены, сигареты и медицинские товары. Увеличение импорта промежуточных товаров в некоторой степени свидетельствует о восстановлении производственной деятельности в стране¹.

Таким образом, хоть руководство КНДР и придерживается идеологии опоры на собственные силы, данная страна на протяжении последних десятилетий развивала внешнеэкономические связи по официальным и неофициальным каналам. Существенным источником иностранной валюты, кроме внешней торговли, был экспорт рабочей силы. Экзогенные шоки повлияли на формирование особого механизма функционирования экономики страны. Так, еще в 1990-е гг. начали формироваться стихийные потребительские рынки и частная собственность, которые к настоящему времени составляют 30–50% ВВП. Хотя существование неофициального рыночного сектора не признается властями, в разные годы предпринимались реформы, направленные на его регулирование.

Почти за два десятилетия существования международных санкций экономика КНДР приспособилась к новым условиям, используя механизм непрямого участия в международной торговле. Так, масштабный экспорт рабочей силы, поддерживающий функционирование экономики, после введения санкций СБ ООН (с декабря 2019 г.) продолжал осуществляться по неофициальным каналам. Внешнеторговый оборот по данным «зеркальной» статистики существенно снизился вследствие введения санкций, однако, указанные официальные данные могут быть значительно занижены, так как за последние десятилетия сформировался механизм «теневой» торговли, являющийся дополнительным источником валютных доходов, и, в конечном итоге, механизмом поддержания функционирования экономики КНДР.

¹ KDI Review of the North Korean Economy / KDI. 2024. Vol. 26. Issue 1. (На кор. яз.).

ГЛАВА 2

ЭКОНОМИКИ СВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

2.1. Экономика стран СВА в условиях COVID-19

Первоначальным источником распространения в мире COVID-19 являлся Китай, поскольку в конце 2019 г. было установлено, что вспышка пневмонии в г. Ухань, китайской провинции Хубэй, вызвана новой разновидностью коронавируса¹. Глобальная пандемия, связанная с необходимостью локализации распространения коронавируса COVID-19 стала экономическим «шоком» для большинства стран мира, поскольку глобальная экономика подверглась самым серьезным административным ограничениям – была существенно ограничена деятельность в рамках многих индустрий, пассажирского авиасообщения и общественного транспорта, перемещения людей через государственные границы, в пределах государств и городов. Данный «шок» наблюдался как со стороны спроса, так и предложения: ограничения на перемещение товаров и специалистов стали сдерживать интенсивность обменов в рамках глобальных и субглобальных производственных цепочек². В итоге, стало наблюдаться сокращение цепочек поставок, уменьшение числа их звеньев, фиксировалась переориентация компаний на субглобальные и местные производственные сети. Что касается глобальных потоков прямых капиталовложений, то пандемия создала значительную экономическую неопределенность, которая отразилась в отсрочке ранее предусмотренных проектов³, внося существенные изменения в конфигурацию международного производства во время своего распространения. Соответственно, значительное снижение экономической активности в период пандемии, особенно в период протекания «острой фазы» 2020 г., вызвало необходимость активного государственного вмешательства. Реализованные меры государственной политики в мире для борьбы с коронавирусом были связаны с высокими экономическими издержками⁴.

¹ Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / под ред. А.Л. Кудрина. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. С. 11.

² Economics in the Time of COVID-19 / Edited by R. Baldwin, B.W. di Mauro. London: CEPR Press, 2020. 115 p.

³ Трансформация торговли и развития в расколотом мире после пандемии / ООН. 2020. 72 с.

⁴ Экономическая политика во времена COVID-19 / РЭШ. 2020.

Столкнувшись с распространением коронавируса, страны СВА реализовывали административные ограничения распространения COVID-19, однако разными способами. При этом системные, масштабные и структурные характеристики экономик СВА оказывали непосредственное влияние на эффективность как ограничительных мер, так и экономического восстановления стран субглобального региона¹. В целом, для стран СВА, в условиях реализации карантинных мер наблюдалось сокращение их экономик, особенно в 2020 г. (рис. 2.1).

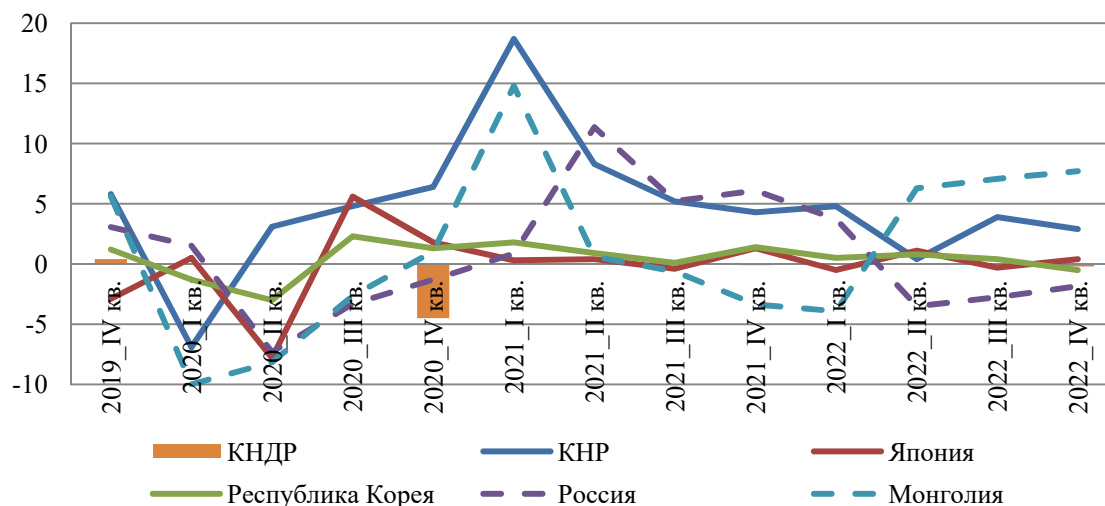

Рис.2.1. Квартальные темпы прироста ВВП стран СВА, %

Примечания. Представлены данные прироста ВВП по отношению к соответствующему кварталу прошлого года. По причине отсутствия в открытом доступе темпов прироста ВВП в квартальном выражении для КНДР, приведены оценочные годовые значения ВВП Северной Кореи, которые отражены в рамках четвертого квартала.

Источники: Indexes of Gross Domestic Products. Quarterly / National Bureau of Statistics of China. 2024; Quarterly Estimates of GDP / Cabinet Office of Japan. 2024; Национальные счета / ФСГС. 2024; Gross Domestic Product, by Production Approach, by Quarter, by Divisions, by Cumulative / National Statistical Office of Mongolia. 2024; Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2023 / Bank of Korea. 2024.

По итогам 2020 г. среди стран СВА только Китай характеризовался положительными темпами прироста экономики, который составил 2,2%. Остальные экономики СВА в 2020 г. сокращались: Япония – на 4,2%, Республика Корея – на 0,7%, Россия – на 2,7%, Монголия – на 4,6%, КНДР – на 4,5%. Особенно важным аспектом 2020 г. стало снижение цен на сырьевые товары, составляющих основу экспорта России и Монголии, а также серьезная волатильность спроса и предло-

¹ Изотов Д.А. Трансформация мер государственной политики поддержки экономики стран Северо-Восточной Азии во время пандемии COVID-19: 2022 г. // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 5. С. 45–63; Изотов Д.А. Меры государственной поддержки экономики в странах «большой тройки» Северо-Восточной Азии в период пандемии // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 156–178; Изотов Д.А. Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. № 6. С. 85–100.

жения на глобальном рынке на ряд товаров, которые производились в странах Большой тройки СВА в рамках длинных цепочек добавленной стоимости в рамках глобальной экономики. В 2021 г. экономики СВА, за исключением КНДР, стали постепенно восстанавливаться в условиях реализации мер государственной поддержки экономики, а также за счет нормализации цен на глобальном рынке товаров, причем темпы прироста ВВП России во 2–4 кварталах 2021 г. были выше, чем в других странах СВА.

В 2022 г., с одной стороны, смягчение ограничений, связанных с пандемией COVID-19, способствовало восстановлению экономик, с другой – возросшие геополитические риски, связанные с ростом санкций против российской экономики привели к резкому росту цен на сырьевые товары на мировом рынке, что привело к наращиванию издержек у стран-импортеров сырьевых товаров и увеличению доходов у стран-экспортеров данной продукции. В результате, в рамках 2022 г. самыми высокими темпами прироста характеризовалась Монголия, а самыми низкими – Россия, попавшая под «широкомасштабные» санкции со стороны западных стран. В рамках 2022 г. Китай стал постепенно терять имеющиеся ранее высокие темпы роста экономики. В свою очередь, ВВП Японии и Республики Корея рос меньшими темпами, чем годом ранее, а экономика КНДР практически не увеличилась.

Если более сплоченные субглобальные экономические структуры, к которым, например, относятся страны ЕС, проводили консолидированную политику поддержки и восстановления экономики¹, то страны СВА осуществляли несогласованные друг с другом меры государственной поддержки экономики, исходя из особенностей собственного внутривластного процесса, а также структуры национальных экономик. Самыми масштабными по затратам государственными мерами по поддержке экономики среди стран СВА в 2020–2021 гг. характеризовалась Япония (35% ВВП), далее следовали Монголия (около 17% ВВП), Республика Корея (около 15% ВВП), Россия (более 6% ВВП) и Китай (6% ВВП)². При этом большинство стран СВА пролонгировали полностью или частично на 2022 г. меры государственной поддержки экономики.

2.2. Меры государственной поддержки экономики КНР во время пандемии

После обнаружения источника коронавируса, правительство КНР ввело в конце 2019 г. – начале 2020 г. строгие карантинные меры, включая продление дней отдыха, жесткую изоляцию населения провинции Хубэй от остальных ре-

¹ Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Соединенном Королевстве, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии / под общ. ред. О.В. Синявской. М.: Институт социальной политики НИУ ВШЭ, 2020. 72 с.

² По КНДР данные отсутствуют.

гионов Китая, ограничения в передвижении населения на национальном уровне, меры социального дистанцирования и двухнедельный карантин для внутренних мигрантов. Первыми пострадавшими от коронавируса было население китайских мегаполисов, связанных с городом Ухань посредством деловой активности и туризма¹. Введение карантинных мер в первую очередь негативно повлияло на экономическую деятельность малых и средних предприятий КНР, которые, в том числе входили в субглобальные производственные цепочки². По этой причине распространение коронавируса и последующие карантинные меры оказали отрицательное воздействие на экономику наиболее развитых регионов КНР³. Обязательное социальное дистанцирование являлось довольно эффективным для снижения эпидемии, но обходилось сравнительно дорого с точки зрения потери рабочих мест в Китае⁴.

Власти КНР стали применять следующие меры по сдерживанию распространения инфекции: правила социальной дистанции соблюдались довольно жестко; въезд в КНР иностранцев был ограничен; в локальных очагах вирусной инфекции вводился жесткий карантин при его последующей отмене в случае подавления очага инфекции; распространение строгих практик тестирования и карантина, а также системы индивидуальных QR-кодов для определения маршрутов распространения вирусной инфекции и последующего сдерживания ее вспышек; сдерживание поездок между городами; разработка и распространение четырех видов вакцин против COVID-19, с помощью которых было привито до 70–80% населения к концу 2021 г.⁵ В Китае, вплоть до конца 2022 г. реализовывалась стратегия «нулевой терпимости» к COVID-19, предусматривающая жесткие меры для снижения распространения коронавируса как с точки зрения изоляции, так и вакцинирования.

На конец второго квартала 2021 г. в КНР реализовывались разнообразные меры макроэкономической политики, призванные с одной стороны, поддержать целевые направления национальной политики по локализации распространения вирусной инфекции, лечения и восстановления пациентов, с другой – стабилизировать экономическую ситуацию в стране (*табл. 2.1*).

¹ Shi Q., Liu T. Should Internal Migrants be Held Accountable for Spreading COVID-19? // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2020. Vol. 52. Issue 4. Pp. 695–697.

² Assessment Report on Impact of COVID-19 Pandemic on Chinese Enterprises / United Nations Development Programme in China. 2020.

³ Mo Q., Chen X., Yu B., Ma Z. Levels of Economic Growth and Cross-Province Spread of the COVID-19 in China // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2021. Vol. 75. Pp. 824–828.

⁴ Chudik A., Pesaran M.H., Rebucci A. Voluntary and Mandatory Social Distancing: Evidence on Covid-19 Exposure Rates from Chinese Provinces and Selected Countries / NBER. Working Paper No. 27039. 2020.

⁵ Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021; Shen J. COVID-19 and Inter-Provincial Migration in China // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol. 61. Issue 4–5. Pp. 620–626.

**Меры государственной политики КНР
по поддержке экономики в 2020–2021 гг.**

Меры государственной политики	Направления поддержки
Бюджетная политика	Увеличение расходов на профилактику и контроль эпидемий; производство медицинского оборудования; ускоренная выплата страховки по безработице; налоговые льготы и приостановка взносов на социальное страхование; дополнительные государственные инвестиции.
Меры денежно-кредитной политики	«Вливание» ликвидности в банковскую систему через операции Народного банка Китая на открытом рынке; расширение возможностей для повторного кредитования и снижение процентных ставок для поддержки: производителей медицинского оборудования, поставщиков предметов первой необходимости, малых предприятий и сельскохозяйственного сектора; снижение ставок РЕПО, а также ставки кредитования на 1 год; целевое снижение нормативов обязательных резервов для крупных и средних банков, отвечающих критериям инклюзивного финансирования, которые поддерживают деятельность малых предприятий; снижение процентной ставки на избыточные резервы; расширение кредитной линии крупнейших государственных банков для малых предприятий; введение новых инструментов для поддержки кредитования малых предприятий, включая беспроцентное кредитование для рефинансирования 40% новых необеспеченных кредитов региональных банков и стимулирования дальнейшего продления отсрочки платежей по кредитам за счет государственного субсидирования.
Финансовая политика	Поощрение кредитования малых предприятий; задержка платежей по кредитам с продлением крайнего срока до конца 2021 г.; «терпимость» к высоким суммам просроченных кредитов; поддержка выпуска облигаций финансовыми учреждениями для финансирования кредитования малых предприятий; дополнительная финансовая поддержка корпораций за счет увеличения выпуска корпоративных облигаций; усиление бюджетной поддержки кредитных гарантий; гибкость в реализации реформы управления активами; «смягчение» жилищной политики местными органами власти.
Валютная политика	Отмена антициклической корректировки в формировании центрального паритета дневного торгового диапазона; нивелирование ограничений на инвестиционные квоты иностранных инвесторов (QFII и RQFII).

Примечание: Финансовые программы КНР, позволяющие лицензированным иностранным инвесторам торговать акциями на биржах континентального Китая (QFII) и вкладывать юани из Гонконга в активы континентального Китая (RQFII).

Источники: Обзор экономических мер, применяемых странами в условиях распространения Covid-19 / Росконгресс. 2020; Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021.

Для китайского руководства 2022 г. являлся довольно важным по причине подготовки к предстоящему XX съезду Коммунистической Партии Китая (КПК), на котором назначалось высшее руководство страны на следующий пятилетний

срок¹. Поэтому поддержание экономической стабильности в КНР являлось прямой демонстрацией эффективности работы КПК, так как осенью 2022 г. избиралось новое руководство ЦК КПК, а весной 2023 г. оно официально вступило в свои обязанности.

В условиях ограничений, связанных со стратегией «нулевой терпимости» к COVID-19², а также с геополитическими вызовами, Государственный совет КНР 31 мая 2022 г. обнародовал реализацию «Пакета политических мер по стабилизации экономики»³, охватывающего широкий спектр механизмов и включающих в себя более тридцати мер по шести направлениям (табл. 2.2).

По причине следования стратегии «нулевой терпимости» в борьбе с COVID-19 и активизации эндогенных политических процессов, в 2022 г. в Китае в целом не наблюдалось сворачивания стимулирования экономики. В условиях пандемии, как и в 2020–2021 гг., в рамках 2022 г. поступательно реализовывались следующие меры поддержки экономики: рост бюджетных расходов на развитие здравоохранения; наращивание государственных капиталовложений в инфраструктуру; сдержанное смягчение денежно-кредитной политики; ускоренная выплата страховых премий по безработице для пострадавших от пандемии категорий граждан; перекредитование малого, среднего бизнеса и домохозяйств, пострадавших от COVID-19; отсрочка в масштабной реструктуризации «плохих» долгов.

Таблица 2.2

**Пакет мер государственной политики
по стабилизации экономики КНР в 2022 г.**

Меры государственной политики	Направления поддержки
Налогово-бюджетная политика	Продолжение практики возврата налога на добавленную стоимость (НДС); своевременное распределение бюджетных расходов; ускоренный выпуск и использование специальных облигаций; использование гарантий государственного финансирования; увеличение государственных закупок для поддержки малого и среднего бизнеса; расширение политики отсрочки выплат по страховым взносам; увеличение выплат субсидий для расширения занятости.
Денежно-кредитная и финансовая политика	Введение отсрочек в погашении основного долга и пени для малых, средних предприятий и микропредприятий, а также для жилищных и потребительских кредитов для категорий граждан, пострадавших от пандемии; увеличение квот для поддержки сельхозпредприятий и малого бизнеса в форме кредитов и микрокредитов в рамках инклюзивного финансирования; умеренное

¹ Dong J., Xia L. China. New Stimulus Package Not Enough to Ensure a 5.5% Growth Target in 2022 // BBVA Research. 2022; Huld A. China Releases 33 New Stimulus Measures to Boost Economy // China Briefing. 2022. 2 June.

² Стратегия «нулевой терпимости» к COVID-19 предусматривала жесткие меры для снижения распространения коронавируса как с точки зрения изоляции, так и вакцинирования. Далее – стратегия «нулевой терпимости».

³ Notice of the State Council on Printing and Distributing a Package of Policies and Measures for Solidly Stabilizing the Economy / State Council. 2022. (На кит. яз.).

Меры государственной политики	Направления поддержки
	снижение реальных процентных ставок по кредитам; повышение эффективности финансирования на рынке капитала; увеличение поддержки финансовых организаций в строительстве инфраструктуры и реализации крупных проектов.
Политика по стимулированию инвестирования и потребления	Снижение барьеров для продвижения ряда проработанных инженерных проектов по защите водных ресурсов и предотвращения последствий стихийных бедствий; поддержка привлечения инвестиций в транспортную инфраструктуру; продвижение строительства городских подземных коммуникаций; привлечение частных инвестиций крупные проекты; содействие стандартизированному и устойчивому развитию «платформенной экономики» за счет поддержки нововведений в области искусственного интеллекта, облачных вычислений, технологии «блокчейн» и др.; снижение ограничений для увеличения продаж товаров массового потребления.
Политика обеспечения Продовольственной и энергетической безопасности	Введение гарантий выдачи субсидий производителям зерновых культур для Компенсации снижения урожайности, поддержка импорта калийных удобрений; усовершенствование механизма по безопасной и экономически эффективной добычи угля; содействие реализации ряда энергетических проектов; стимулировать разведку запасов и расширение добычи углей на основе механизмов кредитования; увеличение государственных резервных мощностей для накопления сырой нефти и других энергетических ресурсов.
Политика обеспечения стабильности производственных и логистических цепочек	Снижение стоимости воды и электроэнергии для малых предприятий за счет механизма субсидирования, а также в ряде случаев отсрочки по платежам на полгода; временное снижение размера арендной платы для малых предприятий на основе освобождения от налоговых выплат; поддержка компаниям в отраслях, наиболее пострадавших от пандемии (гражданская авиация) за счет выдачи экстренных кредитов и выпуска облигаций; оптимизация работы предприятий в зонах повышенного риска распространения коронавируса на основе тесной связи между министерствами и регионами; улучшение обеспечения бесперебойной транспортировки и логистики; увеличение финансирования для создания логистических центров и предприятий; ускорение в продвижении крупных инвестиционных проектов с иностранным капиталом, снижение барьеров для привлечения иностранных инвестиций.
Политика социальной защиты	Поэтапная политика поддержки по отсрочке взносов в фонд обеспечения жильем; усиление поддержки мигрантов из сельской местности, занятости и предпринимательства в сельской местности; улучшение мер социального обеспечения: расширение помощи групп населения с низкими доходами и пострадавшими от стихийных бедствий; сдерживание цен на базовые продовольственные товары; усиление системы социальной безопасности населения.

Источники: Huld A. China Releases 33 New Stimulus Measures to Boost Economy // China Briefing. 2022. 2 June; Notice of the State Council on Printing and Distributing a Package of Policies and Measures for Solidly Stabilizing the Economy / State Council. 2022. (На кит. яз.).

Тем не менее, на фоне нарастания среднесрочных эндогенных экономических проблем, а также экзогенных вызовов, китайское руководство в 2022 г. внесло следующие коррективы в меры государственной политики поддержки экономики: увеличение трансфертов регионам из центрального бюджета по причине нарастания их долгового бремени; стремление нормализовать рынок недвижимости за счет гибкой регуляторной политики; сужение перечня секторов экономики для поддержки за счет специальных облигаций; обеспечение продовольственной безопасности в рамках механизма субсидирования выпуска базовых продуктов питания; усиление энергетической безопасности посредством наращивания угольной генерации электроэнергии; адресная поддержка авиационной и железнодорожной отраслей, решение проблем логистики; снятие ограничений на покупку транспортных средств для увеличения продаж потребительских товаров длительного пользования; стимулирование трудоустройства молодежи в рамках механизма выплат единовременных субсидий предприятиям; снятие некоторых барьеров, сдерживающих приток иностранного капитала за счет пересмотра «Каталога отраслей, поощряемых для иностранных инвестиций».

В отличие от подавляющего большинства стран мира Китай имеет огромный внутренний рынок и полную цепочку поставок практически во всех областях, поэтому стратегия «нулевой терпимости» не оказала значительного негативного воздействия на его экономику в краткосрочной перспективе по сравнению с другими странами. Для руководства КНР внутренние политические процессы во многом «оттягивали» сроки сворачивания стратегии «нулевой терпимости». Многие меры по стабилизации экономики КНР в 2022 г. являлись инерционным продолжением мер 2020–2021 гг., а именно увеличение государственных инвестиций в инфраструктурные проекты и расходов на социальные нужды. Принципиальными нововведениями в мерах государственной политики КНР в 2022 г. являлись: обеспечение продовольственной и энергетической безопасности; стимулирование трудоустройства молодежи; стабилизация региональных бюджетов и рынка недвижимости. В 2023 г. указанные меры государственной поддержки экономики КНР были поэтапно свернуты.

2.3. Стимулирование экономики Японии в условиях COVID-19

Избегая введения всеобщих карантинных мер¹, Япония являлась одной из немногих стран мира, которая не столкнулась с широким распространением коронавируса². О первом подтвержденном случае COVID-19 в Японии было сообщено

¹ Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Соединенном Королевстве, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Корее, Японии / под общ. ред. О.В. Синявской. М.: Институт социальной политики НИУ ВШЭ, 2020. 72 с.

² Страновой обзор: Опыт Японии в борьбе с COVID-19 / Департамент международного и регионального сотрудничества СП РФ. 2020.

в январе 2020 г. В ответ на это японские власти приняли незамедлительные меры по сдерживанию распространения коронавируса, особенно жесткие в первой половине 2020 г: были введены запреты на въезд из 152 стран, затронутых COVID-19; было введено чрезвычайное положение во всех префектурах, что подразумевало введение режима самоизоляции, закрытие школ и общественных учреждений, организацию временных медицинских учреждений, поддержку производства и распределения медицинских и продовольственных товаров. К середине 2021 г. в Японии были сокращены часы работы и лимитирована численность посетителей заведений общественного питания, розничных торговых сетей и развлекательных мероприятий. Также были усилены меры пограничного контроля с точки зрения предоставления результатов теста на COVID-19 в течение 72 часов до вылета и прохождения тестов по прибытию в Японию¹. Олимпийские и Паралимпийские игры 2020 г., на которые в Японии до коронокризиса возлагались большие надежды как на дополнительный источник экономического роста, были перенесены на 2021 г.² Связанные с COVID-19 ограничения в течение 2022 г. в Японии были сняты.

Среди стран СВА Япония характеризовалась самыми масштабными мерами поддержки для преодоления кризисных тенденций в экономике. В период пандемии японские меры государственной политики по поддержке экономики главным образом были сосредоточены на расходах бюджета и мерах денежно-кредитной политики, при этом данные меры реализовывались только со второго квартала 2020 г. преимущественно в рамках Пакета мер чрезвычайной экономической помощи по борьбе с COVID-19 (*табл. 2.3*).

За время пандемии в Японии сменилось два премьер-министра в ходе серьезной внутрипартийной борьбы. В ходе данного процесса японские политики руководствовались, в том числе, интересами массового избирателя за счет дополнительной поддержки пострадавших от COVID-19 наиболее уязвимых слоев населения и бизнеса в условиях структурных и демографических проблем в национальной экономике. Для поддержки экономики в условиях пандемии продолжалось применение инструментов денежной, бюджетной и структурной политики в рамках «абэномики»³.

В итоге, в 2022 г. меры государственной поддержки экономики Японии были направлены на решение текущих социальных проблем, а также на стимулирование потребительской и инвестиционной активности на основе политики количественного смягчения с учетом постепенного решения структурных проблем (*табл. 2.4*).

В 2022 г. меры государственной политики по поддержке японской экономики в целом характеризовались инерционностью по отношению к мерам, реализованным двумя годами ранее.

¹ Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021.

² Причем лимит зрителей установлен на уровне 50% от вместимости построенных олимпийских объектов.

³ Белов А. Экономическая политика Японии в период пандемии // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 33–41.

**Меры государственной политики Японии
по поддержке экономики в 2020–2021 гг.**

Меры государственной политики	Направления поддержки
Бюджетная политика	Пакет мер чрезвычайной экономической помощи по борьбе с COVID-19: реализация превентивных мер для сдерживания распространения коронавируса; поддержка рынка труда (выдача денежных средств населению, отсрочка уплаты налогов и взносов на социальное страхование, льготное кредитование); восстановление экономической активности; расходы на упреждение будущих рисков; расходы на здравоохранение, поддержку предприятий (предоставление субсидий и кредитов пострадавшим фирмам); трансферты местным бюджетам, повышение размера резервного фонда COVID-19. Комплексные экономические меры по поддержке жизнеобеспечения страны: меры по сдерживанию COVID-19; содействие структурной перестройки экономики; обеспечение безопасности; борьба со стихийными бедствиями; предоставление льготных кредитов для фирм, инвестирующих в цифровизацию и «зеленые» технологии.
Денежно-кредитная и финансовая политика	Всеобъемлющий комплекс мер по поддержанию бесперебойного функционирования финансовых рынков и стимулирование предоставления кредитов: обеспечение ликвидности за счет увеличения размера и частоты выкупа японских государственных облигаций; специальные операции по предоставлению средств для кредитования корпораций; временное увеличение целевых покупок коммерческих бумаг и корпоративных облигаций. Дополнительные меры по поддержанию стабильности на финансовых рынках и работы кредитных организаций: выкуп необходимого количества государственных облигаций; увеличение максимальной суммы дополнительного выкупа коммерческих бумаг и корпоративных облигаций; применение положительной процентной ставки к непогашенным остаткам текущих счетов; создание резервов для поддержки финансирования малых и средних предприятий на основе чрезвычайных экономических мер правительства; увеличение льготных кредитов для микро-, малых и средних предприятий, пострадавших от COVID-19, через Японскую финансовую корпорацию и другие учреждения; расширение лимита государственных гарантий на увеличение капитала региональных банков.
Валютная политика	Обменный курс гибко регулировался

Источники: Обзор экономических мер, применяемых странами в условиях распространения Covid-19 / Росконгресс. 2020; Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021.

В своей основе они отталкивались от политики количественного смягчения, реализации комплекса мер по поддержанию бесперебойного функционирования финансовых рынков, наращивания бюджетных расходов на здравоохранение, а также от шагов по поддержке малого и среднего бизнеса, сектора услуг и малоимущих граждан за счет механизмов перекредитования и выплаты субсидий. Под влиянием эндогенных и экзогенных проблем в 2022 г. японское правительство внесло следующие корректировки в принятые ранее меры государственной под-

держки экономики в период пандемии: стимулирование занятости для женщин и пожилых людей; повышение профессиональной подготовки и переквалификации рабочей силы; смягчение неравенства в доходах населения за счет роста среднего уровня заработной платы; увеличение расходов на оказание медицинской помощи пожилым людям со средним уровнем доходов; перераспределение финансовых ресурсов в растущие сферы бизнеса; увеличение расходов для сглаживания цен на ключевые импортные товары, выделение субсидий для сдерживания цен в национальной экономике; увеличение расходов на развитие науки, техники и цифровизации экономики.

Таблица 2.4

Меры государственной поддержки экономики Японии в 2022 г.

Меры государственной политики	Направления поддержки
Налогово-бюджетная политика	Поддержание стабилизационной и гибкой политики вплоть до периода минимизации распространения COVID-19; расширение корпоративных налоговых льгот.
Денежно-кредитная и финансовая политика	Смягчение денежно-кредитной политики, реализация политики низких процентных ставок; денежное смягчение с контролем кривой доходности для достижения целевого уровня инфляции; поддержка стабильности на финансовых рынках.
Политика по стимулированию инвестирования и потребления	Дополнительные меры поддержки для фирм и домохозяйств; дополнительные меры поддержки направлены на бесперебойное функционирование системы здравоохранения; запланировано повышение минимального размера оплаты труда; выделяются субсидии для предприятий среднего и малого бизнеса; расширяются специальные программы финансовой поддержки малых и средних предприятий в сфере услуг; финансирование предприятий Банком Японии в ответ на новые штаммы коронавируса.
Политика социальной защиты	Стабилизация на рынке труда за счет субсидий для сохранения рабочих мест и использование других инструментов, таких как страхование по безработице и государственная помощь; финансовая поддержка семьям, воспитывающим детей; повышение оплаты труда медицинского персонала; увеличение коэффициента расходов на здравоохранение для оказания медицинской помощи пожилым людям со средним уровнем доходов; повышение квалификации для работников; рекомендации корпоративному сектору по сохранению рабочих мест для пожилых работников; создание «Цифрового агентства» для повышения финансовой и цифровой грамотности населения и их персональной защиты.
Политика обеспечения безопасности и долгосрочного развития	Повышение обеспечения устойчивости и безопасности национальной экономики; направление капитала в цифровые и «зеленые» технологии для стимулирования долгосрочного роста экономики; упрощение процедур привлечения прямых иностранных инвестиций в инновационные сферы экономики; расширение среднего класса.

Источники: Japan / IMF. Country Report No. 22/99. 2022; Ueda J. Updates on Japan's Fiscal Policy for Round-Table Discussion on the Fiscal Framework in Asia / The Seventh Tokyo Fiscal Forum. 2022; ADB COVID-19 Policy Database. Japan. Other ADB Members / ADB. 2024.

Резкое обострение геополитической напряженности в мире в начале 2022 г., которое способствовало росту цен на импортные сырьевые товары, от массового потребления которых зависит Япония, послужило дополнительным поводом для повышения обеспечения устойчивости и безопасности национальной экономики. В начале второго квартала 2022 г. был принят дополнительный бюджет¹, превышающий 77 млрд долл. для смягчения роста цен на энергоносители и зерно. Помимо этого, планировалось направить 103 млрд долл. в качестве субсидий для сглаживания роста цен². Однако, в среднесрочном периоде значение мультипликаторов для каждой меры государственной поддержки составляло в среднем 0,3³, что являлось недостаточным для придания существенного ускорения японской экономике. Тем не менее, экономика Японии в 2022 г. медленно восстанавливалась после пандемии, благодаря значительным политическим усилиям и высокому уровню вакцинации населения.

В 2022 г. структурные проблемы японской экономики стали существенными ограничителями для принимаемых мер государственного стимулирования экономики даже в условиях политической поддержки. По причине высокой зависимости страны от импорта ключевых сырьевых товаров, рост цен на глобальных сырьевых рынках стал усиливать инфляцию в Японии. В результате японское руководство в 2022 г. столкнулось с дилеммой: либо продолжать политику количественного смягчения, либо сокращать поддержку «сжимающейся» экономики. Также стали проявляться негативные процессы на рынке труда Японии, связанные с выбытием рабочей силы при ее несущественном восполнении за счет иностранных трудовых мигрантов в период пандемии. По этой причине в 2022 г. основные изменения в мерах государственной поддержки экономики были связаны с преобразованиями на рынке труда и сглаживании цен на базовые товары в рамках выплаты субсидий. Наряду с этим японское руководство в 2022 г. привлекало капитал в цифровые и «зеленые» технологии для стимулирования средне- и долгосрочного роста экономики.

2.4. Смягчение последствий распространения коронавируса для экономики Республики Корея

О подтвержденных случаях заболевания COVID-19 в Республике Корея было сообщено в январе 2020 г. Южнокорейские власти быстро реализовали комплексную стратегию борьбы с коронавирусом, основанную на широком по охвату тестирования населения, активном отслеживании контактов, а также оперативной

¹ Yamaguchi T., Kihara L. Japan to Compile Fresh Stimulus Package to Cushion Fuel Blow, PM says // Reuters. 2022. 23 March.

² Kihara L., Kajimoto T. Japan Unveils \$103 Bln Relief Package to Combat Rising Prices // Reuters. 2022. 26 April.

³ Japan / IMF. Country Report No. 22/99. 2022.

изоляции и лечении заболевших¹. Имея опыт по подавлению распространения ближневосточного респираторного синдрома² в первой половине 2010-х гг., строгое соблюдение южнокорейским населением мер добровольного социального дистанцирования существенно затормозило распространение заражений коронавирусом, позволяя большинству южнокорейских предприятий осуществлять деятельность в прежнем режиме и свело количество новых случаев заражения к нулю в течение первых месяцев 2020 г.³ Всплеск заражений произошел только в четвертом квартале 2020 г. При этом среднесуточное число новых случаев заражения в Республике Корея достигло пика в декабре 2020 г. (более 1 тыс. человек), а в первом полугодии 2021 г. закрепилось в диапазоне 500–600 человек⁴. По мере ослабления распространения коронавируса, в 2022 г. в Республике Корея были отменены ограничения, с ним связанные.

В Республике Корея для поддержки экономики в период пандемии применялись различные меры макроэкономической политики (*табл. 2.5*). В рамках мер бюджетной политики в Республике Корея в 2020 г. были приняты пять поправок в государственный бюджет, в 2021 г. – две поправки. В Республике Корея ключевым элементом поддержки экономики являлись индикативные меры, к которым относится денежно-кредитная политика. Банк Кореи в 2020–2021 гг. принял ряд мер для обеспечения устойчивости денежно-кредитной системы и повышения ликвидности финансовой системы страны, а также антикризисные меры в рамках валютной политики.

В Республике Корея первая половина 2022 г. была связана с выборами главы государства⁵, в ходе которых происходила жесткая политическая конкуренция между кандидатами, в том числе по вопросу о размерах поддержки экономики. В рамках 2022 г. меры государственной политики Республики Корея в отношении экономики в целом были ситуативными. С одной стороны, наблюдалось постепенное ужесточение денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, поскольку страна стала преодолевать негативные последствия пандемии, сталкиваясь при этом с проблемами от ранее проведенной политики по поддержке экономики. С другой стороны, продолжалась поддержка малого бизнеса и социально уязвимых групп населения в рамках президентской кампании в первой половине 2022 г. Несмотря на акцент в оперативных мерах в решении текущих проблем, особого внимания заслуживает стимулирование долгосрочного социально-экономического развития страны для последующего роста южнокорейской экономики (*табл. 2.6*).

¹ Страновой обзор: Опыт Южной Кореи в борьбе с COVID-19 / Департамент международного и регионального сотрудничества СП РФ. 2020. 7 апреля.

² *Economics in the Time of COVID-19* / Edited by R. Baldwin, B.W. di Mauro. London: CEPR Press, 2020. 115 p.

³ *Lim B., Hong E.K., Mou J., Cheong I. COVID-19 in Korea: Success Based on Past Failure* // *Asian Economic Papers*. 2021. Vol. 20. Issue 2. Pp. 41–62.

⁴ *Policy Responses to COVID-19* / IMF. 2021.

⁵ Выборы 2022 г. привели к смене президента Республики Корея.

**Меры государственной политики Республики Корея
по поддержке экономики в 2020–2021 гг.**

Меры государственной политики	Направления поддержки
Бюджетная политика	2020 г.: расходы на профилактику и лечение заболеваний; кредиты и гарантии для пострадавшего бизнеса, домохозяйств и местных экономик; финансирование программы выплат чрезвычайной помощи; финансовая поддержка компаний; расширение занятости; расходы на социальное страхование, здравоохранение и инновационные отрасли; поддержка «цифровой» экономики, «зеленых» технологий и сетей социальной защиты; поддержка малого бизнеса, занятости, поддержка домохозяйств с низкими доходами и др. 2021 г.: расходы на вакцинирование, помощь пострадавшим владельцам малого бизнеса и работникам, поддержка занятости, финансовая поддержка малым предприятиям и домохозяйствам с низкими доходами; пакет помощи в связи с COVID-19, строительство жилья и др.
Денежно-кредитная и финансовая политика	Снижение базовой ставки; активные операции Банка Кореи на открытом рынке; увеличение поддержки кредитования малых предприятий; расширенное кредитование предприятий государственными и коммерческими банками; организация фонда стабилизации рынка облигаций; финансирование государственными финансовыми учреждениями выпуска корпоративных облигаций; краткосрочное финансирование на денежном рынке; организация фонда стабилизации фондового рынка; создание специального механизма для покупки корпоративных облигаций и коммерческих бумаг и дополнительных средств для кредитования малого и среднего бизнеса; смягчение финансовых ограничений для экспортеров; создание стабилизационного отраслевого фонда; расширение операций РЕПО для небанковских организаций; создание программы кредитования для небанковских организаций; временный запрет короткой продажи акций на фондовых рынках и др.
Валютная политика	Создание двусторонней линии обмена валютой с Федеральной резервной системой США; повышение предела для форвардных валютных позиций; временное прекращение действия налога по краткосрочным валютным обязательствам финансовых организаций; временное снижение минимального коэффициента покрытия валютной ликвидности для банков; создание механизма для банков и небанковских финансовых учреждений участия в операциях РЕПО для получения иностранной валюты от Банка Кореи.

Источник: Обзор экономических мер, применяемых странами в условиях распространения Covid-19 / Росконгресс. 2020.

Южнокорейское правительство в 2022 г. отказалось от жестких мер в борьбе с COVID-19 в стране, что неминуемо вызвало трансформацию мер государственной поддержки экономики. В 2022 г. в Республике Корея наблюдалась лишь крайне эпизодичная преемственность в текущих мерах государственной политики

поддержки экономики из мер, реализованных двумя годами ранее: дополнительные расходы на здравоохранение; поддержка малого бизнеса; оказание адресной помощи населению, пострадавшему от COVID-19. Вынужденная пролонгация ряда мер государственной поддержки в 2022 г. была связана с президентскими выборами в Республике Корея. В целом, в 2022 г. южнокорейское руководство стало отказываться от стимулирования экономики во избежание роста инфляции: Банком Кореи планомерно проводилось ужесточение денежно-кредитной политики; Министерство финансов приостановило выпуск дополнительных облигаций в условиях окончания реализации антикризисной налогово-бюджетной политики. Помимо указанных стабилизационных мер, в 2022 г. стали приниматься решения для смягчения накопленных за время пандемии проблем на рынке недвижимости, а также стали закладываться основы для построения в перспективе инновационной экономики, создания эффективного рынка труда и снижения социально-экономического неравенства.

Таблица 2.6

**Меры государственной политики
в отношении экономики Республики Корея в 2022 г.**

Меры государственной политики	Направления поддержки
Налогово-бюджетная политика	наращивание в первой половине 2022 г. бюджетных расходов с постепенным отказом от агрессивных бюджетных расходов к концу 2022 г.; поддержка регионов.
Денежно-кредитная политика	постепенное ужесточение денежно-кредитной и макроprudенциальной политики; смягчение инфляционного давления на экономику; повышение учетной ставки Банком Кореи; смещение избыточной ликвидности из сектора недвижимости; ограничение спекулятивной деятельности на рынке жилья.
Политика по стимулированию инвестирования и потребления	поддержка малого бизнеса и самозанятых в рамках очередного пакета мер; увеличение расходов на обеспечение лекарственными препаратами от COVID-19 и на создание дополнительных койко-мест в больницах; создание резервного фонда для борьбы с коронавирусом.
Политика социальной защиты	наращивание возможностей системы здравоохранения страны; усиление программ социального обеспечения.
Политика долгосрочного развития	увеличение предложения доступного жилья в рамках проекта «30-80 плюс»; финансирование политики развития цифровых технологий (Digital New Deal), политики развития «зеленой» экономики (Green New Deal), политики развития человеческого капитала (Human New Deal).

Источники: Recovery for All: Korea's Fiscal Response to COVID-19 / Budget Office of the Ministry of Economy and Finance, Republic of Korea. 2021. 29 October; Lee J., Kim C. S.Korea Reins in Stimulus with First Spending Cut in 13 years // Reuters. 2022. 30 August; Republic of Korea / IMF. Country Report No. 22/86. 2022; Stangarone T. South Korea's Strong Economic Performance Faces Post-Pandemic Challenges // East Asia Forum. 2022. 4 February.

Одним из серьезных факторов в политической борьбе на президентских выборах в Республике Корея в 2022 г. являлся вопрос о размере финансирования

экономики во время пандемии, в результате чего несколько раз в течение года принимался дополнительный бюджет для поддержки наиболее уязвимых категорий бизнеса и населения. Тем не менее, в первой половине 2022 г. Республика Корея стала преодолевать негативные последствия пандемии, поэтому по сравнению с 2020–2021 гг. наблюдалось постепенное ужесточение денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики страны. Далее, руководство Республики Корея приступило к решению проблемы значительного роста цен на недвижимость, а также к финансированию программы развития инновационной экономики, в том числе для создания перспективного рынка труда для последующего поколения. С 2023 г. южнокорейское правительство полностью сворачивает политику стимулирования и начинает смягчать инфляционное давление на экономику, образовавшееся во время пандемии.

2.5. Меры поддержки российской экономики в условиях COVID-19

Первые случаи COVID-19 в России были зарегистрированы в январе 2020 г., при этом российское руководство предприняло превентивные меры сдерживания распространения коронавирусной инфекции с конца декабря 2019 г. Одной из важных мер сдерживания COVID-19 стало ограничение транспортного сообщения с неблагополучными с точки зрения распространения коронавирусной инфекции странами. В 2020 г. были наложены жесткие ограничения на пересечение границы с КНР и с европейскими странами, был введен обязательный индивидуальный карантин для людей, прибывающих из других стран в Россию и людей из группы риска; была прекращена или ограничена работа учреждений, связанных с массовым скоплением людей (школы, театры, спортивные сооружения и т. д.); было рекомендовано поощрение удаленной работы; региональные власти внедряли меры сдерживания, соразмерные масштабам заражения, например, в столице была прекращена работа не ключевых предприятий и осуществлялся контроль за соблюдением людьми правил внутреннего распорядка¹.

В попытке ускорить развертывание вакцинации против COVID-19 была введена обязательная вакцинация отечественными препаратами² для определенных групп населения, например, 60–80% сотрудников сферы услуг, при этом массовая вакцинация в России реализовывалась сравнительно медленно. В некоторых российских регионах система здравоохранения была перегруженной от численности инфицированных. Объявленная цель вакцинации 60% населения России к концу лета 2021 г. не была достигнута³, а вакцинирование так и не стало обязательным⁴.

¹ Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021.

² Стало известно название первой российской вакцины от коронавируса // РИА Новости. 2020. 11 августа.

³ Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021.

⁴ Губернаторов Е. Более 17% врачей выступили за ужесточение законопроектов о QR-кодах // РБК. 2021. 6 декабря.

К началу 2022 г. общее количество умерших от коронавируса в России с начала пандемии достигло 760,3 тыс. чел.¹ Обязательный масочный режим был установлен, в зависимости от российского региона, вплоть до конца 2022 г. При этом взаимодействия с международными организациями и зарубежными странами по ввозу в страну вакцин от коронавируса были довольно ограниченными².

Шок от COVID-19 для российской экономики усугубился резким снижением цен на сырую нефть на глобальном рынке, что означало выпадение большой доли доходов федерального бюджета. В таких непростых условиях российское руководство предприняло план действий по поддержке системы здравоохранения, конечного потребления населения, бесперебойного функционирования ключевых предприятий страны, сферы услуг, предприятий малого и среднего бизнеса и банковской системы страны вплоть до начала 2022 г. (табл. 2.7).

Таблица 2.7

**Меры государственной политики России
по поддержке экономики в период пандемии**

Меры государственной политики	Направления поддержки
Бюджетная политика	Увеличение оплаты труда медицинского персонала; выплата пособий по болезни лицам, находящимся на карантине в размере не менее минимальной оплаты труда в течение 2020 г.; выплата пособий в размере минимальной оплаты труда гражданам, потерявшим работу после 1 марта 2020 г., включая индивидуальных предпринимателей, в течение пяти месяцев; до конца августа 2020 г. минимальное пособие по безработице было увеличено в три раза, право на получение пособия было продлено на 3 месяца; указанные меры были продлены в 2021 г. Финансовая поддержка семей с детьми: начиная с апреля 2020 г. все семьи с детьми до 3 лет получили дополнительное единовременное пособие в течение 3 месяцев; все семьи с детьми от 3 до 16 лет также имели право на единовременное пособие; все семьи с детьми получили дополнительное единовременное пособие на каждого ребенка сроком до шести месяцев, если родитель потерял работу; в конце 2020 г. выплачено дополнительное единовременное пособие на всех детей в возрасте до 8 лет; дополнительное единовременное пособие всем школьникам, а также пособия для детей в неполных семьях в 2021 г. Выплата субсидий, предоставление льготных кредитов и снижение налогов наиболее пострадавшим предприятиям: субсидии на отсрочку выплат по процентам для предприятий малого и среднего бизнеса и системно значимых предприятий; отсрочка уплаты налогов для большинства пострадавших от пандемии компаний; отсрочка уплаты социальных взносов для предприятий малого и среднего бизнеса в пострадавших секторах на 6 месяцев с продлением на три месяца для наиболее пострадавших секторов эконо-

¹ Виноградова Е. Росстат зафиксировал рост смертности среди больных COVID в феврале // РБК. 2022. 1 апреля.

² У нас своих вакцин хватает. Песков о допуске зарубежных вакцин от ковида на рынок РФ / ТАСС. 2021. 15 июля.

Меры государственной политики	Направления поддержки
	мики; сокращение социальных взносов для предприятий малого и среднего бизнеса сверх минимальной заработной платы; введение «налоговых каникул» по всем налогам* и социальным взносам во втором квартале 2020 г. для предприятий малого и среднего бизнеса, индивидуальных предпринимателей и некоммерческих организаций, предоставляющих социальные услуги; частичный возврат социальных взносов индивидуальным предпринимателям в 2021 г.; выплата бюджетных субсидий для предприятий малого и среднего бизнеса в наиболее пострадавших отраслях экономики для покрытия расходов на выплату заработной платы в размере одной выплаты минимальной оплаты труда на каждого работника в течение двух месяцев, а также выделение льготных кредитов для всех предприятий в пострадавших отраслях для выплаты минимальной заработной платы в течение последующих 6 месяцев; в 2021 г. предприятиям в отдельных пострадавших отраслях экономики, преимущественно в сфере услуг, таким как рестораны, гостиницы и пр., выделены льготные кредиты для выплаты минимальной заработной платы в течение года при условии сохранения занятости; предоставление гарантированных кредитов для предприятий малого и среднего бизнеса и предприятиям из наиболее пострадавших секторов экономики; субсидии авиакомпаниям, аэропортам, автопроизводителям и др.; рекапитализация государственных банков, авиакомпаний и институтов развития; расширенное право на субсидированное ипотечное кредитование. Прочие меры поддержки: возвращение выплаченных налогов за 2019 г. и частично за 2020 г. зарегистрированным самозанятым; снижение с 18 до 16 лет возраста для регистрации граждан в качестве самозанятых; отсрочка арендных платежей для собственности всех уровней власти до конца 2020 г., а также нулевая арендная плата по объектам, находящимся в федеральной собственности в течение трех месяцев для предприятий малого и среднего бизнеса в наиболее пострадавших секторах экономики; введение нулевых импортных пошлин на ввоз в страну фармацевтических препаратов, медицинских принадлежностей и оборудования; выплата грантов из бюджета в 2021 г. фирмам, нанимающим людей, потерявших работу в 2020 г. для покрытия издержек, связанных с оплатой труда по ставке одной минимальной заработной платы на сотрудника в течение трех месяцев;
Денежно-кредитная и финансовая политика	Большинство мер регуляторной поддержки действовали с 1 марта по 30 сентября 2020 г., некоторые из них были продлены до середины 2021 г. Центральный банк России (ЦБ РФ) снизил ключевую ставку на 200 б.п., доведя ее до 4,25 % в июле 2020 г. В ответ на более быстрый рост цен и восстановление внутреннего спроса ключевая ставка ЦБ РФ была увеличена на 25 б. п. в марте 2021 г. и еще на 50 б. п. в апреле 2021 г. до 5%. ЦБ РФ призвал коммерческие банки поддерживать пострадавших от пандемии заемщиков, ввел временные регуляторные послабления для банков, призванные помочь корпоративным заемщикам, а также ввел более благоприятный режим для валютных кредитов, выданных предприятиям из пострадавших секторов экономики. Всем секторам экономики были предоставлены льготы по резервированию по реструктурированным корпоративным кредитам и кредитам

Меры государственной политики	Направления поддержки
	предприятий малого и среднего бизнеса до 1 апреля 2021 г. ЦБ РФ ввел кредит рефинансирования для поддержки кредитования предприятий малого и среднего бизнеса. Процентная ставка по кредитам рефинансирования ЦБ РФ, направленным на поддержку кредитования предприятий малого и среднего бизнеса, была снижена до 2,25% до 30 сентября 2020 г. ЦБ РФ разрешил коммерческим банкам оценивать ценные бумаги по ценам на 1 марта до конца 2020 г., а валютные операции – по обменному курсу на 1 марта до 30 сентября 2020 г., за исключением операций по открытым валютным позициям. Взносы в Фонд страхования вкладов были снижены с 0,15% до 0,1% в течение первой половины 2021 г. Кроме того, ЦБ РФ одобрил меры по смягчению регулирования ликвидности для системно значимых кредитных организаций. Был принят комплекс мер для защиты розничных заемщиков, пострадавших от пандемии. Была гарантирована возможность пострадавшим гражданам и предприятиям малого и среднего бизнеса получить отсрочку по платежам по кредитам на срок до шести месяцев. ЦБ РФ рекомендовал коммерческим банкам придерживаться того же подхода к реструктуризации розничных кредитов, а также продолжить реструктуризацию кредитов пострадавшим розничным заемщикам и предприятиям малого и среднего бизнеса до 1 июля 2021 г. Полное резервирование реструктурированных розничных кредитов было отложено до 1 июля 2021 г. Меры поддержки розничного и ипотечного кредитования включали отмену надбавок к коэффициентам риска по ипотечным кредитам, выданным до 1 апреля 2020 г. Другие меры поддержки финансового сектора включали меры по обеспечению доступности услуг небанковских финансовых организаций и развитию дистанционного обслуживания клиентов. Дополнительные нормативные изменения для поддержки кредитования включали новые методы оценки кредитного риска и более низкие коэффициенты риска в ипотечном кредитовании: более низкие коэффициенты риска применялись к субординированным облигациям крупнейших нефинансовых корпораций; для стимулирования конвертации проблемных кредитов системообразующим предприятиям был снижен коэффициент риска по такому капиталу; более высокие коэффициенты риска для банковских холдингов были отложены на один год и др. ЦБ РФ снял ограничение на банковские комиссии для интернет-ритейлеров, введенное во время карантина.
Валютная политика	На валютном рынке ЦБ РФ в марте 2020 г. провел упреждающую продажу валютных резервов в соответствии с бюджетным правилом в ответ на падение цен на нефть ниже базовой цены в соответствии с бюджетным правилом, а затем провел продажу валюты. ЦБ РФ увеличил лимит на свои операции валютного свопа и временно ввел долгосрочный инструмент рефинансирования (рублевые РЕПО сроком на один месяц и один год).

Примечание: * – за исключением НДС.

Источник: Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021.

Общая стоимость мер бюджетной политики России в 2020 г., направленной на социально-экономическую поддержку страны, оценивалась примерно в 4,5% ВВП, в 2021 г. – 1,5% ВВП. Стоимость социальных расходов, объявленных в Послании Президента России о положении дел в апреле 2021 г., оценивалось в 0,3% ВВП за два года¹. Государственные меры поддержки российской экономики в целом характеризовались больше социальной направленностью, чем стимулированием реального сектора. Важным акцентом такой политики было поддержание работы довольно перегруженной системы здравоохранения страны, а также создания условий и механизмов бесперебойного функционирования производственной и финансовой системы.

Фактически во время пандемии снижение цен на сырьевые товары на глобальном рынке в краткосрочном периоде в некоторой степени затормозило капиталовложения в крупные проекты в стране, а экономическая система в целом стала «подстраиваться» под условия самоизоляции населения, сокращения сферы услуг, а также усилившейся внутриотраслевой и межрегиональной дивергенции в России². Во время пандемии проблемы масштабного стимулирования роста национальной экономики, по всей видимости, были отложены российским руководством на второй план. Далее, процесс постепенного восстановления российской экономики, наблюдавшийся по итогам 2021 г., был в значительной мере сдержан «широкомасштабными» санкциями, примененными с 2022 г. против России западными странами. Поэтому, с начала 2022 г. проблемы, накопленные в российской экономике за время пандемии, вероятно, уже не воспринимались как первостепенные, поскольку появились новые вызовы, связанные с значительной трансформацией внешних рынков сбыта, структурной перестройкой экономики и ее стабилизации.

2.6. Направления и способы поддержки экономики Монголии во время пандемии

В начале 2020 г. стали поступать первые известия об инфицировании населения коронавирусом в Монголии. Правительство Монголии приняло оперативные меры по сдерживанию его распространения. В частности, был запрещен въезд из стран высокого риска заражения коронавирусом, осуществлена временная приостановка экспорта угля в Китай, приняты меры социального дистанцирования, отменены массовые мероприятия, были временно закрыты учреждения среднего и высшего образования, применены карантинные меры для городов (закры-

¹ Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021.

² Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / рук. Ю.В. Симачев; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2021. С. 26.

тие границ)¹. Открытие границ с Китаем и Россией было осуществлено в мае 2020 г. после того, как для Монголии были гарантированы поставки вакцины от коронавируса из ведущих зарубежных стран². Вплоть до ноября 2020 г. в Монголии численность лиц, инфицированных COVID-19, была ограниченной, поскольку в нее входили только лица, прибывшие из-за границы. Далее, по мере фиксирования случаев передачи коронавируса внутри страны, монгольское правительство стало применять общенациональные меры по самоизоляции. К концу первого полугодия 2021 г. распространение коронавирусной инфекции составило 34 тыс. случаев на 1 млн человек. Правительство Монголии к концу первого полугодия 2021 г. ставило цель вакцинировать 100% взрослого населения или 60,0% общей численности населения, при этом 59% населения было сделано не менее одной прививки, а 53% были полностью вакцинированы³. В августе 2021 г. в Монголии в связи с ростом численности заболеваний коронавирусом стало не хватать медицинских объектов для лечения инфицированных пациентов, а также помещений для изоляции прибывающих из-за границы граждан и иностранцев. Также, Монголия столкнулась с дефицитом подготовленного медицинского персонала и необходимостью в перепрофилировании медицинских учреждений. В ожидании второй волны эпидемии данные проблемы стали приобретать политическое значение, особенно в условиях парламентских и местных выборов⁴. Тем не менее, скромные масштабы распространения коронавируса в Монголии достигнутые за счет жестких внутренних карантинных мер, закрытия границ, всеобщего тестирования, а также широкомасштабной вакцинации населения являются удачным примером для стран с низким и средним доходом⁵. В 2022 г. указанные ограничения в Монголии стали смягчаться и в целом были отменены к 2023 г.

Несмотря на то, что в Монголии до сих пор обсуждается необходимость создания более эффективного Фонда национального благосостояния на основе опыта ведущих стран мира с сильными институтами⁶, на основе имеющихся накопленных резервов во время пандемии правительство Монголии стало принимать сравнительно активные меры по поддержке населения, предприятий малого бизнеса и некоторых основополагающих отраслей экономики, например, золотодобывающей отрасли.

Согласно имеющимся источникам информации⁷, меры государственной поддержки монгольской экономики за 2020–2022 гг. осуществлялись в рамках бюджетной, денежно-кредитной и финансовой политики (табл. 2.8).

¹ Mongolia COVID Country Profile / UNESCAP. 2023.

² *Anhtuya B.* Taking no Chances: Mongolia to Extend Lockdown // *News.mn*. 2020. 27 May.

³ Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021.

⁴ *Ушаков Д.В.* Монголия. Социальные меры противодействия распространению COVID-19 // *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 44–50.

⁵ *Erkhembayar R., Dickinson E., Badarch D., Narula I., Warburton D., Thomas G.N., Ochir C., Manaseki-Holland S.* Early Policy Actions and Emergency Response to the COVID-19 Pandemic in Mongolia: Experiences and Challenges // *Lancet Global Health*. 2020. Vol. 8. Pp. 1234–1241.

⁶ *Жаргалсайхан Д.* Фонд благосостояния 250 // *JargalDefacto*. 2019. 8 сентября.

⁷ Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021; Mongolia COVID Country Profile / UNESCAP. 2023.

**Меры государственной политики Монголии
по поддержке экономики в период пандемии**

Меры государственной политики	Направления поддержки
Бюджетная политика	Первый пакет мер поддержки: дополнительные расходы на здравоохранение; денежная поддержка наиболее уязвимых групп населения, предприятий малого бизнеса. Второй пакет мер поддержки: денежная поддержка наиболее уязвимых групп населения; освобождение от выплат корпоративного подоходного налога, подоходного налога с недвижимости, таможенных пошлин и НДС на некоторые категории импортируемых товаров; увеличение сумм, выделяемых на талоны на питание, социальные пенсии; сокращение взносов на социальное обеспечение. Продление отдельных мер: освобождение от выплат подоходного налога с недвижимости, а также таможенных пошлин и НДС на некоторые импортируемые товары. Поддержка отдельным регионам; временное освобождение от налоговых штрафов за просрочку платежей; сдерживание цен на социально значимые товары через механизм субсидирования. Осуществлена выдача денежных средств на каждого гражданина для компенсации потерь доходов; отменено введенное в начале 2021 г. увеличение взносов на социальное страхование на 2 п. п. До конца декабря 2021 г. продлена реализация мер по поддержке населения за счет увеличения выплат пособий по уходу за детьми и освобождения от оплаты коммунальных услуг.
Денежно-кредитная и финансовая политика	Постепенное снижение учетной ставки: до 10% в первом квартале 2020 г.; до 9% во втором квартале; до 8% в третьем квартале; до 6% в четвертом квартале 2020 г. Снижение обязательного резерва в национальной валюте: до 8,5% в первом квартале 2020 г.; до 6% в четвертом квартале 2020 г. Реализация временных мер по смягчению условий в отношении пруденциальных требований, классификации кредитов и стандартов реструктуризации долга. Разрешение текущим заемщикам потребительских кредитов отложить выплаты основной суммы и процентов по ней на срок до 1 года. Применение нетрадиционных мер денежно-кредитной политики, включая покупку облигаций, выпущенных государственными предприятиями для компенсации нехватки доходов банков. Субсидирование ипотечной программы и льготного кредитования золотодобывающей отрасли. Реализация трехлетнего пакета стимулирующих экономических мер на 2021–2023 г.
Валютная политика	В зависимости от конъюнктуры экспорта, обменный курс тугрика девальвировался до сентября 2020 г., далее, происходило его укрепление и удержание Банком Монголии на уровне 2854 тугрика за доллар США.

Источники: Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021; Mongolia COVID Country Profile / UNESCAP. 2023.

Правительство Монголии опиралось на поддержку международных организаций и ведущих стран мира для поддержки национальной экономики в период пандемии. Поэтому привлечение льготных кредитов и безвозмездных перечислений из-за рубежа было одним из важных аспектов поддержания функционирования

ния монгольской экономики. Монголия являлась одной из стран, которая получала финансовую поддержку в рамках реализуемого пакета стимулирующих мер АБР общим объемом 20 млрд долл., из которых на монгольскую сторону пришлось около 400 млн долл. на реализацию 27 проектов, связанных с государственным управлением, здравоохранением, поддержкой финансовой системы, а также сельского хозяйства¹. В начале февраля 2021 г. премьер-министр Монголии объявил о начале реализации трехлетнего пакета стимулирующих экономических мер, отраженного в комплексном плане восстановления монгольской экономики на 2021–2023 гг., размер которого в 2021 г. оценивался в 5% ВВП. Данный пакет стимулирующих мер в значительной степени финансировался Банком Монголии². Кроме того, правительство Монголии реализовывало 14 крупных инвестиционных проектов в области пищевой промышленности, сельского хозяйства и развития инфраструктуры на сумму 720 млн долл.³

Правительство Монголии принимало меры поддержки малоимущих и социально уязвимых слоев населения, предприятий малого бизнеса и ключевых секторов экономики во время пандемии. Поскольку главным источником экономического роста Монголии являлся экспорт сырьевых товаров, то открытие границ с основным торговым партнером – с КНР неизбежно способствовало восстановлению монгольской экономики с первой половины 2021 г. Опыт Монголии по всеобщей вакцинации населения считается положительным фактором для восстановления национальной экономики, поэтому перспективы монгольского экономического роста в свете борьбы с коронавирусом видятся довольно позитивными, а продолжение реализации государственной политики в области здравоохранения, поддержания макроэкономической стабильности, усиления социальной защиты и содействия реформам для улучшения инвестиционного климата являются главными приоритетами для развития экономики⁴.

2.7. Государственная политика КНДР в борьбе с COVID-19

В отличие от других стран СВА, для сдерживания распространения коронавируса руководство КНДР сделало ставку не на всеобщую вакцинацию населения, а на жесткие меры соблюдения карантина в стране. Так, КНДР была одной из первых стран, прекративших пассажирское сообщение с внешним миром – с февраля 2020 г. На основе значительного «контроля» над населением, руководство КНДР, по всей видимости, придерживалось позиции, что такой системной организации вполне достаточно для недопущения проникновения в страну коронавируса⁵.

¹ ADB COVID-19 Response: Mongolia / Asian Development Bank. 2023.

² Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021.

³ Country Policy Responses. Mongolia / International Labour Organization. 2022.

⁴ ADB Forecasts 4.6% Growth in Mongolia in 2021 Backed by Accommodative Policies / Asian Development Bank. 2023.

⁵ В какой-то мере это подтверждается на основе данных ВОЗ. Подробно: ВОЗ начала поставки медикаментов от COVID-19 в КНДР // Коммерсантъ. 2021. 7 октября.

Параллельно с этим, северокорейская сторона стала вести переговоры о масштабных поставках в страну препаратов для вакцинации населения от COVID-19 с международным альянсом вакцин (который поддерживают ООН, ВОЗ, ЮНИСЕФ и другие международные организации) по программе COVAX, предусматривающей бесплатное обеспечение вакцинами стран с низким доходом на душу населения, к которым относится КНДР. Ожидалось, что в КНДР будет поставлена пробная партия данного препарата, однако, в 2021 г. переговоры о поставках из-за рубежа вакцины от коронавируса зашли в тупик¹. Данное обстоятельство может объясняться тем, что с одной стороны, руководство страны не было уверено в эффективности и надежности данных вакцин, опасаясь их серьезных побочных эффектов, с другой стороны, в КНДР рационально придерживались принципа получения надежных вакцин бесплатно и в широкомасштабных объемах, позволяющих осуществить всеобщую вакцинацию². При этом здравоохранение КНДР характеризовалась недостаточно развитой инфраструктурой и фрагментарной обеспеченностью современным медицинским оборудованием³.

В конце второго квартала 2020 г. руководство КНДР ввело карантинные меры по отношению к ввозимым товарам из-за рубежа и стало возводить вдоль границы с КНР крупные санитарно-дезинфекционные пункты для применения к товарам из Китая карантинных мер и санитарной обработки. Фактически, по эндогенным причинам КНДР в 2020 г. прервала относительно безопасные торговые взаимодействия с зарубежными странами. Данное обстоятельство привело к тому, что состояние экономики и социальной сферы КНДР стало ухудшаться, проявляясь в дефиците товаров, прежде всего, продовольствия и медикаментов⁴. В итоге цены на потребительские товары в КНДР выросли. Ситуация стала осложняться тем, что стратегия, нацеленная на самообеспечение продовольствием в КНДР была существенно скорректирована в связи с неблагоприятными погодными условиями лета 2020 г., которое сопровождалось тайфунами и проливными дождями⁵. Соответственно, указанные обстоятельства указали на следующее: руководство КНДР выбрало собственную стратегию в борьбе с коронавирусом на основании того, что другие режимы в мире не могли позволить себе настолько долго игнорировать последствия жесткого карантина, как для экономики, так и для общест-

¹ *Котляр М.* СМИ узнали о тупике в переговорах о поставках вакцин от COVID-19 в КНДР // РБК. 2021. 4 июля.

² На незавершившихся переговорах с COVAX предполагалось поставить в КНДР 1,7 млн доз вакцины Astra Zeneca, которыми можно было бы привить лишь 3,5% населения страны, что явно недостаточно для выработки так называемого «коллективного иммунитета». Вероятно по этой же причине власти КНДР отказались от 3,0 млн доз вакцины Sinovac из КНР. Подробно: *Котляр М.* СМИ узнали о тупике в переговорах о поставках вакцин от COVID-19 в КНДР // РБК. 2021. 4 июля; *Mishra M., Cha S.* North Korea Rejects Offer of Nearly 3 Million Sinovac COVID-19 Shots // Reuters. 2021. 2 September.

³ *Clarke C.* Kim Jong un Grapples with the Worst Crisis in His Reign So Far: A Crippled Economy, No COVID-19 Vaccines and Food Shortages // ABC News. 2021. 15 July.

⁴ *Изотов Д.А.* Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. № 6. С. 85–100.

⁵ North Korea GDP Annual Growth Rate / Trading Economics. 2023.

ва. К 2020 г., когда КНДР столкнулась с коронавирусом, экономическая система страны уже находилась в кризисном положении, вызванным значительным ужесточением санкций со стороны международного сообщества, а также частичным сворачиванием рыночных реформ¹.

В начале 2021 г. товарооборот КНДР с ее главным торговым партнером – китайской экономикой практически полностью прекратился. В этой обстановке руководители КНДР сделали ставку на всеобщую мобилизацию и усиление роли государства в экономике. Поэтому меры государственной политики в КНДР скорее способствовали укреплению режима Трудовой Партии Кореи, в отличие от других стран СВА, в которых осуществлялась непосредственная поддержка экономики и наиболее пострадавших слоев населения.

В начале 2021 г. на VIII съезде Трудовой Партии Кореи в экономической части доклада Ким Чен Ына были озвучены некоторые императивные меры государственной политики страны на среднесрочный период, которые сводились к свертыванию определенной части рыночных свобод в экономике (табл. 2.9).

Таблица 2.9

**Меры государственной политики КНДР в экономической сфере
в условиях сдерживания распространения COVID-19**

Меры государственной политики	Направления в реализации мер
Общеэкономические меры	Возвращение к централизованному управлению при допустимости некоторых экспериментов; «заморозка» в продвижении рыночных реформ
Меры в отдельных секторах экономики	Выполнение плана обязательных государственных закупок в сельскохозяйственном производстве; распределение зерна посредством карточной системы; частичное огосударствление сферы услуг; построение приграничной карантинной инфраструктуры для ввозимых из-за рубежа товаров
Увеличение доходов государственного бюджета	Выпуск государственных облигаций; изъятие доходов из госсектора
Валютная политика	Стимулирование спроса на национальную валюту при ужесточении свободного обращения иностранной валюты (преимущественно доллара США и юаня)

Источники: 2020/2021 The DPRK Economic Outlook / Edited by S. Lee; KDI. 2021; Shin M. What Is the Truth About COVID-19 in North Korea? // The Diplomat. 2021. 6 January; Изотов Д.А. Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. № 6. С. 85–100; Недоступ М. Коронавирус спровоцировал масштабный экономический кризис в КНДР // Финансовая газета. 2020. 31 мая.

¹ Реформирование экономики КНДР сводилось к внедрению системы хозрасчета, двойных цен – государственных и рыночных, а также к частичному отказу от централизованного планирования в государственном секторе экономики по аналогии с опытом КНР начала 1980-х гг.

Несмотря на то, что северокорейский бизнес тесно связан с существующим режимом КНДР и не стремится к его смене, рост частного сектора стал постепенно вносить вклад в либерализацию политической ситуации в стране. В условиях изоляции в связи с COVID-19 руководство КНДР заявило о необходимости усиления роли Трудовой Партии Кореи и расширении контроля над экономикой страны кабинетом министров, возвращаясь к опыту централизованного управления при допустимости некоторых экспериментов¹. Нельзя исключать, что подобного рода общеэкономические меры могли носить явно декларативный характер. При этом некоторые новые экономические механизмы (включающие расширение внешней торговли, внедрение рыночных принципов, свободное «хождение» иностранной валюты в экономике и стабилизацию цен, а также постепенный переход КНДР к налоговой экономике) северокорейские власти могут «затормозить» на приемлемый для себя срок².

Меры в рамках отдельных секторов экономики КНДР были более определенные. В частности, на среднесрочный период в рамках развития сельскохозяйственного сектора руководство КНДР планировало выполнить план обязательных государственных закупок продовольствия, которое, в свою очередь, распределялось в рамках карточной системы³. В связи с необходимостью поддержания общенациональных карантинных мер осуществлялись шаги по огосударствлению сферы услуг в КНДР, прежде всего, сектора оптовой и розничной торговли, а также общественного питания и гостиниц⁴.

С 2021 г. экономическая ситуация в КНДР стала постепенно стабилизироваться за счет расширения торговых взаимосвязей с Китаем. В марте и апреле 2021 г. внешняя торговля страны восстанавливалась по мере ввода в тестовом режиме карантинно-дезинфекционных центров, расположенных на границе. В октябре 2021 г. стало известно, что северокорейская сторона стала вести переговоры о возобновлении железнодорожного сообщения с Китаем и Россией⁵. Также, необходимые медикаменты для КНДР стали доставляться по программе ВОЗ⁶.

В условиях сдерживания распространения COVID-19 мотивация руководства КНДР сводилась преимущественно к поддержанию политической стабильности в условиях изоляции. Когда КНДР столкнулась с коронавирусом, ее экономика находилась в кризисе, ввиду ужесточения санкций, которые существенно сократили внешнюю торговлю страны, а также в связи с частичным сворачиванием экономических свобод. В условиях декларируемого отсутствия случаев рас-

¹ Изотов Д.А. Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. № 6. С. 85–100.

² 2020/2021 The DPRK Economic Outlook / Edited by S. Lee; KDI. 2021.

³ Изотов Д.А. Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. № 6. С. 85–100.

⁴ При этом значительная часть сферы услуг в КНДР контролируется частным бизнесом, который зарегистрирован как государственный сектор экономики.

⁵ СМИ: КНДР готовится открыть сухопутную границу с Китаем // ТАСС. 2021. 29 октября.

⁶ Mehta A. COVID-19: World Health Organisation Ships Essential Medical Supplies to North Korea // Sky News. 2021. 7 October.

пространения коронавируса в стране, северокорейское руководство стало осуществлять меры по огосударствлению экономики, а также возводить приграничную карантинную инфраструктуру и применять косвенное изъятие валютных средств у населения, накопленных в период нескольких волн трудовых миграций в близлежащие страны. Ужесточению также было подвержено распределение продовольствия среди населения. Наряду с этим, северокорейское руководство осуществляло шаги для получения вакцины от COVID-19 со стороны международного сообщества и отдельных зарубежных стран. С 2021 г. экономическая ситуация в КНДР стала постепенно нормализоваться в связи с возобновлением и расширением торговых взаимодействий с Китаем. На основании этого, экономика КНДР способна показать положительные темпы прироста в среднесрочной перспективе, однако будущее ее состояние зависит от экзогенных и эндогенных факторов, лежащих в политической плоскости.

ГЛАВА 3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН СВА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

3.1. Политические взаимоотношения между странами Большой тройки СВА

Геополитические интересы стран СВА, пересекаясь, создают непростые и зачастую противоречивые условия для взаимодействия внутри субглобального региона, которые за последние два десятилетия сосредотачиваются вокруг КНР как нового мирового экономического и политического центра и усложняются стремлением США доминировать в АТР и в СВА в рамках собственной стратегии мирового лидерства.

Во внутрирегиональном геополитическом стратегическом противостоянии с участием стран Большой тройки СВА четко позиционируются два блока стран – российско-китайское стратегическое партнерство¹ и партнерство стран, ориентированных на тесное военно-политическое взаимодействие с США – Япония и Республика Корея, которые вместе с американской стороной рассматривают Китай и Россию в качестве своих основных глобальных конкурентов. За сложившейся таким образом геополитической расстановкой сил в СВА для непосредственного взаимодействия стран Большой тройки между собой в течение последнего десятилетия характерны как периоды охлаждения двусторонних и многосторонних отношений, так и обоюдное стремление к поиску компромиссов и консенсуса, обусловленное взаимозависимостью экономик данных стран. С учетом этих процессов именно на основе двусторонних межгосударственных отношений стран Большой тройки формируются варианты преодоления существующих между странами проблем и противоречий.

Отношения между КНР и Японией. После установления дипломатических отношений между странами в 1972 г., китайско-японские взаимодействия стали

¹ В настоящее время российско-китайские отношения официально определяются сторонами как отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху. Их основные принципы и направления развития отражены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. Всего заключено более 300 межправительственных договоров и соглашений, которые охватывают практически все области сотрудничества. Подробно: О российско-китайских отношениях стратегического партнерства / Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2023.

развиваться преимущественно в позитивном русле. Важной вехой в истории двусторонних отношений стало подписание Совместного заявления во время государственного визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Японию в мае 2008 г.¹, в котором стороны признали, что Япония и Китай оказывают существенное влияние на ситуацию в мире в целом и несут ответственность за мир, стабильность и развитие, не ограничиваясь только СВА, но и за ее пределами. Стороны также обозначили и подчеркнули, что они являются партнерами и не представляют угрозы друг для друга, будут оказывать взаимную поддержку и придерживаться курса мирного развития, что в итоге внесет весомый вклад в развитие субглобального региона и мира в целом.

При этом следует отметить, что всегда было очевидно наличие «раздражающих» факторов и периодов нестабильности в двусторонних отношениях. Японии и Китаю трудно не воспринимать друг друга как угрозу, учитывая факт военного противостояния в ходе Второй мировой войны, а также настороженное отношение КНР к любому потенциальному усилению японских Сил самообороны. С другой стороны, Япония настороженно относится к возвышению Китая в СВА под руководством Коммунистической партии и к тому, каким способом КНР будет подходить к выстраиванию отношений с соседними странами. Учитывая эти факторы, Совместное заявление представляло собой важную веху в истории китайско-японских отношений и стало подтверждением того, что они достигли относительно зрелого уровня².

Противоречия в китайско-японских отношениях аккумулируются, прежде всего, вокруг территориальных претензий Китая к Японии, который не признает контроля Японии над группой островов Дяоюйдао (в японском варианте имеющих название Сэнкаку³). Япония в свою очередь не признает существование территориальных споров с Китаем.

Когда в 2010 г. Китай превзошел Японию по объему ВВП, став второй экономикой мира, японская сторона данный факт рассматривала не с точки зрения необходимости принятия контрмер, а как возможность воспользоваться ростом китайской экономики для стимулирования развития собственной экономики⁴.

Однако Япония все же столкнулась с давлением со стороны КНР не только в экономической сфере, но в сфере безопасности, в том числе и тогда, когда Китай начал оспаривать административные права на острова Дяоюйдао (Сэнкаку), а

¹ *Kawashima S.* Normalized Sino-Japanese Diplomacy, 45 Years on // *The Japan Times*. 2017. 11 September.

² *Kato Y.* How Could Japan-China Relations Be Stabilized? // *The Review of International Affairs*. 2019. Vol. LXX. Issue 1173. Pp. 48–55.

³ В сентябре 2012 г. японское правительство приобрело три спорных острова у их частного владельца, что вызвало крупномасштабные протесты в Китае и на Тайване. Хотя Япония рассматривала свой шаг как попытку помешать более провокационным планам губернатора Токио С. Исихары купить острова для развития на них инфраструктуры, китайская сторона рассматривала приобретение островов Японией как ее попытку вернуть острова под японский суверенитет.

⁴ *Kato Y.* How Could Japan-China Relations be Stabilized? // *The Review of International Affairs*. 2019. Vol. LXX. Issue 1173. Pp. 48–55.

США, главный политический японский союзник в этих вопросах, был отвлечен мировым финансовым кризисом 2008 г. Именно в таких условиях Япония представила свое новое стратегическое видение – стратегию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»¹, которая является попыткой расширения японского стратегического горизонта, включиться в формирование порядка в Индо-Тихоокеанском регионе в контексте растущего влияния КНР и защититься от китайской угрозы² при поддержке США, Австралии, Индии и АСЕАН, включая отдельные государства Юго-Восточной Азии³.

Растущее военно-политическое сотрудничество Японии с зарубежными странами, в частности, с государствами Восточной Азии, где внешнеполитические интересы двух стран будут неизбежно пересекаться по мере усиления присутствия Китая в акваториях Тихого и Индийского океанов, на что он претендует в целях обеспечения своей безопасности, встречая сопротивление со стороны США и Японии, является еще одним фактором, вызывающим настороженность Китая. В китайской инициативе «Один Пояс – Один Путь» японские политические круги усматривают стремление КНР получить новые возможности для усиления своего присутствия в Тихом и Индийском океанах⁴.

Одновременно отмечается⁵, что параллельно с реализацией инициативы «Один Пояс – Один Путь» в связи усилением японо-американского военного взаимодействия, а также усилением возглавляемых США форматов военного сотрудничества Япония – США – Австралия и Япония – США – Индия, стала наблюдаться настороженность России и Китая относительно баланса сил в субглобальном регионе, в связи с чем в 2015 г. Россия и Китай активизировали двустороннее военное сотрудничество.

Соперничество между Китаем и Японией в АТР, наряду с углублением взаимных подозрений, способствовало поддержанию напряженных и достаточно осторожных отношений между двумя странами вплоть до настоящего времени.

Пришедшее к власти в Японии правительство С. Абэ проявляло твердость к давлению со стороны Китая, которое сводилось к тому, что КНР задействовала широкий арсенал средств, чтобы заставить японскую сторону отменить свои действия и начать переговоры с китайской стороной по спорным островам. США перешли от посреднической роли к более жесткой позиции, критикуя политику Ки-

¹ Концепция Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP) была представлена премьер-министром С. Абэ и официально оформилась в качестве стратегии в 2016 г. Подробно: Japan's Vision on a 'Free and Open Indo-Pacific (FOIP)'. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

² Koga K. Japan's Indo-Pacific Question: Countering China or Shaping a New Regional Order // International Affairs. 2020. Vol. 96. Issue 1. Pp. 49–73.

³ Подробно о позиции России в отношении концепции Индо-Тихоокеанского региона: Denisov I., Paramonov O., Arapova E., Safranchuk I. Russia, China and the Concept of Indo-Pacific // Journal of Eurasian Studies. 2021. Vol. 12. Issue 1. Pp. 72–85.

⁴ Федоровский А., Швыдко В. Взаимодействие Республики Корея и Японии с Китаем: возможности, риски и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 125–126.

⁵ Aoyama R. «One Belt, One Road»: China's New Global Strategy // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2016. Vol. 5. Issue 2. Pp. 3–22.

тая. Премьер-министр С. Абэ поддержал военное сотрудничество с США и инициативы правительства Б. Обамы по перебалансировке Тихоокеанской политики: впервые за десять лет был увеличен оборонный бюджет Японии, проведены оборонные реформы, которые усилили японские военные возможности, одобрено строительство новой базы Корпуса морской пехоты США на Окинаве. При С. Абэ начались переговоры о свободной торговле ТТП под патронатом США. Заявление Китая в ноябре 2013 г. о создании зоны идентификации противовоздушной обороны (ADIZ) над Восточно-Китайским морем, включая спорные острова, было осуждено Японией и США. В результате Япония объединилась с США, Австралией, Индией и другими странами Юго-Восточной Азии против Китая в Южно-Китайском море. В 2014 г. состоялась встреча Председателя КНР Си Цзиньпина и премьер-министра Японии С. Абэ, но вопросы территориального спора на ней не затрагивались¹.

В то же самое время, чтобы уравновесить нарастающее внешнеполитическое влияние Китая, Япония также задействовала механизмы мягкого балансирования², например, через призывы уважать «Кодекс поведения в Южно-Китайском море» и через многосторонние институты, такие как АСЕАН, Региональный форум АСЕАН по безопасности и Восточноазиатский саммит.

Неспособность встречи Си – Абэ в 2014 г. существенно изменить преобладающую напряженность и соперничество между Китаем и Японией означала, что разногласия сохраняться и будут нарастать. Следует также отметить, что после выборов на Тайване в 2016 г. победивший кандидат Цай Инвэнь, в отличие от своего предшественника, занимала твердую позицию против давления КНР по вопросам, касающимся Тайваньского пролива, что способствовало установлению более тесных японо-тайваньских связей³.

В 2018–2019 гг. между Китаем и Японией состоялись двусторонние контакты на высшем уровне. В ходе визита в Пекин премьер-министр Японии С. Абэ на встрече с Председателем КНР Си Цзиньпином пригласил его с государственным визитом в Японию и заверил, что будет работать над «новой эрой» «сотрудничества, а не конкуренции» в двусторонних отношениях, которая должна была быть открыта соглашениями, подписанными во время визита Си Цзиньпина в Токио в апреле 2020 г. Это происходило на фоне торговой войны США и Китая, которая началась в марте 2018 г. и отношения между странами испортились, в связи с чем Китай стал стремиться к более тесному сотрудничеству с Японией, которая к тому времени уже не использовала Китай как экспортную платформу – большинство японских компаний уже были ориентированы на обслуживание растущих потребностей китайской экономики в промышленных и потребительских товарах, особенно в таких областях, как программное обеспечение, телекоммуникации,

¹ *Sutter R.G. Chinese Foreign Relations: Power and Policy of an Emerging Global Forth. New York, London: Rowman & Littlefield, 2021. Pp. 181–182.*

² *Han Z., Paul T.V. China's Rise and Balance of Power Politics // The Chinese Journal of International Politics. 2020. Vol. 13. Issue 1. Pp. 1–26.*

³ *Sutter R.G. Chinese Foreign Relations: Power and Policy of an Emerging Global Forth. New York, London: Rowman & Littlefield, 2021. Pp. 182–183.*

оптовая торговля и продукты питания. По имеющимся данным за 2020 г. из 8852 японских компаний в Китае, только 7,1% обозначали намерения сократить масштабы деятельности или уйти. Но примирить интересы японского бизнеса с более широкими геополитическими интересами Японии в период растущей стратегической напряженности было проблематично. Двусторонне экономическое сотрудничество основывалось на потребности Китая в японском капитале, товарах и технологиях, которая со временем будет сокращаться, поскольку Китай активно работал над устранением зависимости от развитых стран Запада и не стремился к снижению военно-политической напряженности в отношениях с Японией. В этих обстоятельствах двустороннее сближение было затруднительным¹.

Пандемия коронавируса обострила китайско-японские отношения. В качестве реакции на нее японское правительство в начале марта 2020 г. аннулировало около 2,8 млн ранее выданных виз. Япония также вводила ограничения на приобретение иностранцами, прежде всего китайскими организациями и гражданами, земельных участков и компаний, обладающих интеллектуальной собственностью, поскольку такие сделки представляют угрозу безопасности страны. Китай, в свою очередь, повышал административное давление на иностранный бизнес на своей территории и делал режим благоприятствования иностранным инвесторам более селективным².

Отношения КНР и Республики Корея. Усиление влияния Китая на Корейском полуострове было связано, прежде всего, с ростом его активности в рамках многосторонних усилий по урегулированию ядерной проблемы КНДР, где Китай позиционирует себя как государство субглобального региона, имеющее тесные отношения с КНДР. На этом фоне отношения КНР с Республикой Корея заметно улучшались – Китай стал ведущим торговым партнером для нее, реципиентом южнокорейских инвестиций и самым важным зарубежным направлением для южнокорейских туристов и студентов. Однако по мере развития отношений экономическое значение Китая для Республики Корея стало восприниматься южнокорейской стороной неоднозначно. Так, периодически возникающие торговые споры сопровождались растущей обеспокоенностью южнокорейских производителей по поводу конкуренции со стороны быстрорастущих китайских компаний. Экономическая привлекательность Китая для южнокорейских потребителей заметно снизилась в результате имевших место эпизодов китайского экспорта потребительских товаров ненадлежащего качества на южнокорейские и другие рынки. Республика Корея стремилась ослабить тесную зависимость экономических связей с Китаем путем создания ЗСТ+ с США, Японией и ЕС, которые гарантиро-

¹ Arase D. The COVID-19 Pandemic Complicates Japan-China Relations: Will This Benefit ASEAN? // ISEAS Perspective. 2020. Issue 83. Pp. 2–5.

² Федоровский А., Швыдко В. Взаимодействие Республики Корея и Японии с Китаем: возможности, риски и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 127.

вали бы приток иностранных инвестиций и технологий, необходимых ей для успешной конкуренции с китайским корпоративным сектором¹.

Следует заметить, что Китай не бросал вызов лидерству США в решении ядерной проблемы Корейского полуострова. Его осторожные и постепенные усилия по укреплению влияния на Корейском полуострове и, таким образом, уменьшению потенциально негативного влияния США, Японии и других стран в этой критически важной территории СВА, соответствовали подходу, который был свойственен Китаю в продвижении своих интересов на мировой арене после окончания «холодной войны», в том числе в период председательства в КНР Ху Цзиньтао в 2002–2012 гг. Данная модель взаимодействия Китая с соседними государствами заключалась в медленном распространении китайского влияния посредством дипломатического взаимодействия на основе заметного и быстро растущего экономического значения Китая для соседних стран Азии, лидерства в многосторонних структурах в субглобальном регионе и международной дипломатии, а также быстро расширяющегося присутствия китайских вооруженных сил в АТР².

Кризис в китайско-южнокорейских политических отношениях возник в 2017 г., когда Китай оказывал давление на Республику Корея в целях того, чтобы она отказалась от размещения на своей территории американской противоракетной системы THAAD. В качестве мер воздействия Китай ограничил деятельность ряда южнокорейских компаний на своей территории, а также рекомендовал своим гражданам не посещать Республику Корея, что нанесло удар по южнокорейской туристической отрасли. Учитывая высокую степень зависимости южнокорейской экономики от Китая, экономические последствия разногласий из-за THAAD по имеющимся оценкам³, могли привести к издержкам для Республики Корея в размере 15 млрд долл. и снижению ее годового ВВП на 0,6%; потери компании Lotte, пятого по величине южнокорейского конгломерата, которая продала земельный участок для размещения THAAD, могли составить до 2,2 млрд долл. Количество отказов в Китае от южнокорейских продуктов питания выросло почти в четыре раза по сравнению с предыдущим годом и составило 14,5% от общего числа отказов – основной причиной было названо нарушение правил маркировки и упаковки. Китае внес в черный список 24 южнокорейских производителя и экспортеров косметики и продуктов питания за несоответствие стандартам качества. Кроме того, ведущий южнокорейский ритейлер Shinsegae объявил о добровольном уходе своего подразделения E-Mart из Китая, сославшись на неспособность конкурировать на китайском рынке. После запрета Китаем групповых туров в Республику Корея число китайских туристов, посетивших данную страну, сократилось на 47% в годовом исчислении в январе – июле 2017 г., только в июле наблюдалось паде-

¹ *Sutter R.G. Chinese Foreign Relations: Power and Policy of an Emerging Global Forth. New York, London: Rowman & Littlefield, 2021. P. 186.*

² *Sutter R.G. Chinese Foreign Relations: Power and Policy of an Emerging Global Forth. New York, London: Rowman & Littlefield, 2021. P. 188.*

³ *Snyder S., Byun S.W. North Korea, THAAD Overshadow Beijing and Seoul's 25th Anniversary // Comparative Connections. 2017. Vol. 19 Issue 2. P. 86.*

ние почти в 70%. Южнокорейские туристические агентства зафиксировали более чем двойное сокращение числа путешественников в Китай, что одновременно сопровождалось увеличением числа путешественников в Юго-Восточную Азию и Японию.

Таким образом своими действиями Китай дал понять политическим кругам Республики Корея, что следование политике США без учета интересов КНР в субглобальном регионе способно оказать негативное влияние на двусторонние отношения. Вполне естественно, что у южнокорейской стороны эти действия вызвали настороженность относительно того, какой может быть в дальнейшем политика Китая в США.

В 2019 г. Китай постепенно смягчил и введенные ранее ограничения против Республики Корея, связанные с размещением системы ТНААД¹. В результате в начале 2020 г. президент Республики Корея Мун Чжэ Ин назвал запланированный визит Си Цзиньпина «возможностью для южнокорейско-китайских отношений совершить эпохальный скачок». Несмотря на задержку визита, совместные усилия по борьбе с пандемией коронавируса укрепили двусторонние связи, руководство Республики Корея выражало готовность развивать двусторонние экономические отношения и «искать баланс между Китаем и США»².

Что касается китайско-южнокорейских отношений во время пандемии, то обе страны сосредоточились на совместной борьбе с коронавирусом. Ответный после состоявшегося саммита в Пекине в декабре 2019 г. визит Председателя КНР в Республику Корея, запланированный на первую половину 2020 г., был отменен. В своем новогоднем обращении президент Республики Корея Мун Чжэ Ин пообещал способствовать улучшению двусторонних отношений в преддверии будущего визита Си Цзиньпина в Республику Корея, выразил надежду на развитие трехстороннего сотрудничества с Японией и изложил планы по повышению конкурентоспособности экспорта Республики Корея в свете торговой напряженности между США и Китаем. Он также пообещал координировать региональную экономическую политику с китайской инициативой «Один Пояс – Один Путь» и подчеркнул роль Китая в решении ядерной проблемы КНДР. Министерство иностранных дел Китая в ответ выразило готовность развивать региональный диалог и межкорейское взаимодействие. Кризис общественного здравоохранения, связанный с коронавирусом в начале пандемии, побудил Китай и Республику Корея к тесному сотрудничеству, основанному на двустороннем обмене помощью. Так, Республика Корея была одной из первых стран, которая начала помогать КНР в борьбе с пандемией. Китай в свою очередь осуществлял поставки масок и других необходимых материалов в наиболее пострадавшие регионы Республики Корея – Тэгу и провинцию Северный Кенсан. Китай безвозмездно поставил в Республику Корея 1,1 млн масок, а также другую помощь от китайских компаний и восьми городов-побратимов. План помощи Китаю оценивался в общую сумму 5 млрд

¹ Lee J.-H. China Ends Sanctions on Lotte Two Years after South Korean Retailer Cedes Land to US Missile Defences // South China Morning Post. 2019. 2 May.

² Snyder S., Byun S.W. China-Korea Relations under Quarantine // Comparative Connections. 2020. Vol. 22. No. 1. P. 103.

долл. Трения Китая и Республики Корея в период борьбы с коронавирусом были связаны в первую очередь из-за ограничений на въезд¹.

Отношения между Японией и Республикой Корея. Несмотря на стремление обеих сторон разрешить существующие противоречия и построить отношения, которые позволили бы вывести двустороннее сотрудничество на новый, более высокий уровень, взаимодействия между Японией и Республикой Корея на сегодняшний день продолжают находиться под влиянием последствий японского колониального господства на Корейском полуострове в первой половине XX в.², которые проявляются в наличии территориальных споров, а также в нерешенной проблеме эксплуатации корейского населения во время вхождения полуострова в состав Японской империи.

Территориальные претензии Японии к Республике Корея формулируются в отношении островов Такэсима (корейское название – Токто) в западной части Японского моря, которые практически равноудалены от данных стран. В свою очередь, острой и болезненной проблемой в двусторонних отношениях является отказ признания Японией в эксплуатации корейских женщин в годы Второй мировой войны и выплаты им компенсаций. Япония долгое время придерживалась позиции, что существовавшая во время Японской империи эксплуатация корейских женщин была решена при подписании в 1965 г. договора между странами о нормализации отношений³. Республика Корея настаивала на принесении официальных извинений за жестокое обращение с «женщинами для утешения» и на выплате денежной компенсации оставшимся в живых женщинам. В 2015 г. стороны достигли компромисса и подписали Соглашение о «женщинах для утешения», которое должно было урегулировать длительный исторический спор и предусматривало выплату компенсаций. После прихода к руководству страной президента Мун Чже Ина Республика Корея в 2018 г. вышла из подписанного соглашения, которое новый президент назвал ошибочным и не способным решить указанную проблему⁴.

Двусторонние разногласия усилились в декабре 2018 г. из-за напряженности, возникшей между японскими и южнокорейскими вооруженными силами, когда обе стороны выдвинули противоречивые заявления относительно обстоятельств, связанных с южнокорейским эсминцем, который якобы направил радар управления огнем на японский самолет морской разведки. К ухудшению торгово-экономических взаимодействий привели введенные японским правительством экспортные ограничения в отношении нескольких химических веществ, используемых Республикой Корея в производстве полупроводников и исключение юж-

¹ Snyder S., Byun S.W. China-Korea Relations under Quarantine // Comparative Connections. 2020. Vol. 22. No. 1. Pp. 97–108.

² Japan – Republic of Korea Joint Declaration ‘A New Japan – Republic of Korea Partnership Towards the Twenty-First Century’. 1998. 8 October (На кор. яз.).

³ Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Институт востоковедения РАН; МГИМО. М.: Наука; Восточная литература, 2015. С. 117.

⁴ Minegishi H. ‘Comfort Women’ Deal’ Not a Solution: President Moon // Nikkei Asia. 2017. 28 December.

нокорейской экономики из «белого списка» ближайших торговых партнеров Японии. В Республике Корея такая ситуация вызвала бурную общественную реакцию, включая бойкоты японских компаний, таких как Uniqlo, резкое сокращение двустороннего туризма. Республика Корея продолжила споры против экспортных ограничений Японии в ВТО и пригрозила прекратить свое участие в двустороннем Соглашении об обмене военной информацией (GSOMIA), которое вступило в силу в 2016 г.¹

Тем не менее с началом пандемии международная повестка отошла на второй план, экспортные ограничения Японии не остановили производства полупроводников в Республике Корея и в конце 2019 г. южнокорейское правительство решило «приостановить» выход из GSOMIA. Отношения Японии и Республики Корея в период пандемии развивались инерционно после предшествующего заметного охлаждения. Активизировать двусторонние связи в рамках усилий по реагированию на пандемию странам не удалось. Следует заметить, что при имеющемся конфликтном потенциале в отношениях Японии и Республики Корея, их продолжают объединять общие интересы и согласованные позиции по вопросам, связанным с ядерной угрозой КНДР, а также союзнические обязательства в набирающем силу военно-политическом сотрудничестве с США.

Происходившие в СВА процессы в 2018–2020 гг., связанные с кризисом в китайско-американских отношениях из-за политики администрации Д. Трампа, ситуацией на Корейском полуострове способствовали тому, что страны субглобального региона вынуждены были искать пути преодоления накопившихся проблем в отношениях с учетом взаимных интересов. Общий уровень политического недоверия между тремя странами Большой тройки СВА оказывал влияние на ход переговоров о трехсторонней ЗСТ между Японией, Китаем и Республикой Корея, которые начались в 2013 г. и зашли в тупик из-за отсутствия лидерства в данном вопросе среди трех стран в силу их непрекращающегося соперничества. Стратегическая переориентация Китая на инициативу «Один Пояс – Один Путь», а также предпочтение Японией «мягкого балансирования» против Китая через ТТП может являться свидетельством того, что трехсторонняя ЗСТ перестала являться приоритетом для трех стран. Более того, взаимная экономическая зависимость стран Большой тройки СВА ослабевала и компенсировалась эффектами глобализации и более широкой регионализации в Восточной Азии².

Таким образом, пандемия коронавируса в целом способствовала консолидации двусторонних китайско-южнокорейских связей, но нанесла «удар» по китайско-японским взаимодействиям и зафиксировала японо-южнокорейские отношения на ранее достигнутом уровне. Для геополитической ситуации в СВА в постпандемийный период наблюдалось обострение военно-политического и экономического противостояния между двумя блоками стран – российско-китайского стратегического партнерства и политического альянса между Японией и Респуб-

¹ *Snyder S.* The Pandemic and Its Impact on the South Korea-Japan Identity Clash // *Joint US-Korea Academic Studies*. 2021. Pp. 202–216.

² *Zhang M.* The China-Japan-Korea Trilateral Free Trade Agreement: Why Did Trade Negotiations Stall? // *Pacific Focus*. 2019. Vol. 34. Issue 2. Pp. 119, 225–226.

ликой Корея под патронатом США – в связи с происходящей трансформацией однопольного мирового порядка, отстаиваемого США. Отражением и следствием восходящей траектории развития военно-политического противостояния в субглобальном регионе могут служить военные расходы стран СВА, которые при относительно стабильной динамике колебаний их доли в ВВП каждой из стран с 2000 г. (в Китае – от 1,8% в 2000 г. до 1,7% в 2023 г. с максимальным значением в 2,1% в 2002 г.; в России – от 3,3% в 2000 г. до 3,6% в 2021 г. с максимальным значением краткосрочно в 5,4% в 2015 г.; в Республике Корея – от 2,5% в 2000 г. до 2,8% в 2023 г., в Японии от 0,9% в 2000 г. до 1,2% в 2023 г.) демонстрируют значительный рост по всем странам в пересчете на душу населения: в Китае – с 17,6 долл. до 207,9 долл.; в Республике Корея – с 295 до 925,5; в Японии – с 358,9 до 406,8; в России – с 62,8 долл. до 454,2 долл. (по состоянию на 2021 г.)¹.

С другой стороны, страны Большой тройки заинтересованы в достижении долгосрочного взаимоприемлемого баланса своих интересов в СВА, подтверждением чего может являться состоявшийся в Сеуле в мае 2024 г. после пятилетнего перерыва саммит лидеров Китая, Японии и Республики Корея, на котором обсуждался широкий круг вопросов², включая возобновление переговоров о трехсторонней ЗСТ. Но в контексте принявшего глобальные масштабы противостояния России и Китая с США достигнуть широкого политического консенсуса в СВА по всей вероятности в обозримом будущем будет проблематично.

3.2. Внешнеполитические аспекты взаимодействия России со странами Большой тройки СВА

Современные международные процессы в СВА характеризуются отношениями взаимной конкуренции и сотрудничества, высокой напряженностью в сфере безопасности и развитыми экономическими связями, для поддержания и расширения которых страны субглобального региона стремятся адаптировать свои стратегии к усиливающемуся соперничеству Китая и США. Заметные интересы в политике, безопасности и экономике в СВА имеет Россия, рассмотрение которых уместно начать с прошедшего в 2012 г. во Владивостоке саммита АТЭС³, где были сформулированы российские приоритеты и обсуждены возможные проекты экономического сотрудничества со странами АТР. При этом слабые инвестиционные результаты саммита продемонстрировали, что неблагоприятный инвести-

¹ Составлено по базе данных военных расходов Стокгольмского международного института исследований проблем мира. Подробно: Military Expenditure Database / Stockholm International Peace Research Institute. 2023.

² Стрельцов Д. Трехсторонний саммит Китая, Японии и Южной Кореи / Российский совет по международным делам. 2024. 19 июня.

³ Форум АТЭС создан в 1989 г., в настоящее время объединяет Австралию, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Индонезию, Канаду, Китай, Тайвань, Малайзию, Мексику, Новую Зеландию, Папуа-Новую Гвинею, Перу, Республику Корея, Россию, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Чили, Японию.

ционный климат Дальнего Востока России (далее – Дальний Восток или макрорегион) не устраивает ни российских, ни зарубежных бизнесменов. В результате это международное мероприятие стало катализатором для выработки подходов к решению застарелой внутрироссийской проблемы – необходимости ускоренного развития Дальнего Востока, по многим социально-экономическим параметрам отстающим от других российских регионов. На этом основании Президент России поставил правительству задачу на основе новых организационных и экономических подходов сформулировать комплексную стратегию развития Дальнего Востока и Забайкалья, которое в 2012–2015 гг. разработало и приступило к реализации в этих целях комплекса организационных, институциональных и финансово-экономических мер. Так, были созданы Министерство развития Дальнего Востока России и ряд новых государственных институтов развития Дальневосточного макрорегиона, а также вступили в силу два федеральных закона: «О территориях опережающего социально-экономического развития» и «О Свободном порте Владивосток», направленных на повышение его инвестиционной привлекательности¹.

В этой связи важно отметить и решение о проведении во Владивостоке с 2015 г. ежегодного Восточного экономического форума (ВЭФ), на пленарных заседаниях которого представители высшего политического руководства стран СВА и АТР выступают с докладами и участвуют в дискуссии с Президентом России по проблематике сотрудничества своих стран с Дальним Востоком, а на сессиях с участием бизнесменов и экспертов стран СВА и АТР обсуждаются административные и экономические механизмы, реализуемые Правительством России для повышения инвестиционной привлекательности макрорегиона. О востребованности ВЭФ в СВА, отличающейся от многих регионов мира низким уровнем межправительственного сотрудничества, свидетельствует то, что он быстро нарастил институциональные характеристики, за два года пройдя путь от форума с участием первого лица государства (первый ВЭФ, 2015 г.) до полноформатного межправительственного саммита экономического сотрудничества с участием лидеров ведущих государств субглобального региона. В этом смысле знаковым стал третий форум ВЭФ 2017 г., где на пленарном заседании с участием первых лиц государств СВА впервые обсуждался тезис о необходимости широкого сотрудничества России со странами этого субглобального региона в развитии Дальнего Востока².

Для более эффективного подключения России к субглобальным процессам сотрудничества российское руководство учитывало стратегии, выдвинутые в этот период Китаем, Японией и Республикой Корея для ускорения своего экономического развития на северном направлении, в том числе: «Арктический шелковый путь» (Китай), «Новая Северная политика» (Республика Корея). Не менее значимы были специальные политики, разработанные ими для сотрудничества с Дальним Востоком: политика «девяти мостов» Республики Корея и «план сотрудниче-

¹ *Севастьянов С.В., Кукла М.П.* Геополитические и экономические приоритеты взаимодействия России со странами «большой тройки» Северо-Восточной Азии // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 3. С. 180–196.

² Пленарное заседание ВЭФ 7 сентября 2017 года / Администрация Президента России. 2017.

ства по восьми направлениям» Японии¹. Что касается Китая, то в 2018 г. президент Си Цзиньпин отметил важность политики развития северных районов КНР², которая также может быть отнесена к этой группе, учитывая, что в ходе разработки вышеуказанных стратегий и специальных политик правительства стран Большой тройки принимали во внимание выдвинутую Россией стратегию ускоренного развития Дальнего Востока для их возможного сопряжения.

Оценивая геополитические аспекты исследуемой проблемы, следует отметить, что на решение вопросов субглобального сотрудничества влияют личностные отношения государственных лидеров, их международно-политическая повестка и внутривнутриполитические приоритеты. Одновременно СВА отличается высокой напряженностью в сфере безопасности, нерешенными историческими и территориальными проблемами. При этом США и Китай, которые вступили в период жесткой конфронтации, оказывают большое влияние на комплекс безопасности в СВА и снижают перспективы политического и экономического сотрудничества России с Японией и Республикой Корея, для которых США многие десятилетия является главным военно-политическим партнером. Наконец, отношения США и России также находятся на очень низком уровне и омрачены многими политическими и экономическими проблемами.

Начало специальной военной операции России в феврале 2022 г. внесло изменения в стратегическую ситуацию в СВА, что выразилось в усилившейся консолидации сил, выступающих за многополярный мир, с одной стороны, и поддерживающих гегемонию США – с другой. Однозначно в СВА Россию поддерживала лишь КНДР, хотя Китай де-факто тоже поддержал нашу страну, не участвуя в «широкомасштабных» санкциях против России и активно выступая за скорейшее начало мирных переговоров для решения имеющейся проблемы. Позиция же Японии и Республики Кореи по отношению к России, напротив, стала гораздо более негативной³.

Глобальное и субглобальное сотрудничество России с Китаем. Председатель КНР Си Цзиньпин в качестве стратегии для АТР в 2013 г. выдвинул концепцию «Азиатско-тихоокеанской мечты», основными принципами которой являются мирное сосуществование и международное сотрудничество, а достижение ее целей во многом должно базироваться на китайских инвестициях в инфраструктуру, в том числе в создание «Экономического пояса шелкового пути» и «Морского шелкового пути», которые экономически свяжут Азию, Европу и Африку⁴. Российское ру-

¹ Севастьянов С.В. Перспективы развития трансграничных отношений Дальнего Востока России в контексте выдвинутых ведущими странами СВА стратегий международного сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 125–136.

² Пленарное заседание ВЭФ 12 сентября 2018 года / Администрация Президента России. 2018.

³ Севастьянов С.В., Кукла М.П. Геополитические и экономические приоритеты взаимодействия России со странами «большой тройки» Северо-Восточной Азии // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 3. С. 180–196.

⁴ Севастьянов С.В. Интеграционные проекты Китая в АРТ и Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4. С. 5–12.

ководство поддерживает эти проекты, при этом Россия и КНР стремятся к сопряжению планов развития ЕАЭС и инициативы «Один Пояс – Один Путь» в целях интенсификации сотрудничества в различных областях и содействия большей взаимосвязанности Азиатско-Тихоокеанского и Евразийского субглобальных регионов¹.

Однако территория Дальнего Востока в планах инициативы «Один Пояс – Один Путь» представлена скромно, упомянуто лишь «улучшение железнодорожного сообщения Хэйлунцзяна с Россией», «сотрудничество трех северо-восточных провинций с российским Дальним Востоком в области мультимодальной транспортировки» и строительство «международного коридора экономического сотрудничества Китай – Монголия – Россия»². При этом на пути реализации конкретных проектов сотрудничества в субглобальном регионе, особенно в развитии транспортной инфраструктуры, интересы двух стран не всегда совпадают. Например, китайские партнеры так и не обозначили четкой позиции по проектам модернизации действующих международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», которые соединяют китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь с южными портами Приморского края³.

Тем не менее, в мае 2017 г., выступая в Пекине на форуме «Один Пояс – Один Путь», Президент В. Путин предложил «новую транспортную конфигурацию на Евразийском континенте» путем соединения инфраструктурных проектов, выполняемых в рамках ЕАЭС, «Один Пояс – Один Путь» и СМП⁴. Это предложение вызвало серьезный интерес в Китае, который в официальных стратегиях стал включать Арктику в качестве важного проекта «Одного Пояса – Одного Пути», а в январе 2018 г. Правительство КНР выпустило первую Белую книгу по Арктике, где подтвердило свою готовность сотрудничать с заинтересованными сторонами в строительстве «Полярного шелкового пути» на основе развития в Арктике транспортного судоходства⁵. Подтверждением большого интереса и активного участия Китая в российских арктических проектах является то, что он стал крупнейшим зарубежным инвестором в проекты российской газовой компании «Новатек»: в «Ямал СПГ» китайские компании вложили 29,9%, а в «Арктик СПГ-2» – 20% общего объема инвестиций.

Характеризуя состояние и перспективы сотрудничества с Дальним Востоком, в выступлении на ВЭФ в 2018 г. Председатель КНР подтвердил, что Китай был и остается активным участником сотрудничества в субглобальном регионе,

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии / Администрация Президента России. 2022.

² Ларин В.Л. Северо-Восточная Азия в контексте глобальных интересов и политики Китая в «новую эпоху» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 114–122.

³ Трутнев: КНР не обозначила позицию по МТК в Приморье // ТАСС. 2018. 21 августа.

⁴ Путин предложил новый способ использования Северного морского пути // Интерфакс. 2017. 14 мая.

⁵ Lu H. China's Arctic Policy // Xinhua. 2018. 26 January.

которое зиждется на мощной основе двустороннего партнерства по всеобъемлющему стратегическому взаимодействию. По его оценке, активно работает Межправительственная комиссия по сотрудничеству и развитию Северо-Востока Китая, Дальнего Востока и Байкальского региона России, проходят заседания круглого стола руководителей китайских и российских регионов¹, и при этом Китай согласует стратегию развития сотрудничества с Дальним Востоком с планами возрождения старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая. Далее Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай является крупнейшим экономическим партнером для Дальнего Востока России. Было также озвучено, что Китай учредил китайско-российский инвестиционный фонд регионального развития объемом в 100 млрд юаней, а также заявил о готовности сотрудничать с Россией на Дальнем Востоке в таких ключевых сферах, как инфраструктура, энергетика, сельское хозяйство, туризм, усиливать технологичную роль в сотрудничестве и т. д. Характерно, что Япония и Республика Корея предлагали российскому Дальнему Востоку примерно тот же набор направлений для взаимодействий, которые устраивают российскую сторону, однако, возникает вопрос о том, при каких условиях проекты в этих сферах могут быть реализованы на практике.

Одновременно руководитель КНР четко обозначил прагматические приоритеты Китая в развитии отношений с российским Дальним Востоком, заявив, что «по мере реализации нефтепровода Китая и России, газопровода по восточному маршруту, железнодорожного моста Нижнеленинское – Тунцзян и автомобильного моста Благовещенск – Хэйхэ приближается «сезон урожая» китайско-российского сотрудничества по развитию Дальнего Востока». Фактически для Китая главными на Дальнем Востоке являются совместные проекты, способствующие доставке в Китай сырой нефти, природного газа и транспортировке китайских товаров в Россию.

Что касается начатой Россией в феврале 2022 г. специальной военной операции, то Китай, хотя и не одобряет боевые действия, выдвинул свой вариант мирных инициатив для начала переговоров между Россией и Украиной. В то же время он критикует американские санкции и четко заявляет, что кризис был спровоцирован политикой Запада по расширению НАТО. В 2022–2024 гг. продолжались регулярные визиты и контакты лидеров и других представителей руководства России и КНР для обсуждения путей укрепления политического и экономического сотрудничества двух государств в сложившихся сложных геополитических условиях. На очень высоком уровне сохранялось взаимодействие и в военной сфере, когда, например, летом 2023 г. вооруженные силы России и КНР провели серию крупномасштабных учений воздушных и морских вооруженных сил в северо-западной части Тихого океана. Данные взаимодействия осуществлялись на фоне укрепления военных альянсов США в Индо-Тихоокеанском и других субглобальных регионах.

¹ Пленарное заседание ВЭФ 12 сентября 2018 года / Администрация Президента России. 2018.

В период специальной военной операции отмечен рекордный рост торговли между Россией и КНР¹. Очень важную роль в сотрудничестве играла торговля энергоносителями. Также важным аспектом взаимодействий является дедолларизация взаимных расчетов, и две страны почти полностью перешли в них на национальные валюты. Большой потенциал также имеет инвестиционное сотрудничество. В ходе визита председателя Правительства России М. Мишустина в КНР в декабре 2023 г. было отмечено, что в работе находятся 80 совместных проектов на общую сумму почти 20 трлн рублей, или около 1,6 млрд юаней². Для привлечения инвестиций из Китая Министерство России по развитию Дальнего Востока и Арктики разработало механизм международных территорий опережающего развития. Площадки международных территорий опережающего развития, нацеленные на ускоренное развитие межрегионального и приграничного с Китаем сотрудничества, планируется создать вблизи Владивостока, на Большом Уссурийском острове у Хабаровска, в Амурской и Еврейской автономной областях³.

Российско-японское сотрудничество в условиях нерешенного территориального спора. С приходом в 2012 г. на пост премьер-министра Японии С. Абэ заявил, что улучшение отношений с Россией является одним из его внешнеполитических приоритетов, что он и подтвердил в ходе многочисленных визитов в Россию и регулярных встреч с Президентом В. Путиным. В мае 2016 г. лидеры двух стран согласовали «новый подход» к решению территориального вопроса и комплексный план экономического сотрудничества на основе предложенного С. Абэ «плана из восьми пунктов» по его развитию на российском Дальнем Востоке в таких областях, как: энергетика, промышленность, медицина, сельское хозяйство, развитие городов, средний и малый бизнес, высокие технологии и гуманитарные обмены⁴. В дальнейшем премьер-министр Японии, выступая на сессиях ВЭФ 2018 г. и 2019 г., заявлял о том, что японо-российские экономические отношения продвигаются с беспрецедентным ускорением. Так, например, в 2019 г. он доложил, что общее число японских коммерческих проектов на российском Дальнем Востоке превысило 200, отметил достижение в 2019 г. соглашения об участии японских предприятий (Мицуи и Японской национальной корпорации по нефти газу и металлам) в проекте Новатека «Арктик СПГ-2», и с учетом этой позитивной динамики в очередной раз призвал В. Путина заключить мирный договор⁵.

В целом, совместные усилия двух государственных лидеров привели к общему улучшению отношений, особенно в экономической сфере. Что же касается

¹ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2023 / Институт Китая и современной Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2024. 522 с.

² Бойко А. Мишустин оценил совместные с Китаем проекты в 20 трлн рублей // Ведомости. 2023. 20 декабря.

³ Сычева О. ВЭФ и ВДНХ в одном флаконе: во Владивостоке стартовал инвестиционно-промышленный форум // Вечерний Владивосток. 2023. 20 декабря.

⁴ Севастьянов С.В., Лукин А.Л., Шишмаков С.О. Дипломатия Путина и Абэ: перспективы политического урегулирования российско-японских отношений // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 54–67.

⁵ Пленарное заседание ВЭФ 5 сентября 2019 года / Администрация Президента России. 2019.

политики и безопасности, то улучшение взаимодействия в этих сферах произошло лишь формально в силу ряда причин, в том числе нерешенности территориального спора из-за Южных Курил. Выступая на сессии ВЭФ в 2019 г., В. Путин отметил, что Россия тоже хочет решить территориальный вопрос с Японией, но этому препятствуют проблемы, лежащие за пределами отношений двух государств, и что Москве нужны твердые гарантии того, что на японских островах не появятся новые ударные системы американского оружия.

Пришедший к власти в 2020 г. премьер-министр Е. Суга и быстро сменивший его в 2021 г. в этой должности Ф. Кисида, хотя оба и являлись протеже С. Абэ, с самого начала взяли курс на демонтаж развитой системы сотрудничества с Россией, созданной усилиями В. Путина и С. Абэ. Основное внимание Ф. Кисида уделял укреплению военно-политического союза с США и наращиванию военного потенциала страны. В Токио всецело поддерживали продвигаемые США концепцию ИТЭРС и Четырехсторонний диалог по безопасности (США, Япония, Индия и Австралия).

С началом специальной военной операции Япония ужесточила санкции против России, ранее бывшие довольно формальными. В марте 2022 г. были введены санкции, включавшие ограничения против руководителей многих российских правительственных структур, крупных компаний военно-промышленного комплекса, банков, политиков, предпринимателей, объявлено о лишении России статуса страны с режимом наибольшего благоприятствования в торговле. В этой связи 21 марта 2022 г. в «Заявлении Министерства иностранных дел России об ответных мерах на решения Правительства Японии» было объявлено об отказе продолжать переговоры по мирному договору, принятии решения о прекращении безвизовых поездок японских граждан на Курильские острова на основе соглашений 1991 г. и 1999 г., а также о выходе России из диалога с Японией о налаживании совместной хозяйственной деятельности на южных Курилах. Российское правительство включило Японию в число «недружественных стран» и запретило въезд в Россию практически всему высшему руководству страны.

Официальная позиция Японии по конфликту на Украине, соответствующая позиции «коллективного Запада», раскрыта в выступлениях премьер-министра Ф. Кисиды, а также в «Синей книге дипломатии Японии», и предполагает жесткие санкционные меры против России и оказание Японией помощи киевскому правительству¹. Активно взаимодействуя с США в наложении на Россию жестких санкций, Ф. Кисида заявил, что Япония не может сотрудничать с Россией, если речь идет просто о бизнесе. При этом в подходе к энергетическому сотрудничеству Токио занял двойственную позицию: с одной стороны, Ф. Кисида поддержал решение стран Большой семерки отказаться от сырой нефти из России, несмотря на сильную зависимость страны от импорта энергетических ресурсов. С другой – заявил, что Япония должна сохранить долгосрочные соглашения о поставках энергоресурсов из России, отвечающие ее национальным интересам. Речь идет, в

¹ Нелидов В.В. Российское направление внешней политики Японии в 2023 г.: факторы формирования и реальное наполнение // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 91–102.

первую очередь, о проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2», в которых японские компании продолжают участвовать¹.

Япония ввела экспортный контроль в отношении поставок в Россию товаров двойного назначения и неоднократно расширяла данный список. Помимо оказания финансовой помощи Киеву, Япония решила передать ракеты для зенитно-ракетных комплексов Patriot в США для их отправки на Украину, и в этих целях в декабре 2023 г. администрация Ф. Кисиды добилась смягчения правил экспорта продукции военного назначения. В этой связи в марте 2024 г. посол России в Японии Н. Ноздрев в заявлении предостерег Японию от передачи зенитно-ракетных комплексов Patriot Киеву, которая чревата тяжелыми последствиями для отношений Японии и России, включая жесткие ответные шаги последней. Комментируя весь комплекс антироссийской политики Японии, посол отметил, что двусторонние отношения находятся «на самом низком уровне за весь послевоенный период» из-за шагов, предпринимаемых Японией, таких как: денонсация ряда договоров, присоединение к антироссийским санкциям и нагнетание «антироссийской истерии» в японском обществе. Он заявил, что отношения России и Японии прошли «точку невозврата», и с сожалением отметил, что такая ситуация продлится «весьма длительный период»². В развитие этого директор третьего департамента Азии Министерства иностранных дел России Л. Воробьева 23 мая 2024 г. заявила, что российско-японские отношения продолжают ухудшаться, и что Россия не намерена выступать инициатором контактов с Японией, так как возвращение к нормальному диалогу невозможно без реальных шагов правительства Ф. Кисиды по отказу от антироссийской политики³.

Сотрудничество России и Республики Корея в условиях нестабильности межкорейских отношений. Постоянная серьезная угроза безопасности, исходящая от КНДР, является важнейшим фактором, определяющим геополитическое позиционирование Республики Корея, которое существенно отличается от японского. С учетом этого Республика Корея в наибольшей степени заинтересована в поддержании мира в СВА, и для его достижения стремится к гармонизации национальных интересов с союзниками (США, Япония), но не их полному единству⁴, а во внешней политике стремится одновременно обеспечить прочный союз безопасности с США и развитое экономическое партнерство с Китаем. При этом внешнеполитический курс Республики Корея претерпевает существенные изменения в зависимости от находящейся у власти администрации – консервативной или прогрессивистской. Так, сохранение альянса с США было основным приоритетом, пока у власти находилась президент из партии консерваторов Пак Кынхе

¹ Бережная А. Премьер Японии заявил о невозможности экономического сотрудничества с Россией // Lenta.ru. 2022. 22 марта.

² Посол в Токио заявил о «точке невозврата» в отношениях РФ и Японии // Ведомости. 2024. 22 марта.

³ В МИД РФ исключили восстановление контактов с Японией в текущих условиях // Ведомости. 2024. 23 мая.

⁴ Kim J. Camp David Summit and Korean Diplomacy Challenges // Sejong Focus. 2023. 22 August.

(2013–2017 гг.), тем не менее, ее администрация выдвинула «Евразийскую инициативу», существенную роль в которой отводилось сотрудничеству с Россией.

Сменив ее на посту Президента Республики Корея в мае 2017 г., Мун Чжэин в августе представил «Новую северную политику» страны, реализация которой во многом должна была опираться на развитие политических и экономических отношений с Россией и участие Республики Корея в развитии Дальнего Востока¹. В сентябре 2017 г., выступая на ВЭФ во Владивостоке, Мун Чжэин представил основные направления «Новой северной политики», которые, по его оценке, во многом совпадают с новой восточной политикой России, и отметил, что Дальний Восток – это то место, где встречается эти две новые политики. Одновременно он провозгласил политику «Девяти мостов» – базового плана сотрудничества Республики Корея с Дальним Востоком России по девяти направлениям: судостроение, сельское хозяйство, энергетика, железнодорожный транспорт, газоснабжение, рыбное хозяйство, развитие морских портов, развитие промышленного комплекса в Приморье и совместное освоение Северного морского пути. В завершении президент констатировал, что приоритетом для Республики Корея являются трехсторонние проекты с участием двух Корей и России, но так как непреодолимые трудности пока мешают к ним приступить, то, по его мнению, следует начать те проекты, которые можно продвинуть за счет взаимодействия России и Республики Корея².

Так, например, Республика Корея и Россия создали совместное предприятие на судовой верфи «Звезда» для участия в проекте по строительству танкеров ледового класса «Афрамекс», достигли прогресса в реализации совместных проектов в сельском хозяйстве и др. В то же время сильное негативное воздействие на перспективы сотрудничества двух стран на российском Дальнем Востоке оказывала неблагоприятная геополитическая ситуация. Так, из-за риска экономических санкций со стороны США южнокорейские компании отказались от приобретения 10% акций в проекте «Арктик СПГ-2», а кризисные отношения КНДР с Республикой Корея и США делают невозможной реализацию ключевых трехсторонних проектов с участием двух Корей и России³. Что касается антироссийских санкций, то, несмотря на союз безопасности с США, Республика Корея долго уклонялась от их принятия, сохраняя сотрудничество с Россией практически в полном объеме.

Приход к власти в мае 2022 г. представителя консерваторов Юн Сок Еля ознаменовал очередной поворот во внешней политике страны. Его политическую программу составил набор свойственных для южнокорейских консерваторов направлений внешней политики: всесторонняя ориентация на США, жесткая пози-

¹ Волощак В.И., Лукин А.Л. Российско-южнокорейское сотрудничество в рамках «Новой Северной политики» Республики Корея: предварительные итоги // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 68–80.

² Пленарное заседание ВЭФ 7 сентября 2017 года / Администрация Президента России. 2017.

³ Севастьянов С.В. Перспективы развития трансграничных отношений Дальнего Востока России в контексте выдвинутых ведущими странами СВА стратегий международного сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 125–136.

ция по денуклеаризации Корейского полуострова и др. В отличие от президента Муна, Юн Сок Ель не представил серьезных планов для развития южнокорейско-российского сотрудничества, хотя стабильные отношения с Россией обозначены одним из приоритетов в принятом в июле 2022 г. Базовом документе «120 задач государственной политики», определяющим основные направления политики страны. Это стало свидетельством стремления Республики Корея сохранить определенный уровень взаимоотношений с Россией, несмотря на однозначно негативную политическую позицию администрации Юна по украинскому кризису.

В февраля 2022 г. Республика Корея ввела против России ряд экономических санкций, запрещающих экспорт товаров двойного назначения, а в дальнейшем неоднократно расширяла список санкционных товаров, что привело к существенному снижению двустороннего товарооборота, хотя экспорт в Россию корейских несанкционных товаров в эти годы демонстрировал рост. В то же время инвестиционное присутствие Республики Корея в России почти сошло на нет. Так, например, Samsung Heavy Industries прекратила сотрудничество с российскими партнерами, объявив о прекращении производства оборудования для 10 из 15 танкеров ледового класса для перевозки СПГ, строившихся в рамках контракта на судовой верфи «Звезда» в Приморье¹.

В то же время наличие в России южнокорейских прямых инвестиций, а также то, что Республика Корея закупала у нее существенные объемы угля, нефти и СПГ, объясняют ее желание сохранить экономические связи с Россией. С учетом нужд экономики и бизнеса Республики Корея на перспективу, представители Korea Institute for International Economic Policy приступили к исследованиям долгосрочного влияния экономических санкций на российскую экономику, полагая, что с завершением специальной военной операции большинство из них сохранятся на длительный срок. По их оценке², в такой ситуации России будет трудно сотрудничать со странами Запада, особенно в сфере высоких технологий, и в этой роли могут выступить некоторые азиатские страны. При этом южнокорейскому руководству следует заблаговременно разработать и предложить меры по стабилизации экономического сотрудничества между Республикой Корея и Россией в условиях ожидаемых длительных санкций и заранее обеспечить базу для сотрудничества в передовых отраслях промышленности.

Несмотря на введенные санкции, руководство России называло Республику Корея «самой дружественной из недружественных стран» и придерживалось особого подхода в отношениях с ней, что во многом связано с тем, что президент Юн долго сопротивлялся давлению стран Запада по поводу передачи летального оружия Киеву. Однако, по мнению экспертов, Республика Корея все же будет вынуждена принимать в этом плане какие-то меры, на значимость которых может вли-

¹ Бузлаев П. Samsung Heavy прекратила производить оборудование для 10 СПГ-судов «Звезды» // Коммерсантъ. 2023. 26 декабря.

² Jeong M. Economic Impacts of the Sanctions on the Russian Economy and Stabilization Measures for Economic Cooperation between Korea and Russia (June 28, 2024) / KIEP Research Paper. World Economy Brief (WEB) 24-20.

ять как позиция США, так и внутривластная обстановка в стране¹. Так, в декабре 2023 г. появлялись сведения о рассмотрении Республикой Корея поставки 155-мм снарядов в США для их отправки на Украину, что позволило бы Сеулу предоставить ей военную поддержку, не становясь прямым поставщиком. Эта информация получила очень негативную оценку в России, однако она была опровергнута властями Республики Корея.

Россия не стремилась к обострению отношений с Республикой Корея, одним из своих важных политических и экономических партнеров в СВА. Но резкое ухудшение с началом специальной военной операции российско-американских отношений негативно влияет и на возможности конструктивного взаимодействия Республики Корея и России. В этот же период серьезно укрепилось партнерство России и КНДР, и проведение в сентябре 2023 г. саммита Президента России В. Путина и лидера КНДР Ким Чен Ына на полигоне «Восточный» с обсуждением возможных направлений военного и военно-технического сотрудничества двух стран, по оценке некоторых южнокорейских экспертов, можно интерпретировать и как первый шаг России в пропорциональном ответе на возможную артиллерийскую и другую поддержку Украины со стороны Республики Корея².

В июне 2024 г. в ходе визита Президента В. Путина в Пхеньян между двумя странами был подписан договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, постулирующий оказание военной помощи в случае агрессии против одной из сторон. В этой связи следует полагать, что в дальнейшем уровень и интенсивность стратегического взаимодействия РФ с КНДР будут выстраиваться, в том числе с учетом степени участия Республики Корея в антироссийских санкциях и ее вовлеченностью в этот конфликт. Тем не менее, в июле 2024 г. президент Юн заявил, что укрепление сотрудничества России и КНДР несет угрозу международной безопасности, и предложил России сделать выбор, с каким из двух государств Корейского полуострова развивать отношения. По его мнению, «...будущее отношений между Республикой Корея и Россией полностью зависит от ее действий». При этом на вопрос о возможности поставок Украине оружия он ответил, что сначала правительство страны рассмотрит «уровень и суть военного сотрудничества между Россией и КНДР»³.

Таким образом, после введения в 2014 г. санкций против России российско-китайские отношения еще более укрепились, а для проектов Японии и Республики Корея на российском Дальнем Востоке в ряде случаев возникли дополнительные геополитические сложности и риски. В условиях продолжающихся многие годы антироссийских санкций США не приветствовали расширение Японией и Республикой Корея экономических связей с Дальним Востоком России и противодействовали возможности вхождения японских и южнокорейских компаний в

¹ Габриелян М. Южная Корея задумалась о поставках оружия Украине после переговоров Путина и Ким Чен Ына. Как на это ответит Россия? // Lenta.ru. 2024. 21 июня.

² Hong W. The Putin Paradox and Russia's Pivot to Asia // Global Asia. 2024. Vol. 19. Issue 2.

³ Белоусов Е. Президент Южной Кореи призвал Россию выбрать между двумя Кореями // Коммерсантъ. 2024. 8 июля.

энергетические проекты в Дальневосточном макрорегионе и в российской Арктике.

Для Китая особый интерес представляют проекты, способствующие получению российских энергетических ресурсов и укреплению сотрудничества с Россией в Арктике, для Японии – приоритетны энергетика и Южные Курилы, для Республики Корея – энергетика и проекты экономического сотрудничества с возможностью выхода в перспективе на трехсторонние проекты с участием Республики Корея, КНДР и России.

В целом, за исследуемый период Китай являлся ведущим стратегическим партнером России в мире и в развитии Дальнего Востока. Китай продолжает наращивать поставки в этот макрорегион промышленной и сельскохозяйственной продукции и значительно активнее других стран СВА подключился к участию в проектах, реализуемых на Дальнем Востоке на основе преференциальных инвестиционных режимов. В то же время Китай рассматривает Дальний Восток, в первую очередь, как ресурсную базу для обеспечения потребностей своей растущей экономики, и при выборе проектов для участия действует в своих прагматических интересах. При этом его Арктическая политика характеризовалась как возросшей экономической активностью, так и подведением под нее внешнеполитического смысла. Начиная с 2014 г. Китай использует концепцию «великой полярной державы» для подчеркивания значимости этой территории для национальных интересов Китая¹, и в этой связи его существенные инвестиции в энергетические проекты России в Арктике являются частью его долговременной стратегии.

Предпринятые В. Путиным и С. Абэ усилия по улучшению двусторонних отношений не были поддержаны пришедшими на смену последнему премьер-министрами Японии, для которых договор безопасности с главным союзником – США – был на порядок важнее, чем возможность решения территориальной проблемы с Россией. Во многом схожая ситуация за исследуемый период сложилась и в отношениях России с Республикой Корея. В период нахождения у власти президента Мун Чжэина двум странам удалось добиться прогресса в реализации ряда совместных экономических проектов, но дальнейший прогресс в этом направлении сдерживался экономическими санкциями против России, а также кризисными отношениями КНДР с Республикой Корея и США, что делает невозможной реализацию ключевых для Республики Корея трехсторонних проектов с участием двух Корей и России.

С началом специальной военной операции отношения России и КНР продолжали развиваться как приоритетные для обеих сторон. При этом для России в условиях усиливающегося политического давления и экономических санкций со стороны Запада значимость Китая, как главного стратегического партнера, существенно выросла, как в международно-политической, так и экономической сферах. В дальнейшем стратегическое партнерство продолжит позитивное развитие, при этом для России приоритетом будет координация политики в сфере безопасности и по преодолению вызванных антироссийскими санкциями сложностей в двусто-

¹ Lu H. China's Arctic Policy // Xinhua. 2018. 26 January.

роннем экономическом сотрудничестве. Китай будет учитывать политические и экономические интересы России, и выстраивать отношения с ней как с главным стратегическим партнером, одновременно прилагая усилия по поиску мирного завершения конфликта на Украине в интересах достижения соответствующей его геополитическим и особенно экономическим интересам большей глобальной и региональной стабильности.

Пришедшие к власти в Японии в 2021 г. премьер-министр Ф. Кисида и в Республике Корея в 2022 г. президент Юн Сок Ель скорректировали политический курс своих стран в отношении России на более негативный. С началом специальной военной операции они солидаризовались с политической позицией «коллективного Запада» в отношении России, и присоединились к антироссийским экономическим санкциям. В то же время в реализации политического и экономического курса этих стран по отношению России были различия. Япония, имеющая статус главного союзника США в АТР, превзошла Республику Корея в жесткости объявленных санкционных мер и степени их реализации, а также объеме и характере оказания помощи киевскому правительству. В результате, из-за шагов, предпринятых Японией, двусторонние отношения находятся на самом низком уровне за весь послевоенный период и прошли точку невозврата, а это значит, что такая ситуация продлится длительный период¹.

Что касается перспектив развития отношений России с Республикой Корея, то они представляются более благоприятными. По сравнению с Японией, руководство Республики Корея сопротивлялось давлению Вашингтона по поводу передачи летального оружия Киеву, а южнокорейские ученые уже приступили к разработке мер по стабилизации экономического сотрудничества между Республикой Корея и Россией, полагая, что, хотя с окончанием специальной военной операции большинство антироссийских санкций сохранится на длительный срок, южнокорейский бизнес даже в этих условиях должен быть готов к возобновлению сотрудничества с Россией. Обе стороны хотят прояснить жизненно важные интересы друг друга и пытаются найти взаимоприемлемые компромиссы, стремясь не допустить резкого обострения отношений.

3.3. Внешняя политика периферийных стран СВА

В СВА к 2023 г., помимо Китая «дружественными» по отношению к России странами были периферийные государства – Монголия и КНДР, имеющие многолетнюю историю взаимодействий с Россией, ориентированные на долгосрочное стратегическое партнерство с ней, разделяющие принципы национальной независимости и суверенитета, право на самоопределение и невмешательство во внутренние дела, но реализующие при этом разные способы внешних взаимодействий.

¹ *Севастьянов С.В., Кукла М.П.* Геополитические и экономические приоритеты взаимодействия России со странами «большой тройки» Северо-Восточной Азии // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 3. С. 180–196.

Монголия. В силу своего уникального геополитического расположения и общей границы только с двумя крупнейшими по территории странами СВА – Россией и Китаем – Монголия привлекает большой интерес со стороны внешнего мира. Хотя экономический потенциал и внешнеполитический вес Монголии несопоставим с соседними странами, страна проявляет высокую активность в международных взаимодействиях и является активным субъектом в мировой политике. В основе внешнеполитической стратегии Монголии с 1990-х гг. лежит принцип «многоопорности» или «многовекторности», исходя из которого данная страна стремится расширять свои контакты с зарубежными странами. В результате вокруг Монголии сложился «геополитический треугольник», в который помимо России и Китая, входит так называемая третья сторона – другие страны и группы стран, имеющие интересы в Монголии, среди которых США, ЕС, Япония, Республика Корея и Турция.

Политика «многоопорности» юридически оформлена в Концепции внешней политики Монголии¹ (принята в 1994 г. и обновлена в 2011 г.). В качестве приоритета внешнеполитической линии Монголии определено поддержание сбалансированных отношений с Россией и Китаем. Вторым направлением внешнеполитической стратегии Монголии стало выстраивание отношений с развитыми странами Запада и Востока, в частности, с США, Японией и Германией. В то же время страна нацелена на взаимодействие с Республикой Корея, Таиландом, Сингапуром, Индией, Турцией, Швейцарией, в целом со странами ЕС и на доведение до соответствующего уровня экономических и других интересов этих стран в Монголии. Внешнеполитические стремления Монголии направлены также на укрепление ее позиций в Азии через участие в процессе политической кооперации и экономической интеграции. Следует также отметить, что из числа азиатских стран Монголия имеет давно сложившиеся и устоявшиеся связи в сфере образования с Японией – получение высшего образования и учеба в аспирантуре в японских университетах имеет достаточной высокий престиж в Монголии, обучавшиеся там студенты впоследствии часто выступают связующим звеном с японскими деловыми кругами и культурой².

Одновременно, учитывая текущее состояние экономики страны, важным приоритетом для Монголии является взаимодействие с ООН и ее системой специализированных организаций (на этих площадках, среди прочего, налажено взаимовыгодное российско-монгольское сотрудничество: в 2015 г. Монголия при поддержке России была избрана в состав Совета ООН по правам человека на 2016–2018 г. от АТР), а также с международными финансовыми институтами, среди которых МВФ, Всемирный Банк и АБР, взаимодействие с которыми Монголия установила при содействии и поддержке США. Монголия нацелена на под-

¹ *Zolboo D.* Concept of Mongolia's Foreign Policy // *Mongolian Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 20. Pp. 141–148.

² *Enkhtur A.* Government Sponsored Mongolian Graduates from Japan. Perceptions of Learning Experience // *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies*. 2018. Vol. 18. Issue 3. 7.

держание дружественных отношений со странами СНГ и странами бывшего социалистического содружества, а также с развивающимися странами¹.

Что касается внешнеэкономической политики Монголии, то ее главная цель сформулирована в этом же документе и предусматривает оптимальное использование внешних факторов для адекватного решения долгосрочных и текущих экономических задач в свете концепции устойчивого развития и в конечном итоге в обеспечении надлежащего места экономики страны в субглобальной экономической интеграции. Достигнуть данную цель предполагается в целом через модернизацию экономики, развитие экономической инфраструктуры, увеличение экспортных ресурсов и производство импортозамещающих товаров: в частности, через трансформацию отраслевой структуры в сторону увеличения доли перерабатывающих производств; модернизацию существующих отраслей специализации (добыча и переработка полезных ископаемых, сырьев животного и растительного происхождения) путем их технологического переоснащения и производства конкурентоспособной на мировом рынке продукции; развитие экспортно ориентированных отраслей (пищевая, легкая, горнодобывающая и химическая промышленность, биотехнологии и новые продукты на основе имеющегося в стране сырья); сотрудничество с зарубежными странами в области переработки минеральных ресурсов (включая золото, медь, молибден, уран) и производства готовой продукции из них, а также в области переработки сельскохозяйственного сырья и производства товаров, способных конкурировать на мировом рынке в целях повышения экспортного потенциала страны; развитие топливно-энергетического комплекса, транспорта, связи и другой экономической инфраструктуры; интеграцию в международные транспортные, информационные и коммуникационные сети, преимущественно в СВА; проведение политики обеспечения иностранной помощи и технологий для развития малой и средней промышленности страны, ориентированной на производство импортозамещающих товаров².

Хотя Монголия и провозглашает всех иностранных партнеров равноценными, можно выделить некоторые страны, отношения с которыми для нее приоритетны и имеют статус стратегического партнерства, закрепленный соответствующими соглашениями: Россия (с 2006 г.), Япония (с 2010 г.), Китай (с 2014 г.), Индия (с 2015 г.) и США (с 2019 г.),³ а также Германия (с 2024 г.). Кроме того, в 2013 г. подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС (вступило в силу в 2017 г.).

Выстраивая партнерские отношения с внешним миром, в качестве главного преимущества Монголия позиционирует свой богатый ресурсный потенциал, прогнозные оценки которого многократно превышают разведанные запасы – он представлен крупнейшими в мире месторождениями угля и меди, а также ураном, золотом, серебром и другими ресурсами. С одной стороны, ресурсы Монголии вы-

¹ *Zolboo D.* Concept of Mongolia's Foreign Policy // *Mongolian Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 20. Pp. 141–148.

² National Security Council of Mongolia / Institute for Strategic Studies. 2023.

³ *Базаров В.Б.* Стратегическое партнерство во внешней политике Монголии // *Власть*. 2019. № 6. С. 302–308.

зывают большой интерес у зарубежных стран – в горнодобывающих проектах начинали участвовать компании из Австралии, Соединенного Королевства, Канады, Японии, России и других стран, а проводимая политика ресурсоориентированного развития позволила стране в начале 2000-х гг. преодолеть последствия кризиса 1990-х гг., связанного с переходом к рыночной экономике, но по факту сделала экономику Монголии зависимой от развития горнодобывающего сектора, мировых цен на минеральные ресурсы, спроса на них на китайском рынке и иностранных инвестиций в добычу полезных ископаемых.

С другой стороны, наличие богатого и разнообразного ресурсного потенциала в случае Монголии вызывает обострение внутривнутриполитической борьбы, поскольку правящая партия получает возможность управлять и перераспределять доходы от продажи ресурсов¹, при этом вызывая протестные настроения среди населения страны тем, что часто игнорируется необходимость использования части средств от продажи ресурсов на социальные нужды страны, восстановление причиненного ущерба экологии и т. д. Под давлением общественного мнения, подверженного идеям «ресурсного национализма», политические элиты для того, чтобы в глазах избирателей предстать защитниками их интересов, прибегают зачастую к манипулированию регулированием горнорудного сектора, который является основной движущей силой монгольской экономики.

Следует заметить, что борьба политических партий в Монголии протекает остро, сопровождается жестким противостоянием и не всегда последовательными действиями правящих элит. Наглядным примером таких действий стали процессы первой половины 2010-х гг., когда в преддверии парламентских выборов были пересмотрены условия уже действующих крупных проектов по освоению минеральных ресурсов Монголии совместно с иностранными инвесторами – это касалось одного из крупнейших в мире золотомедных месторождений Оюу-Толгой, где работа велась совместно с австралийско-британским горно-металлургическим концерном Rio Tinto Group и канадской компаний Ivanhoe Mines. В результате, были отменены результаты объявленного тендера на разработку крупнейшего в мире неосвоенного угольного месторождения Таван-Толгой, который выиграли американская угольная компания Peabody, совместное предприятие китайской компании Shenhua и японской компании Mitsui, а также консорциум во главе с РЖД. В июне 2012 г. правительство Монголии вынесло постановление о прекращении выдачи лицензий на геологоразведку, в связи с чем данные работы не велись вплоть до 2014 г., пока постановление было не отменено². В 2012 г. был принят закон, касающийся иностранных инвестиций, который имел противоположную направленность в сравнении с предыдущим законом от 2002 г. Согласно новому закону были введены ограничения на дальнейшие иностранные инвестиции в стратегических отраслях экономики (горнодобывающий и финансовый сектора, транспорт и средства массовой информации). Для иностранных инвесторов, вла-

¹ Сабиров Р.Т. Демократия по-монгольски // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 21–27.

² Инвесторов в Монголии отпугивают резкие перемены госполитики // Rambler. 2016. 9 сентября.

деющих более 33% акций монгольских компаний в этих отраслях, предусматривалось получение от правительства Монголии разрешения на дальнейшие инвестиции.

В итоге все это привело к приостановке некоторых важнейших ресурсных проектов на территории Монголии и значительному сокращению притока иностранных инвестиций в страну. Для смягчения ситуации в 2013 г. был принят еще один закон, согласно которому ограничения на инвестиции в стратегических отраслях устанавливаются только для иностранных госкомпаний (в которых иностранное государство прямо или косвенно владеет более 50% уставного капитала)¹.

С 2016 г. и по сегодняшний день у власти в Монголии находится Монгольская народная партия, которая одержала убедительную победу над своим основным оппонентом – Демократической партией. Поскольку в Монголии парламентское правление, то победившая на выборах партия формирует правительство и назначает премьер-министра. Правящая Монгольская народная партия сформировала однопартийное правительство, которое разработало план вывода экономики из кризисного состояния и договорилось о доступе к новым кредитам на 5,7 млрд долл. через Программу расширенного кредитования МВФ. Однако, на президентских выборах 2017 г. победил кандидат от Демократической партии Х. Баттулга, который строил свою предвыборную программу под лозунгом «За сильную Монголию» и ставил задачи по обеспечению национального единства и приоритета национальных интересов, соблюдению прав и свобод человека и справедливости, приоритету интересов граждан, возрождению национальной экономики и развитию промышленности, обеспечению экологического баланса и защите страны, началу новой «эпохи» в экспортной политике и приоритету взаимовыгодных внешних отношений. В частности, Х. Баттулга заявлял: «Интересы Монголии, стремление монголов к хорошей жизни являются для меня высшей силой, указывающей направление и освящающей мой путь. Я вступил в политику для того, чтобы сделать все возможное для приближения того времени, когда на монгольской земле каждый монгол будет дышать полной грудью, ходить с высоко поднятой головой и лицом героя, будет работать и жить в достатке... Если Народная партия возлагает надежды на группировку олигархов и бизнесменов, зависящих от помощи извне, то я надеюсь на монголов, на простой народ, на своих избирателей»².

Во внешнеполитической сфере Х. Баттулга выступал за сбалансированную политику в отношениях с Россией и Китаем, а также за развитие взаимовыгодных отношений с «третьими соседями», среди которых США, Япония, ЕС, Республика Корея, Турция, Индия и другие страны. В соответствии с внесенными в период его президентства поправками в Конституцию Монголии в 2019 г. (вступили в силу 25 мая 2020 г.) президент страны стал избираться сроком на 6 лет без права

¹ Макаров А.В., Макарова Е.В., Михеева А.С. Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития // ЭКО. 2019. № 6. С. 62–82.

² Грайворонский В. Политическая борьба в Монголии и визит Х. Баттулги в Россию / Российский совет по международным делам. 2017.

баллотироваться повторно¹. В результате на президентских выборах 2021 г. победил лидер Монгольской народной партии У. Хурэлсух, занимавший пост премьер-министра страны в 2017–2021 гг.

Следует отметить, что в период президентского срока Х. Баттулги российско-монгольские отношения и контакты заметно активизировались на всех уровнях – межгосударственном, межправительственном, межведомственном и региональном. В декабре 2019 г. состоялся первый с 2010 г. официальный визит главы монгольского правительства в Россию. Обоюдное стремление сторон к дальнейшему развитию взаимовыгодных отношений получило новый импульс.

Отдельного внимания заслуживают вопросы российско-монгольского военно-технического сотрудничества, которое обусловлено общим историческим прошлым двух стран, диверсифицировано по всем основным направлениям, поддерживается соответствующим политическим диалогом, включает взаимодействие на уровне министров обороны, участие в конференциях по международной безопасности и военно-технических форумах, программы по обучению монгольских военнослужащих в российских академиях и других вузах Министерства обороны России по различным специальностям², проведение совместных военных учений «Селенга» и российско-китайско-монгольских учений «Восток», а также поставки продукции военного назначения. В 2018 г. главы военных ведомств России и Монголии подписали Долгосрочную программу военного сотрудничества³, в 2019 г. был подписан межправительственный Протокол о возобновлении действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии от 3 марта 2004 г. об оказании Монголии военно-технической помощи на безвозмездной основе⁴.

По данным Всемирного Банка и Стокгольмского международного института исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI) общие объемы поставленной в Монголию в течение последнего десятилетия зарубежной военной техники и вооружений оценивались в 2012 г. – в 78 млн долл., в 2015 г. – в 73 млн, в 2019 г. – в 17 млн.долл.⁵ Поставки осуществлялись исключительно из России, но в 2022 г. фиксировалась поставка двух вертолетов из Австралии⁶, а по имеющимся дополнительным данным⁷, в дальнейшем запланирована поставка в Монголию бронетранспортеров из США.

¹ Монголия / Министерство иностранных дел России. 2021.

² Россия передала Монголии военно-технического имущества более, чем на 13 млн долларов / Министерство обороны РФ. 2018.

³ Главы военных ведомств России и Монголии подписали Долгосрочную программу военного сотрудничества / Министерство обороны РФ. 2018.

⁴ Монголия. Двусторонние отношения / Министерство иностранных дел России (по состоянию на май 2021 г.). URL: https://www.mid.ru/ru/maps/mn/?PAGEN_1=3 (дата обращения: 14.09.2024).

⁵ Arms Imports (SIPRI Trend Indicator Values) – Mongolia / World Bank. 2019.

⁶ Arms Transfer / SIPRI. 2023.

⁷ Монголия стала первым покупателем новой американской легкобронированной машины в Азии // Репортер. 2023. 19 ноября.

Несмотря на устоявшиеся военно-технические связи с Россией, в 2012 г. Монголия присоединилась к Программе индивидуального партнерства и сотрудничества с НАТО, в рамках которой завершен перевод Генштаба монгольской армии на организационно-штатную структуру по стандартам НАТО. Среди основных сфер взаимодействия – поддержание регулярного политического диалога, содействие по линии альянса в адаптации под натовские стандарты системы тылового обеспечения, доктринальных и концептуальных положений, обучение военных кадров, предотвращение природных и техногенных катастроф, обмен опытом в области охраны госграниц, научное сотрудничество. В 2014 г. Монголия причислена к «глобальным партнерам» НАТО и включена в формат «Платформа оперативной совместимости», предусматривающий отработку слаженности контингентов для участия в операциях и Силах реагирования НАТО¹.

Взаимодействуя с США, Монголия пытается привлечь внимание крупного внешнего политического игрока и считает развитие двустороннего сотрудничества в области обороны с США важным направлением и полезным инструментом своей внешней политики для сохранения целей национальной безопасности². В свою очередь США рассматривают Монголию как своего надежного партнера в Индо-Тихоокеанском регионе³ и одновременно как одно из средств сдерживания Китая. Учитывая сегодняшний кризис в американо-российских отношениях – это еще и возможность создать определенные внешнеполитические трудности для России.

Однако именно Китай и Россия являются ключевыми партнерами Монголии, которые определяют вектор ее взаимодействия с мировой экономикой⁴. Преодолеть такую исторически сложившуюся структурную зависимость для экономики Монголии вряд ли будет возможно в обозримой перспективе.

Проблемными для Монголии являются не только объективно существующие торговые дисбалансы с Китаем и Россией, но также и со странами ЕАЭС. В 2016 г. Монголия была включена в перечень потенциальных партнеров ЕАЭС, с которыми начали прорабатываться вопросы заключения соглашений о свободной торговле. Процесс переговоров протекал не без сложностей⁵. Однако, учитывая взаимную заинтересованность сторон, а также интерес России в развитии связей и расширении диалога с Монголией в современных геополитических условиях, ЕАЭС и Монголия могут выйти на подписание временного торгового соглашения в декабре 2024 г.⁶

Трехсторонний формат сотрудничества России, Монголии и Китая имеет важное значение не только для углубления экономической интеграции в СВА, но и для каждой из стран-участниц. Договоренности по этому формату были достиг-

¹ Монголия / Министерство иностранных дел России. 2021. Май.

² Defense Cooperation / Embassy of Mongolia to the USA. 2023.

³ Indo-Pacific Strategy Report / The Department of Defense. 2019. 64 p.

⁴ Mongolia Exports by Country / Trading Economics. 2024.

⁵ Оверчук рассказал о сложностях в отношениях ЕАЭС и Монголии // РИА Новости. 2023. 31 мая.

⁶ Андрей Слепнев: «Переговоры о заключении временного торгового соглашения с Монголией субстантивно завершены» / Евразийская экономическая комиссия. 2024.

нута лидерами трех стран в 2014 г. «на полях» Совета глав государств-членов ШОС и впоследствии привели к принятию Дорожной карты развития сотрудничества между Россией, КНР и Монголией на среднесрочную перспективу (2015 г.)¹ и Программы создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия (2016 г.)². У Монголии имеется возможность укрепить свои позиции в качестве страны-транзитера в рамках проекта поставки газа из России в Китай через Монголию, а также расширения российско-китайской торговли через Восточный железнодорожный коридор³. Реализация этих перспективных проектов может дать возможность Монголии не только воспользоваться выгодами своего географического положения между Россией и Китаем, но и создать предпосылки для диверсификации структуры национальной экономики и более глубокого участия в интеграционных процессах в СВА.

Несмотря на то, что Монголия декларирует политику поддержания баланса интересов иностранных партнеров при доминирующем торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, которое подкреплено торговым финансированием, и даже при наличии политической поддержки «третьей стороны», такие важные ресурсы, как природный газ, могут поступать в Монголию исключительно из России, а альтернативные китайским пути выхода монгольских товаров к морским портам возможны только через территорию России⁴.

Что касается стремления Монголии к диверсификации внешнеполитических взаимодействий и использованию выгод своего географического расположения, то оно хотя и укладывается в рамки проведения государством суверенной политики, но требует ответственного и взвешенного подхода, имея в виду те негативные последствия, которые могут в результате испытывать на себе ключевые экономические и политические партнеры Монголии. Многовекторность имеет смысл и может быть успешна тогда, когда она основана на согласованности экономической реальности и политических стремлений.

КНДР. Несмотря на свои скромные относительно других стран СВА экономические возможности, а также на обособленность в мировой экономике и информационную закрытость, на протяжении многих лет КНДР играет заметную роль в накале геополитической обстановки, связанной с реализацией ракетно-ядерной программы, которая в КНДР рассматривается как главный фактор, обеспечивающий ее национальный суверенитет, независимость и безопасность. В ис-

¹ Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией на среднесрочную перспективу / Администрация Президента России. 2015.

² Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия / Правительство России. 2024.

³ Макаров А.В., Макарова Е.В., Бешенцев А.Н. Монголия: внешняя торговля и развитие инфраструктуры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 9. С. 68–78.

⁴ Безруков Л.А., Фартышев А.Н. Особенности внешней торговли Монголии: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 3. С. 101–109.

следованиях, связанных с КНДР, отмечаются сложности, ассоциируемые с зачастую недостоверной и фрагментированной информацией об этой стране¹.

Внешнеполитический курс КНДР по своему основному содержанию остается неизменным по сегодняшний день, когда во главе государства стоит уже третье поколение лидеров. Однако, для последнего десятилетия характерен ряд серьезных внутривнутриполитических преобразований, связанный с приходом к власти в 2011 г. нового руководителя – Ким Чен Ына, внука основателя и первого руководителя КНДР Ким Ир Сена и сына продолжившего дело своего отца Ким Чен Ира, правившего страной в течение 17 лет.

После прихода к руководству страной Ким Чен Ына в КНДР происходит реформирование системы государственного управления под нового лидера аналогично тому, которое наблюдалось при становлении власти его отца. Вносятся ряд изменений и поправок в Конституцию страны: первые изменения 2012 г. не только увековечивали память Ким Чен Ира, но и закрепили статус КНДР как государства, обладающего ядерным оружием. Дальнейшие изменения 2013 г. не были значительными и касались признания Кымсусанского дворца Солнца памятником бессмертия Ким Ир Сена и Ким Чен Ира и национальным символом Кореи, а также увеличения срока получения обязательного образования с 10 до 12 лет. В соответствии с изменениями в основном законе страны 2016 г. вместо Государственного комитета по обороне был создан Государственный совет, председатель которого является высшим руководителем страны и имеет 5-летний срок полномочий с правом переизбрания.

Председателем нового высшего органа власти был избран Ким Чен Ын, который таким образом получил официальные полномочия главы государства, совместив три ключевых поста – председателя Трудовой Партии Кореи, Верховного главнокомандующего вооруженными силами КНДР и председателя Государственного совета КНДР. Произошло также переименование Верховного суда и Верховной прокуратуры – в Центральный суд и Центральную прокуратуру соответственно. Изменения, внесенные в Конституцию в 2019 г., закрепили, в том числе, повышение роли Кабинета министров в управлении экономикой и правильного использования в экономике таких экономических рычагов как себестоимость, цена и рентабельность; уточнили функции Корейской Народной Армии – защита Центрального комитета партии во главе с руководителем, охрана интересов трудового народа, отстаивание социалистического строя и завоеваний революции, защита свободы и независимости Родины и мира от чужеземной агрессии.

Преобразования охватили многие сферы, включая партийное и военное строительство, а также государственное управление экономикой. Следует отметить отход от политики «сонгун», которая сводилась к активному участию военных в управлении государством, и продолжавшей ее в новых условиях политики «пенчжин». В 2018 г. было объявлено, что курс на параллельное ведение эконо-

¹ Ланьков А., Асмолов К. Источники и проблемы изучения Северной Кореи / Корё Сарам – Записки о корейцах. 2022; Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. С. 14–26.

мического строительства и строительства ядерных вооруженных сил успешно претворен в жизнь, после чего партии и стране следует концентрировать усилия на строительстве социалистической экономики – это и является стратегическим курсом Трудовой Партии Кореи. И в перспективе необходимо на высоком уровне осуществить «чучхеизацию», модернизацию, информатизацию и наукоемкость экономики и обеспечить населению КНДР зажиточную и цивилизованную жизнь. Была поставлена новая цель – добиться роста экономики в период выполнения пятилетних планов экономического развития страны, а в дальнейшем построить самостоятельную и современную социалистическую экономику, «экономику знаний», где руководящая роль отводится Кабинету министров¹.

Среди изменений, которые происходят при новом лидере – расширение идеологической борьбы и пропаганды идеологии и культуры КНДР за счет использования интернета как площадки для осуществления этой деятельности; провозглашение жесткой борьбы с коррупцией, когда создание коррупционной группы стало приравняться к созданию антипартийной группировки².

После прихода к власти Ким Чен Ына, в частности, в период 2014–2015 гг., активизировались поездки делегаций северокорейских государственных чиновников высокого ранга в зарубежные страны, которые не ограничивались только дружественной Россией, предпринимались попытки расширить взаимодействие КНДР с мировой экономикой. Продолжила работу Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Россией и КНДР, которую от российской стороны возглавило и координировало Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Министерство сельского хозяйства КНДР изучало возможности по организации совместных проектов в сфере животноводства и растениеводства на территории российского Дальнего Востока. В рамках активизировавшегося двустороннего взаимодействия Министерство внешней торговли КНДР заключило соглашения о торгово-экономическом и культурно-гуманитарном сотрудничестве с органами исполнительной власти ряда дальневосточных субъектов Российской Федерации, которые воплотились в жизнь в виде последующей реализации программ культурных, образовательных, спортивных и молодежных обменов, продолжающихся по сегодняшний день и расширяющих сферу своего охвата, давая импульс развитию, в том числе, въездного туризма на основе строящейся в КНДР инфраструктуры. Все эти свежие веяния, безусловно, внесли позитив в общественную жизнь КНДР.

Серьезной поддержкой всем происходящим в стране переменам при существующем в целом неблагоприятном внешнеполитическом и внешнеэкономическом фоне послужила ракетно-ядерная программа КНДР, которая стала фактором политической мобилизации общества, символом потенциала экономики страны и подтверждением внутренней легитимности пришедшего к власти нового молодого

¹ *Асмолов К.В., Захарова Л.В.* Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. С. 53–56; 68–71.

² *Асмолов К.В., Захарова Л.В.* Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. С. 81, 92.

го лидера¹. Во внешней политике демонстрация возможностей ядерного оружия рассматривается КНДР как веский аргумент в отношениях с региональными державами, прежде всего с Республикой Корея.

Эскалация военно-политической напряженности вокруг Корейского полуострова является одной из главных угроз миру и безопасности в СВА. Усилия по мирному урегулированию на Корейском полуострове имеют длительную историю, но шансы на достижение успеха в сложившейся ситуации выглядят минимальными в силу следующих основополагающих обстоятельств.

С одной стороны, решение ключевых проблем Корейского полуострова упирается в неурегулированность ядерного кризиса и ядерного статуса КНДР². Одновременно с этим, с другой стороны, главной причиной отсутствия прогресса в нормализации обстановки на Корейском полуострове остаются геополитические амбиции США использовать полуостров в качестве своего плацдарма у границ России и Китая. По этой же причине США прилагают всяческие усилия, чтобы не допустить установление стабильного сотрудничества между двумя корейскими государствами, так как с переходом межкорейских отношений в режим мирного сосуществования неизбежно возник бы вопрос об обоснованности дальнейшего присутствия вооруженных сил США на территории Республики Корея³.

В 2018–2019 гг. политическая напряженность на Корейском полуострове несколько уменьшилась, чему способствовали события, связанные с внешнеполитическими действиями КНДР. Встречи на высшем уровне, состоявшиеся в этот период времени с участием КНДР – встречи президента Республики Корея Мун Чжэ Ина с руководителем КНДР Ким Чен Ыном (27 апреля и 26 мая 2018 г. на 38-й параллели после 11-летнего перерыва); первый в истории саммит Президента США Д. Трампа и Ким Чен Ына в Сингапуре (12 июня 2018 г.), попытка установления американо-северокорейского диалога по ракетно-ядерной программе КНДР и подписание Сингапурской декларации; первый зарубежный визит Ким Чен Ына в Пекин (25–28 марта 2018 г.) и три встречи с Председателем КНР Си Цзиньпином (апрель – июнь 2018 г.), которые положили конец 5-летнему охлаждению китайско-северокорейских отношений – давали надежду на разрешение сложившейся конфликтной ситуации в СВА. Этот «план мирного наступления Пхеньяна» и особенно неожиданно начавшийся прогресс в межкорейских отношениях представляли КНДР дополнительный рычаг воздействия на США и укрепляли переговорные позиции КНДР. Была даже приостановлена реализация ракетно-ядерной программы КНДР. Но в итоге американо-северокорейское сближение и денуклеаризация Корейского полуострова оказалось под угрозой из-за взаимных обвинений о невыполнении своих обязательств каждой из сторон⁴.

¹ Федоровский А.М. Корейский кризис и региональные процессы в Северо-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 1. С. 46–55.

² Давыдов О., Новичкова М. Мирный процесс на Корейском полуострове: проблемы и пути развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 1. С. 56–63.

³ Жебин А.З. Юбилей незаконченной трагедии // *Корееведение*. 2023. № 3 (4). С. 27–40.

⁴ Воронцов А. Метаморфозы на Корейском полуострове в 2018 г. // *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 11. С. 10–17.

Ни американо-северокорейский, ни китайско-северокорейский саммиты по факту не способствовали процессу ядерного разоружения КНДР¹. Однако они позволили сделать некоторые важные выводы, главный из которых состоял в том, что КНДР, опасаясь военной акции со стороны США, решила продемонстрировать готовность идти на диалог в качестве фактора обеспечения своей собственной безопасности. В результате состоявшегося в марте 2018 г. визита Ким Чен Ына в КНР, Китай продемонстрировал, что обладает определенным влиянием на ситуацию, но самостоятельно решить эту проблему не может. Что касается КНДР, то она добивается признания своего ядерного статуса де-факто, после чего готова идти на переговоры с внешним миром как равный с равными. В планах КНДР нет отказа от ядерного оружия.

Попытка решить ядерный вопрос КНДР предпринималась и в рамках так называемых шестисторонних переговоров, которые начались в 2003 г. с участием России, США, Китая, Республики Корея и Японии. Россия предлагала КНДР отказаться от ядерной программы в обмен на свои гарантии безопасности и экономическую помощь. Но КНДР вышла из переговоров в 2009 г. из-за взаимных обвинений с США о невыполнении плана о демонтаже ядерной инфраструктуры и переговоры остановились.

КНДР после прихода к руководству страной Ким Чен Ыном смогла достичь прогресса в создании ядерного оружия и средств его доставки, несмотря на жесткий санкционный режим, в котором она находится по сей день. По заявлению Ким Чен Ына, в случае продолжения Вашингтоном враждебной политики, денуклеаризация Корейского полуострова «никогда не будет достигнута»². Основное отличие ядерной программы КНДР при Ким Чен Ыне состоит в том, что осуществляется переход от политики выживания, когда ракетно-ядерная программа была предметом экономического торга, к наступательной политике³.

Позиция России по ядерному вопросу КНДР достаточно жесткая и четкая – Россия не признает ядерный статус КНДР и выступает за мирное урегулирование ядерного кризиса на Корейском полуострове. Российская сторона призывала к возобновлению шестисторонних переговоров, продолжает выражать озабоченность в связи с неопределенностью в разрешении ситуации.

Ракетно-ядерная программа КНДР представляет собой один из главных источников геополитической напряженности в СВА. Вопросы корейского урегулирования, контроля над вооружениями и ядерного нераспространения рассматриваются как часть накопленного в СВА конфликтного потенциала и продолжают оставаться актуальными не только в кратко- и среднесрочной перспективах.

¹ Михеев В., Игнатъев С. Российско-китайское стратегическое партнерство и ракетно-ядерная проблема КНДР // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 18–24.

² Жебин А.З. Корейский полуостров: от денуклеаризации к контролю над вооружениями // Современные проблемы Корейского полуострова. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 14–23.

³ Михеев В., Игнатъев С. Российско-китайское стратегическое партнерство и ракетно-ядерная проблема КНДР // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 18–24.

Таким образом, несмотря на относительно ограниченный экономический потенциал Монголии и КНДР, фактор объективно сложившегося приоритетного экономического и внешнеполитического взаимодействия этих стран с Россией и Китаем будет продолжать оказывать долгосрочное влияние на развитие геополитической ситуации в СВА, для которой, особенно в последнее время, характерно растущее противостояние с другой группой стран СВА, находящейся под политическим протекторатом США – Японией и Республикой Корея.

В случае реализации крупных инфраструктурных проектов в рамках трехстороннего формата Китай – Монголия – Россия, а также через расширение и углубление интеграционного взаимодействия со странами ЕАЭС, Монголия имеет шансы получить дополнительные возможности для достижения целей своей внешнеэкономической политики и диверсификации экономики. Что касается КНДР, то ядерный вопрос, который руководство страны ставит во главу угла в своей внутренней и внешней политике, является определяющим обстоятельством, которое будет способствовать сохранению экономической изоляции страны. Дальнейшее развитие КНДР будет находиться в зависимости от того, как будет выстраиваться ее двустороннее взаимодействие с Китаем и Россией, а также от позиции США в отношении КНДР, опирающейся на действия и поддержку своих геополитических союзников в СВА – Республики Корея и Японии, в сотрудничестве с которыми США переходят на создание субглобальных военно-политических блоков и структур.

Отдельно следует отметить тот факт, что все экономики СВА испытывают на себе жесткое давление введенных внешних (со стороны, США, ЕС, Соединенного королевства, Канады, ООН и др.) и взаимных экономических санкций, включая блокирующие, а также от вторичных санкций и ограничений прочего характера, перспективы снятия которых в краткосрочной перспективе выглядят малореалистичными. Все это свидетельствует о формировании и углублении в дальнейшем тенденции к осложнению многосторонних взаимодействий в СВА, означая переход к «фрагментации» внешнеполитических взаимодействий в субглобальном регионе.

ГЛАВА 4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН СВА: СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

4.1. Особенности экономической интеграции и кооперации стран СВА

Торговля товарами и услугами стран СВА: анализ механизмов интеграции.
С точки зрения тарифных барьеров, в рамках долгосрочного периода страны СВА значительно сократили импортные пошлины на товары (рис. 4.1.1).

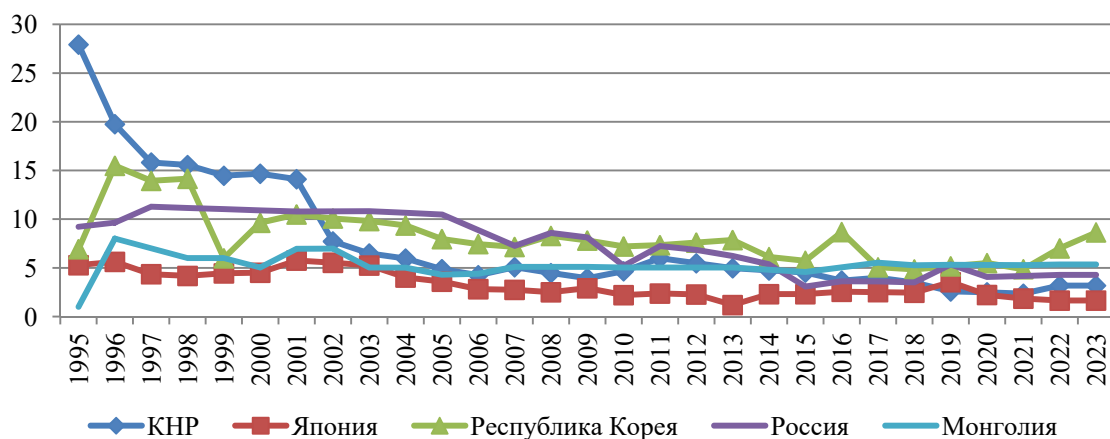

Рис. 4.1. Средневзвешенная импортная пошлина ряда стран СВА, %

Примечания. На рисунке отражены значения средневзвешенной эффективной применяемой импортной пошлины, которые по умолчанию соответствуют преференциальной ставке пошлины (подробно: Types of Types of Tariffs / World Bank. 2023). Значения средневзвешенной импортной пошлины для 1995 г. и 2023 г. являются оценочными.

Источник: Tariff Data by Country / World Bank. 2024.

Снижение импортных пошлин во внешней торговле СВА определялось, в том числе, вхождением всех стран данного субглобального региона, за исключением КНДР¹, в ВТО: Япония и Республика Корея, как участницы Генерального соглашения по тарифам и торговле – в 1955 г. и 1967 г. соответственно; Монго-

¹ Средневзвешенная импортная пошлина КНДР в 2005 г. составляла 5,5%. Подробно: Choi J. North Korea's Tariff and Non-Tariff System: Implications for Integration into the International Economy // World Economy Brief. 2024. Vol. 14. Issue 29.

лия – в 1997 г.; КНР – 2001 г.; Россия – в 2012 г. Помимо участия в ВТО, страны СВА входили в следующие интеграционные форматы: ЧТС; ЗСТ; ЗСТ+ и ТС (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Участие стран СВА в интеграционных форматах

Страна СВА	Страны и группы стран, с которыми созданы ЗСТ, ЗСТ+ и ТС	Группы стран, с которыми созданы ЧТС
Китай*	ЗСТ+: Гонконг (2003 г.); Макао (2003 г.); АСЕАН (2005 г.); Новая Зеландия (2008 г.); Сингапур (2009 г.); Пакистан (2009 г.); Перу (2010 г.); Чили (2010 г.); Коста-Рика (2011 г.); Исландия (2014 г.); Швейцария (2014 г.); Республика Корея (2015 г.); Австралия (2015 г.); Грузия (2018 г.); Маврикий (2021 г.); Камбоджа (2022 г.); ВРЭП (2022 г.); Никарагуа (2024 г.) ЗСТ: Эквадор (2024 г.); Сербия (2024 г.)	Азиатско-тихоокеанское торговое соглашение (АПТА) (2013 г.)
Япония*	ЗСТ+: Сингапур (2002 г.); Мексика (2005 г.); Малайзия (2006 г.); Таиланд (2007 г.); Чили (2007 г.); АСЕАН (2008 г.); Бруней (2008 г.); Индонезия (2008 г.); Филиппины (2008 г.); Швейцария (2009 г.); Вьетнам (2009 г.); Индия (2011 г.); Перу (2012 г.); Австралия (2015 г.); Монголия (2016 г.); ВПТП (2018 г.); ЕС ¹ (2019 г.); Соединенное Королевство (2021 г.); ВРЭП (2022 г.)	–
Республика Корея*	ЗСТ+: Чили (2004 г.); Сингапур (2006 г.); Европейская ассоциация свободной торговли (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария) (2006 г.); АСЕАН (2009 г.); Индия (2010 г.); ЕС (2011 г.); Перу (2011 г.); США (2012 г.); Австралия (2014 г.); Китай (2015 г.); Канада (2015 г.); Новая Зеландия (2015 г.); Вьетнам (2015 г.); Колумбия (2016 г.); Турция (2018 г.); страны Центральной Америки (Коста-Рика, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Панама) ¹ (2019 г.); Соединенное Королевство (2021 г.); ВРЭП (2022 г.); Израиль (2022 г.); Индонезия (2023 г.) ЗСТ: Камбоджа (2022 г.)	АПТА (2013 г.); Глобальная система торговых преференций (ГСТП) (1989 г.); Соглашение о торговых переговорах между развивающимися странами (1973 г.)
Россия*	ТС: ЕАЭС (2015 г.) ЗСТ+: ЕАЭС – Вьетнам (2016 г.) ЗСТ: ЕАЭС – Иран (2019 г.); ЕАЭС – Сербия (2021 г.); Азербайджан (1993 г.); Туркменистан (1993 г.); Узбекистан (1993 г.); Грузия (1994 г.); Сербия (2006 г.); СНГ ² (2012 г.)	–
Монголия*	ЗСТ+: Япония (2016 г.)	–
КНДР	–	ГСТП (1989 г.)

Примечания. * – страны-члены ВТО. В скобках указан год вступления в силу интеграционного соглашения.

Источник: Regional Trade Agreements Database / WTO. 2024.

¹ После выхода в 2020 г. из ЕС Соединенного Королевства, ЕС рассматривается в составе 27 стран.

² Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина. После 2015 г. функционирование ЗСТ между Россией и Украиной было приостановлено.

Ряд стран СВА присоединились к многосторонним интеграционным форматам в рамках ЧТС, подразумевающих сокращение различного рода барьеров на определенные товарные группы. Созданные ЧТС были направлены на стимулирование торговли между развивающимися странами на основе преференциальных ставок импортных пошлин. Так, Республика Корея и КНДР присоединились к Глобальной системе торговых преференций (ГСТП)¹ (1989 г.); Республика Корея – к Соглашению о торговых переговорах между развивающимися странами² (1973 г.); Республика Корея и КНР – к Азиатско-тихоокеанскому торговому соглашению (АПТА)³, которое распространяется также на торговлю услугами.

При этом для большинства стран СВА более распространенным форматом интеграции являлась ЗСТ, предполагающая значительную либерализацию торговли между странами-участницами с точки зрения сокращения тарифных и нетарифных барьеров, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам. Поскольку страны мира, за исключением ЕС, не смогли добиться существенного прогресса в продвижении к более зрелым интеграционным формам, функциональная составляющая заключаемых ЗСТ стала расширяться за счет охвата других сфер экономических взаимодействий, предполагающих, в частности, либерализацию торговли услугами, которые являются важным компонентом экономического сотрудничества. Данное обстоятельство способствовало массовому появлению ЗСТ+, которые, при прочих равных условиях, характеризовались следующими «эталонными» критериями⁴: широкий охват групп торгуемых товаров и услуг; гармоничные и симметричные правила происхождения товаров; передовая практика прохождения таможенных процедур; защита прав интеллектуальной собственности, связанных с торговлей товарами и услугами; применение национального режима для ПИИ; прозрачное и справедливое разбирательство споров и антидемпинговых процедур; реализация политики государственных закупок на принципах прозрачности и отсутствия дискриминации; политика поддержания конкуренции; не-дискриминационные и прозрачные технические барьеры.

Следует заметить, что заключенные в мире ЗСТ+ различаются степенью торгово-экономической либерализации, поскольку могут либо частично удовлетворять указанным «эталонным» критериям, либо напротив, превышать их. Например, как показал анализ заключенных ЗСТ+⁵, наряду с вопросами, связанными со снижением тарифных и нетарифных барьеров для рынков товаров и услуг,

¹ Алжир, Аргентина, Бангладеш, Бенин, Боливия, Бразилия, Камерун, Чили, Колумбия, Куба, Эквадор, Египет, Гана, Гвинея, Гайана, Индия, Индонезия, Иран, Ирак, КНДР, Республика Корея, Ливия, Малайзия, Мексика, Марокко, Мозамбик, Никарагуа, Нигерия, Пакистан, Перу, Филиппины, Сингапур, Шри-Ланка, Судан, Танзания, Таиланд, Тринидад и Тобаго, Тунис, Венесуэла, Вьетнам, Зимбабве.

² Бангладеш, Бразилия, Чили, Египет, Израиль, Республика Корея, Мексика, Пакистан, Парагвай, Перу, Филиппины, Сербия, Тунис, Турция, Уругвай.

³ Бангладеш, Китай, Индия, Республика Корея, Лаос, Шри-Ланка.

⁴ *Plummer M.G. Best Practices In Regional Trading Arrangements: An Application to Asia // The World Economy. 2007. Vol. 30. Issue 12. Pp. 1771–1796.*

⁵ *Ederington J., Ruta M. Nontariff Measures and the World Trading System // Handbook of Commercial Policy. Volume 1B / Edited by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 211–277.*

данный интеграционный формат также может охватывать вопросы функционирования национальных экономик, связанные с рынками факторов производства и институтами.

Среди стран СВА в создании ЗСТ+ особенно были активными страны Большой тройки, которые торговали промышленными товарами и были прямыми участниками цепочек добавленной стоимости. Республика Корея была участницей 20 двух- и многосторонних ЗСТ+ и одной ЗСТ, Китай – 18 ЗСТ+ и двух ЗСТ, Япония – 19 ЗСТ+. Остальные страны СВА характеризовались меньшей включенностью в интеграционные процессы на субглобальном уровне: Россия создала один ТС¹, одну ЗСТ+ и 8 ЗСТ; Монголия – одну ЗСТ+. При этом страны СВА эпизодично реализовывали подобного уровня интеграционные соглашения между собой: в 2015 г. была создана ЗСТ+ между Китаем и Республикой Корея; в 2016 г. – ЗСТ+ между Японией и Монголией. Скрамное число заключенных интеграционных соглашений в СВА объясняется различной мотивацией к сближению у стран субглобального региона².

Как ранее упоминалось, в начале 2000-х гг. ожидалось, что будет заключена ЗСТ+ между странами Большой тройки, которая, при прочих равных условиях, могла стать интеграционной основой³ и генератором основных положительных торгово-экономических эффектов для всех государств данного субглобального региона⁴. Однако, Республика Корея и Китай не добились большого прогресса в переговорах с японской стороной, которая требовала от КНР значительной либерализации торговли, близкой «эталонным» критериям ЗСТ+, а также отказывалась от открытия внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции. Поскольку в первой половине 2010-х гг. наблюдалось сближение КНР с Тайванем – основным конкурентом Республики Корея на китайском и глобальном рынках электроники, южнокорейская сторона, опасаясь потери рыночных позиций, заключила ЗСТ+ с Китаем. Данное обстоятельство, наряду с заключением южнокорейской стороной ЗСТ+ с крупнейшими экономиками мира – США и странами ЕС – способствовало тому, что Республика Корея стала позиционироваться как глобальный центр свободной торговли, получая выгоду до того, как будет заключена ЗСТ+ между странами Большой тройки СВА. Поскольку японская продукция оказалась в сравнительно невыгодном положении на китайском рынке, Китай стал рассматривать ЗСТ+ с Республикой Корея как инструмент давления на Японию⁵.

¹ В случае создания ТС страны вводят единый таможенный тариф и единую систему регулирования нетарифных мер в отношении третьих стран.

² *Изотов Д.А.* Механизмы экономического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2024. № 4.

³ *Choi Y.* Political Economy of Free Trade Agreements in China, Japan, and South Korea: Sectoral Politics of the FTA Wave, 1998–2016 // Japanese Journal of Political Science. 2020. Vol. 21. Pp. 145–157; *Choi Y.* The Optimal Path of a China-Japan-Korea FTA: Multilateral Path or Sequential Path? // Pacific Focus. 2013. Vol. 28. Issue. 3. Pp. 435–458.

⁴ *Jackson K., Shepotylo O.* Transforming East Asia: Regional Integration in a Trade War Era // Open Economies Review. 2023. Vol. 34. Pp. 657–672.

⁵ *Terada T.* Northeast Asia's Realism: Fated External Influences on Trilateral Economic Integration // East Asian Community Review. 2018. Vol. 1. Pp. 49–59.

При этом особый интерес Китая к ЗСТ+ между странами Большой тройки возник в условиях присоединения японской стороны к ТТП¹ – «глубокому» интеграционному формату, в котором лидировали США, что создавало риски частичной изоляции китайской экономики в АТР, поскольку к участию в подобных форматах руководство КНР не готово², т. к. это требует проведения реформ в национальной экономике для соблюдения прав интеллектуальной собственности и наемных работников, экологических норм, РНБ, правил определения происхождения товаров, а также ограничений субсидирования экспорта государственных предприятий. В последующем США приостанавливают свое участие в ТТП, а остальные страны данного формата в 2018 г. принимают решение продолжать интегрироваться на тех же принципах, но в рамках нового формата – ВПТТП³.

В результате Китай, а также Республика Корея не были заинтересованы в присоединении к ВПТТП. В таких условиях страны Большой тройки выработали более «мягкий» вариант интеграции в рамках ВРЭП⁴, которое является менее требовательным к либерализации торговли и услуг по сравнению с ВПТТП. При этом японская сторона не шла на компромисс в создании как трехсторонней, так и двусторонней ЗСТ+ с Китаем и Республикой Корея⁵.

В отличие от стран Большой тройки, остальные экономики СВА не были замечены в стремлении участия в интеграционных процессах с широким числом стран, а КНДР не создала ЗСТ ни с одной из стран мира. Особенностью России и Монголии была большая доля природной ренты в экономике, поддерживаемая относительно большими объемами экспорта сырьевых товаров, которые практически не облагались импортными пошлинами со стороны стран-покупателей данной продукции. В таких условиях, развитие и углубление интеграции с зарубежными странами для данных стран было вторичным в их внешнеэкономической стратегии и в целом имело скорее политическую мотивацию⁶. Так, основной интеграционный вектор России был направлен на создание интеграционного формата с рядом стран постсоветского пространства. В этом направлении Россия осуществляла активные шаги по расширению и углублению интеграции со странами, входящими в ЕАЭС⁷, с которыми был создан ТС, при отсутствии активной позиции в

¹ В ТТП входили следующие страны: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония и США.

² Jiang H., Yu M. Understanding RCEP and CPTPP: from the Perspective China's Dual Circulation Economic Strategy // China Economic Journal. 2021. Vol. 14. Issue. 2. Pp. 144–161.

³ В 2018 г. ВПТТП вступило в силу для Австралии, Канады, Японии, Мексики, Новой Зеландии, Сингапура; в 2019 г. – для Вьетнама; в 2021 г. – для Перу; в 2022 г. – для Малайзии; в 2023 г. – для Чили и Брунея.

⁴ Китай, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия и страны АСЕАН.

⁵ Zhang M. The China-Japan-Korea Trilateral Free Trade Agreement: Why Did Trade Negotiations Stall? // Pacific Focus. 2019. Vol. 34. Issue. 2. Pp. 204–229.

⁶ Изотов Д.А. Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2022. № 2. С. 28–47; Naranbold B., Kim E.-M. A Study on FTA Partner Selection: A Focus on a Land Locked Developing Country, Mongolia // Journal of International Trade & Commerce. 2019. Vol. 15. Issue. 2. Pp. 95–116.

⁷ Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия.

создании ЗСТ со странами СВА. Для Монголии ЗСТ+ с Японией является единственным интеграционным соглашением, в то время как основную долю в ее внешней торговле занимал Китай.

КНДР, ввиду особенностей функционирования экономики, а также наложенных на данную страну санкций со второй половины 2000-х гг.¹, в явном виде не встречала взаимного интереса со стороны стран СВА в создании интеграционного формата и, вплоть до введения широкомасштабных ограничений, опиралась на механизмы кооперационного сотрудничества и на эпизодичные торгово-экономические взаимодействия со странами субглобального региона.

Механизмы инвестиционного сотрудничества стран СВА. Как было ранее указано, все страны СВА, за исключением КНДР, являются членами ВТО и по этой причине в области регулирования зарубежного капитала руководствуются «эталонными» нормами Соглашения по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС), согласно которым запрещается²: требование использования местного компонента в товарах предприятий с ПИИ; требование сбалансированной торговли и баланса иностранной валюты, с точки зрения согласования объемов импорта и экспорта и ограничения доступа к иностранной валюте соответственно; требование об экспортной квоте в производимой предприятием продукции. Однако такие запреты осуществляются, как правило, в рамках инвестиционного сотрудничества между развитыми странами. В других случаях механизмы международного инвестиционного сотрудничества реализуются на основе соответствующих договоров и отдельных соглашений в рамках интеграционных форматов, как правило, ЗСТ+.

Инвестиционные договоры обычно охватывают большинство следующих аспектов: справедливый и равноправный режим для зарубежного капитала на национальном рынке; РНБ; предоставление для иностранных инвесторов национального режима; выплата компенсаций в случае экспроприации или ущерба имущества; свободный перевод средств, связанных с инвестициями; обязательные механизмы урегулирования споров через Международную конвенцию Всемирного банка об урегулировании инвестиционных споров, Комиссию ООН по праву международной торговли. При этом более продвинутые соглашения ЗСТ+ ограничивают суверенитет страны, в которую поступает иностранный капитал, налагая более высокую степень дисциплины на стороны, значительно снижая барьеры для притока инвестиций, повышая прозрачность законов и запрещая требования о доле отечественных компонентов, экспортной квоте и передаче технологий³.

Следует заметить, что на первом этапе (конец 1980-х гг. – 2000-е гг.) между странами СВА заключались исключительно двусторонние договоры об обмене капиталом. На втором этапе (2010-х гг. – текущее время) наблюдалось формиро-

¹ Kim J., Kim K., Park S., Sun C. The Economic Costs of Trade Sanctions: Evidence from North Korea // Journal of International Economics. 2023. Vol. 145. 103813.

² Brooks D.H., Fan E.X., Sumulong L.R. Foreign Direct Investment: Trends, TRIMs, and WTO Negotiations // Asian Development Review. 2003. Vol. 20. Issue. 1. Pp. 1–33.

³ Jiang H., Yu M. Understanding RCEP and CPTPP: from the Perspective China's Dual Circulation Economic Strategy // China Economic Journal. 2021. Vol. 14. Issue. 2. Pp. 144–161.

вание комплексных интеграционных форматов (ЗСТ+) между некоторыми странами СВА, в том числе направленных на углубление инвестиционного сотрудничества (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Механизмы инвестиционного сотрудничества между странами СВА

Страна СВА	Договоры об инвестиционном сотрудничестве	Инвестиционное сотрудничество в рамках интеграционных форматов
Китай	Двусторонние договоры: Япония (1989 г.); Монголия (1993 г.); КНДР (2005 г.); Республика Корея (2007 г.); Россия (2009 г.) Трехсторонний договор: Китай, Япония и Республика Корея (2014 г.)	ЗСТ+ с Республикой Корея (2015 г.); ВРЭП (2022 г.)
Япония	Двусторонние договоры: Китай (1989 г.); Россия (2000 г.); Республика Корея (2003 г.) Трехсторонний договор: Китай, Япония и Республика Корея (2014 г.)	Соглашение об экономическом партнерстве Японии и Монголии в рамках ЗСТ+ (2016 г.); ВРЭП (2022 г.); Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС) ¹ (2024 г.) ²
Республика Корея	Двусторонние договоры: Россия (1991 г.); Монголия (1991 г.); Япония (2003 г.); Китай (2007 г.) Трехсторонний договор: Китай, Япония и Республика Корея (2014 г.)	ЗСТ+ с Китаем (2015 г.); ВРЭП (2022 г.); ИТЭРС (2024 г.)
Россия	Двусторонние договоры: Монголия (1991 г.); Япония (2000 г.); Монголия (2006 г.); КНДР (2006 г.); Китай (2009 г.)	—
Монголия	Двусторонние договоры: Россия (1991 г.); Китай (1993 г.); Россия (2006 г.)	Соглашение об экономическом партнерстве Японии и Монголии в рамках ЗСТ+ (2016 г.)
КНДР	Двусторонние договоры: Китай (2005 г.); Россия (2006 г.)	—

Примечания. В скобках указан год вступления в силу договора / интеграционного соглашения. ¹ – Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity Supply Chain Agreement.

² – Австралия, Бруней, Фиджи, Индия, Индонезия, Республика Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, США, Вьетнам.

Источник: International Investment Agreements Navigator / UNCTAD. 2024; Изотов Д.А. Механизмы экономического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2024. № 4. С. 112–127.

В целом страны Большой тройки были более активны в применении механизмов международного инвестиционного сотрудничества. На начало 2024 г. Китай заключил суммарно 109 договоров, а также создал 27 ЗСТ+ с положениями об инвестициях с различными странами мира и был лидером по реализации такого рода механизма сотрудничества в СВА. В свою очередь, Республика Корея заключила 82 договора и 24 ЗСТ+ с положениями об инвестиционном сотрудничестве, а Япония – 37 договоров и 21 ЗСТ+ соответственно.

Китай являлся «реципиентом» ПИИ из Японии и Республики Корея и по этой причине японский и южнокорейский бизнес нуждался в снижении ограничений в инвестиционном сотрудничестве с КНР. Несмотря на то, что Япония и Республика Корея заключили в 2003 г. двусторонний договор об инвестиционном сотрудничестве, на данный шаг китайская сторона не соглашалась¹ по причине необходимости защиты прав интеллектуальной собственности и распространения «национального режима» на деятельность иностранных компаний на территории Китая. Несмотря на сравнительно небольшое число заключенных договоров о международном сотрудничестве, Япония, долгое время являющаяся «донором» прямых инвестиций для зарубежных стран² и ориентируясь на практику взаимодействия с американским и европейским рынками, уделяла большое внимание снижению ограничений и установлению общих гарантий для поддержки своих инвестиций в зарубежных странах. Республика Корея занимала скорее промежуточную позицию между Китаем и Японией, выступая за установление гарантий для своих инвестиций в зарубежных странах, при этом осуществляя защиту собственного корпоративного сектора на отечественном рынке.

В условиях отсутствия прогресса в заключении ЗСТ+ между странами Большой тройки СВА³, вопросы, связанные с инвестиционным сотрудничеством были выведены за рамки данного соглашения. В результате, в 2012 г. было подписано, а в 2014 г. вступило в силу Трехстороннее инвестиционное соглашение между странами Большой тройки СВА, которое, в дополнении к имеющимся двусторонним договорам: предусматривает защиту прав интеллектуальной собственности; запрещает требования к локализации продукции, передачи технологий и ограничения экспорта; требует публиковать все законы, правила и процедуры, касающиеся инвестиций и своевременно отвечать на запросы других сторон. При этом имеющиеся противоречия между странами все же оказали влияние на некоторые аспекты Трехстороннего инвестиционного соглашения, поскольку китайская сторона настояла на сдержанной либерализации потоков капитала между странами, сохранив контроль над притоком ПИИ, самостоятельно принимая решение по доступу зарубежных фирм на внутренний рынок, а также ограничивая долю участия иностранных собственников в капитале предприятий⁴.

Как было ранее обозначено, отсутствие ЗСТ+ между странами Большой тройки привело к переключению стран СВА к созданию интеграционных форма-

¹ *Terada T.* Northeast Asia's Realism: Fated External Influences on Trilateral Economic Integration // *East Asian Community Review*. 2018. Vol. 1. Pp. 49–59.

² *Tabata S.* Economic Integration in Northeast Asia from the 1990s // *Geo-Politics in Northeast Asia* / Edited by A. Iwashita, Y.-C. Ha, E. Boyle. London: Routledge, 2022. Pp.171–183; *Unlocking the Potential for East and North-East Asian Regional Economic Cooperation and Integration* / ESCAR. 2017.

³ *Zhang M.* The China-Japan-Korea Trilateral Free Trade Agreement: Why Did Trade Negotiations Stall? // *Pacific Focus*. 2019. Vol. 34. Issue. 2. Pp. 204–229.

⁴ *Pekkanen S.* Investment Regionalism in Asia: New Directions in Law and Policy? // *World Trade Review*. 2012. Vol. 11. Pp. 119–154; *Corning G.P.* CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime // *Asian Politics & Policy*. 2014. Vol. 6. Issue 2. Pp. 285–306.

тов с другими странами мира. С одной стороны, наблюдалось совместное участие КНР, Японии и Республики Корея в рамках ВРЭП в формате ЗСТ+. С другой стороны, было заключено ИТЭРС, предусматривающее стимулирование притока ПИИ из развитых стран АТР, к числу которых относятся Япония и Республика Корея, для развития цепочек поставок продукции в развивающихся странах, включая Китай.

Остальные страны СВА – Россия, Монголия и КНДР по причине специфики структуры экономики и внешнеэкономической политики, в целом не предпринимали активных действий в расширении инвестиционного сотрудничества, как со странами Большой тройки, так и между собой. При этом основополагающим фактором для привлечения ПИИ, помимо снятия санкций, являлось снижение рисков в странах СВА, не относящихся к развитым, что, безусловно, накладывало ограничения на поступательное развитие инвестиционного сотрудничества¹.

Россия, заключившая 64 двусторонних договоров инвестиционного сотрудничества, наравне с КНР имела соответствующие договоры со всеми государствами СВА. Однако специфика экономики России заключалась в ее долгой привязке к рынку ЕС², в стремлении создания единого экономического пространства с рядом постсоветских стран, а также в высокой доле в экспорте сырьевых товаров, расширение поставок которых на внешние рынки вплоть до 2022 г. не сталкивалось с какими-либо заметными барьерами со стороны стран-импортеров. В отличие от трудоизбыточных стран Восточной Азии Россия не принимала заметного участия в производственных цепочках глобального корпоративного сектора, осуществляя защиту рынка ЕАЭС относительно высокими барьерами, что способствовало притоку ПИИ в производственные мощности по выпуску потребительских товаров на российской территории на основе норм ВТО и двусторонних договоров. При этом введенные в 2014–2022 гг. санкции стали сдерживать приток ПИИ в новые сырьевые проекты, связанные с добычей углеводородов в России, однако, большой масштаб экспорта сырьевых товаров нивелировал негативные эффекты такого рода ограничений. В условиях новых санкций к российской экономике с 2022 г., имеющиеся риски распространения вторичных санкций, а также отсутствие возможностей для вывоза капитала из России, существенно сузили возможности для ее международного инвестиционного сотрудничества, ограничивая его «дружественными» странами, к которым в СВА относятся КНР, Монголия и КНДР. Если КНР для российской экономики в перспективе может рассматриваться как «донор» ПИИ, то Монголия и КНДР становятся для России странами-«реципиентами» прямых капиталовложений.

В свою очередь, Монголия заключила 36 двусторонних договоров инвестиционного сотрудничества с зарубежными странами, в том числе со странами

¹ Unlocking the Potential for East and North-East Asian Regional Economic Cooperation and Integration / ESCAR. 2017.

² Между Россией и ЕС имеется двусторонний договор об инвестиционном сотрудничестве, который вступил в силу в 1997 г. С 2022 г. действие данного договора ограничено по причине введенных санкций со стороны ЕС.

СВА¹, за исключением КНДР. Монголия, как и Россия, являлась экспортером сырьевых товаров, а привлечение массовых ПИИ в монгольский ресурсный сектор сталкивается с политическим сопротивлением внутри страны. Заключение Монголией ЗСТ+ с Японией, при прочих равных условиях, может предоставить возможности в получении новых технологий для монгольской экономики², при этом, однако, не стимулировала рост японских инвестиций в монгольский сырьевой сектор³. В целом, рентный характер экономики Монголии при малой численности населения и специфике внутренней политики сформировали барьеры для притока ПИИ и, соответственно, не способствовали снижению ограничений для капитала на основе заключения соответствующего соглашения.

Наконец, КНДР заключила двусторонние договоры об инвестиционном сотрудничестве с 15 странами мира, в том числе с Россией и Китаем, но при этом характеризовалась наличием политического конфликта с Республикой Корея и Японией, особенно по вопросу нераспространения ядерного оружия. Закрытость экономики КНДР и значительные санкционные ограничения существенно сузили возможности для ее международного инвестиционного сотрудничества, которые могут быть реализованы, при прочих равных условиях, только на основе двусторонних договоров со странами, не опасющимися вторичных санкций и высоких рисков взаимодействия с данной экономикой.

Проблемы экономической кооперации в СВА. Следует заметить, что еще в начале 1990-х гг. в рамках проекта экономической кооперации стран СВА были выдвинуты концепции создания экономической зоны «Япономорское кольцо» или «Союз стран Японского моря»⁴, территориально охватывающие значительную часть востока России. Реализация данных концепций основывалась на создании совместной трансграничной транспортно-энергетической инфраструктуры в СВА (при ключевой роли российской стороны), но которая не могла быть возведена по политическим и экономическим причинам⁵. Также, за рамками данных концепций остались вопросы, связанные со снижением барьеров двух- и многосторонних взаимодействий. Фактически, уже в начале 1990-х гг. стало понятно, что торгово-экономические взаимодействия в рамках Япономорского кольца бу-

¹ Договор об инвестиционном сотрудничестве между Монголией и Японией, вступивший в силу в 2002 г., в 2016 г. утратил силу, поскольку его положения были включены в главу двусторонней ЗСТ+.

² Unlocking the Potential for East and North-East Asian Regional Economic Cooperation and Integration / ESCAR. 2017.

³ Jargalsaikhan T., Tuvshintugs M.-E., Park E.B. An Analysis of Foreign Direct Investment Flows into Mongolia // Oikonomos. 2021. Vol. 7. Issue 1. Pp. 29–48.

⁴ Toma T. For Closer Regional and District-Based Cooperation and Unified Effort // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Yongpyeong Conference (September 26–28, 1993, Yongpyeong). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1994. Pp. 254–256.

⁵ Например, проекты энергомостов «Дальний Восток – Корейский полуостров» и «Якутия – Сахалин – Якутия» с дальнейшим продлением на Хоккайдо. Подробно: Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2004. С. 222–224.

дут активно нарастать преимущественно между странами Большой тройки СВА, а Россия в целом и Дальний Восток в частности находятся на периферии подобного рода взаимодействий. Последующее вступление всех стран СВА в ВТО, за исключением КНДР, в какой-то мере упростило торговые взаимодействия между ними, а также способствовало обсуждению заключения многостороннего торгового соглашения между КНР, Республикой Корея и Японией и их последующее участие в создании ЗСТ+ в рамках ВРЭП. Попытки реанимировать интеграционные концепции начала 1990-х гг. в рамках так называемого кольца Японского моря в дальнейшем не предпринимались, во многом из-за сложившегося «тупика» в политических взаимоотношениях Японии и Республики Корея с КНДР, а также ввиду отсутствия каких-либо экономических оснований.

В СВА в середине 1990-х гг. осуществлялись попытки развития международного проекта экономического развития, так называемого Туманганского проекта¹, подразумевающие реализацию скоординированной стратегии развития трансграничной территории устья реки Туманная, расположенной на стыке государственной границы трех стран – России, КНР и КНДР. Первоначально, данный проект получил большую международную поддержку, в частности, Программа развития ООН создала специальный офис в Пекине для организации международных усилий для осуществления этого проекта². Расширенная Туманганская инициатива стала рассматриваться как универсальная международная экономическая организация, направленная на повышение привлекательности материковой части СВА для международных инвестиций, торговли и бизнеса с целью достижения устойчивого социально-экономического и экологически безопасного развития субглобального региона. В 2001 г. на саммите Расширенной Туманганской инициативы между Россией и КНДР был инициирован транспортный проект «Хасан – Раджин», по ходу реализации которого предполагалось подключить к участию в нем остальные страны СВА. Его цель заключалась в транспортировке грузов из России в город Раджин (КНДР) по железной дороге с последующей отправкой морским путем в порты Республики Корея или других государств региона. Если бы проект завершился успешно, страны СВА могли бы использовать порт Раджин в качестве субглобального логистического хаба³. Однако с 2013 г. проект был практически полностью заморожен из-за экономических санкций ООН и США против КНДР. Впоследствии, несмотря на некоторые

¹ Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2004. С. 318; *Ding S.* The Tumen River Area Development Programme: An Introduction // *Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Yongpyeong Conference (September 26–28, 1993, Yongpyeong).* Hawaii Asia-Pacific Institute, 1994. Pp. 187–199.

² Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. С. 9.

³ Батырь В.А. Российско-северокорейский проект «Хасан-Раджин» в системе международных экономических ограничений (неприступный российско-китайский бастион в КНДР) // *Lex Russica*. 2018. № 4. С. 53–69.

локальные успехи в плане создания транспортной и энергетической инфраструктуры в КНДР, данный проект также был фактически «заморожен» по причине выхода северокорейской стороны из данной проектной инициативы. Позиция России относительно участия в «Туманганском проекте» на начальном этапе сводилось к нулю. Впоследствии видимое участие российской стороны в данном проекте было сведено к стимулированию транзита грузов из Северо-Востока КНР через порты юга Приморского края через программу реконструкции восточных портов¹.

Также была обозначена концепция создания в СВА многосторонней специализированной финансовой организации – Северо-Азиатского банка развития – с целью содействия экономическому развитию стран и регионов СВА на основе принципа взаимного сотрудничества². Предполагалось, что Россия может стать одним из ключевых акционеров данного банка. Деятельность Северо-Азиатского банка развития могла быть распространена на проекты международного сотрудничества, располагающиеся на российском Дальнем Востоке³. Однако, во многом из-за разногласий между крупнейшими экономиками СВА, данная концепция осталась нереализованной. Фактически, создание под эгидой китайской стороны Азиатского банка инфраструктурных инвестиций⁴, а также деятельность АБР⁵ лишило всякого смысла создание еще одной финансовой организации исключительно для развития проектов сотрудничества в СВА.

Все остальные кооперационные механизмы сотрудничества в СВА носили двусторонний характер и заключались, в том числе, в создании совместных специальных торгово-экономических зон, ряд которых в ограниченном формате функционирует до сих пор. В частности, с 1992 г. функционируют российско-китайские приграничные зоны экономического сотрудничества «Маньчжурия (Забайкальск)», «Суйфэньхэ (Пограничный)», «Хунчунь (Зарубино)» и «Хэйхэ (Благовещенск)», включающие совместные промышленные и торговые комплексы⁶. Похожие инициативы реализованы КНР в приграничных районах с Монголи-

¹ Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2004. С. 321.

² Katz S.S. A Northeast Asian Development Bank // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Sixth Meeting of the Northeast Asia Economic Forum (January 18–19, 1996, Honolulu Hawaii). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1996. Pp. 125–134.

³ Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2004. С. 324.

⁴ Katz S.S. Financing the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB): Issues for Further Discussion // Building a Northeast Asian Economic Community (December 30, 2015) / Edited by Cho L.J., Lee C.J.; KIER Research Paper No. Conference Proceedings-15-02. 2015. Pp. 129–132.

⁵ Kawai M. Financing Development Cooperation in Northeast Asia / ADBI. Working Paper 407. 2013.

⁶ Цзоу С. Российско-китайские зоны приграничного сотрудничества: перспективы взаимодействия РФ и КНР // Россия и АТР. 2020. № 3. С. 134–150.

ей¹ и КНДР². Монголия и Россия предпринимают попытки развития экономической кооперации на базе свободной экономической зоны «Алтанбулаг»³.

При этом некоторые проекты экономической кооперации между странами СВА были досрочно завершены. Причиной, как и в случае с интеграционными инициативами, выступили политические противоречия. Так, в 2004 г. был запущен проект по экономическому сотрудничеству Республики Корея и КНДР на базе промышленного комплекса Кэсон. Сеул обеспечивал инвестиции в производство, а КНДР предоставляла рабочую силу. Произведенная продукция практически в полном объеме поставлялась на южнокорейский рынок. В результате, к 2015 г. на базе комплекса функционировали 124 предприятия, на которых были трудоустроены более 50 тыс. северокорейских рабочих⁴. Однако в 2016 г. после очередных ядерных испытаний КНДР Республика Корея полностью свернула свою деятельность в Кэсоне, что привело к значительному ущербу для экономик двух стран.

Политические разногласия также привели к приостановлению действия соглашения о рыбном промысле в районе Курильских островов для японских рыбаков, заключенное между Россией и Японией в 1998 г. Согласно условиям соглашения, японские рыбаки могли вести промысел у берегов Южных Курил в России по квоте в обмен на выплаты и помощь для Сахалинской области⁵. В 2022 г. Россия приостановила действие этого соглашения из-за заморозки выплат по нему, «затягивания» подписания документа о помощи Сахалину⁶ и недружественных шагов со стороны Японии, наложившей экономические санкции против России. Тем не менее, в декабре 2023 г. министр иностранных дел Японии Еко Камикава сообщила, что страна продолжает работу для согласования с Россией возобновления промысла на основании соглашения⁷.

Серьезное влияние на экономические взаимоотношения государств СВА оказывает геополитический аспект, в частности: территориальные претензии Японии к КНР, Республике Корея и России, регулярные северокорейские испытания ядерного оружия, напряжение на Корейском полуострове, военную активность США в Республике Корея и Японии, которая потенциально создает угрозы

¹ Батунаев Э.В., Григорьева Ю.Г. Монголия и страны Северо-Восточной Азии: торгово-экономическое и интеграционное сотрудничество (2009–2018 гг.) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 3. С. 15–28.

² Зыкова У.В. Эволюция экономического участия Китая в Северной Корее // Интерактивная наука. 2022. № 7. С. 19–22.

³ Дулгуун А. К вопросу развития свободной экономической зоны Монголии «Алтанбулаг» // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 3. С. 99–105.

⁴ Кулагина О.А. Кэсонский промышленный комплекс: история и современность // «Новая волна» корееведения в Дальневосточном федеральном университете / отв. ред. И.А. Толстокулаков. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 28–33.

⁵ Курмазов А.А. Российско-японское рыбохозяйственное сотрудничество в районе Южных Курильских островов // Известия ТИНРО. 2006. Т. 146. С. 343–359.

⁶ Бирюков М. Россия запретила Японии рыболовный промысел у берегов Южных Курил // Forbes. 2022. 7 июня.

⁷ Япония добивается согласования с РФ соглашения о промысле в районе Курил // Прайм. 2023. 26 декабря.

для КНР, России и КНДР, а также нерешенные с момента окончания Второй мировой войны противоречия между Республикой Корея и Японией.

На сегодняшний день консультативным многосторонним органом для всех шести государств СВА выступает Субрегиональное отделение Экономической и социальной комиссии ООН по вопросам АТР (ЭСКАТО ООН) для Восточной и Северо-Восточной Азии (СРО-ВСВА). Оно было создано по решению Генеральной Ассамблеи ООН и открылось в городе Инчхон (Республика Корея) в 2010 г. с целью поддержки шести стран-участниц. Помимо этого, отделение выполняет функции секретариата Субрегиональной программы по экологическому сотрудничеству в СВА (NEASPEC)¹. Деятельность СРО-ВСВА направлена на решение широкого круга задач, связанных с облегчением бремени нищеты, уменьшением социального и экономического неравенства, а также с формированием более устойчивых и стабильных сообществ. Его усилия направлены на интеграцию стран СВА через устранение экономических, социальных и экологических дисбалансов между ними².

Кооперационные соглашения между странами СВА и интеграционные соглашения в рамках переговорного процесса. Хотя в настоящее время между странами СВА действуют лишь две ЗСТ+, тем не менее, существует еще ряд соглашений, которые находятся на стадии исследований или переговоров.

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС, в который входит Россия и КНР, подписано в мае 2018 г. (вступило в силу в октябре 2019 г.). Данный договор не предусматривает снижения тарифных барьеров между сторонами и не создает ЗСТ. Вместо этого он способствует улучшению условий доступа товаров на китайский рынок, благодаря положениям об упрощении торговых процедур или нетарифных барьеров. Кроме того, документ устанавливает механизмы сотрудничества посредством создания различных консультативных комитетов и рабочих групп. С точки зрения институциональной структуры, соглашение предусматривает создание совместного органа на министерском уровне, определяет порядок взаимодействия между таможенными службами сторон и расширяет основу для использования электронных документов³. 16 февраля 2023 г. в рамках третьего заседания Совместной комиссии по выполнению указанного соглашения была утверждена дорожная карта по развитию торгово-экономического сотрудничества между государствами ЕАЭС и Китаем. Данный план содержит три основных раздела: цифровизацию транспортных коридоров, диалог по вопросам внешнеторговой политики и проведение совместного научного исследования об эффектах различных сценариев углубления торгово-экономического сотрудничества между странами объединения и КНР⁴. Это может свидетельствовать о том, что в долгосрочной перспективе сторонами

¹ Лукин А.Л. В Северо-Восточной Азии появилась новая структура по многостороннему сотрудничеству // Ойкумена. 2011. № 1. С. 137–139.

² East and North-East Asia Subregional Office / UNESCAP. 2020.

³ Шилина М.Г. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР: международно-правовой анализ // Международное право. 2018. № 2. С. 16–26.

⁴ Китайская Народная Республика / Евразийская экономическая комиссия. 2024.

рассматривается вариант заключения полноценного соглашения о свободной торговле.

Похожее исследование по изучению перспектив создания ЗСТ с 2018 г. проводится совместной китайско-монгольской комиссией. Стороны пришли к согласию относительно предварительных результатов совместного технико-экономического обоснования и провели детальное обсуждение ключевых направлений работы, анализа экономических последствий и предстоящих мероприятий¹. Однако по состоянию на сентябрь 2024 г. указанное исследование не завершено.

Более результативные переговоры Монголия ведет с ЕАЭС. Так, по итогам работы исследовательской группы, длившейся с 2020 г., принято решение о целесообразности заключения временного торгового соглашения между ЕАЭС и Монголией. В мае 2024 г. ЕАЭС и монгольским правительством принято решение о начале переговоров о заключении временного торгового соглашения, в июле согласован его текст, а подписание ожидается в декабре 2024 г.². Однако следует отметить, что документ будет носить временный характер, но переговоры о заключении полноценного соглашения будут продолжены. Идея о подписании ЗСТ+ между Монголией и Республикой Корея возникла еще в 2008 г., однако официальные переговоры начались лишь в 2023 г. На данный момент завершились три раунда переговоров. Республика Корея проявляет активный интерес к монгольским природным ресурсам на фоне ухудшения торговых взаимоотношений с Россией. В частности, в феврале 2023 г. между сторонами подписан меморандум о сотрудничестве в сфере разработки и поставок редкоземельных металлов и продукции цветной металлургии³.

Проект двустороннего соглашения по экономическому сотрудничеству между Россией и Республикой Корея существует с 2007 г., но официальные переговоры о ЗСТ+ в области торговли услугами и осуществления инвестиций стартовали в июне 2019 г.⁴ Однако после начала специальной военной операции России на Украине контакты сторон по указанному направлению приостановлены. Наиболее продолжительные обсуждения по поводу соглашения о свободной торговле проходят между Японией и Республикой Корея. Эти переговоры начались в декабре 2003 г., однако после ряда обострений в отношениях между этими странами в 2019–2020 гг. были временно приостановлены⁵.

Большинство стран СВА (Россия, Китай, Япония и Республика Корея) являются участниками переговоров по созданию Азиатско-Тихоокеанской зоны сво-

¹ Ван И. Китай и Монголия официально запускают исследование осуществимости соглашения о свободной торговле // Russian People. 2018. 24 августа.

² Монголия / Евразийская экономическая комиссия. 2024.

³ Неожиданное партнерство: Южная Корея и Монголия подписали меморандум // Hardhub. 2023. 9 февраля.

⁴ Республика Корея и Россия обсудят соглашение о свободной торговле 1–2 октября в Сеуле // ТАСС. 2019. 30 сентября.

⁵ Japan-Korea Free Trade Agreement. Joint Study Group Report / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2003. 90 p.

бодной торговли (АТЗСТ) в рамках форума АТЭС¹. Обсуждение указанного интеграционного формата ведется с момента подписания Богорской декларации в 1994 г., но только в 2014 г. экономики АТЭС одобрили предложенный Китаем проект дорожной карты по созданию АТЗСТ, который содержал положения о проведении совместного исследования о путях реализации инициативы, изучении положительного опыта существующих соглашений о свободной торговле и повышении возможностей членов АТЭС по участию в АТЗСТ. Однако по причине торговых споров между США и КНР, а также введения рядом стран АТЭС анти-российских санкций, переговоры по созданию АТЗСТ затормозились. Начиная с 2018 г., итоговые декларации саммитов АТЭС либо совсем не содержат информации о перспективах создания АТЗСТ, либо в них вносятся декларативные положения о продолжении работы по реализации данной инициативы. На последнем саммите АТЭС, проведенном в США в ноябре 2023 г. АТЗСТ была упомянута лишь в контексте приверженности продвижению экономической интеграции в АТР на основе рыночных принципов и принятия мер по наращиванию потенциала и технического сотрудничества для поддержки готовности экономик АТЭС принимать участие в высококачественных и всеобъемлющих региональных инициативах.

Таким образом, среди стран СВА Республика Корея занимала наиболее активную и конструктивную позицию по расширению интеграционных форматов с зарубежными странами, имея доступ через механизмы ЧТС и ЗСТ+ практически ко всем крупнейшим рынкам мира. Создание Большой тройкой СВА сети ЗСТ+ с зарубежными странами в целом объяснялось необходимостью функционирования их промышленного сектора, тесно включенного в глобальные производственные связи. В начале 2000-х гг. ожидалось, что будет заключена ЗСТ+ между странами Большой тройки, которая могла бы стать интеграционной основой для всей экономики СВА. Однако создавшие интеграционный формат Республика Корея и Китай не добились большого прогресса в переговорах с японской стороной, которая требовала значительной либерализации торговли. Данные обстоятельства указывают на постепенное дистанцирование Японии от Китая и Республики Корея с точки зрения двустороннего свободного обмена товарами и услугами. В таких условиях страны Большой тройки осуществили интеграцию в рамках ВРЭП, менее требовательного формата по снижению обоюдных барьеров.

Страны Большой тройки СВА существенно продвинулись в снижении барьеров в рамках инвестиционного сотрудничества. Однако в отличие от КНР, Япония и Республика Корея готовы к большему снижению барьеров в рамках трехстороннего инвестиционного сотрудничества. Следует заметить, что по мере роста экономики, Китай стал все больше расширять в глобальном масштабе свои экономические интересы, в том числе в рамках инвестиционного сотрудничества, особенно в условиях экономического и политического противостояния с США. Данное расширение имеет экстенсивный характер по причине текущей

¹ Страны-члены АТЭС: Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Канада, КНР, Республика Корея, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили и Япония.

невозможности для Китая присоединиться к более «глубоким» форматам торгово-экономической интеграции. Можно предположить, что таким образом Китай постепенно создает предпосылки для закрепления своего корпоративного сектора в широком по охвату числе стран с низким и средним доходом и высокими рисками для инвестирования, в частности, в рамках реализации инициативы «Один Пояс – Один Путь»¹. По всей видимости, Китай будет осуществлять дальнейшую привязку к собственной экономике остальных стран СВА – России, Монголии и КНДР².

В свою очередь, Россия и Монголия, имеющие отличные от стран Большой тройки СВА структуры экономики, не наращивали своего участия в интеграционных форматах. Недостаточная мотивация у России и Монголии в снижении барьеров со странами СВА объяснялась отсутствием внутреннего спроса на сближение с данными рынками. Россия осуществляла интеграционные форматы с рядом стран постсоветского пространства, причем взаимоотношения находились за рамками экономических мотивов. Для Монголии подписанный с Японией интеграционный формат является единственным, и, по всей видимости, политически обусловленным. КНДР, несмотря на введенные против нее широкомасштабные санкции, использовала механизмы коллективного ЧТС для торговых взаимодействий с другими развивающимися странами, однако не создала ни одного двустороннего интеграционного формата, вероятно, опираясь на экономические взаимодействия с КНР. Тем не менее, имеющаяся правовая основа для инвестиционного взаимодействия КНДР с Россией и Китаем при прочих равных условиях может использоваться для поддержания такого рода сотрудничества, особенно в текущих условиях санкционных ограничений для российской и северокорейской сторон.

4.2. Динамика и структура торговых взаимодействий между странами СВА

Анализ статистических данных показал, что стоимостной объем товарооборота между странами СВА в 2023 г. составил 1928 млрд долл. (более 4% мирового товарооборота), увеличившись на 17% по сравнению с 2014 г. Глобальными шоками, оказавшими непосредственное влияние на динамику торговли между странами СВА в рамках рассматриваемого десятилетия являлись: финансовый кризис конца 2014 г., вызвавший негативные тенденции в мировой торговле в условиях значительной коррекции цен на сырьевые товары; жесткие торговые ограничения в 2020 г. в условиях пандемии, связанной с распространением коронавируса COVID-19; значительное повышение цен на сырьевые товары в 2022 г. в условиях

¹ Yu H. Infrastructure Connectivity and Regional Economic Integration in East Asia: Progress and Challenges // Journal of Infrastructure, Policy and Development. 2017. Vol. 1. Issue 1. Pp. 44–63.

² Изотов Д.А. Механизмы экономического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2024. № 4.

нарастания глобальной геополитической напряженности на фоне российско-украинского конфликта¹.

Указанные глобальные шоки, помимо их прямого краткосрочного влияния на торговлю между странами СВА, заложили некоторые средне- и долгосрочные тенденции в экономической политике и, соответственно, в поведении бизнеса ряда рассматриваемых стран, которые постепенно стали вносить коррективы в прежнюю конфигурацию торговых потоков на субглобальном уровне, заключающейся в безусловной доминанте торговых взаимосвязей между странами Большой тройки СВА – Китаем, Японией и Республикой Корея.

С точки зрения структуры товарооборота по странам СВА, то безусловным лидером являлся Китай, который увеличил свою долю во внутрирегиональной торговле с 43,1% в 2014 г. до 46% в 2023 г., за которым следовали Япония и Республика Корея, постепенно теряющие свою долю по данному показателю – с 25,8 и 21,1% в 2014 г. до 19,6 и 18,7% в 2023 г. соответственно (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Стоимостной объем и структура товарооборота в рамках СВА по странам

Страна	Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	млрд долл.	711,7	633,2	607,2	678,9	758,6	721,4	718,5	884,9	923,2	887,7
	%	43,1	44,4	43,9	43,3	43,8	44,1	44,8	44,8	44,9	46,0
Япония	млрд долл.	426,8	361,8	358,3	398,9	425,8	401,9	393,5	456,7	441,0	382,5
	%	25,8	25,4	25,9	25,4	24,6	24,6	24,5	23,1	21,4	19,8
Республика Корея	млрд долл.	347,6	315,1	296,9	341,1	378,9	342,1	330,4	414,0	417,3	360,3
	%	21,1	22,1	21,5	21,7	21,9	20,9	20,6	20,9	20,3	18,7
Россия	млрд долл.	148,1	102,6	107,9	136,8	155,1	157,0	152,2	207,2	256,7	274,0
	%	9,0	7,2	7,8	8,7	9,0	9,6	9,5	10,5	12,5	14,2
Монголия	млрд долл.	9,1	7,0	6,4	8,5	10,9	11,4	9,8	13,1	17,9	20,4
	%	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6	0,7	0,6	0,7	0,9	1,1
КНДР	млрд долл.	7,8	7,2	5,4	5,1	2,5	2,6	0,5	0,2	1,5	3,0
	%	0,5	0,5	0,4	0,3	0,1	0,2	0,0	0,0	0,1	0,2

Примечание: здесь и далее стоимостные объемы российско-китайской торговли для 2022–2023 гг. были досчитаны исходя из зеркальной статистики КНР по поставкам углеводородного сырья из России на китайский рынок.

Источник: рассчитано на основе: Data Centre / UNCTAD. 2024.

Значительный прогресс в наращивании товарооборота со странами СВА показали так называемые периферийные страны СВА – Россия и Монголия. В рамках рассматриваемого периода заметно нарастила свою долю во внутрирегио-

¹ Изотов Д.А. Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 28–38.

нальном товарообороте Россия – с 9% в 2014 г. до 14,2% в 2023 г., увеличив стоимостной объем торговли со странами СВА почти в два раза. Несмотря на малую долю в товарообороте со странами СВА, Монголия более чем в два раза увеличила торговлю со странами данного региона мира. Торговля КНДР со странами СВА, напротив, снижалась, особенно в условиях введения новых санкций со стороны развитых стран, а также изоляции экономики во время пандемии COVID-19. Некоторое оживление в торговле КНДР наблюдалось только в 2023 г.¹

Важным аспектом в рамках рассматриваемого периода является некоторое отклонение торговли стран СВА в пользу третьих стран. Так, доля внутрирегионального товарооборота в торговле стран СВА с глобальной экономикой имела тенденцию к увеличению до 2018 г. (21,8%), а далее – она сокращалась. Важным процессом являлось то, что страны Большой тройки СВА постепенно снижали долю в торговле со странами субглобального региона в суммарном товарообороте или с глобальной экономикой, ориентируясь на другие рынки. В свою очередь, периферийные страны СВА, напротив, эту долю увеличивали, либо сохраняли на том же уровне, по всей видимости, не имея тех же возможностей, что и у Китая, Японии и Республики Корея, с точки зрения диверсификации внешнеторговых связей, либо по объективным причинам, испытывая гравитационное притяжение со стороны крупнейших экономик СВА, либо в силу внешнеполитических причин (рис. 4.2).

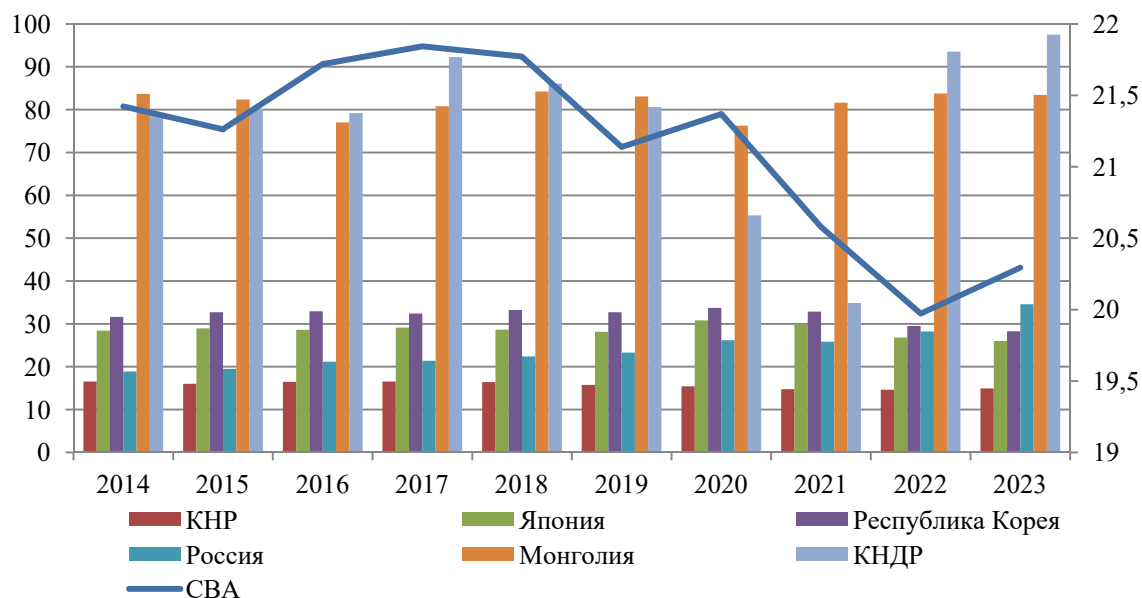

Рис. 4.2. Доля внутрирегионального товарооборота в торговле стран СВА с глобальной экономикой, %

Примечание: левая ось – доля внутрирегионального товарооборота по странам СВА; правая ось – доля внутрирегионального товарооборота СВА в целом.

Источник: рассчитано на основе: Data Centre / UNCTAD. 2024.

¹ Изотов Д.А. Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 28–38.

В среднем за рассматриваемый период, страны Большой тройки СВА балансировали отрицательное сальдо торгового баланса со странами субглобального региона за счет третьих стран. При этом к 2023 г. из стран Большой тройки СВА только Китай значительно нарастил положительное сальдо торгового баланса, снизив отрицательные значения данного показателя со странами СВА – более чем в два раза по отношению к 2014 г.

Вероятно, что Япония и Республика Корея в начале 2020-х гг., т. е. в постковидный период и в условиях глобальной геополитической напряженности, перешли к модели экономического развития, предполагающей отрицательное сальдо торгового баланса, которое частично балансировалось за счет экспорта услуг и наращивания внешних заимствований (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Сальдо внешнеторгового баланса стран СВА с субглобальной и глобальной экономикой, млрд долл.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
СВА										
КНР	–93,5	–80,9	–78,9	–104,4	–143,4	–104,7	–103,1	–124,5	–92,3	–41,9
Япония	–52,1	–44,5	–27,4	–14,1	–17,1	–24,5	–8,9	–7,1	–33,7	–28,9
Республика Корея	28,5	20,2	10,7	11,0	21,7	3,3	–0,7	–7,3	–31,0	–39,7
Россия	5,6	11,0	–4,2	–2,5	20,8	16,7	16,4	21,4	60,7	30,5
Монголия	1,2	1,1	1,5	2,1	1,8	2,2	2,0	2,7	4,3	6,1
КНДР	–1,9	–0,4	–1,2	–2,0	–2,2	–2,3	–0,4	–0,2	–1,3	–2,4
Всего										
КНР	383,1	593,9	509,7	419,6	352,8	419,9	519,5	636,6	877,6	823,0
Япония	–122,0	–0,7	38,0	26,2	–10,3	–15,4	5,9	–15,2	–151,9	–33,8
Республика Корея	47,5	90,3	89,2	95,2	69,6	38,9	44,8	29,3	–47,8	–10,4
Россия	211,2	161,1	94,3	119,2	211,3	179,6	117,7	215,0	375,5	205,4
Монголия	0,6	0,9	1,6	1,9	1,1	1,5	2,3	2,4	3,8	5,9
КНДР	–1,2	–0,7	–0,9	–2,0	–2,4	–2,7	–0,7	–0,6	–1,3	–2,4

Источник: рассчитано на основе: Data Centre / UNCTAD. 2024.

Из всех стран субглобального региона к 2023 г. только Россия и Монголия характеризовались положительным сальдо торгового баланса со странами СВА, что стимулировалось экспортом российских и монгольских сырьевых товаров преимущественно на китайский рынок. При этом Россия в условиях жестких санкций со стороны западных стран с 2022 г., к которым также присоединились Япония и Республика Корея, стала перенаправлять значительную часть своих сырьевых товаров, ориентированных ранее на европейский рынок, на рынки третьих стран, крупнейшим из которых является Китай, и, в свою очередь, замещать европейскую продукцию на отечественном рынке за счет импорта сопоставимых товаров из стран СВА. Также, несмотря на введенные против российской экономики санкции, углеводородное сырье из совместных проектов на российском Дальнем Востоке продолжало поступать на японский и южнокорейский

рынки в рамках долгосрочных контрактов. Что касается КНДР, то отрицательное сальдо торгового баланса данной страны длительное время и балансировалось за счет экспорта услуг рабочей силы в форме переводов денежных средств из-за рубежа, преимущественно из КНР.

Анализ динамики и структуры двусторонних товаропотоков, формирующих в конечном счете товарооборот между странами СВА, показал, что основным источником торговых взаимосвязей в субглобальном регионе является китайская экономика, которая объединяет как развитые страны – Японию и Республику Корея, так и остальные экономики – Россию, Монголию и КНДР. Доля торговли между странами Большой тройки сокращается, однако доля в торговле России с КНР и Республикой Корея, а также Монголии с КНР увеличивается (рис. 4.3).

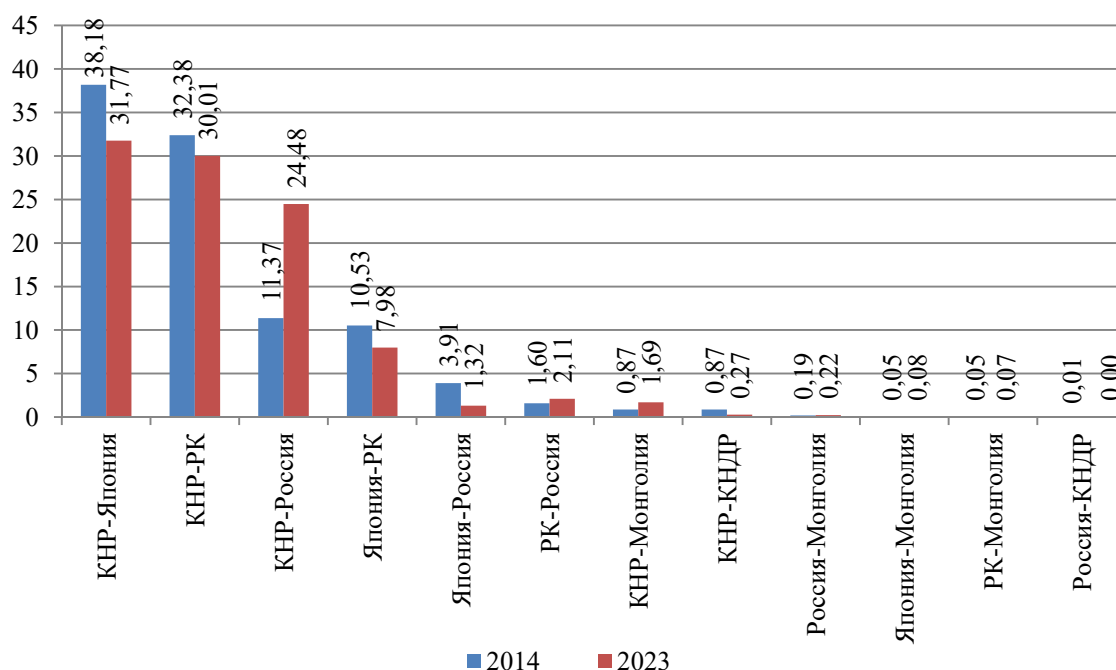

Рис. 4.3. Доля двусторонних товаропотоков в товарообороте между странами СВА, %

Примечания. Товарооборот между Японией и КНДР, Республикой Корея и КНДР в рамках рассматриваемых лет не осуществлялся. Товарооборот между КНДР и Монголией в 2014 г. был незначительным, а в 2023 г. не осуществлялся. РК – Республика Корея.

Источник: рассчитано на основе: Data Centre / UNCTAD. 2024.

Если в 2014 г. торговля главным образом осуществлялась между странами Большой тройки СВА, то в 2023 г. важным участником торговых взаимосвязей в субглобальном регионе стала Россия, заметно нарастившая товарооборот с КНР, который стал практически сопоставим с торговлей Китая с Республикой Корея. На фоне устоявшихся торговых связей в рамках Большой тройки СВА, которые стали постепенно переходить в стагнирующее состояние, периферийные страны СВА, а также Россия, к 2023 г. трансформировали структуру товаропотоков в субглобальном регионе.

Что касается товарной структуры экспортных и импортных потоков в рамках СВА, то за рассматриваемый период она в целом не претерпела значительных трансформаций. Россия, Монголия, а также КНДР¹ специализировались главным образом в поставках сырьевых товаров, страны Большой тройки – разнообразной промышленной продукции. При этом, безусловно, под влиянием различного рода описанных ранее процессов наблюдались некоторые изменения (табл. 4.5).

Таблица 4.5

**Товарная структура экспорта и импорта стран СВА
во внутрирегиональной торговле, %**

Товар- ная группа	КНР		Япония		Республика Корея		Россия		Монголия		КНДР	
	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023
Всего	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100
0	5,32/ 0,67	3,81/ 1,57	0,34/ 4,67	0,76/ 5,15	1,33/ 2,68	1,87/ 2,78	3,33/ 3,01	2,63/ 1,84	0,32/ 4,50	2,50/ 8,35	9,28/ 9,25	0,40/ 15,99
1	0,06/ 0,04	0,09/ 0,14	0,05/ 0,25	0,27/ 0,51	0,29/ 0,06	0,45/ 0,08	0,08/ 0,13	0,03/ 0,09	0,00/ 1,24	0,01/ 1,74	0,06/ 1,14	0,11/ 4,69
2	1,20/ 3,88	1,45/ 4,44	3,50/ 1,62	3,16/ 1,17	1,17/ 2,97	1,59/ 2,01	7,42/ 0,50	3,80/ 0,83	67,46/ 0,63	52,36/ 0,73	14,29/ 2,84	13,65/ 2,24
3	1,33/ 10,88	1,06/ 23,58	2,45/ 11,82	2,86/ 5,98	7,78/ 10,10	7,74/ 4,54	79,40/ 0,46	87,13/ 0,47	30,55/ 33,09	41,33/ 28,09	40,10/ 6,26	7,63/ 1,35
4	0,06/ 0,01	0,07/ 0,57	0,03/ 0,02	0,03/ 0,03	0,02/ 0,05	0,02/ 0,06	0,04/ 0,01	0,45/ 0,02	0,00/ 0,36	0,02/ 0,36	0,02/ 3,13	0,00/ 6,06
5	6,49/ 14,04	11,25/ 13,27	17,23/ 5,63	17,26/ 8,95	16,93/ 13,20	21,41/ 16,04	2,47/ 5,38	1,16/ 8,61	0,07/ 5,17	0,01/ 7,03	0,73/ 7,60	4,00/ 19,88
6	16,55/ 12,29	13,91/ 8,66	14,92/ 12,52	12,48/ 13,30	10,29/ 20,65	11,33/ 15,93	3,98/ 15,81	3,53/ 13,56	1,22/ 22,33	1,40/ 17,52	6,51/ 28,18	13,94/ 23,01
7	43,49/ 46,73	47,90/ 41,05	46,89/ 40,93	46,34/ 45,68	48,52/ 37,75	46,46/ 46,12	2,74/ 48,23	1,07/ 57,32	0,21/ 27,91	0,27/ 32,03	2,19/ 27,45	0,22/ 0,20
8	25,51/ 11,28	19,31/ 6,09	10,07/ 21,42	9,67/ 17,26	13,59/ 12,43	9,04/ 12,23	0,55/ 26,36	0,20/ 16,75	0,12/ 4,77	0,28/ 4,14	26,12/ 14,15	60,04/ 26,57
9	0,00/ 0,17	1,14/ 0,63	4,51/ 1,11	7,15/ 1,96	0,08/ 0,11	0,09/ 0,20	0,00/ 0,11	0,01/ 0,52	0,04/ 0,01	1,82/ 0,00	0,69/ 0,00	0,01/ 0,00

Примечания. В числителе представлена доля экспорта, в знаменателе – импорта. Здесь и далее в разделе 4.2 укрупнение товарных групп осуществлено по кодам Международной стандартной торговой классификации (SITC): 0 – пищевые продукты и живые животные; 1 – напитки и табак; 2 – сырье непродовольственное, кроме топлива (шкур, ко-жевенное сырье и пушнина; масличные семена и масличные плоды; натуральный каучук; пробка и лесоматериалы, бумажная масса и макулатура; текстильные волокна и их отхо-ды; сырье для удобрений, минеральное сырье, металлические руды и лом; сырьевые ма-териалы животного и растительного происхождения, не включенные в другие категории); 3 – минеральные топлива, смазки и аналогичные материалы; 4 – животные и раститель-ные масла, жиры и воски; 5 – химические вещества и аналогичная продукция; 6 – про-мышленные товары, классифицированные по виду материала (кожа, готовые изделия из кожи и выделанная пушнина; резиновые изделия, не включенные в другие категории;

¹ Согласно статистике 2023 г., большую долю в экспорте КНДР в страны СВА за-нимали различные готовые изделия, поставляемые на китайский рынок. Однако имеются основания утверждать, что доминирование данной группы в экспорте КНДР является эпизодичным, а основную долю в экспорте данной страны долгое время занимали мине-ральное топливо (уголь), сырье непродовольственное (металлические руды), а также пи-щевые продукты (рыба).

изделия из пробки и дерева (кроме мебели); бумага, картон и изделия из них; текстильная пряжа, ткани и готовые изделия из них; продукция из нерудных ископаемых, не включенная в другие категории; чугун и сталь, цветные металлы и изделия из них); 7 – машины и транспортное оборудование; 8 – различные готовые изделия (блочные здания; арматура и крепления; мебель; постельные принадлежности, матрацы, подушки и аналогичная мебель; дорожные принадлежности, сумки; предметы одежды и одежные принадлежности; обувь; специальные приборы и аппараты, фотографическая аппаратура, оборудование и принадлежности и оптические изделия; часы); 9 – товары и операции, не включенные в другие категории (специальные операции и товары, монеты, немонетарное золото, кроме золотых руд и концентратов).

Источник: рассчитано на основе: Data Centre / UNCTAD. 2024.

Так, Китай к 2023 г. заметно нарастил поставки машин и транспортного оборудования, а также химических веществ, за счет освоения российского рынка, по отношению к которому западные страны ввели масштабные санкции в 2022 г. На фоне некоторого сокращения экспорта в страны СВА по сравнению с третьими странами, структура экспорта Японии и Республики Корея в страны СВА практически не претерпела изменения. Исключение составили поставки прочих товаров из Японии на китайский и южнокорейский рынки, а также химических веществ из Республики Корея на китайский рынок, главным образом использовавшиеся в производственном цикле южнокорейских предприятий на территории КНР.

В экспорте России в страны СВА основную позицию занимало минеральное топливо, представленное главным образом сырой нефтью, поставляемой на китайский рынок, а к 2023 г. доля данной продукции еще больше увеличилась по причине перенаправления этого товара с европейского рынка. Монголия незначительно увеличила долю пищевых продуктов (мясные изделия) в КНР и прочих товаров (главным образом, немонетарное золото) на южнокорейский рынок. К 2023 г. на фоне значительного сокращения поставок на внешний рынок сырьевых товаров из КНДР в условиях применяемых к данной экономике санкций, наблюдались видимые трансформации в товарной структуре северокорейского экспорта – заметно увеличилась доля промышленной продукции и химических веществ, хотя по сравнению с 2014 г. стоимостные объемы данных товаров сократились более чем в семь раз.

Что касается товарной структуры импорта, то Китай в 2023 г. по сравнению с 2014 г. заметно увеличил долю минерального топлива из стран СВА, главным образом, из России и в меньшей степени из Монголии. Также в структуре импорта из стран СВА Китай нарастил долю пищевой продукции преимущественно из России (зерновые и масличные культуры, рыбная продукция). При общем сокращении импорта из стран СВА Япония увеличила долю в импорте машин и транспортного оборудования, а также незначительно нарастила долю продовольственных товаров из КНР и частично из Республики Корея. Республика Корея и Россия увеличили долю в импорте из стран СВА машин и оборудования, а также химических веществ из КНР. Монголия увеличила долю в импорте пищевых продуктов и химических веществ из России, КНР и Республики Корея, машин и оборудования из КНР и Японии. КНДР увеличила долю в импорте из стран СВА различных го-

товых изделий, химических веществ, продовольственных товаров (пищевые продукты, животные и растительные масла, напитки) из Китая.

За рассматриваемый период в рамках товарообмена между странами СВА Китай, Россия и Монголия увеличили доли во внутрирегиональном экспорте и импорте, а остальные страны субглобального региона – сократили. Данное обстоятельство объясняется наращиванием торговли Китая с двумя указанными странами по причине экономической целесообразности, а также непосредственного влияния внешнеполитических факторов на торговлю России с зарубежными странами, что послужило важным фактором для отклонения ее внешней торговли в пользу китайского рынка. По доле в совокупном экспорте в страны СВА доля России к 2023 г. стала сопоставимой с Республикой Корея (табл. 4.6).

Таблица 4.6

**Доли стран в товарной структуре экспорта
и импорта СВА во внутрирегиональной торговле, %**

Товарная группа	КНР		Япония		Республика Корея		Россия		Монголия		КНДР	
	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023
Всего	40,17/ 45,66	45,68/ 46,38	24,35/ 27,16	19,10/ 20,53	24,44/ 18,10	17,31/ 19,96	9,99/ 8,08	16,45/ 12,15	0,67/ 0,45	1,43/ 0,72	0,39/ 0,55	0,03/ 0,27
0	73,33/ 12,90	65,04/ 27,26	2,83/ 53,42	5,43/ 39,66	11,13/ 20,44	12,07/ 20,84	11,40/ 10,25	16,12/ 8,37	0,07/ 0,85	1,33/ 2,25	1,23/ 2,14	0,00/ 1,62
1	21,46/ 15,96	23,00/ 29,61	10,16/ 56,13	29,25/ 46,84	61,18/ 9,55	44,79/ 7,41	6,98/ 8,74	2,85/ 4,98	0,02/ 4,52	0,09/ 5,55	0,19/ 5,10	0,02/ 5,62
2	16,75/ 63,09	22,65/ 73,23	29,73/ 15,70	20,70/ 8,51	9,95/ 19,11	9,44/ 14,27	25,83/ 1,45	21,40/ 3,58	15,80/ 0,10	25,67/ 0,19	1,93/ 0,55	0,14/ 0,22
3	4,70/ 48,58	2,81/ 82,03	5,28/ 31,40	3,16/ 9,21	16,79/ 17,88	7,75/ 6,79	70,05/ 0,36	82,84/ 0,43	1,81/ 1,45	3,42/ 1,51	1,37/ 0,34	0,01/ 0,03
4	60,15/ 9,81	26,96/ 86,68	17,81/ 14,31	5,69/ 2,22	12,55/ 22,25	3,17/ 4,12	9,26/ 2,26	63,92/ 0,73	0,00/ 4,43	0,25/ 0,85	0,23/ 46,94	0,00/ 5,41
5	23,28/ 59,21	41,67/ 49,86	37,50/ 14,13	26,72/ 14,89	36,98/ 22,05	30,05/ 25,93	2,21/ 4,02	1,54/ 8,47	0,00/ 0,21	0,00/ 0,41	0,03/ 0,39	0,01/ 0,44
6	50,26/ 39,30	56,20/ 34,14	27,46/ 23,80	21,09/ 23,21	19,01/ 26,16	17,35/ 27,04	3,01/ 8,95	5,14/ 14,01	0,06/ 0,70	0,18/ 1,07	0,19/ 1,08	0,04/ 0,53
7	42,58/ 49,10	56,17/ 42,49	27,83/ 25,58	22,72/ 20,92	28,90/ 15,72	20,65/ 20,54	0,67/ 8,97	0,45/ 15,54	0,00/ 0,29	0,01/ 0,51	0,02/ 0,35	0,00/ 0,00
8	63,34/ 33,36	71,78/ 25,82	15,16/ 37,65	15,03/ 32,37	20,52/ 14,56	12,74/ 22,30	0,34/ 13,79	0,27/ 18,58	0,01/ 0,14	0,03/ 0,27	0,63/ 0,50	0,15/ 0,66
9	0,18/ 18,92	27,04/ 36,64	97,80/ 74,14	70,75/ 50,46	1,77/ 4,77	0,77/ 5,06	0,00/ 2,16	0,08/ 7,84	0,02/ 0,01	1,35/ 0,00	0,24/ 0,00	0,00/ 0,00

Примечание: в числителе представлена доля экспорта, в знаменателе – импорта.

Источник: рассчитано на основе: Data Centre / UNCTAD. 2024.

С точки зрения распределения стоимостных объемов между странами СВА по укрупненным товарным группам субглобальный рынок в целом не отличался диверсифицированной структурой. Так, в рамках рассматриваемого периода по укрупненным товарным группам внутрирегиональной торговли к 2023 г. более половины экспорта пищевых продуктов, промышленных товаров, машин и транспортного оборудования, различных готовых изделий приходилось на Китай, прочих товаров – на Японию, минерального топлива, животных и растительных ма-

сел – на Россию. Более четверти стоимостного объема экспорта в СВА химических веществ и прочих товаров непродовольственного сырья приходилось на КНР, напитков и табака, химических веществ – на Японию, химической продукции, напитков и табака – на Республику Корея, непродовольственного сырья – на Монголию.

За 2014–2023 гг. сложилась доминанта экспорта из Китая по многим товарным группам, однако, по некоторым товарным позициям, преимущественно в рамках сложной продукции, с КНР Япония и Республика Корея имели суммарный паритет, поставляя свою продукцию преимущественно на китайский рынок. Наряду с проявлением тесной технологической и производственной коопераций между КНР с одной стороны и Японией и Республикой Корея – с другой, наблюдался также процесс нарастания конкуренции между китайскими, японскими и южнокорейскими товарами с высокой добавленной стоимостью. За указанные годы Россия и отчасти Монголия укрепили свои позиции в поставках ключевых сырьевых товаров преимущественно на китайский рынок, тем самым способствуя увеличению конкурентоспособности китайской продукции, поддерживая развитие экономики КНР.

Что касается импорта, то к 2023 г. основными потребителями непродовольственного сырья, минерального топлива, животных и растительных масел, химических веществ, промышленных товаров, машин и транспортного оборудования на рынке СВА являлся Китай, а Япония – пищевых продуктов, напитков, различных готовых изделий, прочих товаров, – две крупнейшие экономики субглобального региона. Важное место в импорте сложных товаров в СВА также занимала Республика Корея. При этом к 2023 г. по причине переориентации внешней торговли с европейского рынка, доля России в импорте по ряду укрупненных товарных групп промышленной продукции приблизилась к доле Республике Корея. Фактически, российский рынок, который по размеру сопоставим с южнокорейским, в условиях нивелирования торгово-экономических связей со странами ЕС, способен стать одним из заметных потребителей готовой продукции на субглобальном рынке. Монголия является довольно небольшим рынком, спрос которого на продукцию стран СВА в целом является незначительным по всем товарным группам импорта. Несмотря на то, что доля КНДР во внутрирегиональной торговле является незначительной, тем не менее, в 2014 г. почти половина совокупного импорта животного и растительного масла стран СВА приходилась именно на данную страну. Это обстоятельство указывает на то, что при смягчении различного рода ограничений к КНДР со стороны международного сообщества, страна способна стать одним из важных потребителей продовольственных товаров из стран СВА, в том числе из России.

Структура товарооборота указывает на то, что в СВА происходят не конфликтующие в явном виде друг с другом процессы, которые могут вызвать в перспективе частичную торговую «фрагментацию» субглобального региона. Во-первых, «гравитационное» притяжение периферийных экономик СВА к Китаю в условиях благоприятных двусторонних политических отношений, создания барьеров для взаимодействия с развитыми странами для российской и северокорей-

ской экономик, а также отсутствия других альтернатив для монгольской экономики. Во-вторых, ориентация стран Большой тройки СВА на торговлю с третьими странами и постепенное ослабление торговых взаимодействий между ними, особенно между Японией и Республикой Корея. В третьих, застой в торговле между странами Большой тройки СВА и фактически отсутствие взаимодействий между периферийными экономиками. В четвертых, санкционные ограничения к российской экономике начиная с 2014 г. и в последующем существенно ужесточившись с 2022 г., способствовали наращиванию российско-китайской торговли, отодвинув на неопределенный период времени имеющиеся возможности привлечения массового японского и южнокорейского капитала в трансграничные территории России для увеличения взаимного товарооборота и построения связующей инфраструктуры в субглобальном регионе.

Несмотря на потенциальную возможность реализации имеющихся естественных преимуществ с точки зрения наличия взаимодополнения экономик в СВА, анализ динамики и структуры торговли указывает как на сближение, так и на расхождение торговых взаимодействий в СВА. Для определения преобладающих тенденций необходимо оценить динамику интенсивности торговых взаимодействий в СВА по сравнению с товарооборотом экономик субглобального региона с третьими странами по укрупненным товарным группам для субглобального региона в целом и для стран Большой тройки, на которую приходилась основная доля внутрирегионального товарооборота.

Интенсивность торговли СВА отражает отношение доли стоимостного объема торговли внутри субглобального региона в его совокупной торговле со всеми странами мира к доле совокупной торговли данного региона в мировой торговле и оценивается в рамках индекса (4.1), показывая отклонение взвешенных значений торговли в пользу внутрирегионального / внешнего рынка¹:

$$RTI_{i,t} = (IT_{i,t}/T_{i,t}) / (T_{i,t}/(T_{w,t} - T_{i,t})), \quad (4.1)$$

где IT_i – внешнеторговый товарооборот между странами субглобального региона i ; T_i – внешнеторговый оборот стран субглобального региона i со всеми странами мира; T_w – товарооборот в мировой экономике; t – год. При $RTI = 0$ торговля между странами внутри субглобального региона не ведется; при $RTI = 1$ страны субглобального региона торгуют друг с другом с такой же интенсивностью, что и с другими странами мира, указывая на отсутствие отклонения интенсивности торговли региона в пользу какого-либо рынка. При $0 < RTI < 1$ интенсивность торговли субглобального региона отклоняется в пользу третьих стран, если $RTI > 1$, то в пользу стран региона, т. е. интенсивность торговли между странами субглобального региона выше, чем с третьими странами.

¹ Изотов Д.А. Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 28–38.

Оценки показали, что в рамках рассматриваемого периода значения интенсивности торговли стран СВА были меньше единицы, указывая на общее отклонение товарооборота субглобального региона в пользу третьих стран (табл. 4.7).

Таблица 4.7

Значения RTI для торговли стран СВА

Товарная группа	Терри-тория	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	СВА	0,83	0,83	0,87	0,86	0,85	0,83	0,79	0,75	0,78	0,81
	Большая тройка СВА	0,85	0,84	0,88	0,87	0,85	0,81	0,76	0,72	0,72	0,69
0	СВА	1,54	1,48	1,52	1,45	1,41	1,24	1,07	1,01	0,98	1,08
	Большая тройка СВА	1,76	1,53	1,55	1,51	1,42	1,21	1,06	0,98	0,99	1,04
1	СВА	1,03	1,06	1,02	1,06	1,22	1,33	1,38	1,32	1,60	1,51
	Большая тройка СВА	1,28	1,20	1,21	1,29	1,43	1,61	1,74	1,70	2,02	1,86
2	СВА	0,29	0,32	0,32	0,29	0,31	0,27	0,24	0,24	0,25	0,22
	Большая тройка СВА	0,19	0,20	0,19	0,17	0,18	0,15	0,12	0,14	0,15	0,12
3	СВА	0,59	0,67	0,72	0,70	0,73	0,69	0,73	0,80	0,84	0,97
	Большая тройка СВА	0,32	0,37	0,36	0,34	0,33	0,28	0,27	0,26	0,18	0,20
4	СВА	0,41	0,52	0,67	0,64	0,81	0,74	1,02	0,72	0,82	1,10
	Большая тройка СВА	0,31	0,29	0,32	0,24	0,24	0,19	0,19	0,23	0,27	0,20
5	СВА	1,54	1,49	1,54	1,50	1,46	1,44	1,42	1,31	1,34	1,44
	Большая тройка СВА	1,76	1,67	1,74	1,70	1,62	1,61	1,54	1,43	1,45	1,54
6	СВА	0,92	0,85	0,92	0,92	0,90	0,89	0,79	0,80	0,76	0,79
	Большая тройка СВА	0,98	0,88	0,96	0,99	0,95	0,92	0,79	0,81	0,77	0,75
7	СВА	0,75	0,73	0,77	0,76	0,76	0,75	0,70	0,66	0,69	0,75
	Большая тройка СВА	0,75	0,73	0,77	0,76	0,76	0,74	0,68	0,64	0,66	0,68
8	СВА	0,75	0,74	0,79	0,77	0,79	0,76	0,69	0,63	0,61	0,65
	Большая тройка СВА	0,70	0,70	0,76	0,73	0,75	0,71	0,65	0,59	0,57	0,59
9	СВА	0,69	0,66	0,59	0,55	0,49	0,67	1,03	0,63	1,02	0,67
	Большая тройка СВА	0,90	0,81	0,96	1,01	0,97	1,20	2,17	1,31	1,09	0,68

Источник: Изотов Д.А. Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 28–38.

Следует заметить, что в 2022–2023 гг. интенсивность торговли СВА немного возросла, по причине относительно динамичного наращивания товарооборота между Китаем и Россией. Тем не менее, данное обстоятельство не способствовало

изменению общей тенденции по снижению интенсивности торговли в рамках СВА, поскольку основной причиной отклонения товарооборота субглобального региона в пользу третьих стран являлось постепенное ослабление интенсивности торговли между основными экономиками региона – странами Большой тройки.

Несмотря на важность «гравитационного» притяжения между экономиками субглобального региона, в условиях имеющихся торгово-экономических барьеров, отсутствие продвинутого интеграционного формата между странами Большой тройки в СВА, а также видимое исчерпание позитивного влияния процесса глобализации, способствовали общему переключению части торговых потоков, главным образом сложных промышленных товаров на рынки третьих стран. Данный процесс является неизбежным, поскольку Китай, Япония и Республика Корея в целом исчерпали возможности наращивания торговли промышленными товарами за счет расширения торговли с внешней переработкой¹ на китайской территории, а в КНР возникли крупные национальные промышленные корпорации, которые, с одной стороны, уже обладают необходимыми компетенциями в производстве подавляющего большинства промежуточных товаров, ранее поставлявшихся японским и южнокорейским корпоративными секторами, с другой стороны, составляют конкуренцию японским и южнокорейским компаниям на рынке третьих стран по множеству готовых промышленных товаров. При этом, как было отмечено ранее, Япония и Республика Корея торговали друг с другом в гораздо меньшей степени, чем с КНР. Также для стран Большой тройки СВА высокий уровень потребления части сырьевых товаров, а именно непродовольственного сырья, традиционно поддерживался поставками из прочих стран (Австралия, страны Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки), что также снижало интенсивность торговли в рамках СВА.

Тем не менее, по ряду товарных групп, значения интенсивности торговли стран СВА были больше единицы, указывая на то, что в рамках конкретных товарных ниш торговое сближение в рамках субглобального региона осуществляется. К 2023 г. к таким товарным нишам относились: продовольственная продукция (пищевые продукты, напитки, животные и растительные масла); химические вещества. Страны Большой тройки СВА, являющиеся главными потребителями минерального топлива, преимущественно приобретали данную продукцию из стран Персидского залива, Юго-Восточной Азии, Австралии и Канады. По этой причине долгое время торговля данной товарной группой в СВА отклонялась в пользу третьих стран. Однако, ввиду массовых поставок российского углеводородного сырья, главным образом на китайский рынок, к 2023 г. интенсивность торговли минеральным топливом в СВА характеризовалась паритетом с аналогичным показателем при взаимодействии с третьими странами².

¹ К торговле с внешней переработкой относят импорт промежуточных товаров, которые подвергаются обработке или сборке с целью дальнейшего экспорта.

² Изотов Д.А. Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 28–38.

Таким образом, суммарный рынок стран, входящих в СВА, является одним из крупнейших в мире. При прочих равных условиях, данный субглобальный регион мог бы стать одним из успешных интеграционных образований в глобальной экономике, однако, под влиянием как экзогенных, так и эндогенных факторов и процессов этого не произошло, а внутрирегиональный товарооборот СВА не превышал 5% глобальной торговли в среднем за 2014–2023 гг. Анализ структуры товарооборота указывает на то, что в СВА происходят не конфликтующие в явном виде друг с другом процессы, которые, тем не менее, могут вызвать в перспективе частичную торговую «фрагментацию» данного субглобального региона.

В среднем за 2014–2023 гг. на страны Большой тройки СВА традиционно приходилась основная доля внутрирегионального товарооборота. Страны Большой тройки СВА специализировались в экспорте промышленной продукции, а остальные экономики субглобального региона – сырьевых товаров. К 2023 г. основную долю занимал Китай, нарастивший долю в торговле со странами СВА, далее следовали Япония и Республика Корея, постепенно теряющие свои доли во внутрирегиональной торговле. В 2014–2023 гг. страны Большой тройки СВА все больше ориентировали свою торговлю на рынки третьих стран и балансировали отрицательное сальдо внешнеторгового баланса со странами субглобального региона за счет профицита в торговле с третьими странами. При этом значительный прогресс в наращивании товарооборота в СВА, преимущественно с КНР, показали Россия и Монголия, характеризующиеся положительными сальдо внешнеторгового баланса со странами СВА. Примечательным моментом является то, что в 2023 г. важным участником торговых взаимосвязей в субглобальном регионе стала Россия, заметно нарастившая товарооборот с КНР, который стал сопоставимым с торговлей между Китаем и Республикой Корея. Соответственно, в 2014–2023 гг. главным источником поддержания торговых взаимосвязей в СВА стал являться Китай, который задавал общий вектор торгово-экономических взаимодействий в субглобальном регионе, став центром притяжения для остальных экономик субглобального региона, особенно в условиях введения против российской экономик санкций со стороны западных стран.

В 2014–2023 гг. в рамках торговых взаимодействий в СВА сложилась доминанта экспорта из Китая по многим товарным группам, однако, в рамках сложной продукции, Япония с Республикой Корея имели суммарный паритет с КНР. В условиях тесной производственной кооперации между странами Большой тройки СВА наблюдалось обострение конкуренции между продукцией данных стран на субглобальном рынке. Россия и Монголия укрепили свои позиции в поставках ключевых сырьевых товаров преимущественно на китайский рынок, способствуя развитию китайской экономики. Помимо этого, в силу переориентации внешней торговли с европейского рынка, к 2023 г. Россия также стала одним из наиболее емких рынков в рамках СВА, особенно в импорте промышленной продукции, приблизившись к доле Республики Корея.

Полученные оценки интенсивности торговли стран СВА, с одной стороны, подтвердили наличие отклонения торговли данного субглобального региона в пользу третьих стран, а с другой – указали на наличие потенциала для расшире-

ния торговых взаимосвязей, реализация которого сдерживается, прежде всего, нетарифными ограничениями, структурными и институциональными барьерами, а также все более проявляющимися геополитическими рисками. При этом в рамках конкретных товарных ниш – продовольственная продукция, химические вещества, а также минеральное топливо – происходило сближение торговли в рамках СВА.

В результате за 2014–2023 гг. в субглобальном регионе наблюдались следующие процессы. Во-первых, наблюдается ориентация стран Большой тройки СВА на торговые взаимодействия с третьими странами и постепенное ослабление товарообмена между ними, особенно между Японией и Республикой Корея. С этой точки зрения, при важности гравитационного притяжения между экономиками субглобального региона, отсутствие заключения продвинутого интеграционного формата в СВА, а также вероятное исчерпание позитивного влияния членства стран в ВТО, способствовали общему переключению части торговых потоков, главным образом сложных промышленных товаров, на рынки третьих стран. С этим, в частности, связаны сложности в создании ЗСТ между странами Большой тройки СВА¹. Во-вторых, фиксировался общий застой в торговле между странами Большой тройки СВА и фактически отсутствие взаимодействий между остальными экономиками субглобального региона. В-третьих, проявление «гравитационного» притяжения остальных экономик СВА к Китаю в условиях благоприятных двусторонних политических отношений, создания экзогенных барьеров взаимодействий с развитыми странами для российской и северокорейской экономик, а также отсутствия других альтернатив для монгольской экономики. Санкционные ограничения к российской экономике с 2014 г., а далее, с 2022 г. существенно ужесточившиеся, способствовали наращиванию российско-китайской торговли, отодвинув на неопределенный период привлечение массового японского и южнокорейского капитала в трансграничные территории России для увеличения взаимного товарооборота и построения связующей инфраструктуры в субглобальном регионе, нивелировав тем самым возможности создания в СВА многостороннего кооперационного формата. Наряду с этим, большие трудности для внешнеэкономических отношений со странами СВА имеются у КНДР, существенно ограничивая возможности включения данной экономики в торговые взаимодействия в рамках субглобального региона².

Указанные процессы способствовали все большему экономическому влиянию Китая в субглобальном регионе, который на основе расширения торговых взаимодействий сплотил вокруг себя остальные экономики субглобального региона и создал интеграционный формат с Республикой Корея, постепенно изолировав японскую экономику, выступая в роли неформального лидера в СВА. Данное обстоятельство является объективным, поскольку помимо большого эконо-

¹ *Yeung W.Y.* China's Approach to the Institutionalization of Trilateral Economic Cooperation // *East Asia*. 2021. Vol. 38. Pp. 207–223.

² *Изотов Д.А.* Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.) // *Власть и управление на Востоке России*. 2024. № 3 (108). С. 28–38.

мического масштаба КНР, который формирует гравитационное притяжение торговых потоков стран, значительно уступающих по размеру китайской экономике, Китай стал рассматриваться как наиболее удобный и «компромиссный» участник торгово-экономических взаимодействий для всех стран СВА, даже конфликтующих между собой.

4.3. Инвестиционные взаимодействия в СВА

В настоящее время интернациональное движение капитала, которое часто именуется движением иностранных инвестиций, стало важным элементом мировой экономической системы. Применяемая в современной международной практике классификация иностранных инвестиций различает три их вида: прямые (ПИИ), портфельные и прочие¹. Среди них особое значение имеют ПИИ, как ориентированные непосредственно на реальный (нефинансовый) сектор экономики, что было особенно характерно для СВА.

Движение ПИИ играет важную роль в экономическом развитии как развитых, так и развивающихся экономик СВА, несмотря на межстрановые различия в этом процессе, выражающиеся, прежде всего, в доле годовых объемов ПИИ в валовых капиталовложениях стран-реципиентов (табл. 4.8).

Таблица 4.8

**Доля годовых объемов притока и оттока ПИИ
в валовых капиталовложениях стран СВА, %**

Страна	Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	приток	2,8	2,9	2,9	2,7	2,3	2,3	2,4	2,4	2,5	2,2
	отток	2,7	3,1	4,2	3,1	2,4	2,2	2,5	2,4	2,2	2,0
Япония	приток	1,0	0,3	1,6	0,8	0,8	1,1	0,9	2,7	3,1	1,9
	отток	10,7	12,3	12,6	13,4	11,4	17,8	7,7	16,3	14,6	16,6
Республика Корея	приток	2,2	1,0	2,7	3,5	2,3	1,9	1,7	3,8	4,7	2,8
	отток	6,5	5,6	6,7	6,7	7,3	7,1	6,8	11,5	12,2	6,4
Россия	приток	6,6	4,2	13,3	7,5	3,9	9,1	3,2	10,7	–3,3	1,8
	отток	14,6	9,6	9,7	9,9	10,5	6,2	2,1	17,7	2,5	6,3
Монголия	приток	9,5	4,4	–	58,2	61,4	61,5	54,8	53,0	49,0	44,0
	отток	3,0	0,5	0,7	1,9	1,1	3,2	0,8	2,8	1,5	1,5
Страны СВА	приток	7,1	10,9	10,7	8,1	6,2	7,6	4,5	6,4	5,1	5,1
	отток	7,0	9,1	8,1	7,9	4,6	6,4	3,5	7,4	6,0	5,9

Источник: составлено по: Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

¹ Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции / Международный валютный фонд. 2012.

Так, если в целом для стран СВА в 2014–2023 гг. доля притока прямых инвестиций в валовых капиталовложениях варьировалась от 5,1 до 10,7%, то доля оттока – от 3,5 до 8,1%. Следует отметить, что для мировой экономики данный показатель был значительно ниже в среднем за 2014–2023 гг., составляя 2,5% для притока и 2,7 для оттока ПИИ. Для некоторых стран СВА, таких как Монголия, в рассматриваемый период ежегодный приток ПИИ в валовых инвестициях играл существенную роль, кроме 2016 г., когда был зафиксирован чистый отток ПИИ из ее экономики.

Если проанализировать данные по доле накопленных объемов притока / оттока ПИИ в ежегодных валовых инвестициях стран СВА, то снова выделяется Монголия – 600 и 20% в 2023 г. по притоку и по оттоку соответственно, а также по оттоку – Япония – 192% и Республика Корея – 126% (табл. 4.9).

Таблица 4.9

**Доля накопленных объемов притока
и оттока ПИИ в валовых капиталовложениях стран СВА, %**

Страна	Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	приток	23,6	26,2	29,0	28,9	27,4	28,9	30,8	48,6	46,4	48,5
	отток	19,2	23,6	29,1	35,1	33,3	36,0	41,4	37,3	36,5	39,0
Япония	приток	14,0	15,7	15,9	16,4	16,1	17,1	19,4	18,8	20,3	22,3
	отток	93,8	110,7	106,2	121,5	123,2	136,2	146,3	151,1	175,8	192,4
Республика Корея	приток	41,8	42,2	42,4	44,8	45,3	48,6	50,7	48,7	50,6	52,8
	отток	60,6	67,2	69,6	70,5	77,4	91,8	100,1	105,1	120,3	126,7
Россия	приток	65,8	93,5	141	127,5	119,2	139,4	139,5	137,7	77,6	60,1
	отток	75,5	103,2	122,7	112,3	101,3	115,1	118,4	103,6	64,5	55,6
Монголия	приток	571	974,2	780	702,3	571,6	567,4	771,2	640,7	557,9	600,5
	отток	12,1	20,7	21,8	19,3	15,1	16,7	22,2	20,1	17,8	20
КНДР	приток	4,2	5,0	5,3	5,1	5,1	5,6	5,8	5,6	6,3	6,3
	отток	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Страны	приток	130,9	139,3	146,9	159,7	146,2	159,1	188,3	185,1	169	187,2
СВА	отток	132,6	140,2	146	161,2	141,6	155	184,1	171,2	155,1	169,8

Примечание: «–» – конфиденциальные данные.

Источник: составлено по: Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

За последние четыре десятилетия в мировой экономической системе сформировались три крупных субглобальных центра в потоках прямых инвестиций: ЕС; США; Восточная Азия в целом, включая СВА. Указанные три центра в совокупности охватывали более половины мировых инвестиционных потоков, при этом в 2021–2023 гг. роль ЕС понизилась. Страны СВА в среднем в 2020–2023 гг. имели долю в 9,5% общих накопленных объемов ПИИ в мире. При этом прямые инвестиции из развитых стран поступали ранее в основном в развитые страны, прежде всего в рамках так называемой триады, включающей Японию, страны ЕС и США, а в 2010–2020 гг. выросла роль крупных развивающихся стран, таких как

Китай. После 2020 г. страны СВА в целом постепенно сокращали свою долю в мировых ежегодных объемах ввоза ПИИ, а для Китая эта доля варьировалась от 11,2% в 2021 г. до 14% в 2022 г. (табл. 4.10).

Таблица 4.10

Годовые объемы притока ПИИ в страны СВА и их доля в мире

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	128502	135577	133711	136315	138306	141225	149342	180957	189132	163253
	9,2	6,6	6,6	8,3	10,1	8,2	15,2	11,2	14,0	12,3
Япония	12030	2976	19359	9356	9963	13755	11768	34294	34194	21433
	0,9	0,1	1,0	0,6	0,7	0,8	1,2	2,1	2,5	1,6
Республика Корея	9274	4104	12104	17913	12183	9634	8765	22060	25045	15178
	0,7	0,2	0,6	1,1	0,9	0,6	0,9	1,4	1,8	1,1
Россия	29152	11858	37176	25954	13228	32076	10410	38639	–15205	8364
	2,1	0,6	1,8	1,6	1,0	1,9	1,1	2,4	–1,1	0,6
Монголия	338	94	–4156	1494	2174	2443	1719	2173	2504	2248
	0	0	–0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,2
КНДР	64	78	89	–13	2	30	6	18	10	13
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Страны СВА	181374	156702	200299	193036	177874	201182	184030	280162	237702	212512
	12,8	7,5	9,8	11,6	12,8	11,5	18,5	17,2	17,4	15,8

Примечание: верхняя ячейка – млн долл., нижняя – доля в мире, %.

Источник: составлено по: Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

В рассматриваемый период в целом наблюдался положительный тренд притока прямых инвестиций как в целом в Восточной Азии, так и в странах СВА. Так, объемы ввоза с 181 млрд долл. в 2014 г. в СВА выросли примерно на треть – до 212 млрд в 2023 г., с пиком в 281 млрд долл. в 2021 г. При этом в 2017 г., 2022 г. и 2023 г. происходило некоторое снижение общего притока прямых инвестиций в страны СВА. Прежде всего, это было связано со спадом притока инвестиций в Республику Корея, Японии и Китай в указанные годы. В результате интенсивной динамики ежегодного притока ПИИ, к концу 2023 г. на Китай приходилось 7,4% мирового объема накопленных объемов притока ПИИ, на страны СВА в целом – 9,2% (табл. 4.11).

В 2014–2023 гг. наблюдалась тенденция оттока прямых инвестиций как в целом из стран СВА, так и из Китая в 2014–2017 г. в частности¹. Так, в 2020 г. до-

¹ Zhan J.X. GVC Transformation and a New Investment Landscape in the 2020s: Driving Forces, Directions, and a Forward-Looking Research and Policy Agenda // Journal of International Business Policy. 2021. Vol. 4. Issue 2. Pp. 206–220; Altman S.A., Bastian C.R., Fattedad D. Challenging the Deglobalization Narrative: Global Flows Have Remained Resilient Through Successive Shocks // Journal of International Business Policy. 2024. Vol. 7. Pp. 416–439.

ля СВА в потоках вывоза ПИИ в мире составила почти 38%, а Китая – 19,7%, сократившись в 2023 г. к 25,5 и 9,5% соответственно (табл. 4.12).

Таблица 4.11

**Накопленные объемы притока прямых инвестиций
в странах СВА и их доля в мире**

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	1084,4	1219,9	1353,6	1490,0	1628,3	1769,5	1918,8	3633,3	3496,4	3659,6
	4,2	4,6	4,8	4,5	5,0	4,9	4,6	7,7	7,9	7,4
Япония	171,7	174,1	196,6	202,4	204,5	223,8	250,1	241,1	225,4	246,8
	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5
Республика Корея	179,4	179,5	188,9	229,4	237,2	241,7	260,8	280,1	272,3	284,1
	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6
Россия	290,0	262,7	393,9	441,1	408,1	493,2	449,1	497,7	360,0	278,8
	1,1	1,0	1,4	1,3	1,3	1,4	1,1	1,1	0,8	0,6
Монголия	20,2	20,7	16,3	18	20,2	22,6	24,2	26,3	28,5	30,7
	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
КНДР	0,7	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	1,0
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Страны СВА	1748,5	1859,9	2152,2	2383,8	2501,2	2753,6	2905,9	4681,5	4385,5	4503,1
	6,7	7,0	7,7	7,3	7,7	7,6	6,9	9,9	9,9	9,2

Примечание: верхняя ячейка – млрд долл., нижняя – доля в мире, %.

Источник: составлено по: Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

Таблица 4.12

**Годовые объемы вывоза прямых инвестиций
из стран СВА и их доля в мире**

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	123120	145667	196149	158288	143037	136908	153710	178819	163120	147850
	8,9	8,4	12,8	9,9	14,2	9,5	19,7	9,5	10,4	9,5
Япония	130843	136249	155937	164588	144982	232627	99708	208985	162126	184022
	10,7	12,3	12,6	13,4	11,4	17,79	7,74	16,31	14,6	16,6
Республика Корея	27999	23687	29890	34069	38220	35239	34832	66001	65799	34541
	2,0	1,4	2,0	2,1	3,8	2,4	4,5	3,5	4,2	2,2
Россия	64203	27090	26951	34153	35820	22024	6778	64072	11510	29110
	4,7	1,6	1,8	2,1	3,5	1,5	0,9	3,4	0,7	1,9
Монголия	107	11	14	49	37	127	26	113	76	76
	0	0	0	0	0	0,01	0	0,01	0	0
Страны СВА	346272	332704	408941	391147	362096	426925	295054	517990	402631	395599
	25,1	19,2	26,8	24,5	35,8	29,6	37,9	27,5	25,6	25,5

Примечание: верхняя ячейка – млн долл., нижняя – доля в мире, %.

Источник: составлено по: Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

Также как и в 2018–2022 гг., к концу 2023 г. доля оттока накопленных ПИИ из стран СВА в общемировом показателе составила 13,5% (табл. 4.13), практически не изменившись в динамике. Данное обстоятельство указывает на то, что СВА является в целом стабильным источником оттока или вывоза ПИИ как в развитые, так и развивающиеся страны мира, играя важную роль на глобальном рынке капитала.

Таблица 4.13

**Накопленные объемы вывоза прямых инвестиций
в странах СВА и их доля в мире**

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	882,6	1097,9	1357,4	1809,1	1982,3	2198,9	2580,7	2785,2	2754,8	2939,1
	3,4	4,2	4,9	5,5	6,3	6,3	6,3	6,4	6,8	6,6
Япония	1152,0	1228,8	1315,2	1497,5	1568,8	1780,2	1884,8	1935,7	1948,6	2132,6
	4,4	4,7	4,7	4,6	5,0	5,1	4,6	4,5	4,8	4,8
Республика Корея	260,5	285,9	310,2	360,6	405,2	456,0	515,4	605,1	647,6	682,0
	1,0	1,1	1,1	1,1	1,3	1,3	1,3	1,4	1,6	1,5
Россия	333,0	290,1	342,8	388,7	346,6	407,3	381,1	374,6	299,1	258,2
	1,3	1,1	1,2	1,2	1,1	1,2	0,9	0,9	0,7	0,6
Монголия	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,7	0,7	0,8	0,9	1
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Страны СВА	2628,5	2903,1	3326,1	4056,3	4303,4	4843,1	5362,7	5701,3	5651,0	6013,0
	10,1	11	12	12,3	13,8	13,8	13,2	13,1	13,9	13,5

Примечания. Верхняя ячейка – млрд долл., нижняя – доля в мире, %. По КНДР нет данных.

Источник: составлено по: Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

По данным, представленным в таблице 4.14, можно проследить изменение роли и масштабов объема притока и оттока ПИИ в целом для экономик стран СВА (как % от ВВП стран). За рассматриваемый период заметно выросла роль включенности китайской экономики в международные потоки прямого капитала, также заметно возросла роль Японии и Республики Корея как стран оттока ПИИ. Следует также отметить, что за счет относительно заметных объемов накопленных ПИИ осуществляется развитие монгольской экономики.

Если рассмотреть инвестиционные взаимодействия между странами СВА, то в основном они были сосредоточены в рамках Большой тройки: Япония – Республика Корея – Китай. В целом, в рамках рассматриваемого периода взаимодействия в форме прямого инвестирования между экономиками субглобального региона продолжали развиваться, что можно проследить по данным накопленных иностранных инвестиций между странами СВА. В таблице 4.15 представлена инвестиционная позиция страны-инвестора (партнера) СВА в каждой стране СВА, выступающей в качестве реципиента ПИИ¹ и отражена как в абсолютных показате-

¹ Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции / Международный валютный фонд. 2012.

лях (в млн долл.), так и в относительных, т. е. как доля каждого партнера (страны-инвестора) в каждой экономике страны-реципиента ПИИ.

Таблица 4.14

**Отношение к ВВП накопленных объемов притока
и оттока прямых инвестиций стран СВА, %**

Страна	Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	приток	10,4	11,0	12,1	12,1	11,7	12,4	13,1	20,4	19,5	20,6
	отток	8,4	9,9	12,1	14,7	14,3	15,4	17,6	15,6	15,3	16,5
Япония	приток	3,5	3,9	3,9	4,1	4,1	4,4	5,0	4,8	5,3	5,9
	отток	23,5	27,6	26,3	30,4	31,1	34,8	37,3	38,7	46,0	50,9
Республика Корея	приток	12,1	12,3	12,6	14,1	13,8	14,6	15,9	15,4	16,3	16,6
	отток	17,6	19,5	20,7	22,2	23,5	27,6	31,3	33,3	38,7	39,8
Россия	приток	14,1	19,3	30,9	28,0	24,6	29,1	30,1	27,1	16,1	14,1
	отток	16,2	21,3	26,9	24,7	20,9	24,1	25,5	20,4	13,4	13,0
Монголия	приток	165,6	178,1	145,6	157,0	153,5	158,8	181,8	171,9	166,3	152,4
	отток	3,5	3,8	4,1	4,3	4,1	4,7	5,2	5,4	5,3	5,1
КНДР	приток	4,2	5,0	5,3	5,1	5,1	5,6	5,8	5,6	6,3	6,3
	отток	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Источник: составлено по: Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

Таблица 4.15

**Инвестиционные позиции стран-партнеров
по ПИИ в странах-реципиентах СВА**

Страна-партнер	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Китай</i>									
Япония	13436	15192	14202	16476	16681	14788	19333	21180	20109
	5,8	5,9	5,6	6,1	5,9	5,0	6,0	5,9	5,6
Республика Корея	55888	61239	95068	72690	76591	64006	82693	96879	92819
	2,4	2,4	3,8	2,7	2,7	2,2	2,6	2,7	2,6
Россия	317	355	334	304	274	200	266	320	312
	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Монголия	28	34	33	28	29	26	25	35	35
	0	0	0	0	0	0	0	0	0
КНДР	14,3	22,7	22,9	−1,6	−1,1	0,8	2,5	1,3	0,3
	0	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>Япония</i>									
Китай	638	656	829	1332	1682	2037	2516	2560	2519
	0,4	0,4	0,4	0,7	0,8	0,9	1	1,1	1,1
Республика Корея	2296	3190	3419	4885	6482	7249	8963	8121	7622
	1,3	1,8	1,7	2,4	3,2	3,2	3,6	3,4	3,4
Россия	48	47	52	54	57	61	65	59	52
	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Страна-партнер	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Республика Корея</i>									
Китай	2747	4669	5576	5661	8351	8684	8609	8530	8837
	1,6	2,8	3,2	2,7	3,9	4,0	3,9	3,7	3,6
Япония	47896	44767	43505	47566	54942	53951	57796	60608	55843
	28,1	26,4	24,8	22,4	25,5	24,5	26,4	26	22,8
Россия	36	48	43	47	-9	40	31	34	68
	0,02	0,03	0,02	0,02	0	0,02	0,01	0,01	0,03
Монголия	33	32	27	27	28	28	40	36	43
	0,02	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02
КНДР	0	3	3	2	3	2	3	2	2
	0	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>Россия</i>									
Китай	2759	1341	2902	3584	2660	3736	2188	3323	–
	1,0	0,5	0,7	0,8	0,7	0,8	0,5	0,7	–
Япония	1274	1319	1924	2156	1920	2543	2403	3259	–
	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,7	–
Республика Корея	1677	1339	2246	1910	2681	3665	3362	3699	–
	0,6	0,5	0,6	0,4	0,7	0,7	0,8	0,7	–
Монголия	0,7	0,7	3,8	4,0	3,7	4,1	3,8	3,7	–
	0	0	0	0	0	0	0	0	–
КНДР	–	–	4,1	4,3	3,6	4	3,5	3,4	–
	–	–	0	0	0	0	0	0	–
<i>Монголия</i>									
Китай	4001	4394	4378	4607	4917	5069	5238	5185	5168
	19,8	21,2	26,9	25,6	24,3	22,5	21,6	19,7	18,6
Япония	528	540	585	661	706	923	982	1022	1438
	2,6	2,6	3,6	3,7	3,5	4,1	4,1	3,9	5,2
Республика Корея	435	442	440	442	453	464	461	424	440
	2,2	2,1	2,7	2,5	2,2	2,1	1,9	1,6	1,6
Россия	435	439	38	68	117	143	136	163	142
	2,2	2,1	0,2	0,4	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5

Примечание: инвестиционная позиция (на конец года) приведена по статистике отчитывающейся страны и показана в верхней ячейке в млн долл., в нижней – в %.

Источник: составлено по: Coordinated Direct Investment Survey / IMF Data. 2024.

Ввиду обоснованных сомнений в корректности мировой статистики ПИИ и заметных различий в статистике каждой страны СВА по ежегодным потокам и накопленным объемам ПИИ¹, в таблице 4.15 приведены доступные в настоящее время данные из общемировой базы Координированного обследования прямых инвестиций (CDIS) МВФ для СВА. За пределами анализа остаются Гонконг и другие китайские юрисдикции, которые играют важную роль как для внешних

¹ Wacker K.M., Casella B., Borgia M. Measuring Multinational Production with Foreign Direct Investment Statistics: A Survey of Challenges and Recent Developments // Journal of Economic Surveys. 2024. Pp. 1–26.

прямых инвестиций из АТР, так и при инвестировании в материковый Китай и другие страны субглобального региона.

Среди стран СВА Япония обладала избыточными финансовыми ресурсами и с конца 2000-х гг. занимала место второго крупнейшего прямого иностранного инвестора в мире после США (за исключением 2014 г. и 2016 г., когда Япония занимала 4 место). При этом Япония не входит в состав 20 крупнейших принимающих ПИИ стран мира. Такая диспропорция объясняется сочетанием экспансии японских ТНК на внешние рынки с традиционной защитой внутреннего рынка от иностранной конкуренции, что качественно отличает Японию от других крупных экономик АТР, в первую очередь Китая, Гонконга и Сингапура¹. Отметим, что с 2022 г. годовые потоки прямых инвестиций из Японии в Китай снижаются, причем в 2023 г. они стали в шесть раз меньше объема японских инвестиций в США. Экономические и торговые связи в субглобальном регионе между этими странами слабеют². Схожая ситуация происходила и с ПИИ из Республики Корея, инвестиции из которой в Китай в 2023 г. стали наименьшими за последние 20 лет, и одновременно с этим наблюдалось наращивание южнокорейских вложений в американскую экономику. Тем не менее, к концу 2022 г. объем накопленных японских прямых инвестиций в КНР составил 200 млрд долл. (5,6% от всех привлеченных). При этом, за рассматриваемый период китайские накопленные прямые инвестиции в экономику Японии увеличились почти в 4 раза – с 638 млн долл. в 2014 г. до 2519 млн в 2022 г. (1,1% всех привлеченных), а позиции Республики Корея по накопленным ПИИ выросли в 3,3 раза с 2296 млн долл. до 7622 млн долл. (2,6% всех привлеченных)³. Следует отметить, что для Японии, роль стран СВА в притоке ПИИ не так велика, при этом данный субглобальный регион является важным местом для размещения капитала японских инвесторов.

Республика Корея заимствовала многие элементы экономической модели развития у Японии в части создания и развития экспортно ориентированных отраслей промышленности⁴. Следуя политике либерализации с начала 2000-х гг., Республика Корея превратилась в одну из наиболее открытых развитых стран с точки зрения создания благоприятного климата (с использованием различных режимов в рамках специальных экономических зон и торговых соглашений) для привлечения ПИИ. Иностранных инвесторов в Республике Корея привлекают ее уровень технологического развития, расширенные возможности исследований и

¹ Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции стран Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея, Монголия. М.: РУСАЙНС, 2024. 210 с.

² Latorre M. C., Hosoe N. The role of Japanese FDI in China // *Journal of Policy Modeling*. 2016. Vol. 38. Pp. 226–241; Survey Report on Overseas Business Operations by Japanese Manufacturing Companies / Japan Bank for International Cooperation. 2023. 78 p.

³ Справочно: для Гонконга накопленный объем ПИИ (16280 млн долл.) был самым высоким среди рассматриваемых стран (юрисдикций), при этом доля в общем объеме для Японии составляла в 2014 г. 3,8%, а в 2022 г. – 7,2%.

⁴ Kim K.M. The Korean Developmental State. Springer Books, 2020. 228 p.; Branstetter L.G., Kwon N. South Korea's Transition from Imitator to Innovator: The Role of External Demand Shocks // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2018. Vol. 49. Pp. 28–42.

разработок, высокий уровень располагаемого дохода домохозяйств, достаточно емкий внутренний потребительский рынок, а также развитая транспортная (логистическая), портовая и аэродромная инфраструктура, что способствует развитию страны как «хаба» для выхода инвесторов на рынки третьих стран. Так, в рассматриваемый период в экономике Республики Корея японские инвесторы увеличили свои вложения накопленного объема ПИИ до 56 млрд долл. на конец 2022 г., что составило более одной пятой части от всех привлеченных страной накопленных ПИИ. Также важным источником ПИИ для южнокорейской экономики выступили инвесторы из материкового Китая (8,8 млрд долл. накопленных инвестиций). Таким образом, на страны СВА (с учетом 2 млн долл. из КНДР) в целом приходилась треть привлеченных прямых инвестиций в Республику Корея. Одновременно Республика Корея превращается в крупного экспортера капитала. За пределами Восточной Азии основным реципиентом южнокорейских ПИИ выступали США. Республика Корея также проявляла повышенный инвестиционный интерес к странам Латинской Америки и постсоветскому пространству.

Можно отметить, что во время рассматриваемого периода, по накопленному объему ПИИ в целом в мире Китай уступал только США и Гонконгу. Южнокорейские инвесторы активно взаимодействовали с китайской стороной, и к концу 2022 г. нарастили свои вложения до 92,8 млрд долл., что составляло 2,6% от общего накопленного объема ПИИ в Китае. За этот же период японские инвесторы увеличили свои вложения в Китай со 134 млрд долл. в 2014 г. до 201 млрд в 2022 г., что соответствовало 5,6% накопленного объема ПИИ в стране¹. При этом уже в 2010-е гг. Гонконг стал как основным транзитным каналом для внешних ПИИ из материкового Китая, так и местом размещения капиталов непосредственно в нем². На современном этапе роль китайской экономики в мировой системе смещается из сферы производства на китайской территории в сферу крупных строительных проектов и инжиниринговых контрактов за рубежом³. Перенос обрабатывающих производств за рубеж обусловлен относительной утратой конкурентоспособности китайских предприятий в связи с ростом уровня оплаты труда китайских работников и цены на другие ресурсы. Одновременно расширялась структура китайских инвестиций: помимо сырьевой отрасли и сферы услуг, ком-

¹ Даже после вступления Китая в 2001 г. в ВТО китайское правительство достаточно жестко регулирует проекты с ПИИ. Ограничения на приток иностранного капитала существуют во многих отраслях промышленности и сферы услуг. Например, полностью закрытыми для иностранных инвесторов остаются теле- и радиовещание, средства массовой информации и рыбное хозяйство. Главным же инвестором для китайской экономики уже длительное время выступает Гонконг, что обусловлено особенностями экономического развития, спецификой инвестиционных процессов и привлечения иностранного капитала в Китае в период после 1979 г. Подробно: *Островский А.В.* Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН; Издательство МБА, 2020. С. 336–363.

² Так, накопленный объем ПИИ Китая в Гонконг составил почти 616 млрд долл. (31,6% от общего показателя), тогда как японские ПИИ выросли до уровня почти в 31 млрд долл. (1,6%).

³ Так, в 2016 г. Китай занял второе место в мире после США по объему экспорта капитала в форме ПИИ.

пании из КНР все активнее осуществляли капиталовложения в телекоммуникации, обрабатывающую промышленность, недвижимость, связь, здравоохранение, туризм, игорный бизнес, а также финансовые, медиапроекты и образовательные технологии¹. Кроме того, среди китайских инвесторов возростала доля предприятий с частной формой собственности. В ходе глобальной экономической экспансии КНР диверсифицировала не только структуру, но и географию инвестиций². Так, Китай направлял масштабные инвестиции в страны ЕС, США, страны АСЕАН³ и Африки, где наряду с добычей природных ресурсов вел строительство промышленных предприятий и транспортной инфраструктуры.

Монголия является ресурсоориентированной экономикой и чистым (нетто) реципиентом зарубежных инвестиций со значительным превышением внешних финансовых обязательств над внешними финансовыми активами, т. е. имеет отрицательную инвестиционную позицию. Для финансирования данных обязательств Монголия испытывает острую потребность в привлечении иностранного капитала. Выступая аутсайдером мирового инвестиционного процесса, страна обладает нереализованным потенциалом притока инвестиций в освоение огромных по меркам страны запасов природных ресурсов. Китайский и японский бизнес активно инвестировал в Монголию и имел заметную долю в общих объемах привлекаемых страной ПИИ. Так, на конец 2022 г. доля Китая составляла порядка 19%, Японии – 5%. Основным же инвесторами в Монголию кроме стран СВА являлись компании из Канады, Нидерландов, Сингапура, США, Австралии и других стран. Позиции России в ПИИ в Монголию не так значимы: по итогам 2023 г. объем российских накопленных прямых инвестиций составил около 156 млн долл.⁴

Для российской экономики ни одна из стран СВА не являлась достаточно крупным инвестором, накопленные объемы каждой из них не превышали 1% от общих накопленных объемов ПИИ в стране⁵, а крупные инвестиции из стран субглобального региона, прежде всего из Японии, были осуществлены до рассматриваемого периода.

Из ранее представленных данных можно заметить мизерную роль КНДР в СВА как места размещения ПИИ. Основными инвесторами в КНДР являлись ки-

¹ Amighini A., Cozza C., Rabellotti R., Sanfilippo M. Investigating Chinese Outward Foreign Direct Investments: How Can Firm-Level Data Help? // *China & World Economy*. 2014. Vol. 22. Pp. 44–63.

² При этом активно используются такие юрисдикции как САР Гонконг, Британские Виргинские острова, Каймановы острова и т. д.

³ ASEAN Investment Report 2023 / ASEAN; United Nations. 2023.

⁴ Для сравнения Китай – 5,3 млрд долл., Нидерланды – 13,5 млрд, Сингапур – 2,5 млрд, США – 1,1 млрд долл. Подробно: Foreign Direct Investment Stock, by Country / Mongolian Statistical Information Service. 2024; Narantuya C., Zagdbazar M., Bayartsogt K.E., Tuvshintugs D., Munkh-Ireedui B., Begz D. Foreign Direct Investment in Mongolia: Impact and Determinants // *Economic Dependence of Mongolia on Minerals. Contributions to Economics* / Edited by Y. Hosoi, T. Batdelger, K. Chuluundorj. Singapore: Springer, 2022.

⁵ Дементьев Н.П. Входящие и исходящие иностранные инвестиции в экономике современной России // *ЭКО*. 2022. № 2. С. 115–139.

тайские и российские компании, а накопленный объем ПИИ на конец 2023 г. составлял лишь 963 млн долл.¹

Таким образом, взаимные ежегодные потоки и накопленные объемы ПИИ в СВА играли заметную роль, прежде всего, для экономики Республики Корея. Что касается других стран, то объемы китайских инвестиций² в экономику Японии и Республики Корея были существенно ниже по сравнению с инвестициями Японии и Республики Кореи в Китай. Японские накопленные ПИИ в Республику Корея были в 7,3 раза больше, чем южнокорейские инвестиции в Японию, что отражало более активную позицию японских ТНК в формировании своих цепочек создания стоимости и производственной кооперации в субглобальном регионе.

Можно отметить, что инвестиционные потоки в рамках Большой тройки были несбалансированы, а это означает, что каждая из стран играла разную роль для других стран в их инвестиционных предпочтениях. В целом, инвестиционные взаимодействия в СВА в форме ПИИ в период 2014–2023 гг. носили устойчивый характер и поступательно развивались в сравнении с общими негативными тенденциями³ в мировых потоках ПИИ, в условиях их субглобальной «фрагментации»⁴ и роста геополитической напряженности⁵. При этом, после 2022 г. в КНР наблюдался негативный тренд как притока, так и оттока ПИИ⁶. Прежде всего, это было связано с существенным уменьшением как вложений зарубежных ТНК в китайскую экономику, так и изменением направлений и объемов самих китайских ПИИ в мире, прежде всего со стороны США⁷.

В инвестиционных потоках и во взаимодействиях в целом между странами СВА в рассмотренный период существуют явные дисбалансы, что отражает сложившуюся практику данного вида сотрудничества, прежде всего в Большой тройке СВА⁸. По ряду объективных причин (санкционное давление, геополитическая

¹ Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024.

² Ван И. Исследование факторов, влияющих на поток прямых инвестиций Китая в соседние страны // Экономические отношения. 2021. Т. 11. № 1. С. 103–120.

³ World Investment Report 2020: International Production beyond the Pandemic / UNCTAD. New York; Geneva: United Nations Publication, 2020. 268 p.; World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery / UNCTAD. New York; Geneva: United Nations Publication, 2021. 280 p.

⁴ Global Economic Fracturing and Shifting Investment Patterns / UNCTAD. 2024; World Investment Report 2024: Investment Facilitation and Digital Government / UNCTAD. 2024. 190 p.; Geoeconomic Fragmentation and Foreign Direct Investment // World Economic Outlook: A Rocky Recovery / International Monetary Fund. 2023. Pp. 91–106.

⁵ Aiyar S., Malacrino D., Presbitero A.F. Investing in Friends: The Role of Geopolitical Alignment in FDI Flows // European Journal of Political Economy. 2024. Vol. 83. 102508.

⁶ Liu Y., Zhao Y., Liu X. Institutional Action, Institutional Entrepreneurship, and China's Inward FDI policy: A Co-Evolution Analysis // International Business Review. 2025. Vol. 34. Issue 1. 102342.

⁷ Foreign Direct Investment, Net (BoP, Current US\$) – China / World Bank. 2023; Кашин В., Тимофеев И. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? // Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия / Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2023. С. 390–424.

⁸ Xie Y., Yu X., Yu Z., Zhou Y. Spatial Outward FDI: Evidence from China's Multinational Firms // Review of International Economics. 2024. Vol. 32. Issue 2. Pp. 574–603.

напряженность, неурегулированные разногласия и конфликты в субглобальном регионе), ряд таких стран СВА как КНДР, в первую очередь, так и в менее острой форме – Россия, «выпадают» из общего инвестиционного сотрудничества в субглобальном регионе, особенно после 2022 г. Тем не менее, можно предполагать, что сотрудничество в сфере энергетики, высоких технологий и создания общей и трансграничной инфраструктуры с учетом современных общемировых и субглобальных тенденций движения ПИИ и влияния геополитической напряженности, могут способствовать трансформации межстрановых потоков ПИИ в СВА¹.

Одним из основных направлений инвестиционных взаимодействий в СВА становится сотрудничество в сфере энергетики². Страны СВА активно включились в процесс создания электростанций и сетевой инфраструктуры, связанной с возобновляемыми источниками энергии, особенно Китай³, а также в продвижение проектов по строительству новых электростанций по «старым» технологиям. В перспективе это позволит им снизить зависимость от импорта энергоресурсов и обеспечить устойчивое развитие экономик.

Другим важным направлением выступает сотрудничество в области высоких технологий. Страны СВА являются лидерами в таких производственных областях, как электроника, робототехника и искусственный интеллект. Инвестиции в эти отрасли могут способствовать развитию новых технологий и созданию новых рабочих мест в экономиках стран СВА. Также перспективным направлением является сотрудничество в области создания инфраструктуры, поскольку страны субглобального региона нуждаются в развитии транспортной сети, строительстве новых дорог и мостов, а также в модернизации существующих объектов инфраструктуры, в том числе расположенной в рамках приграничных территорий. Реализация инвестиционных проектов в этой сфере может способствовать повышению уровня связанности в субглобальном регионе и стимулировать экономические взаимодействия и обмены между странами СВА.

¹ Global Economic Fracturing and Shifting Investment Patterns / UNCTAD. 2024; Ключко О.А. Новые подходы к регулированию прямых иностранных инвестиций: инициативы крупнейших стран мира и уроки для России // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 3. С. 113–218; Квашнина И.А. Новые тенденции в глобальных потоках трансграничных прямых инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 3. С. 61–75.

² Meng X., Yilmaz S. Renewable Energy Cooperation in Northeast Asia: Incentives, Mechanisms and Challenges // Energy Strategy Reviews. 2020. Vol. 29. 100468; Воронин Н.И., Подковальников С.В., Санеев Б.Г. Межгосударственная энергетическая кооперация в Северо-Восточной Азии: состояние, потенциальные проекты, энергетическая инфраструктура // Энергетическая политика. 2014. № 2. С. 55–64.

³ Guilhot L. An Analysis of China's Energy Policy from 1981 to 2020: Transitioning Towards to a Diversified and Low-Carbon Energy System // Energy Policy. 2022. Vol. 162.

ГЛАВА 5

ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ СОТРУДНИЧЕСТВА В СВА: ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

5.1. Сухопутные транспортные коридоры

Задача транспорта как инфраструктурной отрасли – обеспечивать перемещение грузов и пассажиров, складывающихся в рамках торговли и социального оборота. Соответственно география и масштабы грузовых потоков между странами СВА полностью определяются динамикой их торгово-политических взаимодействий. Не повторяя представленный ранее детальный анализ торговых связей стран СВА, в рамках данного раздела акцент будет сделан на особенностях транспортного обслуживания (его сухопутной составляющей): сформированном инфраструктурном каркасе, институциональных формах стимулирования перевозок и ограничениях в период пандемии, направлениях развития международного сотрудничества в сфере транспорта.

Под международными транспортными коридорами (МТК) чаще всего понимается маршрут массовых перевозок грузов (и пассажиров) между центрами экономической активности, расположенными в разных странах¹. Транспортный коридор должен обладать развитой инфраструктурой и обеспечивать высокую скорость доставки, для чего чаще всего используются мультимодальные перевозки, т. е. процесс транспортировки организован с привлечением нескольких видов транспорта. Именно скорость перевозки, обеспечиваемая также снижением формальных барьеров пересечения границ: сокращением времени при оформлении разрешительных документов на международную перевозку, ускоренное прохождение процедур таможенного и пограничного контроля и прочее, – определяет их привлекательность для грузопотоков между странами, в т. ч. для транзитных перевозок. По сути, задача обслуживания транзита является основной при формировании МТК.

¹ Alam M., Daphe M.H., Melecky M., Goldblatt R. Wider Economic Benefits of Transport Corridors: Evidence from International Development Organizations // Journal of Development Economics. 2022. Vol. 158. 102900; Щербанин Ю.А. Россия и международные транспортные коридоры // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2006. № 2 (2). С. 2–4.

В организационном аспекте формирование МТК может быть представлено как одна из форм интеграции национальной транспортной системы в международный рынок¹. С этой точки зрения, наличие участков МТК на национальной территории повышает роль государства в субглобальном регионе, расширяя возможности контроля логистических процессов.

При использовании в целом схожих принципов выделения МТК в настоящее время не выработано единого (общепризнанного) их перечня. Различными международными организациями, научно-исследовательскими центрами и отраслевыми сообществами², исходя из их целей и задач, представляются собственные трактовки состава действующих и перспективных коридоров, в т. ч. пролегающих на территории стран СВА. Среди наиболее широко обсуждаемых можно выделить следующие.

- Систему Панъевропейских (критских) транспортных коридоров (первоначально установлены Общеευропейской конференцией по транспорту в 1994 г., продление на территорию России одобрено в 1997 г.)³. Десять коридоров пролегают в центральной и восточной Европе, их продолжение на территорию России в восточном направлении ограничено Нижним Новгородом, соответственно, в контексте рассматриваемого региона СВА система критских коридоров малосодержательна.

- Систему транспортных коридоров Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества, которая лишь частично может рассматриваться в контексте данного раздела, т. к. четыре из шести выделяемых в рамках данной концепции коридоров проходят по территории стран СВА: КНР и Монголии⁴.

- Транспортные коридоры ОСЖД (определены в 1996 г.) включают железнодорожные маршруты, проходящие в т. ч. по территории России, КНР, Монголии и КНДР⁵.

- Транспортные коридоры ЕАЭС (утверждены в 2021 г.)⁶ затрагивают территории России и КНР.

- Евро-Азиатские коридоры (проект ООН, реализуемый с 2002 г. восемнадцатью комиссиями, включая Европейскую экономическую комиссию и Экономическую и социальную комиссию для Азии и Тихого океана) представляют собой наиболее территориально диверсифицированную сеть, в которую входят

¹ Комов М.С. Интеграция национальных транспортных комплексов в региональную транспортную систему: анализ форм и механизма // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10. № 4. С. 1–12.

² Например, Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН), ОСЖД, Евразийский банк развития, Институт экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA).

³ Status of the Pan-European Transport Corridors and Transport Areas / European Commission DG Energy & Transport. 2002. 127 p.

⁴ CAREC Corridors / CAREC Program. 2022.

⁵ Схема железнодорожных транспортных коридоров ОСЖД.

⁶ Об утверждении перечня евразийских транспортных коридоров и маршрутов: распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 175 от 28 октября 2021 г.

внутренние водные пути, автомобильные и железнодорожные маршруты, проходящие в т. ч. по территории России, КНР, Республики Корея, КНДР, Японии и Монголии¹.

• Транспортные коридоры СВА, предложенные экспертами ERINA, являются системой из десяти наземных маршрутов, соединяющих Россию, КНР, Монголию, КНДР и Республику Корея².

В России принято следующее определение МТК – «совокупность маршрутов, проходящих по территориям государств и обеспечивающих перевозки пассажиров и грузов в международном сообщении на направлениях их наибольшей концентрации, а также совокупность технологических и организационно-правовых условий осуществления этих перевозок»³. В систему МТК России включаются участки маршрутов, проходящих по территории страны, территориальным водам и прилегающей зоне: коридор «Транссиб», основное направление маршрута: Берлин (Германия) – Варшава (Польша) – Минск (Белоруссия) – Москва – Екатеринбург – Владивосток / Находка⁴; коридор «Север – Юг», основное направление: Финляндия – Санкт-Петербург – Москва – Астрахань – Каспийское море – Иран – страны Персидского залива / Индия⁵; СМП; Панъевропейский транспортный коридор № 1, основное направление: Хельсинки – Таллин – Рига – Вильнюс – Варшава (ответвление Рига – Калининград – Гданьск); коридор «Приморье-1», основное направление: Харбин – Гродеково – Владивосток / Находка / Восточный – порты АТР; коридор «Приморье-2», основное направление: Хунчунь – Краскино – Посьет / Зарубино – порты АТР.

Организационно возможность осуществления перемещения грузов в международном сообщении зависит от наличия единой законодательной оболочки, определяющей как общие положения процесса перевозки между странами (единые технические требования к транспортным средствам, система знаков и сигналов и пр.), так и специфичные для отдельных видов транспорта аспекты, отражающие потребности конкретного перевозочного процесса. Так, для организации международного автомобильного сообщения важным является присоединение государства к «Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП»⁶, соблюдение требований которой позволяет осуществлять пересечение границ с минимальными временными и финансовыми

¹ Joint Study on Developing Euro-Asian Transport Linkages / United Nations. 2008. 218 p.

² Vision for the Northeast Asia Transportation Corridors // Economic Research Institute for Northeast Asia. 2014.

³ Об утверждении «Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. С. 9.

⁴ В состав коридора «Транссиб» включен участок Панъевропейского транспортного коридора № 2 «Восток – Запад»: Берлин – Познань – Варшава – Брест – Минск – Смоленск – Москва – Нижний Новгород.

⁵ В состав коридора «Север – Юг» включен участок Панъевропейского транспортного коридора № 9: Хельсинки – Санкт-Петербург – Москва – Украина (Киев).

⁶ МДП – международные дорожные перевозки. Подробно: Transports Internationaux Routiers / IRU. 2024.

затратами; для железнодорожного – присоединение к «Соглашению о Международном железнодорожном грузовом сообщении», унифицирующем форму единой накладной, сопровождающей перевозку, требования к процедурам погрузки и разгрузки и прочее. На сегодня в СВА не создано единого законодательного поля в сфере транспорта, однако ключевые правоустанавливающие документы подписаны большинством стран (табл. 5.1).

Таблица 5.1

**Нормативно-правовое регулирование
международных сухопутных перевозок**

Документ	КНР	Япония	Республика Корея	Россия	Монго- лия	КНДР
Конвенция о дорожном движении (1968 г.)	+	+	н/р	+	+	–
Таможенная конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (1975 г.)	+	–	+	+	+	–
Соглашение о принятии единообразных технических предписаний для колесных транспортных средств (1958 г.)	–	+	+	+	–	–
Таможенная конвенция о контейнерах (1972 г.)	+	–	+	+	–	–
Международная конвенция о согласовании условий контроля грузов на границе (1982 г.)	–	–	–	+	–	–
Конвенция о договоре международной дорожной перевозке грузов (1956 г.)	–	–	–	+	+	–
Соглашение о Международном железнодорожном грузовом сообщении (1951 г.)	+	–	–	+	+	+

Примечание: «–» – документ не подписан; «+» – документ подписан; «н/р» – документ подписан, но не ратифицирован.

Источник: составлено по: 75 Years of Inland Transport Committee 75 Documents that Changed the World of Transport / UNECE. 2022; International Agreements – Latest Ratifications, Accessions and Successions / UNECE. 2024.

Создание единого институционального поля в области перевозок дополняется двухсторонними соглашениями, определяющими взаимоотношения более тесно сотрудничающих в сфере транспорта государств. Например, Монголия в 1991 г. заключила соглашение с КНР о доступе к морю, регулировании транзита грузов и автомобильным перевозкам, аналогичное соглашение было заключено этой страной с Россией в 1992 г.¹

Полная статистическая информация для анализа грузопотоков стран СВА, обслуживаемых автомобильным транспортом, на сегодня отсутствует. Экспери-

¹ Database of Agreements Related to International Road Transport: Bilateral Agreements / UNESCAP. 2024.

мент по аккумуляции данных проводится в рамках базы данных Конференции ООН по торговле и развитию¹: сведения частичны (2016–2021 гг.) и не представляют возможности для анализа потоков сухопутного транспорта, поскольку составляются на основе фиксации страны-производителя перемещаемого товара и факта пересечения границы последним участвующим в логистической цепочке видом транспорта². В целом, развитие статистического учета международных перевозок направлено на совершенствование оценки затрат на транспортировку, а не объемных показателей, важных для анализа работы транспорта³.

В силу того, что сухопутные перевозки на дальние расстояния, особенно транзит, осуществляются в основном железнодорожным транспортом, мониторинг автомобильных перевозок в рамках большинства МТК не проводится⁴. Грузопотоки железнодорожного транспорта между странами СВА относительно невелики: в период 2014–2022 гг. максимальный объем перевозок не превышал 70 млн т (рис. 5.1).

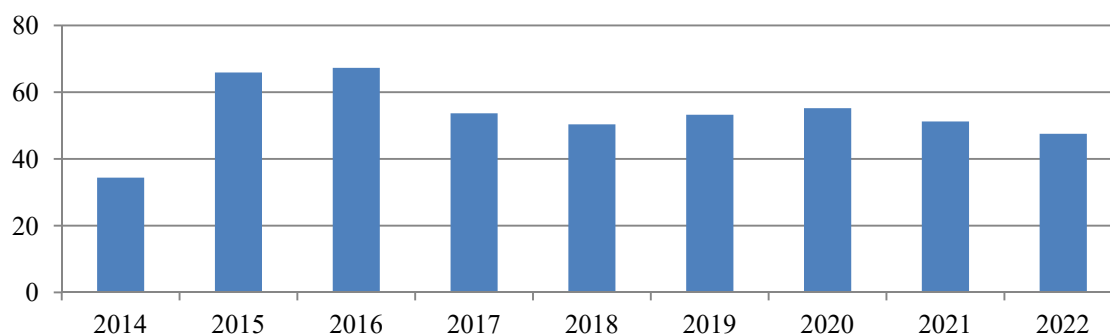

Рис. 5.1. Динамика перевозок железнодорожным транспортом между странами СВА, млн т

Источник: рассчитано по: ОСЖД. URL: <https://osjd.org/> (дата обращения: 27.09.2024).

¹ Trade-and-Transport Dataset / UNCTAD. 2024.

² Принятая методика учета провоцирует сложные для трактовки данные, например, о перевозках автомобильным транспортом между Японией и Монголией, РФ, КНР и пр.

³ Транспортные расходы и связанные с ними страховые сборы потенциально могут формировать барьеры международной торговли, аналогичные таможенным тарифам по влиянию на географию и объем международной торговли. В данном контексте ключевую роль играют именно затраты на перевозку как фактор, влияющий на относительные издержки международной торговли, а не объем транспортируемых грузов в метрическом измерении, важный для определения внутренних параметров транспорта (потребности в провозных мощностях инфраструктуры, необходимые транспортные средства, потребность в трудовых ресурсах и пр.). Подробно: Miao G., Wegner E. Recent Trends in Transport and Insurance Costs and Estimates At Disaggregated Product Level / OECD. Statistics Working Papers. 2022. 34 p.; Fiallos A., Liberatore A., Cassimon S. CIF/FOB Margins: Insights on Global Transport and Insurance Costs of Merchandise Trade / OECD. Working Papers. 2024.

⁴ Контейнерные перевозки автомобильным транспортом являются в большей части составляющей мультимодальной перевозки, обеспечивая начальные / конечные операции при железнодорожной или водной перевозке.

При этом кризисные эпизоды в мировой экономике незначительно сказались на объеме железнодорожных перевозок: восстановление после кризиса конца 2014 г. наблюдалось уже в следующем году; в период пандемии темп прироста перевозок в 2020 г. составил 3,7% по сравнению с 2019 г., в 2021 г. зафиксировано снижение на 3,8% по сравнению с «допандемийным» 2019 г.; по итогам 2022 г. сократились перевозки между Россией и КНР на 3,0%, а между Россией и Монголией – на 5,2%.

В целом, обслуживаемые железнодорожным транспортом грузовые потоки между странами СВА в значительной мере формировались перевозками между Россией и КНР (рис. 5.2).

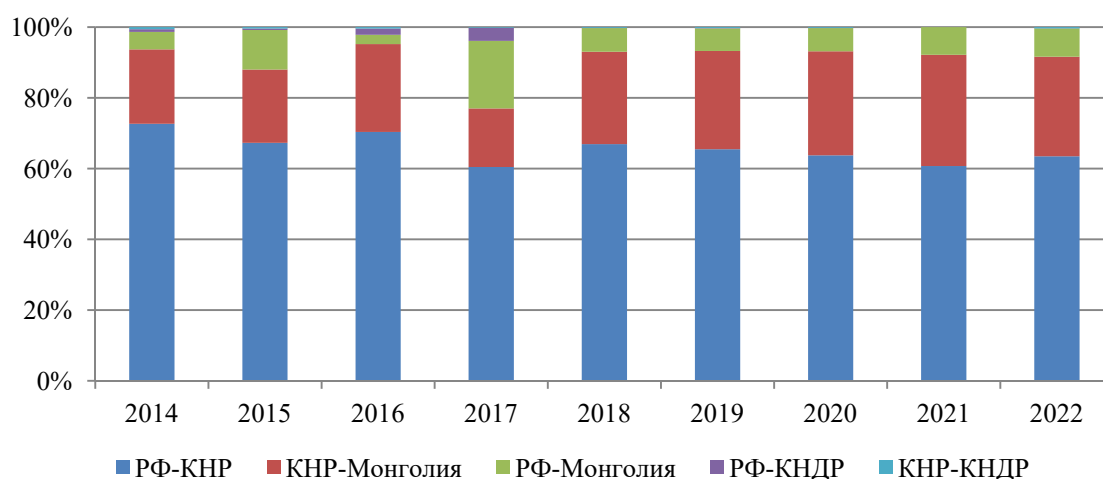

Рис.5.2. Изменение структуры перевозок железнодорожным транспортом между странами СВА

Примечание: объемы перевозок России и КНР с КНДР представлены только статистикой отправления в страну, данные об объемах импорта из КНДР отсутствуют.

Источник: рассчитано по: Организация сотрудничества железных дорог / ОСЖД. 2024.

Удельный вес объемов перевозок между Россией и КНР варьировался в рассматриваемом периоде от 60,5 до 72,7% общего показателя. Перевозки между КНР и Монголией занимали второе место, их доля в течение рассматриваемого периода изменялась от 16,6 до 31,4%.

Следует заметить, что с 2022 г. санкции США и ЕС стали новым фактором логистики, оказав влияние на экспортно-импортные поставки между Россией и КНР, а также на функционирование коридора КНР – Монголия – Россия. Развитие диверсифицированных связей с Китаем стало приоритетом для России и рассматривается как один из способов преодоления экономических ограничений¹. Основной вектор взаимодействия стран в сфере транспорта на современном этапе направлен на упрощение процесса перевозок и оптимизацию логистики. Упрощение

¹ Российско-китайский диалог: модель 2023 / Российский совет по международным делам. 2023. С. 31.

процедур реализуется, например, через подписание Соглашения о взаимном признании уполномоченных экономических операторов (2022 г.), согласно которому товары, напрямую импортируемые и экспортируемые операторами из КНР и России, подлежат упрощенной системе таможенного оформления¹.

Значительное расстояние до ключевых торговых партнеров; геополитические особенности (фактически «островное» положение Республики Корея, препятствующее использованию сухопутного транспорта); потребности в перемещении больших объемов грузов; унификация технологии транспортных процессов (контейнеризация); более низкие затраты – объективно определяют то, что основной объем международных перевозок между КНР и ЕС, формирующий собственно транзитные грузопотоки МТК, приходится на морской транспорт (около 92%²). Действительно, с точки зрения стоимости и объемов перевозки в рамках одной отправки груза железнодорожный транспорт существенно проигрывает морскому: стандартный контейнеровоз вмещает около 15,5 тыс. ДФЭ, поезд рассчитан на загрузку в 71 условный вагон (до 152 ДФЭ). Сравнение видов транспорта при перевозках из КНР в отдельные страны ЕС указывает в целом на меньшую стоимость транспортировки грузов по морю, чем по железной дороге. При этом стоимость транспортировки грузов из внутренних регионов КНР в Европу морским и железнодорожным транспортом была сопоставимой (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Сравнение параметров перевозок КНР – страны ЕС по видам транспорта

Виды транспорта	Шанхай – Гдыня		Чэнду – Варшава		Шанхай – Роттердам	
	стоимость (долл. / ДФЭ)	время в пути (дней)	стоимость (долл. / ДФЭ)	время в пути (дней)	стоимость (долл. / ДФЭ)	время в пути (дней)
Воздушный	37000	5–9	37000	5–9	37000	5–9
Железнодорожный	4500	19	5000	15	5000	18
Морской	2600	37–42	4500	43–50	2200	27–37

Источник: Pomfret R. The Eurasian Landbridge: Implications of Linking East Asia and Europe by Rail // Research in Globalization. 2021. Vol. 3. 100046.

Однако имеются определенные преимущества сухопутных маршрутов, способствующие их развитию³: сокращение времени доставки (по сравнению с традиционным морским маршрутом); возрастающие сложности доступа к портам по суше; низкий уровень рисков возникновения форс-мажорных ситуаций, четкое

¹ Liuzhou-Moscow Freight Train Departs After Signing of China-Russia AEO // The Global Times. 2022.

² Дорджиева Д., Зацепина В., Клевцов Д., Макиев Г., Протасова О., Серегин П., Щетникова А. Международные транспортные коридоры / Международный транспортно-логистический форум. 2021. 88 с.

³ Pomfret R. The Eurasian Landbridge: Implications of Linking East Asia and Europe by Rail // Research in Globalization. 2021. Vol. 3. 100046.

соблюдение графика доставки; потребности обслуживания региональных связей; высокая экологичность железнодорожного транспорта; потребности в формировании альтернативных способов доставки.

Последний фактор, т. е. потребности в формировании альтернативных традиционным морским путям маршрутов доставки, актуализируется возникновением непредвиденных ситуаций. Например, остановка работы Суэцкого канала в марте 2021 г. (из-за аварии контейнеровоза «Ever Given» перевозки по каналу не осуществлялись в течение шести дней, оценка потерь грузоперевозчиков составляла до 400 млн долл. в час¹) показала уязвимость этого маршрута. Еще один пример – в период пандемии COVID-19 перевозки железнодорожным транспортом оказались одними из наиболее надежных: технологический процесс позволял проводить полную санитарную обработку грузов, минимизировать участие людей и, соответственно, риски распространения заболевания. Поэтому в период активных мер по борьбе с распространением пандемии, перевозки по железным дорогам (в отличие от воздушного, морского и автомобильного транспорта) снизились незначительно. В международном железнодорожном сообщении наблюдался даже позитивный эффект, вследствие цифровизации документооборота и ускорения оформления процедур пересечения границ².

Дополнительный импульс развитию сухопутных транзитных перевозок придают инициативы правительства КНР по развитию северо-восточных провинций и реализации инициативы «Один Пояс – Один Путь»³. В целом, данная инициатива включала два направления, затрагивающие транспортные коммуникации: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века»⁴. Первое направление предполагает создание множества альтернативных маршрутов между КНР и странами ЕС⁵, включая железнодорожные и автомобильные участки, затрагивающие территории стран СВА: России и Монголии. По оценкам⁶, формирование транспортной сети в рамках проекта «Один Пояс – Один Путь» позволит сократить транспортные расходы на 20%.

Еще одним фактором развития сухопутных международных перевозок является создание благоприятных экономических условий. Так, на начальном этапе развития евразийских железнодорожных контейнерных грузоперевозок одним из ключевых экономических стимулов были субсидии для грузоотправителей.

¹ Qu S., She Y., Zhou Q., Verschuur J., Zhao L.-T., Liu H., Xu M., Wei Y.-M. Modeling the Dynamic Impacts of Maritime Network Blockage on Global Supply Chains // The Innovation. 2024. Vol. 5. Issue 4. 100653; Wan Z., Su Y., Li Z., Zhang X., Zhang Q., Chen J. Analysis of the Impact of Suez Canal Blockage on the Global Shipping Network // Ocean & Coastal Management. 2023. Vol. 245. 106868.

² Rail Container Transportation in the Eurasian Space in 2023 / ERAI. 2023.

³ Анализ существующих международных транспортных коридоров, проходящих через территории государств-членов: аналитический доклад / Департамент транспорта и инфраструктуры ЕЭК. 2019. 24 с.

⁴ Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors / Analysis & Policy Observatory. 2024.

⁵ Предполагается, что проект «Один пояс – Один путь» затронет более 70 стран.

⁶ Jackson K., Shepotylo O. Belt and Road: The China Dream? // China Economic Review. 2021. Vol. 67. 101604.

В КНР с 2012 г. действует система предоставления субсидий экспортерам и импортерам, использующим железнодорожный транспорт, с целью поддержки альтернативных маршрутов в ЕС. Стимулирование альтернатив основным морским перевозкам происходит в рамках развития проекта «Один Пояс – Один Путь». В 2018 г. компенсация затрат на транзит по железным дорогам контейнерных грузов (экономически неэффективный по сравнению с традиционными морскими путями) была максимальной и достигала 5 тыс. долл. (50% стоимости доставки). Далее проводилось постепенное сокращение субсидий ежегодно на 10% (до уровня 10% от тарифа в 2022 г.). В 2023 г. предполагалась полная отмена субсидий при сохранении децентрализованной целевой поддержки отдельных направлений и сегментов перевозок¹. Применение механизма субсидирования позволило выстроить транспортно-логистические связи и наладить механизмы сотрудничества. Уменьшение размера субсидий или их отмена будут сопровождаться определенными изменениями, однако, как ожидается, это не повлияет на продолжение перевозок.

В России также создаются экономические стимулы контейнерных железнодорожных перевозок на участках МТК. Так, в 2020 г. было принято решение о введении субсидий ОАО «РЖД» на возмещение недополученных доходов при применении льготных тарифов на транзитные контейнерные перевозки по территории страны. Размер субсидии варьировал от 25,9 до 77,7 тыс. руб. в зависимости от типа контейнера (20, 30 или 40 футового) и направления транзита (Восток – Запад или Запад – Восток): размер субсидии при перевозках в западном направлении на 50% выше. Вводимые стимулы оказали положительное влияние на транспортный рынок: с 2019 г. транспортная группа FESCO и «РЖД Логистика» организовали еженедельные отправки специализированных контейнерных поездов².

В восточном сегменте³ направления КНР – ЕС – КНР действует четыре сухопутных маршрута. Основное взаимодействие стран СВА осуществляется в рамках Евразийского и Северного маршрутов, проходящих по следующим направлениям: Северный маршрут – через Транссибирскую магистраль с точкой входа / выхода Наушки (по итогам 2020 г. занимает долю 3,3% в общем обороте⁴), через Транссибирскую магистраль с точкой входа / выхода Забайкальск (доля в обороте 5,5%), через Транссибирскую магистраль с точкой входа / выхода Владивосток (доля в обороте 0,1%); Евразийский маршрут проходит по территории Казахстана, России и Белоруссии (доля в обороте 91,2%) (рис. 5.3).

Предполагая некоторую конкуренцию между маршрутами, отметим, что каждый из них имеет тяготеющую к нему грузовую базу. Евразийский маршрут выступает основным по объему грузовой базы, привлекая грузы западных и южных

¹ Стимулирование экспортных железнодорожных перевозок в Китае: результаты и перспективы // ERAI. 2022. 17 августа.

² Бардаль А.Б. Россия и Китай: взаимодействия в сфере наземного транспорта на современном этапе // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 2. С. 59–73.

³ Имеется в виду условное широтное направление «Восток – Запад» в отличие от направления «Север – Юг».

⁴ Контейнерные железнодорожные перевозки на Евразийском пространстве / ERAI. 2020. 14 с.

регионов КНР (Чунцин, Чэнду, Сычуань, Шэньси, Хэнань). К маршруту, проходящему через Наушки, тяготеют грузы из Монголии и ряда северных провинций КНР. Через Забайкальск осуществляется перевозка грузопотоков из трех северо-восточных провинций КНР (Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин). Маршрут из Владивостока подразумевает мультимодальные перевозки для грузов из Республики Корея и Японии, пребывающих в порты Тихоокеанского побережья России морским транспортом. Таким образом, каждый маршрут имеет собственную географически и экономически обоснованную нишу, что снижает реальные возможности конкуренции: перераспределение грузов между маршрутами будет сопровождаться дополнительными затратами для отправителей.

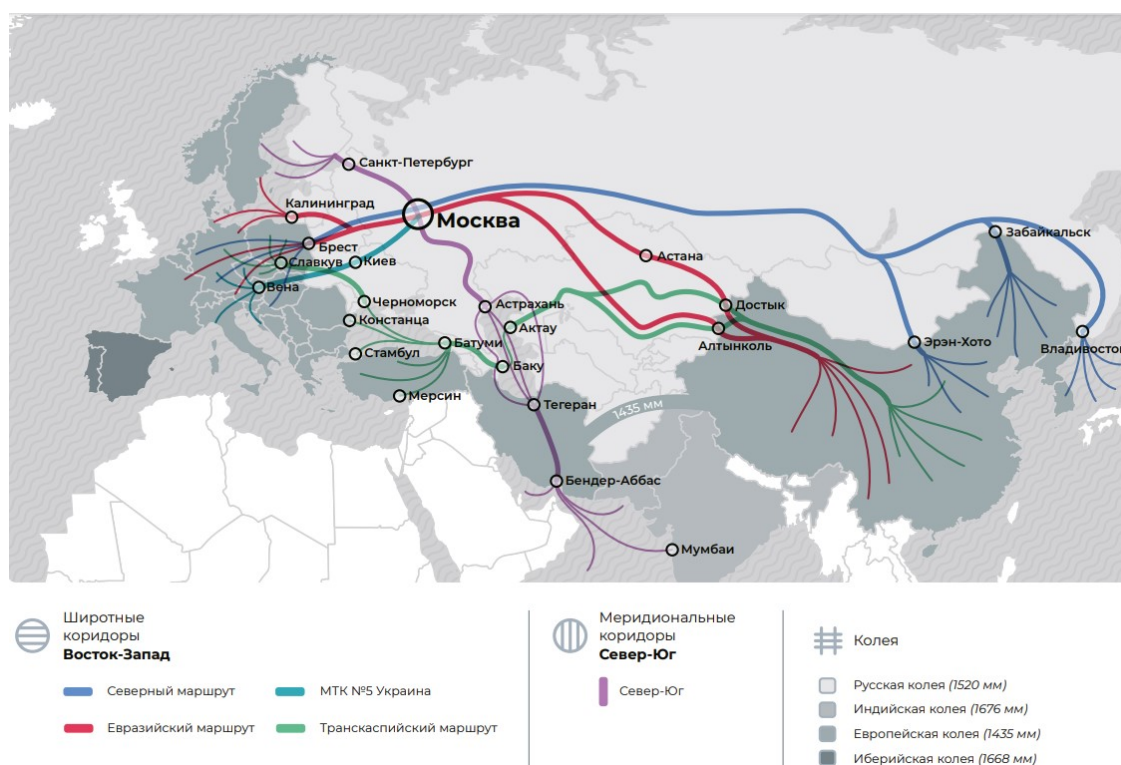

Рис. 5.3. Основные континентальные международные транспортные коридоры Евразии

Источник: Международные транспортные коридоры на Евразийском пространстве: развитие широтных маршрутов / ERAI. 2024. С. 14.

С весны 2022 г. частично изменилось функционирование железнодорожного коридора Китай – Европа: проходившие ранее через территорию Украины поезда были перенаправлены на белорусско-польский пункт пропуска Брест – Малашевичи. Это несущественно повлияло на корректировку логистических цепочек, поскольку через территорию Украины проходило около 2–3% объема перевозок¹. В свою очередь, организация перевозок по территории Республики Беларусь открывает новые возможности.

¹ China-Europe Freight Trains Undisrupted Amid Escalating Crisis in Ukraine, Contingency Plan Considered // The Global Times. 2022. 9 March.

В целом, динамика транзитных перевозок по Евразийскому маршруту до 2022 г. имела положительную тенденцию (рис. 5.4).

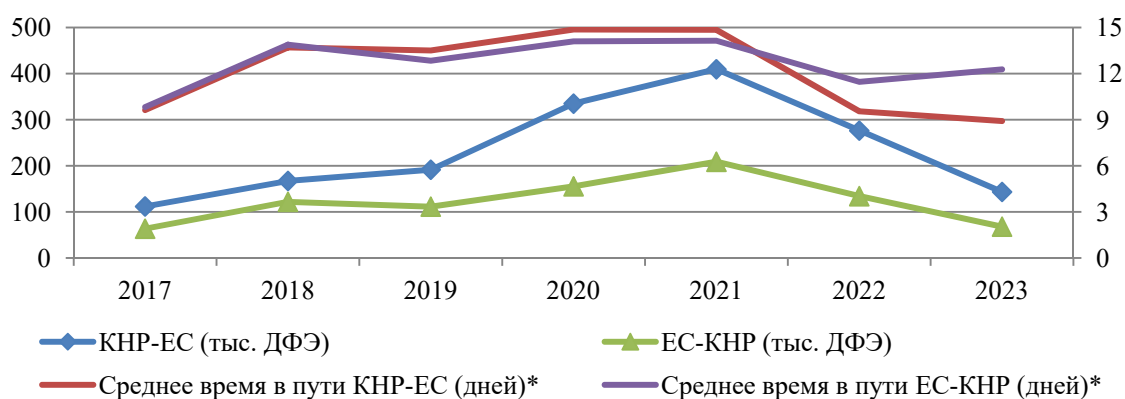

Рис. 5.4. Транзитные перевозки КНР – ЕС – КНР железнодорожным транспортом по Евразийскому маршруту

Примечание: * – ориентировано по правой оси.

Источник: составлено по: Eurasian Rail Alliance Index. Statistics / ERAI. 2024.

Северный коридор фактически являлся экспортным коридором России. Удельный вес транзитных перевозок по нему незначителен, их развитие сдерживается ограничением пропускной способности железнодорожной инфраструктуры Восточного полигона из-за перевозок экспортного российского угля. В 2023 г. объем перевозок по Северному коридору составил 173,8 млн т, но почти 90% пришлось на российские экспортные грузы. Динамика перевозок по Северному маршруту через железнодорожные пограничные переходы и припортовые станции представлена в таблице 5.3.

Таблица 5.3

Перевозки по Северному международному транспортному коридору, млн т

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт из России	132,0	138,5	146,1	145,4	144,2	154,1
Импорт в Россию	6,2	7,4	8,4	10,6	14,3	16,9
Транзит (восточное направление)	1,6	1,8	1,8	2,2	2,2	1,3
Транзит (западное направление)	1,2	1,4	1,5	2,2	1,6	1,5

Источник: The Eurasian Transport Network / Eurasian Development Bank. 2024.

Основная задача Северного маршрута – подвоз экспортных грузов к морским портам Тихоокеанского побережья России (Восточный, Владивосток, Находка и прочие), вывоз импортных и транзитных грузов. По итогам 2023 г. на железнодорожный транспорт приходилось: 90,9% подвоза грузов в порт Ванино, 71,4% – в порт Посьет, 55,5% – в порты Восточный и Находка, 42,4% – в порт Владивосток¹. В целом, к морским портам было перевезено по железной дороге

¹ The Eurasian Transport Network / Eurasian Development Bank. 2024.

74% объема внешнеторговых грузов, в то время как 26% грузов направлялись через пограничные пункты пропуска РФ с КНР и Монголией. Ограничение возможностей инфраструктуры Восточного полигона снижает конкурентоспособность железнодорожного транспорта и оказывает влияние на переориентацию части грузопотока на автомобильные перевозки.

Что касается Монголии, то ее железнодорожная сеть является недостаточно развитой. На территории страны функционируют две основные железнодорожные линии, входящие в состав Улан-Баторской железной дороги¹: 1) основная магистраль, связывающая Улан-Батор с Москвой и Пекином (также называют Трансмонгольской железнодорожной магистралью) протяженность 1,1 тыс. км; 2) железная дорога Чойбалсан – Борзя. Основная меридиональная магистраль была построена еще в 1960-е гг. В 2014 г. протяженность железных дорог страны составляла 1822,5 км, дороги не электрифицированы, колея – 1520 мм. В 2022 г. протяженность железных дорог незначительно увеличилась до 1839,7 км (в т. ч. появился участок 9,2 с колеей 1435 мм)². Железнодорожный транспорт в Монголии играл основную роль в транспортном обеспечении внешнеторговых потоков, обслуживая порядка 90% грузовых и 50% пассажирских перевозок экспортно-импортного и транзитного направлений.

Монголия имеет выгодное экономико-географическое положение с точки зрения организации транзитных перевозок из КНР и России в страны ЕС. Несмотря на то, что государство не имеет выхода к морю³, оно активно участвует в развитии сотрудничества в сфере транспорта, осуществляя взаимодействия не только с соседними странами (КНР и Россия), но и с Японией и Республикой Корея в рамках концепции «третьего соседа».

Крупнейшим торговым партнером Монголии является КНР, а китайский порт Тяньцзинь используется как основные морские ворота для монгольской экономики в АТР. Это определяет активное развитие транспортных коммуникаций между странами: осуществляется строительство железнодорожных линий ко всем пограничным переходам с КНР⁴. Проекты железнодорожного строительства координируются в рамках национальной программы «Путь развития» (табл. 5.4).

Частично проекты развития железнодорожной сети, предусмотренные в национальной программе Монголии, уже реализованы. Так, в 2022 г. завершено строительство участков: Таван-Толгой – Зуунбаян, Таван-Толгой – Гашуунсухайт, Зуунбаян – Ханги (226 км). Введение в эксплуатацию данных участков позволит диверсифицировать грузовые потоки, следующие по Трансмонгольской железной дороге, и разгрузить пограничный переход Замын-Ууд – Эрлянь.

¹ В июне 1949 г. между правительствами СССР и Монгольской Народной Республики было заключено «Соглашение об учреждении совместного акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога»», в котором доля СССР составляла 51%, а доля МНР – 49%. В настоящее время соотношение долей России и Монголии в уставном капитале АО «УБЖД» является паритетным.

² Организация сотрудничества железных дорог / ОСЖД. 2024.

³ Соглашение о выходе к морю заключено с КНР (1991 г.) и Россией (1992 г.).

⁴ Lee H.-K. Mongolia's Railway Development Strategy in Connection with the Establishment of the East Asia Railway Community (EARC). 2022.

Таблица 5.4

Проекты развития железнодорожной сети в Монголии

Участок дороги	Протяженность, км	Провозная способность, млн т
Улан-Баторская железная дорога (электрификация)	1100	73,7
Таван-Толгой – Зуунбаян	414,6	15
Таван-Толгой – Гашуунсухайт	267	30
Сайншанд – Зуунбаян – Ханги	324	10,0
Нарийн-Сухайт – Шивээхурэн	45,3	23,5
Эрдэнэт – Овоот	568,3	12
Таван-Толгой – Сайншанд – Хоот – Чойбалсан – Эрэнцав	1800	30
Хоот – Сумбэр	380	н/д
Хоот – Бичигт	234	46,4
Богдхан	150	21,85
Мандал – Багахангай	170	н/д

Примечание: «н/д» – нет данных.

Источник: Даваасурэн А., Ариунжаргал Ч. О проблемах формирования экономического коридора Россия – Монголия – Китай // Регион: экономика и социология. 2021. № 3 (111). С. 184–202.

Продолжается строительство участка Чойбалсан – Хоот – Бичигт (415 км), который планируется сдать в эксплуатацию после 2025 г. Данная дорога является звеном экономического коридора КНР – Монголия – Россия и позволит увеличить провозную способность участка Соловьевск – Чойбалсан до 100 млн т. По завершении проекта может быть сформирован новый трансазиатский коридор, стыкующийся с Транссибом (через Забайкальск): Внутренняя Монголия (КНР) – Монголия – Забайкальский край (Россия)¹. В настоящее время объем перевозок между Монголией и Россией составляет 3,8 млн т, основные виды грузов: продукты животного происхождения и полезные ископаемые, включая плавиковый шпат.

Наконец, основой транспортной системы КНДР являются железные дороги (протяженность около 6,4 тыс. км, более 90% – однопутные, около 70% электрифицировано), но степень их износа высока. Сеть автомобильных дорог протяженностью порядка 25 тыс. км развивается медленными темпами, но низкий уровень автомобилизации населения не создает проблем при ее использовании. В 2013 г. завершено строительство железнодорожной ветки от российской станции Хасан до порта Раджин (в котором был построен терминал), начались перевозки угля через порт в страны АТР. Незамерзающий морской порт Раджин имеет выгодное географическое положение. Участок Хасан – Раджин имел потенциал стать элементом более масштабного проекта по воссоединению Транскорейской железной дороги. Однако полное закрытие границ КНДР в период пандемии и общая нестабильная политическая обстановка на Корейском полуострове препятствуют реализации международных транспортных проектов.

¹ Макаров А.В., Макарова Е.В., Бешенцев А.Н. Монголия: внешняя торговля и развитие инфраструктуры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 9. С. 68–78.

Следует заметить, что система транспортных коридоров включает и автомобильную сеть. Автомобильный транспорт, как это было сказано выше, практически не участвует в транзите¹, но выполняет важную роль в интермодальных перевозках и обслуживании двусторонних торговых потоков. Для осуществления международных перевозок на границе между Россией и КНР действует восемь (из двенадцати установленных) автомобильных пунктов пропуска. С весны 2020 г. китайской стороной был введен полный запрет на пассажирские перевозки, для грузовых перевозок введено применение обязательных процедур санитарной обработки транспортных средств, предоставление электронных карт здоровья водителей с отрицательным результатом теста на наличие COVID-19 (в отдельные периоды пандемии проводился медицинский осмотр и тестирование на коронавирус водителей непосредственно при пересечении границы), введен запрет на свободное перемещение водителей по территории КНР. Передача груза осуществлялась в режиме обязательной «бесконтактной» перецепки (перегрузки)². В результате введенных ограничений в 2020–2022 гг. существенно сократился объем перевозок и значительно выросли очереди и время ожидания грузовиков на границе (рис. 5.5). С 2023 г. ограничения режимов работы пунктов пропуска были сняты.

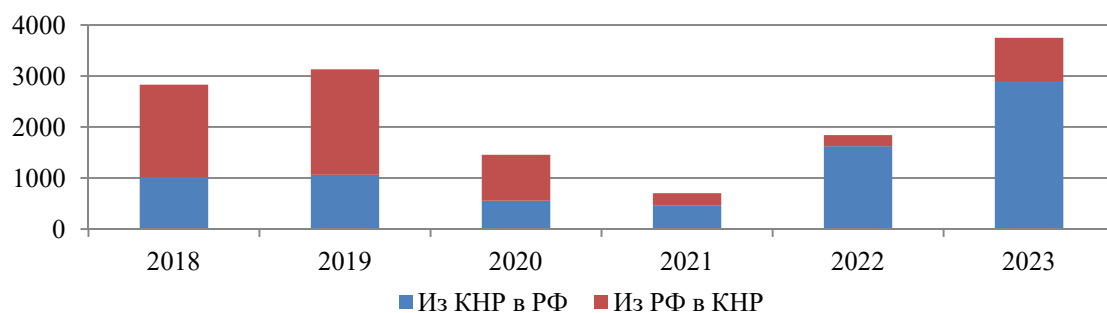

Рис. 5.5. Динамика автомобильных перевозок между Россией и КНР, тыс. т

Источник: The Eurasian Transport Network / Eurasian Development Bank. 2024.

Рекордный объем импортных грузов (в учет включена самоходная техника) в 2023 г. стал следствием переориентации ввоза товаров с европейских на китайский рынок. Рост грузопотоков выявил проблему недостаточного развития инфраструктуры, а также вопросы ограниченного режима функционирования таможенных, пограничных служб, отсутствия налаженной системы работы с цифровыми документами и прочее.

¹ В настоящее время прямой автомобильный транзит между странами ЕС и КНР невозможен, поскольку отсутствует соглашение, которое регламентировало бы права и условия доступа перевозчиков на рынки сопряженных стран.

² В 2018 г. вступило в силу Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством КНР о международном автомобильном сообщении, которое сняло взаимные ограничения «глубины въезда» грузовых автомобилей и отменило требования по обязательной перецепке. Однако его реальное применение началось лишь с 2023 г. после отмены ограничительных мер. Подробно: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством КНР о международном автомобильном сообщении; Бардаль А.Б. Россия и Китай: взаимодействия в сфере наземного транспорта на современном этапе // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 2. С. 59–73.

В 2023 г. часть российских пунктов пропуска была переведена на круглосуточный режим работы, внедряются системы электронной очереди на границе, проводится модернизация пограничных пунктов. Основным автомобильный пункт пропуска Забайкальск – Маньчжурия (обслуживает около 50% общего потока автомобильных перевозок между КНР и Россией): пропускная способность по проекту составляет 280 грузовых автотранспортных средств в сутки, фактическая – 320. Проводится реконструкция пункта пропуска Забайкальск, по завершении которой его пропускная способность возрастет до 1,6 тыс. грузовых автомобилей. В 2022–2023 гг. была возобновлена работа понтонной переправы Амурзет – Мишань, проведена реконструкция автомобильных пограничных пунктов пропуска Гродеково, Полтавка. Принятые меры обеспечат дополнительные возможности организации международных транспортных потоков между КНР и Россией.

Несмотря на то, что большая часть международной торговли осуществляется посредством морского транспорта (более 90%), формирование сухопутных МТК рассматривается как альтернатива, необходимая с точки зрения снижения рисков в случае возникновения непредвиденных ситуаций при использовании традиционных морских маршрутов. Также, сухопутные коридоры использовались для обслуживания двусторонней торговли соседних стран.

Основной грузопоток сухопутных МТК в СВА формировался при обслуживании торговли между КНР и ЕС. Несмотря на наличие множества вариантов маршрутизации МТК, все они имели собственную грузовую базу, что не создавало существенных стимулов для конкуренции. В качестве ключевого транспорта использовался железнодорожный, обеспечивающий точность соблюдения сроков доставки, высокую сохранность грузов, сравнительно (по отношению к автомобильному) высокую провозную способность и экологичность. Надежность железнодорожного транспорта проявлялась в незначительном влиянии кризисных эпизодов мировой экономики на динамику перевозок.

К 2023 г. сложились факторы, стимулирующие и ограничивающие развитие сухопутных МТК. К стимулирующим относились: субсидирование железнодорожных контейнерных перевозок (КНР и Россия); формирование единого правового поля; повышение уровня цифровизации документооборота, снижающего время пересечения границ. К числу ограничивающих факторов можно отнести дисбаланс грузопотока КНР – ЕС (существенное превышение объемов перевозок в западном направлении из КНР в Европу, что приводит к необходимости обратной доставки порожних контейнеров, загружающих сеть и формирующих неэффективные затраты) и различие стандартов колеи железных дорог на национальных территориях (Монголия, Россия – 1520 мм; КНР, КНДР – 1435 мм), что вызывало проблемы в местах стыковки колеи различной ширины¹.

Тем не менее, развитие сухопутных МТК с участием стран СВА продолжалось. Осуществлялись проекты строительства и модернизации отдельных участ-

¹ Необходимо заменять колесные пары или перегружать товары в местах состыковки, что требует: а) дополнительного времени на процедуру; б) затрат на строительство и обслуживание специальных перегрузочных станций в местах пересечения границ.

ков дорожной сети, повышающие эффективность действующих коридоров и формирующие новые направления перевозок.

Рост масштабов санкционного давления в отношении России с 2022 г. может оказать неоднозначное влияние на перевозки железнодорожным транспортом между странами СВА. С одной стороны, санкции негативно действуют на российский железнодорожный транспорт в целом (как при перевозках в пределах национальной территории, так и в международном сообщении) через ограничение доступа к финансовому рынку для ОАО «РЖД» и создание технических барьеров (нестабильность поставок от иностранных поставщиков и подрядчиков: запрет на поставку из ЕС определенных видов подвижного состава, запасных частей для локомотивов и подвижного состава и пр.). С другой стороны, возникают существенные стимулы развития международных железнодорожных перевозок, представляющих не только возможность расширения прямых транспортных связей между Россией, КНР и Монголией, но и возможность формирования логистических коридоров для поставок «санкционных» товаров через посредничество стран-партнеров.

Следует также отметить, что рост объемов перевозок железнодорожным транспортом между Россией и странами СВА (через сухопутные пограничные пункты пропуска) в настоящее время происходит на фоне существенных инфраструктурных ограничений на подходах к Тихоокеанским морским портам России. Масштабные работы по реконструкции Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей при одновременном массовом повороте внешнеторговых потоков национальной экономики на восток привели к перегруженности инфраструктуры. Происходящее повысило привлекательность сухопутных маршрутов, выступающих альтернативой портам. В данном ключе, реализация совместных проектов в сфере развития железнодорожного сообщения между Россией, КНР, Монголией, КНДР – имеет высокую значимость и эффективность. Это подтверждается формированием новых проектов трансграничного сотрудничества, например, в настоящее время широко обсуждается организация транспортного коридора между Россией и КНР со строительством железнодорожного моста через р. Амур в районе пункта пропуска Джалинда (Амурская область).

5.2. Конфигурация сети морских транспортных коридоров

До недавнего времени считалось, что конфигурация мировой сети морских транспортных коридоров достигла определенного уровня стабильности – магистральные и второстепенные морские маршруты обеспечивали бесперебойную поставку грузов в морские порты и способствовали развитию морской логистики. Однако события последних лет в мировом морском пространстве (строительство второго русла Суэцкого канала, открытие новых шлюзов Панамского канала¹,

¹ Расширение Панамского канала позволило использовать судоходным компаниям менее крупные суда и изменило портовую иерархию на данном направлении.

формирование новых маршрутов морских перевозок между Африкой и Европой, появление новых мегальянсов в секторе контейнерных перевозок) изменили существующую систему. Более того, в свете текущих тенденций, таких как санкционные войны, геополитические конфликты, пандемия COVID-19 и сбои в глобальной цепочке поставок, ускорили данный процесс. На этом фоне страны Азии неуклонно наращивали объемы внешней торговли и превратили морские порты в крупные транспортные узлы, на долю которых в 2022 г. приходилось 57% отгруженных товаров и 47% выгруженных товаров морским транспортом¹. Таким образом, морские транспортные потоки сконцентрированы в странах Азии, а их порты стали мировыми транспортными узлами (порт-хабами)².

Одной из современных моделей пространственной эволюции портовых систем выступает «Port regionalization»³, которая объясняет закономерности развития морского порта в условиях интенсивного развития морских транспортных коридоров. Модель определяет четыре этапа развития портов⁴, где на последнем этапе появляются порт-хабы, которые ориентированы на перевозку транзитных грузов. Порт-хаб должен обладать следующими характеристиками: удобным месторасположением (находится вблизи международных транспортных маршрутов и районов промышленной агломерации); быстрой переработкой грузов в порту при разумных тарифах; способностью принимать крупнотоннажные суда; иметь техническую оснащенность и логистический кластер; обладать интермодальной инфраструктурой⁵. При этом ключевыми аспектами измерения эффективности порт-

¹ Review of Maritime Transport 2023 / UNCTAD. 2023.

² В свое время развитие морских перевозок, накопление грузов в портах, формирование системы устойчивых связей между регионами привели к тому, что трамповые перевозки были заменены линейными (регулярными) перевозками. Такая форма перевозки позволяет минимизировать резервы провозной способности флота и формировать крупные партии грузов в портах. В силу того, что одновременная модернизация всех морских портов, расположенных на линейных маршрутах, была просто экономически неэффективна, то в системе морских контейнерных перевозок стали выделяться магистральные линии, которые связывали между собой некоторое число крупных портов. Поэтому осевые порты в этой системе перевозок получили название «порт-хаб», а подпитывающие маршруты и порты – «фидерные». Подробно: *Notteboom T., Rodrigue J.P.* The Future of Containerization: Perspectives from Maritime and Inland Freight Distribution // *Geojournal*. 2009. Issue 1. Pp. 7–22.

³ *Notteboom T., Rodrigue J.-P.* Port Regionalization: Towards a New Phase in Port Development // *Maritime Policy and Management*. 2005. Vol. 32. Issue 3. Pp. 297–313.

⁴ На первом этапе порты выполняют простую роль соединителя между морскими и внутренними транспортными системами. В качестве основных функций порта выступают перевалка и хранение грузов. Порты на втором этапе развития ориентированы на диверсифицированные виды услуг, включая складирование и перераспределение грузов. В этом случае увеличивается территория порта и расширяется связь с предприятиями портового региона. Порты на третьем этапе развития специализируются на перевалке контейнерных грузов. Помимо традиционных видов деятельности порты выполняют логистические услуги добавленной стоимости, а также сопутствующие услуги, включая производственные, торговые, финансовые, туристические виды деятельности. Порты на четвертом этапе развития преимущественно ориентированы на перевалку контейнерных грузов.

⁵ *Free Trade Zone and Port Hinterland Development* / Korea Maritime Institute. New York, 2005. 140 p.; *Lim S.-W., Suthiwartnarueput K., Abareshi A., Lee P.T.-W., Duval Y.* Key Factors in Developing Transit Trade Corridors in Northeast Asia // *Journal of Korea Trade*. 2017. Vol. 21. Issue 3. Pp. 191–207.

хаба выступают: увеличение объемов перевалки грузов с высокой добавленной стоимостью; преобладание доли транспортно-логистических услуг над долей услуг по перевалке грузов в объеме полученного дохода порта¹.

В то же время концентрация грузовых потоков в портах может приводить к серьезным инфраструктурным проблемам и негативным последствиям для портовых регионов². Во-первых, интенсивный рост грузопотоков в портах может привести к инфраструктурным диспропорциям и, как следствие, к снижению экономических эффектов для портового региона³. Во-вторых, экономические эффекты от деятельности порта для портового региона постепенно снижаются из-за снижения логистических издержек и торговых барьеров, в частности режима свободной торговли⁴. В-третьих, компенсация ущерба окружающей среде от портовой деятельности может превышать экономический эффект для портового региона⁵. В-четвертых, положительные эффекты от деятельности порта могут «перетекать» в другие субглобальные регионы, а отрицательные воздействия (загрязнение окружающей среды, образование транспортных заторов) локализоваться в самом портовом регионе⁶.

Однако в последнее время в производственной деятельности порт-хабов наблюдался процесс деконцентрации грузовых потоков, который был вызван интенсивным ростом менее развитых регионов и сбоем в глобальной цепочке поставок⁷. Для того чтобы снизить или устранить зависимость от действующих порт-хабов, некоторые страны ускорили развитие собственных портов, создав порт-хабы второго уровня⁸.

Следует заметить, что морская транспортная система СВА, состоящая из морских судоходных линий, морских судов и портов, осуществляла большую часть торговли за пределами субглобального региона, тем самым способствуя его экономическому росту. Морские судоходные линии СВА были интегрированы в глобальную сеть морских транспортных коридоров, которая состояла из магистральных и второстепенных маршрутов (рис. 5.6).

¹ *Olivier D., Slack B.* Rethinking the Port // *Environment and Planning*. 2005. Vol. 38. Pp. 1409–1427.

² Портовый регион находится в непосредственной близости с портом и охватывает различные территориальные образования: экономическая зона вокруг порта, муниципальный район, городской округ и т. д. Подробно: *Ducruet C.* Port Regions and Globalization. Ports in Proximity: Competition and Coordination among Adjacent Seaports, Ashgate // *Transport and Mobility*. 2009. Pp. 41–53.

³ *Ottaviano G.I.P.* Market Size and Tax Competition // *Journal of International Economics*. 2005. Vol. 67. Pp. 25–46.

⁴ *Tabuchi T., Thisse J.F.* Regional Specialization and Transport Costs / Centre for Economic Policy Research. Discussion Paper 3542. 2002.

⁵ *Gibbs D., Rigot-Muller P., Mangan J., Lalwani C.* The Role of Sea Ports in End-To-End Maritime Transport Chain Emissions // *Energy Policy*. 2014. Vol. 64. Pp. 337–348.

⁶ *Ducruet C.* Port-City Relationships in Europe and Asia // *Journal of International Logistics and Trade*. 2006. Issue 4. Pp. 13–35.

⁷ *Notteboom T., Rodrigue J.-P.* Port Regionalization: Towards a New Phase in Port Development // *Maritime Policy and Management*. 2005. Vol. 32. Issue 3. Pp. 297–313.

⁸ *Monios J., Wilmsmeier G., Ng A.K.Y.* Port System Evolution – the Emergence of Second-Tier Hubs // *Maritime Policy & Management*. 2019. Issue 46. Pp. 61–73.

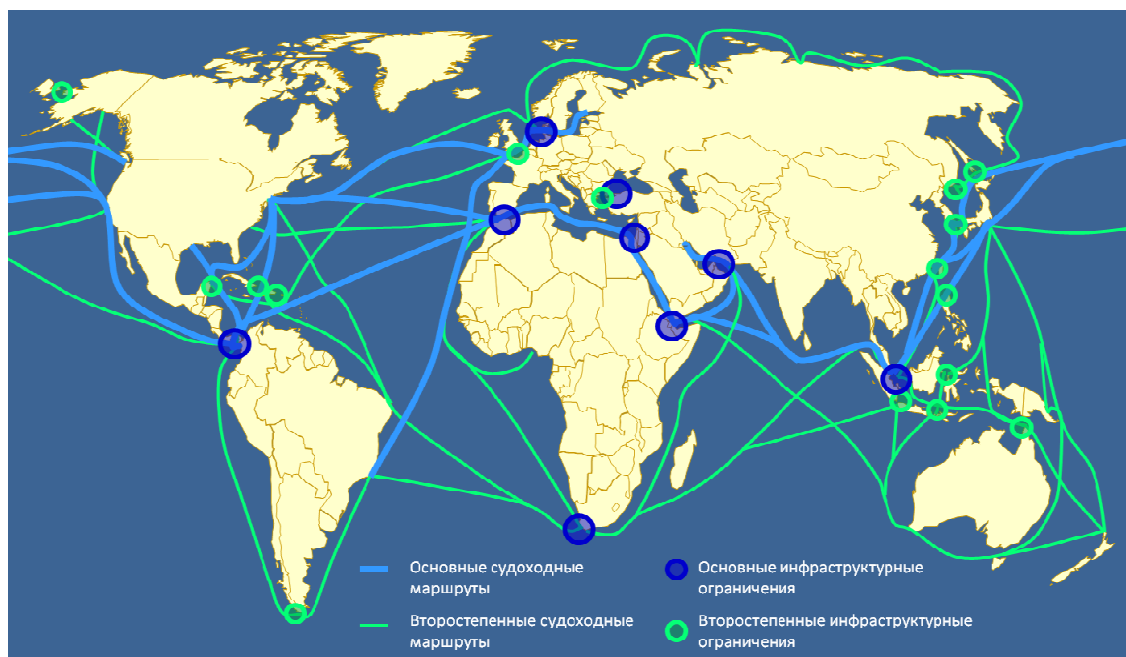

Рис. 5.6. Морские транспортные маршруты и инфраструктурные ограничения

Источник: составлено по: *Rodrigue J.-P. The Geography of Transport Systems. Sixth edition. 2024. New York: Routledge. 402 p.*

Магистральные маршруты проходили по экваториальному кольцу, обеспечивая наиболее важные коммерческие судоходные потоки между емкими рынками Западной Европы, Восточной Азией и Северной Америкой. Второстепенные – служили связующим звеном между небольшими рынками и были ориентированы на прямые перевозки с портами-хабами, расположенными на магистральных маршрутах¹.

В последние годы глобальная сеть морских перевозок столкнулась с рядом проблем (мировой кризис, санкционные войны, геополитические конфликты), кульминацией которых стала пандемия COVID-19 и ее многофакторные последствия, которые нарушили глобальную цепочку поставок и усугубили «узкие места», как на магистральных, так и на второстепенных маршрутах. Поскольку судоходные потоки СВА были связаны с данными маршрутами², субглобальный регион испытал двойной шок в области морской логистики. Так, на магистральном маршруте «Восточная Азия – Западная Европа» блокировка Суэцкого канала вынудила транспортные компании перенаправить морские перевозки на большие расстояния с соответствующей потерей времени, серьезными сбоями в цепочке поставок и повышением фрахтовых ставок. В свою очередь, санкции против России оказали влияние на глобальную цепочку поставок и усугубили недостатки в транспортной инфраструктуре на второстепенных маршрутах. Ограничительные

¹ *Rodrigue J.-P. The Vulnerability and Resilience of the Global Container Shipping Industry // Current History. 2022. Issue 121 (831). Pp. 17–23.*

² К основным магистральным маршрутам субрегиона СВА относятся: Транстихоокеанский и Европейский коридоры. К второстепенным маршрутам можно отнести Северный морской путь, по которому перевозят основные массовые грузы в незначительных объемах.

меры для российских судов привели к тому, что многие иностранные поставщики были вынуждены изменить транспортные маршруты в обход России, опасаясь попасть под ответные санкции со стороны западных стран. Это привело к формированию интермодальных перевозок в обход России из Китая в Европу, а также способствовало развитию СМП и внутренних водных транспортных коридоров¹. Таким образом, сеть морских транспортных коридоров СВА развивалась в сложных экономических условиях и изменялась под воздействием глобальных факторов, которые вызывали структурные сдвиги в морских перевозках.

Если рассматривать морские транспортные коридоры СВА, через призму сухопутных транспортных коридоров², то ключевыми звеньями в этой цепи выступали 11 морских портов (рис. 5.7).

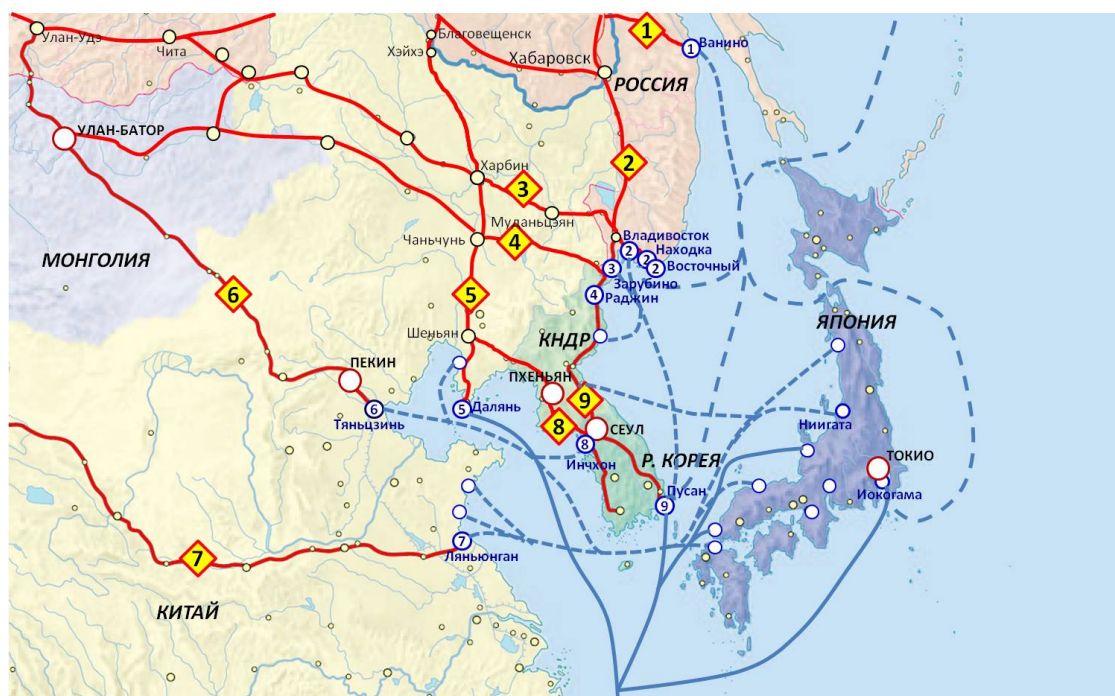

Рис. 5.7. Транспортные коридоры и морские порты СВА

Примечание: транспортные коридоры 1–9 соответствуют номерам коридоров, указанных в тексте.

Источник: составлено по: Концепция транспортных коридоров СВА / University of Niigata Prefecture. 2014.

¹ Леонов С.Н., Заостровских Е.А. Развитие Северного морского пути и рост активности КНР в Арктике как предпосылки усиления транспортного каркаса Дальнего Востока // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 54–70; Лазарев В.А. Северный морской путь как фактор притяжения товарных потоков из Северо-Восточной Азии // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 6. С. 77–87.

² Идея развития 9 международных транспортных коридоров субрегиона СВА была представлена в 2002 г. научным коллективом японского Института по экономике стран Северо-Восточной Азии (ERINA) с целью их развивать совместными усилиями. Подробно: Хирофуми А. Транспортно-логистическое пространство в бассейне Японского моря // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2024. № 1. С. 48–52.

На российском Дальнем Востоке было больше всего таких портов: порт Ванино имеет прямой выход на транспортный коридор Байкало-Амурская магистраль (Байкало-Амурская магистраль, № 1); порты Владивосток, Находка, Восточный включены в региональный транспортный коридор «Приморье-1» и соединены с Транссибирской магистралью (Транссибирская магистраль, № 2); порты Посыет и Зарубино включены в региональный транспортный коридор «Приморье-2» и имеют выход на транспортный коридор Суйфэньхэ через опорные пункты Харбин, Манчжурия, Забайкальск, Транссибирская магистраль (транспортный коридор Суйфэньхэ, № 3).

На Китай приходилось три морских порта: порт Далянь соединен с транспортным коридором Далянь через Харбин, Хэйхэ и Благовещенск с выходом на Транссибирскую магистраль (транспортный коридор Далянь, № 5); порт Тяньцзинь включен в транспортный коридор Тяньцзинь через Пекин, Улан-Батор далее на Транссибирскую магистраль (транспортный коридор Тяньцзинь, № 6); порт Ляньюньган имеет сообщение с Транскитайским транспортным коридором через соединительный пункт Ляньюньган с выходом на Европу (Транскитайский транспортный коридор, № 7).

Республика Корея через порт Пусан имела выход на два направления: Западный Транскорейский транспортный коридор, включая Сеул, Пхеньян, Синьджу, Харбин далее выход на Транссибирскую магистраль (Западный Транскорейский транспортный коридор, № 8); Восточный Транскорейский транспортный коридор через опорные пункты Раджин, Сонбонг, Хасан и Уссурийск с выходом на Транссибирскую магистраль (Восточный Транскорейский транспортный коридор, № 9).

КНДР имела один порт – Раджин, который был соединен с Транссибом через опорный пункт Чанчунь (транспортный коридор Туманган, № 4).

Морские порты Японии, такие как Иокогама, Кобе и Нагоя, формально не были включены в 9 сухопутных транспортных коридоров СВА¹, поскольку являлись портами островной страны, однако играли важную роль в распределении транспортных потоков субглобального региона.

Все обозначенные порты имели уникальные экономико-географические характеристики, обладая разным потенциалом развития и являясь стратегическими для своих стран. Их потенциал следует оценивать в контексте развития наземной и морской системы распределения.

Общая характеристика морского транспорта СВА. На СВА приходилось: 29,2% мирового флота; 93,5% построенных судов в мире; 38% общемировой пропускной способности контейнерных портов (табл. 5.5). Морской транспорт был наиболее развит в Китае, Республике Корея и Японии, что дает возможность наращивать объемы морских перевозок, как внутри СВА, так и за ее пределами.

¹ Хирофуми А. Транспортно-логистическое пространство в бассейне Японского моря // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2024. № 1. С. 48–52.

Таблица 5.5

Основные показатели работы морского транспорта в 2022 г.

Показатель	Китай	Япония	Республика Корея	Россия	КНДР	СВА, всего	Доля СВА в мире
Морские суда, ед.	8575	4006	1689	1854	176	16300	29,2
Морские суда, млн дедвейт т	275,6	237,2	92,4	23,6	1,0	630,1	28,8
Средний возраст контейнеровозов, лет	12	8	16	20	29	–	–
Строительство судов, тыс. дедвейт т	25893,6	9585,2	16254,0	251,7	н/д	51984,6	93,5
Утилизация судов, тыс. дедвейт т	178,5	5,5	18,0	0,0	0,0	202,1	2,8
Число моряков, тыс. чел.	134,2	25,4	27,9	198,1	3,9	255,5	13,5
Пропускная способность контейнерных портов, млн ДФЭ	268,9	22,5	28,9	3,9	н/д	324,3	38,0

Источник: Merchant Fleet by Flag of Registration and by Type of Ship, Annual / UNCTAD. 2024; Ships Built by Country of Building, Annual / UNCTAD. 2024; Ship Recycling, by Country, Annual / UNCTAD. 2024; Seafarer Supply, Quinquennial, 2015 and 2021 / UNCTAD. 2024; Container Port Throughput, Annual / UNCTAD. 2024.

В 2022 г. на Китай приходилось свыше 8,5 тыс. ед. морского флота, суммарной грузоподъемностью 275,6 млн т, что позволило ему получать дополнительные доходы от грузоперевозок иностранными фрахтователями и обеспечить свою национальную безопасность, перевозя отечественные товары. Пропускная способность контейнерных портов КНР составила 268,9 млн ДФЭ, что способствовало развитию инновационных технологий в портах и совершенствовать логистические направления. Утилизация судов в Китае составила 178,5 тыс. дедвейт т, что позволило обновить флот, а также обеспечить пополнение портфеля заказов отечественных верфей на три года вперед. Объем строительства морских судов в Китае составил 25,8 млн дедвейт т, что дает возможность верфям быть загруженными заказами в полном объеме, несмотря на сложный период в мировом судостроении¹. Для Китая 2022 г. является рекордным по объему заказов на строительство морских судов – 121,3 млн дедвейт т. С точки зрения обеспеченных новых заказов Китай вытеснил другие страны (в том числе Республику Корея и Японию) во всех основных сегментах (балкеры, танкеры и контейнеровозы), заняв лидирующие позиции 67%, 44% и 28%, соответственно².

¹ Shipping and Shipbuilding Markets / BRS Group. Annual Review. 2024.

² Заостровских Е.А. Мировой рынок судостроения: тенденции и перспективы развития // Научные проблемы водного транспорта. 2023. № 76. С. 132–140.

В свою очередь, Россия существенно проигрывала практически по всем ключевым позициям ведущим странам СВА. В 2022 г. на Россию пришлось 1,8 тыс. ед. морского флота суммарной грузоподъемностью 23,6 млн дедейт т. Это означает, что страна располагает большим количеством малотоннажных судов, при этом большая часть ее морского флота устарела (средний возраст контейнеровозов – 20 лет), а темпы его строительства существенно ниже темпов выбытия флота.

Следует отметить, что новые требования Международной морской организации (ИМО) в области морского судоходства могут привести к тяжелым последствиям в области судостроения и судоходства в России¹. Согласно этим правилам, потребуется замена части действующего морского флота, что приведет к повышению цен на строительство судов из-за дополнительной технической оснащённости.

В настоящее время рынок отечественного судостроения в России переживает сложный период, поскольку в 2022 г. из-за действия санкций появилась проблема отсутствия средств на закупку оборудования по причине уже выплаченных авансов зарубежным верфям. Поэтому в настоящее время рассматривается вопрос о частичной компенсации субсидирования верфей на предмет расходов, понесенных ранее выплаченных авансов².

Имеющиеся тенденции позволяют утверждать, что Россия имеет низкий уровень конкурентоспособности на морском транспортном пространстве и проигрывает ключевым игрокам в обеспечении и развитии морских транспортных коридоров СВА.

Контейнерооборот морских портов. Контейнерооборот морских портов стран СВА за исследуемый период увеличился на 11,5% и составил 77,4 млн ДФЭ (табл. 5.6). Фактически порты Китая, Японии и Республики Корея все еще проходят период восстановления после пандемии COVID-19.

Так, например, морские порты Китая (Ляньюньган, Далянь и Тяньцзинь) за данный период времени увеличили объем контейнерооборота лишь на 5,5%. При этом порт Далянь с 2020 г. возглавляет список неблагополучных портов, поскольку больше всех пострадал от вспышек пандемии COVID-19. Однако, еще в 2015–2018 гг. его объемы перевалки стабильно росли и в порту были реализованы крупные проекты по улучшению транспортного сообщения с внутренними регионами страны, например, смешанные перевозки с участием морского и железнодорожного транспорта и налаживание трансграничных железнодорожных перевозок³. Порт Ляньюньган после трехлетнего застоя в 2021 г., наконец, добился существенного увеличения пропускной способности контейнеров за счет строитель-

¹ Международная морская организация к 2050 г. предусматривает сокращение выбросов CO₂ на 70% и парниковых газов на 50% по сравнению с уровнем 2008 г. Подробно: International Maritime Organization. 2024.

² Стоянов Д.О. Практические аспекты импортозамещения и локализации в судостроении. По материалам Форума «Арктика – Регионы», г. Архангельск (12–14 апреля 2023 г.).

³ Review of Maritime Transport 2019 / UNCTAD. 2019.

ства шести железнодорожных каналов в дельте р. Янцзы. Однако устойчивому росту объема перевалки контейнеров, который, как ожидалось, продолжится и в 2022 г., сильно помешал всплеск случаев COVID-19.

Таблица 5.6

Контейнерооборот морских портов СВА, млн ДФЭ

Год	Китай	Япония	Республика Корея	Россия	Всего
2014	29,1	21,6	18,7	н/д	69,4
2015	28,5	21,0	19,2	н/д	68,7
2016	28,9	21,6	19,3	н/д	69,8
2017	29,8	22,7	21,4	0,7	73,9
2018	30,8	23,4	21,6	0,8	76,6
2019	31,2	23,2	21,6	0,6	76,6
2020	30,8	21,5	21,8	0,6	74,7
2021	28,2	22,3	21,9	0,7	73,1
2022	30,7	22,5	22,0	2,2	77,4
2022 /2014	5,5	4,2	7,6	–	11,5

Источник: One Hundred Container Ports 2023 / Lloydslist. 2024; Все грузы России. Обзор перевозок грузов через морские порты России, Балтии, Украины и Финляндии за 2016 год // Морские порты. 2017. № 1. С. 56–64; Все грузы России. Обзор перевозок грузов через морские порты России, Балтии, Украины и Финляндии за 2018 год // Морские порты. 2019. № 1. С. 56–64; Все грузы России. Обзор перевозок грузов через морские порты России, Балтии, Украины и Финляндии за 2022 год // Морские порты. 2023. № 1. С. 56–64; Все грузы России. Обзор перевозок грузов через морские порты России, Балтии, Украины и Финляндии за 12 месяцев 2023 года // Морские порты. 2024. № 1. С. 56–63.

Морские порты Японии за исследуемый период увеличили объем контейнерооборота на 4,2% за счет портов Токио, Иокогама и Кобе. Что касается Республики Корея, то порт Пусан в последнее время все чаще сталкивается с трудностями, связанными с растущими ценами на топливо, инфляцией, а также коллективными забастовками водителей грузовиков в порту¹.

Порты российского Дальнего Востока (Владивосток, Находка, Восточный, Ванино, Зарубино, Посыет) в большей степени имели стабильную загрузку по перевалке навалочных и наливных грузов, совокупный объем которых увеличился на 52,5% и в 2022 г. составил 184,8 млн т. Если проанализировать динамику перевалки контейнеров в ДФЭ, то можно отметить, что в данных портах с 2017 г. ее объем вырос в 2,4 раза и к 2023 г., достигнув очередного рекордного уровня – 2,2 млн контейнеров ДФЭ. Основной массив контейнерных грузов был сосредоточен в портах Владивосток – 68% и Восточный – 28%.

В то же время при перевалке контейнеров указанные российские порты столкнулись с инфраструктурными проблемами, как с суши, так и с моря. С одной стороны, из-за большой загруженности порты с трудом справлялись с перевалкой контейнеров, поскольку зачастую не хватало контейнеров, складских площадей и

¹ Global Port Development Report, 2022 / Shanghai International Shipping Institute. 2022.

перегрузочного оборудования и железнодорожной инфраструктуры¹. С другой – наблюдался дефицит судов из-за ухода с российского рынка крупных операторов контейнерных перевозок (Maersk, Ocean Network Express, Yang Ming), которые обладают крупнотоннажным флотом. Взамен им на рынок пришли азиатские операторы, но уже с флотом меньшего тоннажа, что увеличило число промежуточных погрузо-разгрузочных операций в портах².

Провозная способность Восточного полигона хотя и увеличивалась (2021 г. – 144 млн т, 2022 г. – 158 млн, 2023 г. – 173 млн т.), но не решила вопрос профицита мощностей портов³. Из-за дефицита провозной способности железной дороги Восточного полигона появилась конкурентная борьба между логистическими компаниями по перевозке контейнеров и угольными компаниями. В этой связи в настоящее время рассматриваются различные варианты создания альтернативных транспортных путей. Для контейнерных грузов рассматриваются сухопутные транспортные маршруты. Так, для ввоза контейнеров в направлении зарубежных стран были задействованы железнодорожные пограничные переходы. Также предполагается, что часть контейнерных грузов может быть перенаправлено на порт Ванино, что позволит частично разгрузить порт Владивосток и снизить число порожних вагонов на Восточном полигоне⁴.

Следует заметить, что значительный прогресс Восточного порта был достигнут, благодаря внедрению новых технологий, запуску третьей очереди специализированного угольного комплекса (первый этап) и введению в эксплуатацию транспортно-логистического узла для перевалки транзитных контейнерных грузов⁵. Порт Находка применил новые технологии для погрузки и выгрузки контейнерных грузов, а также запустил упрощенную процедуру таможенного оформления грузов в порту⁶. Порт Посyet реализовывал масштабный проект по перевалке угля (прирост мощности 8,6 млн т)⁷. Порт Владивосток увеличил пропускную способность за счет увеличения складских площадей для контейнеров на 200 ДФЭ и строительства угольного терминала в бухте Суходол (прирост – 4,5 млн т)⁸. В планах развития порта Владивосток – сооружение контейнерного

¹ Владимиров Е. Доигрались: мощностей Восточного полигона не будет хватать все следующие 10 лет // Морские вести России. 2024. № 2. С. 46–48.

² Потапова К. В дальневосточных портах снова появляются пробки // Ведомости. 2022. 22 августа.

³ Владимиров Е. Доигрались: мощностей Восточного полигона не будет хватать все следующие 10 лет // Морские вести России. 2024. № 2. С. 46–48.

⁴ Усов П. Хабаровчан зовут на разгрузку приморских портов // Восток России. 2024. 24 сентября.

⁵ Вайбузов А. Три кита Восточного: уголь, контейнеры и нефтяные грузы // Морские порты. 2024. № 4.

⁶ Порт Находка стремится к большей универсальности // Морские вести России. 2023. № 10.

⁷ Порт Посyet увеличит на треть экспорт угля // Морские порты. 2024. 27 июня. № 2.

⁸ Бенгер А.А. Текущее состояние и перспективы развития морских портов Арктики и Дальнего Востока. Панельная дискуссия «Дальневосточные порты и совершенствование береговой инфраструктуры». Морской конгресс – Дальний Восток. (30–31 мая 2024 г., г. Владивосток).

причала для отправки контейнерных грузов из стран Восточной Азии по СМП в порты северо-западной Европы. СМП может стать фактором притяжения для значительного товарного потока, прежде всего из северных провинций Китая, испытывающих серьезные логистические проблемы доступа на внешние рынки¹.

В итоге, отсутствие синхронизации развития портов и железной дороги, технический износ основного оборудования в портах, низкая скорость обработки грузов, сложная процедура таможенного оформления грузов, низкий уровень инноваций и новых портовых технологий выступают основными причинами сдерживания развития портов СВА в международном направлении. В целом в период пандемии COVID-19 из-за сбоя в глобальных цепочках поставок морские порты СВА столкнулись с нарушением графика движения морских судов, дефицитом контейнеров. Из-за перегрузки порты с трудом справлялись с объемом перевалки контейнеров при дефиците складских площадей, перегрузочного оборудования и рабочих, так как повторяющиеся вспышки COVID-19 приводили к полной изоляции портов. Введенные новые санитарные правила во время пандемии COVID-19 существенно осложнили работу морского транспорта. Из-за 14-дневной самоизоляции на международных судах появилась задержка, которая привела к дополнительным финансовым расходам на содержание экипажа и на топливо.

Во избежание распространения пандемии COVID-19 особую важность приобрели торговые, портовые, логистические, транспортные и другие информационные платформы, которые позволяют осуществлять онлайн-декларирование и обмен информацией, а также сокращать прямые контакты с персоналом на транспорте. Так, например, в 2022 г. порт Тяньцзинь выпустил первую в мире комплексную технологическую базу «portal digital twin» (данная технология принадлежит к «цифровым двойникам»), которая создает единую базу на основе единых стандартов, унифицированной архитектуры и унифицированных спецификаций данных².

Развитие морских транспортных коридоров СВА. Наиболее очевидным преимуществом развития портов в сочетании с железными и автомобильными дорогами является сокращение времени и транспортных затрат, что объясняет наличие разных вариантов развития морских транспортных коридоров между странами СВА. Так, например, порт Токио может быть соединен морским сообщением с мегаполисами Пекин и Сеул за счет перспективного транспортного коридора BESETO (рис. 5.8a). Этот маршрут сократит до 55% общего времени в пути от Пекина до Токио. Предполагается, что по данному маршруту будут перевозить около 15% объема грузов между Сеулом и Пекином и до 50% – между Сеулом и Шэньянем³.

¹ Лазарев В.А. Северный морской путь как фактор притяжения товарных потоков из Северо-Восточной Азии // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 6. С. 77–87.

² Global Port Development Report, 2022 / Shanghai International Shipping Institute. 2022.

³ Integrated International Transport and Logistics System for North-East Asia. New York: UN ESCAP; Korea Transport Institute, 2006. 124 p.

В свою очередь Восточный торговый коридор соединит северо-восточные провинции Китая и южную зону Дальнего Востока России с Восточным морем и Тихим океаном (рис. 5.8б). При этом коридоры Суйфэньхэ (№ 3) и Туманган (№ 4) было бы целесообразно использовать в качестве альтернативы транспортного коридора «Транссиб» (№ 2). Эти два направления позволят не только сократить время и транспортные затраты, но и снизить транспортную нагрузку в коридоре Далянь (№ 5). Коридор Далянь – Харбин пересекает три северо-восточные провинции Китая и соединяется морским маршрутом через морской порт Далянь с Японией и Республикой Корея через Пусан (рис. 5.8в).

Вместе с тем существующая транспортная инфраструктура СВА имеет ряд недостатков: слабо развита транспортная инфраструктура и логистический сервис интермодальных перевозок¹; отсутствие технической совместимости в международных пунктах пропуска. По оценкам экспертов² для создания надлежащей инфраструктуры (строительство дорог, аэропортов, морских портов, железных дорог, трубопроводов и электростанций) потребуется от 16 до 160 млрд долл. в год.

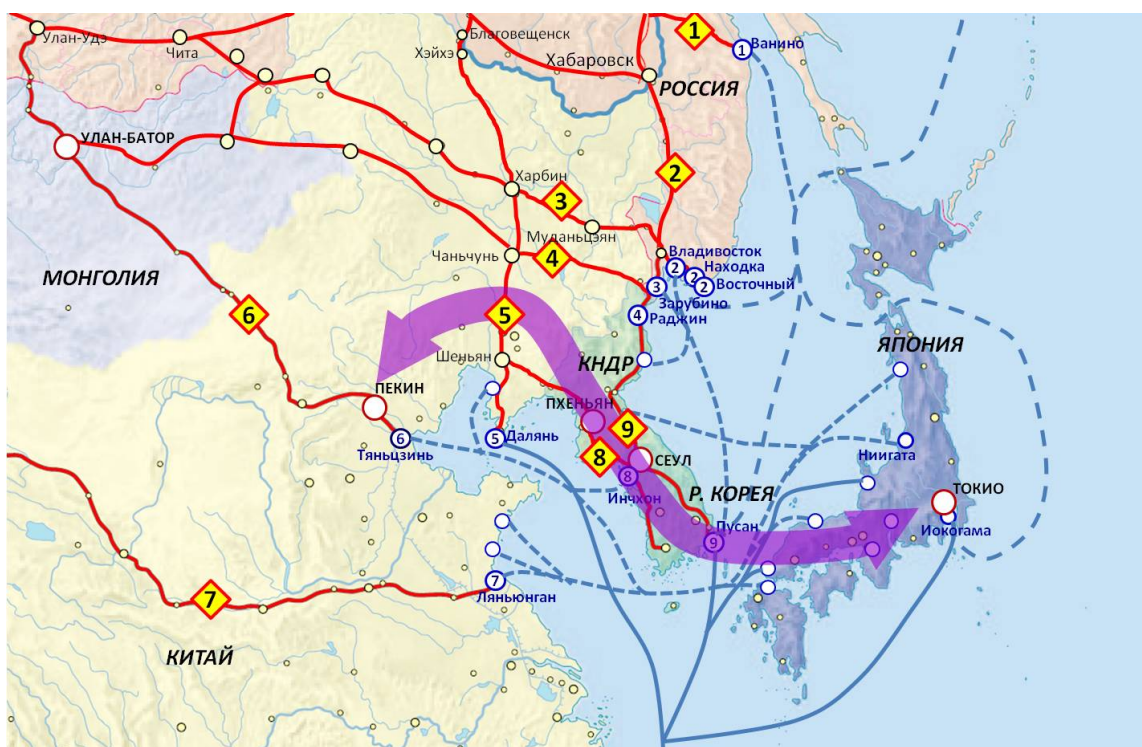
Предполагается, что создание данных транспортных коридоров позволит образовать единое транспортное кольцо, тем самым существенно усилить позиции СВА в мировом морском пространстве (рис. 5.8г). Соответственно, в развитии морских транспортных коридоров СВА портами-хабами второго уровня могут выступать Циндао, Ляньюньган, Тяньцзинь, Далянь, Владивосток и Токио, создавая новую портовую иерархию на второстепенных маршрутах и способствуя изменению конфигурации сети морских транспортных коридоров.

Морские порты Китая, Японии и Республики Корея в своем эволюционном развитии достигли четвертой стадии и обладают необходимыми функциями портохабов второго уровня. Они являются крупными портами своих регионов, имеют возможность принимать максимальные суда, работающие на магистральных и второстепенных маршрутах, а также имеют плотную связь в обслуживании линейного судоходства по контейнерным грузам, как в портах СВА, так и за ее пределами. При этом порты способны принимать большие партии грузов, гарантируя их надежность и сохранность. Вместе с тем, порты Китая, Японии и Республики Корея все еще проходят период восстановления после пандемии COVID-19. Поэтому они по-разному приспосабливаются к измененным условиям и по отдельным направлениям разрабатывают программы «спасения» портов.

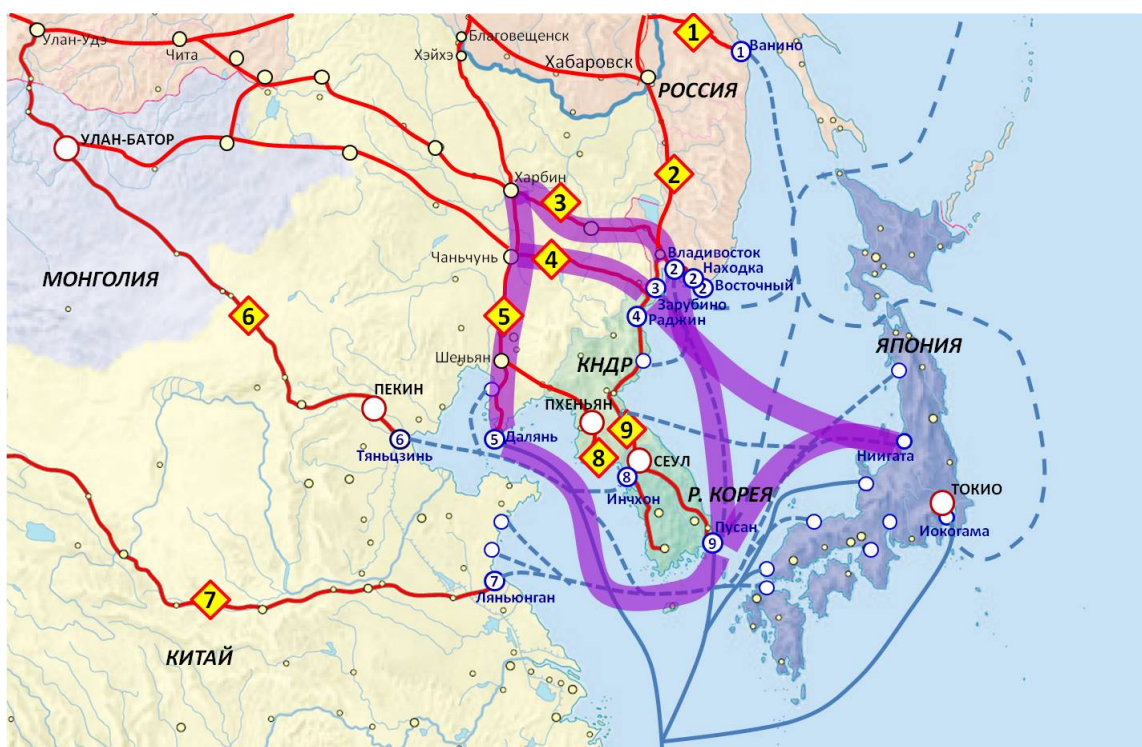
Учитывая тот факт, что меняется конфигурация сети морских транспортных коридоров, морские порты СВА, безусловно, будут создавать порты-хабы второго уровня. Для этого требуется решение нескольких важных проблем: проработать вопросы портового районирования, которое подразумевает более эффективное использование внутренних районов и продвинутых форм управления; использовать передовые технологии и учитывать социально-экологические риски крупных инфраструктурных проектов.

¹ Интермодальные перевозки – смешанные перевозки «от двери до двери», с использованием разных видов транспорта.

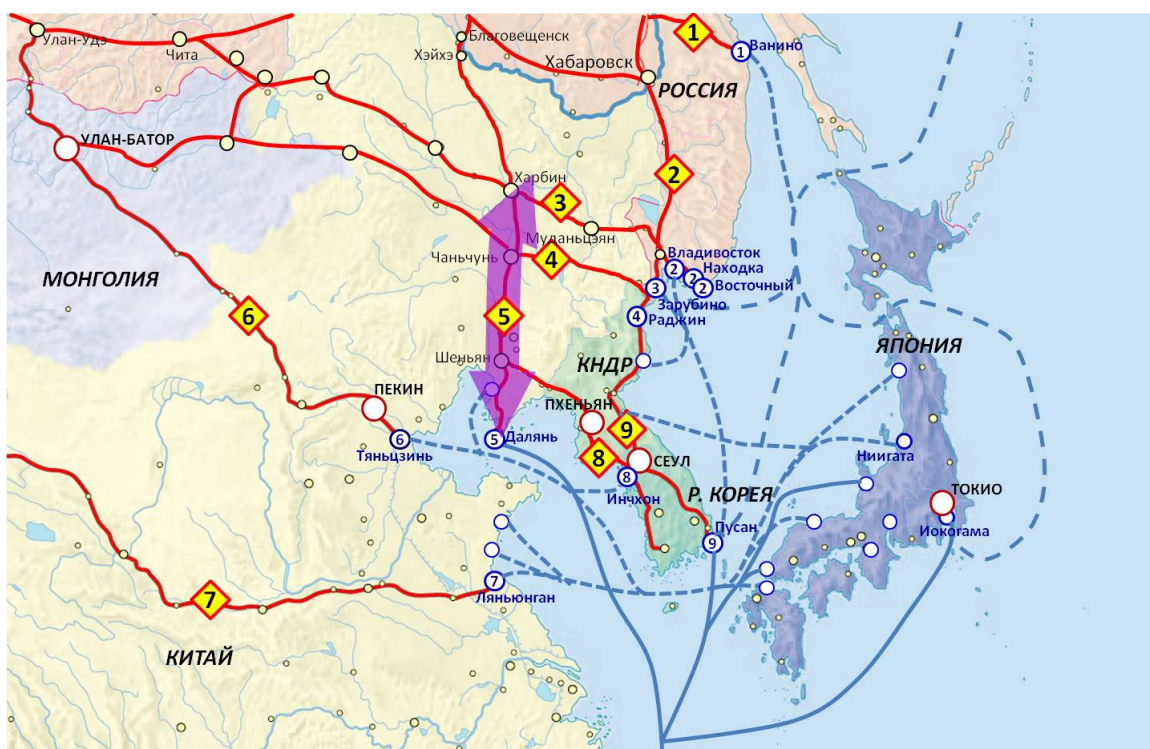
² Transport and Trade: Connecting Continents / OECD, ITF. 2015. 23 p.

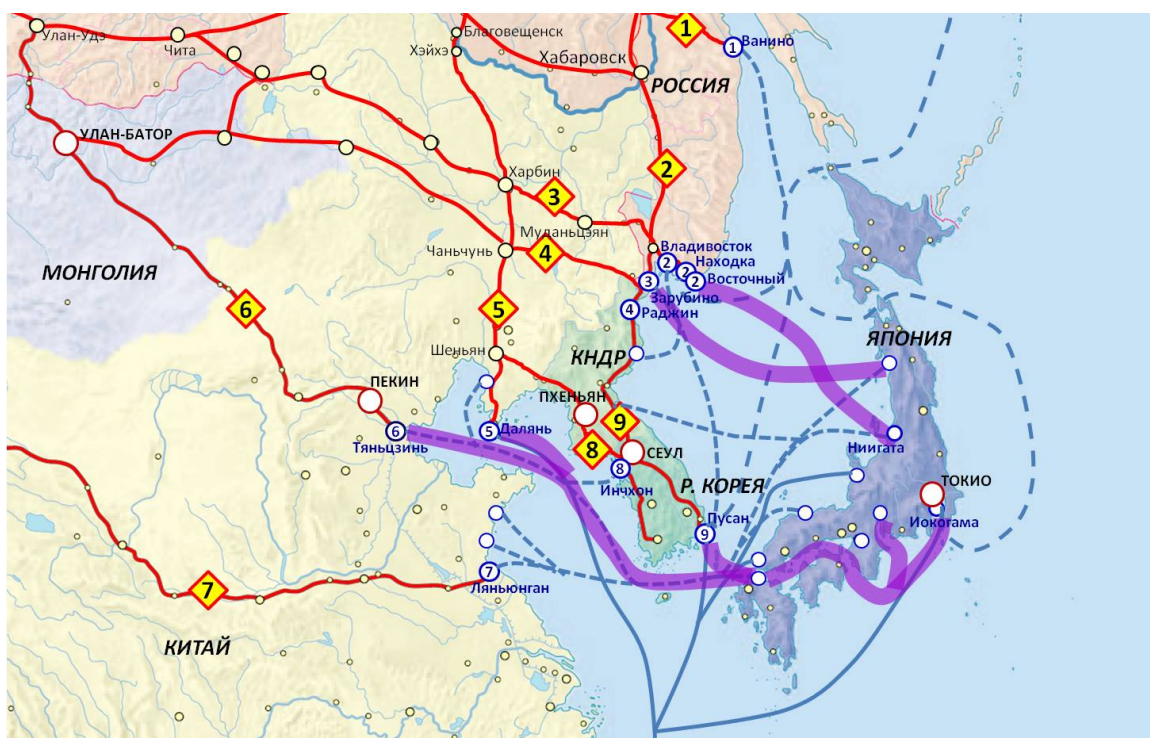
а) Транспортный коридор BESETO

б) Восточный торговый коридор

в) Транспортный коридор Далянь – Харбин

г) Предлагаемая интегрированная транспортная сеть в СВА

Рис. 5.8. Перспективные транспортные коридоры СВА

Источник: составлено по: Integrated International Transport and Logistics System for North-East Asia. New York: UN ESCAP; Korea Transport Institute, 2006; The Eurasian Transport Network / Eurasian Development Bank. 2024.

В условиях переориентации грузопотоков с запада на восток и действия санкций, морским портам российского Дальнего Востока удалось увеличить объем перевалки грузов и повысить свою значимость в стране. Вместе с тем порты вынуждены были перепрофилировать терминалы под наиболее востребованные грузы. Дефицит провозной способности железной дороги Восточного полигона способствовал появлению альтернативных транспортных маршрутов для контейнерных грузов.

Фактически в своем эволюционном развитии порты российского Дальнего Востока достигли третьей стадии. Некоторые из них (Владивосток, Восточный, Зарубино) потенциально могут стать порт-хабами СМП (второстепенных маршрутов). Однако, для перехода на четвертую стадию развития портам Дальнего Востока потребуются в максимально сжатое время устранить существующие недостатки. Также, кроме вышеобозначенных аспектов следует разработать программу синхронизированных действий, которая должна одновременно предусматривать развитие грузовой базы портов, инфраструктуры и флота России.

5.3. Энергетическое сотрудничество

Страны СВА дифференцированы по уровню обеспеченности энергоресурсами и условиям энергоснабжения. Из стран субглобального региона существенные запасы сосредоточены только в России и в Китае (табл. 5.7).

Таблица 5.7

Характеристика запасов энергоресурсов в странах СВА в 2020 г.

Страна	Доказанные извлекаемые запасы			Обеспеченность запасами, лет			Доля в мире, %		
	нефть, млрд т	природный газ, трлн м ³	уголь, млрд т	нефть	природный газ	уголь	нефть	природный газ	уголь
Китай	3,5	8,4	143,2	18,2	43,3	37	1,5	4,5	13,3
Япония	—	—	0,35	—	—	453	—	—	0,03
Республика Корея	н/д	н/д	0,33	н/д	н/д	320	—	—	0,03
Россия	14,8	37,4	162,2	27,6	58,6	407	6,2	19,9	15,1
Монголия	н/д	н/д	2,52	н/д	н/д	58	—	—	0,2
КНДР	—	—	0,6	—	—	—	—	—	0,06

Примечание: «—» – явление отсутствует, «н/д» – нет данных.

Источник: составлено по: Energy Institute Statistical Review of World Energy / Energy Institute. 2024.

Россия возглавляет рейтинг стран мира по суммарному объему запасов энергоресурсов, а Китай занимает в нем 4 место¹. Если по запасам угля Россия и Китай сопоставимы, то запасы углеводородного сырья в России в 4,4 раза больше.

¹ Энергетический профиль Китая / EES ЕАЕС. Мировая энергетика. 2024.

Разница в запасах и объемах добычи обуславливает более высокий уровень обеспеченности запасами в России.

Япония и Республика Корея практически не обеспечены собственными энергетическими ресурсами, их потребности удовлетворяются преимущественно за счет импорта. Однако существует потенциал наращивания их запасов за счет новых открытий, прежде всего в акватории Японского моря. Потенциально крупное месторождение нефти и природного газа обнаружено в заливе Ениль рядом с г. Пхохан (в Японском море к востоку от территории Республики Корея). Уровень запасов углеводородного сырья в нем может составлять около 14 млрд баррелей, при текущих уровнях потребления этого объема достаточно чтобы обеспечить потребности Республики Корея в нефти на 4 года, а природного газа – на 29 лет. Однако требуется проведение дополнительного разведочного бурения для подтверждения уровня запасов¹.

В Монголии и КНДР ресурсная база слабо изучена, что позволяет предполагать наличие существенного потенциала для наращивания добычи. В Монголии помимо угля и урана сосредоточены запасы РЗЭ, которые используются для генерации на базе возобновляемых источников энергии. Общие запасы РЗЭ Монголии оцениваются примерно в 3,1 млн. т, извлекаемые запасы урана – 144,6 тыс т, а перспективные ресурсы урана – 1,3 млн т². КНДР, в свою очередь, является одним из мировых лидеров по наличию ресурсов РЗЭ: только месторождение Чонджу содержит 216,2 млн т оксидов редкоземельных элементов, что вдвое превышает известные мировые запасы³. Однако возможности добычи РЗЭ блокируются отсутствием необходимых технологий, инвестиций и энергии, а также санкционными ограничениями.

Богатая ресурсная база Монголии обуславливает интерес иностранных инвесторов к проектам по добыче полезных ископаемых. За освоение перспективные месторождения РЗЭ и урана Монголии конкурируют Китай, Россия, страны ЕС, США, Япония и Республика Корея. В данной ситуации, несмотря на широкое сотрудничество с Россией и Китаем, Монголия стремится усилить отношения с третьими странами в целях энергетической безопасности. Санкционные ограничения в отношении КНДР и России сдерживают интерес иностранных инвесторов к проектам в данных странах, что открывает новые возможности для Китая. КНР, Республика Корея и Япония активно участвуют в проектах по геологоразведке и добыче энергоресурсов на территории третьих стран с целью диверсификации активов и гарантированного обеспечения поставок.

Масштабы рынков. Связь с мировыми рынками энергоресурсов определяется соотношениями, складывающимися в топливно-энергетическом балансе стран:

¹ *Паришинова П.* В Южной Корее обнаружили крупные запасы нефти и природного газа в Японском море // *Neftegaz.ru*. 2024. 3 июня.

² *Калинин Р., Хатмуллин А.* Монголия как новый центр борьбы за ресурсы: Перспективы российско-монгольского сотрудничества в области атомной энергетики, освоения и добычи полезных ископаемых // *Доклады ПИР-Центра*. 2024. № 41. 43 с.

³ *Schouker P.* *Schouker P.* Billions in the Ground: The Race to Harvest North Korea's Rare Earth Reserves // *Center for the National Interest*. 2019.

разницей в добыче и потреблении. Китай наращивает объемы импорта энергоресурсов, несмотря на богатую ресурсную базу, так как собственного производства ему недостаточно для удовлетворения растущих потребностей экономики. Объем импорта энергоресурсов КНР за 2014–2021 гг. увеличился в 1,6 раза и достиг 24% в структуре потребления первичных энергоресурсов (табл. 5.8).

Объем потребления первичных энергоресурсов в Японии в 2014–2021 гг. сократился на 9%, а импорта – на 15%, что было обусловлено политикой повышения энергоэффективности, снижением темпов экономической активности, развитием собственного производства энергоресурсов (перезапуск АЭС). Тем не менее, высокая зависимость страны от внешних поставок энергоресурсов сохранялась: в 2021 г. за счет внешних поставок обеспечивалось 92% объема потребления первичных энергоресурсов. Существенный объем импорта нефти Японии был обусловлен наличием мощной нефтеперерабатывающей промышленности: в 2023 г. мощность НПЗ составила 3069 тыс. барр. в день, а объем экспорта нефтепродуктов – 12,5 млн т¹.

Таблица 5.8

**Основные показатели топливно-энергетических балансов
стран СВА в 2021 г., ПДж**

Показатель баланса	Китай	Япония	Республика Корея	Россия	Монголия	КНДР
Производство первичных энергоресурсов, в т. ч.	118364,3	2227,9	2155,2	63711,0	885,0	645,3
нефть	8326,8	16,1	47,6	22244,3	27,0	0,0
природный газ	8318,8	80,3	2,1	27309,7	0,0	0,0
уголь	85021,1	15,4	17,4	10472,8	848,6	539,9
Импорт	36132,6	15473,6	12893,9	930,4	76,0	36,5
Экспорт	–3346,1	–610,2	–2465,0	–29201,1	–475,5	0,0
Предложение первичных энергоресурсов	148885,1	16765,2	12214,4	34759,1	482,6	681,8
Конечное потребление, в т. ч.	90559,6	11236,6	7678,0	23267,8	324,9	553,2
промышленность	42888,1	3361,6	2002,6	6719,1	35,3	334,8
транспорт	11344,9	2655,9	1496,1	4117,0	31,5	51,7
население	13487,9	1725,9	890,7	6105,7	45,3	61,4
неэнергетическое потребление	11685,5	1287,1	2271,6	3814,5	0,0	6,4

Источник: составлено по: Energy Balances 2021 / The United Nations Statistics Division. 2022.

Основной объем потребления первичных энергоресурсов в Республике Корея удовлетворялся за счет импорта, также, в небольших объемах осуществлялось собственное производство нефти, природного газа и угля. В структуре собствен-

¹ Energy Institute Statistical Review of World Energy / Energy Institute. 2024.

ного производства первичных энергоресурсов на долю добычи топливно-энергетических ресурсов приходилось 3,0% страны, а основной объем обеспечивало производство электроэнергии на АЭС. В 2014–2021 гг. объем потребления первичных энергоресурсов увеличился на 8,7%, а импорт – на 5,3%. Объем импорта Республики Корея превосходил объем потребления первичных энергоресурсов на 5%, что было обусловлено потребностью в создании запасов. В Республике Корея была создана мощная нефтеперерабатывающая промышленность: в 2023 г. мощность НПЗ составила 3363 тыс. барр. в день¹.

По итогам 2021 г. в Монголии объем производства первичных энергоресурсов в 1,8 раза превосходил объем их потребления. На экспорт направлялось 54% от объема произведенных первичных энергоресурсов (уголь и нефть) в Монголии. Отсутствие в стране нефтеперерабатывающей промышленности обуславливало экспорт всей добываемой нефти и доминирование нефтепродуктов в структуре импорта энергоресурсов (91%). При этом за счет импорта обеспечивалось 16% от объема потребления первичных энергоресурсов.

КНДР на протяжении двух с половиной десятилетий испытывала энергетический кризис. В структуре производства энергоресурсов основной объем составлял уголь (84%), который использовался в производстве электроэнергии. В небольших объемах добывалась нефть, но основной объем нефти импортировался в КНДР по нефтепроводу из Китая. В стране функционировало два НПЗ мощностью 3,2 млн т, но уровень их загрузки составлял 0,5–0,6 млн т в год². Только 44% населения КНДР имело доступ к электроэнергии³, а с 2000 г. производство электроэнергии увеличилось на 15–20%, что было обусловлено активным использованием солнечных батарей для обеспечения электроэнергией населения. Однако проблемы электроснабжения промышленности в КНДР сохраняются⁴.

В России объем производства в 1,8 раза превосходил объем потребления первичных энергоресурсов, при этом наблюдались незначительные объемы импорта. Наличие последнего обусловлено разницей в номенклатуре продукции и наличием взаимно направленных потоков поставок из-за большой протяженности страны. В 2021 г. на экспорт было направлено около 46% от объема произведенных первичных энергоресурсов. В России была создана мощная нефтеперерабатывающая промышленность, по данным 2023 г. суммарная мощность НПЗ составляла 6781 тыс баррелей в день, а объем экспорта нефтепродуктов – 90,9 млн т⁵. Особенностью России является низкий уровень сложности НПЗ (по индексу Нельсона), который оценивался на уровне 8,2, что было ниже по сравнению со средним уровнем для НПЗ в АТР, который составил 10,2⁶. Российские нефтепро-

¹ Energy Institute Statistical Review of World Energy / Energy Institute. 2024.

² Нефтяная и газовая промышленность КНДР / ЦДУ ТЭК. 2023.

³ Более 50% населения КНДР живет без электроснабжения // Neftegaz.ru. 2019. 29 мая.

⁴ Ланьков А. Как справляются с энергетическим кризисом в Северной Корее // РБК. 2017. 22 декабря.

⁵ Energy Institute Statistical Review of World Energy / Energy Institute. 2024.

⁶ Oil – Supply and Demand. World Energy Review / ENI. 2023. 52 p.

дукты на мировых рынках вступали в конкуренцию с сырой нефтью и служили сырьем для последующей переработки¹.

Условия конкуренции. В 2023 г. наиболее емкими рынками энергоресурсов среди стран СВА характеризовались: Китай – 28% мирового потребления первичных энергоресурсов; Россия – 5%; Япония – 2,8%; Республика Корея – 2% соответственно. С точки зрения конкуренции за рынки сбыта интерес представляют Китай, Япония и Республика Корея, так как Россия удовлетворяла потребности за счет собственных ресурсов (табл. 5.9).

Таблица 5.9

**Характеристики потребления и импорта энергоресурсов
в странах Большой тройки СВА**

Показатель баланса	Китай	Япония	Республика Корея	Мир
Среднегодовые темпы роста потребления первичных энергоресурсов, 2014–2023 гг. %	103,4	98,6	100,7	101,5
Душевое потребление энергии, 2023 г., ГДж / чел. в год	119,8	141,2	240,1	77,0
<i>Объем импорта 2023 г.</i>				
нефть, млн т	563,9	125,5	134,0	2127,1
природный газ, млрд м ³	159,2	90,3	60,6	936,4
уголь, млн т	311,3	167,0	119,5	1416*
<i>Уровень концентрации поставок (индекс Херфиндаля – Хиршмана), 2023 г.</i>				
нефть	1122	3307	1834	–
природный газ	1494	2229	1457	–
уголь	2417	4477	2036	–
<i>Страны – основные поставщики (три крупнейших), 2023 г., %</i>				
нефть	Россия (19), Саудовская Аравия (15), Ирак (11)	Саудовская Аравия (41), ОАЭ (39), Кувейт (9)	Саудовская Аравия (36), США (13), ОАЭ (11)	Саудовская Аравия (16), Россия (11), Канада (10)
природный газ	Австралия (21), Россия (20), Туркменистан (19)	Австралия (42), Малайзия (16), Россия (9)	Австралия (24), Катар (20), Малайзия (14)	США (22), Россия (15), Катар (13)
уголь	Индонезия (34), Россия (27), Монголия (19)	Австралия (64), Индонезия (15), Канада (7)	Австралия (31), Россия (22), Индонезия (21)	Индонезия (28), Австралия (25), Россия (15)

Примечания. «–» явление отсутствует, * – оценка. Индекс Херфиндаля – Хиршмана – показатель, оценивающий уровень концентрации рынка: $HHI = s_1^2 + s_2^2 + s_3^2 + \dots + s_n^2$ где: s – доля продавца на рынке, n – количество продавцов на рынке.

Источник: составлено по: Energy Institute Statistical Review of World Energy / Energy Institute. 2024; Trade Map / International Trade Centre. 2024.

¹ Дёмина О.В. Мировые рынки углеводородов: эффективные стратегии игроков // Пространственная экономика. 2018. № 3. С. 67–87.

Поставки углеводородного сырья (нефти и природного газа) осуществлялись в США преимущественно в рамках долгосрочных контрактов. Анализ рынков по уровню концентрации поставщиков свидетельствует, что рынок нефти в Японии являлся высокконцентрированным, а в Республике Корея и Китае – умеренно концентрированным. Анализ уровня диверсификации поставщиков на рынке природного газа указывает на то, что высокконцентрированным являлся только рынок Японии, а рынки Республики Корея и Китая были умеренно концентрированными. Основными внешними поставщиками нефти в США являлись страны Персидского залива, а природного газа – Австралия.

По показателю диверсификации все рынки угля США являлись высокконцентрированными, что не являлось критичным в силу меньшей зависимости поставщика и потребителя. В целом рынок угля в США характеризовался отсутствием поставок в рамках долгосрочных контрактов, высоким уровнем конкуренции поставщиков (на рынке наблюдался избыток предложения) и неопределенностью спроса. Основными поставщиками угля в США являлись Индонезия и Австралия.

Соответственно с целью повышения энергетической безопасности за счет снижения уровня концентрации поставщиков наиболее перспективным являлся рынок Японии, а наименее перспективным – Китая, так как в данном случае помимо конкуренции с поставщиками из других стран конкуренцию создавали также внутренние производители.

Совокупность факторов – объем потребления энергоресурсов, потенциал его роста и уровень конкуренции – не позволили выделить один наиболее перспективный рынок в рамках США. Япония и Республика Корея характеризовались зрелыми рынками энергоресурсов, но наблюдалась стагнация спроса и прогнозировалось снижение объемов импорта. Наиболее масштабный рынок энергоресурсов был в Китае, который является растущим, особенно природного газа. Однако именно в КНР прогнозируется усиление конкуренции среди поставщиков энергоресурсов.

Влияние санкционных ограничений в отношении российской экономики на сотрудничество в сфере энергетики в США. В настоящее время одним из факторов, определяющих сотрудничество с Россией в энергетической сфере, является приверженность стран США санкционным ограничениям. В разной степени санкции в отношении России поддерживали Япония и Республика Корея; Китай выполняет условия ограничений, введенные со стороны США, нарушение которых предполагает ввод вторичных санкций; Монголия и КНДР не придерживаются санкций.

Япония присоединилась к санкциям, введенным США и ЕС, в финансово-экономической, торговой, технологической, транспортной сферах и ввела первые ограничения в отношении российской экономики еще в марте 2014 г., поэтапно их ужесточая с февраля 2022 г. по настоящее время. В марте 2024 г. ограничения затрагивали более 700 российских организаций и компаний, а в список запрещенных к экспорту товаров и технологий вошло свыше 800 наименований¹. Так, запрещен экспорт в Россию высокотехнологичного оборудования для нефтеперера-

¹ Какие санкции вводила Япония в отношении России // ТАСС. 2024. 1 марта.

ботки, квантовых компьютеров и их компонентов, электронных микроскопов, атомно-силовых микроскопов, 3D-принтеров и расходных материалов к ним, оборудования для производства органических светодиодов, микроэлектромеханических схем, высокоэффективных солнечных батарей для водородного топлива и воспроизводимых видов энергии, вакуумных насосов, оборудования для охлаждения, предназначенного для крайне низких температур, материалов, осложняющих обнаружение электромагнитных волн, паровых и газовых генераторов, насосов, конвейеров, экскаваторов, погрузочно-разгрузочных машин, железнодорожных локомотивов, обрабатывающих станков и другого электрического оборудования, используемого в промышленности. В первую очередь ограничения затронули угольную и горно-металлургическую промышленность.

При этом под ограничения на импорт из России не попали важные для Японии российские природные ресурсы: нефть; СПГ; уголь и коксующийся уголь; газы (включая неон), используемые при производстве полупроводников; палладий; ферросплавы¹. Последнее обусловило сохранение участия японских компаний в проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2», выведение из-под действия санкционных ограничений импорта нефти и СПГ с данных проектов, разрешение участия в строительных, инженерных работах на Арктик СПГ-2 и проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2»². Таким образом, Япония поддерживала объемы импорта российского СПГ около 6 млн т, при этом практически прекратила покупку российской нефти и резко сократила импорт российского угля (*табл. 5.10*).

Республика Корея присоединилась к санкциям против России в финансовой сфере, но добилась исключения своих технологических компаний из так называемого правила прямого иностранного продукта (FDPR), что позволяет не обращаться к властям США за лицензией при экспорте технологической продукции в Россию. При этом она должна вводить экспортные ограничения, которые будут соответствовать санкциям других западных стран. Хотя российские энергоресурсы изначально не попали под санкционные ограничения Республики Корея, однако нефтеперерабатывающие заводы страны сокращали импорт российской нефти, замещая ее поставками из США. Долгосрочные контракты по поставкам СПГ из России в Республику Корея продолжали исполняться Корейской газовой корпорацией (KOGAS), являющейся единственным импортером СПГ в стране. Республика Корея не делала резких заявлений об отказе от российского угля, но планировала в 1,5 раза увеличить поставки из Австралии, чтобы снизить зависимость от России³. Однако снижение цен на российский уголь по сравнению с другими поставщиками обусловило рост объема поставок российского угля в 2022 г. на рынок Республики Корея. В 2023 г. правительством Республики Корея были озвуче-

¹ Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Экспортная специализация топливно-энергетического комплекса Дальневосточного федерального округа: влияние санкционных ограничений // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 67–84.

² Смирнов Г. Япония сделала исключение из санкций для проектов на Сахалине и Ямале // РБК. 2023. 30 июня.

³ Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Экспортная специализация топливно-энергетического комплекса Дальневосточного федерального округа: влияние санкционных ограничений // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 67–84.

ны рекомендации государственным компаниям не превышать объемы закупок угля, достигнутые в 2022 г.¹. По итогам 2023 г. Республика Корея прекратила закупки российской нефти, но объем импорта российского угля и СПГ остался практически на уровне 2022 г.

Таблица 5.10

**Экспорт основных российских энергоресурсов
в страны Большой тройки СВА**

Год	Сырая нефть		Природный газ			Уголь	
	млн т	млн долл.	млн т	млрд м ³	млн долл.	млн т	млн долл.
Китай							
2014	33,1	25,0	0,1	–	0,1	25,3	2,2
2019	77,6	37,4	2,5	–	1,1	32,0	2,7
2021	79,6	40,5	4,5	10,4	4,3	56,7	7,2
2022	86,3	58,4	6,5	15,5	10,7	68,0	12,1
2023	99,6	60,7	8,0	21,3	11,6	69,6	14,4
Япония							
2014	11,9	9,4	8,5	–	6,7	15,1	1,5
2019	6,4	3,2	6,4	–	3,1	30,9	3,6
2021	4,5	2,2	6,6	–	3,4	19,7	2,6
2022	1,9	1,3	6,9	–	5,2	11,6	3,5
2023	0,1	0,05	6,1	–	4,2	3,5	0,8
Республика Корея							
2014	5,4	4,3	1,9	–	1,3	18,2	1,6
2019	9,0	4,6	2,3	–	1,1	29,1	2,8
2021	7,9	4,3	2,9	–	1,7	22,0	2,6
2022	3,2	2,3	2,0	–	1,5	26,6	5,7
2023	0	0	1,7	–	1,1	26,8	4,4

Примечание: «–» – явление отсутствует.

Источник: составлено по: Trade Data / United Nations. 2024; Trade Statistics / Korea Customs Service. 2024.

В начале 2000-х гг. основными партнерами России в СВА являлись Япония и Республика Корея, Китай сильно уступал данным странам как по уровню технологического развития, так и по инвестиционному потенциалу и не нуждался в масштабном экспорте энергоресурсов. Поэтому в получивших в этот период развитие проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2» инвесторами выступали американское и японские компании. С 2014 г. вводятся первые санкционные ограничения против России, направленные, прежде всего на проекты по добыче нефти, характеризующиеся сложными геологическими условиями. Последнее обусловило сокращение инвестиций в проекты добычи углеводородного сырья в арктических районах и на шельфе². В 2015 г. под санкции попали поставки оборудования из США,

¹ Шукин П. Южная Корея воздерживается от угля из РФ // Коммерсантъ. 2023. 13 сентября.

² Дёмина О.В. Энергетический комплекс региона: тенденции и вызовы // Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. С. 72–101.

необходимого для разработки Южно-Киринского месторождения (проект «Сахалин-3»), что привело к переносу сроков его освоения и необходимости развития собственных технологий.

За последнее десятилетие происходило усиление российско-китайского энергетического сотрудничества. Во-первых, в этот период нарастал дефицит энергоресурсов в Китае, и увеличилась его зависимость от импорта. Во-вторых, страна существенно нарастила инвестиционный и технологический потенциал. В-третьих, Китай не поддержал санкционные ограничения в отношении российской экономики. В-четвертых, Китай стал посредником в торговых отношениях с другими развитыми странами АТР. Свидетельством укрепления двусторонних отношений являлся подписанный в 2014 г. долгосрочный договор о поставках российского трубопроводного газа и увеличение объемов поставок нефти в КНР. Этот контракт обеспечил гарантированный рынок сбыта трубопроводного природного газа для России в США, позволив диверсифицировать географическую структуру поставок, начать освоение масштабных запасов в Республике Саха (Якутии) и Иркутской области. Для Китая контракт обеспечивал повышение энергетической безопасности за счет диверсификации поставщиков, формирование нового канала поставок через северо-восточные провинции, создавал гарантии поставок под перспективный рост спроса по мере ужесточения экологической политики.

На протяжении последних двух десятилетий экспорт российских энергоресурсов в Китай последовательно наращивался. Данные поставки преимущественно осуществлялись в рамках долгосрочных контрактов, включающих следующие суммарные объемы: электроэнергии – 100 млрд кВт·ч на 25 лет; трубопроводного природного газа – 630 млрд м³ (два маршрута поставок: действующий «Сила Сибири» на 30 лет и проектируемый «дальневосточный маршрут» на 10 лет); нефть – 1350 млн т (два действующих маршрута: по нефтепроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан» на 25 лет и транзит через Республику Казахстан на 10 лет)¹.

В 2022–2023 гг. объемы сырой нефти и угля, которые не были востребованы другими странами, были переориентированы в Китай и Индию. В результате Россия стала крупнейшим поставщиком энергоресурсов в Китай по итогам 2023 г. Однако дальнейшее наращивание поставок российских энергоресурсов будет ограничено с российской стороны пропускной способностью транспортной инфраструктуры, с китайской – политикой по сдерживанию доли импорта и стремлением диверсификации географии поставок. Китай стал основным торговым партнером России, при этом если в товарной структуре российского экспорта доминировали природные ресурсы, то в структуре импорта в Россию из Китая – машинно-техническая продукция². Доля Китая в 2023 г. в географической структуре экспорта

¹ Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Экспортная специализация топливно-энергетического комплекса Дальневосточного федерального округа: влияние санкционных ограничений // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 67–84.

² Цыплаков С. Об основных трендах развития торговли России и Китая // Российский совет по международным делам. 2024.

энергоресурсов России достигла: по углю – 51%, нефти – 44,4%, природного газа – 23,4%¹. Таким образом можно утверждать об осуществлении переориентации поставок российских энергоресурсов внутри СВА в пользу Китая. Растущая зависимость России от Китая в условиях асимметричности создает предпосылки для формирования ситуации монополии, которая усиливает переговорные позиции КНР.

Кооперационные проекты в ТЭК. Одним из преимуществ стран СВА является выгодное экономико-географическое положение стран субглобального региона, позволяющее создать трансграничную энергетическую инфраструктуру, включая нефте- и газопроводы и межгосударственные энергетические объединения. Наиболее обсуждаемыми интеграционными многосторонними энергетическими проектами по созданию трансграничной инфраструктуры в СВА являлись: Азиатское энергетическое кольцо; трубопроводы из России в Китай, Японию и Республику Корея.

Азиатское энергетическое кольцо – это проект по включению в параллельную работу энергосистем России (ОЭС Сибири и ОЭС Востока), Монголии, Китая, КНДР и Республики Корея, Японии (*рис. 5.9*). Несмотря на то, что было разработано несколько конфигураций данной сети, все они включают маршрут из Китая или России через КНДР в Республику Корея².

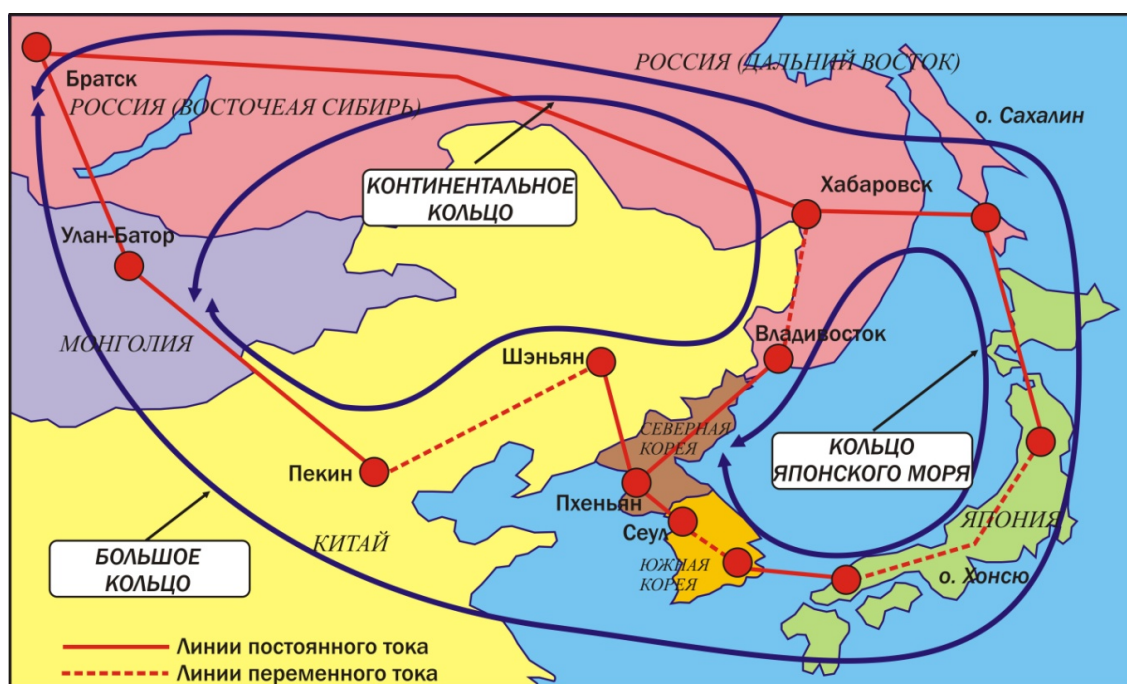

Рис. 5.9. Конфигурация перспективного межгосударственного энергообъединения в СВА

Источник: составлено по: Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние, взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. С. 248.

¹ Energy Institute Statistical Review of World Energy / Energy Institute. 2024.

² Renewable Energy and Electricity Interconnections for a Sustainable Northeast Asia / IRENA. 2021. Pp. 49–51.

За последние три десятилетия в СВА было разработано множество энергетических инициатив, но так и не удалось сформировать совместный механизм энергетического сотрудничества между странами субглобального региона. Проект создания энергетического энергообъединения среди стран СВА обсуждается с 1990-х гг. В начале 2000-х гг. было подписано несколько протоколов о сотрудничестве между российскими и японскими энергокомпаниями, российскими и южнокорейскими. Далее почти на десятилетие (до аварии на японской атомной электростанции Фукусима) все переговоры в данном направлении прекратились. В 2012 г. на саммите АТЭС обсуждение вопросов интеграции электросетевой инфраструктуры стран СВА возобновилось. В 2016 г. был подписан многосторонний меморандум о совместном продвижении взаимосвязанной электрической энергосистемы, охватывающей страны СВА, на уровне энергетических компаний четырех стран: Россети (Россия), China State Grid Corporation (Китай), Korea Electric Power Corporation (Республика Корея) и Softbank Group (Япония)¹. В 2017 г. продолжилось обсуждение энергетической взаимосвязанности стран СВА в рамках коллективной энергетической безопасности, инициативы «Один Пояс – Один Путь». На Восточном экономическом форуме 2018 г. лидеры из России, Китая, Японии, Республики Кореи и Монголии призвали к энергетическому сотрудничеству в СВА.

Развитие сотрудничества в электроэнергетическом секторе все еще находится на начальной стадии: функционируют отдельные трансграничные линии электропередачи напряжением преимущественно 110–220 кВ с пропускной способностью 100–150 МВт для приграничной торговли электроэнергией между Россией и Монголией, Россией и Китаем, Китаем и КНДР. При этом действующие ЛЭП не отвечают техническим условиям для создания Азиатского энергетического кольца, а двусторонние соглашения не обеспечивают нормативной базы для их дальнейшего объединения. Несмотря на множество ограничений для реализации, проект продолжает обсуждаться на разных уровнях, что обусловлено наличием системных эффектов для стран-участниц. По оценкам², объединение энергосистем стран СВА обеспечит общую экономию более 24 млрд долл. в год, учитывая затраты на функционирование и развитие. При этом 30–40% от суммарных эффектов объединенной энергосистемы могла бы получить Россия.

В 2018 г. были представлены результаты оценки по проекту энергообъединения в странах СВА, полученные южнокорейской государственной энергетической компанией (Korea Electric Power Corporation). Требуемый объем инвестиций оценивался в 7,6 млрд долл., в том числе: прокладка подводного кабеля для передачи электроэнергии от Владивостока до Сеула – 2,1 млрд долл.; соединение электрических сетей китайского порта Вэйхай с промышленным центром Инчхон в Республике Корея – 2,6 млрд долл.; подключение к энергетическим сетям Япо-

¹ Дёмина О.В. Перспективы развития российских энергетических проектов на Корейском полуострове // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 8–19.

² Подковальников С.В., Савельев В.А., Чудинова Л.Ю. Перспективы электроэнергетической кооперации России и стран Северо-Восточной Азии // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 118–130.

нии – 2,9 млрд долл. Ожидаемые эффекты от объединения энергосистем: обеспечение стабильности поставок электроэнергии в Республику Корея; снижение стоимости электроэнергии (прежде всего за счет сокращения топливной составляющей); снижение генерации на тепловых и атомных электростанциях, что может благоприятно сказаться на экологической ситуации в СВА¹.

Несмотря на заинтересованность в проекте энергообъединения в странах СВА, в странах-участницах не созданы условия для создания такой тесной технологической и балансовой взаимозависимости энергосистем. В настоящее время в странах СВА отсутствует единый энергорынок (даже в границах отдельных стран, например, Японии); возникает вопрос коллективной энергетической безопасности (в условиях высокой интеграции энергосистем и взаимозависимости); разные взгляды на правовые условия формирования энергообъединения (Япония и Республика Корея подчеркивают важность рыночных отношений, необходимость правового режима и защиты интеллектуальной собственности, Китай рассматривает нерыночные механизмы); возникает вопрос о надежности и безопасности поставок по ЛЭП Россия – КНДР – Республика Корея. Кроме того, имеются сложности с источниками финансирования требуемой энергетической инфраструктуры в КНДР, а в последние годы также возник вопрос о невозможности сотрудничества с Россией в условиях санкционных ограничений.

Газотранспортные системы. Япония, Республика Корея и Китай являются одними из крупнейших импортеров СПГ в мире. Заинтересованность данных стран в трубопроводных проектах была обусловлена разницей цен СПГ и трубопроводного газа, что позволило бы существенно сократить стоимость импорта энергоресурсов. Если в электроэнергетике рассматривается создание межгосударственного энергообъединения с множеством участников, то в случае трубопроводных поставок предпочтительным вариантом являлись двухсторонние отношения на основе ресурсной базы России. В разные годы активно обсуждались проекты строительства газотранспортных систем из России в Китай, Японию и Республику Корея. Наиболее обсуждаемые проекты представлены в таблице 5.11.

Северокорейский поток – это проект газотранспортной системы предполагающий поставки из России в Республику Корея через территорию КНДР. Проект неоднократно обсуждался с начала 1990-х гг., а в 2011 г. была подписана дорожная карта по реализации проекта между ПАО «Газпром» и южнокорейская компания KOGAS. С технической стороны проекта ограничения по реализации проекта отсутствуют. На российской территории подготовлена вся необходимая инфраструктура: действующий газопровод Сахалин – Хабаровск – Владивосток, который предполагался как часть данного проекта, а объем поставок оценивался в 10–12 млрд м³ в год. Развитие данного проекта блокируют: высокие транзитные риски, санкционные ограничения в отношении России и КНДР.

С начала 2000-х г. активно исследовались проекты строительства газопроводной системы из России в Японию, в 2014–2016 гг. обсуждались два проекта: с

¹ В Корею подсчитали стоимость создания энергокольца в Северо-Восточной Азии // РИА Новости. 2018. 11 декабря.

о. Сахалин в Японию по дну Японского моря: до острова Хоккайдо или до центральных японских префектур. Предполагалось, что мощность газотранспортной системы может составить от 8 до 25 млрд м³ в год. Проект не был реализован из-за технологических рисков (сейсмоопасная зона, глубоководные работы), экологических рисков и экономических рисков (в Японии обширная сеть СПГ терминалов, множественность участников рынка, отсутствует внутренняя газопроводная сеть, волатильность цен на природный газ и сложности, связанные с окупаемостью проекта). После 2022 г. Япония поддержала большую часть санкций, введенных против России, что не позволит развивать двусторонние энергетические проекты в обозримой перспективе.

Таблица 5.11

Проекты создания газотранспортных систем в СВА

Газо-транспортная система	Страны-участницы	Протяженность, тыс. км	Ориентировочная стоимость проекта, млрд долл.	Риски проекта
Северокорейский поток	Россия, КНДР, Республика Корея	1,1	2,5	политические
Сахалин – Хоккайдо	Россия, Япония	1,4	5,5–6,0	технологические и экономические
Сахалин – центральные районы Японии	Россия, Япония	1,5	3,5	технологические и экономические
«Сила Сибири» (действующий)	Россия, Китай	3,0	н/д	экономические
«Сила Сибири-3» (Дальневосточный маршрут)	Россия, Китай	н/д	12,3	экономические
«Сила Сибири-2»	Россия, Монголия, Китай	н/д	8-15	экономические, транзитные и экологические

Примечание: «н/д» – нет данных.

Источники: Северокорейский поток. Россия построит газопровод через КНДР // Neftegaz.ru. 2011. 30 ноября; Южная Корея поддерживает газопровод из РФ через КНДР // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. 2017. 6 июля; *Топалов А.* Курилы в обмен на трубу // Газета.ru. 2016. 16 декабря; *Мордюшенко О., Скорлыгина Н.* Япония рассчитала дорогу к России // Коммерсантъ. 2017. 22 марта; Сила Сибири / ПАО «Газпром». 2024; Газпром прорабатывает дополнительные маршруты поставок газа в Китай // Neftegaz.ru. 2023. 23 октября.

Наиболее продуктивное сотрудничество в энергетической сфере сложилось между Россией и Китаем. В 2008 г. была принята Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР (Восточная газовая программа), в которой были приведены оценки эф-

фективности различных маршрутов поставок трубопроводного газа из России в Китай. В 2014 г. был подписан 30-летний договор купли-продажи трубопроводного природного газа между Газпромом и CNPC (КНР), предполагающий поставку 38 млрд м³ в год. С 2014 г. началось строительство газопровода «Сила Сибири», который был запущен в 2019 г., и начались трубопроводные поставки российского газа в Китай. Кроме того, в 2022 г. был подписан долгосрочный договор купли-продажи природного газа по Дальневосточному маршруту («Сила Сибири-3») между Газпромом и CNPC. Объем поставок российского трубопроводного газа в по данному проекту составит 10 млрд м³ в год¹, а его запуск ожидается в 2027 г. В стадии обсуждения также еще один проект поставки российского газа в Китай – «Сила Сибири-2», предполагающий транзит через Монголию, экспортная мощность которого оценивается в 50 млрд м³ в год. Со стороны Монголии уже создана специальная компания, ведется проектирование трубопровода через территорию страны, а Россия и Китай согласовывают детали, но проект находится в стадии обсуждения. Все данные проекты обеспечивают для России рынок сбыта природного газа, позволяют частично скомпенсировать потери на европейском направлении. При этом усиливается зависимость России от Китая, который получает все больше рыночной власти, что ведет к риску экономических потерь в результате ситуации монополии.

Таким образом, энергетическое сотрудничество в СВА в основном характеризуется относительно скромной двусторонней торговлей первичными энергоресурсами, Россия экспортирует уголь, нефть и природный газ во все остальные страны региона, Монголия и КНДР осуществляют поставки угля в Китай. В части рынков сбыта продукции нефтепереработки Республика Корея и Япония являются конкурентами; Китай в первую очередь обеспечивает внутренние потребности; Россия выпускает продукцию, которая является субститутутом нефти и служит сырьем, а в Монголии и КНДР нефтеперерабатывающая промышленность отсутствует.

Развитие сотрудничества в электроэнергетическом секторе находится на начальной стадии: функционируют отдельные трансграничные линии электропередачи между Россией и Монголией, Россией и КНР, Китаем и КНДР. Идея создания межгосударственного энергообъединения в регионе (Азиатского энергетического кольца) обсуждается на протяжении 30 лет, но сдерживается в первую очередь неспособностью сформировать многосторонний режим сотрудничества в СВА, что отражается в предпочтениях двухсторонних форматов такого рода отношений. Создание межгосударственных газотранспортных систем в субглобальном регионе предполагало использование ресурсной базы России, однако реализован только один проект между Россией и Китаем («Сила Сибири»), в стадии строительства Дальневосточный маршрут («Сила Сибири-3»), в стадии обсуждения – «Сила Сибири-2», предполагающая также участие Монголии. Создана тех-

¹ *Игнатьева А.* Газпром и CNPC подписали контракт на поставку российского газа в Китай по дальневосточному маршруту (МГП «Сила Сибири-3») // *Neftegaz.ru*. 2022. 2 апреля; *Дёмина О.В., Мазитова М.Г.* Энергопереход в Китае: новые возможности и вызовы // *Регионалистика*. 2024. Т. 11. № 5. С. 41–58.

ническая база для реализации проекта Россия – КНДР – Республика Корея. Однако политические разногласия в СВА и высокие транзитные риски не могут быть преодолены в среднесрочной перспективе, что блокирует развитие проекта. Санкции против России, ухудшение отношений с Японией также не позволяют реализовать проект строительства газотранспортной системы между странами.

С 2014 г. наблюдалось переформатирование торговых отношений в СВА по причине создания барьеров между Россией и группой развитых стран (США, Япония и Республика Корея), обусловленных введением санкций по отношению к российской экономике и контрсанкций с российской стороны. Кроме того был ограничен доступ России к зарубежным технологиям для ТЭК и усложнен доступ к мировому рынку капитала. В данных условиях наблюдалось перенаправление экспорта российских энергоресурсов на китайский рынок, в том числе на основе введенной в эксплуатацию трубопроводной инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России¹.

В 2023 г. Китай стал одним из крупнейших торговых партнеров России, в свою очередь Россия стала крупнейшим поставщиком энергоресурсов в КНР. Возможности дальнейшего наращивания экспорта российских энергоресурсов в Китай будут сдерживаться загрузкой существующей транспортной инфраструктуры в России и политикой КНР в области энергобезопасности. Однако растущая зависимость России от Китая сопровождалась укреплением рыночной власти последнего, провоцируя риски для России в связи с проблемами переориентации поставок и ограниченными возможностями по альтернативному использованию созданной инфраструктуры (газопроводов, нефтепроводов, ЛЭП). Ввиду отсутствия масштабного спроса на внутреннем рынке в восточных районах и внешнего в СВА, данная проблема только усугубилась в условиях санкционных ограничений, введенных против российской экономики.

¹ *Изотов Д.А.* Влияние интеграционных и геополитических факторов на торговлю Дальнего Востока России с зарубежным рынком // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 2. С. 40–70.

ГЛАВА 6

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН СВА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

6.1. Перспективы развития экономики КНР

Как показал ранее проведенный анализ в разделе 1.1, экономика КНР функционирует преимущественно на основе «восточноазиатской» модели развития¹, которая поддерживалась некоторыми особенностями национальной экономической политики, в целом не свойственными для других стран Восточной Азии, ввиду наличия жестких эндогенных ограничений на операции капитального счета платежного баланса, а также механизмов института прописки для закрепления населения в городах, производящих основную долю экспорта. В результате, модель функционирования современной китайской экономики строится на следующих четырех основных механизмах: во-первых, экспортная ориентация экономики за счет вывоза за рубеж товаров с низкой и средней добавленной стоимостью, выпускаемых в рамках производственного процесса с низкой себестоимостью²; во-вторых, диспропорциональное развитие регионов и высокий уровень временной внутренней миграции, преимущественно в приморские агломерации, являющиеся основными продуцентами товаров, ориентированных на экспорт³; в-третьих, жесткий государственный контроль над вывозом капитала и себестоимостью производства, за счет ограничения внутреннего потребления и низкого курса юаня к зарубежным валютам, в условиях поддержания низкого спроса на иностранную валюту⁴; в-четвертых, развитие инфраструктуры за счет массовых капиталовло-

¹ *Baek S.W.* Does China Follow 'The East Asian Development Model'? // *Journal of Contemporary Asia*. 2005. Vol. 35. Issue 4. Pp. 485–498; *Park J.H.* The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries // *Contributions to Asian Studies*. 2002. Vol. 18. Issue 4. Pp. 330–353.

² *Liu M.-H., Margaritis D., Zhang Y.* The Global Financial Crisis and the Export-Led Economic Growth in China // *The Chinese Economy*. 2019. Vol. 52. Issue 3. Pp. 232–248; *Hu C., Tan Y.* Export Spillovers and Export Performance in China // *China Economic Review*. 2016. Vol. 41. Pp. 75–89.

³ *Lemoine F., Unal D.* China's Foreign Trade: A 'New Normal' // *China & World Economy*. 2017. Vol. 25. Issue 2. Pp. 1–21; *Wang X., Shi R., Zhou Y.* Dynamics of Urban Sprawl and Sustainable Development in China // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2020. Vol. 70. 100736.

⁴ *Xing Y.* Rising Wages, Yuan's Appreciation and China's Processing Exports // *China Economic Review*. 2018. Vol. 48. Pp. 114–122; *Kim W.* Impacts of RMB Devaluation on China's Trade Balances: A Time-Varying SVAR Approach // *Applied Economics*. 2020. Vol. 52. Pp. 4952–4966.

жений вследствие значительного уровня накоплений как у корпоративного сектора, так и у населения¹.

Исходя из этого, имеется риск для перехода экономики КНР в «застойное» состояние уже в обозримой перспективе. Фактически, китайское руководство оказалось в стратегическом «тупике». С одной стороны, сохранение текущей модели экономики приводит к накоплению серьезных структурных проблем и к еще большему снижению ее эффективности. С другой стороны, широкомасштабное реформирование экономики, прежде всего, связанное с отменой института прописки и либерализацией капитального счета платежного баланса, способно привести к неоправданно большим издержкам. Тем не менее, сохранение текущей модели экономического развития КНР может сочетаться с ограниченными реформами, что может являться компромиссным вариантом развития событий, вполне в «духе» стратегии постепенных рыночных реформ, проводимых в данной стране в конце 1970-х гг. – начале 1990-х гг.²

Исходя из вышеизложенного, можно выделить как минимум два направления среднесрочного развития китайской экономики. Во-первых, сохранение текущих механизмов функционирования экономики, что будет означать еще большее накопление системных проблем, которые способны привести китайскую экономику в «застойное» состояние (инерционный сценарий). Во-вторых, попытка улучшения качественных характеристик экономического развития КНР на основе поэтапного смягчения структурных проблем в экономике (прогрессивный сценарий³).

Инерционный сценарий. В среднесрочном периоде будет заложена основа для масштабных кризисных тенденций в экономике КНР. Прогнозы, разработанные после пандемии COVID-19 ведущими международными организациями⁴, указали на то, что в среднесрочной перспективе китайская экономика будет терять темпы прироста. Поскольку указанные прогнозные оценки являются сопоставимыми, объяснение «затухания» темпов экономического прироста КНР возможно на основе декомпозиционной перспективной оценки МВФ (табл. 6.1).

¹ Ansar A., Flyvbjerg B., Budzier A., Lunn D. Does Infrastructure Investment Lead to Economic Growth or Economic Fragility? Evidence from China // Oxford Review of Economic Policy. 2016. Vol. 32. Issue 3. Pp. 360–390; Al-Haschimi A., Spital T. The Evolution of China's Growth Model: Challenges and Long-Term Growth Prospects // Economic Bulletin Articles of European Central Bank. 2024. Vol. 5.

² Единственным принципиальным отличием является огромный масштаб и сложность современной китайской экономики с преимущественно городским населением.

³ Фактически, речь идет о снижении рисков экономического развития за счет мер государственной политики в рамках инерционного сценария.

⁴ World Economic Outlook Database / IMF. 2024; Peschel D., Liu W. The Long-Term Growth Prospects of the People's Republic of China / ADB East Asia Working Paper Series No. 54. 2022; Al-Haschimi A., Spital T. The Evolution of China's Growth Model: Challenges and Long-Term Growth Prospects // Economic Bulletin Articles of European Central Bank. 2024. Issue 5; OECD Economic Outlook, Volume 2024 Issue 1 / OECD. 2024; China Economic Update June 2024 – Growing Beyond Property: Cyclical Lifts and Structural Challenges Growing / World Bank Group. 2024.

**Среднесрочные прогнозные показатели
развития экономики КНР**

Показатель	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Население, млн чел.	1410,8	1409,8	1408,5	1406,9	1405,0	1403,1
Прирост ВВП, %	4,6	4,1	3,8	3,6	3,4	3,3
ВВП на душу населения в текущих ценах, долл.	13136	14037	14929	15834	16782	17705
Валовые сбережения, % от ВВП	43,8	43,7	43,6	43,5	43,4	43,2
Валовые капиталовложения, % от ВВП	42,5	42,3	42,3	42,2	42,2	42,1
Расходы на потребление, % от ВВП	56,2	56,3	56,4	56,5	56,6	56,8
Сальдо платежного баланса, % от ВВП	1,27	1,39	1,36	1,29	1,18	1,08
Прирост экспорта товаров и услуг в реальных ценах, %	2,5	2,0	3,0	3,0	3,0	3,0
Прирост импорта товаров и услуг в реальных ценах, %	4,4	1,6	3,9	3,7	3,6	3,5
Государственный долг, % от ВВП	89	93	97	102	106	110
Прирост потребительских цен, %	0,97	1,99	1,95	1,95	1,95	1,95
ICOR*	9,2	10,4	11,2	11,8	12,5	12,7

Примечание: * – ICOR – предельный коэффициент капиталоотдачи. $ICOR = I/\Delta Y$, где I – доля в ВВП инвестиций в основной капитал; ΔY – темп прироста ВВП. Чем выше значения ICOR, тем ниже производительность капитала и, соответственно, тем больше его неэффективное использование, т. е. ICOR показывает, сколько единиц капитала необходимо для увеличения роста ВВП.

Источник: World Economic Outlook Database / IMF. 2024. April.

Как показали оценки, для китайской экономики будет наблюдаться увеличение ВВП на душу населения, которое за счет роста себестоимости труда в целом снизит конкурентоспособность трудоемкого китайского экспорта товаров на мировом рынке. Китайская экономика в среднесрочном периоде все больше будет погружаться в «ловушку среднего дохода», в результате чего темпы прироста импорта будут выше темпов прироста экспорта, постепенно снижая, таким образом, положительное сальдо платежного баланса.

До 2030 г. в китайской экономике сохранится высокая склонность к сбережению, и, соответственно, высокая доля валового накопления капитала в ВВП, в результате чего будет наблюдаться дальнейшее нарастание неэффективности капиталовложений, оцененных в рамках ICOR, значение которого возрастет к 2029 г. почти до 13 и будет одним из самых высоких в мире. Низкая отдача от капитала с точки зрения генерации средне- и долгосрочных мультипликативных эффектов для экономики КНР будет способствовать дальнейшему наращиванию совокупного внутреннего государственного долга, значение которого к 2029 г. может составить 110% к ВВП, что будет более чем в два раза выше по сравнению с анало-

гичным показателем для японской экономики в начале 1990-х гг. – в период истощения источников быстрого роста, ее резкого торможения и начала «застоя»¹. Соответственно, существует опасность того, что Китай будет по-прежнему привязан к ускорению экономического роста за счет неэффективных инвестиций, что приведет к наращиванию совокупного внутреннего долга, который в 2023 г. составил 288% по отношению к ВВП страны², являясь одним из самых высоких в мире.

Рост долга в КНР является симптомом более сложной проблемы, связанной с ростом накопленных, но непризнанных убытков в условиях недостаточно эффективного распределения инвестиций в избыточную инфраструктуру и в производственные мощности. В результате экономические субъекты в КНР отчитываются о более высокой прибыли и более высокой общей стоимости активов, однако эти активы не могут приносить доход и поэтому их нельзя использовать для обслуживания долга, которым он был профинансирован³. Пока региональные органы власти КНР увеличивают долг по своему усмотрению, они продолжают инвестировать для достижения чрезмерно высоких целевых показателей роста ВВП. Однако, как только будут введены жесткие ограничения по региональным долгам КНР, сформированные за многие годы «фиктивные» активы придется списать, а долги придется обслуживать за счет средств из других секторов экономики, что будет означать общее сокращение доходов и снижение темпов прироста ВВП. Следует заметить, что данная проблема, а также наличие значительного разрыва между стоимостными объемами ВВП и прибылью корпоративного сектора (ВВП почти в два раза больше⁴) указывают на завышенные темпы роста экономики КНР, которые, с поправкой на «фиктивные» активы, заметно ниже официальных. С этой точки зрения, Китай уже является медленно растущей экономикой, что требует перерасчета других показателей, в частности, доходов на душу населения и переосмысления перспектив развития КНР.

Если отталкиваться от данных официальной статистики и среднесрочных прогнозов ведущих международных организаций, то общее снижение эффективности капиталовложений КНР в условиях непрекращающейся широкомасштабной инвестиционной «накачки» экономики в среднесрочной перспективе будет только возрастать, генерируя серьезные риски для ее развития. При этом общие расходы на потребление в среднесрочной перспективе останутся относительно низкими, не способствуя переходу китайской экономики к устойчивому росту за счет огром-

¹ Ожидается, что государственный долг КНР будет прирастать главным образом за счет совокупного долга регионов, указывая на отсутствие мотивов в перестройке механизмов доходной и расходной частей бюджета страны, а также продолжения конкуренции региональных властей Китая за увеличение прироста ВВП, не уделяя должного внимания его качеству. Подробно: OECD Economic Surveys: China 2019 / OECD. 2019; *Qu X., Xu Z., Yu J., Zhu J.* Understanding Local Government Debt in China: A Regional Competition Perspective // *Regional Science and Urban Economics*. 2023. Vol. 98. 103859.

² *Xia Y., Han W.* China's Debt-to-GDP Ratio Climbs to Record 287.8% in 2023 // *Caixin*. 2024. 30 January; China's Debt Problem / Thomson Reuters. 2024.

³ *Pettis M.* China's Debt Isn't the Problem. It Is a Symptom of the Problem // *Financial Times*. 2023. 20 December.

⁴ *The Gap between China's Growth and Profits* / DWS. 2022.

ного внутреннего рынка, который будет постепенно сокращаться¹, но до 2030 г. данное обстоятельство, по всей видимости, не будет критичным.

Риски для экономики Китая также связаны с кризисной тенденцией в секторе недвижимости. Длительный спад на рынке жилья имеет серьезные последствия для экономического роста, учитывая тесные связи строительства жилья с секторами, выпускающими различного рода материалы, его доминирующее положение в сбережениях домохозяйств, важность как источника для финансирования региональных органов власти и его значительную долю в инвестициях. Хотя текущие трудности среди застройщиков вряд ли вызовут системный кризис в экономике, тем не менее, около половины всех банковских кредитов связаны с сектором строительства недвижимости КНР. Снижение залоговой стоимости жилья может резко снизить готовность банков предоставлять по ним ссуды, усугубляя кредитный кризис². В этих условиях традиционные политические меры поддержки экономики за счет увеличения капиталовложений в инфраструктуру, предоставления кредитов государственным предприятиям и поддержки сектора недвижимости, могут нивелировать с трудом достигнутые результаты сокращения «плохих» долгов в экономике и привести к переизбытку предложения на рынке жилья КНР.

На этом фоне резкое замедление темпов роста в секторе строительства недвижимости способно выступить в роли «триггера» для последующих масштабных негативных последствий: значительный рост корпоративных долгов; резкое увеличение рисков для финансовой стабильности Китая в целом. Эти тенденции могут способствовать прекращению мягкой налогово-бюджетной политики, задержке потребления и замедлению инвестиций в недвижимость по причине реализации мер государственной политики, направленных на сокращение долговой нагрузки у крупных застройщиков.

Эффективному перераспределению ресурсов в стране может препятствовать негибкость рынка труда, долговая нагрузка и нерыночные механизмы урегулирования банкротств, что в сочетании с прекращением поддержки экономики способно сузить перспективы экономического роста, увеличивая неблагоприятные социальные последствия. Поддержка предприятий государственного сектора КНР, испытывающих финансовую неустойчивость в сочетании с чрезмерными долгами региональных органов власти, способны усилить отрицательную связь между балансами корпораций, банков и региональных бюджетов. Масштабное внедрение «зеленых» технологий может быть заторможено, в силу нехватки электроэнергии и сырья для восстановления экономики. На фоне ограниченного прогресса лишь в некоторых областях структурных реформ рост производительности труда в китайской экономике будет продолжать снижение³.

В результате, в рамках среднесрочного периода китайская экономика в еще большей степени будет ощущать негативные последствия, исключительно связанные с проявлением жизненного цикла «восточноазиатской» модели развития⁴.

¹ Речь идет о сокращении численности китайского населения.

² China Economic Update: Between Shocks and Stimulus / World Bank Group. 2022.

³ China Economic Update: Between Shocks and Stimulus / World Bank Group. 2022.

⁴ Kang M.-K. The Confidence Trap: Japan's Past Bubble and China's Recent Bubble // New Political Economy. 2017. Vol. 23. Issue 1. Pp. 1–26.

Важным компонентом «зрелой стадии» данной модели, помимо нарастания неэффективности от вложенных инвестиций, увеличивающегося долга государственного и корпоративного секторов, а также негативных проявлений от высокой склонности к сбережению и от низкой склонности к потреблению, является дефляционная тенденция¹. Следует заметить, что указанные перспективные оценки (см. табл. 6.1) содержат довольно оптимистичный прогноз по поводу прироста потребительских цен в КНР. Однако последующая динамика указала на наличие дефляции в экономике Китая², которая вполне может перейти в среднесрочную тенденцию снижения цен на фоне проблем на рынке недвижимости³.

Помимо этого, численность трудоспособного населения (от 15 до 64 лет) Китая достигла своего пика в 2010 г.⁴ и далее стала снижаться. Также наблюдался высокий уровень безработицы у китайской молодежи⁵, превышающий 16%, а также фиксировалась безработица среди выпускников высших учебных заведений, оцениваемая примерно в 25%. Поскольку сектор услуг является крупнейшим работодателем для молодежи, недостаточное его восстановление после пандемии COVID-19 сильно снизило возможности для ее трудоустройства. Рост безработицы среди молодежи был также вызван массовым выходом на рынок труда бывших студентов вузов, ранее массово обучающихся в аспирантуре, а также большим количеством выпускников вузов с довольно низким уровнем подготовки⁶. Данное обстоятельство указывает на возможное уменьшение в среднесрочной перспективе отдачи для китайской экономики от накопления человеческого капитала или, по крайней мере, от «эффектов» определенных типов высшего образования. В перспективе также следует ожидать сокращения как межрегиональной миграции, так и численности временного населения в приморских городах КНР. Можно предположить, что Китай переходит в качественно другое состояние – от избытка трудовой силы к ее дефициту. Поскольку дешевая рабочая сила используется в экспортных производствах, а чистый экспорт является одним из главных факторов быстрого экономического роста КНР, то демографические процессы в КНР способны негативно повлиять на рост китайской экономики.

Другой фактор экономического роста КНР – СФП – имеет тенденцию к снижению, требуя значительных усилий для поддержки вклада НИОКР в экономический рост страны⁷. Ужесточение регуляторных мер КНР, направленных на отечественный технологический сектор, способно нарастить неопределенность его развития. Хотя Китай на фоне высоких затрат на НИОКР продемонстрировал

¹ Huang T., Lovely M.E. Five Big Uncertainties Facing the Chinese Economy in 2024 / PИIE. 2023.

² Согласно краткосрочному прогнозу, прирост потребительских цен КНР в 2024 г. составит 0,4%. Подробно: People's Republic of China / IMF. 2024.

³ Боровикова К. Вялый внутри, ненадежный извне // Коммерсантъ. 2024. 16 июля.

⁴ Souza de L.V. Caught in the Middle? China and the 'Middle Income Trap' / LUISS Institute for European Analysis and Policy. Working Paper 9/2024. 2024.

⁵ Youth Unemployment Rate for China / FRED. 2023.

⁶ China Economic Update – December 2022 / World Bank Group. 2022.

⁷ Peschel D., Liu W. The Long-Term Growth Prospects of the People's Republic of China / ADB East Asia Working Paper Series No. 54. 2022.

высокие навыки в выпуске некоторой наукоемкой продукции и в генерировании научных патентов¹, общие экономические эффекты от них не достаточно высокие, а общая производительность китайской экономики может перейти в глубокую стагнацию², по причине малой отдачи от капитала и высоких рисков³.

Прогрессивный сценарий. В рамках данного сценария предполагается, что Китаю удастся в некоторой степени смягчить негативные проявления в экономике за счет активной государственной политики. При замедлении роста экономики макроэкономическая политика КНР может быть активизирована, а Народный банк Китая может обеспечить финансирование основных рынков для сдерживания негативных эффектов и обеспечения экономической стабильности. Денежно-кредитная политика Китая может усилить меры бюджетной поддержки экономики. В краткосрочной перспективе денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика Китая могут быть гибкими, что поможет увеличить потребление и занятость, способствуя росту экономики⁴.

Одной из ключевых задач, стоящих перед руководством КНР, является управление рисками, возникающими на рынке недвижимости, которые способны стать барьером для роста частных инвестиций. Поскольку расширение сектора недвижимости Китая за счет накапливания долгов угрожает финансовой стабильности экономики, то шаги китайского правительства по снижению рисков и сокращению доли заемных средств в секторе недвижимости могут стать первоочередными. Правительство КНР сталкивается со следующей дилеммой: контроль за рисками в секторе недвижимости негативно влияет на экономический рост и наоборот⁵. В таких условиях в среднесрочной перспективе официальные органы Китая способны поддерживать достаточный уровень ликвидности в рамках мягкой денежно-кредитной политики для гарантий бесперебойного функционирования финансовых рынков, однако в среднесрочной перспективе важно внимательно следить за рисками финансовых учреждений в этом секторе экономики. Ускорение восстановления обесценившихся активов на банковских балансах и быстрое урегулирование проблем с неплатежеспособными корпорациями и банками может уменьшить накопление дополнительных финансовых и корпоративных рисков, а также снизить риск пролонгации «плохих» кредитов.

¹ Zhou Y., Dahal S. Has R&D Contributed to Productivity Growth in China? The Role of Basic, Applied and Experimental R&D // China Economic Review. 2024. Vol. 88. 102281; Souza de L.V. Caught in the Middle? China and the 'Middle Income Trap' / LUISS Institute for European Analysis and Policy. Working Paper 9/2024. 2024.

² Krugman P. China's Economy Is in Serious Trouble // The New York Times. 2024. 18 January; Al-Haschimi A., Spital T. The Evolution of China's Growth Model: Challenges and Long-Term Growth Prospects // Economic Bulletin Articles of European Central Bank. 2024. Issue 5.

³ Brandt L., Litwack J., Mileva E., Wang L., Zhang Y., Zhao L. China's Productivity Slowdown and Future Growth Potential / The World Bank Group. Policy Research Working Paper 9298. 2020.

⁴ China Economic Update: Between Shocks and Stimulus / World Bank Group. 2022; People's Republic of China / IMF. Country Report No. 22/21. 2022. 134 p.

⁵ Glaeser E., Huang W., Ma Y.R., Shleifer A. A Real Estate Boom with Chinese Characteristics // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. Issue 1. Pp. 93–116; Rogoff K.S., Yang Y. Peak China Housing / NBER. Working Paper 27697. 2020.

Также могут быть приняты дополнительные меры для повышения устойчивости рынка недвижимости за счет ограничения спекулятивных тенденций. Для Китая были разработаны ряд рекомендаций для успешного решения проблемы на рынке недвижимости¹. Во-первых, в таких условиях может быть необходима оптимизация использования земельных ресурсов в городских районах, поскольку в крупных городах Китая наблюдалось снижение плотности населения, т. е. наблюдается экстенсивное расширение городских границ, которое опережало приток населения². Во-вторых, потребуется изменение модели финансирования застройщиков во избежание их проблем с ликвидностью, за счет расширения проектного финансирования или более широкого участия институциональных инвесторов, таких как инвестиционные фонды недвижимости. Данное обстоятельство уменьшит зависимость от предварительной продажи как доминирующей формы для финансирования строительства жилья в КНР. В-третьих, потребуется создание надежной и предсказуемой системы для урегулирования задолженности и корпоративной неплатежеспособности, особенно в условиях бедственного положения и дефолта крупных застройщиков. В-четвертых, будет необходима либерализация финансового сектора, а именно открытость банковской и страховой отраслей, а также реформирование пенсионной системы. Это может расширить спектр доступных для населения активов для инвестиций и поможет снизить склонность домашних хозяйств к приобретению излишней недвижимости в качестве средства сбережений.

Наряду с этим будут необходимы меры по стабилизации финансовой системы регионов КНР, для того, чтобы продажа земли не была основным источником их доходов. В рамках текущей практики у региональных властей создаются стимулы к жилищным проектам, а не к другим формам капиталовложений, что вызывает чрезмерную застройку городов и создает избыточное предложение жилья. Увеличение трансфертов на региональный уровень КНР дает возможность более четко их увязать с мерами по восстановлению экономики. В таких условиях региональные органы власти в формировании своей доходной базы могут постепенно перейти на налог на имущество. Кроме того, в Китае недостаточно используются налоги на богатство, которые в долгосрочном периоде способны сыграть важную роль в снижении дисбаланса между доходами и расходами в региональных бюджетах³.

Для придания динамизма экономике КНР будут важны глубокие структурные реформы, необходимые для обеспечения более сбалансированной, инклюзивной и устойчивой траектории ее роста, а именно: рыночные преобразования на рынках факторов производства; послабления в институте прописки; стимулирование внутреннего потребления; преобразования в управлении государственными предприятиями.

¹ China Economic Update: Between Shocks and Stimulus / World Bank Group. 2022.

² Kim Y., Raiser M., Stapleton K. Denser Cities Could Help China Reconcile Economic and Climate Goals / Brookings Institution, Future Development. 2021.

³ China Economic Update: Between Shocks and Stimulus / World Bank Group. 2022.

Народный банк Китая также способен обеспечить функционирование основных рынков, предоставляя экстренную помощь для жизнеспособных банков, столкнувшихся с нехваткой ликвидности и совместно с другими регулирующими органами принимать оперативные меры по устранению несостоятельности финансовых учреждений, чтобы избежать системного шока. Открытие внутренних рынков, реформирование госпредприятий, обеспечение честной конкуренции и защиты прав потребителей могут стимулировать инновации и способствовать развитию бизнеса в КНР. Бюджетная поддержка экономики КНР также может быть направлена на меры, напрямую стимулирующие внутреннее потребление¹. Следует заметить, что в крупнейших городах КНР к 2023 г. в целом наблюдалось увеличение потребления², указывая на возможность его дальнейшей поддержки за счет снижения нормы сбережения.

Послабления в институте прописки в КНР может осуществляться поэтапно. По мере ослабления административных барьеров на перемещение населения внутри страны, Китай может столкнуться с существенным оттоком населения из тех или иных регионов. Во избежание этого процесса в Китае могут быть созданы вокруг небольшого количества крупнейших городов малые городские центры уездного уровня³, с доступными ценами жилой недвижимости.

Нежизнеспособные, но системно важные предприятия государственного сектора могут быть реорганизованы или упорядоченно ликвидированы для смягчения негативных побочных эффектов в рамках отрасли или экономики в целом. Следует заметить, что за последнее десятилетие руководство КНР поэтапно осуществляло реорганизацию важнейших государственных предприятий для повышения уровня их конкурентоспособности на основе эффективных методов управления, в том числе за счет слияния, сокращения избыточных мощностей, а также борьбы с коррупцией. Государственные предприятия КНР пользовались субсидиями из бюджетов разных уровней, а также льготными кредитами со стороны банковского сектора⁴. Данные предприятия за счет государственных источников финансирования имели широкий доступ к различным инновациям, которые в том числе использовались для расширения экспорта⁵. Помимо аккумуляции сырьевого импорта, государственные предприятия КНР были задействованы в выполнении различного рода проектов за рубежом в рамках двух- и многосторонних договоров руководства Китая с правительствами зарубежных стран.

В среднесрочной перспективе внедрение «зеленых» технологий и массовый экспорт продукции на ее основе может стать важным источником для экономиче-

¹ People's Republic of China / IMF. Country Report No. 22/21. 2022. 134 p.

² Lardy N.R. How Serious Is China's Economic Slowdown? / PIIIE. 2023.

³ Chan K.W. Fundamentals of China's Urbanization and Policy // The China Review. 2010. Vol. 10. Issue 1. Pp. 63–94.

⁴ Luo W., Lu Y., Shi H. Why Did Chinese State-Owned Enterprises Have Higher Export Propensity? A Study Based on 2003–2007 Data // Economics of Transition and Institutional Change. 2023. Vol. 31. Issue 3. Pp. 561–588.

⁵ Dong G., Kokko A., Zhou H. Innovation and Export Performance of Emerging Market Enterprises: The Roles of State and Foreign Ownership in China // International Business Review. 2022. Vol. 31. Issue 6. 102025.

ского развития Китая. К 2023 г. китайские компании добились существенного увеличения доли на глобальном рынке солнечных панелей, электромобилей и электробатарей. Китай повысил свою конкурентоспособность в секторах, в которых традиционно доминировали развитые экономики. Наряду с ростом доли рынка, добавленная стоимость Китая в глобальных цепочках создания стоимости также может продолжить рост, повышая конкурентоспособность китайских частных предприятий, постепенно улучшая их сравнительные преимущества в секторах, в которых они специализируются¹.

Китай тесно интегрирован в глобальную и субглобальную экономику и вносит ключевой вклад в международную торговлю, в том числе как участник ВТО. Ответные меры руководства КНР на решение глобальных проблем могут включать: ускорение реформ, необходимых для укрепления механизмов технологического обмена; сдерживание финансовых вторичных эффектов для обеспечения функционирования кредитных рынков при одновременном устранении рисков злоупотреблений на них; компромисс с торговыми партнерами по устранению недостатков в глобальной торговой системе; ускорение реформ для усиления конкуренции и содействия открытости². Дальнейшее повышение гибкости обменного курса юаня будет важно для облегчения адаптации КНР к изменяющимся внешним условиям.

В условиях наращивания доли обычной торговли в экспорте товаров из КНР, импорт товаров промежуточного спроса может продолжить сокращение. Общее снижение импортных пошлин КНР постепенно стимулирует увеличение доли обычной торговли в китайском экспорте, что привело в среднем к наращиванию доли отечественных компонентов в выпуске товаров зарубежными предприятиями на территории Китая, в том числе на региональном уровне³. Ввиду постепенного замещения зарубежных товаров продукцией отечественного производства спрос Китая на импортные промышленные товары будет снижаться, увеличивая тем самым чистый экспорт, прежде всего, за счет расширения торговли с прочими странами.

Следует заметить, что в рамках как инерционного, так и прогрессивного сценариев Китай будет стремиться сохранить в том или ином виде экспортную составляющую экономического роста. В условиях «фрагментации» глобальной экономики Китаю важно сохранить свое присутствие на рынке западных стран, а также получить доступ к прочим странам, что будет осуществляться как на основе расширения ЗСТ+, так и в рамках кооперационного проекта «Один Пояс – Один Путь».

Торговые и инвестиционные соглашения, к которым присоединился Китай, при прочих равных условиях, с одной стороны, могут обеспечить значительный

¹ *Al-Haschimi A., Spital T.* The Evolution of China's Growth Model: Challenges and Long-Term Growth Prospects // *Economic Bulletin Articles of European Central Bank*. 2024. Issue 5.

² *People's Republic of China / IMF.* Country Report No. 22/21. 2022. 134 p.

³ *Brandt L., Morrow P.M.* Tariffs and the Organization of Trade in China // *Journal of International Economics*. 2017. Vol. 104. Pp. 85–103.

прогресс в доступе иностранного капитала и технологий к китайскому рынку, а также защитить права интеллектуальной собственности и способствовать дальнейшей либерализации торговли услугами, с другой – оказать положительное влияние на экспорт китайских товаров и услуг. Сближение Китая со странами АСЕАН в рамках ВРЭП способно увеличить его внешнюю торговлю и усилить ориентацию экономики КНР на ближайшие и крупные рынки¹. При этом Китай, по всей видимости, будет сталкиваться с ограничениями для доступа своих товаров и капитала на рынках развитых стран, главным образом, на рынки США и стран ЕС². Наряду с этим КНР не приглашается к участию в интеграционных форматах, лидерство в которых принадлежит США и развитым экономикам мира, таким как ВПТТП и ИТЭРС. В таких условиях Китай способен активно использовать реэкспорт товаров через Гонконг, а также обходить возможные барьеры за счет размещения производств в других странах, получая большую долю добавленной стоимости. Также Китай может осуществить пролиферацию ЗСТ+ с другими странами и их объединениями, например, со странами ЕАЭС, некоторыми странами БРИКС, ШОС, которые, однако, по масштабу внешней торговли КНР значительно уступают его товарообмену с развитыми странами, прежде всего, с США, ЕС и Японией. При этом пролиферация ЗСТ+ с прочими странами для Китая будет сдерживаться стремлением сохранения сравнительно высоких барьеров для импорта на китайский рынок готовой продукции, малыми рынками данных стран, а также их слабой вовлеченности в глобальные производственные цепочки.

Важной проблемой, которую необходимо решить КНР в ближайшее время – это стимулирование притока ПИИ, что может поддержать экспорт и общую конкурентоспособность китайской экономики. Для стимулирования притока ПИИ Китаю потребуются шаги по снижению политической неопределенности, смягчение геополитических рисков, продвижение структурных реформ для стимулирования потенциального роста, снижение ограничений, а также географическое расширение ЗСТ+ с развитыми странами³. Возможное экономическое сближение ВРЭП с ВПТТП может также выступить в роли внешнего фактора для расширения открытости экономики Китая.

Стремление Китая получить доступ к транзитным местоположениям и сырьевым ресурсам в зарубежных странах находится вне рамок интеграционных форматов и будет продолжаться осуществляться в рамках кооперационных форматов, в частности, на основе инициативы «Один Пояс – Один Путь», которая является

¹ *Wen H., You Y., Zhang Y.* Effects of Tariff Reduction by Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) on Global Value Chains Based on Simulation // *Applied Economics Letters*. 2021. Vol. 29. Issue 20. Pp. 1906–1920; *Li Q., Scollay R., Maani S.* Effects on China and ASEAN of the ASEAN-China FTA: The FDI perspective // *Journal of Asian Economics*. 2016. Vol. 44. Pp. 1–19.

² *Al-Haschimi A., Spital T.* The Evolution of China's Growth Model: Challenges and Long-Term Growth Prospects // *Economic Bulletin Articles of European Central Bank*. 2024. Issue 5.

³ *China's Foreign Direct Investment: Inward and Outward / People's Republic of China: Selected Issues / IMF. Asia and Pacific Department*. 2024. Issue 276.

сугубо кооперационным проектом и сводится к выдаче связанных кредитов, преимущественно для целей создания инфраструктуры в развивающихся и бывших транзитных экономиках, характеризующихся высокими рисками для инвестирования. В результате, большое число преимущественно африканских, азиатских и латиноамериканских стран оказались должны Китаю довольно большие суммы по отношению к их ВВП¹. На основе данного механизма КНР получает доступ к рынкам, сырьевым ресурсам и к транзитным территориям, а создание инфраструктуры в указанных странах осуществляют государственные предприятия КНР, участвуя в выполнении масштабных государственных заказов за пределами страны². По всей видимости, помимо поддержки государственных предприятий, а также получения доступа к рынкам и ресурсам соответствующих стран, Китай в рамках реализации инициативы «Один Пояс – Один Путь» осуществляет «вынос» за пределы страны механизма поддержки экономического роста за счет сооружения инфраструктуры. Если это так, то данное обстоятельство указывает как минимум на неоднозначность такого рода инициативы для долгосрочного развития мировой экономики.

При этом в среднесрочной перспективе глобальная геополитическая напряженность может подорвать экономическую активность, усилить политическую неопределенность, способствуя «фрагментации» мировых рынков, что может отрицательно сказаться на экономическом росте КНР. Особенно отрицательно для Китая данная напряженность может повлиять на его импорт критически важных технологий, замедляя инновационный процесс и производительность реального сектора, способствуя разъединению высокотехнологичных цепочек поставок, в которых участвует китайский бизнес. В рамках нарастающих геополитических рисков, корректировки производственных глобальных цепочек, вызванных соображениями текущей национальной безопасности Китая, могут негативно повлиять на выпуск товаров в КНР. Вполне реальным является риск ограничения доступа Китая к передовым технологиям из развитых стран, и неизбежное в этом случае сокращение трансграничного распространения знаний может привести к снижению роста производительности в экономике КНР.

Вне рамок представленных направлений развития китайской экономики является «втягивание» Китая в качестве активной стороны при конфликте с США. Попытка силового захвата Тайваня со стороны Народно-освободительной армии Китая грозит для КНР потерей американского рынка и технологической изоляцией со стороны развитых стран. В результате данного шага страна может потерять около 10% ВВП³, что является очень высокими издержками для генерирующего типа экономик, к которым относится КНР. Китайское руководство, по всей види-

¹ *Narins T.P., Agnew J. Veiled Futures? Debt Burdens, the Belt Road Initiative, and Official Chinese Lending After Coronavirus // Human Geography. 2022. Vol. 15. Issue 2. Pp. 190–205.*

² *Lin K.J., Lu X., Zhang J., Zheng Y. State-Owned Enterprises in China: A Review of 40 Years of Research and Practice // China Journal of Accounting Research. 2020. Vol. 13. Pp. 31–55.*

³ *Yoon Y.-S. China's Invasion of Taiwan Estimated to Cost the World US\$2.61tn // Business Korea. 2022. 3 August.*

мости, довольно трезво оценивает последствия такого рода конфликта, поскольку это грозит экономике значительными негативными эффектами. Поэтому, учитывая нарабатанный за время реформ и открытости крайний прагматизм китайского руководства, вероятность данного события является небольшой.

6.2. Развитие экономики и международного сотрудничества Японии

Последние три десятилетия экономика Японии находится в стагнации, что в первую очередь обусловлено выбором «восточноазиатской» модели развития (экспортно ориентированная индустриализация страны при высокой норме накопления, заниженном курсе национальной валюты и низком уровне налогов), которая перестала адекватно отвечать вызовам современного мира, а также нарастанием внутренних проблем (хронический дефицит бюджета, огромный государственный долг, старение населения, депопуляция) и влиянием экзогенных шоков (глобальный финансовый кризис, «торговая война» между США и КНР, пандемия COVID-19, эскалация российско-украинского конфликта).

Проводимые правительством страны реформы, направленные на решение указанных проблем, пока не принесли желаемых результатов. Так, согласно последним докладом Всемирного Банка, МВФ, АБР, а также японских исследовательских центров, прогнозы экономического роста Японии остаются весьма скромными. В 2024 г. ожидается замедление прироста экономики до 0,6–0,7%¹. Ухудшение прогноза экономического роста в значительной степени связано со снижением ВВП Японии на 2,9% в первом квартале 2024 г. Остановка производства на крупных автомобильных заводах² сократила поставки транспортного оборудования, что привело к сокращению частных инвестиций в основной капитал, потребления домохозяйств и экспорта товаров и услуг. Следует отметить, что частное потребление снижается четвертый квартал подряд как следствие инфляционного давления на покупательную способность. Кроме того, остановка производства способствовала падению частных расходов на товары длительного пользования на 12,2% по сравнению с предыдущим кварталом. С другой стороны, наблюдалось восстановление государственного потребления и инвестиций.

Несмотря на сокращение экономики в первом квартале, отмечается большая вероятность восстановления в конце 2024 г. С ростом заработной платы и замедлением инфляции ожидается, что затянувшийся спад реальных доходов домохо-

¹ Asian Development Outlook. July 2024 / Asian Development Bank. 2024; Непростая ситуация в мировой экономике. Бюллетень «Перспективы развития мировой экономики» / Международный валютный фонд. 2024. Июль; Global Economic Prospects / World Bank Group. 2024; Oda T., Miyazaki T., Shimamura Y. SA199 Short-Term Forecast / Japan Center for Economic Research (JCER). 2024.

² Любавина А. Все заводы Toyota в Японии остановились на трое суток из-за системного сбоя // CNews. 2023. 30 августа.

зяйств ослабнет, что увеличит потребление в Японии. Кроме того, предполагается рост экспорта товаров в связи с ростом глобального спроса на электронику. Въездной туризм, как ожидается, останется на высоком уровне¹. В 2025 г. экономический рост Японии по прогнозам увеличится до 1% за счет умеренного увеличения потребления².

В среднесрочном периоде (до 2035 фин. г.), согласно прогнозам³, развитие экономики страны, независимо от имплементации правительственных мер, будет иметь сдержанный характер. Согласно базовому сценарию, разработанному Японским центром экономических исследований, экономический рост страны в среднем за 2021–2025 гг. составит 1,4%, в 2026–2030 гг. – 0,6%, в 2031–2035 гг. – 0,1%. Сценарий реформ предполагает экономический рост на уровне 1,4, 1,1 и 1% соответственно (табл. 6.2).

Таблица 6.2

Сценарии экономического развития Японии до 2035 финансового года

Сценарий	Прирост ВВП, %			Государственный долг / ВВП, %		
	2021–2025	2026–2030	2031–2035	2021–2025	2026–2030	2031–2035
Базовый	1,4	0,6	0,1	209,2	207,7	222,0
Сценарий реформ	1,4	1,1	1,0	209,2	203,6	204,7

Источник: составлено по: Capturing Global Growth through International Cooperation and Accelerated Use of AI / Japan Center for Economic Research (JCER). 2024.

Базовый сценарий основан на следующих предпосылках: сохранение санкций против России, постепенный рост цен на нефть до 90,2 долл. к 2035 г., рост расходов на оборону, увеличение социальных расходов, рост въездного туризма, сохранение долгосрочной ставки на уровне 1%, рост занятости женщин и пожилых людей, ежегодный рост производительности труда на уровне 0,5% (допандемийный уровень).

Предполагается, что сохранение антироссийских санкций продолжит оказывать негативное воздействие на цены ряда ключевых сырьевых товаров: нефть, газ и уголь, металлы, зерновые, пищевые масла, а также удобрения⁴. В настоящее время 70% электроэнергии в Японии вырабатывается за счет ископаемого топлива⁵, уровень самообеспечения которым составляет менее 10%. Хотя планами правительства предусматривается постепенный отказ от использования углеводоро-

¹ Asian Development Outlook. July 2024 / Asian Development Bank. 2024.

² Global Economic Prospects / World Bank Group. 2024.

³ Capturing Global Growth through International Cooperation and Accelerated Use of AI / Japan Center for Economic Research. 2024.

⁴ Outlook for Economic Activity and Prices (April 2024) / Bank of Japan. 2024; OECD Regional Outlook 2023: The Longstanding Geography of Inequalities / OECD. 2023. 154 p.

⁵ Тимонина И.Л. Япония на пути к устойчивому развитию: «зеленое финансирование» // Ежегодник Японии. 2021. Т. 50. С. 61–88.

дов и увеличение доли возобновляемых источников энергии до 36–38% к 2030 г.¹, достижение углеродной нейтральности – задача на долгосрочную перспективу (к 2050 г.)². Поэтому в течение следующего десятилетия Япония будет подвержена влиянию конъюнктурных изменений на сырьевых рынках.

Рост расходов на оборону в Японии приведет к дальнейшему наращиванию государственного долга, так как они покрываются за счет дополнительного выпуска облигаций³. Согласно эмпирическим исследованиям⁴, в ситуации, когда государственный долг превышает 100% ВВП (в Японии – 261,1%⁵), достижение долгосрочных положительных темпов экономического роста будет невозможно.

Увеличение доли старших возрастных групп (от 65 лет) в структуре населения (по прогнозу – до 31,2% к 2030 г.⁶) неизбежно будет вызывать рост социальных расходов, на которые в настоящее время приходится более четверти ВВП страны⁷. При этом население Японии к 2030 г. сократится до 119,1 млн чел., из которых лица трудоспособного возраста (15–64 года) составят 68,8 млн чел. (57,7%)⁸, что негативно повлияет на внутренний спрос и сократит налоговую базу.

Таким образом, сохранение текущих тенденций приведет в среднесрочной перспективе к «затуханию» экономического прироста Японии практически до нуля.

Сценарий реформ основан на тех же предпосылках, что и базовый сценарий, с небольшим отличием: рост производительности труда до уровня 1% и перестройка рынка труда (увеличение занятости лиц старше 65 лет на 1,2 млн чел.). Для достижения указанных показателей, согласно сценарию, необходим ряд инициатив: активное использование искусственного интеллекта с целью повышения производительности труда, реформы занятости пожилых людей (по образцу реформ в Новой Зеландии в 2000-х гг.), внедрение ESG⁹ стандартов, разработка от-

¹ Масепенков А.М., Сумин А.М., Чигарев Б.Н. Энергетическая политика Японии в контексте энергетического перехода и «санкционных войн» // Актуальные проблемы нефти и газа. 2022. Вып. 3 (38). С. 56–84.

² Паксютов Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 6–17.

³ Shibata S., Bailey D. Regional Pathologies of Late-Stage Neoliberalization: The Case of Japan in East Asia // *Economy and Society*. 2024. Vol. 53. Issue 4. Pp. 1–26; Швыдко В.Г. Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение? // Японские исследования. 2023. № 1. С. 80–93.

⁴ Chang T., Chiang G. The Behavior of OECD Public Debt: A Panel Smooth Transition Regression Approach // *The Empirical Economics Letters*. 2009. Vol. 8. Issue 1. Pp. 7–46; Checherita C., Rother P. The Impact of High and Growing Government Debt on Economic Growth. An Empirical Investigation for the Euro Area / ECB. Working Paper Series. 2010. No. 1237. 42 p.; Baum A., Checherita-Westphal C., Rother P. Debt and Growth: New Evidence for the Euro Area // *Journal of International Money and Finance*. 2013. Vol. 32. Pp. 809–821.

⁵ World Economic Outlook Database / IMF. 2022.

⁶ Annual Report on the Ageing Society / Cabinet Office. 2022.

⁷ The Financial Statistics of Social Security in Japan / National Institute of Population and Social Security Research. Statistical Report No. 33. 2022.

⁸ Annual Report on the Ageing Society / Cabinet Office. 2022.

⁹ Экологическое, социальное и корпоративное управление (Environmental, Social, and Corporate Governance, ESG).

ветных мер в случае эскалации конфликта между КНР и Тайванем, расширение международной кооперации и участия в соглашениях о свободной торговле¹.

Активное применение искусственного интеллекта в финансовой, образовательной, производственной, медицинской и прочих сферах должно будет компенсировать сокращение численности рабочей силы, которое невозможно восполнить только за счет увеличения занятости лиц старше 65 лет и женщин. Объединение физического пространства (реального мира) и киберпространства за счет использования информационно-коммуникационных технологий должно способствовать созданию «смарт-общества» (Общества 5.0)². Для этой цели по всей территории Японии планируется создать 200 «умных городов»³ с применением искусственного интеллекта, Интернета вещей (IoT), технологий блокчейна, «зеленых» технологий, безотходного производства.

Планируется дальнейшее развитие водородных технологий. С одной стороны, это способствует решению проблемы энергобезопасности страны и достижению углеродной нейтральности, с другой – закреплению позиций Японии на формирующемся глобальном рынке водорода. К 2030 г. правительство страны рассчитывает занять 10% мирового рынка производства водорода методом электролиза воды (низкоуглеродного водорода)⁴, автопарк Японии должен насчитывать 800 тыс. автомобилей, работающих на водородном топливе, а в качестве энергоносителя он будет использоваться пятью миллионами домохозяйств⁵.

Потенциальный конфликт между Китаем и Тайванем будет иметь для Японии негативные последствия. Во-первых, это будет сдерживать развитие полупроводниковой промышленности страны, которое планируется осуществить за счет сотрудничества с тайваньской TSMC⁶ (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company – мировой лидер с долей более 60% рынка⁷). Во-вторых, эскалация «торговой войны» между США и КНР (и возможное введение санкций) приведет к сокращению японского экспорта в Китай и, как следствие, промышленного производства на 7,8 трлн иен (52 млрд долл.) к 2030 г. Наиболее уязвимыми отраслями японской экономики будут следующие: электронная, деревообрабатывающая и химическая промышленность, производство электрооборудования, текстиля,

¹ Capturing Global Growth through International Cooperation and Accelerated Use of AI / Japan Center for Economic Research. 2024.

² Report on the 5th Science and Technology Basic Plan / Cabinet Office. Council for Science, Technology and Innovation. 2015.

³ Igata A., Glosserman B. Japan's New Economic Statecraft // The Washington Quarterly. 2021. Vol. 44. Issue. 3. Pp. 25–42.

⁴ Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Роль Японии на формирующемся глобальном рынке водорода // Японские исследования. 2023. № 4. С. 65–80.

⁵ Масменанов А.М., Сумин А.М., Чигарев Б.Н. Энергетическая политика Японии в контексте энергетического перехода и «санкционных войн» // Актуальные проблемы нефти и газа. 2022. Вып. 3 (38). С. 56–84.

⁶ Shibata S., Bailey D. Regional Pathologies of Late-Stage Neoliberalization: The Case of Japan in East Asia // Economy and Society. 2024. Vol. 53. Issue 4. Pp. 1–26.

⁷ Global Semiconductor Foundry Revenue Share: Q2 2024 / Counterpoint Research. 2024.

медикаментов, информационно-коммуникационных технологий, транспорт и складское хозяйство¹.

Расширение международной кооперации в случае конфликта между КНР и Тайванем также будет затруднено. В 2021 г. и Китай, и Тайвань подали заявки на присоединение² к ВПТТП. Расширение соглашения за счет новых участников принесет ощутимые выгоды³, однако, присоединение КНР будет означать ухудшение и возможный разрыв отношений с США, неприсоединение (особенно в случае вступления в ВПТТП Тайваня) – обострение китайско-японских отношений, которые и так подвержены множеству рисков (например, «наследие» Второй мировой войны, территориальные споры, введение экспортного контроля и запретов с обеих сторон)⁴.

Подписание соглашения о трехсторонней ЗСТ+ между КНР, Японией и Республикой Корея также окажется под угрозой. За 25 лет существования данного формата было проведено девять саммитов (последний – в мае 2024 г. в Сеуле)⁵ и 16 раундов переговоров, которые пока не увенчались успехом⁶. Сотрудничество осуществлялось волнообразно, с длительными перерывами, ввиду обострения отношений между странами-участницами⁷. Так, перерыв между восьмым и девятым саммитами составил почти 5 лет. Кроме того, создание трехсторонней ЗСТ+ стало менее актуальным после вступления в силу соглашения ВРЭП, где все три страны являются участниками, хотя эффект от трехсторонней ЗСТ (прирост реального ВВП) будет для Японии максимальным – 1,1% (для КНР – 0,4%, Республики Корея – 0,8%)⁸.

¹ Capturing Global Growth through International Cooperation and Accelerated Use of AI / Japan Center for Economic Research. 2024.

² Oba M. Japan and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) / Economic Research Institute for ASEAN and East Asia. 2022. Discussion Paper Series No. 461. 31 p.; Stephens H., Kucharski J. The CPTPP Bids of China and Taiwan: Issues and Implications / Asia Pacific Foundation of Canada. 2022.

³ Ji X., Rana P., Chia W., Li C. Trade Policy Options for ASEAN Countries and Their Regional Dialogue Partners. 'Preference Ordering' Using CGE Analysis / S. Rajaratnam School of International Studies. Working Paper No. 308. 2018. 35 p.

⁴ Паксютов Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 6–17; Shepardson D. U.S., Japan and South Korea Vow Strategic Cooperation // The Japan Times. 2024. 27 June; Bergstrand J. Should TPP be Formed? On the Potential Economic, Governance, and Conflict Reducing Impacts of the Trans-Pacific Partnership Agreement // East Asian Economic Review. 2016. Vol. 20. Issue 3. Pp. 279–309; Park S. Mega FTAs and the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in the Asia Pacific Region: Will It Be Cooperation or Competition? // International Organizations' Research Journal. 2023. Vol. 18. Issue 2. Pp. 122–150.

⁵ Japan-China-ROK Trilateral Cooperation / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2024.

⁶ China FTA Network / Ministry of Commerce of the People's Republic of China. 2019.

⁷ Дёмина Я.В. Форматы многостороннего и двустороннего экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 3. С. 156–180.

⁸ Kawasaki K. Economic Impact of a China, Japan and Korea FTA / National Graduate Institute for Policy Studies. Policy Analysis Focus 24-4. 2024.

Еще одно потенциальное соглашение с участием Японии, КНР и Республики Корея – это создание ЗСТ членами АТЭС (АТЗСТ), объединяющей 21 экономику. Для Японии имплементация АТЗСТ приведет к увеличению реального ВВП, по разным оценкам, на 0,7¹, 1,6² и 2,1%³.

Таким образом, прогнозы экономического развития Японии в среднесрочной перспективе не предполагают существенного роста или резкой смены положения страны в мире. Проводимые реформы будут, скорее всего, способствовать поддержанию стабильности в текущей негативной ситуации, а не выводу экономики на траекторию роста. Во внешнеэкономической сфере Япония будет по-прежнему отдавать предпочтение форматам взаимодействия за пределами субглобального региона (заключение мегарегиональных торговых соглашений), так как партнеры по СВА (КНР, Россия и КНДР) позиционируются как «страны с собственными геополитическими интересами»⁴, которые не совпадают с направлениями политики японских властей. Кроме того, развитие сотрудничества с КНР окажет негативное влияние на политический альянс с США и Тайванем. Направления внешнеэкономического сотрудничества Японии тесно связаны со стратегией участия страны в глобальных производственных цепочках, в которых она имеет в настоящее время конкурентные преимущества.

6.3. Экономические перспективы Республики Корея

Как было ранее показано разделе 1.4, опора экономики Республики Корея преимущественно на экспорт товаров и услуг, как в рамках «восточноазиатской» модели развития, так и в связи с недостаточно емким внутренним рынком, сопряжена с некоторыми вызовами. Внешняя торговля Республики Корея имеет структурные проблемы, выражающиеся в недостаточной диверсификации товарной и географической структуры экспорта, в отрицательном сальдо в торговле услугами, в низкой экспортной активности малых и средних предприятий. Данные обстоятельства способствуют тому, что экономика Республики Корея становится уязвимой не только к состоянию важнейших для нее рынков сбыта, но и к торговой политике США, Китая, а также ЕС. Рост экспорта страны поддерживался благодаря соглашениям о либерализации торговли товарами и услугами, включая двусторонние (ЗСТ) и многосторонние (ВРЭП), которые доказали свою эффек-

¹ Collective Strategic Study on Issues Related to the Realization of the FTAAP / APEC. 2016 CTI Report to Ministers.

² *Ferrantino M., Maliszewska M., Taran S.* Actual and Potential Trade Agreements in the Asia-Pacific: Estimated Effects / The World Bank. Policy Research Working Paper Series 9496. 2020. 40 p.

³ *Kawasaki K.* Economic Impact of a China, Japan and Korea FTA / National Graduate Institute for Policy Studies. Policy Analysis Focus 24-4. 2024.

⁴ *Сукиасянц Н.* Почему Япония выпала из тройки сильнейших экономик и как собирается это исправлять // Forbes. 2024. 4 марта.

тивность для увеличения экспортной активности как крупного, так малого и среднего бизнеса Республики Корея¹.

В этих условиях логичным стала бы переориентация модели развития на внутренний спрос. Однако для его стимулирования имеются другие препятствия – старение населения, снижение рождаемости, имущественное неравенство и закре-дитованность населения. Все это в совокупности затрудняет перевод экономической модели Республики Корея на рост исключительно за счет внутреннего потребления. Доля частного потребления в ВВП, которая после 2000-х гг. стала меньше, чем в предыдущее десятилетие, все еще ниже, чем в других развитых странах. В результате, для успешного преодоления современных экономических вызовов Республика Корея может сосредоточиться на проведении структурных реформ, направленных на максимальное использование инновационного потенциала для повышения производительности. Важными аспектами таких реформ могут стать меры по повышению рождаемости, создания условий для миграционного притока экономически активного населения и активизация занятости населения пенсионного возраста. При этом особое внимание может быть уделено поддержке малого и среднего бизнеса, компенсирующего негативные ограничения расширения экспорта крупного корпоративного сектора страны.

Фактически, экономика Республики Корея находилась к середине 2020-х гг. на некоторой «развилке» своего дальнейшего развития: либо страна за счет структурных реформ сможет преодолеть вышеуказанные проблемы или существенно сгладить их негативное проявление, либо ее ждет долгосрочная стагнация по японскому образцу. По всей видимости, руководство Республики Корея прекрасно понимает имеющиеся риски «восточноазиатской» модели развития и будет предпринимать усилия во избежание стагнации национальной экономики.

Поэтому можно выделить как минимум два направления развития южнокорейской экономики в среднесрочной перспективе: *инерционный сценарий*, предполагающий отсутствие заметных нововведений в государственной политике при сохранении текущих механизмов функционирования экономики; *прогрессивный сценарий*, в рамках которого может быть осуществлено некоторое смягчение структурных проблем в экономике Республики Корея

Инерционный сценарий. Следует заметить, что в 2022 г. экономику Республики Корея охватил «постковидный синдром», включающий снижение курса национальной валюты, сдувание «пузыря» на рынке недвижимости², повышение процентной ставки³, первое за много лет падение экспорта и удорожание импорта из-за роста цен на энергоносители⁴. Тем не менее, в 2023 г. экономическая ситуа-

¹ Воронцов А.В. Участие Южной Кореи в ВРЭП: опыт первого полуторалетнего периода // Восточная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 46–61.

² South Korea Housing Prices Suffer Worst Fall in At Least 19 Years // The Straits Times. 2023. 16 January.

³ Bank of Korea Key Rate / Bank of Korea. 2024. (На кор. яз.).

⁴ Kim J. Impacts of Currency Fluctuations on Exports and Imports and the Trade Balance // KDI Economic Outlook. 2022.

ция в стране значительно улучшилась, а прогнозы на ближайшие годы выглядят сравнительно оптимистичными.

По оценкам МВФ, прирост южнокорейской экономики на 2024–2025 гг. прогнозировался на уровне 2,3%. Это выше, чем средний прогноз по развитым странам АТР (1,8%), однако существенно ниже, чем средний по всем странам АТР (4,3%)¹. В докладе ОЭСР прогнозировалось, что темпы прироста ВВП Республики Корея составят 2,6% в 2024 г. и 2,2% в 2025 г.² Специалисты АБР предполагают, что темп прироста экономики Республики Корея составит 2,2% в 2024 г., что существенно ниже, чем в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии за исключением Японии³. Национальные аналитические центры Республики Корея были сдержанно оптимистичны в своих прогнозах. Так, Банк Кореи в мае 2024 г.⁴ пересмотрел в сторону повышения прогноз темпов прироста национальной экономики до 2,5% в 2024 г. (на 0,4 п. п. выше предыдущей оценки, которая была сделана в ноябре 2023 г.), а на 2025 г. прогноз составил 2,1%.

В целом, международные и национальные экономические агентства сходятся во мнении, что при прочих равных условиях Республика Корея вступает в длительный период невысоких темпов роста экономики после шока, вызванного пандемией⁵. Так как указанные оценки кратко- и среднесрочного развития экономики Республики Корея не противоречат друг другу, последующий детальный анализ возможен на основе более подробных перспективных оценок МВФ (*табл. 6.3*).

Во-первых, в среднесрочной перспективе экономика Республики Корея будет расти с темпом более 2% в год. Каких-то резких колебаний в указанный период южнокорейская экономика испытывать не будет: основные макроэкономические пропорции (потребление и сбережение) будут примерно на том же уровне. Сальдо платежного баланса за счет чистого экспорта товаров и услуг будет увеличиваться. При этом к 2029 г. ожидается превышение прироста импорта над экспортом, которое, тем не менее, будет несущественным. Курс национальной валюты к доллару США будет стабильным, а инфляция и уровень безработицы – в пределах нормативных показателей.

Во-вторых, ожидается неэффективное использование капитала в среднесрочном периоде в южнокорейской экономике, поскольку его производительность будет низкой, судя по значениям ICOR. Из этого следует, что в среднесрочном периоде имеются серьезные риски для экономики Республики Корея: в случае заметного снижения сальдо платежного баланса страны, отсутствия поддержки со стороны частного потребления, а также нарастания неэффективных капиталовложений южнокорейская экономика способна перейти в положение стагнации довольно быстро. Финансовый сектор Республики Корея подвержен существен-

¹ Regional Economic Outlook: Asia and Pacific. Steady Growth amid Diverging Prospects / IMF. 2024. April.

² OECD Economic Outlook / OECD. 2024. Vol. 2024. Issue 1.

³ Asian Development Outlook. December 2023 / Asian Development Bank. 2023,

⁴ Economic Forecasts / Bank of Korea. 2024. (На кор. яз.)

⁵ World Economic Outlook Database / IMF. 2024; OECD Economic Outlook, Volume 2024 Issue 1 / OECD. 2024; Asian Development Outlook. December 2023 / Asia Development Bank. 2023; Economic Forecasts / Bank of Korea. 2024. (На кор. яз.)

ному воздействию рынка недвижимости, который демонстрировал рост в течение 2000–2010-х гг., однако с 2022 г. в этом сегменте наблюдалось снижение. В 2023 г. число сделок с недвижимостью уменьшилось, а реальные цены снизились¹. Высокие процентные ставки и неблагоприятные изменения цен могут оказать негативное влияние на финансовый сектор, поскольку банки и другие небанковские учреждения столкнутся с увеличением задолженности по ипотечным кредитам. Высокие процентные ставки также могут привести к снижению потребительской активности и создать дополнительные трудности для лиц, приобретших жилье в кредит.

Таблица 6.3

**Среднесрочные прогнозные показатели
развития экономики Республики Корея**

Показатель	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Население, млн чел.	51,8	51,7	51,6	51,5	51,5	51,4
Прирост ВВП, %	2,5	2,2	2,2	2,1	2,1	2,0
ВВП на душу населения в текущих ценах, долл.	36132	37675	39321	41031	42699	44347
Валовые сбережения, % от ВВП	34,9	34,7	34,5	34,8	34,8	34,7
Валовые капиталовложения, % от ВВП	31,0	31,1	30,9	30,6	30,4	30,4
Расходы на потребление, % от ВВП	61,3	61,7	61,8	60,9	60,9	61,0
Сальдо платежного баланса, % от ВВП	3,9	3,6	3,7	4,2	4,3	4,3
Прирост экспорта товаров и услуг в реальных ценах, %	6,8	3,8	3,3	3,2	3,1	3,0
Прирост импорта товаров и услуг в реальных ценах, %	4,6	2,8	3,4	3,2	3,1	3,1
Курс воны к доллару США	1354	1353	1352	1353	1353	1353
Государственный долг, % от ВВП	52,9	54,3	55,4	56,3	57,2	58,2
Прирост потребительских цен, %	2,5	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
Уровень безработицы, % от рабочей силы	2,9	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
ICOR*	12,5	14,3	14,3	14,5	14,5	14,9

Примечание: * – ICOR – предельный коэффициент капиталоотдачи. $ICOR = I/\Delta Y$, где I – доля в ВВП инвестиций в основной капитал; ΔY – темп прироста ВВП.

Источник: World Economic Outlook Database / IMF. 2024. April.

¹ Real Estate Statistics of the Republic of Korea / Korea Real Estate Board. 2024. (На кор. яз.)

В-третьих, заметную проблему для южнокорейской экономики представляет ситуация с государственными финансами. Негативные демографические тенденции вынуждают наращивать социальные расходы, а обеспечить их можно либо за счет повышения налогов, либо за счет роста государственного долга. Нынешняя консервативная администрация предпочла выбрать второй вариант, снижая корпоративные налоги для стимулирования национальных производителей и минимизируя бюджетные расходы¹. Однако, несмотря на проводимую бюджетную консолидацию, ожидается, что расходы бюджета Республики Корея по итогам 2024 г. превысят доходы на 5%. Снижение поступления налогов приведет к сокращению доходной части бюджета на 2,2% (впервые с 2010 г.)². Дефицит государственного бюджета Республики Корея планируется компенсировать ростом государственного долга, который, по прогнозам МВФ, будет расти.

Следует также заметить, что активные бюджетные расходы, ранее направленные на борьбу с пандемией, могут и дальше способствовать дальнейшему росту государственного долга, снижая национальную норму сбережений и, возможно, оказывая повышательное давление на реальные процентные ставки. Внутренний спрос пока не обладает достаточным потенциалом для стимулирования роста³, а реальная покупательская способность населения снижается из-за увеличения долговой нагрузки домохозяйств. Значительный уровень задолженности населения и высокая процентная ставка в Республике Корея создают уязвимость для финансового сектора и ограничивают потенциал экономического роста. В свою очередь, Институт развития Кореи выделяет два основных источника риска для развития южнокорейской экономики в среднесрочной перспективе⁴. Первый – нестабильность рынка энергоносителей, который может привести к росту цен и перебоям в их поставках. Второй – состояние экономики Китая, где продолжается спад на рынке недвижимости. Если в Китае реструктуризация неплатежеспособных строительных фирм замедлится, это может увеличивать спад инвестиций в строительство, означая снижение темпов прироста китайской экономики. В связи с этим, нельзя исключать, что возможный кризис в КНР может возникнуть в смежных секторах его экономики, в итоге негативно повлияв на экспорт из Республики Корея.

Данные обстоятельства означают, что экономика Республики Корея может столкнуться уже в среднесрочной перспективе с большими рисками, связанными преимущественно с реализацией «восточноазиатской» модели развития, а ее текущее положение является скорее ситуативно устойчивым.

Прогрессивный сценарий. Основная дискуссия о кратко- и среднесрочных оценках развития экономики Республики Корея строится вокруг эндогенных и экзогенных факторов, оказывающих влияние на перспективы роста. К числу эндо-

¹ Fiscal Prudence Back in Favour in South Korea // Economist Intelligence. 2023. 12 October.

² Park W. Government Debt to GDP Ratio Increases for Second Time in Five Years // Yonhap News Agency. 2023. 15 October. (На кор. яз.).

³ Economic Forecasts / Bank of Korea. 2024. (На кор. яз.)

⁴ KDI Economic Outlook / KDI. 2024.

генных относится динамика внутреннего спроса, инфляция и направления бюджетной политики. Экзогенные факторы – состояние мировой экономики, а также протекание торгового конфликта между США и Китаем – основными торговыми партнерами Республики Корея¹.

Стабилизация мировых цен на энергоносители может способствовать замедлению роста внутренних цен. Снижение инфляции создаст предпосылки для понижения процентной ставки, что при прочих равных условиях может оказать положительное воздействие на рост частного потребления и инвестиций в Республике Корея. Для стимулирования экономического роста, вероятно, необходимо снижение процентной ставки, которая с начала 2023 г. в течение полутора лет сохраняется на уровне 3,5%².

Прирост экономики Республики Корея может быть подкреплён увеличением инвестиций в наукоемкие сектора, а также счет экспорта наукоемкой продукции. Частные капиталовложения могут расширить развитие «цифровой» экономики, а поставки за рубеж информационных технологий и транспортного оборудования способны увеличить экспорт товаров и услуг Республики Кореи, при одновременном увеличении частного потребления³. Как ранее было отмечено, обратной стороной активных мер государственной поддержки южнокорейской экономики являются риски, связанные с увеличением государственного долга, а также нехваткой ликвидности в иностранной валюте. В таких условиях кажутся вполне разумными планы реализации принятой промышленной политики развития цифровых технологий («Digital New Deal»), однако, специфика южнокорейского рынка труда и чрезмерное регулирование не способствуют развертыванию производств на территории Республики Корея, стимулируя компании осуществлять инвестиции за рубежом⁴.

В этих непростых условиях правительство Республики Корея способно осуществить реформы, направленные на изменение экономических и социальных параметров. Среди них можно отметить постепенное ужесточение налогово-бюджетной политики, в частности бюджетной консолидации – поддержание дефицита бюджета на уровне 3% ВВП⁵. Вероятно, важно сделать акцент на стимулирование рождаемости, повышение занятости женщин, продление трудовой жизни пожилых людей, стимулирование иммиграции, повышение занятости молодежи. Особая роль должна отводиться поддержке малых и средних предприятий, повышению их доли в ВВП и во внешней торговле⁶.

¹ *Cho T.H.* Eighty Years of the Korean Economy (1970–2050): The Past and a Future Growth Strategy (December 17, 2023) / Bank of Korea. WP 2023-25. 2023. 79 p.; *Lee K.K.* Korea's Economic Growth and the Growth Model in the Changing Global Economy // *The Japanese Political Economy*. 2024. Vol. 50. Issue 2. Pp. 161–184.

² The Bank of Korea Base Rate / Bank of Korea. 2023. (На кор. яз.).

³ Asian Development Outlook. July 2021 / Asian Development Bank. 2021.

⁴ *Lim B., Hong E.K., Mou J., Cheong I.* COVID-19 in Korea: Success Based on Past Failure // *Asian Economic Papers*. 2021. Vol. 20. Issue 2. Pp. 41–62.

⁵ Economic Outlook, Volume 2024 Issue 1 / OECD. 2024.

⁶ *Латышов А.В.* Внешняя торговля Республики Корея: современные процессы, проблемы и возможные направления их преодоления // *Горизонты экономики*. 2023. № 5 (78). С. 181–185.

В то время как прогнозы по росту внутреннего спроса довольно неопределенные, экспорт наукоемкой продукции способен стать источником экономического роста Республики Корея, прежде всего, благодаря благоприятным тенденциям на рынке полупроводников. На это указывает положительная динамика экспорта и сокращение отрицательного сальдо торгового баланса Республики Кореи, которые фиксируются с конца 2023 г.

Большое влияние на экономику Республики Корея способен оказать конфликт двух крупнейших торговых партнеров – Китая и США, а также экономическая ситуация в обеих странах. Руководство США при этом поощряет исключение Китая из цепочек создания добавленной стоимости. В этом конфликте Республика Корея по всей видимости занимает проамериканскую позицию, рассчитывая развивать всесторонние отношения с США, при этом укрепляя политические и экономические связи с КНР. Следует отметить, что для развития производственных мощностей на американской территории будут необходимы поставки оборудования, сырья и полуфабрикатов, и, в таких условиях, корпоративный сектор Республики Корея способен осуществить крупные капиталовложения в новые производственные мощности в США. Однако с ростом южнокорейского экспорта на американский рынок увеличивается отрицательное сальдо США в торговле с Республикой Корея¹, что может в итоге привести к конфликту – введение ограничений в отношении южнокорейского экспорта или пересмотр соглашения о свободной торговле между странами с американской стороны.

При этом в Республике Корея уделяется особое внимание бесперебойности поставок стратегических товаров. В частности, в 2023 г. была разработана «Стратегия промышленных цепочек поставок 3050», цель которой сократить к 2030 г. зависимость Республики Корея от отдельных стран по 187 стратегическим ресурсам (например, мочевины, графит, редкоземельные металлы, литий и др.) до уровня менее 50% (в 2022 г. в среднем около 70%)². Документ акцентирует внимание на стремлении Республики Корея снизить свою зависимость от Китая, учитывая, что из него поставляется большинство стратегических товаров. Во избежание этого речь может идти об осуществлении шагов по выстраиванию эффективной модели взаимодействий с зарубежными странами с точки зрения их географической диверсификации, в частности, в пользу крупных развивающихся стран, стран ЕС, Японии и, несмотря на санкции, с Россией.

Важно отметить, что усилиями нынешней администрации Республики Корея с 2022 г. улучшаются отношения с Японией. Япония уже сняла ограничения на экспорт полупроводников и другие торговые ограничения, возобновился валютный своп, растет число взаимных поездок и в целом экономическое взаимодействие между странами налаживается. Положительное влияние на отношения двух стран оказывает их участие во ВРЭП. Наряду с этим, в среднесрочной перспекти-

¹ Самсонова В. Г., Зуева А.Г. Современные тенденции в экономике РК (2020–2022 гг.) // Кореистика. 2022. № 1. С. 36–52.

² В РК представлена «Стратегия цепочек поставок 3050» // KBS World Russian. 2023. 13 декабря; Industrial Supply Chain Strategy 3050 / Government Strategy Information Portal. 2023. (На кор. яз.)

ве возможно дальнейшее расширение заключения формата ЗСТ+ Республикой Корея с различными странами мира, в том числе со странами СВА, например, с Японией, Монголией, и, в случае смягчения санкций, с Россией. Помимо этого, у Республики Корея, по всей видимости, имеется возможность протестировать вону в качестве одной из резервных валют в условиях возникающих сложностей в расчетах с определенными группами стран.

Таким образом, предполагается, что в ближайшей перспективе экономика Республика Корея будет умеренно восстанавливаться преимущественно за счет наукоемкого экспорта. Экономика Республики Корея входит в фазу медленного роста: при восстановлении и расширении экспорта в рамках национального рынка остается много неопределенностей, связанных с замедлением роста потребительского спроса и ухудшением государственных финансов. Правоконсервативное правительство Юн Сок Еля действует в русле текущих задач, поддерживая производителей и сокращая расходную часть бюджета, однако действия эти недостаточно решительные, чтобы вызвать быстрый результат. Во внешнеэкономической деятельности ставка была сделана на сотрудничество с США и Японией, а также на усилия по снижению зависимости от зарубежных поставок стратегических товаров. Первые результаты этого решения уже появились – в 2023 г. впервые за 20 лет экспорт Республики Корея в США превысил экспорт в Китай. Однако, по всей видимости, в Республике Корея понимают уязвимость привязки исключительно к американскому рынку в условиях политической неопределенности в США. В таких условиях в среднесрочной перспективе корпоративный сектор Республики Корея, вероятно, будет стараться сохранить роль бенефициара при экономических взаимодействиях как с Китаем, так и с США. В экономические задачи правительства Республики Корея в рамках среднесрочной перспективе входит диверсификация экспорта, ставка на наукоемкие технологии, а также стимулирование внутреннего спроса, для которого необходимо сокращение неравенства, стимулирование рождаемости и миграционный приток.

6.4. Направления развития экономики России в условиях ограничений

Как было ранее обозначено, ограничения для ведения экономической деятельности в России генерируют долгосрочные проблемы для развития ее экономики. Данные ограничения имеют как эндогенные¹, так и экзогенные источники, причем последние в текущее время связаны с серьезными санкциями против российской экономики со стороны западных стран, а также рисками введения масштабных вторичных санкций. В условиях имеющейся текущей неопределенности относительно дальнейшей динамики санкционных ограничений против российской экономики, очевидно, что наиболее важным экзогенным фактором, определяющим те-

¹ Например, сокращение и старение населения, сравнительно низкая открытость национальной экономики и монополизация рынков.

кущую и перспективную динамику экономического роста России является уровень цен на сырьевые товары, которые являются основой ее экспорта. Фактически, речь идет о ценах на сырую нефть на глобальном рынке, что является отправной точкой для построения кратко- и среднесрочных прогнозных оценок развития экономики России как российскими¹, так и международными организациями². Конъюнктура цен на сырую нефть определяется в большей степени динамикой мировой экономики, которой Россия тесно связана. Важным аспектом стабилизации российской экономики и диверсификации ее экспортных и импортных потоков является реализация мер государственной политики. В частности, речь может идти о росте выпуска российской обрабатывающей промышленности, создания и расширения транспортной инфраструктуры для перенаправления внешней торговли России на рынки «дружественных» стран, а также ее сближения с крупными экономиками, альтернативными западным, что, при прочих равных условиях, способно сгенерировать положительные экономические эффекты для страны.

Исходя из имеющихся прогнозных оценок, разработанных российскими и международными организациями, можно выделить как минимум два направления развития экономики России в среднесрочной перспективе. Во-первых, консервативный вариант или *инерционный сценарий* развития российской экономики, который исходит из замедления роста мировой экономики и, как следствие, понижающей динамики цен на сырую нефть на глобальном рынке, а также усиления экзогенных ограничений, в том числе за счет расширения вторичных санкций. Во-вторых, *прогрессивный сценарий*, который исходит из более благоприятной конъюнктуры мировых цен на сырую нефть, опережающего роста выпуска продукции и сохранения высокой инвестиционной активности в России, при неизменности санкционных ограничений к российской экономике. Соответственно, в среднесрочной перспективе речь может идти об адаптации российской экономики к имеющимся внешним ограничениям и о поиске дополнительных источников экономического роста в условиях довольно «тесного» коридора имеющихся возможностей.

Инерционный сценарий. Имеющиеся к текущему времени прогнозы развития российской экономики в условиях консервативного варианта исходят из замедления роста мировой экономики и, как следствие, понижающей динамики цен на сырую нефть на глобальном рынке. При этом среднесрочные перспективные оценки, полученные специалистами Министерства экономического развития России, отличаются от прогнозов международных организаций, поскольку учитывают перспективную реализацию национальных проектов³. Если прогноз в

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2024. 30 сентября.

² World Economic Outlook Database / IMF. 2024. April; OECD Economic Outlook, Interim Report September 2024 / OECD. 2024; Asian Development Outlook. September 2024 / Asian Development Bank. 2024; Global Economic Prospects, June 2024 / World Bank Group. 2024.

³ Кеффер Л. Минэкономики: новый прогноз ОЭСР по росту ВВП России в 2025 году занижен // Коммерсантъ. 2024. 26 сентября.

рамках консервативного варианта Министерства экономического развития России указывает на возможность некоторого преломления тенденции затухающих темпов прироста российской экономики в пользу более высоких значений к 2027 г. (табл. 6.4), то среднесрочный прогноз МВФ указывает скорее на «консервацию» низких темпов прироста национальной экономики в обозримой перспективе (табл. 6.5).

Таблица 6.4

**Среднесрочные прогнозные показатели развития экономики России
в рамках консервативного варианта,
разработанные Министерством экономического развития РФ**

Показатель	2024	2025	2026	2027
Цена на нефть марки «Brent», долл. за баррель	83,5	78,5	74,5	71,0
Курс рубля к доллару США	91,2	95,2	98,3	104,2
Индекс потребительских цен на конец года, в % к де-кабрю	7,3	3,7	4,4	5,4
Прирост ВВП, %	3,9	1,7	1,0	2,6
Инвестиции в основной капитал, %	7,8	0,6	-1,8	3,0
Промышленное производство, %	4,0	0,4	0,9	1,5
Реальные располагаемые денежные доходы населения, %	7,1	4,6	3,7	2,2
Оборот розничной торговли, %	8,6	6,0	4,8	3,8
Экспорт товаров, млрд долл.	427,6	417,3	418,1	425,2
Импорт товаров, млрд долл.	294,9	291,3	299,5	316,1

Источник: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2024. 30 сентября.

Исходя из этого, можно заключить, что в Министерстве экономического развития России и в МВФ видится немного разный масштаб и, соответственно, эффекты от реализации промышленной и инвестиционной политики в стране. Тем не менее, в МВФ более оптимистично оценивают потребительскую инфляцию и курс рубля к доллару США, при том, что в среднесрочной перспективе ожидается неминуемая девальвация национальной валюты. Данные два прогноза указывают на некоторое увеличение ключевых макроэкономических показателей на душу населения, выраженных как в форме реальных располагаемых денежных доходов населения, так и в виде среднедушевого ВВП.

И Министерство экономического развития России, и МВФ прогнозируют, соответственно, постепенное сокращение положительного сальдо торгового и платежного баланса страны, что может быть вызвано приростом импортных поставок и снижением стоимостных и физических объемов экспорта сырьевых товаров. Согласно оценкам МВФ, может наблюдаться увеличение государственного долга России, которое, тем не менее, будет довольно низким по сравнению с другими странами мира, а также рост уровня безработицы, что выглядит не совсем

правдоподобно в условиях ужесточения миграционных мер в России с 2024 г.¹ Расходы на потребление, доходная и расходная части бюджета России, по оценкам МВФ, будут на стабильном уровне, что указывает в целом на отсутствие со стороны международной организации каких-то «катастрофических» ожиданий для российской экономики в среднесрочной перспективе, т. е. с этой точки зрения, при прочих равных условиях, действия экономического блока российского руководства оцениваются как довольно рациональные. При этом некоторую озабоченность в оценках Министерства экономического развития России может вызывать снижение темпов промышленного производства, инвестиций в основной капитал, а также оборота розничной торговли, что может указывать на преодоление этапа оперативного импортозамещения. Впоследствии процесс импортозамещения в России, по всей видимости, будет требовать значительных усилий от государственного и корпоративного секторов страны по субсидированию ряда секторов экономики и сдерживанию роста цен.

Таблица 6.5

**Среднесрочные прогнозные показатели развития
экономики России, разработанные МВФ**

Показатель	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Прирост ВВП, %	3,6	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2
ВВП на душу населения в текущих ценах, долл.	14953	15077	15495	15930	16415	16792
Валовые сбережения, % от ВВП	27,7	28,2	28,3	28,6	28,9	29,0
Валовые капиталовложения, % от ВВП	25,0	25,6	25,8	26,3	26,8	27,3
Расходы на потребление, % от ВВП	69,7	69,3	69,3	69,1	69,0	69,3
Прирост потребительских цен, %	7,9	5,9	4,0	4,0	4,0	4,0
Уровень безработицы, % от численности рабочей силы	2,6	3,0	3,6	4,0	4,4	4,7
Доходы бюджета, % от ВВП	35,4	36,5	36,5	36,7	36,5	36,5
Расходы бюджета, % от ВВП	37,3	37,0	37,1	37,2	37,2	37,3
Государственный долг, % от ВВП	19,9	20,4	21,4	22,5	23,7	25,1
Прирост экспорта товаров и услуг в реальных ценах, %	4,8	6,0	5,0	5,0	4,6	4,6
Прирост импорта товаров и услуг в реальных ценах, %	1,4	2,3	3,6	4,4	4,5	5,6
Сальдо платежного баланса, млрд долл.	58,0	56,6	55,2	53,5	49,6	41,0
Сальдо платежного баланса, % от ВВП	2,7	2,6	2,5	2,3	2,1	1,7
Курс рубля к доллару США	89,8	94,8	97,1	99,5	101,8	104,9

Источник: World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

¹ Жандарова И. Сила есть – рабочие руки будут? Как нам лучше регулировать миграцию // Российская газета. 2024. 4 октября.

Прогрессивный сценарий. В рамках базового варианта, разработанного Министерством экономического развития России, предполагается, что уровень мировых цен на сырьевые товары стабилизируется, а давление на конъюнктуру глобальных рынков, в первую очередь, будет оказывать умеренный рост экономик развивающихся стран, большинство из которых входят в число «дружественных» для России стран. По мере переориентации поставок товаров из России в «дружественные» страны, дисконт экспортной цены на российскую нефть будет сокращаться, позволяя увеличить ВВП, нарастить импорт необходимых товаров, поддерживать инвестиции в основной капитал и оборот розничной торговли, сдерживать девальвацию рубля и потребительскую инфляцию (табл. 6.6). На фоне приемлемого уровня цен на сырьевые товары на внешнем рынке, в рамках прогрессивного сценария важным источником роста российской экономики может также выступить внутренний потребительский и инвестиционный спрос. Инвестиционная активность обеспечит рост объемов экспорта сырьевых товаров, а также предложения отечественных товаров на внутреннем рынке, позволяя удовлетворить потребительский спрос на основе увеличения реальных располагаемых денежных доходов населения.

Предполагается, что ситуация на рынке труда в России продолжит оставаться стабильной, благодаря реализации мер стимулирования внутренней занятости, а также повышение уровня подготовки и адаптации рабочей силы к изменяющимся условиям экономики при сохранении безработицы в среднесрочной перспективе на уровне 2,6 % от рабочей силы¹. При этом ключевым экзогенным риском для России остается замедление мировой экономики, что может негативно сказаться на экспорте российских сырьевых товаров по причине ухудшения конъюнктуры цен. Данное обстоятельство также создает серьезные риски для развития ориентированных на экспорт отраслей и для государственного бюджета. Внутренние риски связаны, прежде всего, с дефицитом кадров на рынке труда, особенно в условиях ужесточения миграционных мер. Поэтому ключевой задачей для российского руководства в среднесрочной перспективе является повышение производительности труда, а также обеспечение максимальной гибкости рынка труда. Ужесточение денежно-кредитной политики может также негативно сказаться на инвестиционной активности и на дополнительных расходах бюджета по накопленным внутренним обязательствам. Фактически, в рамках прогрессивного сценария за счет приемлемых цен на экспорт сырьевых ресурсов, которые могут быть достигнуты для России в условиях роста мировой экономики, а также переориентации сбыта данной продукции на рынки прочих стран, возможна частичная компенсация издержек, генерируемых для российской экономики в условиях введенных против нее «широкомасштабных» санкций.

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2024. 30 сентября.

**Среднесрочные прогнозные показатели развития экономики России
в рамках базового варианта, разработанные
Министерством экономического развития РФ**

Показатель	2024	2025	2026	2027
Цена на нефть марки «Brent», долл. за баррель	83,5	81,7	77,0	74,5
Курс рубля к доллару США	91,2	96,5	100,0	103,2
Индекс потребительских цен на конец года, % к декабрю	7,3	4,5	4,0	4,0
Прирост ВВП, %	3,9	2,5	2,6	2,8
Инвестиции в основной капитал, %	7,8	2,1	3,0	3,3
Промышленное производство, %	4,0	2,0	2,4	2,6
Реальные располагаемые денежные доходы населения, %	7,1	6,1	4,6	3,4
Оборот розничной торговли, %	8,6	7,6	6,1	4,1
Экспорт товаров, млрд долл.	427,6	445,0	455,2	476,2
Импорт товаров, млрд долл.	294,9	321,9	342,6	357,4

Источник: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2024. 30 сентября.

Следует отметить, что при прочих равных условиях, страны с высокой долей природной ренты могут успешно развиваться, расширяя внешнеэкономическую открытость, диверсифицируя экспорт, увеличивая масштабы частного сектора, снижая волатильность экономики и риски¹. В долгосрочном периоде подобные страны должны сосредоточиться на диверсификации активов, обеспечивая оптимальный баланс между природными богатствами, экономическими институтами, физическим и человеческим капиталом. Для российской экономики характерен значительный перекос в пользу материальных активов, при этом недостаточно развиты институты для управления неустойчивыми доходами от природных ресурсов, обеспечения высококачественных государственных услуг и регулирования предпринимательства на равноправной основе. Безусловно, диверсификация экономических активов не способна полностью нивелировать сокращение национальной экономики в период неблагоприятной конъюнктуры экспорта сырьевых товаров, однако позволяет в значительной мере смягчить ее последствия². Для сглаживания долгосрочных вызовов необходимы структурные преобразования, направленные на снижение экономических рисков и доли государственного сектора, уменьшение масштаба государственного вмешательства, устранения барьеров для входа на рынок, улучшение инвестиционного климата, стимулирование предпринимательской активности, диверсификации активов, повышения человеческого капитала, привлечения рабочей силы и капитала из-за рубежа, а также

¹ Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D. Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia. Europe and Central Asia Studies / World Bank Group. 2014. 400 p.

² Downes P., Hanslow K., Tulip P. The Effect of the Mining Boom on the Australian Economy / Reserve Bank of Australia. Research Discussion Paper 2014-08.

снижение импортных тарифов. Для стран с высокой природной рентой в экономике и перечисленными выше проблемами (к которым относится Россия), проведение структурных преобразований, возможно, будет очень болезненным, особенно в условиях санкций, снижающих выручку от экспорта сырьевых товаров, а также создающих значительные барьеры для технологического переоснащения реального сектора экономики.

С этой точки зрения для России важно учесть опыт других стран, против экономик которых водились «широкомасштабные» санкции. Опираясь на данный опыт, предполагается, что российская экономика может получить даже некоторое развитие за счет мер государственной политики¹, среди которых: поддержка импортозамещения, основанного на поиске российских аналогов и на обратном инжиниринге, субсидирование технологического импортозамещения, повышение эффективности национальной инновационной системы; создание условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях освободившихся ниш на рынке; товарная и географическая диверсификация экспорта; привлечение ПИИ, как источника современных знаний и бизнес-практик из «дружественных» стран.

При этом риски, связанные с возможностью расширения экономических санкций, в том числе вторичных, создают значительные препятствия для торгово-экономических взаимодействий с российским рынком для большинства стран, не присоединившихся к ограничениям относительно российской экономике. Специфика «широкомасштабных» санкций против России состоит в том, что США активно применяют институт вторичных санкций, активно отслеживая нарушителей санкционных режимов со стороны российских партнеров². Несмотря на это, появился перечень «дружественных» для России стран, которые в явном виде не присоединились к широкомасштабным санкциям по отношению к российской экономике. Данный процесс в какой-то степени подтверждает то обстоятельство, что экономические конфликты между отдельными странами создают возможности для выигрыша третьих стран³. Переориентация России на другие рынки может быть связана с развитием «альтернативных» партнерств со странами, формально или неформально не поддерживавших санкции, наиболее крупной из которых является Китай, особенно в условиях имеющегося политического противостояния КНР с США.

Соответственно, одним из главных направлений для диверсификации поставок товаров для России на азиатско-тихоокеанском направлении стал являться китайский рынок. Главным преимуществом Китая перед другими доступными для России экономическими партнерами является довольно сбалансированная и взаимодополняющая структура торговли. По сравнению с другими азиатскими стра-

¹ Мир в лабиринте санкций: промышленная политика на перепутье / под ред. Ю.В. Симачева; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2024. 162 с.

² Во ВШЭ описали пути выхода из «лабиринта санкций» // РБК. 2024. 26 апреля.

³ Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5 (55). С. 193–198.

нами, российская экономика более интенсивно взаимодействует с КНР. В свою очередь, на фоне обострения конкуренции на рынках развитых стран, китайские компании рассматривают как альтернативу рынки развивающихся и транзитных стран, как для диверсификации источников поставок сырьевых товаров, так и для расширения рынка сбыта для своих товаров. Китай довольно быстро занял ведущее место среди торговых партнеров России, существенно нарастив свой экспорт по целому ряду товарных групп, предъявляя спрос на российскую продукцию традиционных отраслей специализации. Помимо расширения двусторонних торгово-экономических отношений, заметно усилилась заинтересованность руководства России и Китая в развитии и углублении стратегического партнерства друг с другом. Следует заметить, что расширение российско-китайских торгово-экономических взаимодействий сдерживалось отсутствием инфраструктурных возможностей для России для масштабной переориентации товарных потоков с европейского рынка на рынок стран АТР. Несмотря на это, Китай стал главным торговым партнером для России по итогам 2022–2023 гг. в рамках беспрецедентных ограничений к российской экономике со стороны западных стран.

Поскольку со стороны западных стран по отношению к российской экономике осуществляется нарастающее санкционное давление, а Китай становится все более значимым для поддержания функционирования экономики России, для российского бизнеса является важным построение более тесной модели взаимодействия с китайским рынком. При том, что в целом российско-китайские торговые взаимодействия развиваются динамично, в пространственном отношении они неоднородны. Потенциал дальнейшего расширения китайско-российского сотрудничества определяется не только уровнем структурной взаимодополняемости, сравнительными масштабами спроса и предложения, но и сравнительным потенциалом расширения двустороннего сотрудничества на региональном уровне КНР. Данный потенциал зависит не только от географической близости, определяемой наличием протяженной сухопутной границы, что способствует приграничным с Россией регионам КНР поддерживать тесные торгово-экономические связи с российским рынком, но и активизацией бизнеса двух стран в поиске новых способов и пространственных направлений торгово-экономических взаимодействий. В результате, для расширения российско-китайского экономического сотрудничества можно выделить несколько направлений¹.

Во-первых, наращивание поставок на российский рынок товаров, ориентированных изначально на внутренний рынок Китая. Ввиду нарастания угроз применения санкций для китайских компаний, интегрированных в международные производственные цепочки, а также улучшения качественных характеристик собственно китайских брендов, текущие преимущества в поставках на российский рынок может получить продукция отечественного сектора экономики КНР. Причем во избежание попадания под вторичные санкции большее преимущество может получить продукция, выпускаемая в Китае компаниями регионального уровня.

¹ Изотов Д.А. Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации // Азия и Африка сегодня. 2023. № 10. С. 5–14.

ня, ориентированная на внутренний рынок КНР, без существенных ее поставок на внешние рынки. В текущих условиях китайские компании такого уровня, по всей видимости, будут спешить занять долю на российском рынке, в том числе в рамках освобождающихся ниш в производстве потребительских и инвестиционных товаров в России.

Во-вторых, по мере снятия различного рода ограничений, импульс в расширении поставок в Россию способны получить приграничные регионы Китая, имеющие доступ к двусторонней сухопутной транспортной инфраструктуре при взаимодействии с российским рынком. Фактически, при прочих равных условиях ввоз товаров из Китая в Россию может быть интенсифицирован по имеющимся сухопутным транспортным коридорам, способствуя росту посреднических услуг регионов КНР, приграничных с Россией. Для бесперебойного производственного процесса в приграничных регионах КНР могут быть расширены логистические центры для снабжения предприятий на территории России необходимыми материалами и комплектующими. Это способно привести к некоторому пространственному изменению поставок китайской продукции на российский рынок в пользу внутренних регионов КНР.

В-третьих, расширение пропускной способности торговых путей и снижение тарифных барьеров для двусторонних взаимодействий. Россия испытывает дефицит пропускной способности транспорта на Дальнем Востоке ввиду повышения спроса в европейских регионах на товары из КНР¹. Помимо расширения пропускной способности совместной транспортной инфраструктуры, одним из способов наращивания двусторонней торговли может выступить снижение тарифных барьеров для китайских товаров, поставляемых на российский рынок. Нельзя исключать создание между ЕАЭС, в который входит Россия, и Китаем преференциального торгового соглашения. Рынок ЕАЭС интересен для Китая, прежде всего, для наращивания экспорта отечественным сектором экономики, который по целому ряду причин не имеет возможности закрепиться на рынке развитых стран. Существующие тенденции политического и экономического сближения России и Китая, особенно в условиях текущего режима санкций со стороны западных стран к России, а также политических противоречий между США и КНР, позволяют предположить, что в перспективе создание интеграционного формата между странами является все более вероятным. Причем при создании интеграционного формата между Россией и Китаем для российской стороны имеются экономические основания², с точки зрения обоюдных положительных эффектов.

С другой стороны, Китай постепенно становится ведущим импортером российских сырьевых товаров. В ближайшей перспективе роль Китая для России как одного из главных рынков сбыта данной продукции может возрасти. Очевидно, что Китай стал одним из главных бенефициаров «разворота» экспортных потоков

¹ Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 142–148.

² Melchior A. Russia in World Trade: Between Globalism and Regionalism // Russian Journal of Economics. 2019. Vol. 5. Pp. 354–384.

России с европейского рынка в сторону «дружественных» стран. Помимо наращивания объемов поставок сырьевых товаров из России в КНР, российскими поставщиками прорабатываются новые маршруты для сбыта товаров в Китае. Поставки российских товаров на китайский рынок при прочих равных условиях будут определяться некоторыми процессами.

Во-первых, стратегия расширения поставок традиционных и новых товарных групп на китайский рынок. Поставка топливных и энергетических товаров из России на китайский рынок будет продолжена в рамках «Восточного вектора» российской энергетической политики, подразумевающей развитие объектов энергетической инфраструктуры, возведение объектов добычи и переработки в восточных российских регионах¹, долгосрочной целью которой является активизация взаимодействия России со странами АТР, в первую очередь с КНР. По мере снятия фитосанитарных ограничений на поставку в Китай зерна, а также снижения таможенных пошлин в России на вывоз данных товаров, возможно расширение поставок российских зерновых культур на китайский рынок в рамках формирующегося «сухопутного зернового коридора Россия – Китай»². Также возможным способом для увеличения российских поставок на китайский рынок может послужить расширение пропускной способности транспортной инфраструктуры Дальнего Востока России в рамках Восточного полигона РЖД и модернизации дальневосточных портов.

Во-вторых, более масштабное освоение внутреннего рынка КНР российским бизнесом. Поскольку основной вектор интенсификации экономических взаимодействий России со странами АТР смещается в пользу КНР, российские компании, по всей видимости, будут предпринимать усилия в достижении широкомасштабного доступа на китайский рынок, который имеет сложную пространственную конфигурацию. Ограничения, связанные с санкциями по отношению к российской экономике с 2022 г., способствовали диверсификации поставок некоторых российских сырьевых товаров на китайский рынок, в частности, в приморские регионы КНР, характеризующиеся самым высоким в Китае среднедушевым доходом, в которых импортная продукция, при соблюдении определенных стандартов качества, может продаваться по более высоким ценам по сравнению с другими китайскими региональными рынками. Доступ российских товаров с высокой добавленной стоимостью на китайский рынок ограничен как многочисленными барьерами, так и высокой конкуренцией со стороны местных производителей. Также существует жесткая привязка трубопроводной и железнодорожной инфраструктуры России к приграничным регионам КНР, а ввоз в Китай российского углеводородного сырья осуществлялся преимущественно в рамках долгосрочных двусторонних контрактов, сдерживая диверсификацию поставок таких товаров на китайском рынке. По мере нарастания поставок из России в Китай, в связи с восстановлением экономики КНР после пандемии, может быть запущен долгосрочный процесс перенаправления не-

¹ Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.

² Лейба Г. Путин поручил разработать соглашение с Китаем о новом зерновом коридоре // Коммерсантъ. 2023. 10 мая.

которых товаропотоков сырьевых товаров из России в развитые китайские приморские регионы. Вероятно, снижение различного рода барьеров будет способствовать увеличению поставок из России на китайский рынок, диверсифицируя их между регионами КНР и снижая эффект от монополии со стороны бизнеса ряда китайских регионов, но при этом без принципиального изменения их товарной структуры, во всяком случае, в ближайшей перспективе. Помимо привязки к собственному рынку, Китай способен применять различного рода ограничения для импортных товаров, исходя из внутренних политических мотивов и собственной трактовки экономической безопасности. С этой точки зрения, российский бизнес должен соизмерять возможные риски по проникновению на китайский рынок, который становится для России все более значимым.

В-третьих, при прочих равных условиях китайские компании будут постепенно использовать различные механизмы доступа к сырьевым ресурсам России, а также поощрять переключение логистики поставок российских сырьевых товаров с глобального рынка на китайский. Несмотря на «замораживание» Китаем некоторых прямых инвестиций в России в 2022 г., например, в рамках проектов инициативы «Один Пояс – Один Путь», для продвижения вышеперечисленных целей и, соответственно, в случае обоюдных договоренностей¹, в экономику России может быть направлен капитал из КНР, а также увеличено кредитование российского и совместного с китайским корпоративного сектора.

В-четвертых, в условиях существенных ограничений внешних расчетов России в долларах и евро, расчеты в китайских юанях объективно становятся одним из важных инструментов для функционирования внешней торговли и привлечения зарубежного финансирования в сырьевой и потребительский секторы российской экономики. Ситуацию усложняет то обстоятельство, что российский экспорт в основном представляет собой сырьевые товары, расчеты по которым на мировом рынке ведутся в основном в долларах и евро. Изоляция российской экономики от расчетов в долларах и евро в рамках текущего введения «жестких» пакетов санкций со стороны западных стран к России, в первую очередь способна крайне негативно отразиться на масштабах и структуре международных расчетов страны, порождая значительную неопределенность как для дальнейшего взаимодействия страны с глобальными рынками товаров, капиталов и технологий, так и функционирования национальной экономики в целом. При прочих равных условиях, данное обстоятельство будет способствовать дальнейшей привязке внешних расчетов России к китайской валюте, которая не является свободно конвертируемой. Возможно, платежи с зарубежными контрагентами российский бизнес будет осуществлять через китайскую информационную систему CIPS, которая заметно уступает по оборотам и охвату финансовых учреждений системе SWIFT и в большинстве случаев использует возможности данной глобальной системы². Так, в 2022 г.

¹ Кеффер Л. Делегации России и Китая в Москве подписали план инвестсотрудничества // Коммерсант. 2024. 21 августа; Баласян Л. Россия и Китай договорились проинвестировать совместные проекты на \$1,3 млрд // Коммерсантъ. 2022. 8 ноября.

² Nölke A. Geoeconomic Infrastructures: Building Chinese-Russian Alternatives to SWIFT // Capital Claims: Power and Global Finance. Routledge, 2022. 20 p.

две трети расчетов между странами уже осуществлялись в национальных валютах¹. Данное обстоятельство дает основание предполагать, что дедолларизация российско-китайской торговли будет происходить и далее. Однако проявление вторичных санкций существенно усложняет возможности расширения безбарьерной торговли России с Китаем в условиях проявляющихся более жестких требований со стороны китайского банковского сектора к российским импортерам². Возможно, в рамках двусторонних договоренностей барьеры в расчетах между бизнесом двух стран будут снижены.

При этом для России существуют серьезные риски зависимости от «альтернативных» торгово-экономических партнеров, а также регрессивного характера импортозамещения, значительной девальвации национальной валюты и инфляции³. Однако, уникальность сложившейся ситуации состоит в том, что при наложении «широкомасштабных» санкций на российскую экономику проявился эффект «ловушки большой страны»⁴, поскольку Россия является одним из крупнейших продуцентов и экспортеров сырой нефти в мире и значительные ограничения на поставку данной продукции российского происхождения приведут лишь к заметному росту цен на указанный сырьевой товар на глобальном рынке.

В таких условиях российским руководством могут быть продолжены основные направления по ослаблению последствий «широкомасштабных» санкций: политика контрсанкций по отношению к «недружественным» странам; политика обхода санкций за счет параллельного импорта и выстраивания альтернативных схем экспорта углеводородного сырья; политика компенсации санкций за счет расширения торговых отношений с «дружественными» странами⁵. Наряду с возможным расширением практик импортозамещения в России, обозначенные внешние ограничения способны существенно негативно повлиять на доходы в национальной экономике, представляя собой наглядный пример отрицательной реакции на ограничительные меры как эндогенного, так и экзогенного свойства для относительно открытой экономической системы, тесно встроеной до 2022 г. в глобальную специализацию. В случае сохранения таких тенденций российская экономика, по всей видимости, будет развиваться по обратной «спирали»: от нарастания выгод, связанных с открытостью до накопления издержек по причине нарастания внешнеэкономической изоляции. Имеется риск возможного снижения цен на сырьевые товары на мировом рынке и нарастания негативных эффектов от монополии для российской экономики в условиях привязки к рынку КНР. В та-

¹ Бутрин Д. Пекин снова в московском расписании // Коммерсантъ. 2023. 24 мая.

² Едовина Т. Цель и средства // Коммерсантъ. 2024. 29 июля.

³ Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 26–42.

⁴ Ушколова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 218–226.

⁵ Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67.

ких условиях для экономики России, во всяком случае, в обозримой перспективе, является критичным поддержание экспорта сырьевых товаров по приемлемым ценам, что, в условиях «широкомасштабных» санкций требует все больших усилий от российской стороны и даже изобретательности¹.

6.5. Перспективы экономического развития Монголии

В целом кратко- и среднесрочные прогнозы экономического роста Монголии являются благоприятными. Согласно уточненным прогнозам МВФ², темп прироста реального ВВП Монголии в 2024 г. составит 5,5%, более того, ожидается, что вплоть до 2030 г. монгольская экономика будет расти с темпом не менее 5% в год³. Однако, ряд других организаций ожидает более умеренные темпы роста. Так, согласно отчету Всемирного банка⁴ экономика Монголии по прогнозам вырастет на 4,8% в 2024 г., а по уточненному прогнозу⁵ АБР прирост ВВП составит 5,5% и 6,0% в 2024 г. и 2025 г. соответственно, что в основном будет достигнуто за счет развития горнодобывающего сектора (табл. 6.7).

Таблица 6.7

Прогнозные показатели развития экономики Монголии, %									
Показатель	2024			2025			2026		
	Всемир- ный банк	МВФ	АБР	Всемир- ный банк	МВФ	АБР	Все- мирный банк	МВ Ф	АБР
ВВП, темп прироста	4,8	5,5	5,5	6,6	7	6	6,3	6	–
Прирост потребительских цен	8,5	7,5	6,8	8,3	9,5	7,2	–	7,6	–

Источник: составлено по: World Economic Outlook / IMF. 2024. October; 2024. Global Economic Prospects / World Bank. 2024. June; Asian Development Outlook / ADB. 2024. September.

Кроме этого в стране наблюдается устойчивый тренд прироста потребления домашних хозяйств и бюджетная экспансия, которые в перспективе будут компенсировать сокращение сельскохозяйственного производства. Ожидается, что в ближайшие два года инфляция в Монголии будет снижаться, оставаясь при этом заметно выше, либо на уровне верхней границы целевого диапазона, установленного Центральным банком страны (4–8%). Предполагается, что бюджетная экс-

¹ Соловьева О. Россия вывозит нефти больше, а зарабатывает меньше // Независимая газета. 2024. 15 октября.

² Mongolia: Concluding Statement of the 2024 IMF Staff Visit / IMF. 2024.

³ World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

⁴ Global Economic Prospects / World Bank. 2024. June; Mongolia Economic Update / World Bank. 2024.

⁵ Asian Development Outlook. September 2024 / Asian Development Bank. 2024.

пансия и растущие доходы домохозяйств усилят инфляционное давление в 2024 г., т. е. повышение уровня цен в Монголии в среднесрочной перспективе продолжится. В МВФ прогнозируют, что прирост данного показателя составит 7,5% в 2024 г. и 9,5% в 2025 г., Всемирный банк предполагает снижение инфляции до 8,5% в 2024 г. и 8,3% в 2025 г., а АБР – до 6,8 и 7,2% соответственно.

Прогнозируемое замедление темпов экономического роста Монголии обусловлено дополнительными рисками уменьшения объемов экспорта угля и сокращением производства в секторе животноводства. Тем не менее, прогнозируемые темпы роста реального ВВП свидетельствуют о наличии у страны значительного экономического потенциала, поддерживаемого увеличением доходов населения, устойчивым уровнем внутреннего потребления, а также проведением стимулирующей фискальной политики, выражающейся в повышении социальных расходов бюджета. Монголия богата природными ресурсами и исторически привлекала значительные иностранные инвестиции в свой горнодобывающий сектор. Важность добычи полезных ископаемых для монгольской экономики невозможно переоценить, поскольку она была ключевым фактором экономического роста. Ожидается, что экономический рост будет поддерживаться увеличением производства на месторождении Оюу-Толгой, крупнейшем медном руднике страны. При этом указанные перспективы подвержены значительным негативным рискам. Более медленные, чем ожидалось, темпы экономического роста Китая, могут снизить спрос на монгольскую сырьевую продукцию. Эскалация геополитической напряженности в мире также может привести к повышению цен на импортируемую нефть. Погодное явление, известное как дзуд, характеризующееся экстремальными холодами и обильными снегопадами, уже привело к крупнейшему падежу скота в Монголии с 2010 г., оказывая негативное влияние на сельскохозяйственный сектор.

Хотя недавнее послепандемийное восстановление, вызванное расширением добычи полезных ископаемых, привело к улучшению макроэкономической ситуации в 2023 г., проведение структурных реформ остается основополагающим для достижения макроэкономической устойчивости и содействия устойчивому и инклюзивному росту. Это требует особого внимания со стороны властей страны к институциональной системе, социально-экономической политике и бюджетным инвестициям для построения экономической системы, устойчивой к негативным последствиям изменения внешней конъюнктуры и внутренним вызовам¹.

Для решения этих проблем может быть проведена целенаправленная политика по диверсификации источников экономического развития Монголии², т. е. стимулирование развития других отраслей экономики поможет в некоторой степени ослабить зависимость от природных ресурсов и смягчить негативное воздей-

¹ Поэтому потребуются корректировка стратегии устойчивого развития страны. Подробно: *Mongolia Sustainable Development Vision 2030 / State Great Hural of Mongolia*. 2016. 54 p.

² *Mongolia: Systematic Country Diagnostic / World Bank Group*. 2018; *Helble M., Hill H., Magee D. Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked between Two Giants / ADB*. 2020.

ствие колебаний цен на мировых сырьевых рынках¹. Для этого предполагается создание условий для развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта, логистики² и других отраслей экономики, которые имеют потенциал для роста и создания рабочих мест, а также для качественного улучшения инфраструктуры страны за счет строительства автомобильных и железных дорог, аэропортов и других объектов транспортной инфраструктуры. Повышение связанности отдаленных районов Монголии также может способствовать развитию туризма и привлечению иностранных инвестиций. Помимо этого, большое значение для Монголии имеет в перспективе развитие образования и науки. Вложения в образование позволят подготовить в Монголии кадры высокого уровня для различных отраслей экономики, что может способствовать увеличению конкурентоспособности национальной экономики.

В результате, для достижения вышеуказанных целей будет необходима активная государственная политика, направленная на стимулирование экономического роста и создание благоприятного инвестиционного климата при усилении антикоррупционных мер и организации эффективной правовой системы в Монголии.

Следует заметить, что в апреле 2022 г. правительство Монголии начало реализовывать так называемую Стратегию возрождения³, которая включает в себя долгосрочные планы восстановления и развития шести сфер экономики: портовые мощности; энергетика; промышленность; городская и сельская инфраструктура; «зеленый рост»; производительность государственного сектора.

10 октября 2024 г. Премьер-министр Монголии Л. Оюун-Эрдэнэ обозначил основные проекты⁴, призванные стимулировать развитие экономики страны в средне- и долгосрочной перспективе, сделав ставку на ввод в эксплуатацию конкретных производственных, научных и инфраструктурных проектов. Властями страны предполагается, что запуск ключевых 14 проектов приведет к росту показателя ВВП на душу населения Монголии до уровня 10 тыс. долл. в текущих ценах, что представляется долгосрочной целью развития для страны. В результате, Правительством Монголии рассматривается развитие следующих проектов: железнодорожный грузовой перевалочный терминал для трансграничного сообщения приграничных портов «Гашуунсухайт – Ганцмод», «Ханги – Мандал», «Ши-

¹ Несмотря на эти усилия, горнодобывающая промышленность по-прежнему остается крупнейшим источником дохода монгольской экономики. В стране находится несколько крупномасштабных горнодобывающих предприятий, в том числе медно-золотой рудник Оюу-Толгой, которым совместно владеют правительство Монголии и мировой горнодобывающий гигант Rio Tinto. Горнодобывающая промышленность также привлекала инвестиции других крупных игроков по всему миру, в том числе китайских, канадских и европейских.

² *Erdenechimeg E. Logistics and Transport Challenges in Mongolia // The Northeast Asian Economic Review. 2016. Vol. 4. Issue 2. Pp. 21–36; Mongolia Central Economic Corridor Assessment: A Value Chain Analysis of the Cashmere-Wool, Meat and Leather Industries / World Bank Group. 2019.*

³ *Vision-2050 Long-Term Development Policy of Mongolia / State Great Hural. 2020.*

⁴ *L. Oyun-Erdene: If the 14 Mega Projects Can Be Fully Launched, There is a Real Possibility That the GDP Will Reach 10,000 US Dollars // 24tsag. 2024.*

вээхурен – Секхи»; ТЭС Тавантолгой мощностью 450 МВт; ГЭС Эрдэнэбурэн мощностью 90 МВт; строительство гидроэлектростанции мощностью 310 МВт на реке Эг; создание источников возобновляемой энергии; строительство магистральных водопроводов Хэрлэн – Тооно и Орхон – Онги; строительство автомобильной дороги Эрэнцав – Чойбалсан – Баруун Урт – Бичигт; создание совместного монголо-французского проекта по добыче урана и строительство АЭС; строительство углехимического и коксохимического комплексов; строительство горно-металлургического комбината по переработке меди; строительство сталелитейного завода; строительство нефтеперерабатывающего комплекса; строительство аффинажного завода на базе проекта Оюу-Толгой; национальный проект запуска искусственного спутника.

МВФ определяет Монголию как одну из 29 развивающихся стран, богатых природными ресурсами, для которой разработка месторождений угля и меди приносит значительный экспортный доход¹. Действительно, горнодобывающая промышленность является важнейшим сектором экономики Монголии и вносит значительный вклад в ее рост². Добыча полезных ископаемых в Монголии в основном связана с медью, золотом, углем и железом, и в 2020 г. на их долю приходилось 26% дохода бюджета страны³. В соответствии с заявлением руководителя секретариата кабинета министров Ням-Осорын Учрал, властями Монголии прорабатываются предложения по национализации до 34% в девяти стратегических месторождениях, которые принадлежат частным лицам. Законопроект об этом был внесен в парламент страны 1 октября 2024 г.⁴ В результате, могут быть частично национализированы следующие предприятия Монголии: бывший российско-монгольский ГОК «Эрдэнэт» (одно из крупнейших в Азии предприятий по добыче и обогащению меди и молибдена); Оюу-Толгой (крупное месторождение меди); Эрдэнэс Таван-Толгой (владеет группой крупных угольных месторождений с запасами около 7 млрд т). Согласно поправке 2019 г. в конституцию Монголии, доходы от полезных ископаемых собираются в Фонд национального благосостояния⁵. Поэтому, в среднесрочной перспективе будет наблюдаться наполнение данного фонда для целей контрциклической экономической политики страны.

¹ Монголия в основном добывает уголь, медь и золото. Примерно в 110 км к северу от Улан-Батора расположены различные золотые рудники, такие как золотой рудник Бо-роо и золотой рудник Гацуурт. Кроме того, примерно в 120 км к западу от Улаангома находится Хотгорский угольный разрез, место добычи угля открытым способом. Кроме того, на юге Монголии, особенно в аймаке Өмнөговь, осуществляются крупные горнодобывающие проекты, включая угольный разрез Таван-Толгой и медный рудник Оюу-Толгой.

² Доля его в ВВП составляет 21,6%, приходится 57% общего объема промышленного производства и 42% общих инвестиций по данным 2020 г.

³ Средние темпы прироста производства и добычи полезных ископаемых в Монголии в период с 2010 г. по 2023 г. составляли 16,1%, с пиковым значением 161% в апреле 2021 г. и самым низким показателем – 39,6% в марте 2022 г.

⁴ Монголия национализует до 34% стратегических месторождений, включая золотые: доходы пойдут в ФНБ // Золотодобыча. 2024. 6 октября.

⁵ Страна обладает богатыми природными ресурсами и учредила Фонд национального благосостояния для управления растущими доходами от экспорта полезных ископаемых. Монголия планирует ежегодно инвестировать более 392 млн долл. в данный

Крупными и значимыми инвесторами в горнодобывающий сектор Монголии являются китайские компании. Следует заметить, что Монголия в рассматриваемый период стремилась диверсифицировать свои источники инвестиций, для уменьшения зависимости от КНР. Так, Япония является одним из крупнейших инвесторов в Монголии со значительным присутствием в горнодобывающем секторе. Японские компании, такие как Sumitomo Metal Mining и Mitsui & Co, участвовали в разработке медных и золотых рудников в стране¹. Помимо добычи полезных ископаемых, японские инвесторы также были вовлечены в другие сектора экономики. В 2011 г. Япония и Монголия подписали меморандум о сотрудничестве в области энергетики, который затем обновлялся в 2015 г. и 2018 г. с целью содействия развитию возобновляемых источников энергии в Монголии. Японские инвесторы также принимали активное участие в развитии инфраструктуры Монголии, особенно в транспортном секторе. В свою очередь, Республика Корея, помимо инвестирования в горнодобывающий сектор, также осуществляла капиталовложения в развитие различной инфраструктуры Монголии. Например, южнокорейские компании SK Telecom и LG участвовали в развитии сети 5G в Монголии и в строительстве газовой электростанции в Улан-Баторе². Фактически, руководство Монголии активно привлекало ПИИ в другие сектора экономики, помимо горнодобывающего сектора.

Улучшение регуляторной среды и проведение стимулирующей государственной политики по привлечению ПИИ является важной задачей для правительства Монголии, которое уже давно внедрило политику поощрения иностранных инвестиций в экономику страны³. Правительство также предприняло важные шаги для защиты и развития горнодобывающего сектора страны и инфраструктуры в целом. В настоящее время прослеживаются новые тенденции в горнодобывающем секторе Монголии. Чтобы уменьшить воздействие добычи полезных ископаемых на окружающую среду, национальные и зарубежные горнодобывающие компании, осуществляющие деятельность в Монголии, все чаще внедряют цифровиза-

фонд в рамках своей общей стратегии экономического роста. В апреле 2024 г. был принят закон о Фонде национального благосостояния, который обеспечит равный доход от природных богатств страны для каждого гражданина страны. В составе Фонда национального благосостояния входят три фонда: фонд будущего наследия, средства которого инвестируются в мировой финансовый рынок; фонд развития – финансирование крупных национальных проектов; фонд сбережений, предполагающий открытие именного сберегательного счета каждому гражданину Монголии для поддержки здравоохранения, образования и жилищных программ.

¹ Указанные компании инвестировали несколько сотен млн долл. в горнодобывающую промышленность Монголии.

² Республика Корея также принимала участие в разработке медно-золотого рудника Оюу-Толгой, одного из крупнейших горнодобывающих проектов в Монголии. Южнокорейские банки, в том числе Kookmin Bank и Woori Bank, предоставили финансирование для проекта.

³ Правительство приняло несколько законов и постановлений для повышения прозрачности, и управления в горнодобывающей отрасли, таких как Закон о полезных ископаемых с поправками 2017 г. и Долгосрочная политика развития «Видение 2050».

цию и экологически чистые технологии¹. Перспективными также выглядят вложения в разведку полезных ископаемых Монголии, которые смогут увеличить спрос на услуги, связанные с геологоразведкой, бурением и другими сопутствующими видами деятельности, создавая возможности для компаний, специализирующихся в соответствующих технологиях. Горнодобывающие компании в Монголии стремятся повысить производительность разрабатываемых рудников при одновременном снижении затрат².

Помимо горнодобывающего сектора, экономика Монголии также зависит от развития таких перспективных секторов, как сельское хозяйство, строительство, услуги и производство, и в целом обеспеченностью необходимой инфраструктурой, за вложение в которые иногда наблюдается конкурентное противостояние между иностранными инвесторами в реализации тех или иных проектов³.

Сельскохозяйственный сектор в Монголии вносит заметный вклад в экономику страны, на него приходится около 10% ВВП, обеспечивая занятость почти трети населения. Животноводство доминирует в этом секторе, составляя около 90% от общего объема его производства⁴. Несмотря на обширные участки плодородных земель и богатые водные ресурсы, этот сектор сталкивается с институциональными ограничениями и серьезными проблемами, такими как ограниченный доступ к рынкам, изменение климата и недостаточное развитие инфраструктуры. Тем не менее, правительство Монголии ввело различные льготы для поощрения развития сельскохозяйственного сектора, включая субсидии и кредиты для фермеров и инвестиции в ирригационные системы. Помимо сельского хозяйства важными для развития в среднесрочной перспективе отраслями экономики Монголии являются: строительный сектор, в условиях увеличения спроса на производственную, транспортную, логистическую и жилищную инфраструктуру; сектор услуг в рамках транспорта и туризма; обрабатывающая промышленность. Предполагается, что придание динамизма указанным отраслям экономики Монголии может быть связано с привлечением иностранного капитала.

Среди внешнеполитических приоритетов Монголии традиционно доминировало сбалансированное взаимодействие с Россией и Китаем и другими крупны-

¹ Это включает реализацию мер по повышению энергоэффективности, сокращению выбросов углерода и внедрению решений по обращению с отходами. Крупнейший в стране горнодобывающий проект Оюу-Толгой, управляемый Rio Tinto, взял на себя обязательство по нивелированию углеродных выбросов.

² Прежде всего, канадские горнодобывающие компании и компании-поставщики предлагают решения для повышения производительности горнодобывающих предприятий. Кроме того, существует потребность в наращивании потенциала и обучении местных сотрудников.

³ *Кульнева П.В.* Конкуренция японских и китайских инфраструктурных проектов в Монголии // Ежегодник Японии. 2023. № 52(1). С. 11–36.

⁴ Монголия имеет одно из крупнейших поголовий скота в мире, насчитывающее более 66 млн голов, и славится своими традиционными методами кочевого скотоводства, которые до сих пор распространены в сельской местности.

ми странами¹. Следует заметить, что заметный потенциал развития российско-монгольского сотрудничества существует в таких важных областях как энергетика, транспорт, инфраструктурные проекты и т. д. В 2019 г. между Монголией и Россией был подписан Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве (вступил в действие в 2020 г. и заменил Договор 1993 г.)². Активные многосторонние взаимодействия стран ЕАЭС с Монголией³ в 2017–2024 гг. привели к тому, что консенсусом государств – членов ЕАЭС Монголия была включена в перечень потенциальных партнеров, с которыми может быть начата проработка вопроса о заключении соглашения о свободной торговле. Высший Евразийский экономический совет принял решение о начале переговоров о заключении временного торгового соглашения между ЕАЭС и Монголией. В ходе начавшихся консультаций достигнута договоренность к концу 2024 г. отменить пошлины на 375 видов продукции сельского хозяйства и легкой промышленности. Ожидается, что благодаря соглашению монгольские производители получат возможность значительно нарастить экспорт мяса⁴ и мясных продуктов, шерсти, кашемира и изделий из них, а также кожи и кожевенной продукции на рынки государств ЕАЭС. Вместе с тем прогнозируется, что ключевой проблемой в данном вопросе будет приведение монгольских товаров в соответствие с требованиями стран – членов объединения.

Торговля России с Монголией крайне не сбалансирована по стоимостным объемам (монгольский экспорт в Россию стабильно составляет лишь около 5% импорта из России) и по структуре (основная доля взаимной торговли – минеральные ресурсы и продовольствие). Россия хотя и является вторым после Китая⁵ торговым партнером для Монголии, однако, основной объем российско-монгольской торговли приходится на импорт товаров из России. Основной объем импорта Монголии из России – топливные ресурсы и продовольственные товары. Незначителен объем российских накопленных ПИИ в Монголии: по данным На-

¹ При этом, исходя из провозглашенного принципа «многовекторности», Монголия стремится максимально расширить внешнеполитические контакты и в последние десятилетия власти страны придерживаются концепции «третьего соседа».

² В целом в настоящее время сотрудничество между странами осуществляется по более чем 150 договорам и соглашениям. 4 октября 2017 г. в Улан-Батаре прошел Форум ЕАЭС с Монголией, в ходе которого были подписаны Меморандум о сотрудничестве в области ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер (Главное управление специализированных инспекций Монголии) и Меморандум о сотрудничестве в сфере технического регулирования и аккредитации (Агентство по стандартизации и метрологии Монголии), что снизило барьеры во взаимной торговле.

³ *Воронцов А.* Монголия хочет стать партнером ЕАЭС // Евразия эксперт. 2017. 20 февраля.

⁴ В ЕАЭС считают, что подпишут с Монголией временное торговое соглашение по беспошлинному ввозу мяса (сейчас квота на импорт с нулевой пошлиной составляет 50 тыс. т). После подписания документа объемы ввоза могут вырасти в 2–3 раза в ближайшие три года. Как ожидается, соглашение будет подписано до конца 2024 г. Подробно: Монголия планирует расширить беспошлинный ввоз мяса в РФ // ТАСС. 2024. 17 октября.

⁵ Вместе Китай и Россия формируют две третьих монгольского импорта.

циональной службы статистики Монголии по итогам 2023 г. он составил около 156 млн долл.¹

Также можно отметить наличие актуальных для России планов развития международных транспортных и энергетических коридоров через Монголию². Особые надежды связываются с реализацией инициативы, направленной на развитие торговли между Монголией и ее соседями и расширения инфраструктурных связей в рамках экономического коридора Китай – Монголия – Россия (ЭККМР). Реализация ЭККМР может сделать Монголию важным звеном в формирующемся каркасе торгово-экономических связей между Востоком и Западом, вводя новые экспортные маршруты и сокращая время перевозки³. При этом роль Монголии в транзите контейнерных грузов в направлении Китай – Европа – Китай пока является незначительной. Полноценной реализации транзитного потенциала грузовых перевозок Монголии препятствуют неудовлетворительное состояние Трансмонгольской магистрали и отсутствие железных дорог в ряде перспективных направлений грузовых потоков. Также, в качестве стратегически значимой инициативы, которая в условиях антироссийских санкций серьезно может усилить экономическое сотрудничество в «треугольнике» Россия – Монголия – Китай, выделяется план строительства транзитного газопровода «Союз – Восток» – продолжением газопровода «Сила Сибири-2»⁴.

Помимо перечисленного возможно выделить другие перспективные направления российско-монгольского сотрудничества⁵ в электроэнергетике и транспорте. В 2023 г. Россия предложила Монголии построить на ее территории малую АЭС⁶ для поддержания стабильности функционирования энергосистемы стра-

¹ Для сравнения Нидерланды – 13,5 млрд долл., Китай – 5,3 млрд, Сингапур – 2,5 млрд, США – 1,1 млрд долл. Подробно: Foreign Direct Investment Stock, by Country / Mongolian Statistical Information Service. 2024.

² Макаров А.В., Макарова Е.В., Бешенцев А.Н. Монголия: внешняя торговля и развитие инфраструктуры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 9. С. 68–78.

³ Монголия согласовала 33 проекта экономического коридора из РФ в КНР // ТАСС. 2024. 17 октября.

⁴ Wei Q., Zhou P., Shi X. Assessing the Congestion Cost of Gas Pipeline between China and Russia // Energy Strategy Reviews. 2024. Vol. 55. 101493; Wei Q., Zhou P., Shi X. The Congestion Cost of Pipeline Networks under Third-Party Access in China's Natural Gas Market // Energy. 2023. Vol. 284. 128521.

⁵ Калинин Р., Хатмуллин А. Монголия как новый центр борьбы за ресурсы: перспективы российско-монгольского сотрудничества в области атомной энергетики, освоения и добычи полезных ископаемых // Доклады ПИР-Центра. 2024. № 41. 43 с.

⁶ Росатом в 2024 г. принципиально договорился с Монголией о строительстве атомной станции. Монголия давно просила Россию построить у них АЭС малой или средней мощности, российская сторона всегда была готова к разработке технико-экономического обоснования строительства. Кроме этого, Росатом был заинтересован в организации добычи урана в стране (запасы более 100 тыс. т) и первичной переработки урана. В 2018 г. страны заключили меморандум о создании в Монголии Центра ядерной науки и технологий. Монголии нужна эта станция, т. к. разрозненность небольших генерирующих мощностей затрудняет регуляцию суточного графика нагрузки. Поэтому, несмотря на достаточность собственных энергоресурсов, Монголия вынуждена импортировать электроэнергию из России.

ны¹. Российский холдинг «Ротек» в партнерстве с «Интер РАО-Экспорт» с 2015 г. модернизировал 5 блоков Улан-Баторской ТЭЦ-4 общей мощностью 600 МВт (установленная мощность ТЭЦ более 1 ГВт). Компания «Интер РАО-Экспорт» работает над проектом модернизации ТЭЦ-3 в г. Улан-Батор (предполагается почти 3-кратное увеличение мощности). В результате, Монголия для России может стать: опорным партнером и транзитным хабом в расширении внешнеэкономических связей со странами СВА в целом; источником развития приграничных российских регионов (Республики Алтай, Тува, Бурятия и Забайкальский край); рынком и транзитной территорией для экспорта энергетических, промышленных, сельскохозяйственных и иных товаров. Помимо этого, предполагается более активное участие России в горнодобывающих проектах (уран, редкоземельные металлы, уголь)².

Несмотря на очевидные экономические проблемы, возникшие в результате пандемии COVID-19, можно считать, что экономические перспективы Монголии остаются достаточно благоприятными из-за растущего спроса на уголь и медь и увеличения добычи полезных ископаемых. У страны имеются широкие перспективы развития в среднесрочном периоде, однако долгосрочная стабильность страны и дальнейший рост ее экономики зависят от успеха структурных реформ, включающих расширение частного сектора (особенно в несырьевых отраслях) и диверсификацию с целью снижения уязвимости страны для внешних вызовов³. Стране предстоит осуществить структурные и институциональные реформы⁴, кроме этого, сбалансированная экологическая политика и повышение устойчивости животноводства Монголии к климатическим изменениям также будут способствовать экономическому развитию страны⁵.

Чрезмерная зависимость от горнодобывающего сектора сделала страну уязвимой для внешних факторов, таких как колебания цен на сырьевые товары и пандемия COVID-19. Диверсификация источников и направлений вложения ПИИ может стать важнейшим компонентом долгосрочной экономической стратегии Монголии, снижая риски, связанные с внешней конъюнктурой цен на сырьевые товары. Кроме того, диверсификация ПИИ позволит Монголии использовать другие конкурентные преимущества, связанные с транспортом, возобновляемыми источниками энергии, разработкой земель сельскохозяйственного назначения и туризма. Несмотря на некоторые препятствия, такие как политическая нестабильность, связанная с коррупцией и противоборством властных группировок, так и на институциональные и инфраструктурные ограничения, приверженность руко-

¹ Соглашение между РФ и Монголией о строительстве АЭС могут подписать в 2025 году // ТАСС. 2024. 18 октября.

² Черашев Д.В. Перспективы сотрудничества России и развивающихся стран в горно-металлургическом комплексе // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 12. С. 69–88.

³ Mongolia Economic Update / World Bank Group. 2024; Mongolia: Concluding Statement of the 2024 IMF Staff Visit / IMF. 2024.

⁴ Mongolia Central Economic Corridor Assessment: A Value Chain Analysis of the Cashmere-Wool, Meat and Leather Industries / World Bank Group. 2019.

⁵ Vision-2050 Long-Term Development Policy of Mongolia / State Great Hural. 2020.

водства Монголии улучшать инвестиционную среду в сочетании с богатыми природными ресурсами страны и ее стратегическим положением, способствуют созданию условий для притока ПИИ в монгольскую экономику. Монголия и ее основные внешнеэкономические партнеры обладают широким горизонтом перспективных направлений для плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества в среднесрочной перспективе. Тем не менее, в этой связи нельзя упускать из внимания то, что степень реализации этого потенциала все сильнее упирается в проблемы и особенности национального развития Монголии, в стратегии взаимодействия с ней ее основных партнеров (России, КНР, США и прочих стран), а также в ухудшающийся глобальный политический и геоэкономический ландшафт рисков и в экономической неопределенности.

6.6. «Узкий» коридор возможностей развития экономики КНДР

С экономической точки зрения потенциал роста КНДР заключается в ее географическом положении, богатых природных ресурсах и относительно дешевой рабочей силе. Во-первых, расположенная между Китаем, Россией и Республикой Корея, при прочих равных условиях, КНДР может стать привлекательной для инвестиций из соседних стран. Во-вторых, КНДР обладает значительными запасами железной руды, угля, известняка и металлов, которые оцениваются в 10 трлн долл.¹ В-третьих, страна обладает заметными трудовыми ресурсами: уровень грамотности взрослого населения (старше 15 лет) составляет 100%, численность населения – 26,2 млн чел., из которых 80% составляет экономически активное население².

Однако перспективы развития экономики КНДР не включены в прогнозы международных организаций, таких как Всемирный банк, МВФ и АБР, ввиду отсутствия достоверных статистических данных. При этом существует ряд работ южнокорейских исследователей, посвященных данной тематике.

Согласно одному из таких прогнозов³, возможны два пути развития экономики КНДР в ближайшие два десятилетия. Первый предполагает сохранение действующих условий (автаркии и санкций), второй – смену политического режима и снятие санкций (*табл. 6.8*).

¹ The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics / Edited by M.H. Chiang Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.

² Choi J.Y. Impact of Strengthened Sanctions on the North Korean Market // The Impact of DPRK Sanctions and North Korea's Economic Future / Edited by S. Lee et al.; Korea Development Institute (KDI). 2021. Pp. 206–239. (На кор. яз.); The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics / Edited by M.H. Chiang Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.

³ Shin S.H. Sanctions on North Korea and Future Economic Growth of North Korea // The Impact of DPRK Sanctions and North Korea's Economic Future / Edited by S. Lee et al.; Korea Development Institute (KDI), 2021. Pp. 313–353. (На кор. яз.).

В первом варианте предполагается, что среднегодовой темп прироста ВВП будет отрицательным (–1,7%) в 2021–2045 гг. В начале оцениваемого периода (2021–2025 гг.) ожидается, что темп прироста составит –2,5%, когда уровень инвестиций и совокупная факторная производительность будут быстро снижаться, после 2025 г. этот показатель составит –1,5% при условии, что уровень инвестиций стабилизируется, а темпы снижения совокупной факторной производительности замедлятся.

Таблица 6.8

**Прогноз экономического развития КНДР
(прироста ВВП) до 2045 г., %**

Период	Вариант		
	сохранение действующих условий	смена политического режима и снятие санкций	
		1 сценарий	2 сценарий
2021–2025	–2,5	–1,1	1,9
2026–2030	–1,5	0,2	3,3
2031–2035	–1,7	0,8	5,8
2036–2040	–1,6	1,2	5,2
2041–2045	–1,4	1,7	6,1
2021–2045	–1,7	0,5	4,5

Примечание: 1 сценарий – развитие экономики КНДР темпами, аналогичными среднему показателю по группе стран с переходной экономикой; 2 сценарий – темпами, аналогичными среднему темпу прироста ВВП по группе стран с наилучшими показателями.

Источник: Shin S.H. Sanctions on North Korea and Future Economic Growth of North Korea // The Impact of DPRK Sanctions and North Korea's Economic Future / Edited by S. Lee et al.; Korea Development Institute (KDI). 2021. Pp. 313–353. (На кор. яз.).

В рамках второго варианта оцениваются два сценария в соответствии с которыми экономика КНДР будет развиваться: 1) темпами, аналогичными среднему показателю по группе стран с переходной экономикой¹; 2) темпами, аналогичными среднему темпу прироста ВВП по группе стран с наилучшими показателями². Оба сценария предполагают положительную динамику ВВП КНДР: в первом случае среднегодовые темпы роста в период с 2021 г. по 2045 г. составят 0,5%, во втором – 4,5%. Невысокие среднегодовые темпы роста в 0,5% объясняются тем, что смена политического режима сама по себе не гарантирует высокого экономического роста. Кроме того, в КНДР уже начался процесс старения населения, поэтому уровень экономически активного населения будет постепенно сокращаться.

Второй сценарий является оптимистичным, однако, достижимым при условии значительного роста уровня инвестиций с 18,5% в 2020 г. до 44,2% в 2045 г. (аналогично другим восточноазиатским экономикам).

¹ В исследовании рассматривалось 37 стран из разных субглобальных регионов.

² Армения, Беларусь, КНР, Иордания, Киргизия, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Туркменистан, Узбекистан и Вьетнам.

Что касается внешнеэкономических взаимодействий, то в ближайшей перспективе они будут осуществляться с немногочисленными оставшимися партнерами – в первую очередь с КНР и Россией, которые не только являются источником необходимых КНДР товаров, валюты и технологий, но и могут повлиять на функционирование санкционного режима. Кроме того, Россия и КНР являются донорами гуманитарной помощи для КНДР. Так, Россия несколько раз оказывала помощь по линии организаций в рамках ООН и на двусторонней основе. Например, в 2019 г. 4 млн долл. были направлены в рамках Всемирной продовольственной программы и 4,8 млн долл. по линии ЮНИСЕФ. В 2020 г. в рамках двусторонней помощи были поставлены 50 тыс. т пшеницы, из которых половина была направлена в пострадавшие от тайфунов районы КНДР¹. КНР оказывала поддержку КНДР в виде льготных кредитов, строительства инфраструктурных проектов, поставок зерна, удобрений, медикаментов. Общая сумма помощи оценивалась в пределах от 40 до 202 млн долл.² Предполагается, что гуманитарное сотрудничество продолжится и в ближайшие годы, так как оно не ограничивается резолюциями Совета безопасности ООН.

До 2022 г. экономическое партнерство КНДР и России не вносило существенного вклада в развитие страны. Однако в связи с подписанием в 2024 г. Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между КНДР и Россией появились новые «точки роста» для северокорейской экономики, поскольку имеются перспективы для двустороннего сотрудничества в сфере туризма, образования, здравоохранения, спорта и культуры, которые не попадают под международные санкции.

В 2024 г. КНДР посетили несколько групп российских туристов, которые стали единственными иностранными туристами в стране после снятия ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Предполагается развивать данное сотрудничество в рамках отдыха российских детей в летнем лагере «Сондовон», увеличивая количество туров³. В сфере образования планируется вдвое увеличить количество квот для северокорейских студентов (с 52 до 100)⁴.

Несмотря на установление стратегического партнерства с Россией, в условиях сохранения санкционного режима ООН ключом к развитию экономики КНДР будет все же являться улучшение отношений с КНР и расширение экономического сотрудничества с ней. Это относится к восстановлению объемов им-

¹ Захарова Л.В. Тернистый путь к светлым целям: подход КНДР к реализации Повестки 2030 и перспективы международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 175–193.

² Park J., Kim E. China's Aid to North Korea, Is It Exceptional? A Comparative Analysis with China's Aid to Africa // International Journal of Korean Unification Studies. 2017. Vol. 26. Issue 2. Pp. 67–94.

³ Портякова Н. Увидеть Пхеньян и обомлеть // Коммерсантъ. 2024. 11 мая; Строкань С. Северная Корея приоткрылась России // Коммерсантъ. 2023. 13 декабря; Сухих К. Фотографировать можно, но руки – по швам. Как в КНДР принимают российских туристов // ТАСС. 2024. 16 февраля.

⁴ Россия и КНДР обсуждают увеличение квот для северокорейских студентов // РИА Новости. 2024. 20 июня.

порта и экспорта, возобновлению туризма в КНДР гражданами Китая, а также решению ряда проблем, включая репатриацию примерно 100 тыс. северокорейских рабочих¹.

Стоит отметить, что северо-восточные провинции КНР (Цзилинь и Ляонин) до введения запрета на экспорт северокорейской рабочей силы активно привлекали граждан КНДР для работы на предприятиях легкой промышленности, в рыболовстве и других сферах. Властями указанных провинций в 2012 г. были заключены соглашения о трудовом сотрудничестве с КНДР, согласно которым на территории провинции Цзилинь было трудоустроено 20 тыс. северокорейских граждан, Ляонин – 40 тыс.² После введения санкций СБ ООН трудовая миграция не прекратилась, но стала неофициальной, так как граждане КНДР могут находиться на территории приграничных китайских провинций без визы в течение периода, не превышающего 90 дней³.

Однако уровень рождаемости в КНДР стал ниже простого воспроизводства населения (в 2023 г. индекс фертильности составил 1,8). Если существующая тенденция сохранится, с 2034 г. в КНДР будет наблюдаться депопуляция⁴. Поэтому в долгосрочной перспективе трудовая миграция в приграничные провинции КНР может сократиться, несмотря на ее востребованность.

Географическое положение КНДР является выгодным с точки зрения развития сотрудничества с другими странами субглобального региона и ее участия во внутрирегиональной интеграции. КНДР может выступать в качестве сухопутного моста для трансконтинентальных проектов, таких как соединение Транссибирской железной дороги и Транскорейской железной дороги, а также газопроводов, идущих из России через Корейский полуостров. Однако реализация подобных проектов, которые при прочих равных условиях направлены на расширение взаимодействий с Республикой Корея, предполагает денуклеаризацию страны и смягчение или отмену международных санкций как для КНДР, так и для России. Стоит отметить, что в ближайшей перспективе денуклеаризация КНДР представляется маловероятной, так как этот процесс связан с интересами нескольких ключевых игроков в субглобальном регионе – США, КНР и России.

Таким образом, сохранение текущих тенденций приведет к постепенному «сжатию» экономики КНДР и росту ее зависимости от двух ключевых партнеров – КНР и России. Использование имеющегося потенциала экономики страны в полной мере может вывести ВВП КНДР на положительную траекторию роста, но только при условии снятия действующих широкомасштабных санкций, что представляется в ближайшей перспективе маловероятным. При этом, по всей видимости, для КНДР может появиться возможность для использования пригра-

¹ Choi J., Choi Y. North Korea's 2023 Trade with China: Analysis and Forecasts // World Economy Brief. 2024. Vol. 14. Issue 9.

² Gao B. China's Economic Engagement in North Korea. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 183 p.

³ Koen V., Beom J. North Korea: The Last Transition Economy? / OECD. Economics Department. 2020. Working Paper No. 1607. 47 p.

⁴ Vu K. North Korea's Population Problem / Lowy Institute. 2024.

ничного сотрудничества с китайскими провинциями, а также товарообмен в рамках соответствующих договоров двустороннего сотрудничества, в том числе с Россией.

6.7. Оценка стратегий торгово-экономической интеграции в странах СВА

Несмотря на наличие барьеров, сдерживающих торгово-экономическое сближение в рамках СВА, страны субглобального региона, за исключением КНДР, стали участницами ВТО, что в целом способствовало расширению их торговли как друг с другом, так и с третьими странами. Далее, как было показано, страны СВА, пусть эпизодически, но реализовывали интеграционные соглашения между собой. Как было ранее отмечено, в 2015 г. была создана ЗСТ+ между Китаем и Республикой Корея, а в 2016 г. – ЗСТ+ между Японией и Монголией; в 2012 г. заключено соглашение об инвестиционном сотрудничестве между странами Большой тройки СВА¹ – КНР, Японией и Республикой Корея. Также страны Большой тройки СВА принимают участие с 2020 г. в крупном интеграционном формате – ВРЭП. В свою очередь, можно предположить, что экономики СВА различаются с точки зрения наличия взаимных барьеров, снижение которых способно непропорционально увеличить торговлю между ними. С этой точки зрения, при прочих равных условиях имеется проблема реализации потенциала торговли для стран СВА, в зависимости от их экономического сближения с той или иной страной субглобального региона. Определение данного потенциала торговли, который формируется совокупными барьерами между взаимодействующими экономиками, возможно на основе оценки эффекта границ², который понимается как совокупность торгово-экономических издержек, возникающих вследствие пересечения товаром какой-либо границы между странами.

Распределение значений средневзвешенной импортной пошлины между странами СВА, особенно с середины 2010-х гг., не является значительным³. Данное обстоятельство дает основание утверждать, что тарифные барьеры не являются основным сдерживающим фактором торговых взаимодействий стран СВА, поскольку средневзвешенная импортная пошлина стран субглобального региона в целом имела тенденцию к снижению в рамках долгосрочного периода. Исходя из этого, можно предполагать, что источником расширения торговли в СВА является обоюдное нивелирование тарифных и нетарифных барьеров, которые можно оценить с помощью эффекта границ.

¹ *Terada T.* Northeast Asia's Realism: Fated External Influences on Trilateral Economic Integration // *East Asian Community Review*. 2018. Vol. 1. Pp. 49–59.

² *Anderson J.E., van Wincoop E.* Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 170–192.

³ Как это было показано в разделе 4.2.

Соответственно, эффект границ оценивался в рамках гравитационной зависимости на основе ряда рекомендаций¹: использование панельных данных для улучшения общей эффективности оценки; включение в массив фиксированных эффектов на годы и на экспортеров и импортеров для контроля ненаблюдаемого многостороннего сопротивления и любых других характеристик, которые изменяются и не изменяются во времени для стран-экспортеров и стран-импортеров; оценка гравитационной зависимости на основе метода квазикасимального правдоподобия Пуассона, который позволяет избежать гетероскедастичности² и включать «нулевые» торговые потоки в панельные данные при отсутствии необходимости их логарифмирования, что является критически важным для малых экономик, которые не имеют стабильного торгового потока с большинством стран мира; способом нивелирования проблем значительной корреляции между ошибками и регрессорами³, а также наличия эндогенности⁴ между независимыми переменными, зависимая переменная взвешивается на размер торгуемых между собой экономик i и j .

Для вычисления эффекта границ стран СВА, гравитационная зависимость оценивалась в следующем виде:

$$\frac{x_{ijt}}{y_{it}y_{jt}} = \exp [\beta_0 + \beta_1 \ln d_{ij} + \beta_2 CN_{ij} + \beta_3 JP_{ij} + \beta_4 KR_{ij} + \beta_5 RU_{ij} + \beta_6 MN_{ij} + \beta_7 DPRK_{ij} + \beta_8 ROW_{ij} + \lambda_i + \lambda_j + \lambda_t + \varepsilon_{ijt}], \quad (6.1)$$

где x_{ij} – экспорт страны i в страну j ; y_i – ВВП страны i ; y_j – ВВП страны j ; t – временной промежуток; d_{ij} – физическое расстояние между i и j . Остальные переменные являются фиктивными, принимая значение равное единице в случае наличия признака или нулю при его отсутствии, отражая эффект границ: CN – для торговли страны СВА с КНР; JP – для торговли страны СВА с Японией; KR – для торговли страны СВА с Республикой Корея; RU – для торговли страны СВА с Россией; MN – для торговли страны СВА с Монголией; $DPRK$ – для торговли страны СВА с КНДР; ROW – для торговли страны СВА с третьими странами. Динамические факторы контролировались фиксированными эффектами на годы (λ_t), а не изменяющиеся факторы – фиксированными эффектами для стран-экспортеров (λ_i) и стран-импортеров (λ_j).

Поскольку в уравнении (6.1) отсутствуют данные, отражающие торговлю в рамках национальных рынков стран СВА, то базовым значением эффекта границ выступает соответствующее значение данного показателя для одной из стран суб-

¹ Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model / United Nations; World Trade Organization. 2016. 137 p.

² Santos Silva J., Tenreyro S. The Log of Gravity // Review of Economics and Statistics. 2006. Vol. 88. Issue 4. Pp. 641–658.

³ Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 171–192.

⁴ Olivero M.P., Yotov Y.V. Dynamic Gravity: Endogenous Country Size and Asset Accumulation // Canadian Journal of Economics. 2012. Vol. 45. Issue 1. Pp. 64–92.

глобального региона, с которой данные страны имеют его наименьшее значение. Полученные полуэластичности сравнительного эффекта границ были пересчитаны в тарифный эквивалент (в %) в рамках следующего выражения: $(e^{\frac{\hat{\beta}_{2...8}}{1-\sigma}} - 1) * 100$.¹ Для упрощения анализа допускается, что отражающее относительные предпочтения потребителей эластичность замещения между товарами (σ) является постоянной, а ее значение равно пяти, по аналогии с ранее проведенными исследованиями². Высокие значения сравнительного эффекта границ отражают низкую интенсивность двусторонней торговли и наоборот.

В результате, на основе (6.1) оценивались значения эффекта границ для шести массивов данных, отражающих, соответственно, торговые взаимодействия КНР, Японии, Республики Корея, России, Монголии и КНДР с глобальной экономикой. В качестве исходных данных для зависимой переменной была использована международная статистика для периода 1995–2023 гг., стоимостные показатели которой представлены в долларах США в текущих ценах. Статистика, отражающая размер экономик представлена значениями их ВВП и была заимствована из баз данных МВФ³ и ООН⁴. Источником стоимостных объемов взаимного экспорта стран СВА друг с другом и с третьими странами являлась база данных ООН. Всего в панель были включены торговые взаимодействия стран СВА со 192 странами и экономическими территориями мира, на которые в среднем за рассматриваемый период приходилось почти 99% их экспорта. В качестве значений физических расстояний между странами были использованы взвешенные значения, рассчитанные на основе методологии СЕРП⁵, которые были представлены в километрах.

В результате расчетов были получены статистически значимые коэффициенты регрессий (табл. 6.9).

Полученные оценки указали на негативное влияние физического расстояния на торговлю стран СВА. Заметное негативное влияние на торговлю физическое расстояние оказывало на Монголию – внутриконтинентальную страну, не имеющую выхода к морю и территориально удаленную от морских портов третьих стран. Увеличение расстояния между Монголией и зарубежной страной на 1 п. п. способствовало сокращению товарооборота с ней почти на 2,7 п. п. В том числе по этой причине торговля Монголии отклонялась в пользу близких и крупных экономик стран СВА, доля которых в среднем за указанный период составляла более 80% ее внешнеторгового оборота.

Для России физическое расстояние оказывало меньшее, но также заметное сдерживающее влияние на внешнюю торговлю. Увеличение расстояния на 1 п. п.

¹ Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 171–192.

² Tochkov K. North Korea's Trade and the Integration of Northeast Asia // Asia and the Global Economy. 2021. Vol. 1. 100007.

³ World Economic Outlook Database / IMF. 2024.

⁴ Data Centre / UNCTAD. 2024.

⁵ Mayer T., Zignago S. Market Access in Global and Regional Trade / CEPII. Working Paper No. 2005-02. 2005.

снижало товарооборот России с зарубежными странами на 1,5 п. п. Данное обстоятельство способствовало, при прочих равных условиях, отклонению внешней торговли России в пользу стран Европы вплоть до 2022 г., постсоветских стран, преимущественно входящих в ЕАЭС, а также Большой тройки СВА, главным образом, КНР.

Таблица 6.9

Значения коэффициентов регрессий (6.1)

Показатель	Страна СВА					
	КНР	Япония	Республика Корея	Россия	Монголия	КНДР
$\ln d$ (расстояние)	-0,57*** (0,11)	-1,20*** (0,12)	-0,39*** (0,15)	-1,54*** (0,08)	-2,67*** (1,18)	-0,24* (0,14)
CN (торговля с Китаем)	—	-1,01*** (0,27)	-0,95*** (0,28)	-3,29*** (0,26)	-5,47*** (0,36)	Benchmark
JP (торговля с Японией)	-2,81*** (0,27)	—	-1,51*** (0,29)	-3,46*** (0,27)	-4,80*** (0,24)	— 2,08** * (0,38)
KR (торговля с Республикой Корея)	-1,92*** (0,26)	-1,21*** (0,30)	—	-3,14*** (0,26)	-4,00*** (0,30)	— 3,28** * (0,36)
RU (торговля с Россией)	-1,95*** (0,31)	-0,56** (0,27)	-0,81*** (0,29)	—	Benchmark	— 1,30** (0,55)
MN (торговля с Монголией)	Benchmark	Benchmark	Benchmark	Benchmark	—	— 1,77** * (0,31)
$DPRK$ (торговля с КНДР)	-2,44*** (0,27)	-2,14*** (0,29)	-2,20*** (0,46)	-3,42*** (0,37)	-7,36*** (0,31)	—
ROW (торговля с остальными странами)	-1,78*** (0,39)	0,64*** (0,24)	-0,49** (0,25)	-2,13*** (0,35)	-1,46*** (0,29)	— 2,02** * (0,41)
Константа	— 27,26*** (0,79)	— 24,86*** (0,98)	-29,11*** (1,32)	— 17,63*** (0,77)	-7,88*** (1,42)	— 31,06* ** (1,04)
$Pseudo \log-likelihood$	-3,2e-09	-2,0e-09	-1,6e-08	-5,0e-09	-1,7e-09	-2,8e-09
$Pseudo R^2$	0,52	0,60	0,68	0,69	0,45	0,08
Число наблюдений	11107	11049	11107	11078	9686	9947

Примечания. *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,10$. Оценки фиксированных эффектов не приводятся для лаконичности изложения. Автокорреляция учтена в форме расчета Ньюи-Веста. Benchmark – базовая величина эффекта границ.

Источник: Изотов Д.А. Сравнительный потенциал торговли стран Северо-Восточной Азии // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 4. С. 5–23.

Увеличение расстояния на 1 п. п. сдерживало товарооборот Японии с зарубежными странами на 1,2 п. п. Немного меньшее, но сопоставимое с Россией, негативное влияние физического расстояния на торговлю Японии объяснялось переходом данной экономики от массового экспорта разнообразной промышленной продукции в 1990-х гг. к последующей специализации в узких нишах удовлетворения спроса на глобальном рынке. Этот процесс стал постепенно ослаблять возможности для географической диверсификации торговли Японии за счет освоения отдаленных рынков, что могло отразиться на сравнительно высоких показателях эластичности торговли по физическому расстоянию. Для других стран СВА негативное влияние физического расстояния на торговлю было меньшим, что объяснялось несколькими причинами¹.

Во-первых, расширение рынков сбыта для китайской и южнокорейской продукции, в том числе за счет отдаленных стран и географической диверсификации импорта сырьевых и промышленных товаров для Китая и Республики Корея соответственно. Общая либерализация торговли в рамках глобальной экономики и снижение транспортных издержек, вследствие увеличения масштабов контейнерных перевозок, способствовали, с одной стороны, перемещению корпорациями производства массовых товаров в развивающиеся страны с трудоизбыточными экономиками, к которым, прежде всего, относится КНР, а с другой – к активизации товарообмена между странами Восточной Азии за счет внутрифирменной торговли, в рамках которой страны Большой тройки СВА принимали активное участие – Япония (в 1980-е – 1990-е гг.), Республика Корея и КНР.

Во-вторых, в связи с санкциями к северокорейской экономике основным торговым партнером для нее стал Китай. При этом КНДР вынужденно диверсифицировала товарооборот со странами, не ограничивающими с ней торговые взаимодействия, в число которых входили удаленные государства Африки и Южной Америки. Данное обстоятельство на фоне сокращения внешнего товарооборота страны способствовало ослаблению негативного влияния физического расстояния на торговлю КНДР в условиях запретительных барьеров с Республикой Корея и Японией, а также заметного сокращения торговых взаимодействий с Россией.

Оценка эффекта границ для каждой страны СВА указала, что для КНР, Японии, Республики Корея и России торговля с Монголией отличалась большей интенсивностью по сравнению с торговыми взаимодействиями с другими странами субглобального региона. По этой причине, торговля с Монголией для указанных стран СВА рассматривалась в качестве базовой величины для определения значений эффекта границ с другими странами. В свою очередь, базовой величиной для Монголии и КНДР выступала их торговля с Россией и КНР соответственно. Поэтому указанные базовые величины были исключены из зависимости, а остальные фиктивные переменные, отражающие значения эффекта границ, являлись сравнительными по отношению к ним. Далее, полученные полуэластичности, отражающие значения сравнительного эффекта границ стран СВА, были пересчитаны в тарифный эквивалент (табл. 6.10).

¹ Изотов Д.А. Сравнительный потенциал торговли стран Северо-Восточной Азии // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 4. С. 5–23.

Таблица 6.10

Тарифный эквивалент сравнительного эффекта границ стран СВА, %

Сравнительный эффект границ	Страна СВА					
	КНР	Япония	Республика Корея	Россия	Монголия	КНДР
<i>CN</i> (торговля с Китаем)	–	29	27	128	293	0
<i>JP</i> (торговля с Японией)	102	–	46	137	232	68
<i>KR</i> (торговля с Республикой Корея)	62	35	–	119	172	127
<i>RU</i> (торговля с Россией)	63	15	23	–	0	38
<i>MN</i> (торговля с Монголией)	0	0	0	0	–	56
<i>DPRK</i> (торговля с КНДР)	84	71	73	135	530	–
<i>ROW</i> (торговля с остальными странами)	56	–15	13	71	44	66

Источник: Изотов Д.А. Сравнительный потенциал торговли стран Северо-Восточной Азии // Регионалистика. 2024. Т.11. № 4. С. 5–23.

КНР. В целом, оценки показали, что торговля Китая со странами СВА (за исключением Монголии), характеризовалась меньшей интенсивностью по сравнению с товарообменом с третьими странами, что указывает на имеющийся потенциал для расширения товарооборота КНР со странами субглобального региона. Высокое значение сравнительного эффекта границ у Китая наблюдалось с Японией. Несмотря на то, что экспорт из Китая в Японию превосходил импорт, а часть японского производственного сектора была вынесена в зарубежные страны, преимущественно в Юго-Восточную Азию и КНР, обоюдное снижение барьеров способно стимулировать двусторонний товарооборот, в том числе за счет замещения продукции из третьих стран. Отсутствие «глубокого» интеграционного формата между странами сдерживало открытие китайского рынка для японских компаний. В свою очередь, Япония практиковала высокие ставки импортных пошлин на сельскохозяйственную продукцию и различные нетарифные ограничения для промышленных товаров из Китая, сдерживая тем самым взаимный товарооборот, особенно в последнее десятилетие.

КНР создала ЗСТ+ с южнокорейской экономикой, но значения сравнительного эффекта границ в торговле Китая с Республикой Корея и Россией были в целом равнозначны. При этом товарная структура торговли КНР с указанными странами существенно различалась. Экспорт из Китая в Россию формировался промышленной продукцией, а импорт в Китай из России – сырьевыми товарами, которые практически не облагались импортными пошлинами, за исключением некоторых видов минерального топлива. Барьеры во взаимной торговле формировались как с российской стороны для китайских экспортеров, так и со стороны КНР, сдерживая широкомасштабные поставки сырьевых товаров из России на провинциальном уровне¹. В свою очередь, товарооборот между Китаем и Респуб-

¹ Изотов Д.А. Торговые взаимодействия регионов КНР с Россией: эффект границ // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 3. С. 24–51.

ликой Корея осуществлялся преимущественно промышленными товарами, а создание ЗСТ между странами было необходимым для снижения обоюдной тарифной нагрузки, сдерживающей взаимный товарообмен.

Сравнительный эффект границ в торговле Китая с КНДР составил 82%. Данное обстоятельство указывает на то, что несмотря на значительную долю Китая в торговле КНДР и специфику сложившихся тесных двусторонних торгово-экономических отношений, КНР способен нарастить товарообмен с данной страной, в случае роста экономики КНДР и снижения барьеров в торговле между странами.

Япония. Меньшими значениями сравнительного эффекта границ с третьими странами, чем со странами СВА характеризовалась Япония, что указывает на наличие потенциала для увеличения товарооборота данной страны с экономиками субглобального региона. Следует заметить, что импортная пошлина Японии являлась одной из самых низких в мире, при этом японская сторона практиковала нетарифные ограничения. Помимо этого, японская сторона имела довольно непростые внешнеполитические отношения с КНДР¹, в том числе по этой причине сравнительный эффект границ в торговле Японии с зарубежными странами был самым высоким с КНДР. Несмотря на формальное отсутствие принципиальных внешнеполитических разногласий между Японией и Республикой Корея по отношению к третьим странам, между данными государствами имеются неразрешенные противоречия². Значение сравнительного эффекта границ торговли Японии с Республикой Корея было в два раза ниже, чем КНДР, составив 35%.

Сравнительный эффект границ Японии с Китаем составлял 29%, указывая на возможность заметно нарастить двусторонний товарооборот в случае создания «глубокого» интеграционного формата между странами. Однако, как показывает опыт переговоров по ВПТТП, к участию в подобных форматах руководство КНР в ближайшей перспективе не готово, исходя из структурных особенностей китайской экономики³, поскольку требует проведения реформ национальной экономики для соблюдения прав интеллектуальной собственности и наемных работников, экологических норм, режима недискриминационного доступа к национальному рынку, правил определения происхождения товаров, а также ограничений в субсидировании экспорта государственных предприятий.

Торговля Японии с Россией и Монголией характеризовалась меньшей интенсивностью по сравнению с третьими странами, при этом имела небольшой масштаб, по причине того, что импорт из указанных стран на японский рынок формировался главным образом сырьевыми товарами, необлагаемыми импортными пошлинами при ввозе на японскую территорию. В свою очередь, японский

¹ *Kaseda Y.* Japan's Power Shift and Its DPRK Policy // *Pacific Focus*. 2010. Vol. 25. Pp. 237–256.

² *Kim J.Y.* Escaping the Vicious Cycle: Symbolic Politics and History Disputes between South Korea and Japan // *Asian Perspective*. 2014. Vol. 38. Issue 1. Pp. 31–60.

³ *Jiang H., Yu M.* Understanding RCEP and CPTPP: From the Perspective China's Dual Circulation Economic Strategy // *China Economic Journal*. 2021. Vol. 14. Issue 2. Pp. 144–161; *Изотов Д.А.* Либерализация торговли России со странами Европейского союза, БРИКС и Транстихоокеанского партнерства // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 3. С. 133–141.

экспорт в Россию ограничивался относительной удаленностью российского рынка, который преимущественно располагается в европейской части, а также его специфичностью, ввиду наличия санкционных ограничений. Создание Японией ЗСТ+ с Монголией, которое имело скорее политические мотивы, не способствовало значительному наращиванию японского экспорта на монгольский рынок, по причине его недостаточной емкости.

Республика Корея. За исключением Монголии, торговля Республики Корея со странами СВА характеризовалась меньшей интенсивностью по сравнению с третьими странами, указывая на потенциал для ее наращивания. По причине внешнеполитических конфликтов в большей степени с КНДР и в меньшей степени – с Японией, сравнительный эффект границ Республики Корея с данными странами был высоким. Значения эффекта границ Республики Корея с Китаем и Россией были сопоставимы. Повторяя вышеобозначенное, создание ЗСТ+ между Республикой Корея и Китаем снизило барьеры для торговли промышленными товарами. Что касается торговли с Россией, то импорт в Республику Корея преимущественно состоял из российских сырьевых товаров, не облагаемых южнокорейской стороной импортными пошлинами, а ввоз на российский рынок из Республики Корея затруднялся относительно высокими барьерами для традиционных товаров южнокорейского экспорта.

Россия. Также как и для стран Большой тройки СВА, торговля России с Монголией являлась базовой величиной для расчета сравнительного эффекта границ. Российско-монгольская торговля формировалась главным образом сырьевыми товарами или товарами с малой степенью переработки, которые практически не облагались импортными пошлинами. Монголия длительное время являлась чистым импортером товаров из России за счет поставок российских нефтепродуктов, чем и объяснялось низкое значение сравнительного эффекта границ между странами.

Сравнительный эффект границ в торговле России с Японией был высоким, составив 137%, что соотносится с выводами ранее проведенного исследования¹. Низкая интенсивность торговли с Японией для России объяснялась ужесточением правил вывоза российских сырьевых товаров², а также ввоза японских товаров на российский рынок. Безусловно, сдерживающим фактором для расширения двусторонней торговли являлись санкции, применяемые к российской экономике, начиная с 2014 г., которые затруднили приток японских прямых капиталовложений в добычу углеводородного сырья на Дальнем Востоке России. Заключение преференциального торгово-экономического соглашения сдерживалось отсутствием мирного договора между странами, а также интереса с японской стороны. Япония присоединилась к широкомасштабным санкциям, введенных к российской экономике со стороны западных стран в 2022 г. и была отнесена к группе «недружественных» для России стран. Данные обстоятельства негативно повлияли на двустороннюю торговлю, сдерживая ее интенсификацию.

¹ Изотов Д.А. Торговля России со странами Восточной Азии: сравнительные издержки и потенциал // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 3. С. 17–41.

² В частности, необработанной древесины с 2009 г., большая доля которой на японском рынке была постепенно замещена поставками аналогов из других стран АТР.

Как показали оценки, значения низкой интенсивности торговли России с Японией соотносились с аналогичным показателем для российской торговли с КНДР, сравнительный эффект границ с которой составил 135%. Торговля России с КНДР сдерживалась санкциями ООН, к которым присоединилась и российская сторона, также, в 2021–2023 гг. двусторонний товарообмен практически не осуществлялся, в том числе по причине изоляции северокорейской экономики во время пандемии. В условиях расширения санкций против российской экономики, товарооборот между странами способен возрасти, преимущественно за счет экспорта товаров из России, при этом может проявиться проблема балансирования сальдо баланса, которая может быть решена за счет импорта услуг северокорейской рабочей силы, что в современных условиях представляется реалистичным вариантом развития событий.

Далее, в торговле России с Китаем также наблюдалось высокое значение сравнительного эффекта границ, указывая на наличие потенциала для расширения товарооборота. С 2010-х гг. на быстрорастущий китайский рынок стало ориентироваться большинство реализуемых в азиатской части России сырьевых проектов, что потребовало создания и расширения транспортно-транзитной инфраструктуры для вывоза таких товаров в КНР. Следует заметить, что страны ЕАЭС, в число которых входит Россия, практикуют высокие барьеры для ввоза готовой промышленной продукции на объединенный рынок. В свою очередь, как было обозначено, Китай осуществляет взимание небольших импортных пошлин с ввозимых на китайскую территорию сырьевых товаров, а также характеризуется высокими барьерами межрегиональных торгово-экономических взаимодействий. Повышение интенсификации торговли возможно как в случае создания интеграционного формата между странами, так и в результате расширения транспортной инфраструктуры для последующего перенаправления экспортной российской продукции на китайский рынок. Ограничения к экономике России с 2022 г. с одной стороны, способствовали расширению российско-китайской торговли, с другой – указали на ее зависимость от риска вторичных санкций к китайскому корпоративному и банковскому секторам, что способно «законсервировать» текущее положение без дальнейшего существенного прогресса в торгово-экономических взаимодействиях между странами. В таких обстоятельствах для России имеется также риск политически обусловленной привязки к экономике Китая, в том числе в рамках проекта «Один Пояс – Один Путь».

Сравнительный эффект границ в торговле России с Республикой Корея составил 119%, что также указывает на имеющийся потенциал для расширения товарообмена между странами. Республика Корея вплоть до 2022 г. всегда была для России наименее «проблемной» страной СВА как с точки зрения политических, так и экономических взаимодействий. Возможности для существенного расширения торгово-экономического сотрудничества были приостановлены в явном виде после 2014 г. Тем не менее, в связи с наличием высоких импортных пошлин на ряд товаров, ввозимых на российский рынок в рамках ЕАЭС, корпоративный сектор из Республики Корея реализовал ряд инвестиционных проектов на территории России. С 2022 г. Республика Корея с определенным временным лагом присоеди-

нилась к антироссийским санкциям, став для России «недружественной» страной, что в целом негативно повлияло на экономические взаимодействия между странами, поскольку сократило выпуск южнокорейской продукции на российской территории, а также сузило возможности для поставок на южнокорейский рынок традиционной продукции российского экспорта, несмотря на некоторое увеличение доли в торговле в 2023 г. Более того, торговые взаимодействия между странами могут еще больше сократиться в связи с политическим сближением России с КНДР.

Монголия. Как показали расчеты, в случае торговли с Россией, Монголия имела самую высокую интенсивность торговли с зарубежными странами. С другими странами СВА, помимо России, Монголия торговала менее интенсивно, чем с третьими странами, основными из которых были государства, входящие в ЕС. Как показали расчеты, высокое значение сравнительного эффекта границ у Монголии наблюдалось с КНДР, поскольку между странами фактически отсутствовал товарообмен. Возможности для расширения такого специфического партнерства представляются ограниченными.

Несмотря на наличие довольно протяженной монголо-китайской государственной границы и самую высокую долю Китая в товарообороте Монголии, сравнительный эффект границ данной страны с КНР составил 293%, указывая с одной стороны на наличие заметного потенциала для расширения торговых взаимодействий двух экономик, а с другой – на проявление политики диверсификации внешней торговли Монголии. Создание интеграционного формата между странами при прочих равных условиях могло бы существенно нарастить внешнеторговый товарооборот Монголии, однако, недостаточное развитие транспортной инфраструктуры, а также особенности внутривнутриполитического процесса в данной стране сдерживают сближение монгольской экономики с КНР. Наряду с этим, Монголия экспортирует сырьевые товары, которые практически не облагаются пошлинами на китайской территории и приобретаются практически полностью китайскими компаниями. С этой точки зрения, можно предположить, что создание интеграционного формата с КНР для Монголии не является первостепенной задачей. Однако расширение стоимостных объемов торговли Монголии с китайским рынком может стимулироваться на основе реализации долгосрочного двустороннего сотрудничества, преимущественно за счет транспортной инфраструктуры, в частности, в рамках инициатив «Один Пояс – Один Путь» и «Степной шелковый путь»¹.

Несмотря на заключение ЗСТ+ с Японией в 2016 г., сравнительный эффект границ в торговле Монголии с японской экономикой также был высоким. Однако интенсивность торговли Монголии с Республикой Корея была выше, чем с Японией. При этом с Республикой Корея Монголия не имела интеграционного формата. Данные обстоятельства указывают на то, что малая сырьевая экономика, ко-

¹ Ganbaatar B., Huang J., Shuai C., Nawaz A., Ali M. Empirical Analysis of Factors Affecting the Bilateral Trade between Mongolia and China // Sustainability. 2021. Vol. 13. Pp. 40–51; Изотов Д.А. Особенности развития приграничной торговли КНР в условиях глобальных вызовов // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 3. С. 46–63.

торой является Монголия, может увеличить внешнюю торговлю за счет снижения барьеров с территориально близкими и крупными экономиками, а для получения заметных торгово-экономических эффектов от интеграции важны экономические предпосылки, которые, в свою очередь, могут нивелироваться за счет особенностей принятия политических решений, которые формируют, в конечном итоге, общий вектор внешнеэкономической политики страны.

КНДР. Оценки для относительно закрытой экономики СВА – КНДР, показали, что данная страна наиболее интенсивно торговала с Китаем. Торговля КНДР с Китаем поддерживалась на всем рассматриваемом временном промежутке, несмотря на санкции, а также ограничений, связанных с пандемией. Более того, в приграничных с КНДР китайских провинциях Ляонин и Цзилинь проживало корейское население, которое было вовлечено в развитие торгово-экономических отношений двух стран¹. Как было показано ранее, КНДР имеет довольно непростые внешнеполитические отношения с Республикой Корея и Японией, торговля с которыми фактически прекратилась с 2010 г., что отразилось в высоких значениях сравнительного эффекта границ. Интенсивность торговли КНДР с третьими странами была ниже, чем с Монголией и Россией, с которыми страна торговала эпизодично, фактически прекратив товарооборот в 2021–2023 гг. во время пандемии и в первый год после нее. Исходя из современных реалий, можно утверждать, что экономика КНДР, а также ее внешнеторговые связи, довольно тесно связаны с китайским рынком при текущей невозможности расширения каких-либо инициатив с Республикой Корея и Японией. При этом за последние годы наблюдается политическое сближение КНДР с Россией, что может отразиться в возобновлении торговых взаимосвязей между странами.

Таким образом, практически все национальные экономики субглобального региона торговали с другими странами СВА менее интенсивно, чем с третьими странами, указывая на наличие сравнительно высоких барьеров, отраженных в эффекте границ. При прочих равных условиях, снижение данных барьеров в торговле между странами СВА способно вызвать увеличение товарооборота в субглобальном регионе за счет реализации имеющегося потенциала торгово-экономических взаимодействий.

По причине сосредоточения между странами Большой тройки основного объема товарооборота СВА, снижение барьеров в торговле между КНР, Японией и Республикой Корея за счет ослабления отклонения их торговли в пользу третьих стран способно, при прочих равных условиях, нарастить товарооборот в субглобальном регионе в целом. При этом оценки указали на наличие высоких барьеров в торговле между Японией, с одной стороны, и КНР с Республикой Корея – с другой. Отсутствие интеграционного формата между странами Большой тройки СВА сдерживало торговлю в субглобальном регионе. При этом создание интеграционного формата странами Большой тройки СВА не приведет к нивелированию всех барьеров в торговле, а только их снизит до определенного уровня, как в случае

¹ *Hastings J.V., Wang Y.* Informal Trade along the China – North Korea Border // *Journal of East Asian Studies*. 2018. Pp.1–23.

ЗСТ+ между КНР и Республикой Корея. Поскольку товарооборот указанных трех стран формировался промышленными товарами с высокой добавленной стоимостью, для заметного снижения барьеров в торговле между странами Большой тройки СВА необходимы усилия по созданию «глубокого» интеграционного формата по аналогии с ВПТТП¹, что предполагает реформирование экономики Республики Корея и особенно КНР. В этом случае, товарооборот между странами Большой тройки СВА и субглобального региона может заметно возрасти.

Россия и Монголия характеризовались высокими барьерами со странами Большой тройки СВА. Поскольку основным торговым партнером России и Монголии являлся Китай, то для данных стран сближение с китайской экономикой способно заметно увеличить их внешнюю торговлю. Поскольку Россия и Монголия поставляют на китайский рынок сырьевые товары, которые Китай практически на облагает импортными пошлинами, имеется проблема доступа для товаров данной группы на внутренний рынок КНР, минуя межпровинциальные барьеры, которые в пространственном измерении ограничивают поставки российской и монгольской продукции с низкой добавленной стоимостью. С этой точки зрения, важным компонентом для дальнейшего сближения российской и монгольской экономик с одной стороны и Китая – с другой, является доступ китайской продукции на рынок ЕАЭС и Монголии в рамках реализации политики по снижению барьеров между странами, а также возможность для диверсификации поставок российской и монгольской продукции в рамках внутреннего рынка КНР, что при прочих равных условиях может быть реализовано следующими способами: приток прямых китайских капиталовложений в транспортный и ресурсный секторы экономики данных стран; заключение соглашений, облегчающих доступ товаров на китайский рынок, минуя посредников в приграничных провинциях. Указанные аспекты требуют не только создания интеграционного формата между странами, а скорее наращивания взаимодействий в рамках совместных проектов, даже в условиях текущих экзогенных ограничений.

Что касается КНДР, то оценки показали на привязку данной экономики к китайскому рынку, а также на высокие барьеры в ее торговле с Республикой Корея. КНДР можно охарактеризовать как страну, имеющую «скрытый» потенциал для торгового сотрудничества, который существенно сдерживается особенностями ее экономики, внешней и внутренней политики, а также значительными внешними ограничениями, которые совокупно создают непреодолимые барьеры для развития торговых отношений с рядом соседних стран, формируя довольно узкий коридор для ее взаимодействий исключительно с китайской экономикой. В случае снижения данных барьеров, КНДР может значительно нарастить товарооборот, прежде всего, с Республикой Корея – с территориально близким и одним из крупных зарубежных рынков, со страной, имеющей общий язык с КНДР и некогда единую историю.

¹ Xu Y., Yang X., Mai N. Impacts of Deep Trade Agreements on Trade and Welfare – An Application to China Joining the RCEP and CPTPP // The Journal of International Trade & Economic Development. 2024. Pp. 1–23.

В результате, полученные оценки указали на имеющиеся экономические предпосылки для расширения торговли в СВА, в которой Китай способен играть связующую роль между странами Большой тройки и «периферийными» экономиками субглобального региона. По всей видимости, китайская сторона осознает свои преимущества в СВА, способствуя дедиверсификации торговли «периферийных» экономик в пользу собственного рынка, осуществляя при этом поэтапное сближение с Республикой Корея, посредством двусторонней ЗСТ и с Японией – через механизмы многостороннего формата ВРЭП. В результате реализации такой внешнеэкономической политики, китайская экономика получает преимущества в своем развитии, став для всех стран СВА в текущих условиях наиболее эффективным, либо, в ряде случаев, единственно возможным торгово-экономическим партнером. Несмотря на то, что снижение барьеров может способствовать расширению внутрирегиональной торговли, накопившиеся внешнеполитические противоречия между некоторыми странами субглобального региона, а также политическое и экономическое влияние третьих стран, значительно затрудняют реализацию имеющегося потенциала торгово-экономического сотрудничества между странами СВА.

Заключение

В 2000-е гг. казалось, что страны СВА смогут отложить на второй план накопленные политические противоречия, сосредоточившись на совместном развитии экономик, создав основу для экономической интеграции на субглобальном уровне¹. Однако, прошедшее десятилетие (2014–2023 гг.) являлось периодом проявляющейся нестабильности в мировой экономике и политике, создав предпосылки для глобальной и субглобальной «фрагментации». Ситуация для СВА уникальна тем, что за последние годы геополитические интересы и проблемы безопасности входящих в ее состав стран – России, Китая и КНДР с одной стороны, Японии и Республики Корея – с другой, стали создавать довольно непростые условия для политических и экономических взаимодействий в рамках субглобального региона. Поэтому, в СВА в рамках последнего десятилетия экономическая структура взаимодействий стала в неявном виде трансформироваться, несмотря на инерционное продолжение торгово-инвестиционных взаимосвязей в рамках Большой тройки.

Важным аспектом экономики субглобального региона являются особенности развития стран в него входящих, которые, в свою очередь, разделяются на следующие группы: КНР, Япония и Республика Корея – «восточноазиатская» модель экономики; Россия и Монголия – сырьевая модель экономики; КНДР – санкционная экономика, функционирующая за счет экспорта рабочей силы. Каждая из указанных групп стран в рассматриваемый период в явном виде столкнулась в том или ином виде с ограничениями, исходя из реализуемой ими модели экономического развития, которые способны оказать влияние на перспективные взаимодействия в СВА.

В 2014–2023 гг. экономический рост Китая продолжал сильно зависеть от экспорта, а внутренний спрос играл второстепенное значение; поддержание низкой себестоимости производства товаров в КНР за счет института прописки становилось все более затруднительным; общая эффективность капиталовложений в китайскую экономику снижалась. Развитие китайского рынка жилой недвижимости на основе экстенсивного роста начало оборачиваться отрицательными последствиями для экономики. Тем не менее, в рамках рассматриваемого периода профицит торгового баланса Китая стал формироваться предприятиями не зарубежного, а отечественного сектора экономики, причем исключительно за счет частных предприятий, указывая на возможность построения КНР корпораций, конкурентоспособных на глобальном уровне. По мере усложнения национальной экономики, развитие экспорта КНР стало все больше увязываться с замещением импорта промежуточных товаров китайскими аналогами. Фактически, в рамках

¹ Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии (институциональные аспекты) / отв. ред. П.А. Минакир. Владивосток: ДВО РАН, 2005. 256 с.

рассматриваемого периода рост китайской экономики поддерживался благодаря ее уникальным масштабным характеристикам, сглаживающим структурные риски, которые, в первую очередь, являлись следствием функционирования «восточноазиатской» модели развития. Анализ также указал на возможность попадания китайской экономики в «ловушку среднего дохода», существенно ограничивая возможность перехода Китая в число развитых стран.

В свою очередь, экономика Японии в рамках рассматриваемого десятилетия находилась в стагнации, постепенно теряя позиции в мире и в СВА. Экономический рост Японии сдерживался снижением внутреннего потребления в связи с высокой склонностью к сбережению, со старением населения и его депопуляцией, а также со структурными проблемами рынка труда. Япония постепенно утрачивала конкурентные преимущества в экспортно ориентированных отраслях, а проведенная ранее деиндустриализация стала одной из причин формирования отрицательного сальдо торгового баланса. Политика, направленная на решение сложившихся трудностей в японской экономике («абэномика»), принесла крайне неоднозначные результаты, не смягчив фундаментальные проблемы «восточноазиатской» модели экономического развития.

Третья страна СВА, развивающаяся в рамках «восточноазиатской» модели – Республика Корея, в 2014–2023 гг. основную ставку сделала на рост экспорта, который, несмотря на положительные промежуточные результаты, повысил уязвимость страны перед внешними рисками, прежде всего, связанными с замедлением роста экономики Китая, протекционизмом, нарушением цепочек поставок, а также экономическим и политическим противостоянием США и КНР. Тем не менее, за счет экстенсивного расширения сети ЗСТ+ со странами мира, а также вложений в наукоемкие экспортно ориентированные отрасли экономики, Республика Корея с переменным успехом старалась поддерживать затухающие темпы экономического роста, стараясь отсрочить неминуемое наступление застоя в развитии экономики по японскому образцу.

В 2014–2023 гг. помимо проблем, связанных исключительно с функционированием сырьевой экономики, Россия столкнулась с трудностями, относящимися к санкционным ограничениям, которые, по всей видимости, будут определять конфигурацию ее внутренней и внешней экономической политики в перспективе. Наблюдалось смещение торговых потоков России с европейского рынка в пользу «дружественных» стран, прежде всего, Китая и Индии. На этом фоне наблюдалось ранее существующее эндогенное сопротивление процессу открытия внутреннего рынка; рост барьеров во внешнеторговых взаимоотношениях; замещение положительных эффектов от интеграции с крупными и близкими субглобальными экономиками поддержанием значительных объемов чистого экспорта, что создавало условия для реализации политически обусловленных форматов интеграции. В 2022–2023 гг. фиксировалась перестройка российской экономики с точки зрения сокращения импорта на фоне увеличения барьеров со стороны западных стран, роста импортозамещения несложной продукции, упрощения цепочек добавленной стоимости, увеличения государственного сектора экономики за счет

выпуска субсидируемой продукции, резкое сокращение импорта, а также создания барьера для оттока капитала.

Экономика Монголии также развивалась в рамках сырьевой модели, находясь в зависимости от конъюнктуры цен на уголь и медь, испытывая негативные эффекты от достаточно слабых институтов. Тем не менее, монгольская экономика, несмотря на тесную привязку к китайскому рынку, в среднем в рамках рассматриваемого периода имела положительные темпы роста. Серьезной проблемой монгольской экономики была недостаточно развитая инфраструктура, большое неравенство в доходах населения и низкая эффективность ряда отраслей экономики. Другая «периферийная» экономика СВА – КНДР, за время применения санкционных ограничений приспособилась к новым условиям, используя механизм непрямого участия в международной торговле, прежде всего, за счет тесных взаимодействий с Китаем. Экспорт рабочей силы из КНДР в 2014–2023 гг. продолжал осуществляться по неофициальным каналам, а внешнеторговый оборот осуществлялся в рамках механизма «теневой» торговли, являющийся дополнительным источником валютных доходов.

В начале 2020-х гг. страны СВА одними из первых в мире столкнулись с распространением COVID-19. Меры государственной политики стран СВА для борьбы с коронавирусом были связаны с высокими экономическими издержками и были реализованы разными способами, ввиду системных, масштабных и структурных особенностей их экономик. В Китае, вплоть до конца 2022 г. реализовывалась стратегия «нулевой терпимости» к COVID-19, предусматривающая жесткие меры для снижения распространения коронавируса. Для поддержания экономики в КНР главным образом наращивались государственные капиталовложения в инфраструктуру, расходы на социальные нужды, осуществлялись попытки нормализовать находящийся в состоянии кризиса рынок недвижимости, а также стимулировать приток ПИИ. В Японии, несмотря на самые высокие затраты на поддержку экономики в условиях пандемии, осуществляемые в рамках «абэномики», накопившиеся структурные экономические проблемы стали существенными ограничителями для принимаемых мер государственного стимулирования. В результате, японское руководство на фоне негативных процессов на рынке труда привлекало капитал в цифровые и «зеленые» технологии для стимулирования перспективного роста экономики. В Республике Корея, в условиях пандемии, осуществлялась поддержка малого бизнеса и потребления, решались проблемы функционирования рынка недвижимости, а также финансировались программы развития инновационной экономики для поддержки наукоемкого экспорта. Государственные меры поддержки российской экономики в целом характеризовались больше социальной направленностью, чем расширением производственных и инфраструктурных капиталовложений, а введенные в конце пандемии «широкомасштабные» санкции привели к трансформации внешних рынков сбыта экспорта России, отчасти вызвав структурную перестройку ее экономики. Правительство Монголии опиралось на внешнюю поддержку национальной экономики в период пандемии и реализовывало некоторые инвестиционные проекты, подтвердив положение о том, что по причине своего малого масштаба даже сравнительно не-

большие капиталовложения способны стимулировать экономическое развитие данной страны, а открытие границ с КНР способствовало автоматическому восстановлению монгольской экономики. В условиях сдерживания распространения COVID-19 мотивация руководства КНДР сводилась преимущественно к поддержанию политической стабильности в условиях изоляции. В связи с возобновлением и расширением торговых взаимодействий с Китаем экономическая ситуация в КНДР стала постепенно нормализоваться.

Что касается внешнеполитических аспектов, то для геополитической ситуации в СВА было характерно обострение военно-политического и экономического противостояния между двумя блоками стран – российско-китайского стратегического партнерства и политического альянса между Японией и Республикой Корея под патронатом США. Однако пандемия COVID-19 в целом способствовала консолидации двусторонних китайско-южнокорейских связей, но ослабила китайско-японские взаимодействия и зафиксировала японо-южнокорейские отношения на ранее достигнутом уровне. При этом страны Большой тройки СВА были заинтересованы в достижении долгосрочного взаимоприемлемого баланса своих интересов в субглобальном регионе.

В условиях продолжающихся многие годы антироссийских санкций, в США не приветствовали расширение Японией и Республикой Корея экономических связей с Россией и противодействовали возможности вхождения японских и южнокорейских компаний в энергетические проекты в этом субглобальном регионе и в Арктике. В целом, за исследуемый период Китай стал ведущим стратегическим партнером России в мире и в развитии российского Дальнего Востока. Помимо КНР, «дружественное» по отношению к России геополитическое пространство в СВА было также представлено двумя малыми странами – Монголией и КНДР. Несмотря на относительно ограниченный экономический потенциал Монголии и КНДР, фактор объективно сложившегося приоритетного экономического и внешнеполитического взаимодействия этих стран с Россией и Китаем будет продолжать оказывать долгосрочное влияние на развитие геополитической ситуации в СВА.

С началом специальной военной операции отношения России и КНР продолжали развиваться как приоритетные для обеих сторон, а курс Японии и Республики Корея по отношению к России был скорректирован на более негативный. Все это свидетельствует о формировании и углублении в дальнейшем тенденции к осложнению многосторонних взаимодействий в СВА, означая переход к «фрагментации» внешнеполитических взаимодействий в субглобальном регионе. С учетом этих факторов именно двусторонние межгосударственные отношения стран Большой тройки СВА выступают основным переговорным форматом для поиска путей преодоления существующих между странами проблем и противоречий во внешнем взаимодействии и поиска возможностей их преодоления и разрешения. В таких условиях некоторые проекты экономической кооперации между странами СВА были досрочно завершены.

Тем не менее, при наличии геополитических и внешнеполитических противоречий, ключевые экономики СВА продолжали использовать механизмы расши-

рения кооперации и интеграции. Так, среди стран СВА Республика Корея занимала наиболее активную и конструктивную позицию по расширению интеграционных форматов с зарубежными странами, имея доступ через механизмы глобальных и субглобальных соглашений практически ко всем крупнейшим рынкам мира. В начале 2000-х гг. ожидалось, что будет заключена ЗСТ+ между странами Большой тройки, которая могла бы стать интеграционной основой для всей экономики СВА. Однако создавшие интеграционный формат Республика Корея и Китай не добились большого прогресса в переговорах с японской стороной, которая требовала значительной либерализации торговли. Данные обстоятельства указывают на постепенное дистанцирование Японии от Китая и Республики Корея с точки зрения двустороннего свободного обмена товарами и услугами. В таких условиях страны Большой тройки СВА осуществили интеграцию в рамках ВРЭП, менее требовательного формата по снижению обоюдных барьеров.

В свою очередь, Россия и Монголия, имеющие отличные от стран Большой тройки СВА структуры экономики, не наращивали своего участия в интеграционных форматах. Недостаточная мотивация у России и Монголии в снижении барьеров со странами СВА объяснялась отсутствием внутреннего спроса на сближение с данными рынками. Россия осуществляла интеграционные форматы с рядом стран постсоветского пространства, причем взаимоотношения находились за рамками экономических мотивов. Для Монголии подписанный с Японией интеграционный формат является единственным, и, по всей видимости, политически обусловленным. КНДР, несмотря на введенные против нее широкомасштабные санкции, использовала некоторые международные механизмы для торговых взаимодействий с другими развивающимися странами, однако не создала ни одного двустороннего интеграционного формата, опираясь на экономические взаимодействия с КНР.

Рынок СВА является одним из крупнейших в мире. За рассматриваемое десятилетие в субглобальном регионе наблюдалась ориентация стран Большой тройки СВА на торговлю с третьими странами и постепенное ослабление торговых взаимодействий между ними, особенно между Японией и Республикой Корея. С этой точки зрения при важности «гравитационного» притяжения между экономиками субглобального региона, отсутствие заключения продвинутого интеграционного формата в СВА, а также вероятное исчерпание позитивного влияния членства стран в ВТО, способствовали общему переключению части торговых потоков, главным образом сложных промышленных товаров, на рынки третьих стран.

Наблюдалось притяжение остальных экономик СВА к Китаю в условиях благоприятных двусторонних политических отношений, создания экзогенных барьеров для взаимодействия с развитыми странами для российской и северо-корейской экономик, а также отсутствия других альтернатив для монгольской экономики. Санкционные ограничения к российской экономике способствовали наращиванию российско-китайской торговли, отодвинув на неопределенный период привлечение массового японского и южнокорейского капитала в трансграничные территории России для увеличения взаимного товарооборота и построения свя-

зующей инфраструктуры в субглобальном регионе, нивелировав тем самым возможности создания в СВА многостороннего кооперационного формата. Наряду с этим, большие трудности для расширения внешнеэкономических отношений со странами СВА имеются у КНДР, существенно сужая возможности включения данной экономики в торговые взаимодействия в рамках субглобального региона.

При этом страны Большой тройки СВА существенно продвинулись в снижении барьеров в рамках инвестиционного сотрудничества. По мере роста экономики, Китай стал все больше расширять в глобальном масштабе свои экономические интересы, в том числе в рамках инвестиционного сотрудничества, особенно в условиях экономического и политического противостояния с США. Данное расширение имеет экстенсивный характер по причине текущей невозможности для Китая присоединяться к более «глубоким» форматам торгово-экономической интеграции. Можно предположить, что таким образом Китай постепенно создает предпосылки для закрепления своего корпоративного сектора в широком по охвату числе стран в рамках реализации инициативы «Один Пояс – Один Путь», в том числе включая Россию, Монголию и КНДР.

Взаимные ПИИ в СВА играли заметную роль, прежде всего, для Республики Корея. При этом наблюдалась более активная позиция японских ТНК в формировании своих цепочек создания стоимости и производственной кооперации в субглобальном регионе. В целом, инвестиционные взаимодействия в СВА в форме ПИИ носили устойчивый характер и поступательно развивались в сравнении с общими негативными тенденциями в мировых потоках ПИИ, в условиях их субглобальной «фрагментации» и роста геополитической напряженности. При этом, после 2022 г. наблюдалась снижение взаимодействий КНР с мировым рынком капитала, что было связано с существенным уменьшением как вложений зарубежных ТНК в китайскую экономику и трансформацией направлений китайских ПИИ в мире. Несмотря на то, что ПИИ играли большую роль в экономике Монголии, в общем объеме привлеченных ПИИ в СВА они были незначительны. По причине санкций, КНДР и Россия (с 2022 г.) к 2023 г. были экзогенно ограничены в инвестиционном сотрудничестве в рамках СВА.

Важным компонентом экономического сотрудничества и функционирования ряда стран СВА является сухопутный и морской транспорт. Несмотря на то, что большая часть международной торговли осуществлялась посредством морских перевозок, формирование сухопутных международных транспортных коридоров рассматривается как альтернатива.

Основной грузопоток сухопутных транспортных коридоров в СВА формировался обслуживанием торговли между КНР и ЕС, а железнодорожный транспорт использовался в качестве ключевого. К стимулирующим факторам развития сухопутных перевозок относилось субсидирование железнодорожных контейнерных перевозок и снижение административных ограничений, а к сдерживающим – дисбаланс грузопотока между КНР и ЕС, различие национальных стандартов колеи железных дорог. Развитие сухопутных транспортных коридоров с участием стран СВА продолжалось, в том числе за счет строительства и модернизации отдельных участков дорожной сети. Рост санкций против российской экономики с

2022 г. создал технические барьеры со странами ЕС, но стимулировал развитие международных железнодорожных перевозок между Россией, КНР и Монголией и формирование новых коридоров в рамках диверсификации поставок товаров. Рост объемов перевозок железнодорожным транспортом между Россией и странами СВА происходил в условиях инфраструктурных ограничений на подходах к Тихоокеанским морским портам России. В таких условиях реализация совместных проектов в сфере развития железнодорожного сообщения между Россией, КНР, Монголией и КНДР имела высокую значимость.

Морские судоходные линии СВА были включены в глобальную сеть морских транспортных коридоров, которая состоит из магистральных и второстепенных маршрутов. Сеть морских транспортных коридоров СВА развивалась в сложных экономических условиях и изменялась под воздействием глобальных факторов, которые вызывали структурные сдвиги в морских перевозках. В целом, существующая транспортная инфраструктура СВА сталкивалась с рядом трудностей по причине недостаточной развитости инфраструктуры и логистического сервиса интермодальных перевозок, а также отсутствия технической совместимости в международных пунктах пропуска. Предполагается, что при прочих равных условиях создание транспортных коридоров в СВА позволит образовать единое транспортное кольцо, тем самым существенно усилив позиции субглобального региона в мировом морском пространстве.

При этом санкции против России оказали влияние на глобальную цепочку поставок и затормозили развитие транспортной инфраструктуры на второстепенных маршрутах. Ограничительные меры для российских судов привели к тому, что иностранные поставщики были вынуждены изменить транспортные маршруты, исключая российскую территорию, опасаясь получить ответные санкции со стороны западных стран, что привело к формированию интермодальных перевозок в обход России из Китая в ЕС, а также способствовало развитию СМП и внутренних водных транспортных коридоров. При перевалке контейнеров российские порты столкнулись с инфраструктурными проблемами, из-за большой загруженности и ввиду дефицита судов из-за ухода с российского рынка крупных операторов контейнерных перевозок. Взамен им на рынок пришли азиатские операторы с флотом меньшего тоннажа, что увеличило число промежуточных погрузо-разгрузочных операций в портах. Также, из-за дефицита провозной способности Восточного полигона, наблюдались проблемы, связанные с дисбалансом перевозок экспортных и импортных грузов.

Энергетическое сотрудничество в СВА в основном характеризовалось относительно скромной двусторонней торговлей первичными энергоресурсами, основными поставщиками которых являлись Россия и Монголия, а потребителями – страны Большой тройки. Создание межгосударственного энергообъединения в СВА сдерживалось неспособностью сформировать многосторонний режим сотрудничества, что отражалось в предпочтениях двухсторонних форматов такого рода отношений. Сооружение межгосударственных газотранспортных систем в СВА предполагало использование ресурсной базы России, однако, жизнеспособными оказались только проекты, ориентированные на китайский рынок. Несмотря

на то, что была создана техническая база для реализации проекта Россия – КНДР – Республика Корея, высокие политические и транзитные риски блокировали его развитие. В свою очередь, санкции против российской экономики, ухудшение отношений с Японией не позволяли реализовать проект строительства газотранспортной системы между странами. В рамках рассматриваемого периода наблюдалось коренная перестройка энергетического сотрудничества в СВА после введения против России санкций с 2014 г., а именно – стратегический «разворот» экспортных потоков российских энергетических ресурсов в пользу китайского рынка.

Важным аспектом определения перспектив субглобального региона является анализ направлений экономического развития стран, в него входящих, а также оценка потенциала торгово-экономической интеграции с точки зрения возможных конкурентных стратегий каждой страны СВА. Следует заметить, что уже в среднесрочной перспективе могут ожидать некоторые изменения как в развитии экономик СВА, так и в балансе экономических сил в субглобальном регионе.

Что касается крупнейшей экономики СВА – КНР, то в среднесрочной перспективе имеются основания для ее перехода в «застойное» состояние. С одной стороны, сохранение текущей модели экономики Китая приводит к накоплению серьезных структурных проблем и к еще большему снижению ее эффективности, а с другой – ее реформирование способно привести к неоправданно большим издержкам. Поэтому в среднесрочной перспективе выделяются два направления среднесрочного развития китайской экономики: сохранение текущих механизмов функционирования экономики; попытка улучшения качественных характеристик экономического развития КНР на основе поэтапного смягчения структурных проблем. В рамках указанных сценариев Китай будет стремиться сохранить экспортную составляющую экономического роста, свое присутствие на рынке западных стран, а также получить доступ к рынкам прочих стран в рамках кооперационного проекта «Один Пояс – Один Путь». Сближение Китая со странами ВРЭП также может увеличить его внешнюю торговлю и усилить ориентацию экономики КНР на ближайшие и крупные рынки. Китай может осуществить пролиферацию ЗСТ+ с другими странами и их объединениями, например, со странами ЕАЭС, некоторыми странами БРИКС и ШОС. Возможное экономическое сближение ВРЭП с ВПТТП может также выступить в роли важного внешнего фактора расширения открытости экономики Китая. При этом риски ограничения доступа Китая к передовым технологиям из развитых стран могут привести к снижению роста производительности в экономике КНР, что в совокупности с системными проблемами способно существенно затормозить ее развитие.

В среднесрочной перспективе, как предполагается, Япония перейдет к «нулевым» темпам экономического роста. Увеличение доли старших возрастных групп в структуре населения вызовет рост социальных расходов, при этом население Японии заметно сократится. Соответствующие преобразования будут способствовать поддержанию стабильности в текущей негативной ситуации, а не выводу экономики на траекторию положительного роста. Направления внешнеэкономического сотрудничества Японии будут продолжены в рамках стратегии уча-

ствия страны в глобальных производственных цепочках. В обозримой перспективе Япония будет отдавать предпочтение интеграционным форматам за пределами СВА, дистанцируясь от КНР, России и КНДР.

Экономика Республики Корея, также как и КНР, находится на некоторой «развилке» своего дальнейшего развития, поскольку без структурных реформ данную страну ждет долгосрочная стагнация. Республика Корея может сосредоточиться в проведении преобразований, направленных на максимальное использование инновационного потенциала для повышения производительности экономики, расширения наукоемкого экспорта и миграционного притока экономически активного населения. Важным аспектом для Республики Корея в среднесрочной перспективе является необходимость удержания своих позиций как на китайском, американском и европейском рынках.

Для России важным аспектом в среднесрочной перспективе является стабилизация экономики и диверсификации ее экспортных и импортных потоков. В среднесрочной перспективе речь может идти об адаптации российской экономики к имеющимся внешним ограничениям и о поиске дополнительных источников экономического роста в условиях небольшого числа имеющихся возможностей. Уникальность сложившейся ситуации состоит в том, что Россия является одним из крупнейших продуцентов и экспортеров сырой нефти в мире и значительные ограничения на поставку данной продукции российского происхождения приведут лишь к заметному росту цен на указанный сырьевой товар на глобальном рынке. При этом риски, связанные с возможностью расширения экономических санкций, в том числе вторичных, создают значительные препятствия для торгово-экономических взаимодействий с российским рынком. Переориентация России на другие рынки может быть связана с развитием партнерств со странами, формально или неформально не поддерживавших санкции, наиболее крупной из которых является Китай. При этом для России существуют серьезные риски монополии со стороны КНР, значительной девальвации национальной валюты и инфляции.

Экономические перспективы Монголии остаются достаточно благоприятными, но только в условиях растущего внешнего спроса на монгольские сырьевые товары и во время благоприятной ценовой конъюнктуры. Дальнейший рост экономики Монголии зависит от успешности проведения структурных и институциональных реформ, а диверсификация источников и направлений притока ПИИ может стать важнейшим компонентом экономической стратегии страны на перспективу, снижая риски, связанные с внешней конъюнктурой цен на сырьевые товары. Страна может получить выгоду от своего нейтрального статуса в рамках посреднических операций между Россией и КНР, а также от эксплуатации своего транзитного положения.

В среднесрочной перспективе КНДР в условиях санкций, по всей видимости, не станет примером быстрого экономического роста, поскольку в стране уже начался процесс старения населения, а уровень экономически активного населения будет постепенно сокращаться, снижая поток рабочей силы за рубеж. В ближайшей перспективе внешнеэкономические взаимодействия будут осуществлять-

ся в первую очередь с КНР и Россией. Для экономики КНДР может появиться возможность для использования приграничного сотрудничества с китайскими провинциями, а также товарообмен в рамках соответствующих договоров двустороннего сотрудничества, в том числе с Россией.

При прочих равных условиях, снижение различных барьеров между странами СВА способно вызвать увеличение товарооборота в субглобальном регионе за счет реализации имеющегося потенциала торгово-экономических взаимодействий. По причине сосредоточения между странами Большой тройки основного объема товарооборота субглобального региона, снижение барьеров в торговле между КНР, Японией и Республикой Корея способно, при прочих равных условиях, нарастить товарообмен СВА в целом. Для заметного снижения барьеров в торговле между странами Большой тройки СВА необходимы усилия по созданию «глубокого» интеграционного формата по аналогии с ВПТТП, что предполагает реформирование экономики Республики Корея и особенно КНР.

Россия и Монголия характеризовались высокими барьерами со странами Большой тройки СВА. Поскольку основным торговым партнером России и Монголии являлся Китай, то для данных стран сближение с китайской экономикой способно заметно увеличить их внешнюю торговлю. Важным компонентом для дальнейшего сближения российской и монгольской экономик с одной стороны и Китая – с другой, является доступ китайской продукции на рынок ЕАЭС и Монголии в рамках реализации политики по снижению барьеров между странами и диверсификации поставок российской и монгольской продукции в рамках внутреннего рынка КНР. Указанные аспекты требуют не только создания интеграционного формата между странами, но и наращивания взаимодействий в рамках совместных проектов, даже в условиях текущих экзогенных ограничений.

КНДР можно охарактеризовать как страну, имеющую «скрытый» потенциал для торгового сотрудничества, который существенно сдерживается особенностями ее экономики, внешней и внутренней политики, а также значительными внешними ограничениями, которые формируют довольно «узкий» коридор для ее взаимодействий исключительно с китайской экономикой, а также, в некоторой степени, с Россией. В случае снижения барьеров и снятия санкций, КНДР может значительно нарастить товарооборот прежде всего с Республикой Корея.

Накопившиеся внешнеполитические противоречия между некоторыми странами субглобального региона, а также политическое и экономическое влияние третьих стран, значительно затрудняют реализацию имеющегося потенциала торгово-экономического сотрудничества между странами СВА. При прочих равных условиях, данный субглобальный регион мог бы стать одним из успешных интеграционных образований в глобальной экономике, но под влиянием как экзогенных, так и эндогенных факторов и процессов этого не произошло. Во многом из-за непреодолимых трудностей в политических взаимоотношениях между некоторыми странами субглобального региона попытки создания широкого по охвату стран кооперационного, либо интеграционного объединения в СВА потерпели неудачу. Более того, неразрешенные внешнеполитические противоречия между некоторыми странами СВА, особенно касающиеся проблем, связанных с безопас-

ностью, сдерживают торгово-экономическое сближение стран субглобального региона, формируя барьеры, препятствующие реализации между ними многосторонних кооперационных проектов, формируя их интеграционные стратегии в пользу третьих стран.

В результате, полученные оценки указали на имеющиеся экономические предпосылки для расширения торговли в СВА, в которой Китай способен играть связующую роль между странами Большой тройки и остальными экономиками субглобального региона. Указанные процессы способствовали все большему расширению экономического влияния Китая в субглобальном регионе, который на основе расширения торговых взаимодействий сплотил вокруг себя остальные экономики и создал интеграционный формат с Республикой Корея, постепенно изолировал японскую экономику, выступая в роли неформального лидера в СВА. При этом взаимодействия Китая с Японией поддерживаются через механизмы многостороннего формата ВРЭП. Следует заметить, что лидерство Китая в СВА является скорее объективным процессом, поскольку помимо большого масштаба китайской экономики, которая формировала притяжение торговых потоков стран, значительно уступающих ее размеру, Китай стал рассматриваться как наиболее удобный и компромиссный участник торгово-экономических взаимодействий для всех стран субглобального региона, даже конфликтующих между собой. В результате реализации такой внешнеэкономической политики китайская экономика получает преимущества в своем развитии, став для всех стран СВА в текущих условиях наиболее эффективным, либо, в ряде случаев, единственно возможным торгово-экономическим партнером. Однако нельзя исключать, что в условиях нарастающей неопределенности в мировой экономике и политике, а также наличия обозначенных внутренних проблем экономического развития стран СВА, отраженная «конструкция» взаимоотношений в субглобальном регионе в перспективе может быть подвержена трансформации, при ее текущей сравнительной устойчивости.

Безусловно, проведенное исследование по объективным причинам не может отразить абсолютно все аспекты экономических взаимодействий стран СВА. Тем не менее, в целом настоящая работа дает достаточно полное представление об экономическом развитии стран СВА в условиях глобальных вызовов последнего десятилетия.

Список литературы

1. 14 пакетов санкций ЕС против России // ТАСС. 2024. 28 июня. URL: <https://tass.ru/infographics/9767> (дата обращения: 01.10.2024).
2. WSJ предсказала наихудший кризис на рынке жилья Китая // Интерфакс. 2023. 18 октября. URL: <https://www.interfax.ru/business/921259> (дата обращения: 30.10.2024).
3. Анализ существующих международных транспортных коридоров, проходящих через территории государств-членов: аналитический доклад / Департамент транспорта и инфраструктуры ЕЭК. 2019. 24 с. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/abd/Prilozhenie-5-doklad-po-koridoram.pdf> (дата обращения: 08.09.2024).
4. Андрей Слепнев: «Переговоры о заключении временного торгового соглашения с Монголией субстантивно завершены» / Евразийская экономическая комиссия. 2024. URL: https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-peregovory-o-zaklyuchenii-vremennogo-torgovogo-soglasheniya-s-mongolii-substantivno-/?sphrase_id=311335 (дата обращения: 14.09.2024).
5. *Асмолов К.В., Захарова Л.В.* Проблемы и перспективы развития КНДР: прогноз 2021 // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4 С. 134–147.
6. *Асмолов К.В., Захарова Л.В.* Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.
7. *Афонцев С.А.* Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5 (55). С. 193–198. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10>
8. *Бадарев Д.Д.* Проблемы занятости населения в Монголии // Власть. 2013. Т. 21. № 7. С. 78–81.
9. *Базаров В.Б.* Стратегическое партнерство во внешней политике Монголии // Власть. 2019. Т. 27. № 6. С. 302–308. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6868>
10. *Баласян Л.* Россия и Китай договорились проинвестировать совместные проекты на \$1,3 млрд // Коммерсантъ. 2022. 8 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5652855> (дата обращения: 01.10.2024).
11. *Бардаль А.Б.* Россия и Китай: взаимодействия в сфере наземного транспорта на современном этапе // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 2. С. 59–73. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.2.59>
12. *Батунаев Э.В., Григорьева Ю.Г.* Монголия и страны Северо-Восточной Азии: торгово-экономическое и интеграционное сотрудничество (2009–2018 гг.) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 3. С. 15–28. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2019-3/15-28>
13. *Батырь В.А.* Российско-северокорейский проект «Хасан – Раджин» в системе международных экономических ограничений (неприступный российско-

- китайский бастион в КНДР) // Lex Russica. 2018. № 4. С. 53–69. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.137.4.053-069>
14. Безруков Л., Фартышев А. Особенности внешней торговли Монголии: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 3. С. 101–109. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-101-109>
 15. Безруков Л.А., Фартышев А.Н. Развитие медной промышленности России и Монголии: проблема выхода на внешние рынки // ЭКО. 2022. Т. 52. № 6. С. 115–133. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-6-115-133>
 16. Белов А.В. Экономическая политика Японии в период пандемии // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 33–41. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-33-41>
 17. Белов А.В. Япония: экономика и бизнес. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2017. 383 с.
 18. Белоусов Е. Президент Южной Кореи призвал Россию выбрать между двумя Кореями // Коммерсантъ. 2024. 8 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6820103> (дата обращения: 01.09.2024).
 19. Бенгер А.А. Текущее состояние и перспективы развития морских портов Арктики и Дальнего Востока / Морской конгресс – Дальний Восток (30–31 мая 2024 г., г. Владивосток). Панельная дискуссия «Дальневосточные порты и совершенствование береговой инфраструктуры». URL: <https://vld.nevacongress.com/> (дата обращения: 20.06.2024).
 20. Бережная А. Премьер Японии заявил о невозможности экономического сотрудничества с Россией // Lenta.ru. 2022. 22 марта. URL: https://lenta.ru/news/2022/03/22/sotrudnichat_bez_biznesa/ (дата обращения: 01.09.2024).
 21. Бирюков М. Россия запретила Японии рыболовный промысел у берегов Южных Курил // Forbes. 2022. 7 июня. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/468051-rossia-zapretila-aponii-rybolovnyj-promysel-u-beregov-uznyh-kuril> (дата обращения: 01.07.2024).
 22. Бойко А. Мишустин оценил совместные с Китаем проекты в 20 трлн рублей // Ведомости. 2023. 20 декабря. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/20/1011978-mishustin-otsenil-sovmestnie-s-kitaem-proekti> (дата обращения: 10.09.2024).
 23. Более 50% населения КНДР живет без электроснабжения // Neftegaz.ru. 2019. 29 мая. URL: <https://neftegaz.ru/news/energy/451828-bolee-50-naseleniya-kndr-zhivet-bez-elektrosnabzheniya/> (дата обращения: 28.07.2020).
 24. Боровикова К. Вялый внутри, ненадежный извне // Коммерсантъ. 2024. 16 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6836046?from=main> (дата обращения: 01.10.2024).
 25. Бузлаев П. Samsung Heavy прекратила производить оборудование для 10 СПГ-судов «Звезды» // Коммерсантъ. 2023. 26 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6426798> (дата обращения: 01.09.2024).

26. Булатов А.С. Новые тренды в движении капитала в мире и России // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 65–83. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-65-83>
27. Бутрин Д. Пекин снова в московском расписании // Коммерсантъ. 2023. 24 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6000579> (дата обращения: 01.10.2024).
28. В КНР крах рынка жилья еще не закончился – аналитик JPMorgan // Финмаркет. 2024. 3 сентября. URL: <https://www.finmarket.ru/news/6243858> (дата обращения: 30.10.2024).
29. В Корее подсчитали стоимость создания энергокольца в Северо-Восточной Азии // РИА Новости. 2018. 11 декабря. URL: <https://ria.ru/20181211/1547776042.html> (дата обращения: 29.07.2024).
30. В МИД заявили о выполнении резолюции, запрещающей наем рабочих из КНДР // РИА Новости. 2023. 17 декабря. URL: <https://ria.ru/20231217/rezolyutsiya-1916265738.html> (дата обращения: 19.08.2024).
31. В МИД РФ исключили восстановление контактов с Японией в текущих условиях // Ведомости. 2024. 23 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/05/23/1038971-mide-isklyuchili-vosstanovlenie-kontaktov> (дата обращения: 01.09.2024).
32. В РК представлена «Стратегия цепочек поставок 3050» // KBS World Russian. 2023. 13 декабря. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=76622 (дата обращения: 10.09.2024).
33. Вайбузов А. Три кита Восточного: уголь, контейнеры и нефтяные грузы // Морские порты. 2024. № 4. URL: <https://morvesti.ru/analitika/1688/109979/> (дата обращения: 12.06.2024).
34. Валитова Д.В., Кукла М.П. Безусловный базовый доход в Республике Корея: развитие социального обеспечения или популизм? // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 78–89. <https://doi.org/10.31857/S013128120027823-6>
35. Ван И. Китай и Монголия официально запускают исследование осуществимости соглашения о свободной торговле // Russian People. 2018. 24 августа. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0824/c31521-9493715.html> (дата обращения: 01.06.2024).
36. Ван И. Исследование факторов, влияющих на поток прямых инвестиций Китая в соседние страны // Экономические отношения. 2021. Т. 11. № 1. С. 103–120. <https://doi.org/10.18334/eo.11.1.111692>
37. Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 142–148. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_142
38. Великий китайский пузырь // Lenta.ru. 2023. 6 ноября. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/11/06/realestate/> (дата обращения: 30.10.2024).

39. *Виноградова Е.* Росстат зафиксировал рост смертности среди больных COVID в феврале // РБК. 2022. 1 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/04/2022/62470fee9a79476ff43e090c> (дата обращения: 01.11.2024).
40. *Владимиров Е.* Доигрались: мощностей Восточного полигона не будет хватать все следующие 10 лет // Морские вести России. 2024. № 2. С. 46–48.
41. Во ВШЭ описали пути выхода из «лабиринта санкций» // РБК. 2024. 26 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2024/6628f0639a794738d9a21e3e> (дата обращения: 01.10.2024).
42. ВОЗ начала поставки медикаментов от COVID-19 в КНДР // Коммерсантъ. 2021. 7 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5019510> (дата обращения: 01.10.2024).
43. *Волощак В.И., Лукин А.Л.* Российско-южнокорейское сотрудничество в рамках «Новой Северной политики» Республики Корея: предварительные итоги // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 68–80. <https://dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/68-80>
44. *Воронцов А.* Метаморфозы на Корейском полуострове в 2018 г. // Азия и Африка сегодня. 2018. № 11. С. 10–17. <https://doi.org/10.31857/S032150750001782-2>
45. *Воронцов А.В.* Монголия хочет стать партнером ЕАЭС // Евразия Эксперт. 2017. 20 февраля. URL: <http://eurasia.expert/mongoliya-khochet-stat-partnerom-eaes/?ysclid=m1sqiy17uf71288699> (дата обращения: 21.08.2024).
46. *Воронцов А.В.* Участие Южной Кореи в ВРЭП: опыт первого полуторалетнего периода // Восточная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 46–61. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-01-046-061>
47. *Воропай Н.И., Подковальников С.В., Санеев Б.Г.* Межгосударственная энергетическая кооперация в Северо-Восточной Азии: состояние, потенциальные проекты, энергетическая инфраструктура // Энергетическая политика. 2014. № 2. С. 55–64.
48. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
49. *Габриелян М.* Южная Корея задумалась о поставках оружия Украине после переговоров Путина и Ким Чен Ына. Как на это ответит Россия? // Lenta.ru. 2024. 21 июня. URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/21/samaya-druzhestvennaya-iz-nedruzhestvennyh-pochemu-v-yuzhnoy-koree-zagovorili-o-postavkah-oruzhiya-vsu-i-chem-otvetit-rossiya/> (дата обращения: 01.09.2024).
50. Газпром прорабатывает дополнительные маршруты поставок газа в Китай // Neftegaz.ru. 2023. 23 октября. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/798801-gazprom-prorabatyvaet-dopolnitelnye-marshruty-postavok-gaza-v-kitay/> (дата обращения: 01.08.2024).

51. Главы военных ведомств России и Монголии подписали Долгосрочную программу военного сотрудничества / Министерство обороны РФ. 2018. URL: <https://mil.ru/fea/news/more.htm?id=12200331@egNews> (дата обращения: 14.09.2024).
52. *Горожанкина А.А.* Внутренние и внешние факторы перехода Республики Корея на модель интенсивного экономического роста (1960–2023 гг.). М.: Директ-Медиа, 2024. 200 с. <https://doi.org/10.23681/712673>
53. *Горячева Е.* Что нового в японском «новом капитализме»? / Российский совет по международным делам. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/chto-novogo-v-yaponskom-novom-kapitalizme/> (дата обращения: 10.09.2024).
54. *Грайворонский В.* Политическая борьба в Монголии и визит Х. Баттулги в Россию / Российский совет по международным делам. 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politicheskaya-borba-v-mongolii-i-vizit-kh-battulgi-v-rossiyu/> (дата обращения: 14.09.2024).
55. *Губернаторов Е.* Более 17% врачей выступили за ужесточение законопроектов о QR-кодах // РБК. 2021. 6 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/society/06/12/2021/61a9cf5e9a7947b353fdaa91> (дата обращения: 01.11.2024).
56. *Гурвич Е.Т., Прилепский И.В.* Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 5–35. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-5-35>
57. *Даваасурэн А., Ариунжаргал Ч.* О проблемах формирования экономического коридора Россия – Монголия – Китай // Регион: экономика и социология. 2021. № 3 (111). С. 184–202. <http://doi.org/10.15372/REG20210308>
58. *Давыдов О.В., Новичкова М.Н.* Мирный процесс на Корейском полуострове: проблемы и пути развития // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 56–63. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-56-63>
59. *Дементьев Н.П.* Входящие и исходящие иностранные инвестиции в экономике современной России // ЭКО. 2022. № 2. С. 115–139. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2022-2-115-139>
60. *Дёмина О.В.* Мировые рынки углеводородов: эффективные стратегии игроков // Пространственная экономика. 2018. № 3. С. 67–87. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2018.3.067-087>
61. *Дёмина О.В.* Перспективы развития российских энергетических проектов на Корейском полуострове // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 8–19. <http://dx.doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-8-19>
62. *Дёмина О.В.* Энергетический комплекс региона: тенденции и вызовы // Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. С. 72–101.

63. Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Роль Японии на формирующемся глобальном рынке водорода // Японские исследования. 2023. № 4. С. 65–80. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2023-4-65-80>
64. Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Экспортная специализация топливно-энергетического комплекса Дальневосточного федерального округа: влияние санкционных ограничений // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 67–84. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.67>
65. Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Энергопереход в Китае: новые возможности и вызовы // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 41–58. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.5.41>
66. Дёмина Я.В. Внешняя торговля КНДР: влияние санкций // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.5>
67. Дёмина Я.В. Форматы многостороннего и двустороннего экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 3. С. 156–180. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.156-180>
68. Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Экономика Японии в условиях пандемии COVID-19 // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 5. С. 28–43. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.5.28>
69. Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Экономика КНДР в современных условиях // Ойкумена. 2025. № 1 (в печати).
70. Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Экономика Японии: реформы и стратегии роста // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 4. С. 135–156. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.4.135-156>
71. Дорджиева Д., Зацепина В., Клевцов Д., Макиев Г., Протасова О., Серегин П., Щетникова А. Международные транспортные коридоры / Международный транспортно-логистический форум. 2021. 88 с. URL: https://railwayforum.ru/upload/iblock/b13/Аналитика_МеждународныеТранспортныеКоридоры_РЖД-Инвест.pdf (дата обращения: 28.09.2024).
72. Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией на среднесрочную перспективу / Администрация Президента России. 2015. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/jF9vhkLz06Ll8dUCuntCCJ7n099fAfXk.pdf> (дата обращения: 14.09.2024).
73. Дулгуун А. К вопросу развития свободной экономической зоны Монголии «Алтанбулаг» // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 3. С. 99–105. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-3-99-105>
74. Едовина Т. Импорт все более ограничен экспортом // Коммерсантъ. 2024. 20 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6680476> (дата обращения: 01.10.2024).
75. Едовина Т. Сложное уязвимое // Коммерсантъ. 2023. 2 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6250454> (дата обращения: 01.10.2024).
76. Едовина Т. Цель и средства // Коммерсантъ. 2024. 29 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6835853> (дата обращения: 01.10.2024).

77. *Едовина Т.* Что они там наинвестировали // *Коммерсантъ*. 2024. 21 мая URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6713224> (дата обращения: 01.10.2024).
78. Еще одному сектору экономики Китая предрекли проблемы // *Lenta.ru*. 2023. 28 ноября. URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/28/esche-odnomu-sektoru-ekonomiki-kitaya-predrekli-problemy/> (дата обращения: 30.10.2024).
79. *Жандарова И.* Сила есть – рабочие руки будут? Как нам лучше регулировать миграцию // *Российская газета*. 2024. 4 октября. URL: <https://rg.ru/2024/10/04/v-rossii-sokrashchaetsia-chislo-trudovyh-migrantov.html> (дата обращения: 01.10.2024).
80. *Жаргалсайхан Д.* Фонд благосостояния 2050 // *JargalDefacto*. 2019. 8 сентября. URL: <https://jargaldefacto.com/?p=17386&lang=ru> (дата обращения: 01.10.2024).
81. *Жебин А.З.* Корейский полуостров: от денуклеаризации к контролю над вооружениями // *Современные проблемы Корейского полуострова: мат-лы XXV конф. корееведов России и стран СНГ (25–26 марта 2021 г., г. Москва)*. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 14–23. <https://doi.org/10.48647/IFES.2021.97.71.001>
82. *Жебин А.З.* Корея на распутье // *КНДР и РК – 70 лет / отв. ред. А.З. Жебин*. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 17–32.
83. *Жебин А.З.* Юбилей незаконченной трагедии // *Корееведение*. 2023. № 3 (4). С. 27–40. <https://doi.org/10.48647/ИССА.2023.85.61.003>
84. *Заостровских Е.А.* Мировой рынок судостроения: тенденции и перспективы развития // *Научные проблемы водного транспорта*. 2023. № 76. С. 132–140. <http://doi.org/10.37890/jwt.vi76.397>
85. *Захарова Л.В.* Тернистый путь к светлым целям: подход КНДР к реализации Повестки 2030 и перспективы международного сотрудничества // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 3. С. 175–193. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-03-07>
86. Зачем Китаю города-призраки на 70 млн квартир? Поместится вся Европа! // *IXBT Live*. 2022. URL: <https://www.ixbt.com/live/travel/zachem-kitayu-goroda-prizraki-na-70mln-kvartir-a-vy-by-pereehali.html> (дата обращения: 30.10.2024).
87. *Зыкова У.В.* Эволюция экономического участия Китая в Северной Корее // *Интерактивная наука*. 2022. № 7. С. 19–22. <https://doi.org/10.21661/r-557185>
88. *Игнатьева А.* Газпром и CNPC подписали контракт на поставку российского газа в Китай по дальневосточному маршруту (МГП Сила Сибири-3) // *Neftegaz.ru*. 2022. 4 февраля. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/723965-gazprom-i-cnpc-podpisali-kontrakt-na-postavku-rossiyskogo-gaza-v-kitay-po-dalnevostochnomu-marshrutu/> (дата обращения: 01.08.2024).
89. *Изотов Д.А.* Влияние интеграционных и геополитических факторов на торговлю Дальнего Востока России с зарубежным рынком // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 2. С. 40–70. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.2.040-070>

90. *Изотов Д.А.* Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2022. Т. 102. № 2. С. 28–47. <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2022-2/28-47>
91. *Изотов Д.А.* Либерализация торговли России со странами Европейского союза, БРИКС и Транстихоокеанского партнерства // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 133–141.
92. *Изотов Д.А.* Меры государственной поддержки экономики в странах Большой тройки Северо-Восточной Азии в период пандемии // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 156–178. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.156-178>
93. *Изотов Д.А.* Механизмы экономического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2024. № 4. С. 112–127.
94. *Изотов Д.А.* Особенности развития приграничной торговли КНР в условиях глобальных вызовов // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 3. С. 46–63. <https://doi.org/10.14530/reg.2024.3.46>
95. *Изотов Д.А.* Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. № 6. С. 85–100. <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.85>
96. *Изотов Д.А.* Сравнительный потенциал торговли стран Северо-Восточной Азии // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 4. С. 5–23. <https://doi.org/10.14530/reg.2024.4.5>
97. *Изотов Д.А.* Торговля России со странами Восточной Азии: сравнительные издержки и потенциал // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 3. С. 17–41. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.3.017-041>
98. *Изотов Д.А.* Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации // Азия и Африка сегодня. 2023. № 10. С. 5–14. <https://doi.org/10.31857/S032150750028103-5>
99. *Изотов Д.А.* Торговые взаимодействия регионов КНР с Россией: эффект границ // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 3. С. 24–51. <https://doi.org/10.14530/se.2020.3.024-051>
100. *Изотов Д.А.* Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 28–38. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-22-38>
101. *Изотов Д.А.* Трансформация мер государственной политики поддержки экономики стран Северо-Восточной Азии во время пандемии COVID-19: 2022 г. // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 5. С. 45–63. <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.5.45>
102. *Изотов Д.А.* Экономика КНР в 2014–2023 гг.: механизмы функционирования и ограничения развития // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 21–40. <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.5.20>

103. *Изотов Д.А.* Экономический рост и торговля российских регионов // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 92–114. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.092-114>
104. Инвесторов в Монголии отпугивают резкие перемены госполитики // Rambler. 2016. 9 сентября. URL: <https://news.rambler.ru/asia/34679324-investorov-v-mongolii-otpugivayut-rezkie-peremeny-gospolitiki/> (дата обращения: 14.09.2024).
105. Как импортозамещение в РФ выглядит извне // Коммерсантъ. 2024. 28 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6792804> (дата обращения: 01.10.2024).
106. Какие санкции вводила Япония в отношении России // ТАСС. 2024. 1 марта. URL: <https://tass.ru/info/20126445> (дата обращения: июль 2024).
107. *Калинин Р., Хатмуллин А.* Монголия как новый центр борьбы за ресурсы: перспективы российско-монгольского сотрудничества в области атомной энергетики, освоения и добычи полезных ископаемых // Доклады ПИР-Центра. 2024. № 41. 43 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/08/24-08-14-Russia-Mongolia-Cooperation-RUS.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
108. *Каткова М.* Почему в Китае появились города-призраки, где никто не живет // Рамблер. 2023. 17 июня. URL: https://weekend.rambler.ru/places/50892768/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 30.10.2024).
109. *Кашин В., Тимофеев И.* Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? // Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия / Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2023. С. 390–424.
110. *Квашнина И.А.* Новые тенденции в глобальных потоках трансграничных прямых инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 3. С. 61–75. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_61_75
111. *Кеффер Л.* Делегации России и Китая в Москве подписали план инвестсотрудничества // Коммерсантъ. 2024. 21 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6906023> (дата обращения: 01.10.2024).
112. *Кеффер Л.* Минэкономики: новый прогноз ОЭСР по росту ВВП России в 2025 году занижен // Коммерсантъ. 2024. 26 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7182790> (дата обращения: 01.10.2024).
113. *Кирьянов О.* Почему КНДР обстреляла остров Енпхендо: точка зрения Северной Кореи // Российская газета. 2010. 29 ноября. URL: <https://rg.ru/2010/11/29/tochka-site.html> (дата обращения: 12.10.2024).
114. Китай в этом году примет ряд мер для стимулирования внутреннего потребления // Финмаркет. 2024. 6 февраля. URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/6117791> (дата обращения: 14.10.2024).
115. Китайская Народная Республика / Евразийская экономическая комиссия. 2024. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye->

- soglasheniya/china.php?ysclid= m1bqm9g3zb417909747 (дата обращения: 01.06.2024).
116. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2023 / Институт Китая и современной Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2024. 522 с.
 117. Китайцы недовольны выплатой субсидий на жилье богачам // Prian.ru. 2010. 29 октября. URL: <https://prian.ru/news/20056.html> (дата обращения: 30.10.2024).
 118. *Клочко О.А.* Новые подходы к регулированию прямых иностранных инвестиций: инициативы крупнейших стран мира и уроки для России // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 3. С. 113–218. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-3-113-128>
 119. *Ковригин Е.Б.* Геополитическая история Японии / науч. ред. О.М. Рензин; Институт экономических исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. 155 с.
 120. *Комов М.С.* Интеграция национальных транспортных комплексов в региональную транспортную систему: анализ форм и механизма // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10. № 4. С. 1–12.
 121. Контейнерные железнодорожные перевозки на Евразийском пространстве / ERAI. 2020. 14 с. URL: https://index1520.com/upload/medialibrary/f34/_Drewry.pdf (дата обращения: 12.08.2024).
 122. Концепция транспортных коридоров СВА / University of Niigata Prefecture. 2014. URL: <https://www.unii.ac.jp/erina-unp/archive/wp-content/uploads/2014/09/bl1-r.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).
 123. *Коргун И.А.* Многоуровневая либерализация, или Почему корейский рынок остается труднодоступным // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 157–164. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_157
 124. *Котляр М.* СМИ узнали о тупике в переговорах о поставках вакцин от COVID-19 в КНДР // РБК. 2021. 4 июля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/07/2021/60e15ea39a7947c716b9dd76> (дата обращения: 01.10.2024).
 125. *Кубасова Т.И., Сулова А.В., Чеботарева К.Д.* Государственные меры поддержки жилищного строительства в Китае: особенности и опыт реализации // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 559–570. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14\(2\).559-570](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2023.14(2).559-570)
 126. *Кудрин А., Гурвич Е.* Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-12-4-36>
 127. *Кузнецов А.В.* Прямые иностранные инвестиции стран Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея, Монголия. М.: Русайнс, 2024. 210 с.
 128. *Кукла М.П.* Императивы торговой политики Республики Корея: влияние пандемии COVID-19 // Международная торговля и торговая политика. 2021. Т. 7. № 3. С. 64–78. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2021-3-64-78>

129. *Кукла М.П.* Тенденции и вызовы экономического развития Республики Корея: итоги 2014–2023 гг. // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 77–95. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.5.77>
130. *Кулагин В.* ЦБ Китая представил крупнейший пакет мер стимулирования экономики // Ведомости. 2024. 25 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/09/25/1064364-tsb-kitaya-predstavil-paket-mer-stimulirovaniya-ekonomiki> (дата обращения: 01.10.2024).
131. *Кулагин В., Миронова Е.* Суд Гонконга ликвидирует проблемного девелопера Evergrande из-за долгов // Ведомости. 2024. 30 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/01/30/1017390-sud-gonkonga-likvidiruet-problemnogo-developera-evergrande> (дата обращения: 30.10.2024).
132. *Кулагина О.А.* Кэсонский промышленный комплекс: история и современность // «Новая волна» корееведения в Дальневосточном федеральном университете / отв. ред. И.А. Толстокулаков. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 28–33.
133. *Кульнева П.В.* Конкуренция японских и китайских инфраструктурных проектов в Монголии // Ежегодник Япония. 2023. № 52 (1). С. 11–36. <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2023-52-11-36>
134. *Курмазов А.А.* Российско-японское рыбохозяйственное сотрудничество в районе Южных Курильских островов // Известия ТИНРО. 2006. Т. 146. С. 343–359.
135. *Лазарев В.А.* Северный морской путь как фактор притяжения товарных потоков из Северо-Восточной Азии // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 6. С. 77–87. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2019.6.77>
136. *Ланьков А.* Вперед в прошлое: Северная Корея возвращается к плановой экономике? / Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vperyed-v-proshloe-severnaya-koreya/> (дата обращения: 22.08.2024).
137. *Ланьков А.* Как справляются с энергетическим кризисом в Северной Корее // РБК. 2017. 22 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/12/22/5a3b86e19a794769fb285d41> (дата обращения: 01.07.2024).
138. *Ланьков А., Асмолов К.* Источники и проблемы изучения Северной Кореи / Корё Сарам – Записки о корейцах. 2022. URL: <https://koryo-saram.site/istochniki-i-problemy-izucheniya-severnoj-korei-andrej-lankov-i-konstantin-asmolov-na-postnauke/> (дата обращения: 14.09.2024).
139. *Ланьков А.Н.* Северокорейское чудо: 30 лет выживания в условиях кризиса и изоляции // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 2. С. 31–48. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-31-48>
140. *Ларин В.Л.* Северо-Восточная Азия в контексте глобальных интересов и политики Китая в «новую эпоху»// Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 114–122. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-114-122>

141. *Латышов А.В.* Внешняя торговля Республики Корея: современные процессы, проблемы и возможные направления их преодоления // Горизонты экономики. 2023. № 5 (78). С. 181–185.
142. *Лебедева И.П.* Вименомика: достижения и проблемы // Японские исследования. 2021. № 1. С. 101–120. <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-1-101-120>
143. *Лебедева И.П.* О бедности и неравенстве в Японии // Ежегодник Япония. 2021. Т. 50. С. 32–60. <http://dx.doi.org/10.24412/2687-1440-2021-50-32-60>
144. *Лебедева И.П.* Социально-экономическое измерение старения населения Японии // Японские исследования. 2023. № 4. С. 94–116. <http://dx.doi.org/10.55105/2500-2872-2023-4-94-116>
145. *Лейба Г.* Путин поручил разработать соглашение с Китаем о новом зерновом коридоре // Коммерсантъ. 2023. 10 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5978339> (дата обращения: 01.10.2024).
146. *Леонов С.Н., Заостровских Е.А.* Развитие Северного морского пути и рост активности КНР в Арктике как предпосылки усиления транспортного каркаса Дальнего Востока // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 54–70. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.2.54>
147. *Лешаков П.С., Соловьев А.В.* КНДР как структурный фактор региональной и глобальной безопасности // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 20–35. <https://doi.org/10.31857/S013128120027132-6>
148. *Лукин А.Л.* В Северо-Восточной Азии появилась новая структура по многостороннему сотрудничеству // Ойкумена. 2011. № 1. С. 137–139.
149. *Любавина А.* Все заводы Toyota в Японии остановились на трое суток из-за системного сбоя // CNews. 2023. 30 августа. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-08-30_zavody_toyota_vozobnovili_rabotu (дата обращения: 09.09.2024).
150. *Макаров А.В., Макарова Е.В., Бешенцев А.Н.* Монголия: внешняя торговля и развитие инфраструктуры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 9. С. 68–78. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-68-78>
151. *Макаров А.В., Макарова Е.В., Михеева А.С.* Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития // ЭКО. 2019. Т. 49. № 6 С. 62–82. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-6-62-82>
152. *Мастепанов А.М., Сумин А.М., Чигарев Б.Н.* Энергетическая политика Японии в контексте энергетического перехода и «санкционных войн» // Актуальные проблемы нефти и газа. 2022. Вып. 3 (38). С. 56–84. <http://dx.doi.org/10.29222/ipng.2078-5712.2022-38.art5>
153. *Матвеева Н.И.* Особенности экономического развития КНДР (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.) // Восточный архив. 2022. Т. 46. № 2. С. 95–104. <https://doi.org/10.31696/2072-5795-2022-2-95-104>
154. Международные резервы Российской Федерации / Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/ (дата обращения: 01.10.2024).

155. Международные транспортные коридоры на Евразийском пространстве: развитие широтных маршрутов / ERAI. 2024. URL: https://index1520.com/upload/medialibrary/954/_-_RU.pdf (дата обращения: 14.08.2024).
156. Мир в лабиринте санкций: промышленная политика на перепутье / под ред. Ю.В. Симачева; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2024. 162 с.
157. *Мухеев В., Игнатьев С.* Российско-китайское стратегическое партнерство и ракетно-ядерная проблема КНДР // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 18–24. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-18-24>
158. *Мозиас П.М.* Китайский рынок недвижимости: динамика развития и макроэкономическая роль // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. С. 107–146. <https://doi.org/10.31249/RVA/2022.02.07>
159. Монголия – Уровень безработицы / TRADING ECONOMICS. 2024. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/mongolia/unemployment-rate> (дата обращения: 19.10.2024).
160. Монголия / Евразийская экономическая комиссия. 2024. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dotp/torgovye-soglasheniya/mongolia.php?ysclid= m1brm1v51a275995709> (дата обращения: 01.06.2024).
161. Монголия / Министерство иностранных дел России. 2021. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/mn/?PAGEN_1=3 (дата обращения: 14.09.2024).
162. Монголия национализировала до 34% стратегических месторождений, включая золотые: доходы пойдут в ФНБ // Золотодобыча. 2024. 6 октября. URL: <https://zolotodb.ru/link/5640> (дата обращения 13.10.2024).
163. Монголия планирует расширить беспошлинный ввоз мяса в РФ // ТАСС. 2024. 17 октября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22174251> (дата обращения: 21.10.2024).
164. Монголия согласовала 33 проекта экономического коридора из РФ в КНР // ТАСС. 2024. 17 октября URL: <https://tass.ru/ekonomika/22132209> (дата обращения: 25.10.2024).
165. Монголия стала первым покупателем новой американской легкобронированной машины в Азии // Репортер. 2023. 19 ноября. URL: <https://en.topcor.ru/41469-mongolija-stala-pervym-v-azii-pokupatelem-novoj-amerikanskoj-legkoj-bronemashiny.html> (дата обращения: 14.09.2024).
166. *Мордюшенко О., Скорлыгина Н.* Япония рассчитала дорогу к России // Коммерсантъ. 2017. 22 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3248653> (дата обращения: 01.08.2024).
167. Налог на доходы физических лиц / China Window. 2024. URL: <http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/chinese-taxation/individual-income-tax/> (дата обращения: 30.10.2024).

168. Налог на недвижимость / China Window. 2024. URL: <http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/chinese-taxation/real-estate-tax/> (дата обращения: 30.10.2024).
169. Налог на поддержание городского строительства / China Window. 2024. URL: <http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/chinese-taxation/city-maintenance-construction-tax/> (дата обращения: 14.10.2024).
170. Налоги в Китае в 2024 / Группа компаний «Михайлов и Партнеры». 2024. URL: <https://www.mnp.ru/glavnye-temy/nalogi-v-kitae/> (дата обращения: 30.10.2024).
171. Налоги в Китае в 2024 году / Визовый центр. 2024. URL: <https://visasam.ru/emigration/asia/nalogi-v-kitae.html> (дата обращения: 30.10.2024).
172. Налогообложение в КНР / China Window. 2024. URL: <http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/chinese-taxation/> (дата обращения: 30.10.2024).
173. Национальные счета / ФСГС. 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 01.10.2024).
174. *Недоступ М.* Коронавирус спровоцировал масштабный экономический кризис в КНДР // Финансовая газета. 2020. 31 мая. URL: <https://fingazeta.ru/ekonomika/politekonomika/463269> (дата обращения: 01.10.2024).
175. *Нелидов В.В.* Российское направление внешней политики Японии в 2023 г.: факторы формирования и реальное наполнение // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 91–102. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2023-4-91-102>
176. Неожиданное партнерство: Южная Корея и Монголия подписали меморандум // Hardhub. 2023. 9 февраля. URL: <https://hardhub.ru/news/company/neozhidannoe-partnerstvo-yuzhnaya-koreya-i-mongoliya-podpisali-memoran/> (дата обращения: 01.06.2024).
177. Непростая ситуация в мировой экономике Бюллетень «Перспективы развития мировой экономики» / Международный валютный фонд. 2024. Июль. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2024/07/16/world-economic-outlook-update-july-2024> (дата обращения: 09.09.2024).
178. Нефтяная и газовая промышленность КНДР / ЦДУ ТЭК. 2023. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/6/1178/ (дата обращения: 01.07.2024).
179. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства / Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitae/ (дата обращения: 01.10.2024).
180. Об утверждении «Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года»: распоряжение Правитель-

- ства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/8/11577> (дата обращения: 22.08.2024).
181. Об утверждении перечня евразийских транспортных коридоров и маршрутов: распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 175 от 28 октября 2021 г. URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01530372/> (дата обращения: 21.08.2024).
 182. Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии / под общ. ред. О.В. Синявской. М.: Институт социальной политики НИУ ВШЭ, 2020. 72 с. URL: https://isp.hse.ru/data/2020/04/29/1544579194/COVID-19_stimulus%20packages_countries260420.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
 183. Обзор экономических мер, применяемых странами в условиях распространения Covid-19 / Росконгресс. 2020. 2 апреля. URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/310/Obzor_eco_mer_07.05.2020.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
 184. Оверчук рассказал о сложностях в отношениях ЕАЭС и Монголии // РИА Новости. 2023. 31 мая. URL: <https://ria.ru/20230531/mongoliya-1875328673.html> (дата обращения: 14.09.2024).
 185. Одна из крупнейших девелоперских компаний Гонконга впервые за 20 лет зафиксировала годовой чистый убыток // Финмаркет. 2024. 2 сентября. URL: <https://www.finmarket.ru/database/news/6243312> (дата обращения: 30.10.2024).
 186. Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии (институциональные аспекты) / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2005. 256 с.
 187. Организация сотрудничества железных дорог / ОСЖД. 2024. URL: <https://osjd.org/> (дата обращения: 27.09.2024).
 188. *Островский А.В.* Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН; Издательство МБА, 2020. 496 с.
 189. Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (13–30 апреля 2021 г. г. Москва) / рук. Ю.В. Симачев; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2021. 45 с.
 190. *Паксютов Г.Д.* Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 6–17. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2023-4-6-17>
 191. *Паришинова П.* В Южной Корее обнаружили крупные запасы нефти и природного газа в Японском море // Neftegaz.ru. 2024. 3 июня. URL: <https://neftgaz.ru/news/dobycha/836698-v-yuzhnoy-koree-obnaruzhili-krupnye-zapasy-nefti-i-prirodnogo-gaza-v-yaponskom-more/> (дата обращения: 01.07.2024).

192. *Письменная Е.Е., Рязанцев Н.С., Молчанова Н.П.* Демографические сдвиги в Японии как фактор трансформации миграционной политики // *Народонаселение*. 2023. Т. 26. № 1. С. 97–109. <http://dx.doi.org/10.19181/population.2023.26.1.8>
193. Пленарное заседание ВЭФ 12 сентября 2018 года / Администрация Президента России. 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537> (дата обращения: 14.09.2018).
194. Пленарное заседание ВЭФ 5 сентября 2019 года / Администрация Президента России. 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61451> (дата обращения: 15.09.2019).
195. Пленарное заседание ВЭФ 7 сентября 2017 года / Администрация Президента России. 2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55552> (дата обращения: 30.10.2017).
196. *Погорлецкий А.И.* Рынок жилой недвижимости КНР: особенности, проблемы и перспективы развития // *Регионалистика*. 2024. Т. 11. № 5. С. 59–76. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.5.41>
197. *Погорлецкий А.И., Покровская Н.В.* Сравнительный анализ мер фискального регулирования стран G20 в эпоху коронакризиса и в посткоронавирусной перспективе // *Journal of Applied Economic Research*. 2021. Т. 20. № 1. С. 31–61. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2021.20.1.002>
198. *Подковальников С.В., Савельев В.А., Чудинова Л.Ю.* Перспективы электроэнергетической кооперации России и стран Северо-Восточной Азии // *Проблемы прогнозирования*. 2015. № 4. С. 118–130.
199. Покупка квартиры в Китае: подробное руководство для иностранцев // *Китай сегодня*. 2024. 11 июня. URL: <https://prc.today/pokupka-kvartiry-v-kitae-podrobnoe-rukovodstvo-dlya-inostrancev/> (дата обращения: 14.10.2024).
200. Порт Находка стремится к большей универсальности // *Морские вести России*. 2023. № 10. URL: <https://morvesti.ru/exclusive/107574/> (дата обращения: 04.05.2024).
201. Порт Посыет увеличит на треть экспорт угля // *Морские порты*. 2024. № 2. URL: <https://morvesti.ru/exclusive/108774/> (дата обращения: 20.06.2024).
202. *Портяков В.Я.* Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 1. С. 44–68. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68>
203. *Портякова Н.* Увидеть Пхеньян и обомлеть // *Коммерсантъ*. 2024. 11 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6687809> (дата обращения: 17.10.2024).
204. Посол в Токио заявил о «точке невозврата» в отношениях РФ и Японии // *Ведомости*. 2024. 22 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/03/22/1027205-posol-tokio-zayavil> (дата обращения: 01.09.2024).
205. *Потанова К.* В дальневосточных портах снова появляются пробки // *Ведомости*. 2022. 22 августа. URL:

<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/08/22/937120-dalnevostochnih-portah-probki> (дата обращения: 23.08.2024).

206. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognost_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html (дата обращения: 01.10.2024).
207. Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия / Правительство России. 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/80c240c6a439ba99e9b254fa9254317f/programma_ekonomicheskogo_koridora_kitay_mongoliya_rossiya.pdf (дата обращения: 14.09.2024).
208. *Проткова Е.В.* Экономические, социальные и демографические аспекты низкой рождаемости в Республике Корея в XXI в. // *Корееведение*. 2024. № 1 (6). С. 50–65. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.61.49.006>
209. Путин предложил новый способ использования Северного морского пути // Интерфакс. 2017. 14 мая. URL: <http://www.interfax.ru/business/562225> (дата обращения: 16.05.2017).
210. Резолюции / Совет безопасности ООН. 2023. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/resolutions?page=0> (дата обращения: 22.08.2024).
211. Республика Корея и Россия обсудят соглашение о свободной торговле 1–2 октября в Сеуле // ТАСС. 2019. 30 сентября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6943773> (дата обращения: 01.06.2024).
212. *Рогофф К.* Опасный пик жилищного бума Китая // ЭКОНС. 2021. 29 сентября. URL: <https://econs.online/articles/opinions/opasnyy-pik-zhilishchnogo-buma-kitaya/> (дата обращения: 30.10.2024).
213. Российско-китайский диалог: модель 2023 / Российский совет по международным делам. 2023. 90 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).
214. Россия и Китай наложили вето на проект США о санкциях против КНДР // РИА Новости. 2022. 27 мая. URL: <https://ria.ru/20220527/veto-1790999505.html> (дата обращения: 19.08.2024).
215. Россия и КНДР обсуждают увеличение квот для северокорейских студентов // РИА Новости. 2024. 20 июня. URL: <https://ria.ru/20240620/kvoty-1954141731.html> (дата обращения: 17.10.2024).
216. Россия передала Монголии военно-технического имущества более, чем на 13 млн. долларов / Министерство обороны РФ. 2018. URL: <https://mil.ru/fea/news/more.htm?id=12200334@egNews> (дата обращения: 14.09.2024).

217. Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции / Международный валютный фонд. 2012. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopmanbr.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).
218. РФ в СБ ООН заветировала продление мандата группы экспертов по санкциям в отношении КНДР // ТАСС. 2024. 29 марта. URL: <https://tass.ru/politika/20384635> (дата обращения: 19.08.2024).
219. *Сабиров Р.Т.* Демократия по-монгольски // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 21–27.
220. *Самсонова В.Г.* Южнокорейская политика в сфере науки и техники // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 109–121. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-7>
221. *Самсонова В.Г., Зуева А.Г.* Современные тенденции в экономике РК (2020–2022 гг.) // Корееведение. 2022. № 1. С. 36–52. <https://doi.org/10.48647/ISSA.2022.39.29.004>
222. *Сборов А.* Великая китайская ипотека // Коммерсантъ. 2024. 20 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6712420> (дата обращения: 30.10.2024).
223. *Севастьянов С.В.* Интеграционные проекты Китая в АРТ и Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4. С. 5–12. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-4-5-12>
224. *Севастьянов С.В.* Перспективы развития трансграничных отношений Дальнего Востока России в контексте выдвинутых ведущими странами СВА стратегий международного сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 125–136. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/125-136>
225. *Севастьянов С.В., Кукла М.П.* Геополитические и экономические приоритеты взаимодействия России со странами «Большой тройки» Северо-Восточной Азии // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 3. С. 180–196. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.3.180-196>
226. *Севастьянов С.В., Лукин А.Л., Шишмаков С.О.* Дипломатия Путина и Абэ: перспективы политического урегулирования российско-японских отношений // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 54–67. <https://dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/54-67>
227. Северокорейский поток. Россия построит газопровод через КНДР // Neftegaz.ru. 2011. 30 ноября. URL: <https://neftegaz.ru/news/gas/264693-severokoreyskiy-potok-rossiya-postroit-gazoprovod-cherez-kndr/> (дата обращения: 01.08.2024).
228. *Сефeryн Л.А.* Актуальные тенденции развития зарубежных рынков ипотечного кредитования (на примере США и Китая) // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-tendentsii-razvitiya-zarubezhnyh-rynkov-ipotechnogo-kreditovaniya-na-primere-ssha-i-kitaya> (дата обращения: 30.10.2024).

229. Сила Сибири / ПАО «Газпром». 2024. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/> (дата обращения: 01.08.2024).
230. СМИ: КНДР готовится открыть сухопутную границу с Китаем // ТАСС. 2021. 29 октября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12796523> (дата обращения: 01.10.2024).
231. *Смирнов Г.* Япония сделала исключение из санкций для проектов на Сахалине и Ямале // РБК. 2023. 30 июня. URL: <https://www.rbc.ru/business/30/06/2023/649e963f9a79474b6231091c> (дата обращения: 01.08.2024).
232. *Сморodinская Н.В., Катукoв Д.Д.* Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 26–42. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_26_42
233. *Сморodinская Н.В., Катукoв Д.Д.* Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67
234. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии / Администрация Президента России. 2022. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 15.09.2023).
235. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством КНР о международном автомобильном сообщении от 8 июня 2018 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201809170010> (дата обращения: 05.09.2024).
236. Соглашение между РФ и Монголией о строительстве АЭС могут подписать в 2025 году // ТАСС. 2024. 18 октября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22152857> (дата обращения: 25.10.2024).
237. *Соловьев Е.* В Китае успешно завершилась процедура полной смены власти // Российская газета. 2013. 14 марта. URL: <https://rg.ru/2013/03/14/kitaysite.html> (дата обращения: 30.10.2024).
238. *Соловьева О.* Россия вывозит нефти больше, а зарабатывает меньше // Независимая газета. 2024. 15 октября. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-10-15/1_9115_russia.html (дата обращения: 01.10.2024).
239. Социально-экономическое развитие КНДР / Востокгосплан. 2023. 35 с. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/socialno-jekonomicheskoe-razvitie-kndr-18.09.2023.pdf> (дата обращения: 22.08.2024).
240. Стало известно название первой российской вакцины от коронавируса // РИА Новости. 2020. 11 августа. URL: <https://ria.ru/20200811/1575633635.html> (дата обращения: 01.11.2024).
241. Стимулирование экспортных железнодорожных перевозок в Китае: результаты и перспективы // ERAI. 2022. 17 августа. URL: <https://index1520.com/analytics/stimulirovanie-eksportnykh->

- zheleznodorozhnykh-perevozok-v-kitae-rezultaty-i-perspektivy/ (дата обращения 10.02.2024).
242. *Стоянов Д.О.* Практические аспекты импортозамещения и локализации в судостроении / Форум «Арктика – Регионы» (12–14 апреля 2023 г., г. Архангельск). URL: https://vkvideo.ru/playlist/-176734126_1/video-176734126_456239030?section=playlist_1 (дата обращения: 11.08.2024).
243. Страновой обзор: Опыт Южной Кореи в борьбе с COVID-19 / Департамент международного и регионального сотрудничества СП РФ. 2020. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/S_Korea.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
244. Страновой обзор: Опыт Японии в борьбе с COVID-19 / Департаментом международного и регионального сотрудничества СП РФ. 2020. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-Japan.pdf>. (дата обращения: 01.10.2024).
245. *Стрельцов Д.В.* Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Институт востоковедения РАН; МГИМО. М.: Наука; Восточная литература, 2015. 278 с.
246. *Стрельцов Д.В.* Трехсторонний саммит Китая, Японии и Южной Кореи / Российский совет по международным делам. 2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trehstoronniy-sammit-kitaya-yaponii-i-yuzhnoy-korei/?sphrase_id=153015458 (дата обращения: 01.10.2024).
247. *Строкань С.* Северная Корея приоткрылась России // Коммерсантъ. 2023. 13 декабря. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6397028?from=doc_vrez (дата обращения: 17.10.2024).
248. *Сукиасяни Н.* Почему Япония выпала из тройки сильнейших экономик и как собирается это исправлять // Forbes. 2024. 4 марта. URL: <https://www.forbes.ru/society/507247-почему-апония-vypala-iz-trojki-sil-nejsih-ekonomik-i-kak-sobiraetsa-eto-ispravlat> (дата обращения: 22.08.2024).
249. *Суслов Д.В.* Тенденции экономического развития в странах СВА-3 (КНР, Япония, Республика Корея) в 2022–2023 гг.: влияние геополитической напряженности и разнородных рисков // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 8–18. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-8-18>
250. *Сухих К.* Фотографировать можно, но руки – по швам. Как в КНДР принимают российских туристов // ТАСС. 2024. 16 февраля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19993151> (дата обращения: 17.10.2024).
251. Схема железнодорожных транспортных коридоров ОСЖД. URL: <https://osjd.org/api/media/resources/c/51/121/809> (дата обращения: 20.08.2024).
252. США считают преждевременным рассмотрение в СБ ООН смягчения санкций против КНДР // ТАСС. 2019. 17 декабря. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7359771> (дата обращения: 19.08.2024).
253. *Сычева О.* ВЭФ и ВДНХ в одном флаконе: во Владивостоке стартовал инвестиционно-промышленный форум // Вечерний Владивосток. 2023.

- 20 декабря. URL: <https://vvo.live/post/vef-i-vdnh-v-odnom-flakone-vo-vladivostoke-startoval-investicionno-promyshlennyj-forum> (дата обращения: 10.09.2024).
254. *Терентьев А.* «Момент Lehman Brothers»: почему китайский сектор недвижимости оказался в кризисе // *Forbes*. 2023. 27 сентября. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/496552-moment-lehman-brothers-pocemu-kitajskij-sektor-nedvizimosti-okazalsa-v-krizise> (дата обращения: 30.10.2024).
255. *Тимонина И.Л.* Новая стратегия пространственного развития Японии: вызовы XXI века // *Японские исследования*. 2020. № 4. С. 40–63. <http://dx.doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10027>
256. *Тимонина И.Л.* Япония на пути к устойчивому развитию: «зеленое финансирование» // *Ежегодник Япония* 2021. Т. 50. С. 61–88. <https://doi.org/10.24412/2687-1440-2021-50-61-88>
257. *Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О.* Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
258. *Толорая Г.Д., Тригубенко М.Е., Яковлева Л.Н.* Перспективы реформирования северокаорейской экономики // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. Т. 71. № 9. С. 165–174.
259. *Топалов А.* Курилы в обмен на трубу // *Газета.ру*. 2016. 16 декабря. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/12/16/10431503.shtml?updated> (дата обращения: 01.08.2024).
260. Трансформация торговли и развития в расколотом мире после пандемии / ООН. 2021. 72 с. <https://doi.org/10.18356/9789210056274>
261. *Тригубенко М.Е., Леженина Т.В.* Новации в экономике КНДР в эпоху Ким Чен Ына: итоги, угрозы и риски // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. 2020. № 1-2. С. 96–107. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-1-2-08>
262. Трутнев: КНР не обозначила позицию по МТК в Приморье // *ТАСС*. 2018. 21 августа. URL: <http://tass.ru/ekonomika/5476272> (дата обращения: 15.09.2018).
263. У нас своих вакцин хватает. Песков о допуске зарубежных вакцин от ковида на рынок РФ // *ТАСС*. 2021. 15 июля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11908751> (дата обращения: 01.10.2024).
264. *Усов П.* Хабаровчан зовут на разгрузку приморских портов // *Восток России*. 2024. 24 сентября. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/khabarovchan-zovut-na-razgruzku-primorskikh-portov/> (дата обращения 20.08.2024).
265. *Ушаков Д.В.* Монголия. Социальные меры противодействия распространению COVID-19 // *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 44–50. <https://doi.org/10.31857/S032150750013959-6>
266. *Ушколова Д.И.* Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 3 (55). С. 218–226. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
267. *Федоровский А., Швыдко В.* Взаимодействие Республики Корея и Японии с Китаем: возможности, риски и перспективы // *Мировая экономика и между-*

- народные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 123–132. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-123-132>
268. *Федоровский А.М.* Корейский кризис и региональные процессы в Северо-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 1. С. 46–55. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-46-55>
269. *Фукусима Ю.* Переживет ли абэномика смерть своего архитектора? // *NHK World*. 2022. 20 июля. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/ru/news/backstories/2052/> (дата обращения: 12.08.2024).
270. *Хирофуми А.* Транспортно-логистическое пространство в бассейне Японского моря // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. 2024. № 1. С. 48–52.
271. Хронология введения санкций и ответные меры России в 2014–2015 годах // *РИА Новости*. 2015. 25 ноября. URL: <https://ria.ru/20151125/1328470681.html> (дата обращения: 01.10.2024).
272. Цены на квартиры в Китае / *Expro*. 2024. URL: <https://kitau.ru/stati/china-life/tseny-na-kvartiry-v-kitae/> (дата обращения: 30.10.2024).
273. *Цзоу С.* Российско-китайские зоны приграничного сотрудничества: перспективы взаимодействия РФ и КНР // *Россия и АТР*. 2020. № 3. С. 134–150. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10039>
274. *Цыплаков С.* Об основных трендах развития торговли России и Китая / *Российский совет по международным делам*. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 01.09.2024).
275. *Черашев Д.В.* Перспективы сотрудничества России и развивающихся стран в горно-металлургическом комплексе // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2021. № 12. С. 69–88. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2021-12-69-88>
276. *Швыдко В.Г.* Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение? // *Японские исследования*. 2023. № 1. С. 80–93. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2023-1-80-93>
277. *Шилина М.Г.* Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР: международно-правовой анализ // *Международное право*. 2018. № 2. С. 16–26. <https://doi.org/10.25136/2306-9899.2018.2.26701>
278. *Щербанин Ю.А.* Россия и международные транспортные коридоры // *Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике*. 2006. № 2 (2). С. 2–4.
279. *Щипин К.* Конец полумер: Как Китай поддержал рынок недвижимости // *Российская газета*. 2024. 28 мая. URL: <https://rg.ru/2024/05/28/koniec-polumer-kak-kitaj-podderzhal-rynok-nedvizhimosti.html> (дата обращения: 30.10.2024).
280. *Щукин П.* Южная Корея воздерживается от угля из РФ // *Коммерсантъ*. 2023. 13 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6211430> (дата обращения: 01.10.2023).

281. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / под ред. А.Л. Кудрина. М.: Институт Гайдара, 2021. 344 с.
282. Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 352 с.
283. Экономическая политика во времена COVID-19 / Российская экономическая школа. 2020. URL: [https://www.nes.ru/files/COVID19\(21apr2020\).pdf](https://www.nes.ru/files/COVID19(21apr2020).pdf) (дата обращения: 01.10.2024).
284. Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Основные выводы и рекомендации / OECD. 2014. URL: https://oecd.ru.org/zip/Overview_RUSSIA_Rus_2013.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
285. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: ПРИОТИП, 2007. 208 с.
286. Энергетический профиль Китая / EES EAEC. Мировая энергетика. 2024. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-kitaa> (дата обращения: 01.07.2024).
287. Южная Корея поддерживает газопровод из РФ через КНДР // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. 2017. 6 июля. URL: <https://nangs.org/news/midstream/pipelines/yuzhnaya-koreya-podderzhivaet-gazoprovod-iz-rf-cherez-kndr> (дата обращения: 01.08.2024).
288. Япония добивается согласования с РФ соглашения о промысле в районе Курил // Прайм. 2023. 26 декабря. URL: <https://1prime.ru/20231226/842669197.html> (дата обращения: 01.07.2024).
289. 2020/2021 The DPRK Economic Outlook / Edited by S. Lee; KDI. 2021. URL: <https://www.kdi.re.kr/eng/research/monDprk> (дата обращения: 01.10.2024).
290. 4043: Outline of the Agreement between Japan and Mongolia for an Economic Partnership (FAQ) / Japan Customs. 2023. URL: https://www.customs.go.jp/english/c-answer_e/keizairenkei/4043_e.htm (дата обращения: 10.10.2024).
291. 75 Years of Inland Transport Committee 75 Documents that Changed the World of Transport / UNECE. 2022. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2022-02/Publication%2075%20years%20FINAL%20web.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).
292. ADB COVID-19 Policy Database. Japan. Other ADB Members / ADB. 2024. URL: <https://covid19policy.adb.org/policy-measures/JPN> (дата обращения: 01.10.2024).
293. ADB COVID-19 Response: Mongolia / Asian Development Bank. 2023. URL: <https://www.adb.org/countries/mongolia/covid-19-response> (дата обращения: 01.10.2024).

294. ADB Forecasts 4.6% Growth in Mongolia in 2021 Backed by Accommodative Policies / Asian Development Bank. 2021. URL: <https://www.adb.org/news/adb-forecasts-4-6-growth-mongolia-2021-backed-accommodative-policies> (дата обращения: 01.10.2024).
295. *Aiyar S., Malacrino D., Presbitero A.F.* Investing in Friends: The Role of Geopolitical Alignment in FDI Flows // *European Journal of Political Economy*. 2024. Vol. 83. 102508. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2024.102508>
296. *Alam M., Dappe M.H., Melecky M., Goldblatt R.* Wider Economic Benefits of Transport Corridors: Evidence from International Development Organizations // *Journal of Development Economics*. 2022. Vol. 158. 102900. <https://doi.org/10.1016/j.jdevco.2022.102900>
297. *Al-Haschimi A., Spital T.* The Evolution of China's Growth Model: Challenges and Long-Term Growth Prospects // *Economic Bulletin Articles of European Central Bank*. 2024. Issue 5. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/economic-bulletin/articles/2024/html/ecb.ebart202405_01~a6318ef569.en.html (дата обращения: 01.10.2024).
298. *Altman S.A., Bastian C.R., Fattedad D.* Challenging the Deglobalization Narrative: Global Flows Have Remained Resilient Through Successive Shocks // *Journal of International Business Policy*. 2024. Vol. 7. Pp. 416–439. <https://doi.org/10.1057/s42214-024-00197-0>
299. *Amighini A., Cozza C., Rabellotti R., Sanfilippo M.* Investigating Chinese Outward Foreign Direct Investments: How Can Firm-Level Data Help? // *China & World Economy*. 2014. Vol. 22. Pp. 44–63. <https://doi.org/10.1111/cwe.12091>
300. *Anderson J.E., van Wincoop E.* Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp.170–192. <https://doi.org/10.1257/000282803321455214>
301. *Andersson M., López Jerez M., Miladinovic L.* Divergence before the Division: The Colonial Origins of Separate Development Paths in Korea // *Journal of Institutional Economics*. 2023. Vol. 19. Issue 6. Pp. 802–819. <https://doi.org/10.1017/S1744137423000188>
302. *Anhtuya B.* Taking no Chances: Mongolia to Extend Lockdown // *News.mn*. 2020. 27 May. URL: <https://news.mn/en/792655/> (дата обращения: 01.10.2024).
303. Annual Report on the Ageing Society / Cabinet Office. 2022. URL: <https://www8.cao.go.jp/kourei/english/annualreport/2022/pdf/2022.pdf> (дата обращения: 22.09.2024).
304. Annual Report on the Japanese Economy and Public Finance. Economic White Paper 2024 / Cabinet Office. 2024. URL: <http://www5.cao.go.jp/keizai3/whitepaper-e.html> (дата доступа: 29.09.2024).
305. *Ansar A., Flyvbjerg B., Budzier A., Lunn D.* Does Infrastructure Investment Lead to Economic Growth or Economic Fragility? Evidence from China // *Oxford Review of Economic Policy*. 2016. Vol. 32. Issue 3. Pp. 360–390. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grw022>

306. *Aoyama R.* 'One Belt, One Road': China's New Global Strategy // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2016. Vol. 5. Issue 2. Pp. 3–22. <https://doi.org/10.1080/24761028.2016.11869094>
307. *Arase D.* The COVID-19 Pandemic Complicates Japan-China Relations: Will This Benefit ASEAN? // *ISEAS Perspective*. 2020. Issue 83. Pp. 1–8. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/07/ISEAS_Perspective_2020_83.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
308. *Arezki R., Nabli M.K.* Natural Resources, Volatility, and Inclusive Growth: Perspectives from the Middle East and North Africa / IMF. Working Paper No. 12/111. 2012. 26 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Natural-Resources-Volatility-and-Inclusive-Growth-Perspectives-From-the-Middle-East-and-25891> (дата обращения: 01.10.2024).
309. Arms Imports (SIPRI Trend Indicator Values) – Mongolia / World Bank. 2019. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.MPRT.KD?end=2019&locations=MN&start=1986> (дата обращения: 14.09.2024).
310. Arms Transfer / SIPRI. 2023. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (дата обращения: 14.09.2024).
311. ASEAN Investment Report 2023 / ASEAN; United Nations. 2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/AIR-Special-2023.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).
312. Asian Development Outlook. September 2024 / ADB. 2024. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/995536/asian-development-outlook-september-2024.pdf> (дата обращения 23.09.2024).
313. Asian Development Outlook. April 2024 / Asian Development Bank. 2024. <https://dx.doi.org/10.22617/FLS240221-3>
314. Asian Development Outlook. December 2023 / Asia Development Bank. 2023. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/931316/ado-december-2023.pdf> (дата обращения: 14.07.2024).
315. Asian Development Outlook. July 2021 / Asian Development Bank. 2021. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/715491/ado-supplement-july-2021.pdf> (дата обращения: 29.07.2021).
316. Asian Development Outlook. July 2024 / Asian Development Bank. 2024. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/981121/asian-development-outlook-july-2024.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).
317. Asian Development Outlook. September 2024 / Asian Development Bank. 2024. URL: <https://www.adb.org/publications/asian-development-outlook-september-2024> (дата обращения: 01.10.2024).
318. Assessment Report on Impact of COVID-19 Pandemic on Chinese Enterprises / United Nations Development Programme in China. 2020. URL:

https://www.cn.undp.org/content/china/en/home/library/crisis_prevention_and_recovery/assessment-report-on-impact-of-covid-19-pandemic-on-chinese-ente.html (дата обращения: 01.10.2024).

319. *Aykut D., Sanghi A., Kosmidou G.* What to do When Foreign Direct Investment is Not Direct or Foreign: FDI Round Tripping / World Bank. Policy Research Working Paper No. 8046. 2017. 27 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/319451493385113949/What-to-do-when-foreign-direct-investment-is-not-direct-or-foreign-FDI-round-tripping> (дата обращения: 01.10.2024).
320. *Baek S.W.* Does China Follow 'The East Asian Development Model'? // Journal of Contemporary Asia. 2005. Vol. 35. Issue 4. Pp. 485–498. <https://doi.org/10.1080/00472330580000281>
321. *Bahaj S., Reis R.* The Anatomy of a Peg: Lessons from China's Parallel Currencies / CEPR. Discussion Paper No. 18749. 2024. URL: <https://cepr.org/publications/dp18749> (дата обращения: 01.10.2024).
322. *Bai X., Hong S., Wang Y.* Learning from Processing Trade: Firm Evidence from China // Journal of Comparative Economics. 2021. Vol. 49. Pp. 579–602. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2020.12.001>
323. *Baird A.* Urban Residential Construction and Steel Demand in China // Bulletin. Reserve Bank of Australia. 2024. Pp. 95–103. URL: <https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2024/apr/pdf/urban-residential-construction-and-steel-demand-in-china.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).
324. Bank of Korea Key Rate / Bank of Korea. 2024. URL: <https://www.bok.or.kr/portal/singl/baseRate/progress.do?dataSeCd=01&menuNo=200656> (дата обращения: 02.11.2024). (На кор. яз.).
325. Bank of Korea. URL: <https://www.bok.or.kr/portal/main/main.do> (дата обращения: 14.07.2024). (На кор. яз.).
326. *Baum A., Checherita-Westphal C., Rother P.* Debt and Growth: New Evidence for the Euro Area // Journal of International Money and Finance. 2013. Vol. 32. Pp. 809–821. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2012.07.004>.
327. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors / Analysis & Policy Observatory. 2024. URL: <https://apo.org.au/node/256851> (дата обращения: 27.09.2024).
328. *Bergstrand J.* Should TPP be Formed? On the Potential Economic, Governance, and Conflict Reducing Impacts of the Trans-Pacific Partnership Agreement // East Asian Economic Review. 2016. Vol. 20. Issue 3. Pp. 279–309. <http://dx.doi.org/10.11644/KIEP.EAER.2016.20.3.311>
329. *Brandt L., Litwack J., Mileva E., Wang L., Zhang Y., Zhao L.* China's Productivity Slowdown and Future Growth Potential / The World Bank Group. Policy Research Working Paper No. 9298. 2020. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/839401593007627879/pdf/Chinas-Productivity-Slowdown-and-Future-Growth-Potential.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

330. *Brandt L., Morrow P.M.* Tariffs and the Organization of Trade in China // *Journal of International Economics*. 2017. Vol. 104. Pp. 85–103. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2016.10.010>
331. *Branstetter L.G., Kwon N.* South Korea's Transition from Imitator to Innovator: The Role of External Demand Shocks // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2018. Vol. 49. Pp. 28–42. <https://doi.org/10.1016/j.jjie.2018.01.004>
332. *Brooks D.H., Fan E.X., Sumulong L.R.* Foreign Direct Investment: Trends, TRIMs, and WTO Negotiations // *Asian Development Review*. 2003. Vol. 20. Issue. 1. Pp. 1–33. <https://doi.org/10.1142/S0116110503000010>
333. *Buzo A.* Politics and Leadership in North Korea. The Guerilla Dynasty. London: Routledge, 2018. 304 p.
334. Capturing Global Growth through International Cooperation and Accelerated Use of AI / Japan Center for Economic Research. 2024. URL: <https://www.jcer.or.jp/en/economic-forecast/medium-term> (дата обращения: 09.09.2024).
335. CAREC Corridors / CAREC Program. 2022. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=20 (дата обращения: 20.08.2024).
336. CEIC Database. URL: <https://www.ceicdata.com/en> (дата обращения: 10.12.2012).
337. *Chan K.W.* Fundamentals of China's Urbanization and Policy // *The China Review*. 2010. Vol. 10. Issue 1. Pp. 63–94.
338. *Chan K.W., Yang X.* Internal Migration and Development: A Perspective from China // *Routledge Handbook of Migration and Development* / Ed. by T. Bastia, R. Skeldon. Routledge, 2020. Pp. 567–584. URL: <https://kclpure.kcl.ac.uk/portal/en/publications/internal-migration-and-development-a-perspective-from-china> (дата обращения: 01.10.2024).
339. *Chang T., Chiang G.* The Behavior of OECD Public Debt: A Panel Smooth Transition Regression Approach // *The Empirical Economics Letters*. 2009. Vol. 8. Issue 1. Pp. 7–46.
340. *Checherita C., Rother P.* The Impact of High and Growing Government Debt on Economic Growth. An Empirical Investigation for the Euro Area / ECB. Working Paper Series No. 1237. 2010. 42 p. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scrpwps/ecbwp1237.pdf> (дата обращения: 16.08.2024)/
341. *Chen J., Zhu A.* The Relationship between Housing Investment and Economic Growth in China: A Panel Analysis Using Quarterly Provincial Data / Uppsala University. Working Paper No. 2008:17. 2008. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/82613/1/589027077.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).
342. *Chiavacci D., Lechevalier S.* Japanese Political Economy Revisited: Diverse Corporate Change, Institutional Transformation, and Abenomics // *Japan Forum*. 2017. Vol. 29. Issue 3. Pp. 1–13. <http://dx.doi.org/10.1080/095555803.2017.1284147>

343. China Average Yearly Wages / Trading Economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/china/wages> (дата обращения: 30.10.2024).
344. China Economic Update – December 2022 / World Bank Group. 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/china/publication/china-economic-update-december-2022> (дата обращения: 01.10.2024).
345. China Economic Update June 2024 – Growing Beyond Property: Cyclical Lifts and Structural Challenges Growing / World Bank Group. 2024. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099422406142429237/IDU142da73a81dd0d147b91b0d01a688131654bc> (дата обращения: 01.10.2024).
346. China Economic Update: Between Shocks and Stimulus / World Bank Group. 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099640106102210762/pdf/P17579708f26d5018098840f1ad978bb54b.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
347. China Foreign Exchange Reserves / CEIC. 2024. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/foreign-exchange-reserves> (дата обращения: 01.10.2024).
348. China FTA Network / Ministry of Commerce of the People's Republic of China. 2019. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/chinarh.shtml> (дата обращения: 09.09.2024).
349. China Households Debt to GDP / Trading Economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/china/households-debt-to-gdp> (дата обращения: 30.10.2024).
350. China Inflation Rate / Trading Economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/china/inflation-cpi> (дата обращения: 30.10.2024).
351. China Loan Prime Rate / Trading Economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/china/interest-rate> (дата обращения: 30.10.2024).
352. China's Debt Problem / Thomson Reuters. 2024. URL: <http://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/rngs/CHINA-DEBT-HOUSEHOLD/010030H712Q/index.html> (дата обращения: 01.10.2024).
353. China's Foreign Direct Investment: Inward and Outward / People's Republic of China: Selected Issues / IMF. Asia and Pacific Department. 2024. Issue 276. URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2024/276/article-A004-en.xml> (дата обращения: 01.10.2024).
354. China-Europe Freight Trains Undisrupted amid Escalating Crisis in Ukraine, Contingency Plan Considered // The Global Times. 2022. March. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1254468.shtml?id=11> (дата обращения: 14.08.2024).
355. *Cho T.H.* Eighty Years of the Korean Economy (1970–2050): The Past and a Future Growth Strategy (December 17, 2023) / Bank of Korea. WP 2023-25. 2023. 79 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4661626>
356. *Choi J.* North Korea's Tariff and Non-Tariff System: Implications for Integration into the International Economy // World Economy Brief. 2024. Vol. 14. No. 29. Pp. 1–5. URL:

- https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0007&list_no=11475&act=view (дата обращения: 15.09.2024).
357. *Choi J., Choi Y.* North Korea's 2023 Trade with China: Analysis and Forecasts // *World Economy Brief*. 2024. Vol. 14. Issue 9. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4854449>
 358. *Choi J.Y.* Impact of Strengthened Sanctions on the North Korean Market // *The Impact of DPRK Sanctions and North Korea's Economic Future* / Ed. by S. Lee; Korea Development Institute. 2021. Pp. 206–239. <https://doi.org/10.22740/kdi.rm.2021.01>. (На кор. яз.).
 359. *Choi Y.* Political Economy of Free Trade Agreements in China, Japan, and South Korea: Sectoral Politics of the FTA Wave, 1998–2016 // *Japanese Journal of Political Science*. 2020. Vol. 21. Pp. 145–157. <https://doi.org/10.1017/S1468109920000031>
 360. *Choi Y.* The Optimal Path of a China-Japan-Korea FTA: Multilateral Path or Sequential Path? // *Pacific Focus*. 2013. Vol. 28. Issue. 3. Pp. 435–458. <https://doi.org/10.1111/pafo.12018>
 361. *Chudik A., Pesaran M.H., Rebucci A.* Voluntary and Mandatory Social Distancing: Evidence on Covid-19 Exposure Rates from Chinese Provinces and Selected Countries / NBER. Working Paper No. 27039. 2020. URL: <http://www.nber.org/papers/w27039> (дата обращения: 01.10.2024).
 362. *Clarke C.* Kim Jong Un Grapples with the Worst Crisis in His Reign So Far: A Crippled Economy, No COVID-19 Vaccines and Food Shortages // *ABC News*. 2021. 15 July. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-07-14/kim-jong-un-grapples-with-the-worst-crisis-in-his-reign-covid/100270668> (дата обращения: 01.10.2024).
 363. Collective Strategic Study on Issues Related to the Realization of the FTAAP / APEC. 2016 CTI Report to Ministers. URL: <https://www.apec.org/publications/2016/11/2016-cti-report-to-ministers> (дата обращения: 27.09.2024).
 364. Commodity Prices, Annual / UNCTAD. 2024. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.CommodityPrice_A (дата обращения: 01.10.2024).
 365. Container Port Throughput, Annual / UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ContPortThroughput> (дата обращения: 05.10.2024).
 366. Coordinated Direct Investment Survey / IMF Data. 2024. URL: <https://data.imf.org/?sk=40313609-f037-48c1-84b1-e1f1ce54d6d5&sid=1410469360660> (дата обращения: 01.08.2024).
 367. *Corden W.M.* Booming Sector and Dutch Disease Economics: Survey and Consolidation // *Oxford Economic Papers*. 1984. Vol. 36. Issue 3. Pp. 359–380. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.oep.a041643>

368. *Corden W.M.* Dutch Disease in Australia: Policy Options for a Three Speed Economy // *The Australian Economic Review*. 2012. Vol. 45. Issue 3. Pp. 290–304. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8462.2012.00685.x>
369. *Corning G.P.* CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime // *Asian Politics & Policy*. 2014. Vol. 6. Issue. 2. Pp. 285–306. <https://doi.org/10.1111/aspp.12111>
370. Country Policy Responses. Mongolia / International Labour Organization. 2022. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang--en/index.htm#MN> (дата обращения: 01.10.2024).
371. Crude Petroleum. Russia / Observatory of Economic Complexity. 2024. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/crude-petroleum/reporter/rus> (дата обращения: 01.10.2024).
372. Customs Statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. 2024. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (дата обращения: 01.10.2024).
373. *Dabrowski M., Avdasheva S.* Sanctions and Forces Driving to Autarky // *The Contemporary Russian Economy* / Edited by M. Dabrowski. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. Pp. 271–288. https://doi.org/10.1007/978-3-031-17382-0_14
374. *Dai M., Maitra M., Yu M.* Unexceptional Exporter Performance in China? The Role of Processing Trade // *Journal of Development Economics*. 2016. Vol. 121. Pp. 177–189. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2016.03.007>
375. *Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N.* What Is Real and What is Not in the Global FDI Network? / IMF. Working Paper No. 19/274. 2019. 51 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/12/11/what-is-real-and-what-is-not-in-the-global-fdi-network> (дата обращения: 01.10.2024).
376. Data Centre / UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01.10.2024).
377. Database of Agreements Related to International Road Transport: Bilateral Agreements / UNESCAP. 2024. URL: <https://tadb.unescap.org/MNG/mng.html> (дата обращения: 28.08.2024).
378. Defense Cooperation / Embassy of Mongolia to the USA. 2023. URL: <https://mongolianembassy.us/defense-and-military-cooperation/> (дата обращения: 14.09.2024).
379. *Denisov I., Paramonov O., Arapova E., Safranchuk I.* Russia, China and the Concept of Indo-Pacific // *Journal of Eurasian Studies*. 2021. Vol. 12. Issue 1. Pp. 72–85. <https://doi.org/10.1177/1879366521999899>
380. *Ding S.* The Tumen River Area Development Programme: An Introduction // *Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Yongpyeong Conference (September 26–28, 1993. Yongpyeong). Hawaii Asia-Pacific Institute, 1994. Pp. 187–199.*
381. *Dong G., Kokko A., Zhou H.* Innovation and Export Performance of Emerging Market Enterprises: The Roles of State and Foreign Ownership in China // *Inter-*

- national Business Review. 2022. Vol. 31. Issue 6. 102025.
<https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2022.102025>
382. *Dong J., Xia L.* China. New Stimulus Package not Enough to Ensure a 5.5% Growth Target in 2022 / BBVA Research. 2022. URL: <https://www.bbva.com/en/publicaciones/china-new-stimulus-package-not-enough-to-ensure-a-55-growth-target-in-2022/> (дата обращения: 01.10.2024).
 383. *Downes P., Hanslow K., Tulip P.* The Effect of the Mining Boom on the Australian Economy / Reserve Bank of Australia. Research Discussion Paper 2014-08. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2701080>
 384. *Ducruet C.* Port Regions and Globalization. Ports in Proximity: Competition and Coordination among Adjacent Seaports, Ashgate // Transport and Mobility. 2009. Pp. 41–53. URL: <https://shs.hal.science/halshs-00458071v1/document> (дата обращения: 01.11.2024).
 385. *Ducruet C.* Port-city Relationships in Europe and Asia // Journal of International Logistics and Trade. 2006. Issue 4. Pp. 13–35. <https://doi.org/10.24006/jilt.2006.4.2.13>
 386. Economic Dependence of Mongolia on Minerals. Contributions to Economics / Edited by Y. Hosoi, T. Batdelger, K. Chuluundorj. Singapore: Springer, 2022. 192 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-5515-0>
 387. Economic Forecasts / Bank of Korea. 2024. URL: <https://www.bok.or.kr/portal/bbs/P0002359/view.do?menuNo=200066&nttId=10084275> (дата обращения: 10.09.2024). (На кор. яз.).
 388. Economic Freedom Country Profile Mongolia / Heritage Foundation. 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/country-pages/mongolia> (дата обращения: 23.08.2024).
 389. Economic Policy Reforms. Going for Growth / OECD. 2017. 344 p. <https://doi.org/10.1787/growth-2017-en>
 390. Economics in the Time of COVID-19 / Edited by R. Baldwin, B.W. di Mauro. London: CEPR Press, 2020. 115 p. URL: <https://voxeu.org/content/economics-time-covid-19> (дата обращения: 01.10.2024).
 391. ECOS Bank of Korea Statistics Portal. 2024. URL: <https://ecos.bok.or.kr/> (дата обращения: 14.07.2024). (На кор. яз.).
 392. *Ederington J., Ruta M.* Nontariff Measures and the World Trading System // Handbook of Commercial Policy. Vol. 1B / Edited by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. Pp. 211–277. <https://doi.org/10.1016/bs.hescop.2016.04.010>
 393. *Eftimoski M., McLoughlin K.* Housing Policy and Economic Growth in China // Bulletin. 2019. Pp. 81–94. URL: <https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2019/mar/pdf/bulletin-2019-03.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).
 394. Energy Balances 2021 / The United Nations Statistics Division. 2022. URL: <https://unstats.un.org/unsd/energystats/pubs/balance/> (дата обращения: 01.07.2024).

395. Energy Institute Statistical Review of World Energy / Energy Institute. 2024. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/about> (дата обращения: 20 июля 2024).
396. *Enkhtur A.* Government Sponsored Mongolian graduates from Japan. Perceptions of Learning Experience // *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies*. 2018. Vol. 18. Issue 3. Article 7. URL: <https://www.japanesestudies.org.uk/ejcs/vol18/iss3/enkhtur.html> (дата обращения: 14.09.2024).
397. *Erdenechimeg E.* Logistics and Transport Challenges in Mongolia // *The North-east Asian Economic Review*. 2016. Vol. 4. Issue 2. Pp. 21–36.
398. *Erkhembayar R., Dickinson E., Badarch D., Narula I., Warburton D., Thomas G.N., Ochir C., Manaseki-Holland S.* Early Policy Actions and Emergency Response to the COVID-19 Pandemic in Mongolia: Experiences and Challenges // *Lancet Global Health*. 2020. Vol. 8. Pp. 1234–1241. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30295-3](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30295-3)
399. Eurasian Rail Alliance Index. Statistics / ERAI. 2024. URL: <https://index1520.com/en/statistics/> (дата обращения: 16.08.2024).
400. Exports of Goods and Services (% of GDP) / World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS> (дата обращения: 14.07.2024).
401. *Ferrantino M., Maliszewska M., Taran S.* Actual and Potential Trade Agreements in the Asia-Pacific: Estimated Effects / World Bank. Policy Research Working Paper Series 9496. 2020. 40 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/171731585114146413/Actual-and-Potential-Trade-Agreements-in-the-Asia-Pacific-Estimated-Effects> (дата обращения: 27.09.2024).
402. Fertility Rate, Total (Births per Woman) / World Bank. 2022. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN> (дата обращения: 14.09.2024).
403. *Fiallos A., Liberatore A., Cassimon S.* CIF/FOB Margins: Insights on Global Transport and Insurance Costs of Merchandise Trade / OECD. Working Papers. 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/cif-fob-margins_469123ab-en.html (дата обращения: 28.08.2024).
404. Financing SMEs and Entrepreneurs 2024: An OECD Scoreboard / OECD. 2024. 254 p. <https://doi.org/10.1787/024c8e17-en>
405. Fiscal Prudence Back in Favour in South Korea // *Economist Intelligence*. 2023. 12 October. URL: <https://www.eiu.com/n/fiscal-prudence-back-in-favour-in-south-korea/> (дата обращения: 20.10.2024).
406. Fitch Affirms Japan at ‘A’; Outlook Stable / Fitch Ratings. 2024. URL: <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-affirms-japan-at-a-outlook-stable-23-04-2024> (дата обращения: 19.08.2024).
407. *Flach L., Heiland I., Larch M., Steininger M., Teti F.A.* Quantifying the Partial and General Equilibrium Effects of Sanctions on Russia // *Review of International*

- Economics. 2024. Vol. 32. Issue 1. Pp. 281–323. <https://doi.org/10.1111/roie.12707>
408. Foreign Direct Investment Stock, by Country / Mongolian Statistical Information Service. 2024. URL: https://www.1212.mn/en/statistic/statcate/573075/table-view/DT_NSO_1500_004V3 (дата обращения: 10.10.2024)
 409. Foreign Direct Investment, Net (BoP, Current US\$) – China / World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BN.KLT.DINV.CD?locations=CN> (дата обращения: 15.08.2024).
 410. Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual / UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (дата обращения: 01.10.2024).
 411. Free Trade Zone and Port Hinterland Development / Korea Maritime Institute. New York, 2005. 140 p. URL: <https://repository.unescap.org/handle/20.500.12870/2920> (дата обращения: 10.08.2024).
 412. FTA of the Republic of Korea: Status of Agreements, September 2024 / FTA Korea. 2024. URL: https://www.fta.go.kr/webmodule/_PSD_FTA/situation/FTA_ov_list.pdf (дата обращения: 01.11.2024). (На кор. яз.).
 413. *Funke M., Shu C., Cheng X., Eraslan S.* Assessing the CNH-CNY Pricing Differential: Role of Fundamentals, Contagion and Policy / BIS. Working Papers No. 492. 2015. URL: <https://www.bis.org/publ/work492.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
 414. *Ganbaatar B., Huang J., Shuai C., Nawaz A., Ali M.* Empirical Analysis of Factors Affecting the Bilateral Trade between Mongolia and China // Sustainability. 2021. Vol. 13. Pp. 40–51. <https://doi.org/10.3390/su13074051>
 415. *Gao B.* China's Economic Engagement in North Korea. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 183 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-13-0887-1>
 416. *Gaur A., Settles A., Väätänen J.* Do Economic Sanctions Work? Evidence from the Russia-Ukraine Conflict // Journal of Management Studies. 2023. Vol. 60. Pp. 1391–1414. <https://doi.org/10.1111/joms.12933>
 417. GDP (Current US\$) – Korea, Rep. / World Bank Group. 2024. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KR&most_recent_value_desc=true (дата обращения: 14.07.2024).
 418. GDP (current US\$) / World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 01.10.2024).
 419. General Profile: Republic of Korea / UNCTAD. 2023. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/410/index.html> (дата обращения: 14.07.2024).
 420. Geoeconomic Fragmentation and Foreign Direct Investment // World Economic Outlook: A Rocky Recovery / International Monetary Fund. 2023. Pp. 91–106.

- URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023> (дата обращения: 01.07.2024).
421. *Gibbs D., Rigot-Muller P., Mangan J., Lalwani C.* The Role of Sea Ports in End-to-End Maritime Transport Chain Emissions // *Energy Policy*. 2014. Vol. 64. Pp. 337–348. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2013.09.024>
422. *Gill I.S., Kharas H.* The Middle-Income Trap Turns Ten / Policy Research Working Paper No. 7403. 2015. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/291521468179640202/The-middle-income-trap-turns-ten> (дата обращения: 01.10.2024).
423. *Glaeser E., Huang W., Ma Y., Shleifer A.* A Real Estate Boom with Chinese Characteristics / NBER. Working Paper 22789. 2016. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w22789/w22789.pdf (дата обращения: 30.10.2024).
424. *Glaeser E., Huang W., Ma Y.R., Shleifer A.* A Real Estate Boom with Chinese Characteristics // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. Issue 1. Pp. 93–116. <https://doi.org/10.1257/jep.31.1.93>
425. Global Economic Fracturing and Shifting Investment Patterns / UNCTAD. 2024. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diae2024d1_en.pdf (дата обращения: 15.08.2024).
426. Global Economic Prospects / World Bank Group. 2024. June. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/6feb9566-e973-4706-a4e1-b3b82a1a758d/content> (дата обращения: 09.09.2024).
427. Global Economic Prospects, June 2024 / World Bank Group. 2024. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099003106112426991/IDU1bc56b5c41f04914acb194181b46ce62466fe> (дата обращения: 01.10.2024).
428. Global Innovation Index 2020. Republic of Korea / The World Intellectual Property Organization. 2020. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020/kr.pdf (дата обращения: 14.10.2024).
429. Global Port Development Report, 2022 / Shanghai International Shipping Institute. 2022. URL: <http://sisi.gstta.org/uploads/2023/07/070257265441.pdf> (дата обращения: 12.09.2024).
430. Global Semiconductor Foundry Revenue Share: Q2 2024 / Counterpoint Research. 2024. URL: <https://www.counterpointresearch.com/insights/global-semiconductor-foundry-market-share/> (дата обращения: 16.09.2024).
431. Global Semiconductor Sales Increase 3.3% in 2022 Despite Second-Half Slowdown / Semiconductor Industry Association. 2023. URL: <https://www.semiconductors.org/global-semiconductor-sales-increase-3-2-in-2022-despite-second-half-slowdown/> (дата обращения: 14.07.2024).
432. Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism. Investing in People, Technology, and Startups / Cabinet Secretariat of Japan. 2022. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022en.pdf (дата доступа: 12.09.2024).

433. *Gray K., Lee J.W.* Following in China's Footsteps? The Political Economy of North Korean Reform // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. Issue 1. Pp. 51–73. <https://doi.org/10.1080/09512748.2015.1100666>
434. *Greitens S.C.* Politics of the North Korean Diaspora. Cambridge University Press, 2024. 102 p. <https://doi.org/10.1017/9781009197267>
435. Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2023 / Bank of Korea. 2024. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttId=10086116&menuNo=400423&relate=Y&depth=400423&programType=newsDataEng> (дата обращения: 01.10.2024).
436. Gross Domestic Product, by Production Approach, by Quarter, by Divisions, by Cumulative / National Statistical Office of Mongolia. 2024. URL: https://www.nso.mn/en/statistic/statcate/573052/table-view/DT_NSO_0500_022V1 (дата обращения: 01.10.2024).
437. *Guan X., Wei H., Lu S., Dai Q., Su H.* Assessment on the Urbanization Strategy in China: Achievements, Challenges and Reflections // *Habitat International*. 2018. Vol. 71. Pp. 97–109. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2017.11.009>
438. *Guilhot L.* An Analysis of China's Energy Policy from 1981 to 2020: Transitioning Towards to a Diversified and Low-Carbon Energy System // *Energy Policy*. 2022. Vol. 162. 112806. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.112806>
439. *Han Z., Paul T.V.* China's Rise and Balance of Power Politics // *The Chinese Journal of International Politics*, 2020. Vol. 13. Issue 1. Pp. 1–26. <https://doi.org/10.1093/cjip/poz018>
440. *Harris T.* The Iconoclast: Shinzo Abe and the New Japan. London: Hurst & Company, 2020. 456 p.
441. *Hastings J.V., Wang Y.* Informal Trade along the China – North Korea Border // *Journal of East Asian Studies*. 2018. Vol. 18. Issue 2. Pp. 1–23. <https://doi.org/10.1017/jea.2018.4>
442. Health at a Glance 2023 / OECD. 2023. <https://doi.org/10.1787/d90b402d-en>
443. *Helble M., Hill H., Magee D.* Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked between Two Giants / ADB. 2020. 296 p. URL: <https://www.adb.org/publications/mongolia-economic-prospects> (дата обращения: 21.08.2024).
444. *Hidasi J.* Womenomics: Success or Failure? // *Hungary and Japan. Analyses of Recent Economic and Social Trends in Japan and Their Effects on Hungary*. Budapest: Budapest Business School, 2019. Pp. 45–70. URL: https://publikaciotar.uni-bge.hu/1676/1/japan_beliv-web-46-71.pdf (дата обращения: 16.08.2024).
445. *Hong W.* The Putin Paradox and Russia's Pivot to Asia // *Global Asia*. 2024. Vol. 19. Issue 2. URL: https://globalasia.org/v19no2/feature/the-putin-paradox-and-russias-pivot-to-asia_wan-suk-hong (дата обращения: 01.09.2024).

446. *Hong, E.-J.* Analysis of the Impact of Low Fertility and Population Aging on The Economy: Prospects for Economic Growth // *Women's Economic Journal*. 2017. Vol. 14. Issue 2. Pp. 1–23. (На кор. яз.)
447. Household Debt, Loans and Debt Securities / IMF. 2023. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/HH_LS@GDD/SWE/AUS/CAN/DEU/USA/GBR/KOR (дата обращения: 20.10.2024).
448. Households and NPISHs Final Consumption Expenditure (% of GDP) / World Bank. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.ZS> (дата обращения: 01.10.2024).
449. Households' Income and Consumption Expenditure in 2022 / National Bureau of Statistics of China. 2023. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202301/t20230118_1892303.html (дата обращения: 30.10.2024).
450. *Hu C., Tan Y.* Export Spillovers and Export Performance in China // *China Economic Review*. 2016. Vol. 41. Pp. 75–89. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2016.08.008>
451. *Huang T., Lovely M.E.* Five Big Uncertainties Facing the Chinese Economy in 2024 / *PIIE*. 2023. URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/five-big-uncertainties-facing-chinese-economy-2024> (дата обращения: 01.10.2024).
452. *Hüfner F., Koske I.* Explaining Household Saving Rates in G7 Countries: Implications for Germany / *OECD Economics Department. Working Paper No. 754*. 2010. 25 p. <https://doi.org/10.1787/5kmjv81n9phc-en>.
453. *Hui M.D. N.* Korea Continues To Face Considerable Difficulty In Achieving Coal Production Targets // *Daily NK*. 2022. 30 March. URL: <https://www.dailynk.com/english/n-korea-continues-to-face-considerable-difficulty-in-achieving-coal-production-targets/> (дата обращения: 19.10.2024).
454. *Huld A.* China Releases 33 New Stimulus Measures to Boost Economy // *China Briefing*. 2022. 2 June. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-releases-33-new-stimulus-measures-to-boost-economy/> (дата обращения: 01.10.2024).
455. *Hummels D., Ishii J., Yi K.M.* The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade // *Journal of International Economics*. 2001. Vol. 54. Issue 1. Pp. 75–96. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(00\)00093-3](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(00)00093-3)
456. *Igata A., Glosserman B.* Japan's New Economic Statecraft // *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. Issue 3. Pp. 25–42. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2021.1970334>.
457. Immigration Dynamics by Gender, Nationality / *KOSIS*. 2014. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1SN1001&vw_cd=MT_ZTITLE&list_id=A11_SN&scrId=&seqNo=&lang_mode=ko&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ZTITLE&path=%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do (дата обращения: 14.09.2024). (На кор. яз.).
458. Index of Economic Freedom / *Heritage Foundation*. 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/about> (дата обращения: 01.10.2024).

459. Index of Economic Freedom. All Countries / Heritage Foundation. 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores> (дата обращения: 16.10.2024).
460. Index of Economic Freedom. All Country Score / Heritage Foundation. 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores> (дата обращения: 12.09.2024).
461. Index of Economic Freedom. Japan / Heritage Foundation. 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/country-pages/japan> (дата обращения: 16.08.2024).
462. Index of Economic Freedom. North Korea / Heritage Foundation. 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/country-pages/korea-north> (дата обращения: 16.08.2024).
463. Indexes of Gross Domestic Products. Quarterly / National Bureau of Statistics of China. 2024. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=B01> (дата обращения: 01.10.2024).
464. Indo-Pacific Strategy Report / The Department of Defense. 2019. 64 p. URL: <https://www.airandspaceforces.com/PDF/DocumentFile/Documents/2019/DOD%20Indo-Pacific%20Strategy%20Report.PDF> (дата обращения: 14.09.2024).
465. Industrial Supply Chain Strategy 3050 / Government Strategy Information Portal. 2023. URL: <https://nsp.nanet.go.kr/plan/subject/detail.do?nationalPlanControlNo=PLAN0000042799> (дата обращения: 01.11.2024). (На кор. яз.).
466. Integrated International Transport and Logistics System for North-East Asia. New York: UN ESCAP; Korea Transport Institute, 2006. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/621182?v=pdf> (дата обращения: 12.08.2024).
467. Integrated International Transport and Logistics System for North-East Asia. New York: UN ESCAP; Korea Transport Institute, 2006. 124 p. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/621182?v=pdf> (дата обращения: 14.09.2024).
468. International Agreements – Latest Ratifications, Accessions and Successions / UNECE. 2024. URL: <http://www.unece.org/trans/trans/conventn/latest.html> (дата обращения: 28.08.2024).
469. International Investment Agreements Navigator / UNCTAD. 2024. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/by-economy> (дата обращения: 15.09.2024).
470. International Maritime Organization. 2024. URL: <https://www.imo.org/> (дата обращения: 20.09.2024).
471. Jackson K., Shepotylo O. Belt and Road: The China Dream? // China Economic Review. 2021. Vol. 67. 101604. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2021.101604>
472. Jackson K., Shepotylo O. Transforming East Asia: Regional Integration in a Trade War Era // Open Economies Review. 2023. Vol. 34. Pp. 657–672. <https://doi.org/10.1007/s11079-022-09698-y>
473. Jang S. N. Korean Official's Death in China Leads to Increased Ideological Reviews of Workers // Daily NK. 2024. 6 March.

- URL: <https://www.dailynk.com/english/north-korean-officials-death-china-leads-increased-ideological-reviews-workers/> (дата обращения: 10.09.2024).
474. Japan – Republic of Korea Joint Declaration ‘A New Japan – Republic of Korea Partnership towards the Twenty-First Century’ 8 October 1998. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (дата обращения: 19.11.2024). (На кор. яз.).
475. Japan / IMF. Country Report No. 22/99/ 2022. 83 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2022/04/06/Japan-2022-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-516216> (дата обращения: 01.10.2024).
476. Japan’s Vision on a ‘Free and Open Indo-Pacific (FOIP)’ / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
477. Japan-China-ROK Trilateral Cooperation / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2024. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/jck/index.html> (дата обращения: 09.09.2024).
478. Japan-Korea Free Trade Agreement. Joint Study Group Report / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2003. 90 p. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/fta/index.html> (дата обращения: 01.05.2024).
479. *Jargalsaikhan T., Tuvshintugs M.-E., Park E.B.* An Analysis of Foreign Direct Investment Flows into Mongolia // *Oikonomos*. 2021. Vol. 7. Issue 1. Pp. 29–48.
480. *Jeong M.* Economic Impacts of the Sanctions on the Russian Economy and Stabilization Measures for Economic Cooperation between Korea and Russia / KIEP Research Paper. World Economy Brief (WEB) 24-20. 2024. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4887986>
481. *Ji X., Rana P., Chia W., Li C.* Trade Policy Options for ASEAN Countries and Their Regional Dialogue Partners. ‘Preference Ordering’ Using CGE Analysis / S. Rajaratnam School of International Studies. Working Paper No. 308. 2018. 35 p. URL: <https://dr.ntu.edu.sg/handle/10356/88330> (дата обращения: 09.09.2024).
482. *Jiang H., Yu M.* Understanding RCEP and CPTPP: From the Perspective China’s Dual Circulation Economic Strategy // *China Economic Journal*. 2021. Vol. 14. Issue 2. Pp. 144–161. <https://doi.org/10.1080/17538963.2021.1933055>
483. *Jim C., Yu X.* China Evergrande Ordered to Liquidate in Landmark Moment for Crisis-Hit Sector // Reuters. 2024. 30 January. URL: <https://www.reuters.com/business/embattled-china-evergrande-back-court-liquidation-hearing-2024-01-28/> (дата обращения: 01.10.2024).
484. *Jin Z., Zhang J.* Access to Local Citizenship and Internal Migration in a Developing Country: Evidence from a Hukou Reform in China // *Journal of Comparative Economics*. 2023. Vol. 51. Pp. 181–215. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2022.08.004>
485. Jobs and Technology: East Asia and Pacific Economic Update / World Bank Group. 2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/events/2024/10/09/jobs-and->

- technology-east-asia-and-pacific-economic-update-october-2024 (дата обращения: 16.05.2024).
486. Joint Study on Developing Euro-Asian Transport Linkages / United Nations. 2008. 218 p. URL: https://unece.org/DAM/trans/doc/2008/wp5/EATL_phase_1_e.pdf (дата обращения: 20.08.2024).
 487. *Jones L.* Ranked: These are the Countries with the Most (and Least) Home Ownership Rate, 2024. // CEOWORLD. 2024. 28 January. URL: <https://ceoworld.biz/2024/01/28/ranked-these-are-the-countries-with-the-most-and-least-home-ownership-rate-2024/> (дата обращения: 30.10.2024).
 488. *Kang M.-K.* The Confidence Trap: Japan's Past Bubble and China's Recent Bubble // New Political Economy. 2017. Vol. 23. Issue 1. Pp. 1–26. <http://doi.org/10.1080/13563467.2017.1321626>
 489. *Kaseda Y.* Japan's Power Shift and Its DPRK Policy // Pacific Focus. 2010. Vol. 25. Pp. 237–256. <https://doi.org/10.1111/j.1976-5118.2010.01043.x>
 490. *Kato Y.* How Could Japan-China Relations Be Stabilized? // The Review of International Affairs. 2019. Vol. LXX. Issue 1173. Pp. 48–55. URL: <https://www.diplomacy.bg.ac.rs/pdf/ria/2019/RIA-1173.pdf#page=46> (дата обращения: 01.10.2024).
 491. *Katz S.S.* A Northeast Asian Development Bank // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Sixth Meeting of the Northeast Asia Economic Forum (January 18–19, 1996, Honolulu Hawaii). 1996. Pp. 125–134.
 492. *Katz S.S.* Financing the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB): Issues for Further Discussion // Building a Northeast Asian Economic Community (December 30, 2015) / Ed. by Cho L.J., Lee C.J.; KIEP Conference Proceedings-15-02. 2015. Pp. 129–132.
 493. *Kawai M.* Financing Development Cooperation in Northeast Asia / ADBI. Working Paper No. 407. 2013. URL: <https://www.adb.org/publications/financing-development-cooperation-northeast-asia> (дата обращения: 01.03.2021).
 494. *Kawasaki K.* Economic Impact of a China, Japan and Korea FTA / National Graduate Institute for Policy Studies. Policy Analysis Focus 24-4. 2024. URL: https://www.grips.ac.jp/uploads/about/2024/06/PAF_24-4_Economic_Impact_of_a_China_Japan_and_Korea.pdf (дата обращения: 29.09.2024).
 495. *Kawashima S.* Normalized Sino-Japanese Diplomacy, 45 Years on // The Japan Times. 2017. 11 September. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/09/11/commentary/japan-commentary/normalized-sino-japanese-diplomacy-45-years/> (дата обращения: 01.10.2024).
 496. KDI Economic Outlook / KDI. 2024. URL: https://www.kdi.re.kr/eng/research/economy?pub_no=18214 (дата обращения: 10.09.2024).

497. KDI Review of the North Korean Economy / KDI. 2024. Vol. 26. Issue 1. URL: https://www.kdi.re.kr/eng/research/monNorth?pub_no=18211 (дата обращения: 30.08.2024) (На кор. яз.).
498. KERI Economic Trends and Prospects 2022–2023 / Korea Economic Research Institute. 2022. Vol. 32-3. URL: https://www.keri.org/_files/ugd/a3e008_06790a93b69a4a1fb94496a73938dca2.pdf (дата обращения: 14.07.2024) (На кор. яз.).
499. *Kihara L., Kajimoto T.* Japan Unveils \$103 Bln Relief Package to Combat Rising Prices // Reuters. 2022. 26 April. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japan-unveils-103-bln-relief-package-combat-rising-prices-2022-04-26/> (дата обращения: 01.10.2024).
500. *Kim B.* What has China Learned from Processing Trade? // Economic Structures. 2017. Vol. 6. Issue 32. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1186/s40008-017-0088-5>
501. *Kim J.* Camp David Summit and Korean Diplomacy Challenges // Sejong Focus. 2023. 22 August. URL: <https://sejong.org/web/board/22/egoread.php?bd=22&itm=&txt=&pg=5&seq=7300> (дата обращения: 01.09.2024).
502. *Kim J.* Impacts of Currency Fluctuations on Exports and Imports and the Trade Balance // KDI Economic Outlook. 2022. URL: https://www.kdi.re.kr/eng/research/analysisView?art_no=3411 (дата обращения: 02.11.2024).
503. *Kim J., Kim K., Park S., Sun C.* The Economic Costs of Trade Sanctions: Evidence from North Korea // Journal of International Economics. 2023. Vol. 145. 103813. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2023.103813>
504. *Kim J.Y.* Escaping the Vicious Cycle: Symbolic Politics and History Disputes Between South Korea and Japan // Asian Perspective. 2014. Vol. 38. Issue 1. Pp. 31–60.
505. *Kim K.M.* The Korean Developmental State. Springer Books, 2020. 228 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3465-2>
506. *Kim W.* Impacts of RMB Devaluation on China's Trade Balances: A Time-Varying SVAR Approach // Applied Economics. 2020. Vol. 52. Pp. 4952–4966. <https://doi.org/10.1080/00036846.2020.1751801>
507. *Kim Y., Raiser M., Stapleton K.* Denser Cities Could Help China Reconcile Economic and Climate Goals / Brookings Institution, Future Development. 2021. URL: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2021/12/09/denser-cities-could-help-china-reconcile-economic-and-climate-goals/> (дата обращения: 01.10.2024).
508. *Kimura F.* Japan's Model of Economic Development. Relevant and Nonrelevant Elements for Developing Economies / United Nations University. World Institute for Development Economic Research. Research Paper No. 2009/22. 2009. 17 p. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/RP2009-22.pdf> (дата обращения: 16.08.2024).

509. *Koen V., Beom J.* North Korea: The Last Transition Economy? / OECD. Economics Department. 2020. Working Paper No. 1607. 47 p. URL: https://www.oecd.org/en/publications/north-korea-the-last-transition-economy_82dee315-en.html (дата обращения: 11.10.2024).
510. *Koga K.* Japan's Indo-Pacific Question: Countering China or Shaping a New Regional Order // *International Affairs*. 2020. Vol. 96. Issue 1. Pp. 49–73. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz241>
511. *Kohl T., van den Berg M., Franssen L.* Going Dutch? Firm Exports and FDI in the Wake of the 2014 EU-Russia Sanctions // *Review of International Economics*. 2024. Vol. 32. Issue 1. Pp. 190–222. <https://doi.org/10.1111/roie.12717>
512. Korea Statistical Information Service / KOSIS. 2024. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=301&tblId=DT_200Y101&vw_cd=MT_ZTITLE&list_id=Q_301009_002_001&scrId=&seqNo=&lang_mode=ko&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ZTITLE&path=%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do (дата обращения: 14.07.2024). (На кор. яз.).
513. *Korhonen I., Simola H.* High-Priority Battlefield Items and Television Sets – How Sanctions Reduced Russians' Access to Goods / BOFIT. Discussion Paper No. 3/2024. 2024. 24 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4752807>
514. *Kreil E.* United States Produces More Crude Oil Than Any Country, Ever / U.S. Energy Information Administration. In-Brief Analysis. 2024. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=61545> (дата обращения: 01.10.2024).
515. *Krugman P.* China's Economy Is in Serious Trouble // *The New York Times*. 2024. 18 January. URL: <https://www.nytimes.com/2024/01/18/opinion/china-economy-xi.html> (дата обращения: 01.10.2024).
516. K-stat / Korea International Trade Association. 2024. URL: <https://stat.kita.net/stat/kts/ctr/CtrTotalImpExpList.screen> (дата обращения: 20.10.2024). (На кор. яз.).
517. *Kwon H.* Openness and Coordination. National Economies of the U.S., Japan, and Germany in a Globalized World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. 310 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-97-3352-1>
518. L. Oyun-Erdene: If the 14 Mega Projects Can Be Fully Launched, There Is a Real Possibility That the GDP Will Reach 10,000 US Dollars // *24tsag*. 2024. URL: <https://www.24tsag.mn/a/231973> (дата обращения: 13.10.2024). (На монг. яз.).
519. *Larch M., Luckstead J., Yotov Y.V.* Economic Sanctions and Agricultural Trade // *American Journal of Agricultural Economics*. 2024. Vol. 106. Issue 4. Pp. 1477–1517. <https://doi.org/10.1111/ajae.12473>
520. *Lardy N.R.* How Serious Is China's Economic Slowdown? / *PIIE*. 2023. URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/how-serious-chinas-economic-slowdown> (дата обращения: 01.10.2024).
521. *Latorre M. C., Hosoe N.* The Role of Japanese FDI in China // *Journal of Policy Modeling*. 2016. Vol. 38. Pp. 226–241. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jpolmod.2016.02.003>

522. *Ledyeva S., Karhunen K., Whalley J.* If Foreign Investment Is Not Foreign: Round-Trip Versus Genuine Foreign Investment in Russia / CEPII. Working Papers. 2013. 66 p. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2013/wp2013-05.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
523. *Lee H.-K.* Mongolia's Railway Development Strategy in Connection with the Establishment of the East Asia Railway Community (EARC). 2022. URL: https://events.wbgkggtf.org/sites/kggtf_events/files/session/KGID%20ICAK%20Breakout%20Session_3%20%28KOTI%29.pdf (дата обращения: 28.09.2024).
524. *Lee J., Kim C.* S.Korea Reins in Stimulus with First Spending Cut in 13 years // Reuters. 2022. 30 August. URL: <https://www.reuters.com/markets/europe/skorea-eyes-fiscal-discipline-with-smallest-spending-13-years-2022-08-30/> (дата обращения: 01.10.2024).
525. *Lee J.-H.* China Ends Sanctions on Lotte Two Years after South Korean Retailer Cedes Land to US Missile Defences // South China Morning Post. 2019. 2 May. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3008576/china-ends-sanctions-lotte-two-years-after-south-korean> (дата обращения: 01.10.2024).
526. *Lee J.K.* The Impacts of Economic Sanctions and Covid-19 on the North Korean Economy: 2017–2020 / Korea Economic Institute. 2022. URL: <https://keia.org/publication/the-impacts-of-economic-sanctions-and-covid-19-on-the-north-korean-economy-2017-2020/> (дата обращения: 10.10.2024).
527. *Lee K.K.* Korea's Economic Growth and the Growth Model in the Changing Global Economy // The Japanese Political Economy. 2024. Vol. 50. Issue 2. Pp. 161–184. <https://doi.org/10.1080/2329194X.2024.2325981>
528. *Lemoine F., Unal D.* China's Foreign Trade: A 'New Normal' // China & World Economy. 2017. Vol. 25. Issue 2. Pp. 1–21. <https://doi.org/10.1111/cwe.12191>
529. *Li Q., Scollay R., Maani S.* Effects on China and ASEAN of the ASEAN-China FTA: The FDI Perspective // Journal of Asian Economics. 2016. Vol. 44. Pp. 1–19. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2016.05.001>
530. *Li Y., Yang M., Zhu L.* FDI, Export Sophistication, and Quality Upgrading: Evidence from China's WTO Accession // Japan and the World Economy. 2021. Vol. 59. 101086. <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2021.101086>
531. *Lim B., Hong E.K., Mou J., Cheong I.* COVID-19 in Korea: Success Based on Past Failure // Asian Economic Papers. 2021. Vol. 20. Issue 2. Pp. 41–62. https://doi.org/10.1162/asep_a_00803
532. *Lim S.-W., Suthiwartnarueput K., Abareshi A., Lee P.T.-W., Duval Y.* Key Factors In Developing Transit Trade Corridors in Northeast Asia // Journal of Korea Trade. 2017. Vol. 21. Issue 3. Pp. 191–207. <https://doi.org/10.1108/JKT-05-2017-0046>
533. *Lin K.J., Lu X., Zhang J., Zheng Y.* State-Owned Enterprises in China: A Review of 40 Years of Research and Practice // China Journal of Accounting Research. 2020. Vol. 13. Pp. 31–55. <https://doi.org/10.1016/j.cjar.2019.12.001>

534. *Liu M.-H., Margaritis D., Zhang Y.* The Global Financial Crisis and the Export-Led Economic Growth in China // *The Chinese Economy*. 2019. Vol. 52. Issue 3. Pp. 232–248. <https://doi.org/10.1080/10971475.2018.1548144>
535. *Liu T.-Y., Su C. W., Jiang X.-Z.* Is Economic Growth Improving Urbanisation? A Cross-Regional Study of China // *Urban Studies*. 2015. Vol. 52. Issue 10. Pp. 1883–1898. <https://doi.org/10.1177/0042098014540348>
536. *Liu Y., Zhao Y., Liu X.* Institutional Action, Institutional Entrepreneurship, and China's Inward FDI Policy: A Co-Evolution Analysis // *International Business Review*. 2025. Vol. 34. Issue 1. 102342. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2024.102342>
537. Liuzhou-Moscow Freight Train Departs After Signing of China-Russia AEO // *The Global Times*. 2022. February. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202202/1253017.shtml> (дата обращения: 10.08.2024).
538. *Live Long and Prosper: Aging in East Asia and Pacific* / World Bank Group. 2016. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/6201ddbffd26-568a-8996-d53059915136> (дата обращения: 14.09.2024).
539. *Lu G.* Achievements and Challenges: 30 Years of Housing Reforms in the People's Republic of China / ADB Economic. Working Paper Series No. 198. 2010. 46 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28408/economics-wp198.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).
540. *Lu H.* China's Arctic Policy // *Xinhua*. 2018. 26 January. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498_4.htm (дата обращения: 16.01.2019).
541. *Luo W., Lu Y., Shi H.* Why did Chinese State-Owned Enterprises Have Higher Export Propensity? A Study Based On 2003–2007 Data // *Economics of Transition and Institutional Change*. 2023. Vol. 31. Issue 3. Pp. 561–588. <https://doi.org/10.1111/ecot.12353>
542. *Macroeconomic Report 2024 Q1* / Mongolian Ministry of Economy and Development. 2024. URL: <https://med.gov.mn/uploads/users/3962/files/M24Q1EN.pdf> (дата обращения 23.08.2024).
543. *Main Science and Technology Indicators (MSTI database)* / OECD Data Explorer. 2024. URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 14.07.2024).
544. *Main Science and Technology Indicators (MSTI database)* / OECD. 2024. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/main-science-and-technology-indicators.html> (дата обращения: 14.07.2024).
545. *Makowsky P., Town J., Ragnone I.* Kaesong Industrial Complex: A Tortured History and Uncertain Future // *38 North*. 2024. September. URL: <https://www.38north.org/2024/09/kaesong-industrial-complex-a-tortured-history-and-uncertain-future/> (дата обращения: 11.10.2024).
546. *Manova K., Yu Z.* How Firms Export: Processing Vs. Ordinary Trade with Financial Frictions // *Journal of International Economics*. 2016. Vol. 100. Pp. 120–137. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2016.02.005>

547. Manufacturing in South Korea – Trends for 2023 // Asian Insiders. 2023. 7 March. URL: <https://asianinsiders.com/2023/03/07/south-korea-has-been-a-global-manufacturing-powerhouse-but-where-is-it-heading-in-the-near-future/> (дата обращения: 02.11.2024).
548. Marsden H. North Korea's Stranded Migrant Workers // The Week. 2024. 28 February. URL: <https://theweek.com/uk/politics/north-korea-sending-workers-overseas> (дата обращения: 10.09.2024).
549. Matveeva N.I. Transplantation and Adaptation of the Soviet Economic Model in North Korea, 1945–1960 // RUDN Journal of World History. 2023. Vol. 15. No. 4. Pp. 403–412. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-403-412>
550. Mayer T., Zignago S. Market Access in Global and Regional Trade / CEPII. Working Paper No. 2005-02. 2005. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2005/wp2005-02.pdf (дата обращения: 01.09.2024).
551. Mehta A. COVID-19: World Health Organisation Ships Essential Medical Supplies to North Korea // Sky News. 2021. 7 October. URL: <https://news.sky.com/story/covid-19-world-health-organisation-ships-essential-medical-supplies-to-north-korea-12428169> (дата обращения: 01.10.2024).
552. Melchior A. Russia in World Trade: Between Globalism and Regionalism // Russian Journal of Economics. 2019. Vol. 5. Pp. 354–384. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.49345>
553. Meng X., Yilmaz S. Renewable Energy Cooperation in Northeast Asia: Incentives, Mechanisms and Challenges // Energy Strategy Reviews. 2020. Vol. 29. 100468. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2020.100468>
554. Merchandise Trade Matrix, Annual / UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix> (дата обращения: 01.10.2024).
555. Merchandise: Total Trade and Share, Annual / UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal> (дата обращения: 23.09.2024).
556. Merchant Fleet by Flag of Registration and by Type of Ship, Annual / UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.MerchantFleet> (дата обращения: 05.10.2024).
557. Methodology / Heritage Foundation. 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/about.html#indexMethodology> (дата обращения: 23.08.2024).
558. Miao G., Wegner E. Recent Trends in Transport and Insurance Costs and Estimates At Disaggregated Product Level / OECD. Statistics Working Papers. 2022. 34 p. <https://doi.org/10.1787/b5dbab02-en>
559. Migrant Workers and Their Children // China Labour Bulletin. 2023. 6 September. URL: <https://clb.org.hk/en/content/migrant-workers-and-their-children> (дата обращения: 01.10.2024).

560. Military Expenditure Database / SIPRI. 2023. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 01.10.2024).
561. *Minegishi H.* 'Comfort Women' Deal' Not A Solution: President Moon // Nikkei Asia. 2017. 28 December. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Comfort-women-deal-not-a-solution-President-Moon> (дата обращения: 19.11.2024).
562. *Mishra M., Cha S.* North Korea Rejects Offer of Nearly 3 Million Sinovac COVID-19 Shots // Reuters. 2021. 2 September. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/north-korea-turns-down-sinovac-covid-19-vaccine-doses-wsj-2021-09-01/> (дата обращения: 01.10.2024).
563. *Mo Q., Chen X., Yu B., Ma Z.* Levels of Economic Growth and Cross-Province Spread of the COVID-19 in China // Journal of Epidemiology and Community Health. 2021. Vol. 75. Pp. 824–828. <https://doi.org/10.1136/jech-2020-214169>
564. Mongolia Central Economic Corridor Assessment: A Value Chain Analysis of the Cashmere-Wool, Meat and Leather Industries / World Bank Group. 2019. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/fr/951491558704462665/pdf/Mongolia-Central-Economic-Corridor-Assessment-A-Value-Chain-Analysis-of-Wool-Cashmere-Meat-and-Leather-Industries.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).
565. Mongolia COVID Country Profile / UNESCAP. 2023. URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/2021-03/Mongolia_COVID%20country%20profile%20230321.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
566. Mongolia Economic Update / World Bank Group. 2024. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099712205072440750/IDU1fde5a8a51b4eb142e01be4218294b9579332> (дата обращения: 16.05.2024).
567. Mongolia Exports by Country / Trading Economics. 2021. URL: <https://tradingeconomics.com/mongolia/exports-by-country> (дата обращения: 14.09.2024).
568. Mongolia Exports By Country / Trading Economics. 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/mongolia/unemployment-rate> (дата обращения: 19.10.2024).
569. Mongolia Sustainable Development Vision 2030 / State Great Hural of Mongolia. 2016. 54 p. URL: <http://ontsgoi.gov.mn/wp-content/uploads/2030-sustainable-development-vision.pdf> (дата обращения: 21.08.2024).
570. Mongolia, Key Indicators 2024 / ADB. 2024. URL: <https://data.adb.org/media/13056/download> (дата обращения: 23.08.2024).
571. Mongolia: Concluding Statement of the 2024 IMF Staff Visit / IMF. 2024. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/10/14/mcs-mongolia-concluding-statement-of-the-2024-imf-staff-visit> (дата обращения 15.10.2024).
572. Mongolia: Systematic Country Diagnostic / World Bank Group. 2018. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/576101543874150141/mongolia-systematic-country-diagnostic> (дата обращения: 15.08.2024).

573. *Monios J., Wilmsmeier G., Ng A.K.Y.* Port System Evolution – The Emergence of Second-Tier Hubs // *Maritime Policy & Management*. 2019. Vol. 46. Issue 1. Pp. 61–73. <https://doi.org/10.1080/03088839.2018.1468937>
574. *Naranbold B., Kim E.-M.* A Study on FTA Partner Selection: A Focus on a Land Locked Developing Country, Mongolia // *Journal of International Trade & Commerce*. 2019. Vol. 15. Issue. 2. Pp. 95–116. <http://dx.doi.org/10.16980/jitc.15.2.201904.95>
575. *Narantuya C., Zagdbazar M., Bayartsogt K.E., Tuvshintugs D., Munkh-Ireedui B., Begz D.* Foreign Direct Investment in Mongolia: Impact and Determinants // *Economic Dependence of Mongolia on Minerals. Contributions to Economics / Edited by Y. Hosoi, T. Batdelger, K. Chuluundorj*. Singapore: Springer, 2022. Pp. 53–92. https://doi.org/10.1007/978-981-19-5515-0_3
576. *Narins T.P., Agnew J.* Veiled Futures? Debt Burdens, the Belt Road Initiative, and Official Chinese Lending After Coronavirus // *Human Geography*. 2022. Vol. 15. Issue 2. Pp. 190–205. <https://doi.org/10.1177/19427786211045404>
577. National Data / National Bureau of Statistics of China. 2023. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения: 01.10.2024).
578. National Security Council of Mongolia / Institute for Strategic Studies. 2023. URL: https://en.iss.gov.mn/?page_id=70 (дата обращения: 14.09.2024).
579. *Nölke A.* Geoeconomic Infrastructures: Building Chinese-Russian Alternatives to SWIFT // *Capital Claims: Power and Global Finance*. Routledge, 2022. 20 p. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781003218487-10/geoeconomic-infrastructures-andreas-n%C3%B6lke> (дата обращения: 01.10.2024).
580. North Korea Development Report 2002/03 / Korea Institute for International Economic Policy. Seoul: KIEP, 2003. 568 p. URL: <https://library.krihs.re.kr/newarrival/10110/contents/5926615?> (дата обращения: 19.10.2024).
581. North Korea GDP Annual Growth Rate / Trading Economics. 2023. URL: <https://tradingeconomics.com/north-korea/gdp-annual-growth-rate> (дата обращения: 01.10.2024).
582. North Korea Population / World Population Review. 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/north-korea-population> (дата обращения: 19.08.2024).
583. Notice of the State Council on Printing and Distributing a Package of Policies and Measures for Solidly Stabilizing the Economy / State Council. 2022. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2022-05/31/content_5693159.htm (дата обращения: 01.10.2024). (На кит. яз.).
584. *Notteboom T., Rodrigue J.-P.* Port Regionalization: Towards a New Phase in Port Development // *Maritime Policy and Management*. 2005. Vol. 32. Issue 3. Pp. 297–313. <https://doi.org/10.1080/03088830500139885>

585. *Notteboom T., Rodrigue J.P.* The Future of Containerization: Perspectives from Maritime and Inland Freight Distribution // *Geojournal*. 2009. Vol. 74. Issue 1. Pp. 7–22. <https://doi.org/10.1007/s10708-008-9211-3>
586. Number of COVID-19 Cases Reported to WHO / World Health Organization. 2024. URL: <https://covid19.who.int/table> (дата обращения: 06.09.2024).
587. Number of Migrant Workers in China from 2013 to 2023 / Statista. 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/234578/share-of-migrant-workers-in-china-by-age/> (дата обращения: 01.10.2024).
588. *O'Toole R.* China and U.S. Housing Crises: Failures of Central Planning / *CATO*. 2021. URL: <https://www.cato.org/blog/china-us-housing-crises-failures-central-planning> (дата обращения: 30.10.2024).
589. *Oba M.* Japan and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) / Economic Research Institute for ASEAN and East Asia. Discussion Paper Series No. 461. 2022. 31 p. URL: <https://www.eria.org/research/japan-and-the-regional-comprehensive-economic-partnership-rcep/> (дата обращения: 09.09.2024).
590. *Oda T., Miyazaki T., Shimamura Y.* SA199 Short-Term Forecast / Japan Center for Economic Research (JCER). 2024. URL: <https://www.jcer.or.jp/english/sa199-short-term-forecast> (дата обращения: 09.09.2024).
591. OECD Economic Outlook, Interim Report September 2024 / OECD. 2024. <https://doi.org/10.1787/1517c196-en>
592. OECD Economic Outlook / OECD. 2024. Vol. 2024. Issue 1. <https://doi.org/10.1787/69a0c310-en>
593. OECD Economic Surveys: China 2019 / OECD. 2019. https://doi.org/10.1787/eco_surveys-chn-2019-en
594. OECD Regional Outlook 2023: The Longstanding Geography of Inequalities / OECD. 2023. 154 p. <https://doi.org/10.1787/92cd40a0-en>
595. Oil – Supply and Demand. World Energy Review / ENI. 2023. 52 p. URL: https://www.eni.com/assets/documents/eng/topic/global-energy-scenarios/world-energy-review/2023/02_OIL.pdf (дата обращения: 01.07.2024).
596. *Okina K., Shirakawa M., Shiratsuka Sh.* The Asset Price Bubble and Monetary Policy: Japan's Experience in the Late 1980s and the Lessons // *Monetary and Economic Studies*. 2001. Vol. 19. Issue S-1. Pp. 395–450. URL: <https://www.imes.boj.or.jp/research/papers/english/me19-s1-14.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
597. *Olivero M.P., Yotov Y.V.* Dynamic Gravity: Endogenous Country Size and Asset Accumulation // *Canadian Journal of Economics*. 2012. Vol. 45. Issue 1. Pp. 64–92. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-5982.2011.01687.x>
598. *Olivier D., Slack B.* Rethinking the port // *Environment and Planning*. 2005. Vol. 38. Issue 8. Pp. 1409–1427. <https://doi.org/10.1068/a37421>
599. One Hundred Container Ports 2023 / *Lloydslist*. 2024. URL: <https://www.lloydslist.com/one-hundred-container-ports-2023> (дата обращения: 01.08.2024).

600. *Ottaviano G.I.P., Ypersele van T.* Market Size and Tax Competition // Journal of International Economics. 2005. Vol. 67. Pp. 25–46. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2004.08.010>
601. Outlook for Economic Activity and Prices (April 2024) / Bank of Japan. 2024. URL: <https://www.boj.or.jp/en/mopo/outlook/gor2404a.pdf> (дата обращения: 30.09.2024).
602. *Park J., Kim E.* China's Aid to North Korea, Is It Exceptional? A Comparative Analysis with China's Aid to Africa // International Journal of Korean Unification Studies. 2017. Vol. 26. Issue 2. Pp. 67–94. <https://doi.org/10.33728/ijkus.2017.26.2.003>
603. *Park J.H.* The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries // Contributions to Asian Studies. 2002. Vol. 18. Issue 4. Pp. 330–353. <https://doi.org/10.1177/0169796x0201800403>
604. *Park M.* Analysis of Total Factor Productivity Prospects in the Republic of Korea Based on Panel Data // South Korean Economy Scientific Journal. 2021. Vol. 28. Issue 1. Pp. 39–80. (На кор. яз.)
605. *Park S.* Mega FTAs and the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in the Asia Pacific Region: Will It Be Cooperation or Competition? // International Organizations' Research Journal. 2023. Vol. 18. Issue 2. Pp. 122–150. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-07>
606. *Park S.* The Darkest Side of Monopsony: The South Korean Case // Promarket. 2020. 31 March. URL: <https://www.promarket.org/2020/03/31/the-darkest-side-of-monopsony-the-south-korean-case/> (дата обращения: 02.11.2024).
607. *Park W.* Government Debt to GDP Ratio Increases for Second Time in Five Years // Yonhap News Agency. 2023. 15 October. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20231014049600002> (дата обращения: 10.09.2024). (На кор. яз.)
608. *Pekkanen S.* Investment Regionalism in Asia: New Directions in Law and Policy? // World Trade Review. 2012. Vol. 11. Pp. 119–154. <https://doi.org/10.1017/S1474745611000383>
609. People's Republic of China / IMF. 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Countries/CHN> (дата обращения: 01.10.2024).
610. People's Republic of China / IMF. Country Report No. 22/21. 2022. 134 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2022/01/26/Peoples-Republic-of-China-2021-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-512248> (дата обращения: 01.10.2024).
611. Peoples' Republic of China / IMF. Country Report. No. 24/50. 2023. URL: <https://www.elibrary.imf.org/downloadpdf/journals/002/2024/050/002.2024.issue-050-en.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).
612. *Peschel D., Liu W.* The Long-Term Growth Prospects of the People's Republic of China / ADB East Asia. Working Paper Series No. 54. 2022. URL: <https://www.adb.org/publications/long-term-growth-prospects-peoples-republic-china> (дата обращения: 01.10.2024).

613. *Pettis M.* China's Debt Isn't the Problem. It Is a Symptom of the Problem // *Financial Times*. 2023. 20 December. URL: <https://www.ft.com/content/630f828c-ce4b-4f41-a867-9593bfaf0528> (дата обращения: 01.10.2024).
614. *Plummer M.G.* Best Practices In Regional Trading Arrangements: An Application to Asia // *The World Economy*. 2007. Vol. 30. Issue. 12. Pp. 1771–1796. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2007.01061.x>
615. *Podoba Z.S., Gorshkov V.A., Ozerova A.A.* Japan's Export Specialization in 2000–2020 // *Asia and the Global Economy*. 2021. Vol. 1. Issue 2. 100014. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2021.100014>
616. Policy Responses to COVID-19 / IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (дата обращения: 01.10.2024).
617. *Pomfret R.* The Eurasian Landbridge: Implications of Linking East Asia and Europe by Rail // *Research in Globalization*. 2021. Vol. 3. 100046. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2021.100046>
618. *Popov V., Jomo K.S.* Exchange Rate Undervaluation and Growth in China // *Development*. 2020. Vol. 63. Pp. 120–125. <https://doi.org/10.1057/s41301-020-00248-y>
619. *Qu S., She Y., Zhou Q., Verschuur J., Zhao L.-T., Liu H., Xu M., Wei Y.-M.* Modeling the Dynamic Impacts of Maritime Network Blockage on Global Supply Chains // *The Innovation*. 2024. Vol. 5. Issue 4. 100653. <https://doi.org/10.1016/j.xinn.2024.100653>
620. *Qu X., Xu Z., Yu J., Zhu J.* Understanding Local Government Debt in China: A Regional Competition Perspective // *Regional Science and Urban Economics*. 2023. Vol. 98. 103859. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2022.103859>
621. Quarterly Estimates of GDP / Cabinet Office of Japan. 2024. URL: https://www.esri.cao.go.jp/en/sna/sokuhou/sokuhou_top.html (дата обращения: 01.10.2024).
622. Rail Container Transportation in the Eurasian Space in 2023 / ERAI. 2023. URL: https://index1520.com/upload/medialibrary/9e3/5184rzmf6ylmt65pwc2ren5ue2n0cvtl/_en_.pdf (дата обращения: 09.09.2024).
623. Real Estate – China / Statista. 2024. URL: <https://www.statista.com/outlook/fmo/real-estate/china> (дата обращения: 30.10.2024).
624. Real Estate Statistics of the Republic of Korea / Korea Real Estate Board. 2024. URL: <https://www.reb.or.kr/r-one/portal/main/indexPage.do> (дата обращения: 23.08.2024). (На кор. яз.)
625. Real Gross Domestic Product / The Bank of Korea. 2024. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttId=10082038&menuNo=400069> (дата обращения: 01.10.2024).
626. Recovery for All: Korea's Fiscal Response to COVID-19 / Budget Office of the Ministry of Economy and Finance, Republic of Korea. 2021. 29 October. URL: https://english.moef.go.kr/fixFileDown/orgNm=Recovery_for_all (дата обращения: 01.10.2024).

627. Regional Economic Outlook: Asia and Pacific. Steady Growth amid Diverging Prospects / IMF. 2024. April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/APAC/Issues/2024/04/30/regional-economic-outlook-for-asia-and-pacific-April-2024> (дата обращения: 14.07.2024).
628. Regional Trade Agreements Database / WTO. 2024. URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: 15.09.2024).
629. Renewable Energy and Electricity Interconnections for a Sustainable Northeast Asia / IRENA. 2021. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2021/May/IRENA_Electricity_Interconnections_NortheastAsia_2021.pdf (дата обращения: 01.07.2024).
630. Report on the 5th Science and Technology Basic Plan / Cabinet Office. Council for Science, Technology and Innovation. 2015. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en.pdf (дата обращения: 20.09.2024).
631. Republic of Korea / IMF. Country Report No. 22/86. 2022. March. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2022/03/24/Republic-of-Korea-2022-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-Staff-Statement-515711> (дата обращения: 01.10.2024).
632. Revenue Statistics in Asia and the Pacific / OECD. 2024. 220 p. <https://doi.org/10.1787/e4681bfa-en>
633. Review of Maritime Transport 2019 / UNCTAD. 2019. URL: <https://unctad.org/publication/review-maritime-transport-2019> (дата обращения: 05.09.2024).
634. Review of Maritime Transport 2023 / UNCTAD. 2023. URL: <https://unctad.org/webflyer/review-maritime-transport-2023> (дата обращения: 07.09.2024).
635. *Rhee Y., Messerlin P.* North Korea and Economic Integration in East Asia. London: Routledge, 2019. 150 p. <https://doi.org/10.4324/9780429058790>
636. *Rodrigue J.-P.* The Geography of Transport Systems. Sixth edition. 2024. New York: Routledge. 402 p. <https://doi.org/10.4324/9781003343196>
637. *Rodrigue J.-P.* The Vulnerability and Resilience of the Global Container Shipping Industry // Current History. 2022. Issue 121 (831). Pp. 17–23. <https://doi.org/10.1525/curh.2022.121.831.17>
638. *Rogoff K., Yang Y.* Peak China Housing / NBER. Working Paper 27697. 2020. 45 p. <https://doi.org/10.3386/w27697>
639. *Ross M.L.* The Oil Curse. How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. Princeton University Press, 2012. 312 p.
640. S. Korea's Sky-High Elderly Poverty Edges Even Higher to 38.1% // The Korea Herald. 2024. 11 March. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20240311050551> (дата обращения: 14.07.2024).

641. *Sachs J.D., Warner A.M.* The Big Rush, Natural Resource Booms and Growth // *Journal of Development Economics*. 1999. Vol. 59. Pp. 43–76. [https://doi.org/10.1016/S0304-3878\(99\)00005-X](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(99)00005-X)
642. *Santos Silva J., Tenreyro S.* The Log of Gravity // *Review of Economics and Statistics*. 2006. Vol. 88. Issue 4. Pp. 641–658. <https://doi.org/10.1162/rest.88.4.641>
643. *Sato K.* International Variations in the Incremental Capital-Output Ratio // *Economic Development and Cultural Change*. 1971. Vol. 19. Issue 4. Pp. 621–640. <https://doi.org/10.1086/450516>
644. *Schaede U.* The Business Reinvention of Japan: How to Make Sense of the New Japan and Why It Matters. Stanford: Stanford University Press, 2020. 261 p.
645. *Schouker P.* Billions in the Ground: The Race to Harvest North Korea's Rare Earth Reserves // *Center for the National Interest*. 2019. URL: <https://nationalinterest.org/blog/korea-watch/billions-ground-race-harvest-north-koreas-rare-earth-reserves-50137> (дата обращения: 01.07.2024).
646. *Seafarer Supply, Quinquennial, 2015 and 2021 / UNCTAD*. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.Seafarers> (дата обращения: 07.11.2024).
647. *Shen J.* COVID-19 and Inter-Provincial Migration in China // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol. 61. Issue 4–5. Pp. 620–626. <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1820355>
648. *Shepardson D.* U.S., Japan and South Korea Vow Strategic Cooperation // *The Japan Times*. 2024. 27 June. URL: <https://www.japantimes.co.jp/business/2024/06/27/economy/us-japan-south-korea-commerce-ministerial-meeting/> (дата обращения: 02.09.2024).
649. *Shi Q, Liu T.* Should Internal Migrants be Held Accountable for Spreading COVID-19? // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2020. Vol. 52. Issue 4. Pp. 695–697. <https://doi.org/10.1177/0308518X20916764>
650. *Shibata S.* Re-packaging Old Policies? ‘Abenomics’ and the Lack of an Alternative Growth Model for Japan’s Political Economy // *Japan Forum*. 2017. Vol. 29. Issue 3. Pp. 399–422. <https://doi.org/10.1080/09555803.2017.1284143>
651. *Shibata S., Bailey D.* Regional Pathologies of Late-Stage Neoliberalization: The Case of Japan in East Asia // *Economy and Society*. 2024. Vol. 53. Issue 4. Pp. 1–26. <https://doi.org/10.1080/03085147.2024.2387986>
652. *Shim E.* 100,000 North Korea Workers Facing Human Rights Violations Overseas // *United Press International*. 2016. 20 September. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2016/09/20/100000-North-Korea-workers-facing-human-rights-violations-overseas/2451474390641/ (дата обращения: 19.08.2024).
653. *Shimizu J., Sato K.* Abenomics, Yen Depreciation, Trade Deficit, and Export Competitiveness / *RIETI. Discussion Paper Series 15-E-020*. 2015. 32 p. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/15e020.pdf> (дата обращения: 29.09.2024)

654. *Shin M.* What Is the Truth About COVID-19 in North Korea? // *The Diplomat*. 2021. 6 January. URL: <https://thediplomat.com/2021/01/what-is-the-truth-about-covid-19-in-north-korea/> (дата обращения: 01.10.2024).
655. *Shin S.H.* Sanctions on North Korea and Future Economic Growth of North Korea // *The Impact of DPRK Sanctions and North Korea's Economic Future* / Edited by S. Lee et al.; Korea Development Institute (KDI), 2021. Pp. 313–353. <https://doi.org/10.22740/kdi.rm.2021.01> (На кор. яз.).
656. Ship Recycling, by Country, Annual / UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ShipScrapping> (дата обращения: 05.10.2024).
657. Shipping and Shipbuilding Markets / BRS Group. Annual Review. 2024. URL: <https://www.brsbrokers.com/annualreview2024.html> (дата обращения: 10.09.2024).
658. Ships Built by Country of Building, Annual / UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ShipBuildingFleetBeneficialOwners> (дата обращения: 05.10.2024).
659. *Simola H.* Latest Developments in Russian Imports of Sanctioned Technology Products / BOFIT. Policy Brief No. 15/2023. 2023. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/280400> (дата обращения: 01.10.2024).
660. *Snyder S.* The Pandemic and Its Impact on the South Korea-Japan Identity Clash // *Joint US-Korea Academic Studies*. 2021. Pp. 202–216. URL: <https://keia.org/publication/the-pandemic-and-its-impact-on-the-south-korea-japan-identity-clash/> (дата обращения: 19.09.2024).
661. *Snyder S., Byun S.W.* China-Korea Relations under Quarantine // *Comparative Connections*. 2020. Vol. 22. No. 1. Pp. 97–108.
662. *Snyder S., Byun S.W.* North Korea, THAAD Overshadow Beijing and Seoul's 25-th Anniversary // *Comparative Connections*. 2017. Vol. 19. No. 2. Pp. 81–90.
663. *Solow R.M.* Technical Change and the Aggregate Production Function // *The Review of Economics and Statistics*. 1957. Vol. 39. Issue 3. Pp. 312–320. <https://doi.org/10.2307/1926047>
664. *Song J., Ryu D.* Houses as Collateral and Household Debt Deleveraging in Korea // *Economics*. 2021. Vol. 15. Issue 1. Pp. 3–27. <https://doi.org/10.1515/econ-2021-0002>
665. South Korea Housing Prices Suffer Worst Fall in At Least 19 Years // *The Straits Times*. 2023. 16 January. URL: <https://www.straitstimes.com/business/south-korea-housing-prices-suffer-worst-fall-in-at-least-19-years> (дата обращения: 02.11.2024).
666. South Korea Leads World in Innovation as U.S. Exits Top Ten // *Bloomberg*. 2021. 3 February. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-03/south-korea-leads-world-in-innovation-u-s-drops-out-of-top-10> (дата обращения: 14.10.2024).
667. *Souza de L.V.* An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members / *World Bank. Economic*

- Premis No. 47. 2011. 7 p. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTPREMNET/Resources/EP47.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
668. *Souza de L.V.* Caught in the Middle? China and the ‘Middle Income Trap’ / LUISS Institute for European Analysis and Policy. Working Paper 9/2024. 2024. URL: <https://leap.luiss.it/wp-content/uploads/2024/07/WP9.24-Caught-in-the-Middle-China-and-the-Middle-Income-Trap-1.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
669. *Stangarone T.* Geopolitics and Global Slowdown Weigh on South Korea’s Economy // East Asia Forum. 2024. 24 February. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/02/24/geopolitics-and-global-slowdown-weigh-on-south-koreas-economy/> (дата обращения: 20.09.2024).
670. *Stangarone T.* South Korea’s strong economic performance faces post-pandemic challenges // East Asia Forum. 2022. 4 February. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/02/04/south-koreas-strong-economic-performance-faces-post-pandemic-challenges/> (дата обращения: 01.10.2024).
671. Statistics Database / UNCTAD. 2024. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 16.08.2024).
672. Status of the Pan-European Transport Corridors and Transport Areas / European Commission DG Energy & Transport. 2002. 127 p. URL: https://ec.europa.eu/ten/transport/external_dimension/hlg/2005_03_31_tent_consultation/doc/corridor_status_report_2000_2001_en.pdf (дата обращения: 19.08.2024).
673. *Stephens H., Kucharski J.* The CPTPP Bids of China and Taiwan: Issues and Implications / Asia Pacific Foundation of Canada. 2022. URL: <https://www.asiapacific.ca/publication/cptpp-bids-of-china-and-taiwan-issues-and-implications> (дата обращения: 09.09.2024).
674. Survey Report on Overseas Business Operations by Japanese Manufacturing Companies / Japan Bank for International Cooperation. 2023. 78 p. URL: <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2023/image/000005848.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).
675. *Sutter R.G.* Chinese Foreign Relations: Power and Policy of an Emerging Global Forth. Fifth edition. New York, London: Rowman & Littlefield, 2021. 422 p.
676. *Tabata S.* Economic Integration in Northeast Asia from the 1990s // Geo-Politics in Northeast Asia / Edited by A. Iwashita, Y.-C. Ha, E. Boyle. London: Routledge, 2022. Pp. 171–183. <https://doi.org/10.4324/9781003288039-13>
677. *Tabuchi T, Thisse J.F.* Regional Specialization and Transport Costs / Centre for Economic Policy Research. Discussion Paper 3542. 2002. URL: <http://www.cepr.org/pubs/dps/DP3542.asp> (дата обращения: 03.08.2024).
678. *Takeuchi H., McNeme K.* The Domestic Political Economy of Japan’s New Geoeconomic Strategy // Journal of East Asian Studies. 2023. Issue 23. Pp. 1–21. <https://doi.org/10.1017/jea.2022.32>

679. Tariff Data by Country / World Bank. 2024. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/trains/country-byhs6product.aspx?lang=en> (дата обращения: 15.09.2024).
680. *Terada T.* Northeast Asia's Realism: Fated External Influences on Trilateral Economic Integration // *East Asian Community Review*. 2018. Vol. 1. Pp. 49–59. <https://doi.org/10.1057/s42215-018-0006-4>
681. *Tertitskiy F.* A Study of Soviet Influence on the Formation of the North Korean Army // *Acta Koreana*. 2017. Vol. 20. Issue 1. Pp. 195–219. <https://doi.org/10.18399/acta.2017.20.1.009>
682. *Tertitskiy F.* Exclusion as a Privilege: The Chinese Diaspora in North Korea // *The Journal of Korean Studies*. 2015. Vol. 20. Issue 1. Pp. 177–200. <https://doi.org/10.1353/jks.2015.0009>
683. The Bank of Korea Base Rate / Bank of Korea. 2023. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/singl/baseRate/progress.do?dataSeCd=01&menuNo=400016> (дата обращения: 23.08.2024). (На кор. яз.).
684. The Case for Kaesong: Fostering Korean Peace through Economic Ties / International Crisis Group. Asia Report No. 300. 2019. 34 p. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/north-east-asia/korean-peninsula/300-case-kaesong-fostering-korean-peace-through-economic-ties> (дата обращения: 11.10.2024).
685. The Eurasian Transport Network / Eurasian Development Bank. 2024. URL: <https://eabr.org/en/analytics/special-reports/the-eurasian-transport-network/> (дата обращения: 20.08.2024).
686. The European Union and the Russian Federation / Delegation of the European Union to Russia. 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia_en?s=177 (дата обращения: 01.10.2024).
687. The Financial Statistics of Social Security in Japan / National Institute of Population and Social Security Research. Statistical Report No. 33. 2022. URL: <https://www.ipss.go.jp/ss-cost/e/fsss-20/data/cost2020.pdf> (дата обращения: 22.09.2024).
688. The Gap between China's Growth and Profits / DWS. 2022. URL: <https://www.dws.com/en-us/insights/cio-view/charts-of-the-week/cotw-2023/chart-of-the-week-20230825/> (дата обращения: 01.10.2024).
689. *The Oxford Handbook of the Russian Economy* / Edited by M. Alexeev, Sh. Weber. New York: Oxford University Press, 2013. 849 p.
690. *The Political Economy of North Korea: Domestic, Regional, and Global Dynamics* / Edited by M.H. Chiang. Lynne Rienner Publishers, 2022. 283 p.
691. *The Real Estate Industry in China: An Overview* / HLB. The Global Advisory and Accounting Network. 2018. URL: <https://www.hlb.global/the-real-estate-industry-in-china-an-overview/> (дата обращения: 14.10.2024).

692. The World Bank in Middle Income Countries / World Bank Group. 2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/mic/overview> (дата обращения: 01.10.2024).
693. *Thorbecke W.* Investigating How Exchange Rates Affected the Japanese Economy after the Advent of Abenomics // *Asia and the Global Economy*. 2022. Vol. 2. Issue 1. 100028. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2022.100028>
694. *Tochkov K.* North Korea's Trade and the Integration of Northeast Asia // *Asia and the Global Economy*. 2021. Vol. 1. 100007. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2021.100007>
695. *Toma T.* For Closer Regional and District-Based Cooperation and Unified Effort // *Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Yongpyeong Conference (September 26–28, 1993, Yongpyeong)*. Northeast Asia Economic Forum, Hawaii Asia-Pacific Institute. 1994. Pp. 254–256.
696. *Tornell A., Lane P.R.* The Voracity Effect // *The American Economic Review*. 1999. Vol. 89. Issue 1. Pp. 22–46. <https://doi.org/10.1257/aer.89.1.22>
697. Total Factor Productivity at Constant National Prices for China / FRED Economic Data. 2023. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/RTFPNACNA632NRUG> (дата обращения: 01.10.2024).
698. Trade Data / United Nations. 2024. URL: <https://comtradeplus.un.org/TradeFlow> (дата обращения: 01.07.2024).
699. Trade Map / International Trade Centre. 2024. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 01.07.2024).
700. Trade Profiles. Korea, Republic of / WTO. 2023. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/trade_profiles/KR_e.pdf (дата обращения: 14.07.2024).
701. Trade Statistics / Korea Customs Service. 2024. URL: https://tradedata.go.kr/cts/index_eng.do (дата обращения: 01.07.2024).
702. Trade-and-Transport Dataset / UNCTAD. 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 28.08.2024).
703. Transport and Trade: Connecting Continents / OECD, ITF. 2015. 23 p. URL: https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/15koti-itf-seminar_summary_0.pdf (дата обращения: 14.09.2024).
704. Transports Internationaux Routiers / IRU. 2024. URL: <https://www.iru.org/what-we-do/facilitating-trade-and-transit/tir> (дата обращения: 23.08.2024).
705. *Tsigaris P., da Silva J.A.T., Honma M.* Long-Term Economic Outlook for Japan, as Impacted by COVID-19 // *Open Health*. 2024. Issue 5. Pp. 1–8. <https://doi.org/10.1515/ohe-2023-0042>
706. *Tucker N.* The Soviet Model and the Economic Cold War: A Vindication of the Viability of Socialism // *Journal of Global Faultlines*. 2022. Vol. 9. Issue 2. Pp. 158–179. <https://doi.org/10.13169/jglobfaul.9.2.0158>
707. Types of Tariffs / World Bank. 2023. URL: https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/content/data_retrieval/p/intro/c2.types_of_tariffs (дата обращения: 15.09.2024).

708. *Ueda J.* Updates on Japan's Fiscal Policy for Round-Table Discussion on the Fiscal Framework in Asia / The Seventh Tokyo Fiscal Forum. 2022. 22 June. URL: https://www.mof.go.jp/pri/research/seminar/fy2022/tff2022_s2_1.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
709. Unlocking the Potential for East and North-East Asian Regional Economic Cooperation and Integration / ESCAR. 2017. URL: <https://repository.unescap.org/handle/20.500.12870/3129> (дата обращения: 15.09.2024).
710. Urban Population (% of Total Population) – China / World Bank Group. 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=CN&view=chart> (дата обращения: 30.10.2024).
711. *Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D.* Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia. Europe and Central Asia Studies / World Bank Group. 2014. 400 p. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/124481468251373591/diversified-development-making-the-most-of-natural-resources-in-eurasia> (дата обращения: 01.10.2024).
712. *Vandycke N.* Natural Resources, Physical Capital and Institutions: Evidence from Eurasia / World Bank Policy Research. Working Paper No. 6586. 2013. 27 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/e80a2278-fbcf-53a0-9f58-3f40d2c2f1b8> (дата обращения: 01.10.2024).
713. Vision for the Northeast Asia Transportation Corridors / Economic Research Institute for Northeast Asia. 2014. URL: <https://www.unii.ac.jp/erina-unp/archive/wp-content/uploads/2014/09/bl1-e.pdf> (дата обращения: 21.08.2024).
714. Vision-2050 Long-Term Development Policy of Mongolia / State Great Hural. 2020. URL: https://cabinet.gov.mn/wp-content/uploads/2050_VISION_LONG-TERM-DEVELOPMENT-POLICY.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
715. *Vortherms S.A., Liu G.G.* Hukou as Benefits: Demand for Hukou and Wages in China // Urban Studies. 2022. Vol. 59. Issue 15. Pp. 3167–3183. <https://doi.org/10.1177/00420980221074911>
716. *Vu K.* North Korea's Population Problem / Lowy Institute. 2024. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/north-korea-s-population-problem> (дата обращения: 12.10.2024).
717. *Wacker K.M., Casella B., Borga M.* Measuring Multinational Production with Foreign Direct Investment Statistics: A Survey of Challenges and Recent Developments // Journal of Economic Surveys. 2024. Pp. 1–26. <https://doi.org/10.1111/joes.12662>
718. *Wakatabe M.* Japan's Economy and Monetary Policy. Speech at a Meeting with Local Leaders in Wakayama / Bank of Japan. 2022. 3 February. URL: https://www.boj.or.jp/en/announcements/press/koen_2022/data/ko220203a1.pdf (дата обращения: 01.10.2024).

719. *Wan Z., Su Y., Li Z., Zhang X., Zhang Q., Chen J.* Analysis of the Impact of Suez Canal Blockage on the Global Shipping Network // *Ocean & Coastal Management*. 2023. Vol. 245. 106868. <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2023.106868>
720. *Wang L., Zhang B., Xie R., Su B.* The Drivers of Export Value-Added in China's Provinces: A Multi-Regional Input–Output Model // *Applied Economics*. 2020. Vol. 52. Pp. 6199–6214. <https://doi.org/10.1080/00036846.2020.1787322>
721. *Wang X., Shi R., Zhou Y.* Dynamics of Urban Sprawl and Sustainable Development in China // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2020. Vol. 70. 100736. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2019.100736>
722. *Wei Q., Zhou P., Shi X.* Assessing the Congestion Cost of Gas Pipeline between China and Russia // *Energy Strategy Reviews*. 2024. Vol. 55. 101493. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2024.101493>
723. *Wei Q., Zhou P., Shi X.* The Congestion Cost of Pipeline Networks under Third-Party Access in China's Natural Gas Market // *Energy*. 2023. Vol. 284. 128521. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2023.128521>
724. *Wen F., Yu S., Liu H., Jiang Y.* Changing Patterns and Determinants of China's Interprovincial Migration: Evidence from the 2020 census // *Population, Space and Place*. 2024. Vol. 31. Issue 1. <https://doi.org/10.1002/psp.2850>
725. *Wen H., You Y., Zhang Y.* Effects of Tariff Reduction by Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) On Global Value Chains Based On Simulation // *Applied Economics Letters*. 2021. Vol. 29. Issue 20. Pp. 1906–1920. <https://doi.org/10.1080/13504851.2021.1966361>
726. *Whong E.* 100,000 North Koreans Work Abroad, Earning US\$500 Million a Year: UN // *Radio Free Asia*. 2024. 21 March. URL: <https://www.rfa.org/english/news/korea/workers-03212024162926.html> (дата обращения: 10.09.2024).
727. *World Development Indicators: Mongolia / World Bank*. 2024. URL: <https://api.worldbank.org/v2/en/country/MNG?downloadformat=excel> (дата обращения 25.07.2024).
728. *World Economic Outlook Database / IMF*. 2022. October. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October> (дата обращения: 16.08.2024).
729. *World Economic Outlook Database / IMF*. 2024. April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April/select-countries?grp=2001&sg=All%20countries> (дата обращения: 01.10.2024).
730. *World Economic Outlook Database / IMF*. 2024. October. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October/download-entire-database> (дата обращения: 01.10.2024).
731. *World Investment Report 2020: International Production beyond the Pandemic / UNCTAD*. New York; Geneva: United Nations Publication, 2020. 268 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

732. World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery / UNCTAD. New York; Geneva: United Nations Publication, 2021. 280 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf (дата обращения: 01.08.2024)
733. World Investment Report 2024: Investment Facilitation and Digital Government / UNCTAD. 2024. 190 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (дата обращения: 01.07.2024).
734. World Population Prospects 2024 / United Nations. 2024. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/world-population-prospects-2024> (дата обращения: 16.08.2024).
735. *Wrobel R.M.* Ten Years of Kaesong Industrial Complex: A Brief History of the Last Economic Cooperation Project of the Korean Peninsula // *Economic and Environmental Studies*. 2014. Vol. 14. Issue 2. Pp. 125–147.
736. *Xia Y., Han W.* China's Debt-to-GDP Ratio Climbs to Record 287.8% in 2023 // *Caixin*. 2024. 30 January. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Caixin/China-s-debt-to-GDP-ratio-climbs-to-record-287.8-in-2023> (дата обращения: 01.10.2024).
737. *Xie Y., Yu X., Yu Z., Zhou Y.* Spatial Outward FDI: Evidence from China's Multinational Firms // *Review of International Economics*. 2024. Vol. 32. Issue 2. Pp. 574–603. <https://doi.org/10.1111/roie.12698>
738. *Xing Y.* Rising Wages, Yuan's Appreciation and China's Processing Exports // *China Economic Review*. 2018. Vol. 48. Pp. 114–122. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.04.002>
739. *Xu Y., Yang X., Mai N.* Impacts of Deep Trade Agreements on Trade And Welfare – An Application to China Joining the RCEP and CPTPP // *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2024. Pp. 1–23. <https://doi.org/10.1080/09638199.2024.2336022>
740. *Yamaguchi T., Kihara L.* Japan to Compile Fresh Stimulus Package to Cushion Fuel Blow, PM Says // *Reuters*. 2022. 23 March. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japan-eyes-fresh-spending-package-cushion-blow-fuel-spike-2022-03-23/> (дата обращения: 01.10.2024).
741. *Yeung W.Y.* China's Approach to the Institutionalization of Trilateral Economic Cooperation // *East Asia*. 2021. Vol. 38. Pp. 207–223. <https://doi.org/10.1007/s12140-021-09357-y>
742. *Yoon Y.-S.* China's Invasion of Taiwan Estimated to Cost the World US\$2.61tn // *Business Korea*. 2022. 3 August. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=97817> (дата обращения 01.10.2024).
743. *Yoshino N., Taghizadeh-Hesary F.* Three Arrows of 'Abenomics' and the Structural Reform of Japan: Inflation Targeting Policy of the Central Bank, Fiscal Consolidation, and Growth Strategy / ADBI. Working Paper No. 492. 2014. 21 p. URL: <https://www.adb.org/publications/three-arrows-abenomics-and-structural-reform-japan-inflation-targeting-policy-central> (дата обращения: 16.08.2024).

744. *Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M.* An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model / United Nations; World Trade Organization. 2016. 137 p. <https://doi.org/10.30875/abc0167e-en>
745. Youth Unemployment Rate for China / FRED. 2023. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/SLUEM1524ZSCHN> (дата обращения: 01.10.2024).
746. *Yu H.* Infrastructure Connectivity and Regional Economic Integration in East Asia: Progress and Challenges // *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2017. Vol. 1. Issue 1. Pp. 44–63. <https://doi.org/10.24294/jipd.v1i1.21>
747. *Zhai F., Lee J.Y.* Prospects for China's Long-Term Growth amidst Population Aging / AMRO. 2023. 12 p. URL: https://amro-asia.org/wp-content/uploads/2023/12/AN_Chinas-Long-term-Growth-Prospect-2023-12-14_amended.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
748. *Zhan J.X.* GVC Transformation and a New Investment Landscape in the 2020s: Driving Forces, Directions, and a Forward-Looking Research and Policy Agenda // *Journal of International Business Policy*. 2021. Vol. 4. Issue 2. Pp. 206–220. <https://doi.org/10.1057/s42214-020-00088-0>
749. *Zhang M.* The China-Japan-Korea Trilateral Free Trade Agreement: Why Did Trade Negotiations Stall? // *Pacific Focus*. 2019. Vol. 34. Issue 2. Pp. 204–229. <https://doi.org/10.1111/pafo.12142>
750. *Zhao L., Liu S., Zhang W.* New Trends in Internal Migration in China: Profiles of the New-Generation Migrants // *China & World Economy*. 2018. Vol. 26. Issue 1. Pp. 18–41. <https://doi.org/10.1111/cwe.12227>
751. *Zhao M.* Moving to 'Bei-Shang-Guang'? Internal Migration, Local Hukou Barriers and Labour Market Outcomes among College Graduates in China // *Population, Space and Place*. 2023. Vol. 29. e2651. <https://doi.org/10.1002/psp.2651>
752. *Zhou Y., Dahal S.* Has R&D Contributed to Productivity Growth In China? The Role of Basic, Applied and Experimental R&D // *China Economic Review*. 2024. Vol. 88. 102281. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2024.102281>
753. *Zhu X.* China's Productivity Challenge / University of Toronto, Department of Economics. Working Paper No. 771. 2024. 24 p. URL: <https://www.economics.utoronto.ca/public/workingPapers/tecipa-771.pdf> (дата обращения: 01.10.2024)
754. *Zhu Y., Lin L., Li T., Dong Y.* The Validity and International Comparability of China's Floating Population Concepts and Data // *Journal of Geographic Science*. 2023. Vol. 33. Pp. 1815–1831. <https://doi.org/10.1007/s11442-023-2154-2>
755. *Zipser D., Seong J., Woetzel L.* Five Consumer Trends Shaping the Next Decade of Growth in China // *McKensy & Company*. 2021. 11 November. URL: <https://www.mckinsey.com/cn/our-insights/our-insights/five-consumer-trends-shaping-the-next-decade-of-growth-in-china> (дата обращения: 30.10.2024).
756. *Zolboo D.* Concept of Mongolia's Foreign Policy // *Mongolian Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 20. Pp. 141–148.

Научное издание

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

Ответственный редактор:
доктор экономических наук
Дмитрий Александрович Изотов

Рецензенты:
доктор экономических наук *А.С. Булатов*
доктор экономических наук *В.С. Осипов*

Ответственная за выпуск – *Л.А. Самохина*
Оригинал-макет – *В.В. Червонцева*

Сдано в набор 29.11.2024. Подписано в печать 20.12.2024.
Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 32.

Институт экономических исследований ДВО РАН.
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, www.ecrin.ru.